

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

3

2017

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

2017 **Том 23**

№ 3
Июль – Сентябрь

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2017 **Volume 23**

№ 3
July – September

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

TAT'YANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 9 Любимцев Ю.Н.**
Цели и способы организации
Афинского морского союза. Часть 1
- 14 Гладков А.К.**
«В согласии с природным состоянием
и божественным установлением...»: толкование
«ius naturale» в английской политической мысли
конца XIII –первой половины XIV вв.
- 18 Майоров А.А.**
Территориальные группировки вятичей VIII–XII вв.
- 22 Чекулаев Н.Д., Абдусаламов М.Б.**
Система обеспечения гарнизонных войск
крепости Святого Креста (1722–1735 гг.)
- 25 Мутиева О.С.**
Социальная поддержка женщин-вдов
в годы Кавказской войны (на примере Дагестана)
- 28 Петровичева Е.М., Харитонов С.С.**
Политико-правовые взгляды
народника И.Н. Харламова
- 32 Абехтикова М.Б.**
Численность и социальный состав учащихся
духовных учебных заведений Русской
православной церкви на рубеже XIX–XX вв.
- 35 Азаматова Г.Б.**
Организация земской школы
в конце XIX – начале XX вв.:
материально-бытовой аспект
- 38 Димони К.О.**
Опубликованные источники по истории
традиционной транспортной системы Вологодской
губернии второй половины XIX – начала XX века
- 43 Левин В.И.**
Заболевания железнодорожников и борьба
с эпидемиями в конце XIX – начале XX века
- 46 Фортунатов В.В.**
Размышления последнего царского министра
путей сообщения Э.Б. Войновского-Кригера
о революции в России
- 51 Сазонов Д.И. (Прог. Дмитрий Сазонов)**
Развитие приходской общинной жизни
в Русской Православной Церкви и ее особенности
с 1918 по 1988 годы
- 56 Новиков Е.А.**
К вопросу об историографии
кустарной промышленности в России
- 59 Панкратова О.Б., Писанов С.С.**
Государственная политика по лишению
избирательного права крестьянства
в 20–30-е годы XX века
- 64 Орлова А.С.**
Образ «внутреннего врага» в киноискусстве 1941–
1945 гг. как отражение идеологической политики
советского государства (на материале художествен-
ных фильмов о Великой Отечественной войне)
- 69 Ионова Е.Н.**
Обсуждение вопроса терминологического опре-
деления латиноамериканцев в государственных
структурах США
- 73 Майорова Н.С.**
Образ Наполеона на страницах
школьных учебников

CONTENTS

ARCHAEOLOGY AND HISTORICAL SCIENCES

- 9 Yu.N. Lyubimtsev**
Purposes and ways of organising
the Delian League (part 1)
- 14 A.K. Gladkov**
«In accord with natural condition
and God's law»: «ius naturale» interpretation
in English political thought
in the late 13th to early 14th centuries
- 18 A.A. Mayorov**
The Vyatichi territorial groups in the 8th to 12th centuries
- 22 N.D. Chekulayev, M.B. Abdusalamov**
The True Cross fortress garrison
troops supply system (1722—1735)
- 25 O.S. Mutiyeva**
Social support of female widows during
the Caucasian War (in terms of Dagestan)
- 28 Ye.M. Petrovicheva, S.S. Kharitonov**
Political-legal views
of Ivan Kharlamov, a Populist
- 32 M.B. Abekhtikova**
The Russian Orthodox Church spiritual educational
institutions students' strength and social composition
at the turn of the 19th—20th centuries
- 35 G.B. Azamatova**
Organisation of Zemstvo schools
in the late 19th—early 20th centuries:
concerning morals and manners as well as funds
- 38 K.O. Dimoni**
Published historical sources about the history
of traditional transport system of Vologda province
in the second half of the 19th—the early 20th centuries
- 43 V.I. Levin**
Railroad workers' diseases of and struggling
to contain epidemics
- 46 V.V. Fortunatov**
Reflections of the last Tsarist communication lines
minister Eduard Kriger-Voynovsky
on Russian revolution
- 51 D.I. Sazonov**
Development of parish community life
in the Russian Orthodox Church
and its features from 1918 to 1988
- 56 Ye.A. Novikov**
Historiography
of handicraft industry in Russia
- 59 O.B. Pankratova, S.S. Pisanov**
State policy aimed
at disfranchisement of peasantry
in the 1920s to 1930s
- 64 A.S. Orlova**
The image of the «internal enemy» in 1941—1945
cinema as a reflection of the ideological policy of the
Soviet state (in terms of feature films about the World
War II East Front)
- 69 Ye.N. Ionova**
Discussions of a terminological definition
of Latin Americans in American
public authorities
- 73 N.S. Mayorova**
Image of Napoléon Bonaparte
in the school textbooks

- 77 **Горлова Н.И.**
Современные тенденции развития института волонтерства в России
- 81 **Данюк Н.С.**
Российская Федерация как объект реализации «цветной революции» в контексте внешнеполитических подходов США

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 88 **Светлакова О.А.**
Эпическое и идиллическое в пародийном мире «Обитатели ревности» Сервантеса
- 93 **Васильева Е.Н.**
Братья Гуаско и франкоязычные издания «Сатир» Кантемира
- 99 **Романова К.С.**
Рецепция культурных и религиозных реалий Востока в путевых очерках Теофиля Готье «Константинополь» и И.А. Бунина «Тень птицы»
- 103 **Шишкова И.А.**
Этикет викторианского мироустройства в произведениях Шарлотты Мэри Янг
- 107 **Мазова Е.В.**
Старинная шотландская баллада «Томас-рифмач» в зеркале романа А.С. Байетт «Детская книга»
- 111 **Цао Сюэмэй, Дефье О.В.**
Образ и мотивы «китайского ума» в произведениях русских писателей XVIII века
- 116 **Шаталова О.В.**
Классическая фразеология и грамматика как компонент языковой личности А.С. Пушкина
- 120 **Тихомиров В.В.**
Научная и социокультурная рецепция пьесы-сказки А.Н. Островского «Снегурочка» в XX и начале XXI веков
- 126 **Алферова О.А.**
Л.Н. Толстой и Ф.А. Страхов
- 131 **Кучина Т.Г.**
Б. Пастернак и В. Маяковский в системе интертекстуальных связей лирики Б. Ахмадулиной
- 135 **Виноградов А.С.**
Звук в мифопоэтическом пространстве раннего Б. Пастернака
- 139 **Громатикополо Д.С.**
Риторическая система соцреализма и советская поэзия
- 145 **Тюленева Е.М.**
К вопросу о внутренних процессах в авторском сверхтексте Саши Соколова. Статья 1: Трансформация мотива
- 150 **Карагаев Р.Ю.**
Последствия перехода России на цифровое вещание для регионального ТВ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 155 **Разумов Р.В.**
Меморативы писателям, поэтам и литературным критикам в системах урбанонимов Российской Федерации
- 160 **Катынская М.В., Замятина А.В.**
К вопросу о комплексном подходе к изучению политической публичной речи

- 77 **N.I. Gorlova**
Modern trends of the institute of volunteerism in Russia
- 81 **N.S. Danyuk**
The Russian Federation as an object of a «colour revolution» scenario in the context of the US foreign policy approaches

SCIENCE OF LITERATURE

- 88 **O.A. Svetlakova**
Epic and idyllic in mock world of «The House of Jealousy» by Cervantes
- 93 **Ye.N. Vasil'yeva**
Di Guasco brothers and French editions of «Satyres» by Antioh Cantemir
- 99 **K.S. Romanova**
Perception of Oriental cultural and religious realities in travel sketches «Constantinople» by Pierre Jules Théophile Gautier and «Bird's Shadow» by Ivan Bunin
- 103 **I.A. Shishkova**
Victorian world etiquette in the writing of Charlotte Mary Yonge
- 107 **Ye.V. Mazova**
Old Scottish ballad «Thomas the Rhymer» through the prism of the novel «The Children's Book» by A.S. Byatt
- 111 **Cao Xuemei, O.V. Def'ye**
The image and motifs of «China brain» in works of Russian writers of the XVIII century
- 116 **O.V. Shatalova**
Classical phraseology and grammar as Alexander Pushkin's language personality component
- 120 **V.V. Tikhomirov**
Scientific and sociocultural reception of the fairytale play «The Snow Maiden» by Alexander Ostrovsky in 20th and early 21st centuries
- 126 **O.A. Alferova**
Leo Tolstoy and Fyodor Strakhov
- 131 **T.G. Kuchina**
Boris Pasternak and Vladimir Mayakovsky in Bella Akhmadulina's lyrical system of intertextual connections
- 135 **A.S. Vinogradov**
The sound of the mythopoetic space in early creative works by Boris Pasternak
- 139 **D.S. Gromatikopolo**
Socialist Realism rhetoric system and Soviet poetry
- 145 **Ye.M. Tyuleneva**
To the issue of internal processes in the author's supertext of Sasha Sokolov. Article 1: Transformation of the motive
- 150 **R.Yu. Karatayev**
Consequences of Russia's conversion to digital broadcasting for the regional TV

SCIENCE OF LANGUAGE

- 155 **R.V. Razumov**
Personal memoratives to writers, poets and literary critics in urbanonymic systems of the Russian Federation
- 160 **M.V. Katynskaya, A.V. Zamyatina**
The issue of complex approach to political public speech

- 166 Попова Т.Г., Степанов С.А., Полубоярова М.В.**
Терминологическое содержательное значение
- 169 Саушева Е.В.**
Роль языковой картины мира
в процессе коммуникации
- 171 Алхастова З.Р.**
Словари цитат в английской
писательской лексикографии
- 175 Гальченко А.О., Станчуляк Т.Г.**
Гендерные особенности эмоционально-оценочной
лексики рекламных текстов с позиций перлокутив-
ного подхода (на материале английского языка)
- 180 Дреева Д.М., Отрошенко А.И.**
Видовременные формы английского глагола
в контексте перевода (на примере первой главы
Евангелия от Луки Библии Уиклифа и Тиндейла)
- 185 Волкова Е.Б., Ременникова И.А.,
Вечеринина Е.А.**
Сравнительный анализ распространительных
присубстантивно-атрибутивных сложноподчинён-
ных предложений в научном стиле русского
и романо-германских языков (на материале произ-
ведений математического цикла)
- 190 Попутникова Л.А., Тампей В.П.**
Анализ структуры и особенностей
формирования кинологической
терминологии в немецком языке
- 195 Купцов А.Е.**
Усилительные частицы как средство маркирования
темы в испанском и русском предложении
- 198 Лупанова Е.В.**
Фразеологизмы военной тематики
как средство создания положительного образа
представителя армейского социума США
- 202 Нечаева Н.А.**
Субъективные факторы
интеграционных процессов в языке экономики
- 209 Мингалева О.В.**
Метафорические модели политического дискурса
- 211 Громова Н.С.**
Вербальный экстремизм:
к вопросу о границах термина
- 215 Федулова М.Н.**
Динамический характер юридического дискурса
- 218 Калегин С.Н.**
Глаголы и отглагольные образования
как синтаксическая основа текста
- 223 Маслеников С.В.**
Ономастическое пространство
в исторических произведениях А.Н. Островского
- 227 Любимова С.Е.**
Поэтонимы в произведениях научной фантастики:
особенности структуры и семантики
(на материале романов А.Н. Толстого, А.П. Беляева,
Г.Б. Адамова, Ю.А. Долгушина)
- ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- 230 Коваленко Т.С.**
Влияние российского опыта организации
судебной системы на судоустройство
Луганской Народной Республики
- 234 Бабичева Н.А.**
Признаки государственности в контексте
признания Луганской Народной Республики
международным сообществом
- 166 T.G. Popova, S.A. Stepanov, M.V. Poluboyarova**
Terminological intensional
- 169 Ye.V. Sausheva**
The role of linguistic picture of world
in the process of communication
- 171 Z.R. Alkhastova**
Dictionaries of quotations
in English writers' lexicography
- 175 A.O. Gal'chenko, A.O. Stanchulyak**
The perlocutionary approach to the gender-based
specifics in the emotional and evaluative vocabulary
usage in advertisement texts
- 180 D.M. Dreyeva, A.I. Otroshenko**
English tense forms as seen in the context of transla-
tion (exemplified by the first chapter of the gospel of
Luke in John Wycliffe and William Tyndale)
- 185 Ye.B. Volkova, I.A. Remennikova,
Ye.A. Vecherinina**
Comparative analysis
of attributive complex sentences
with non-defining relative clauses in Russian
and Romance-and-Germanic languages
(on the material of mathematical works)
- 190 L.A. Poputnikova, V.P. Tampey**
Analysis of structure and features of formation
of canine-research or K9 terminology
in the German language
- 195 A.Ye. Kuptsov**
Intensifying particles as means of topic labeling
in a Spanish and a Russian sentence
- 198 Ye.V. Lupanova**
Military phraseological units as means of creating
a positive image of the representative
of the US military society
- 202 N.A. Nechayeva**
Subjective factors of integration processes
in the language of the economy
- 209 O.V. Mingaleva**
Metaphorical models of a political discourse
- 211 N.S. Gromova**
Verbal extremism:
the problem of the boundaries of the term
- 215 M.N. Fedulova**
Dynamic character of a discourse
- 218 S.N. Kalegin**
Verbs and verbal formations
as the syntactic basis of the text
- 223 S.V. Maslennikov**
Onomastical space in historical pieces written
by Alexander Ostrovsky
- 227 S.Ye. Lyubimova**
Anthroponyms created by science fiction authors:
semantics and structure peculiarities (in terms of novels
by Aleksey Tolstoy, Alexander Belyaev,
Grigory Adamov, Yuriy Dolgushin)
- JURAL SCIENCES**
- 230 T.S. Kovalenko**
Influence of Russian experience
in organising judicial system on the judiciary
of Lugansk People's Republic
- 234 N.A. Babicheva**
Signs of statehood in the context
of the recognition of the Lugansk People's Republic
by the international community

- 239 Грачева А.М.**
Несовершенство международного
и российского законодательства о статусе беженцев
- 241 Жданов С.П.**
К дискуссии о научной основе участия специалиста
в правоохранительной деятельности
- 250 Бекренев П.Ю.**
Принцип самостоятельности местного
самоуправления: современное состояние
и перспективы вопроса
- 253 Осипов Д.А.**
О правах и обязанностях представителя
органа законодательной власти субъекта
Российской Федерации в межпарламентском
объединении (ассоциации)
- 258 Сироткин А.Г.**
Имущественные права личного характера
в российском гражданском праве
- 261 Трухина М.Л.**
Краткая характеристика
основных видов ипотеки в Германии
- 264 Кравцов А.С.**
Проблемы совершенствования
административно-деликтного законодательства
в условиях информационного общества
- 268 Кафиатулина А.В.**
Лишение права занимать определенные должности
или заниматься определенной деятельностью:
проблема сроков
- 273 Павлюков В.В.**
Правовые и организационные основы
использования единой
информационно-аналитической системы в ОВД
- 276 Чапайкина И.Г.**
Эволюция институтов местного самоуправления
России во второй половине XIX в.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 282 Петелин Б.В.**
Неравная борьба
- 285 Андреева В.Г.**
Творческое наследие
А.С. Пушкина и «гений меры»
второй половины XIX века

288 SUMMARY

305 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

- 239 A.M. Grachyova**
The imperfection of international
and Russian legislation on the status of refugees
- 241 S.P. Zhdanov**
On discussion about a specialist's participation
in law enforcement
- 250 P.Yu. Bekrenyov**
The implementation of the principle
of independence of local government
(financial and legal aspects)
- 253 D.A. Osipov**
On the rights and duties of commissioner
of legislative authority of constituent entity
of the Russian Federation
in interparliamentary association
- 258 A.G. Sirotkin**
Property rights of a personal nature
in the Russian civil law
- 261 M.L. Truhina**
Brief description of the main types
of mortgages in Germany
- 264 A.S. Kravtsov**
Problems of perfecting
of administrative-delinctual legislation
in the conditions of information society
- 268 A.V. Kafiatulina**
Deprivation of the right
to occupy certain positions or engage
in certain activities: the problem of timing
- 273 V.V. Pavlyukov**
The legal and organizational bases of using
a unified information-analytical system
in the internal affairs agencies
- 276 I.G. Chapaykina**
Evolution of the local government institutions
in Russia during the second half of the 19th century

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

- 282 B.V. Petelin**
The unequal fight
- 285 V.G. Andreyeva**
Alexander Pushkin oeuvre and being genius enough
«to know where to stop» in the second half
of the 19th century

288 SUMMARY

305 REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

ЦЕЛИ И СПОСОБЫ ОРГАНИЗАЦИИ АФИНСКОГО МОРСКОГО СОЮЗА.

Часть 1

В данной статье речь идет о процессе создания Афинского морского союза и превращения последнего в Афинскую империю (архэ). Внешняя политика государств на протяжении всей истории связана с организацией союзов, в частности военных. Эти союзы создаются с определённой целью. Так, в V в. до н. э. Афины создали союз для сдерживания Персии. В статье рассматриваются отношения между Афинами и союзными полисами. Особое внимание уделяется военным операциям Афин на первом этапе существования Делосской лиги (478–462 гг. до н. э.). В работе применяются такие методы исторического исследования, как метод диахронического анализа и историко-системный метод.

Ключевые слова: Афинский морской союз, восстания союзников, Эйон, Скирос, Каристий.

Одним из основных событий, явившихся точкой отсчета на пути к началу Первой Пелопоннесской войны, является, вероятно, объединение части греческих полисов, преимущественно ионийских, вокруг Афин на о. Делос [8, I. 96]. Само создание Делосской лиги является дискуссионным вопросом. Что привело к ее возникновению? Как получилось, что в условиях гегемонии Спарты в Греции в рамках Эллинского союза была создана альтернативная Лакедемону организация? Древние историки Фукидид, Исократ, Ксенофонт утверждают, что Делосская лига была создана в результате решения членов этой лиги принять афинскую гегемонию [8, I, 96; 3, О мире, 30, Панег., 72, Панаф., 67; 4, История Греции, 6. 5. 34]. С точки зрения Фукидида, Афины получили гегемонию над союзниками по желанию последних и вследствие ненависти союзников к Павсанию [8, I, 96, 1]. По мнению Ксенофонта, сами спартанцы одобрили принятие союзниками Афин морской гегемонии афинян. Аристотель оспаривает это мнение: с его точки зрения, афиняне сами устанавливали гегемонию, без одобрения Лакедемона [1, Аф. Пол., 23. 2]. Таким образом, среди источников нет единого мнения о причинах успеха данного проекта: была ли Делосская лига реализацией желаний некоторых греческих полисов, результатом силового давления со стороны Афин на часть греков или просто замыслом Афин. Нет среди историков и единой позиции о реакции Спарты на данное событие: сильно ли встревожилось собрание на о. Делос Лакедемон или нет.

Делосская лига, как известно, была создана для продолжения борьбы против персов с целью освобождения греков от персидского господства. Лига ставила перед собой определенные задачи: 1) отомстить варварам за причиненные ими бедствия путем опустошения персидских земель [8, I. 96. 1], 2) освободить греков, которые еще находились под персидским игом [8, III. 10. 3]. Исходя из этого очевидно, что многим греческим полисам, особенно тем, которые подверглись разорению в ходе вой-

ны с персами, были близки эти цели¹. Этим целей можно было добиться, только объединив усилия. Примерами такого объединения сил являлись совет на Самосе [8, IX, 106], а также осада и взятие Сеста ионянами [2, IX, 114–121] в 479–478 гг. до н. э. Все эти события были напрямую связаны с войной против персов, являлись ее элементами, поэтому позиция Е. Мейера о том, что основание Делосской лиги является кульминацией афинского плана по созданию империи, который начал реализовываться не позже 481 г. до н. э. [20, s. 405 ff], можно рассматривать как приемлемую точку зрения. С другой стороны, надо учитывать позицию союзных греческих полисов, без которых никакого Афинского морского союза не было бы [19, p. 44]. Из этого следует вопрос автономности полисов, их самостоятельности. Какие же отношения между Афинами и их союзниками были в Делосской лиге? Как она была устроена?

Из сообщения Фукидида [I. 96-7. 1] известно, что после отставки от управления эллинским флотом Павсания афиняне получили гегемонию по желанию своих союзников. Как было сказано выше, целью их объединения была война против персов. Делосская лига, как известно, получила свое имя по названию острова Делос, где находилась казна лиги. В 478–477 гг. до н. э. Аристид назначил Делос общественной сокровищницей и призвал союзников сдать на хранение туда все деньги, которые они собрали, а также платить ежегодно подать (форос), которая рассчитывалась сообразно возможности полиса. Полисы, входившие в союз, делали ежегодные взносы в казну лиги. Налог нужен был для строительства флота и продолжения войны против персов [5, XI. 47]. В собрании на Делосе был учрежден институт эллинотамиев, которые собирали форос со всех полисов. Сборщики налога были афинянами, однако формально они избирались синодом лиги, то есть в их избрании принимали участие союзные полисы. Полис мог поставлять корабли, людей или платить деньги. Слабые полисы выбирали форос. Каждый полис должен был

платить ежегодно 460 талантов в казну. Сильные полисы предпочитали поставлять корабли, людей. Кэген замечает, что для тех, кто делал такой выбор, нагрузка поставок была жестче [17, р. 44]. Многие союзники изменяли мнение «от кораблей к деньгам» [8, I. 99. 3]. Те, кто платил деньги, получал протекцию Афин. По мнению Кэгена, это привело к централизации власти в лиге и изменило природу союза [17, р. 44]. Вероятно, это привело к тому, что в 454–453 гг. до н. э., с переносом общесоюзной казны из Делоса в Афины, финансовая столица лиги была перемещена. Может быть, главной причиной переноса казны было поражение Афин в Египте, так как восстание египтян было подавлено персами.

Другой историк, Коннор, анализирует сообщения Фукидида [I.18.3-19; VII.28.3] и делает вывод, что по мнению последнего афиняне успешно развивались и вели войны, потому что они правильно использовали финансы, правильно организовали финансовую систему. Ученый замечает, что для Фукидида важен не столько факт, что Афины проиграли Пелопоннесскую войну, а то, насколько они были сильны, хорошо подготовлены. Денежная дань, взимаемая с союзников, сделала боевую подготовку афинян значительнее. Во время экспедиции Афин в Сицилию и Декелейской войны афиняне грамотно реформировали систему налогообложения; испытывая нужду в деньгах, они заменили форос на пошлину, составлявшую 5% стоимости всех предметов, провозимых морем, от чего их доходы увеличились. Афины смогли удержаться от быстрого поражения, хотя многие эллины в начале войны предполагали, что в случае вторжения пелопоннессцев в Аттику афиняне продержатся самое большое три года [9, р. 34]. Афиняне, с моей точки зрения, не проиграли быстро войну еще и потому, что в Афинах до и во время Пелопоннесских войн были проведены важные государственные реформы Эфиальта и Перикла, которые ознаменовали победу радикальной демократии. Демос, ремесленники и крестьяне, выступавшие за власть большинства, организованного в народное собрание, победили крупную земельную аристократию, ориентированную на Спарту.

Это выразилось, в частности, в реформах Эфиальта 462 г. до н. э., в ходе которых Ареопаг как крупный консервативный центр власти, состоящий из аристократов, был почти лишен политических функций, за ним осталось разве что право отправлять религиозные церемонии. Эфиальт организовал судебный процесс над коррумпированными ареопагитами, тем самым он устранил от власти тех, кто потенциально мог организовать проспартанский олигархический переворот в Афинах. Эфиальт отнял у Ареопага право налагать вето на постановления народного собрания и передал его народному суду (гелиэе). Поскольку в гелиэю

могли быть избраны представители всех четырех классов, он укрепил политические позиции афинских бедняков, служащих во флоте, на который в первую очередь рассчитывало афинское государство в войне против Спарты. Эфиальт также отнял у Ареопага право контроля за должностными лицами и надзора за исполнением законов и передал ее гелиэе, Совету пятисот и народному собранию. Законодатель усложнил систему отчетов должностных лиц по истечению их полномочий, предоставив демосу право непосредственного контроля за деятельностью должностных лиц, тем самым Эфиальт уменьшил коррупцию в Афинах.

Реформы Перикла, бесценно избравшегося стратегом с 444/43 по 429 гг. до н. э., тоже способствовали укреплению афинской демократии и тому, что она не проиграла так быстро войну, как предполагали многие греки. В частности, это введение Периклом оплаты должностных лиц, что дало возможность принимать участие в делах государства малообеспеченным афинянам, а также поддержка стратегом афинского флота, что благоприятствовало развитию нижнего и среднего класса афинского общества и делало Афины значительной альтернативной силой Лакедедону в Элладе.

В Делосской лиге союзники заключали договоры с Афинами как полисом-гегемоном и между собой. Они давали клятву иметь общих друзей и врагов [1, Аф. Пол. 23. 5]. Нерушимость союза закреплялась церемонией бросания железа в море, символизировавшей, что союз будет до тех пор, пока грузы не всплывут со дна моря [1, Аф. Пол., 23. 5; 7, Арист., 25. 1]. Нападение на какого-либо члена лиги расценивалось как нападение на лигу. Все полисы имели равные голоса при голосовании на собраниях лиги.

В историографии, как правило, не представлены крайние точки зрения о самостоятельности полисов в Афинском морском союзе, так как очевидно, что абсолютной автономии, также как и абсолютного подчинения, быть не могло, города действовали в определенных правилах. Есть мнения, согласно которым полисы в лиге были более или менее автономны. К примеру, Сен-Круа полагает, что в Делосской лиге был гегемон, Афины, но никто из полисов не мог навязывать другому, как вести внешнюю политику [11, р. 300]. На наш взгляд, это не совсем так, потому что повестка дня была навязана в момент основания союза, и это было сделано добровольно самими афинянами и их союзниками – это была война против Персии. Похожая, но отличная точка зрения дана Глоцем и Коэном, которые полагают, что в Делосской лиге не было хозяев и подчиненных, а были объединившиеся ради реализации общего интереса сотрудники. Гегемония же Афин обеспечивала покой союзникам [14, р. 117].

Эта позиция перекрещивается с позицией другого ученого, Мейгса, которая заключается в том,

что некорректно говорить, что города пошли на союз с афинянами на равных условиях, об этом не шло и речи. Вопрос заключался в сохранении свободы или порабощении этих городов персами. Поэтому полисы нуждались в постоянной помощи, которую им могли оказать Афины, и заключили с ними союз. Таким образом, ничего удивительного нет в том, что Афины назначали своих казначеев и главнокомандующих [19, р. 44–45]. По мнению ученого, у союзников не было автономии, доказательством чему служит отсутствие формальных клятв, подтверждающих, что она была в условиях договора. Вместе с тем Мейггс пишет, что сохранение автономии при заключении договора рассматривалось союзниками как нечто само собой разумеющееся [19, р. 45–46].

У Глоца, Коэна и Мейггса обозначена проблема самостоятельности полисов в союзе в контексте его смысла и цели. Действительно, нельзя рассуждать об автономии того или иного политического субъекта, являющегося частью некоего большего объединения, не затрагивая вопрос, ради чего вообще существует это объединение. Если исчезает этот вопрос, то вскоре исчезает и сам союз. Афины были единственной надеждой ионян и геллеспонтян в противостоянии персам, потому что Лакедемон отошел от дел после отражения персидского нашествия 480 г. до н. э. и фактически прекратил борьбу против Персии. Доказательством этому может служить речь митиленян, которые, выступая перед лакедемонянами в Олимпии, заявили, что союз Митилены и Афин начался тогда, когда спартанцы устранились от участия в Персидских войнах, а афиняне продолжали борьбу до конца [8, III, 10]. Медлительная Спарта, в отличие от Афин, не подходила на роль атакующего борца против варваров.

Союзные полисы имели право вето, могли голосовать на общих собраниях лиги. С этой точки зрения союзники были независимы. Однако, как отмечает Кэген, голоса были неравны. Система равных голосов работала в пользу Афин [8, III, 10; 17, р. 42]. Мощные Афины при голосовании оказывали давление на мелкие государства, а крупные полисы, такие как Самос, Хиос, Фасос, терпели поражение при голосовании, так как их было меньше, чем мелких полисов, а голоса были у всех равны [17, р. 43]. Союзники не могли объединиться, чтобы защитить себя из-за большого числа голосов [8, III, 10. 5].

При основании Делосской лиги союзники проявили инициативу, так как были заинтересованы в борьбе против персов. Ионийские полисы объединились вокруг Афин, чтобы противостоять Персидской монархии. Это был взаимовыгодный договор. Дальнейшее развитие событий показывает, что союзники переложили ответственность за это противостояние с себя на Афины и де-факто

потеряли политический вес в лиге [8, I, 97]. Но этому посодествовали и афиняне. Попытки выйти из лиги сурово карались Афинами, рассматривались как восстания. В качестве примеров можно привести карательные походы Афин на Эйон, Скирос, Эвбею, Фасос [8, I, 98, 100].

Поход на Эйон под руководством Кимона состоялся осенью 477 г. до н. э. Поход примечателен тем, что это была первая операция Делосской лиги. Он являлся первым испытанием Афинского морского союза на практике в соответствии с целью организации. Экспедиция окончилась успехом. Эйон был освобожден от персов, его жители были обращены в рабов [8, I, 98. 1]. Кэген называет этот поход шагом к войне против Персии [17, р. 45]. Война против варваров продолжалась. Но субъект, который воевал против Персии, был другим. Если в 480 г. до н. э. Афины вели войну против персидского царя в составе Эллинского союза, в котором предводительствовала Спарта, то теперь ситуация была совсем иная. Афины создали собственную организацию из тех полисов, которые хотели дальше мстить Персии, а не довольствоваться простым отражением вторжения, как это сделала Спарта.

Во взятии Эйона важен географический момент². Эйон расположен в устье р. Стримон на южном побережье Фракии. Как сообщает Плутарх в жизнеописании Кимона (источник, где более подробно рассказывается об осаде Эйона, в этом районе еще оставались персы под предводительством царского военачальника Бута. Им помогали фракийцы, жившие за Стримоном и поставлявшие хлеб [7, Ким., VII]. И те и другие представляли реальную угрозу для греков, поэтому было решено снарядить экспедицию, чтобы нейтрализовать опасность. Конечно, это была не просто месть, но и выгодная операция, ведь у Плутарха сказано, что это место Кимон отдал афинянам под поселение³ [7, Ким., VII, 3]. Также фракийский берег был очень важен для афинян, как замечают, например, Коллет и Сили, потому что это делало безопасными поставки строевого леса из Македонии, в южной Фракии были серебряные рудники, а восточнее нее были Херсонес и пролив Геллеспонт, через который афиняне вывозили зерно из своих причерноморских колоний [21, р. 250; 18, р. 44]. В подтверждение тезиса о том, как был необходим Геллеспонт для Афин, ученый приводит еще одну запись Плутарха, где говорится о том, как Кимон всего лишь с четырьмя судами напал на персов в Херсонесе и захватил у них 13 судов. Кимон выбил персов с полуострова, подчинил весь Херсонес власти афинского государства и сделал безопасным его для Афин [7, Ким., XIV; 21, р. 250].

Как и следовало ожидать, афиняне на достигнутом не остановились. У Фукидида сказано, что врагами афинян были варвары [8, I, 97], а это значит – не только персы. Эгеида была населена ди-

кими и полудикими племенами, которые часто тревожили цивилизованные народы Эллады своими «укусами». Большой опасности они для Афин не представляли, но могли нанести значительный урон афинской морской торговле. Вероятно, поэтому следующей целью афинян был Скирос. Нападение на Скирос было совершено в этом же году под предводительством того же Кимона [8, I. 98. 2]. Остров в Эгейском море был населен долопами, полудиким народом. Афиняне захватили остров, его жителей обратили в рабов. Как отмечает Кэген, союзники были довольны результатами похода. Долопы были пиратами. Победа Афин означала освобождение от пиратов в этой части Эгейского моря [17, р. 45; 7, Ким. 8. 3–6]. С точки зрения Глоца и Коэна, Дельфийская амфикиония решила наказать Скирос, потому что он досадил фессалийским торговцам [14, р. 121]. Афины тоже были заинтересованы в ликвидации пиратской угрозы, так как Скирос находится в северной части Эгейского моря, через которую афиняне получали продовольствие, зерно из своих колоний в Северном Причерноморье. Ученые рассматривают также геополитический аспект проблемы, который заключается в том, что Кимон занял выгодный пункт между Эвбеей и Геллеспонтом [14, р. 121; 6, с. 136]. Афиняне имели выгоду от похода, так как они основали на Скиросе клерухию. Это была первая клерухия при лиге [5, II. 60. 2]. Таким образом, афинянам удалось решить сразу несколько важных задач: 1) обеспечение безопасной торговли по морю, 2) помощь бедным малоземельным афинским гражданам, 3) занятие важной стратегической точки в Эгеиде.

Афинянам мешали не только варвары, но и те города, которые могли составить Афинам конкуренцию. При установлении гегемонии в Эгейском море афиняне никак не могли обойти о. Эвбею, большой по своим размерам, который к тому же лежал под боком у Афин. Поэтому, например, Глоц и Коэн полагают, что независимый Каристий был опасен для Афин [2, VIII, 66, 112, 121; 8, I, 98; 14, р. 128]. Поход против Каристия на о. Эвбея был совершен в 472–471 гг. до н. э., по утверждению Кэгена, потому что каристяне участвовали в прошлой войне на стороне персов [17, р. 45]. Это, должно быть, наименее убедительная причина, потому что известно, что афиняне не обращали внимание на то, были ли в союзе против персов те или иные полисы или нет, если это касалось их жизненно важных интересов. Тут следует привести пример, когда Фемистокл сделал так, чтобы фессалийцы, аргосцы и фиванцы не были исключены из собрания Дельфийской амфикионии, на чем настаивали спартанцы, поскольку исключение Фессалии, Аргоса и Фив сделало бы господами спартанцев в Дельфийской амфикионии, что противоречило интересам Афин [7, Фем., 20]. Скорее всего, как, к примеру, Гомм, Глоц и Коэн, Строгецкий счита-

ют, поход был для того, чтобы присоединить Каристий к Делосской лиге [15, V, I, р. 281–282; 14, р. 128; 6]. Каристяне не были поддержаны эвбейцами, каристяне сдались на условиях Афин [8, I. 98. 3]. Кэген замечает, что Каристий был принужден платить налог деньгами, так как город извлекал выгоду от войны с персами и защиты от пиратов. Это решение было одобрено лигой [17, р. 45].

Примечания

¹ Впрочем, историки не ограничиваются выделением этих целей, которые преследовала Делосская лига. Например, Мейггс считает, что этого было бы явно недостаточно для того, чтобы сохранить единство Афинского морского союза на долгое время, и что банальной местию вряд ли можно объяснить клятвы на Делосе. В первую очередь, считает ученый, союзники стремились отстоять независимость, которую они завоевали, и освободить своих людей, которые еще находились под персидским игом [19, р. 47]. Более прагматичную позицию занимает в этом вопросе Сили, согласно которому целью Делосской лиги было получить как можно больше кораблей (Sealy R. Ehrenberg Studies // Meiggs R., The Athenian Empire. P. 47). В историографии также подчеркивается двойственность цели Афинского морского союза: с одной стороны, он был создан для продолжения войны против Персии, с другой – это был инструмент афинской внешней политики, доказательством чему служат военные операции союза сразу же после его основания [6, с. 131–132].

² На этот счет Мейггс говорит, что Эйон был слишком важен со стратегической точки зрения, чтобы просто так его оставить в руках местных племен [19, р. 68]. Строгецкий выделяет три причины нападения афинян на Эйон. Во-первых, побережье Фракии имело большое значение с экономической точки зрения, поскольку там имелся в изобилии корабельный лес, были золотые и серебряные рудники [2, V, 23; 8, I, 100, 2; 101, 3]. Во-вторых, там оставались персидские базы, с которых варвары могли организовать новое вторжение в Элладу [2, VII, 25]. В-третьих, афиняне конкурировали во Фракии с халкидянами [6, с. 134–136].

³ Мейггс комментирует это сообщение Плутарха в том смысле, что Эйон был занят афинянами. На это, как он считает, указывает и тот факт, что Эйон не платил форос [19, р. 68]. По мнению Коллет, это опровергает традиционную точку зрения о том, что был некий законный предимперский период в истории Афинского морского союза. Эйон стал колонией Афин, в подтверждение чего есть сообщение Плутарха о том, что Кимон установил в Эйоне каменные гермы [7, Ким., VII, 4–6]. Доказательством этому также служит сообщение Фукидида, правда, не из его рассказа о Пентаконтатии в I книге, где, собственно, и упоминается

осада Эйона, а из IV книги, где речь идет о событиях Архидамовой войны. Там говорится о походе спартанцев под руководством Брасида на Амфиполь, афинскую колонию на р. Стримон [8, IV, 102, 1, 2]. Фукидид делает отступление и рассказывает об основании полиса. Древний историк пишет, что данная колония была основана афиняном Гагноном, сыном Никия, который пришел из Эйона. А Эйон, как замечает Фукидид, служил афинянам приморским торговым портом [8, IV, 102, 3–4; 18, р. 46]. Однако, к примеру, Гомм, в отличие от Коллет, мало обращает внимания на последнее сообщение Фукидида. Гомм полагает, что Эйон был только торговым пунктом Афин (Gomme A.W., A Historical Commentary on Thucydides, III, Oxford, 1956 // Kallet L., Op. cit. P. 45).

Библиографический список

1. *Аристотель*. Политика. Афинская полития / пер. с др.-греч. С.И. Радцига. – М.: Мысль, 1997. – 343 с.
2. *Геродот*. История / пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко. – М.: Академический Проект, 2014. – 599 с.
3. *Исократ*. Речи. Письма: Малые аттические ораторы. Речи / изд. подг. Э.Д. Фролов. – М.: Ладомир, 2013. – 1074 с.
4. *Ксенофонт*. Греческая история / пер. с др.-греч. С.Я. Лурье. – СПб.: Алтейя, 1996. – 430 с.
5. *Сицилийский Диодор*. Историческая библиотека / пер. с др.-греч. В.В. Латышев и др. – Самиздат, 2012. – 750 с. – []
6. *Строгецкий В.М.* Афины и Спарта. Борьба за гегемонию в Греции в V в. до н. э. (478–431 гг. до н. э.). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 291 с.
7. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания / пер. с др.-греч. В.А. Алексеев. – М.: ОлмаМедиа-Групп: Просвещение, 2015. – 448 с.
8. *Фукидид*. История / пер. с древнегреч. Ф.Г. Мищенко. – М.: Академический Проект, 2012. – 557 с.
9. *Connor W.R.* Thucydides. – Princeton; N. J.: Princeton University Press, 1984. – 266 p.
10. *Cornford F.M.* Thucydides Mythistoricus. – London: E. Arnold, 1907. – 300 p.
11. *De Ste Croix G. E. M.* The Origins of the Peloponnesian War. – L.: Duckworth, 1972. – 444 p.
12. *De Ste-Croix G. E. M.* The Character of the Athenian Empire // *Historia: Zeitschrift fur Alte Geschichte*. – 1954. – Bd. III, H. 1. – S. 1–41.
13. *De Ste-Croix G. E. M.* The Class Struggle in the Ancient Greek World. – Cornell University Press, 1989. – 732 p.
14. *Glottz G., Cohen R.* La Grece au Veme siècle. – P.: Presses Universitaires de France, 1931. – 801 p.
15. *Gomme A.W.* A Historical Commentary on Thucydides: in 3 v. V. I, III. – Oxford: Clarendon Press, 1956. – 748 p.
16. *Hornblower S.* The Greek World 479-323 BC. – London; N. J.: Routledge, 2002. – 416 p.
17. *Kagan D.* The Outbreak of the Peloponnesian War. – Ithaca, 1969. – 420 p.
18. *Kallet L.* The Origins of the Athenian Economic Arche // *JHS*. – 2013. – № 133. – P. 43–60.
19. *Meiggs R.* The Athenian Empire. – Oxford: At the Clarendon Press, 1972. – 632 p.
20. *Meyer E.* Vorgeschichte und Grundung des Delisch-Attischen Seebundes // *Historia*. – 1963. – Bd. XII. – S. 405–446.
21. *Sealey R.* A History of the Greek city-states ca. 700-338 B. C. – University of California Press Berkeley, 1976. – 516 p.

Гладков Александр Константинович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва
gladkov2010@yandex.ru

«В СОГЛАСИИ С ПРИРОДНЫМ СОСТОЯНИЕМ И БОЖЕСТВЕННЫМ УСТАНОВЛЕНИЕМ...»: ТОЛКОВАНИЕ «IUS NATURALE» В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВВ.

В статье, посвященной исследованию социально-политических взглядов видного английского мыслителя, философа и богослова, принадлежавшего к ордену Францисканцев, Уильяма Оккама, преимущественное внимание уделяется созданной им классификации «естественного права». Данная типология, совмещающая, как будет показано в работе, юридические и теологические традиции, включает в себя три элемента. Первый – «естественное право» высшего порядка, рассматриваемое схоластом в контексте «Божественного права» и оцениваемого им в качестве абсолютного морального мерила, второй – «естественное право», присущее человеку до грехопадения, и третий – «естественное право», несущее печать первородного греха и получившее распространение среди людей лишь потому, что отвечает их низменным потребностям. Именно это мирское «естественное право» во многом определяет жизнь человеческого общества, ведь к нему люди апеллируют тогда, когда пытаются обосновать – вопреки «Божественному праву» – собственность и владение имуществом. Трехчастная иерархия «естественного права» позволяет оценить логику и систему аргументации Уильяма Оккама в вопросах социальных и политических, актуальных для Западной Европы конца XIII – первой половины XIV в.

Ключевые слова: средневековая политическая мысль, Уильям Оккам, естественное право.

Заметный вклад в развитие политической мысли не только средневековой Англии, но и Западной Европы в целом внес Уильям Оккам ([*Guillelmus de Ockham, William of Ockham*] ок. 1280–1347) – монах-францисканец («*Ordo Fratrum Minorum*»), богослов, философ-номиналист, логик, разносторонне одаренный мыслитель, которого еще при жизни одни прославляли, а другие, именуя «злостным еретиком-спиритуалом» и «врагом папы», – осыпали проклятиями.

Судьба схоласта сложилась не особенно благополучно: питомец Оксфордского университета, он достаточно быстро обрел славу «ученейшего из мужей», прозванного «*venerabilis inceptor*» («досточтимый зачинатель»), однако вскоре, уже после вступления в орден францисканцев (1314 г.), нажил могущественных недругов. Конфликт разразился в 1324 г., когда бывший (до 1322 г.) канцлер Оксфордского университета Иоанн Латтрельский (*Ioannis Luttrellensis, John Luttrell*) – приверженец консервативного течения томизма и обладатель, как отмечали современники, репутации «обличителя дурных нравов» – приехал в Авиньон, где тогда располагалась папская резиденция, и публично обвинил брата Уильяма в ереси [14, р. 2]. Вскоре Оккама, по навету недоброжелателя лишеного права преподавания в «*alma mater*», вызвали в курию для детального разбирательства: в Авиньоне он провел четыре года (с 1324 по 1328 г.) [3, р. 4–25; 4, р. 557–567; 7, р. 1–18; 8, р. 61–91].

Очевидно, однако, что «дело Оккама», на протяжении ряда лет рассматривавшееся специально созданной по инициативе понтифика комиссией (20-е гг. XIV в.), которая, тем не менее, так и не нашла доказательств отступления монаха-францисканца от католической веры, было лишь частью

более серьезной кампании. Иоанн Латтрельский сводил личные счеты с неугодным Уильямом, используя все доступные средства и, конечно, задействуя наиболее излюбленный прием – обвинение оппонента в ереси. Но из частного конфликта ситуация перешла в плоскость борьбы внутрицерковной, куда более масштабной. Оккам сблизился с генералом «*Ordo Fratrum Minorum*» Михаилом Чезанским (*Michele di Cesena, Michele Fuschi, Michael of Cesena*) – итальянцем по происхождению, фигурой одиозной, пользовавшейся огромным влиянием и авторитетом; именно он, встав во главе оппозиционного крыла внутри ордена францисканцев (т. н. «михаелиты»), выступил против попытки папы Иоанна XXII изменить сущность устава духовной корпорации. Как известно, в основе идеологической программы «*Ordo Fratrum Minorum*» лежит принцип апостольской бедности, согласно которому среди прочего, братья не имеют имущества и какой-либо собственности (то, что находится в их пользовании – лишь на время уступлено «*mater-ecclesia*»). Логика нищенствующего ордена была проста: существуя без зафиксированного в уставе и юридических документах положения о собственности, монахи могли соблюдать заветы своего отца-основателя – св. Франциска Ассизского. Однако римский понтифик усмотрел в этом очевидное несоответствие теории и практики, ведь в действительности францисканцы имуществом обладали, иными словами, с точки зрения главы церкви, имело место смыкание «пользования» («*usus facti*») и «владения» («*usus iuris*») собственностью. А раз так, то, как полагал Иоанн XXII, «*Ordo Fratrum Minorum*» необходимо признавать полноценным собственником материальных объектов, предоставленных «на время» церковью.

Вполне очевидно, что подобная позиция Св. Престола была встречена братией ордена весьма настороженно, ибо в папской инициативе справедливо усматривалась попытка реформирования духовной корпорации извне; более того, в 1323 г. Михаил Чезанский и его сторонники из числа монахов-францисканцев открыто осудили указанную инициативу понтифика. Дело усугубилось еще и тем, что приехав по призыву папы в Авиньон, генерал ордена оказался в ситуации, которую сейчас можно было бы назвать «информационной блокадой». Изоляция Михаила и его сподвижников давала шанс понтифику, с неудовольствием отметившему неповиновение францисканцев, подготовить почву для смещения неугодного поставления. Перспектива проведения капитула вынуждала как самого Чезанского, так и Оккама, который за время пребывания в Авиньоне успел с ним сблизиться, действовать: в мае 1328 г. [10, р. 9] они спешно покинули папскую резиденцию и отправились в курию Людовика Баварского (1330 г). Сам это факт, возмущивший Иоанна XXII и, как писали современники, «весь католический мир», лишь усугубил ситуацию: оказавшись в лагере злейшего врага папы и «антихристового приспешника» – императора Священной Римской империи, и, таким образом, в эпицентре противостояния сторонников двух лидеров, Оккам стал фигурой «*non grata*». Его не только отлучили от церкви (июнь 1328 г.), но и изгнали из ордена; тем не менее, это не помешало брату Уильяму, обосновавшемуся в Мюнхене и занявшемуся сочинением трудов на злободневные политические и социальные темы, обвинить самого Иоанна XXII в ереси. Обличению заблуждений понтифика, вступающих в противоречие с учением церкви, Оккам уделил много внимания, посвятив ряд трактатов, написанных в 30-е гг. XIV в.: «*Opus nonaginta dierum*», «*Compendium errorum papae Ioannis XXII*», «*De dogmatibus papae Ioannis XXII*», «*Compendium errorum papae Ioannis XXII*».

Оккам, как и большинство средневековых интеллектуалов, пользовавшихся покровительством влиятельных светских особ (а Людовик Баварский, несомненно, ему благоволил), отвечал патрону «добром на добро»: из-под пера схоласта вышло несколько трактатов («*Allegationes de potestate imperiali*», «*Octo quaestiones super potestate ac dignitate papali*», «*Tractatus de imperatorum et pontificum potestate*» и, особенно, т.н. «*Dialogus*»), обосновавших принцип фундаментального разделения функций «священства» и «царства», и на теоретическом уровне пресекавших, как отметил еще Артур МакГрейд, любые попытки папства притязать на мирские политические функции.

Вплоть до своей смерти в апреле 1347 г. брат Уильям принадлежал к числу сторонников Людовика Баварского и обличителей папства (не только Иоанна XXII, но и сменивших его Бенедикта XII

и Климента VI). Poleмический тон поздних сочинений Оккама, а также историографический «ореол мученика», пострадавшего от гонений со стороны Св. Престола, создали предвзятое представление о нем, как о яростном, непримиримом критике папства в целом. Это, безусловно, не совсем так: тексты Уильяма демонстрируют их персональную направленность, т. е. схоласт критиковал, преимущественно, лишь тех понтификов, которые придерживались еретических (с его точки зрения) воззрений Иоанна XXII (наиболее показательны в данном плане сочинения, названное автором «*Tractatus ostendens quod Benedictus papa XII nonnullas Ioannis XXII haereses amplexus est et defendit*»).

В обширном наследии мыслителя особняком стоят трактаты, освещающие магистральные для эпохи Средневековья социальные и политические проблемы: соотношение светской и духовной властей, понимание собственности, категорий «владения» и «пользования» ею, истолкование теории «полноты папской власти», сущности тирании и т. д.

Нередко через все эти темы, внешне различные, но внутренне находящиеся в тесной взаимосвязи, красной линией проходят рассуждения автора о «естественном праве» («*ius naturale*»). Придерживаясь в общих чертах устоявшейся издревле типологии «права», подразделяемого на «естественное», «цивильное» или «гражданское» («*ius civile*»), и «право народов» («*ius gentium*») см., например, данное деление у Исидора Севильского; автор «Этимологий» раскрывает содержание понятия «естественное право», характерного для всех: «*Ius naturale est commune omnium nationum, et quod ubique instinctu naturae, non constitutione aliqua habetur; ut viri et feminae coniunctio, liberorum succession et education, communis omnium possessio, et omnium una libertas, adquisitio eorum quae caelo, terra marique capiuntur*» [6, V. 4. 1]), Оккам обращает особое внимание на первое, пытаясь сформулировать и обосновать его внутреннюю трехчастную градацию [5, II. 3. 6; 9, р. 383–392; 12, р. 65–83; 13, р. 207–218; 14, р. 243–245].

«Естественное право» в первом – высшем – измерении является универсальной константой (и фактически сближается с «*principia communia*» Аквината [15, I-a–II-ae. Q. 91. Art. II ad 3]), ориентированной на всех живых существ, главным образом, людей, вне зависимости от их происхождения, сословной принадлежности, профессии, и запечатлевшей мистический замысел Бога. Даже если любые иные «права» могут быть в силу разных причин подвергнуты корректировке, то «*ius naturale*» – неизменно. Для объяснения вневременного характера «естественного права» францисканский мыслитель вводит категорию «естественного разума» («*...ius naturale illud quod est conforme rationi naturali...*» [5, II. 3. 6]), стремясь доказать факт существования фундаментальных этических норм и принципов

бытия, свойственных человеку с момента сотворения, заложенных в самой его природе, и не утраченных даже после грехопадения.

Созданные Богом «общие правила» (*«regulae generales»*) [5, II. 3. 6], «встроенные» Им в человека изначально и включенные в «естественное право», открыты для понимания с помощью «естественного разума». Он не способен ошибаться [5, II. 3. 6], ибо распознает с абсолютной точностью, что есть добро, а что – зло; это незамутненное *«ratio»* выступает в качестве универсального инструмента восприятия норм, запечатленных в человеческой природе. Хотя Оккам не пишет прямо, однако ход его рассуждений, в некоторых частях все же напоминающий построения Фомы Аквинского [15, I–II-ae. Q. 94. Art. I], подводит к закономерному выводу: «естественное право» в абсолютном смысле обнаруживает глубинную связь с «совестью» высшего порядка (*«synderesis»*) [1, с. 134].

Итак, «естественное право» в первичном измерении является универсальной морально-этической парадигмой (по выражению Э. Дженкинса), содержание которой раскрывается при помощи «естественного разума», т. е. оно в принципе может быть осмыслено. Употребляемое францисканцем понятие «естественного разума», как кажется, эквивалентно тому, а о чем писал Фома Аквинский, а именно – некоему «правильному» или «здоровому» разуму (*«recta ratio»*).

Внутреннее наполнение *«ius naturale»* во многом совпадает с тем, что зафиксировано в Священном Писании [5, II. 3. 6.]. Оккам пытается, и ему это, как кажется, вполне удается,строить «естественное право» в структуру «божественного», и тем самым автоматически освятить авторитетом Откровения все то, что присуще человеку, согласно природному установлению. «Естественное право» высшего порядка, постигаемое «естественным разумом», отражает, по мнению У. Оккама, состояние человеческой души, пребывавшей когда-то, т. е. до грехопадения, в «естественном состоянии». Однако события, последовавшие за нарушением Адамом и Евой воли Создателя, породили смуту среди их потомков, препятствующую в итоге ясному пониманию Истины. Люди утратили знание об идеальном бытии, основанном на незыблемости «высшей справедливости» (*«iustitia Dei»*, *«aequitas»*), и о том, что они обладают «естественным разумом». Именно поэтому всё, составляющее абсолютные и неизменные ценности, некогда известное, а ныне забытое, нашло – в доступной или сокрытой форме – отражение в Священном Писании (*«...ius naturale in scripturis divinis explicite vel implicite continetur...»*) [5, II. 3. 6.]. Оккам подчеркивает: «естественное право», олицетворяющее высший закон, есть по сути *«ius divinus»* (*«...ius naturale <...> licet in eis non inveniatur explicite sic ius divinus»*) [5, II. 3. 6.].

Если же *«ius naturale»* первого порядка абсолютно, т.к. открыто для познания людей как до, так и после грехопадения, то «естественное право» второго уровня имеет важное ограничение: оно ориентировано на человека, придерживавшегося принципов жизни до *«peccatum originale»*, а именно – находившегося в согласии с природным установлением и руководствовавшегося принципами «естественного равенства» (*«...ius naturale est quod servandum est ab illis qui sola aequitate naturali...»*) [5, II. 3. 6.].

О чем же в данном случае говорит Оккам? Схоласт раскрывает свою мысль следующим образом: до грехопадения собственности не было, «общее» преобладало над «индивидуальным», а значит, люди, существовавшие по закону равенства (*«aequitas»*) и свободы (*«libertas»*) [11, р. 89–100], не имели намерений господствовать друг над другом, владеть имуществом и т. д. Безгрешное состояние, продолжает францисканец, не предполагало наличие собственности, тогда как именно *«peccatum originale»* ее и породило, тем самым нарушив баланс течения вещей [5, II. 3. 6.]. Именно грех явился подлинной причиной возникновения собственности (*«...proprietas enim propter iniquitatem inducta est»*) [5, II. 3. 6.].

Следующий – третий – тип «естественного права», о котором пишет У. Оккам, характерен для людей, живущих уже после грехопадения: их устремления несут печать отступления от Бога, нарушения заповедей; сам мир, ранее ориентированный на гармонию и равенство, теперь пребывает в хаосе. «Индивидуальное» превалирует над «общественным», из-за чего получила столь широкое распространение собственность. Все это находит проявление в т.н. «праве народа» (*«ius gentium»*) (Мыслитель раскрывает сущность третьего уровня «естественного права» через содержание «права народов»). Он как бы их замыкает друг на друге [5, II. 3. 6.]. Близко рассуждал и Эгидий Римский: *«Ius ergo gentium est quoddam ius naturale...»* [2, III. 25]) – не благочестие, а грех движет обществом, а значит, резюмирует схоласт, утопающий в пороке мир уже не способен воспринимать действительность с помощью «естественного разума», вместо божественных и природных установлений действуют лишь человеческие. И хотя они тоже призваны регулировать социальные отношения, однако, будучи порождением *«peccatum originale»*, утверждают не мир, а раздор. Более того, именно из этого наиболее примитивного «естественного права», греховного в своей основе, и проистекает тяга людей к политической жизни, учреждению государства и власти.

Свойственное мирскому (в смысле – порочному) бытию «естественное право» не выступает в качестве незыблемого морального мерил, оно изменчиво, т. к. находится в зависимости от воли людей

и смены политических порядков. Именно поэтому, отражая не высокие устремления человеческой души к «идеальному общежитию», а, скорее, низменные, индивидуалистические, оно подводит «законные» основания под установление собственности. Создавая некое искусственное, ложное в своей основе, «правило жизни» («*regula vitae*»), «*ius naturale*» третьего уровня регламентирует в том числе и выборные механизмы социума (и Оккам в данном случае ссылается на пример римлян): «...*Romani ex iure naturali tertio modo dicto habent ius eligendi summum pontificem, mitationem enim quod aliquibus sit aliquis praelatus vel mitati vel rector praeficiendus evidenti ratione colligitur quod si per illum vel per illos cuius vel quorum interest, non ordinetur, illi quibus est praeficiendus habent ius eligendi praeficiendum eis, ut nullus dari debeat ipsi invitis*» [5, II. 3. 6].

Схоластические построения Уильяма Оккама, касающиеся «естественного права» и его типологии, производят на первый взгляд впечатление абстрактного теоретизирования: слишком слаба и уязвима их связь с реальностью. Однако это все же не так, и важно понимать почему: основной пафос рассуждений опального монаха состоял в том, чтобы путем точных логических выкладок подвести читателя к вполне конкретной мысли. Законы греховного общества, вытекающие из «естественного права» третьего уровня, диктуют определенные нормы жизни, далекие от божественного и природного установлений. Именно в таком ключе выдержаны идеи, которыми руководствовался понтифик в отношении ордена францисканцев. Из размышлений Оккама, заключенных в форму диалога между Учителем и Учеником, следует, что духовная корпорация, идущая по пути «*mitation Christi*» и берущая за основу заветы о бедности св. Франциска Ассизского, стремилась, отказавшись от права собственности, существовать вне бранных оков в пространстве иного «естественного права» (второго порядка), ориентированного на равенство и высшую справедливость. Тогда как Иоанн XXII, настаивавший на юридическом соединении «*usus facti*» и «*usus iuris*», и пытавшийся тем самым навязать «*Ordo Fratrum Minorum*» идеологию владения («*dominium*») предметами материального мира, втягивал орден в орбиту третьего – низменного и греховного – «естественного права».

Библиографический список

1. Душин О.Э. Исповедь и совесть в западноевропейской культуре XIII–XVI вв. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 152 с.
2. *Aegidius Romanus*. De regimine principum. – Frankfurt am Main, 1968.
3. *Brampton C.K.* Personalities at the Process against Ockham at Avignon, 1324–1326 // *Franciscan Studies*. – 1966. – Vol. XXIV. – P. 4–25.
4. Etkorn G.J. Ockham at a Provincial Chapter: 1323. A Prelude to Avignon // *Archivum Franciscanum Historicum*. – 1990. – Vol. 83. – P. 557–567.
5. *Guillelmus de Ockham*. III Dialogus // *Guillelmus de Ockham*. Opera plurima. – London, 1962. – Vol. I.
6. *Isidorus Hispalensis*. Etymologiarum Lib. XX // *Patrologiae cursus completus. Series latina* / ed. J.-P. Migne. – Parisiis, 1850. – T. 82.
7. *Kelley F.E.* Ockham: Avignon, Before and After // *From Ockham to Wyclif* / ed. by A. Hudson, M. Wilks. – Oxford, 1987. P. 1–18.
8. *Knysh G.* Biographical Rectification Concerning Ockham's Avignon Period // *Franciscan Studies*. – 1986. – Vol. 46. – P. 61–91.
9. *McDonnell K.* Does William of Ockham Have a Theory of Natural Law? // *Franciscan Studies*. – 1974. – Vol. XXXIV. – P. 383–392.
10. *McGrade A.S.* The Political Thought of William of Ockham. Personal and Institutional Principles. – Cambridge, 1974. – 269 p.
11. *Miethke J.* William of Ockham's Concept of Liberty // *Théologie et droit dans la science politique de l'état modern. Actes de la table ronde organisée par l'École française de Rome avec le concours du CNRS, Rome 12–14 novembre 1987*. – Roma, 1991. – P. 89–100.
12. *Oakley F.* Medieval Theories of Natural Law: William of Ockham and the Significance of the Voluntarist Tradition // *Natural Law Forum*. – 1961. – Vol. VI. – P. 65–83.
13. *Offler H.S.* The Three Models of Natural Law in Ockham. A Revision of the Text // *Franciscan Studies*. – 1977. – Vol. XXXVII. – P. 207–218.
14. *Shogimen T.* Ockham and Political Discourse in the Late Middle Ages. – Cambridge, 2010. – 301 p.
15. *Thomas Aquinas*. Summa Theologiae. – London, 1964–1976.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППИРОВКИ ВЯТИЧЕЙ VIII–XII ВВ.

К настоящему времени в отечественной исторической науке сформировался весьма объемный массив данных, позволяющих начать систематизацию ряда аспектов исторического знания, имеющего отношение к этнополитической группировке восточнославянского населения, традиционно именуемого «племенем вятичей». Бедность письменных источников в некоторой степени компенсируется накопленным к настоящему времени весьма объемным археологическим материалом, что позволяет приступить к выдвигению ряда достаточно проработанных и обоснованных гипотез. В данной статье обосновывается гипотеза о существовании по меньшей мере четырех группировок вятичей, разделенных территориально и хронологически.

Ключевые слова: вятичи, территориальные группировки, Верхняя Ока, Средняя Ока, Верхний Дон, Подмосковье, этнический субстрат, исторические судьбы.

Рассмотрение истории этнополитического объединения вятичей весьма длительное время имело характер более умозрительный, нежели предметный. Немногочисленность письменных упоминаний отягощалась малочисленностью дошедшего бытового и культурного инвентаря. В этой связи нельзя не отметить особую роль археологии в нахождении и атрибутировании предметов вятичских культуры и быта.

И, хотя первые археологические изыскания в данной области относятся уже ко второй четверти XIX в., подлинно научные, методологически достоверные исследования подобного плана, сопровождавшиеся удачными опытами научной систематизации и анализа, следует всё же отнести уже к XX в. Первые подлинно научные исследования культуры вятичей связаны с именами А.В. Арциховского и П.Н. Третьякова.

Весьма характерным представляется то обстоятельство, что А.В. Арциховский, относя появление вятичей к IX в., классифицировал этапы погребального обряда лишь тремя стадиями периода трупположений: соответственно XII, XIII и XIV вв. [2, с. 150, 153]. Таким образом, им была обозначена специфичность и неисследованность первоначального периода (периодов) возникновения и развития этой этнокультурной общности, соотносимая с периодом обрядной кремации.

Исследования второй половины XX в. позволили на значительно более высоком уровне собрать и систематизировать огромный массив новой важной археологической информации, что дало возможность Т.Н. Никольской опубликовать свою ставшую классической работу «Земля вятичей».

Автор этой статьи, в ходе анализа имеющегося объема информации о подтвержденных из различных источников миграциях представителей данной этнической группировки, в одной из своих предшествующих работ взял на себя смелость выделить несколько событий этого плана [6]. Кратко можно указать на четыре достоверных эпизода территориальных перемещений относительно больших групп вятичского населения на новое место прожи-

вания. В качестве пятого миграционного эпизода, имеющего прямое отношение к рассматриваемой территории, выступает переселение на вятичские земли крупной группировки северского (северянского) населения разгромленного киевскими князьями Посеймья. Поскольку рассмотрение фактов, подтверждающих само наличие такого рода миграционных процессов, осуществлялось в вышеуказанной работе, настоящая статья посвящена иным следствиям описанных в ней событий.

Одной из чрезвычайно интересных и редко учитываемых особенностей существования вятичского социума можно полагать весьма значительную разницу между вятичами различных исторических этапов и географических координат. Предшествующие изыскания выделили несколько периодов их существования, первый из которых связан с началом расселения славян среди реликтовых поселений мощинских балтов с VIII в. по начало X в.

Несложно заметить, что в течение всей истории возникновения и развития этнополитического объединения вятичей можно выделить не менее четырех отстоящих друг от друга (территориально, хронологически и даже этнически) группировок, относимых к этому племени: первоначальные вятичи Верхней Оки, вятичи Верхнего Дона, рязанские вятичи и вятичи бассейна Москвы-реки. Первые две группировки начали своё формирование в VIII в. в процессе расселения носителей роменской археологической культуры. Верхнедонские вятичи прекратили свое существование в X в., дав, вероятно, начало будущим рязанцам [7, с. 85, 124–127, 256]. Вятичи московского речного бассейна были группой населения, относящегося к носителям роменской культуры, вероятно, уклонявшихся от подчинения киевской (либо черниговской) княжеской администрации [4, с. 37].

Принадлежность верхнеокской славянской группировки к вятичам доказана и подтверждена рядом авторитетных исторических исследователей и в настоящее время не подвергается сомнению. Верхняя Ока дает возможность отследить все этапы её возникновения. Археологические исследова-

дования подтверждают возможность участия в её генезисе отдельных групп местного балтского населения, относимого к числу вероятных носителей мощинской культуры [5].

Вторая группировка (верхнедонская) рассматривается зачастую как периферийная относительно верхнеокской. В то же время особенности её географического расположения относительно донского торгового пути, а также вероятное соседство с инокультурным славянским и иноэтничским (тюркским) населением и возможная роль в возникновении среднеокской вятичской группировки заставляют серьёзное отнестись к ней и определить вятичей Верхнего Дона в качестве отдельной особенной группы.

Третья крупная группа славянского населения, ассоциируемая с вятичами, определяется нами как среднеокская (рязанская). Несложно заметить летописную идентификацию жителей будущего рязанского княжества в качестве вятичей [9, с. 2]. Эта территория дает весьма четкое указание на присутствие иной этнической группы – финно-угорской, оставившей многочисленные памятники развитой ородецкой культуры [7, с. 115–122].

Четвертую группировку археологи изучают достаточно давно, и во многом благодаря именно ей было начато систематическое научное освоение наследия вятичской культуры. Именно подмосковные курганы дали первоначальный объём необходимой археологической информации для этнической идентификации вятичей. Тем не менее в последнее время и здесь намечается серьезная ревизия прежних научных выводов, основанная на наличии весомых доводов в пользу гипотезы о наличии нескольких волн заселения Подмоскovie славянскими группами, имевшими некое отношение к вятичской культурной традиции. «На Москве-реке в XII–XIII в. “кристаллизовалось” новое этническое образование, которое хоть и имело какие-то вятичские корни, но отнюдь не может быть сведено к ним» [4, с. 34].

Здесь же следует упомянуть гипотезу о кривичском колонизационном потоке, который, по мнению В.В. Седова, должен был пройти по данной территории и оставить на ней след. Помимо того, уже наличие археологических данных о невятичском славянском населении этих территорий создает сложное для анализа переплетение различных и разнообразных этнических и культурных черт.

Необходимо отметить, что обстоятельства формирования четвертой группировки, связанные с бегством носителей роменской (вятичской, северской и радимичской) культурной традиции из бассейна Десны к Москве-реке, являются серьезным доводом в пользу предположения о неподконтрольности прилегающих к её притокам территорий черниговской княжеской администрации. Также это может свидетельствовать о нахождении

бассейна реки Москвы в некой «серой зоне» у границ нескольких княжеств. Представляется, что до сих пор не обнаружено весомых доказательств административного единства этих земель с черниговскими вятичскими волостями, за исключением сродства культурной традиции, выраженной в использовании сходных украшений и т. п.

Примечательно, что все четыре территориальные группировки, по всей видимости, впитали в себя весьма различный местный этнический субстрат: на Верхней Оке – балтский, на Верхнем Дону – тюркский и славянский колочинский, на средней Оке (в районе будущей Рязани) – угро-финский, в московском бассейне – рудиментарный дяковский и, по-видимому, славянский невятичский. Несложно отметить чрезвычайное этническое и культурное многообразие составных элементов каждого из субэтносов. Учитывая значительную роль местных балтов в формировании этнокультурного образа славян Верхней Оки и Поднепровья (по мнению В.В. Седова), вырисовывается картина синтеза очень большого комплекса разнородных культурных и этнических элементов.

Естественным следствием подобного исторического развития является то обстоятельство, что, несмотря на единый этноним «вятичи», а также осознаваемые, по всей видимости, его носителями культурную преемственность и исторические связи, под этим именем фигурируют отличавшиеся друг от друга этнотерриториальные группировки восточнославянского населения.

Столь значительная географическая удаленность различных представителей вятичских племен должна была вести к формированию разных субкультур, что было обусловлено не столько незначительной разницей в природных условиях, сколько различием этнических субстратов осваиваемых территорий, различием «пропорций» разных этнокультурных составляющих в разных землях. Будучи разнесены и территориально, и во времени, вятичи объективно формировали весьма различные субкультурные группировки, смешение черт и особенностей которых может запутать исследователя и повышает риск неверных обобщений и формулирования заведомо неверных выводов.

Как было указано выше, вятичи в своей истории формировали не менее четырех территориальных группировок: первоначальные верхнеокские вятичи, донские вятичи, вятичи подмосковные (московские), рязанские. В связи с этим представляется не совсем точным, при традиционном описании вятичского ареала, не указывать своеобразие территориально и хронологически удаленных друг от друга группировок.

Помимо прочего, привязка границ вятичских территорий к зоне распространения семилопастных височных колец в определенной степени не очень точна (хотя и очень удобна): они распро-

странились относительно поздно. Некоторые исследователи склонялись к мысли об их внешнем происхождении. Находки таких украшений были сделаны в местах, чрезвычайно удаленных друг от друга: от Западной Двины и Днепра до Верхней Волги и Нижнего Дона [10]. Подобная географическая широта скорее подтверждает «коммерческий», а отнюдь не сакральный характер их производства и реализации. Широта распространения внутри вятичских земель была, вероятно, обусловлена большей доступностью этого вида популярных украшений, как ценовой, так и транспортной.

Археологические исследования на месте поселения в Супрутах демонстрируют родственные семипалестным и, по всей видимости, ставшие их прототипом семилучевые височные кольца [3, с. 88–95]. Вероятно, уничтожение поселения в Супрутах в начале X в. не прервало складывавшуюся в предшествующий период производственную традицию, и она получила свое дальнейшее развитие в иных местах Земли вятичей.

Учитывая описанные доводы, следует значительно более осторожно использовать выявленные исследователями археологические признаки расселения летописных «племен»: довольно часто признаки эти имели не столько этнический, сколько территориальный и в некоторой степени административный характер, распространяясь по территории Черниговского княжества или формально дочернего к нему Рязанского княжества.

При описании процессов «огосударствления» вятичей можно говорить о переходе вятичских земель в широком смысле этого слова под власть черниговских князей с последовавшим выделением ородецко и рязанских земель. На названной территории такие украшения получили по эстетическим, экономическим и религиозным причинам преимущественное распространение. Учитывая высокую степень внутренней автономии этих территорий, можно предполагать существование неявного пока фактора, оказывавшего некую протекцию спросу на них: это могла быть локальная мода на такие украшения, доступная для местных жителей цена либо территориальная доступность мест приобретения. Отсутствует точный ответ на вопрос, почему же в других черниговских территориях эти украшения менее распространены. В поисках ответа можно предполагать влияние территориальной удаленности и наличие местной конкуренции в сочетании с близостью качественных и эстетических характеристик.

Весьма интересна и своеобразна история рязанской группировки вятичей. Связь её жителей с вятичами подчеркнута летописцами. Ермолинская летопись указывает: «...Вятичи седяху вверх по Оце отъ Муромы, и Радимичи же, сии бо придоша два брата отъ Ляховъ, Радим и Вятко, и седоша ту, и прозвашея Рязаньци» [9, с. 2]. В этом с ней со-

гласна Львовская летопись. Тверская же трактует ситуацию несколько по-иному: «Вятко ород со родомъ своимъ по Оце и от него прозвашея Вятичи. ородецк; Дулебы же живяху и до сего дня, еже есть Резанце» [8, стб. 23]. Впрочем, уже А.А. Шахматов признавал информацию о дулебах «ошибочную вставкой» [11, с. 715].

Большой объем археологического материала был получен в середине XX в. при исследовании Старой Рязани и прилегающих к ней территорий. В результате высокая степень близость ородецк с вятичами была подтверждена и доказана. Также была выявлена степень взаимодействия с предшествующей местной финно-угорской ородецкой культурой.

В монографии «Рязанская земля» А.Л. Монгайт рассматривал в качестве исходного пункта славянской колонизации Средней Оки вятичские поселения Верхнего Дона. В качестве характеристики уровня культурного развития указывается, что «ещё в X в. район среднего течения Оки был только колонизован вятичами, а уже в XI в. на Средней Оке был расцвет городской культуры» [7, с. 255].

Своеобразие и богатство местного археологического наследия весьма плодотворно изучается длительное время. В этой связи следует отметить то обстоятельство, что широкое расселение и колонизация славян на этих землях предполагает весьма большое число колонистов в месте их исходного расселения, так как высокая детская смертность, обычная для той эпохи, не позволяла получить необходимый естественный его прирост на новых территориях. А потому представления о немногочисленности донских вятичей является ошибочным либо в качестве колонистов выступали славяне, культурно близкие вятичам, из мест, ранее в качестве исходной зоны расселения не рассматривавшиеся.

Помимо прочего, весьма интересны результаты, полученные Т.А. Алексеевой в ходе краниологического исследования раннесредневекового населения рязанских территорий, на основании которых был сделан вывод о смешанной этнической принадлежности вятичей и нахождению у них «...антропологических черт, присущих финно-угорскому, по-видимому древнемордовскому, населению» [1, с. 164]. И хотя автор добросовестно указала, что «антропология располагает данными лишь о вятичах, известных по курганам среднего течения Оки», это способствовало распространению легенд о финно-угорских корнях всей этой этнической группы [1, с. 166].

Таким образом, анализ совокупности данных о вятичском этнокультурном объединении, имеющих в настоящее время, позволяет выдвинуть предположение о существовании по меньшей мере четырёх территориальных группировок вятичей, имевших заметные отличия как в истории форми-

рования, так и, по всей видимости, в особенностях своей материальной и духовной культуры. Первоначальный ареал расселения был сформирован на Верхней Оке и Верхнем Дону, уже в тот момент основываясь, по-видимому, на качественно отличающемся этническом субстрате. Впоследствии верхнеокские вятичи, наряду с другими носителями роменской культуры и вероятным аборигенным неславянским субстратом, дали начало подмосковной группировке, продолжив свое собственное существование на прежней территории. Верхнедонская же часть этноса под воздействием различных причин прекратила своё существование, став основой среднеокской (рязанской) группировки.

Библиографический список

1. *Алексеева Т.И.* Антропологические характеристики восточных славян эпохи средневековья в сравнительном освещении // *Восточные славяне. Антропология и этническая история.* – М.: Научный мир, 2002. – С. 160–169.
2. *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. – М.: РАНИОН, 1930. – 224 с.
3. *Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона. – Тула: Репроникс, 2005. – 207 с.
4. *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2014. – 50 с.
5. *Майоров А.А.* К вопросу об ассимиляции вятичами носителей мощинской культуры на территории Верховской историко-географической провинции в VII–VIII веках // *Ученые записки Орловского государственного университета: науч. журнал.* – Орел: Изд-во ФГБОУ ВО «Орловский гос. ун-т им. И.С. Тургенева». – 2016. – № 3 (72). – С. 55–62.
6. *Майоров А.А.* Миграционные процессы в Верховском (Верхнеокском) регионе в VIII–XII вв. // *Вестник Костромского государственного университета.* – 2016. – № 4. – С. 8–13.
7. *Монгайт А.Л.* Рязанская земля. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 400 с.
8. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. – СПб.: Тип. Л. Демиса, 1863. – 504 стб.
9. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись / под ред. Ф.И. Покровского. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. – 342 с.
10. *Равдина Т.В.* Древнейшие семилопастные височные кольца // *Советская археология.* – 1975. – № 3. – С. 218–223.
11. *Шахматов А.А.* Южные поселения Вятичей // *Известия Императорской академии наук.* Сер. 6. – Т. 1. – Вып. 16. – СПб., 1907. – С. 715–729.

Чекулаев Николай Дмитриевич

кандидат исторических наук

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала
bratzikow1974@mail.ru**Абдусаламов Магомед-Паша Балашович**

кандидат исторических наук, доцент

Дагестанский государственный университет народного хозяйства г. Махачкала
vikingpasha@mail.ru**СИСТЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГАРНИЗОННЫХ ВОЙСК
КРЕПОСТИ СВЯТОГО КРЕСТА (1722–1735 ГГ.)**

В статье на основе материалов фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан (фонды 18 «Дербентский комендант» и 382 «Комендант Святого Креста») рассматривается содержание гарнизона крепости Святого Креста, чему петербургский двор уделял особое внимание. Святой Крест – крепость, основанная Петром Великим во время Персидского похода в сентябре 1722 г. в устье р. Сулак, – стала надежным оплотом царизма на Северном Кавказе. Будучи важным административным и экономическим центром в регионе, Святой Крест в то же время служил опорным пунктом российского противостояния агрессивным устремлениям крымских и османских феодалов, стремившихся распространить свое влияние на кавказские народы.

Российское правительство в полном объеме обеспечивало денежным и хлебным довольствием гарнизон крепости Святого Креста, удовлетворяло все возникавшие потребности в ходе несения гарнизонной службы.

Система денежного довольствия гарнизонных войск Святого Креста, как и императорской армии, в целом строилась с учетом не ежемесячных выплат военным, а по третям года. Причиной такого принципа выплаты была необходимость её заслужить своей службой.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, Святой Крест, крепость, гарнизон, служба, казна, жалованье, чины.

Прежде чем рассмотреть вопрос снабжения гарнизонных войск крепости Святого Креста, нужно понять, что такое гарнизонные войска и для какой цели они служили? Гарнизонные войска – это регулярные войска Российской императорской армии, предназначенные для несения внутренней (гарнизонной) службы в городах и крепостях в мирное и военное время (в военное время, до 1811 года, исполняли функции крепостных, резервных и запасных войск). Они были созданы Петром Великим в 1702 г. из городских стрельцов, солдат, рейтеров. В 1720 г. гарнизонные войска состояли из восьмидесяти пехотных и четырёх драгунских полков.

В результате Персидского похода 1722–1723 гг. Петра I Приморский Дагестан оказался под юрисдикцией Российской империи. Русским императором в регионе были размещены войска, призванные охранять здесь интересы России. Был сформирован Низовой корпус, включавший в себя систему военных гарнизонов, локализованных в стратегически важных крепостях. Подобной крепостью, на долю которой выпала миссия охраны юго-восточных рубежей империи, явился Святой Крест, заложенный лично самим императором Петром I в устье р. Сулак в сентябре 1722 г. Чтобы держать в полной боевой готовности данную крепость, русское правительство исправно и в срок снабжало воинский гарнизон продовольствием, амуницией, боеприпасами, медикаментами и фуражом. С помощью денежной казны каждый гарнизонный полк крепости Святого Креста удовлетворял все возникавшие потребности в ходе несения военной службы.

Хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД) документы,

освещающие историю пребывания на Кавказе российских войск, содержат «Ведомости о состоянии “Полковой денежной казны”». Полковая денежная казна состояла из двух частей: 1) полковая комиссарская сумма и 2) полковая казначейская сумма.

Полковая комиссарская сумма предназначалась для выплаты военным чинам полка денежного довольствия, и на эти цели из неё выделялась так называемая «платная сумма». Кроме того, в её состав входили «мясные» и «соляные» деньги, выплачиваемые нижним чинам полка вместо мяса и соли деньгами. Третьей частью комиссарской суммы были разные вычеты.

Полковая казначейская сумма предназначалась для решения всех возникающих перед полком нужд в ходе несения им гарнизонной службы. Данная сумма включала в себя средства на следующие цели: «строение» мундира, амуниции; покупку новых строевых лошадей; приобретение необходимого инструмента для нестроевых чинов; содержание полкового госпиталя; удовлетворение потребностей полковой канцелярии; закупку необходимого для приготовления пищи, покупку посуды; покупку необходимых приспособлений к амуниционным вещам.

Полковая казначейская сумма пополнялась за счет вычетных денег: за повышение чина, печатными пошлинами, за нахождение в госпитале половинного, за арест половинного, за беглых, за просчет денежной казны, на гербовую бумагу, за утраченные вещи.

Кроме всего прочего, в состав полковой денежной казны входила третья часть, состоящая из трех годовых денежных сумм на следующие цели:

1) на покупку провианта – 4 607 руб. 4 коп.;

2) штаб-, обер- и унтер-офицерам за рационы – 1 533 руб. 60 коп.;

3) на покупку фуража драгунским и подъемным лошадям – 6 469 руб. 20 коп. [1, д. 152, л. 131].

Гарнизон крепости Святого Креста получал денежное довольствие по окладу Астраханской губернии, так как она была ближе всех к Низовому корпусу. Денежное жалование гарнизон крепости Святого Креста, как и вся российская императорская армия, получала по третям года, то есть сразу за четыре месяца: январское (январь, февраль, март и апрель), майское (май, июнь, июль и август) и сентябрьское (сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь). Оно выплачивалось лишь после, как треть оканчивалась. Причиной такого принципа выплаты была необходимость её заслужить своей службой. Доставка денежной казны для выплаты денежного жалования гарнизону осуществлялась в крепость Святого Креста по Каспийскому морю из Астрахани на морских судах. В основе жалования был оклад военного чина на месяц. Он регламентировался воинской табелью 1720 г., а затем 1731 г. Из оклада (платная сумма на каждую треть) осуществлялись вычеты в госпиталь, на медикаменты и на пошив мундира. Кроме вычетов военным чинам выплачивали разного рода субсидии: офицеры получали денежное жалование для содержания своих денщиков и собственных лошадей, также нижние чины полка вместо мяса и соли «нагурой» получали так называемые мясные и соляные деньги.

По неполным данным местного государственного архива, гарнизон крепости Святого Креста с 1726 по 1734 гг. получил денежное жалование из разных источников на общую сумму 142 515 руб. 41 коп.

Кроме того, гарнизонные полки получали прибавочное денежное жалование в размере по 1 коп. за 1 день на каждого человека, итого по 1 руб. 80 коп. [2, д. 21, л. 79; д. 27, л. 9; д. 3, л. 2; д. 35, л. 3, 27].

Случались длительные задержки с выплатой денежного довольствия. Основным источником погашения задолженности являлись средства из персидских доходов. Кроме того, для выплаты денежного жалования местная персидская монета была заменена на российскую монету. Император Петр II своим указом от 19 декабря 1727 г. велел командующему Низовым корпусом генерал-фельдмаршалу князю В.В. Долгорукову для облегчения нужд военнослужащих использовать полученные из Московской военной коллегии пятикопеечными монетами 6 000 руб. для выдачи денежного довольствия за январскую треть 1727 г. [1, д. 62, л. 2–3; д. 30, л. 45].

Казачи получали два вида денежного довольствия: подъемное и окладное жалование. Подъемное денежное жалование выдавалось казачьим командам по прибытии их в крепость Святого Креста для своего обустройства. Всем казачьим войскам правительство время от времени «для излишних против прошлых лет труда и за службы» к прежнему жалованию учиняло прибавку денежного

довольствия. По указу № 5041 от 20 марта 1727 г. терским и гребенским казакам было прибавлено по рублю на человека.

Императрица Анна I продолжила мероприятия по улучшению жизни казаков, результатом чего стал ряд законодательных актов:

1) указ № 5695 от 13 февраля 1731 г. – гребенским казакам было прибавлено к жалованию на каждого человека по 2 руб.

2) указ № 5996 от 21 февраля 1732 г. – увеличил прибавку до 9 руб. на донских казаков, а яицким казакам произведена прибавка на рядового по 3 руб., а старшинам по пропорции [1, д. 31 а, л. 44; д. 55, л. 1].

Правительство выплачивало казакам средства на наем подвод, которые использовали казаки, отправляясь в зимовую станицу. В 1728 г. на эти цели из московской военной канторы было ассигновано 2 000 000 руб.

В 1727 г. казакам выплатили задержанное денежное довольствие за 1724–1726 гг. из персидских доходов.

По указу императора Петра II от 12 февраля 1729 г. донским, яицким казакам и калмыкам выплачивали денежное жалование из средств воронежской губернии. Из доходов коммерц-коллегии 4 августа 1729 г. ассигновано 6 278 руб. прибавочного жалования для командированных в крепость Святого Креста донских и яицких казаков, калмыков сверх прежних их окладов на подъем и за бытность их в крепости Святого Креста. Другим источником выплат казакам были средства из Бакинских, гиянских и низовских доходов. На выплату денежного жалования различным казачьим войскам с 1727–1734 гг. в гарнизон крепости Святого Креста было направлено денежной казны на общую сумму 58 307 руб. 29 коп. [2, д. 2, л. 12; д. 4, л. 4; д. 10, л. 37; д. 20, л. 6; д. 21, л. 79; д. 30, л. 26; д. 162, л. 15; д. 174, л. 69].

Хлебное жалование (наряду с денежным довольствием) было вторым видом оплаты за несение военной службы. Оно состояло из муки, крупы, сухарей. Мясо и соль военные чины получали в виде «мясных» и «соляных» денег. Полки гарнизона получали хлебное довольствие из провиантских магазинов крепости Святого Креста.

Так, в Тенгинском пехотном полку размер хлебного оклада военным чинам был следующим: полковнику – солода 12 четвертей, круп 4 четверти, муки 6 четвертей, меда 6 пудов, масла 7 пудов, уксуса 5 ведер, разных пряностей по 2 четверти, сахара полпуда, соли 17 пудов, толокна 1 пуд, гороха осмина; подполковнику – водки 5 ведер, простокваши 10 ведер, солода 8 четвертей, масла 1 пуд, меда 2 пуда, перца 2 фунта, соли 12 пудов, имбиря 1 фунт, гороха осмина; майору – муки 10 четвертей, вина 15 ведер, водки 5 ведер, масла 3 пуда, меда 3 пуда, солода 3 четвертей; капитану – муки 6 четвертей, круп 2 четверти, соли 1 пуд, масла 1 пуд, меда 1 пуд,

водки 10 ведер, простокваши 10 ведер, солода 6 четвертей; поручику – муки 11 четвертей, солода 4 четверти, меда 2 пуда, масла 2 пуда, круп 6 четвертей, вина 10 ведер, уксуса 5 ведер, гороха 1 четверть, подпоручику – муки 10 четвертей, круп 2 четверти, солода 3 четверти, вина 5 ведер; прапорщику – муки 1 четвертей, вина 5 ведер [2, д. 42, л. 90–93].

Также офицером выдавалось хлебное жалование на их денщиков: на одного денщика полагалось – муки 3 четверти 3 гарнца, круп 1 гарнец $\frac{3}{4}$ кварты. По табели 1720 г. одному денщику гарнизонного драгунского полка полагалось жалования 4 руб. и за муку 4 руб. 50 коп., за крупу 37,5 коп., за соль 7,5 коп. Итого офицер получал за одного своего денщика 8 руб. [1, д. 164, л. 64].

У военнослужащих нижнего чина один порцион состоял в день из: хлеба 2 фунта, мяса 1 фунт, вина 2 чарки, пива 1 гарнец, а на месяц: соли 2 фунта, круп по полтора гарнца. Сверх того, в квартирах дается «сервиз», то есть уксус, дрова, свечи, муки по 2 четверти. На каждого человека полагалось за фунтовую соль 10 коп., а за мясо в год на каждого по 72 коп. [1, д. 104, л. 104].

По указу императора Петра II от 9 февраля 1728 г. было велено выдать на гарнизон вина, на каждый год по 6 000 ведер. Император Петр II своим указом от 29 января 1728 г. велел генерал-фельдмаршалу командующему князю В.В. Долгорукову выдать полкам на год уксуса 500 ведер, муки 1 500 четвертей, масло коровье по 1 000 пуд, чеснока 1 000 четвертей, перца по 30 четвертей, свеч сальных по 300 пуд. Гарнизон получал денежную казну для покупки провианта: в 1732 г. на семь драгунских полков было выделено 590 руб. 55 коп. [2, д. 13, л. 46, 59; д. 35, л. 100].

Военная коллегия периодически награждала военных чинов за их верную службу прибавочным провиантом: в январе 1725 г. было выдано в награждение штаб- и обер-офицерам семи драгунских полков и генералитету муки 5 000 четвертей, а в апреле 1726 г. штаб- и обер-офицерам дагестанского пехотного полка в награждение выплатили каждому муки по 7 четвертей [1, д. 18, л. 6, 9].

Провиантскими делами в гарнизоне занимались следующие чины: один провиантмейстер, три обер-провиантмейстера, провиантмейстерские писарь и подьячий.

Фуражное жалование (так называемые рационы) выплачивалось офицерам за собственные их лошади. Военный устав Петра Великого предусматривал один рацион на сутки: овса 2 гарнца, сена 16 фунтов, сечки 2 гарнца, соломы 1 сноп. На основе табели 1720 г. в гарнизонные полки на каждый рацион полагалось: овса по 1 четверти (ценою по 8 алтын – 2 деньги), сена по 15 пуд (по 3 деньги пуд). Итого за рацион (на месяц) – 2 руб. 85 коп. На шесть зимних месяцев правительство указом № 6483 от 17 сентября 1733 г. каждому рациону устанавливало определенную цену – по 5 руб. 40 коп.

По данным архива, в Тенгинском пехотном полку на довольство офицерских лошадей выделялось следующее количество овса: полковнику – 15 четвертей, майору – 10 четвертей, поручику – 10 четвертей, подпоручику – 6 четвертей [2, д. 3, л. 30, 37; д. 21, л. 6].

Для получения рационных денег на гарнизон комендант регулярно посылал штаб-офицера в Астрахань. Кроме рационов офицеры получали фураж натурой, в виде овса и соломы. Всего с 1724 по 1735 гг. офицерам было выплачено за рационы 35 569 руб. 57 коп.

Казачество кроме овса на своих лошадей получало и деньги. Казакам во время отправления их с разными посылками из крепости Святого Креста до Астрахани за каждую лошадь давали по 1 руб. Выплачивались прогонные деньги из местных сборов [1, д. 18, л. 3; д. 95, л. 10].

По указу Военной коллегии от 28 июля 1726 г. в полки на каждого человека выдавалось по 50 патронов, а другие 50 патронов сохранялись при артиллерии. Казакам на год выдавалось на каждого человека независимо от чина свинца и пороха по 1 фунту [1, д. 2, л. 2; д. 23, л. 69].

Кроме того, офицерам Тенгинского пехотного полка выдавали следующие вещи: полковнику – бумаги писчей 10 стоп, стали 1 пуд, железа 15 пудов, солод ржаной и ячменной, семени конопляного 1 четверть; подполковнику – семени конопляного 2 четверти; поручику – мыла 1 пуд, на кафтан армяк, кожу на полок бранной, сукно красное; прапорщику – мыла 1 пуд [2, д. 42, л. 90–93].

Таким образом, изложенный материал показывает, что гарнизон крепости Святого Креста снабжался всем необходимым для несения воинской службы. Российские власти делали все, чтобы казаки, солдаты и офицеры, несшие службу в крепости, получали исправно и вовремя денежное, хлебное и фуражное жалование. При этом выплата им фуражного жалования не должна была превышать одного «рациона» в день. Оклад военнослужащего был фиксированным и регламентировался сначала воинской табелью 1720 г., а затем 1731 г.

Русское правительство относилось с большим вниманием к гарнизонной службе, проявляло заботу не только об офицерах, но и рядовых солдатах. За примерную службу они поощрялись прибавочным провиантом. Особое внимание уделялось и обеспечению медикаментами гарнизона крепости. Благодаря четко слаженной системе денежного, продовольственного и фуражного обеспечения удавалось держать гарнизон крепости Святого Креста в наилучшей боевой готовности.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). – Ф. 18: Дербентский комендант. – Оп. 1.
2. ЦГА РД. – Ф. 382: Комендант крепости Святой Крест. – Оп. 1.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ЖЕНЩИН-ВДОВ В ГОДЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (на примере Дагестана)

В статье рассмотрены вопросы, связанные с социальным обеспечением вдов со стороны государства и традиционного общества в период Кавказской войны.

Анализ приведенных архивных материалов и источников позволил выявить, что в период Кавказской войны вдовы были социально защищены.

Трансформация механизмов социальной поддержки в отношении вдов горцев со стороны царского правительства зависела от конкретной политической ситуации, где учитывались личные заслуги главы семьи и его лояльность к России. Правительство проводило поддерживающую социальную политику по отношению к вдовам военных чинов, выплачивая им пособия и оказывая моральную поддержку.

Делается вывод, что личностную защиту вдове гарантировали как законы шариата, так и государственные законы.

Ключевые слова: Кавказская война, Дагестан, женщина, вдова, социальная помощь.

Вдовство – довольно распространенный жизненный сценарий для кавказских женщин, что объясняется как институтом «кровной мести», так и многочисленными войнами. В традиционном дагестанском обществе над вдовой после смерти мужа осуществлялась опека до ее повторного замужества. Из работ Ш.М. Казиева и И.В. Карпеева [6], С.А. Лугуева и Д.М. Магомедова [8], Р.М. Магомедова [9], Х.А. Омарова [10], дающих характеристику положения вдов, следует, что они были социально защищены.

Указывая на социальную защищенность вдовы у народов Дагестана, Ш.М. Казиев и И.В. Карпеев справедливо отмечают: «Если же умирал муж, то имущество жены и земля сохранялись за ней» [6, с. 27].

Затяжная Кавказская война (1817–1864 гг.) привела к увеличению количества вдов. Так как война была длительной и кровопролитной, а рост военной активности России вызвал значительные потери со стороны горцев, не было в аулах семьи, которой бы не коснулась потеря кормильца.

Большое внимание социальной помощи семьям погибших на подконтрольной имамату территории уделялось в бытность имама Шамиля. Как и любое государство, имамат Шамиля представлял собой организацию, которая решала не только политические и экономические, но и социальные задачи. В связи с этим Шамиль, внедряя основы шариата в жизнь горцев, самое пристальное внимание уделял социальной сфере: защите вдов, сирот, инвалидов. Дагестанский ученый Р.М. Магомедов отмечал неравнодушие имама к нуждам народа, он «вникал во все нужды и делал все, чтобы облегчить их положение» [9, с. 107]. Регулярно из казны («бай-тулмал») имамата выделялись денежные средства для оказания помощи нуждающимся [4; 9; 10]. Указывая на это, Н.Ф. Дубровин писал: «...из казны (“бай-тулмал”) выделяются средства на содержание духовенства, мечетей, школ, бед-

ных, вдов и сирот [4, т. 1, кн. 1, с. 491]. Безусловно, все эти меры были направлены на то, чтобы мужчины, участвовавшие в военных действиях против царских войск, были уверены, что в случае их гибели семья не будет брошена на произвол судьбы.

Не оставлял Шамиль без внимания и лиц, получивших увечья на войне, инвалидов, потерявших трудоспособность. У него находили защиту семьи инвалидов, регулярно получая средства из казны имамата. Помощь инвалидам и их семьям имела преимущественно натуральную форму, о чем читаем в письме Шамиля к согражданину наibu Мухаммаду от 1846 г.: «Вам следует подателям сего письма Малачию и Ахмеду выдать 20 мерок пшеницы из того, что имеется у вас. Оба они нуждаются в том, а нам положено помогать таким» [5]. Из текста письма видно, что Шамиль указывал на необходимость поддержки нуждающихся жителей, отмечая, что это есть обязанность имамата.

Определенный интерес представляют меры, принятые Шамилем относительно вдов и сирот казненных преступников. Имам, заботясь об их семьях, не только запрещал конфискацию их имущества, но и сам лично оказывал помощь «беспомощным сиротам» [10, с. 124].

Интересны в законодательской деятельности Шамиля установки, касающиеся замужества вдов. На территории, подвластной имамату, вдов обязывали выбирать себе мужей, причем выбранные мужчины обязательно должны были жениться на вдовах, которые их выбрали. По инициативе сельской общины комиссия, специально утвержденная старейшинами из 5–6 человек, периодически составляла список вдов и вдовцов в селениях. Придерживаясь этих списков, совет старейшин затем предлагал вдовствующей паре создать новую семью, что и осуществлялось в подавляющем большинстве случаев [8, с. 112].

Разумеется, такие меры Шамиль предпринял, с одной стороны, руководствуясь заботой об овдо-

вевших горянках, а с другой стороны, поддерживая уровень рождаемости в годы войны.

Что касается социального призрения вдов и сирот горцев со стороны Российской империи, то оно распространялось на представителей знатных сословий. По отношению к вдовам высокопоставленных особ применялась практика, зависящая как от конкретной политической ситуации, так и от лояльности главы семейства к царской власти, о чем свидетельствуют источники. Довольно часто в официальной переписке кавказского командования встречаются вопросы, касающиеся вдов и их судеб. В частности, один из таких документов касается судьбы вдовы Хасан-хана, убитого царскими войсками как изменника и злодея, пытавшегося строить козни против России. В письме генерала Ермолова к генералу Грекову от 19 августа 1823 года сообщалось о том, что «вдова умершего Аварского изменника (Хасан-хана. – *О. М.*) просит майора князя Муса-Хасаева об ходатайствовании оставшимся после него детям покровительства начальства. Она уведомляет его, что подвластные обязались служить детям изменника лучше прежнего [1, т. 6, с. 29–30]. Ее ходатайство не было удовлетворено, так как новым аварским ханом был назначен Сурхай-хан. Что касается покровительства начальства, то оно вдове и детям Хасан-хана гарантировалось лишь тогда, когда они «выйдут из Аварии, которая принадлежать им не должна» [1, т. 6, с. 30].

В актах Кавказской археографической комиссии содержалась докладная записка командующего войсками и управляющего гражданской частью в Прикаспийском крае генерал-адъютанта барона Врангеля князю Барятинскому от 11 ноября 1858 г. (за № 13), где упоминалось о прошении одной из вдов генерал-майора Агалар-бека Казикумухского (после его смерти осталось три жены. – *О. М.*) Шамай-бике к управляющему ханством [2, т. 12, с. 429]. По данным источника, вдова «...просила не включать отобранных у нее денег и вещей в опись оставшемуся после Агалар-бека наследнику, а возвратить ей оныя как родовую собственность ее» [2, т. 12, с. 429].

Прошение вдовы было удовлетворено на основании того, что «...покойным взяты были в свое распоряжение деньги и вещи, доставшиеся Шамай-бике от отца и бабушки, и потому претензия ее не подлежит никакому сомнению» [2, т. 12, с. 429]. Кроме того, вдовам Агалар-бека назначалась пожизненная пенсия, о чем в письме председателя Кавказского комитета князя Орлова к князю Барятинскому от 9 декабря 1858 года (за № 1825) содержалась следующая запись: «Государь Император... Всемилостиво соизволил повелеть женам умершего в июле сего года управляющего Казикумухским ханством Свиты Его Императорского Величества генерал-майора Агалар-бека, Шамай-бике и Халай (ей последней нераздельно с семейством)» производить пожизненную пенсию, каждой по шестьсот

рублей в год, за счет общих местных доходов Закавказского края, с внесением этого расхода в финансовую смету края до 1860 года» [3, с. 430].

Лояльность горских правителей к царской власти, как мы уже отмечали выше, бралась во внимание в случае его смерти, в последующих отношениях с вдовой и семьей покойного.

Так, например, после смерти управляющего Кайтагом генерал-майора Джамов-бека-Адилей Уцмиева князь Барятинский в письме к председателю Кавказского комитета князю Орлову от 15 декабря 1858 года (за № 1013) ходатайствовал о назначении пенсии вдове Фатиме-бике и детям-сиротам. При этом князь Барятинский ссылаясь на представленные генерал-адъютантом бароном Врангелем документы, положительно характеризующие покойного генерал-майора Уцмиева, и отмечает «...долговременную и полезную службу покойного генерал-майора Уцмиева, а также постоянное его усердие и преданность правительству» [3, с. 430]. В письме также оговаривались сумма пенсии и условия назначения «...по 860 рублей в год из 20 т. червонцев, ежегодно ассигнуемых на пенсии азиатам, с тем, чтобы половина сей пенсии производилась самой вдове по смерти ее или до выхода в замужество, а другая половина детям его до совершеннолетия...» [3, с. 430].

Социальную помощь и государственную поддержку получали также вдовы и сироты военных чинов, служивших в военных гарнизонах на Кавказе. Нормативные акты, содержащиеся в российском законодательстве XIX в., регламентировали систему социального обеспечения семьи погибшего, размер пособия, льготы и привилегии. Согласно сведениям князя А.М. Дондукова-Корсакова, которые он приводил в своих воспоминаниях, помощь осуществлялась по инициативе как официальных, так и частных лиц [3, с. 430]. В частности, князь писал о том, что во время пребывания наместника в Темир-Хан-Шуре в 1848 г. обращался к М.С. Воронцову с ходатайством об оказании помощи вдове штабс-капитана Апшеронского полка. Войдя в положение вдовы, оставшейся без средств к существованию с двумя детьми, князь М.С. Воронцов распорядился выдать ей щедрое денежное пособие [3, с. 430]. Впоследствии благодаря инициативе и при непосредственном участии супруги князя-наместника Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой капитанская вдова была пристроена в Ставрополь, а ее дети взяты на воспитание [3, с. 430].

Стараниями княгини Е.К. Воронцовой, которая была почетной попечительницей женских учебных заведений, дочери служащих на Кавказе офицеров были устроены в воспитательные заведения в Тифлисе, Ставрополе и Эривани. Как справедливо отмечал А.М. Дондуков-Корсаков, благодаря княгине «упрочилась судьба сотен сирот и заброшенных на Кавказ детей офицеров» [3, с. 428].

Кроме того, князь А.М. Дондуков-Корсаков приводит сведения о Анне Ефимовне Клюгенау, жене полковника Клюгенау, командующего войсками в Темир-Хан-Шуре, которая «была провидением бедных офицеров в Шуре, трогательно ухаживала за ранеными и вместе с мужем никогда не отказывала, при скудных своих средствах, в помощи семействам и сиротам павших офицеров» [3, с. 430].

Заметим, что российское военное законодательство (в отношении социальной поддержки семей военных чинов), как правило, лишало вдову пенсии, если она повторно выходила замуж.

С образованием Дагестанской области в 1860 году вводилось военно-народное управление (военное и гражданское), которое подчинялось непосредственно начальнику из числа царских генералов. Во главе городов Петровск и Дербент находились градоначальники, которые в своей работе руководствовались общероссийскими законами.

В пореформенное время в сельской местности вопросы, касающиеся вдов и наследования регулировались нормами шариата, который постепенно вытеснил адат. К концу XIX в. над вдовой не осуществлялось опеки, как это было принято испокон веков. Она могла как полноправная хозяйка распоряжаться своим имуществом, которое доставалось ей от покойного мужа. Кроме того, вдова могла стать и опекуном своих несовершеннолетних детей.

В городах вопросы социальной помощи вдовам и их семействам находились в ведении городских властей и частных благотворительных учреждений. Согласно сведениям Е.И. Козубского, в Дербенте социальная помощь вдовам оказывалась в виде пособий, в частности, «в 1898 г. выданы пособия... вдове Р. Свидинской 20 р. (пр. № 170), в 1899г. вдове Хан-Пери 15 р.(пр. № 139), вдове штат.-капит. Газаловой 25 р.(пр. № 175), вдове пристава Псалтырова 40 р.(пр. № 140, ей же в 1903 г. 120 р. (пр. № 187)» [7, с. 144].

Таким образом, анализ материалов, характеризующих меры социальной поддержки вдовам в пе-

риод Кавказской войны, позволяет утверждать, что по отношению к ним проводилась определенная социальная политика как со стороны имамата, так и царского правительства. Как показывают источники, правительство при оказании помощи вдовам горцев учитывало многие факторы: социальный статус покойного, его личные заслуги и лояльность к России. Приоритетными в политике Российского государства были и вопросы, связанные с социальной поддержкой вдов и сирот военных чинов, что было законодательно закреплено в специальных актах Российской империи XIX в.

Библиографический список

1. Акты Кавказской археографической комиссии. – Тифлис, 1881. – Т. 6. – 950 с.
2. Акты Кавказской археографической комиссии. – Тифлис, 1905. – Т. 12. – 1552 с.
3. *Дондуков-Корсаков А.М.* Мои воспоминания. 1845–1846 гг. // *Осада Кавказа*. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. – С. 408–505.
4. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. – СПб., 1871. – Т. 1. – 640 с.
5. Рукописный фонд ИИЯЭ ДНЦ РАН. – Ф. 16. – Д. 2308.
6. *Казиев Ш.М., Карнеев И.В.* Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 464 с.
7. *Козубский Е.И.* История города Дербента. – Темир-Хан-Шура: Русская типография В.М. Сорочкина, 1906. – 468 с.
8. *Лугуев С.А., Магомедов Д.М.* Бежтинцы (XIX в. – начало XX в.): ист.-этногр. исследование. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1994. – 246 с.
9. *Магомедов Р.М.* Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. – 144 с.
10. *Омаров Х.А.* 100 писем Шамиля. – Махачкала, 1997. – 294 с.

Петровичева Елена Михайловна*доктор исторических наук, профессор
Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
helenp94@mail.ru***Харитонов Сергей Сергеевич***Владимирский государственный университет
им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
ss.haritonov@mail.ru*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ НАРОДНИКА И.Н. ХАРЛАМОВА

В статье анализируются взгляды народника И.Н. Харламова по вопросу столкновения индивидуального и коллективного начал в политико-правовой жизни России второй половины XIX века. Рассматриваются проблемы государственного устройства, гражданских прав. Определяется роль обычного права в сфере крестьянского судопроизводства и семейных отношений. Выявляется идейно-методологическая база выдвигаемых И.Н. Харламовым положений. В его работах отмечаются характерные черты народнической доктрины: рассмотрение права как средства охраны привилегий состоятельного меньшинства, приоритет этического компонента над правовым, выдвижение идеи многоукладности политико-правовой системы. Следствием этого можно считать отстаивание гражданских свобод, всесловного представительства и самоуправления, стремление к согласованию норм обычного и греко-римского права в области крестьянского судопроизводства, рассмотрение трудового начала в качестве основы равноправных взаимоотношений внутри семьи.

Ключевые слова: *народник, политико-правовые взгляды, гражданские права, обычное право, крестьянство, сельская община.*

Политико-правовые идеи народников затрагивали ключевые вопросы пореформенной России – соблюдение прав человека, взаимоотношения гражданского общества и государства, самоуправление, федерализм, коррупция, не утратившие актуальности и по сей день. Вместе с тем данная часть идейного народнического наследия изучена недостаточно [3, с. 309; 7], в особенности это справедливо в отношении рядовых народников, к числу которых относится владимирский писатель и публицист Иван Николаевич Харламов (1854–1887). Политико-правовые взгляды Харламова отражают сложности противостояния индивидуального и коллективного начал в общественно-политической и правовой сфере пореформенной эпохи и характеризуют его как типичного народника.

Опираясь на идеи К. Маркса, Харламов полагал, что каждой форме экономических отношений соответствуют «свои особые формы политических учреждений и юридических институтов» [10, № 3, с. 61]. Признание единых законов общественно-исторического развития, исследование процессов становления властных институтов, разделения на классы управляющих и управляемых, формирования правовых норм в историческом развитии может свидетельствовать о применении Харламовым методов историзма и прогрессивизма, также свойственных марксистскому подходу. Принципиальным является утверждение народника о том, что процесс замещения обычая законом как регулятором общественных отношений происходил параллельно с процессом разделения интересов большинства и меньшинства, при этом закон исходил от меньшинства и имел целью «охранить его привилегии, приобретённые путём насилия» [10,

№ 4, с. 90]. Данная точка зрения имела широкое распространение в демократической среде второй половины XIX века. По мнению современного исследователя Г.В. Шалашникова, представление о праве как о «навязанной доктрине поведения состоятельным меньшинством в своих корыстных интересах» послужило основой критики народниками идеи торжества права как универсального начала социального бытия [15, с. 13].

Во взглядах Харламова на предмет русской социально-политической истории во многом нашли отражение идеи таких историков, как Н.И. Костомаров и А.П. Щапов, разделявших интерес к изучению роли народных масс в истории, а также популярной в XIX идее борьбы двух начал – централизма и народопрямства. Харламов считал невозможным органическое происхождение двух столь разнородных по характеру и целям общественно-политических форм, как общинный и военный строй, поскольку в первом случае «всё основано на принципах равенства, на признании равного права на жизнь и счастье за сильным и слабым, на уважении к праву труда, на отрицании права силы», а во втором – «развивается право силы в самом широком объёме во всех отношениях личности к обществу и обратно» [10, № 4, с. 86]. Противопоставление общинной и военной систем отношений может свидетельствовать о сходстве взглядов Харламова с идеей Г. Спенсера о разделении обществ на промышленные и военные, соответствующие, следуя современной терминологии, авторитарному и демократическому режимам. Проблемы самоуправления, регионализации и федерализма являлись важнейшей частью политических программ основателей народничества [6, с. 710; 7]. Эти аспекты прослеживаются и в ра-

ботах Харламова. Исследователь отмечал историческую тенденцию усиления государственной централизации, сопровождавшейся ограничением гражданских прав и свобод, укреплением роли государственного бюрократизма.

Основной задачей, стоящей перед российским обществом второй половины XIX века, Харламов видел в расширении гражданских прав. «Все наши симпатии, – признавался он, – на стороне общественной самодеятельности, оживления действительно *гражданской* (курсив автора. – С. Х.) жизни» [12, с. 3]. При этом поставленная цель должна быть достигнута в рамках правового поля. Важная роль в процессе урегулирования общественных противоречий, защиты гражданских прав отводилась государству, которое, по его мнению, должно стоять вне партий и убеждений, «с одной только заботой, с одной мыслью: охранять все права и интересы до тех пор, пока они не приходят в борьбу между собой, не нарушают чьих-нибудь законных прав и интересов» [9, с. 2], то есть быть общенародным.

Закономерно также, что Харламов занимал бескомпромиссную позицию в отношении бюрократического аппарата и местного чиновничества. Для противодействия сложившемуся в обществе убеждению о всемогуществе бюрократии народники, как отмечает видный отечественный исследователь народниковедческой проблематики Г.Н. Мокшин, «активно продвигали идею о том, что чиновники – это не государство, а всего лишь исполнители его функций» [5, с. 107], использующие свое положение в корыстных целях. В качестве альтернативы бюрократии народниками предлагалось всеобщее земство и система крестьянского самоуправления, основанного на коллективных началах. В этой связи важную роль в демократизации страны, укреплении правового государства, противодействии бюрократизации и коррупции, по мнению Харламова, должна была сыграть прозрачность судебной системы, гласность, критика существующих недостатков, поскольку «ничто больше не содействует возвышению правосудия, морализации суда, как подобная критика» [14, с. 5]. Подобные идеи Харламова, высказанные ещё родоначальниками народнического движения, вписываются в рамки традиционной народнической идеологии.

В своих работах народник исследовал обычное право, продолжавшее играть огромную непосредственную роль в жизни подавляющей части населения страны [1, с. 18]. В области крестьянского правосудия Харламов также отмечает столкновение двух юридических начал: формального греко-римского права, с одной стороны, и обычного – с другой. Обычное право, по мнению Харламова, представляло собой особый вид права, определяющийся крестьянским традиционным правосознанием и отличный от официальной правовой системы. Подобной точки зрения в отечественной

науке того периода придерживались А.Я. Ефименко, Е.И. Якушкин, И.Г. Оршанский, К.Р. Качоровский [1, с. 19]. Идея органического происхождения норм обычного права и искусственности, произвольности формальных правовых норм конкретизирует описанную выше схему общественно-политических систем, отстаиваемую Харламовым. Столкновение различных правовых норм в крестьянской среде народник рассматривал на материале деятельности волостных и общественных крестьянских судов, исследований семейных взаимоотношений в традиционных крестьянских и «культурных» (городских) семьях.

Волостной суд, наиболее близкий нуждам крестьянства, по мнению Харламова, не есть собственно народный суд, а лишь «административно-полицейская расправа» [11, с. 583]. Волостному суду народник противопоставляет сельский суд, общественный по характеру, не санкционированный правительством, основанный на положениях обычного права. Именно такой суд, считал исследователь, служит «главнейшим прибежищем обычной народной правды». Он видел преимущества общественного суда прежде всего в неподкупности судей, поскольку «старики» выбираются «действительно из лучших, исправных, воздержанных, независимых и умных домохозяев» [11, с. 570], отсутствию бюрократической волокиты, наличию авторитета среди местного населения, доступности для сельского обывателя «ввиду однородности общинного мировоззрения». В перечисленных преимуществах общественного суда мы в очередной раз можем отметить приоритет этического фактора как главного социального регулятора и недооценку правового начала, свойственную народникам [15, с. 17], в том числе и Харламову.

При знакомстве с работами исследователя становится очевидным, что при всём различии двух описанных выше типов судов взаимоотношения между ними в пореформенную эпоху не вписывались в схему простого противостояния. Волостной суд, отмечал народник, «как ни сильно здесь влияние законника писаря, массу дел решает на основании правовых обычных понятий своих» [11, с. 569]. Современный исследователь Э.Х. Хабибова подчёркивает влияние обычного права на официальное нормотворчество, где «целые отрасли права (как, например, крестьянское право) отражали его, но вместе с тем они всегда отделялись от публично обсуждающихся отраслей, их статус в обществе всегда был ниже, чем статус заимствованных отраслей права и институтов» [8, с. 185]. Таким образом, можно говорить о том, что народ выступал в качестве правотворческого субъекта. Харламов признавал, что волостной суд, «как он ни плох, всё же свой, крестьянский суд». Этим народник объяснял выбор крестьян в пользу волостного суда перед мировым судьёй, поскольку мировой

суд – «барский, панский» [11, с. 569]. Кроме того, и волостной суд, и суд «стариков» прежде всего старался примирить стороны судебного процесса.

Происходившие в пореформенной российской деревне социально-экономические процессы неминуемо накладывали свой отпечаток и на общественные суды. Развитие капиталистической конкуренции, разрушавшее сельскую общину, являлось, с точки зрения Харламова, одним из проявлений индивидуализма. «Новые люди» деревни, противопоставляя себя сельскому миру, всё чаще прибегали к административному суду либо стремились подчинить общественный суд своим интересам. Кроме того, как считал исследователь, в деревне эта борьба выдвинула на первый план новую разновидность общественного суда – суд «по человеку», «по обстоятельствам». Названный суд, пришедший на смену суду «по старине», Харламов рассматривал в качестве основного современного юридического обычая [11, с. 582–583]. Следствием описанной тенденции явилось крайнее разнообразие мнений, так что по самому элементарному вопросу оказывалось «столько умов, сколько голов». Рисуя картину столкновения различных типов судов, Харламов, на наш взгляд, заострял перед читателем проблему существования правовых крайностей пореформенного периода: объективизма и формализма административного суда и явного субъективизма общественного суда. Наряду с очевидным сожалением по поводу исчезновения «народной правды» из среды сельского судопроизводства, Харламов признавал историческую неизбежность и закономерность действия единых общественно-исторических процессов.

Какой же выход был возможен в данной ситуации? Наиболее оптимальным, с точки зрения народника, было бы «согласить обычай и закон, в чём давно явилась потребность» [13, с. 2]. Тем самым позиция Харламова может быть охарактеризована как компромиссная и прагматичная: народник принимал в расчет и сложившиеся народные традиции общественного суда, и современные социально-правовые реалии.

Различия коллективного и индивидуального начал в сфере семейно-правовых отношений наглядно представлены Харламовым на примерах организации традиционной (сельской) и «культурной» (городской) семьи. В основе устройства традиционной семьи народник, следуя принятой схеме, полагает экономический фактор: семья, по его мнению, «не столько родственный, сколько экономический союз» [10, № 3, с. 77].

Существенную роль в вопросах семейно-правовых отношений исследователь отводил влиянию религиозных норм. В соответствии с церковным законодательством, как отмечал Харламов, в процессе устройства брака почти устраняется свободное согласие самих молодожёнов. Муж,

согласно церковно-нравственному учению, глава жены и семьи, поэтому он должен «держат семью в страхе Божьем, наказывать детей и держать жену в послушании» [10, № 4, с. 92]. На основе этого народник делал вывод, что церковь проводила в своих решениях «совершенно чуждые общинному строю начала греко-римского права» [10, № 4, с. 81]. Актуальным в пореформенный период был вопрос статуса супружества. В противовес религиозной традиции, видевшей в браке священный союз, Харламов отстаивает прагматичный секулярный взгляд на брак как на форму гражданского договора, примеры которого находит в общинных традициях. Практика гражданской регистрации брака, по мнению народника, могла бы решить проблему заключения браков представителями разных вероисповеданий и дополнить то, чего не давал церковный обряд – «сознание нравственной и юридической ответственности за обязательство, принятое при свидетелях, в присутствии гражданской власти» [9, с. 2]. Исходя из этого, и проблема супружеских разводов рассматривалась им как один из аспектов гражданского договора: его прекращение могло бы происходить в присутствии общины как коллективного свидетеля в том случае, когда нравственная связь в семье нарушена.

Важными показателями, характеризующими различия между «культурной» и традиционной семьёй, являются способы организации власти в семье и отношение к собственности. Формирование семейной системы, основанной на принципе руководства/подчинения, начинается, по мнению исследователя, прежде всего, в семье представителя знати, «лучшего» человека, выделившегося из общины и противопоставившего свои интересы интересам рядовых общинников.

Община, считал Харламов, всегда противопоставляла развивающейся семейной власти свою власть, «принимая под свою защиту принижённую личность, наказывая обидчика, даже разводя брачную пару, если уже не действуют так называемые дисциплинарные меры» [10, № 3, с. 96]. Благодаря этому сохранялось постоянно колеблющееся равновесие в общинной жизни. Проявления равенства и солидарности в современной (на тот момент) семье общинника народник расценивал как итог закономерного исторического развития института общины. Исключения из этого правила, безусловно, имели место – Харламов не отрицал их существования, однако истоки этих явлений он усматривал в деморализующей среде «города».

Образцом для исследователя служила «отделённая» (нуклеарная) семья, принадлежавшая к сельскому обществу. Супруги в такой семье, по мнению Харламова, имели «равное участие в семейных делах, равное право ручательства в общем имуществе и равную ответственность одного супруга за другого» [10, № 4, с. 72–73]. Это роднит взгля-

ды Харламова с трудовой теорией происхождения собственности в крестьянской среде, разработанной А.Я. Ефименко. Современный исследователь Г.В. Лаухина отмечает, что Харламов справедливо указывал на взаимосвязь женского крестьянского труда и прав женщины внутри семьи [4, с. 5].

Принцип раздельного владения имуществом супругов в «культурных» семьях, в отличие от европейских стран, законодательно утверждённый в Российской империи, рассматривается современными исследователями права в качестве свидетельства имущественной самостоятельности женщины [2, с. 36]. Харламов же, руководствуясь идеей совместного трудового хозяйства, видел в нём шаг к семейной разобщённости. Уравнителем в отношениях супругов в «культурных» семьях выступают деньги, соответственно, полагал он, «каждого из супругов делают они или зависимым, или независимым, смотря по тому, у кого их больше» [10, № 3, с. 60]. На наш взгляд, размышления Харламова здесь также не выходят за рамки народнической доктрины: приоритет отдаётся этической категории семейного равноправия и солидарности перед правовым принципом имущественной самостоятельности.

Таким образом, политико-правовые взгляды народника, отличаясь определённым схематизмом и перевесом этического компонента над правовым, выражались в признании необходимости постепенного реформирования общественно-политических и гражданско-правовых отношений. Субъектам общественных отношений для полноценного диалога были необходимы гражданские свободы, при этом роль регулятора, отстаивающего интересы всех сословий, должно было играть государство, опирающееся на многоукладную правовую систему. Заостряя противоречия норм обычного и греко-римского права в области крестьянского судопроизводства и семейно-правовых отношений, народник настаивал на их возможном взаимодополнении, демонстрировал неразрывную связь правовых и социальных проблем. Все перечисленные усилия должны были способствовать преодолению разобщённости коллективного и индивидуального начал в общественно-политической и социально-правовой сферах, укреплению идей политико-правового плюрализма, формированию равноправного гражданского диалога в российском обществе второй половины XIX века.

Библиографический список

1. *Браславский Р.Г.* Социологический диагноз правовой культуры дореволюционной России //

Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания: материалы междунар. науч. конф. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 205 с. – С. 18–20.

2. *Ворошилова С.В.* Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2011. – 63 с.

3. *Графский В.Г.* Политические и правовые учения русских народников. Истоки и эволюция. – М.: Наука, 1993. – 319 с.

4. *Лаухина Г.В.* Женский труд в крестьянском хозяйстве Центрального Черноземья (60-е гг. XIX в. – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2012. – 23 с.

5. *Мокишин Г.Н.* Легальные народники и проблема государства как субъекта общественных преобразований // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. – 2009. – № 2. – С. 104–109.

6. *Поликарпова Е.В.* Программа реформ в идеологии раннего народничества // LEX RUSSICA (Научные труды МГЮА). – 2010. – № 4. – С. 707–717.

7. *Фурман Ф.П., Фурман Т.Г.* Некоторые аспекты философско-политико-правовой направленности идей основателей народничества // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/1/filosofiya/furman-furman.pdf (дата обращения: 05.06.2017).

8. *Хабибова Э.Х.* Исследования народной жизни А.Я. Ефименко: субъективизм русского обычного права // Сумма философии. Екатеринбург, 2006. – Вып. 6. – С. 184–185.

9. *Харламов И.Н.* Веротерпимость и брак // Русский курьер. – 1883. – № 126. – С. 1–2.

10. *Харламов И.Н.* Женщина в русской семье // Русское богатство. – 1880. – № 3. – С. 59–107; № 4. – С. 57–112.

11. *Харламов И.Н.* Новые журналы и книги // Древняя и новая Россия. – 1881. – № 3. – С. 567–584.

12. *Харламов И.Н.* Старообрядческое братство // Страна. – 1881. – № 23. – С. 3.

13. *Харламов И.Н.* Столкновение закона и обычая // Страна. – 1881. – № 66. – С. 2–3.

14. *Харламов И.Н.* Юридические журналы // Страна. – 1881. – № 42. – С. 4–5.

15. *Шалашиников Г.В.* Этические категории в народнической традиции русской философии права третьей четверти XIX века // Философия права. – 2008. – № 1. – С. 13–17.

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ УЧАЩИХСЯ ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Актуальность исследуемой проблемы обуславливается возрастающим значением Русской православной церкви (РПЦ) в развитии духовной культуры современного общества, необходимостью осмысления её многовекового исторического опыта, в том числе и в деле подготовки кадров священнослужителей, деятельности и нравственный облик которых во многом определяет авторитет Церкви в обществе, эффективность её миссионерских функций.

В данной статье на основе широкого круга источников ставится задача проанализировать динамику социального состава учащихся духовных училищ, семинарий на рубеже XIX–XX вв., который отражает социальные интересы и потребности того времени, нарастающие кризисные ситуации в обществе, в том числе жизнедеятельности РПЦ, накануне исторического перелома. В широкой историографии истории РПЦ эти вопросы ещё не получили своего полного освещения [3].

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовные училища, семинарии, социальный состав, епархия, священнослужители.

К началу XX в. Русская православная церковь располагала 4 академиями, 57 семинариями и 185 духовными училищами. По степени развитости структуры духовного образования епархии можно условно разделить на несколько групп:

1) не имевшие духовно-учебных заведений – Владивостокская, Туркестанская и Финляндская;

2) с незавершенной структурой духовного образования – без семинарий: Варшавская, Гродненская, Екатеринбургская, Омская. В этих епархиях были духовные училища, а в Екатеринбургской даже 2;

3) со среднеразвитой структурой – семинария и 1–3 училища. С одним училищем – Архангельская, Астраханская, Благовещенская, Владикавказская, Енисейская, Забайкальская, Иркутская, Литовская, Рижская, Таврическая, Уфимская, Холмская, Якутская; с двумя училищами – Донская, Калужская, Олонецкая, Оренбургская, Пермская, Полоцкая, Ставропольская, Тобольская, Томская; с тремя – Екатеринославская, Казанская, Кишиневская, Минская, Пензенская, Симбирская, Харьковская, Черниговская;

4) с разветвленной сетью духовных школ – семинарии и 4–7 училищ. По 4 училища имели епархии: Волынская, Воронежская, Киевская, Могилевская, Нижегородская, Орловская, Подольская, Полтавская, Псковская, Самарская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Ярославская; по 5 училищ – Владимирская, Вологодская, Костромская, Курская, Саратовская; 6 училищ было в Вятской епархии и по 7 – в Новгородской, Рязанской, Московской и Тверской. Причем, в двух последних было по 2 семинарии, а в Рязанской вопрос об открытии второй семинарии ставился накануне революции. В Грузинском экзархате (Грузинская, Имеретинская, Гурийско-Менгрельская епархии) насчитывалось 6 духовных училищ и 1 семинария [5, с. 56].

Как нетрудно заметить, небольшое число духовно-учебных заведений было на территории

епархий с низкой плотностью населения и невысоким удельным весом православных, то есть там, где русская колонизация и христианизация распространяются в основном с XVI–XVIII вв., а также в небольших епархиях. Наиболее разветвленная структура духовного образования характерна в основном для территорий, на которых христианство укоренилось с X–XII вв. Именно там находились самые крупные по количеству учащихся семинарии: Вологодская (507 учащихся), Ярославская (516), Киевская (536), Тверская (625), Владимирская (547), Орловская (537), Тамбовская (562), Московская (668) (сведения на 1898 г.). Самыми малочисленными семинариями были расположенные в национальных окраинах и удаленных районах: Благовещенская (44), Якутская (49), Архангельская (109), Астраханская (147), Холмская (166), Кутаисская (180), Рижская (147). В 1902/1903 уч. году в 12 семинариях было менее 200 учащихся в каждой, в 9 – от 200 до 300, в 13 – от 300 до 400 человек, в 11 – более 400 и в 4 – более 500 воспитанников [1, с. 78].

В 1898/99 уч. году в 185 училищах обучалось 31 685 человек, иннословных насчитывалось 7 562 – 23,87 %. В 58 духовных семинариях – 19 511 учащихся, иннословных было 4 321 – 22,15 % [6, с. 42].

В 1900 году был ограничен прием в духовные училища детей иннословного происхождения. Это объяснялось тем, что большая часть выходцев из других сословий «не имеет расположения к служению церкви в духовном знании», а учится в духовно-учебных заведениях, чтобы получить льготы по отбыванию воинской повинности и «вообще поучиться чему-нибудь хотя бы лишь в духовном училище» [6, с. 15]. Большая часть иннословных выбывала из семинарий до ее окончания, а окончившие редко принимали духовный сан, приносили в стены духовно-учебных заведений «грубые нравы и недоброе религиозно-нравственное на-

правление», а от вносимой ими платы за обучение получалась «ничтожная сумма». Поэтому управления духовных училищ предписывалось «принимать по экзамену ежегодно в училище сначала детей духовенства, на оставшиеся же места иносословных не более 10 % всего количества поступивших в училище учеников». Из числа иносословных предпочтение предлагалось отдавать крестьянским детям, получившим первоначальное образование в церковно-приходских школах [6, с. 14–15].

Данная мера явилась анахронизмом, консервируя и без того ощутимые пережитки сословности. Определенная часть упреков в адрес учащихся недуховного происхождения была справедлива, но «грубые нравы и недоброе религиозно-нравственное направление» в равной мере привносила с собой и часть детей духовенства. Этот шаг привел к тому, что год за годом стал уменьшаться удельный вес иносословных в духовных училищах, а вместе с тем и общее число учащихся в них. С 1898 по 1906 г. количество учащихся сократилось с 31 685 до 27 513 человек – на 13,2 %. Потребовалось 9 лет, чтобы осознать очевиднейшую вещь: «из всех сословий легче произвести выбор лучших и по способностям, и по поведению воспитанников». Указом от 3 марта 1909 г. 10%-ная норма для духовно-учебных заведений была отменена. После этого доля иносословных стала ежегодно увеличиваться, составив в 1915 г. 27, 24 %, но по общему количеству учащихся уровень 1898 г. не был превзойден и в 1915 г. [4, с. 22].

Представительство сословных категорий значительных изменений за указанный период не претерпело, значительно возросла лишь доля крестьянских детей – с 7,5 % в 1909 г. до 13,5 % в 1915 г. [4, с. 21]. Продолжалось падение престижа и популярности духовных училищ, прежде всего в глазах самого духовенства, что являлось симптомом нарастающего кризиса духовной школы, в том числе шло сниже-

ние качественного уровня воспитательного процесса. Определенную популярность духовные училища сохраняли лишь у крестьянства.

Социальный состав учащихся духовных училищ различных епархий был неодинаков. Он зависел от особенностей социальной структуры населения того или иного региона, в том числе сказывался удельный вес духовенства в составе населения. Там, где этот вес был значительным, в духовных школах учились преимущественно дети священников. К таким регионам относились Владимирская, Костромская, Московская, Новгородская, Курская и другие епархии. В местностях с небольшим удельным весом духовенства процент учащихся из других социальных сословий неуклонно рос. В Донской, Рижской, Якутской, Горийской епархиях этот процент был наиболее высоким.

Доля иносословных в духовных семинариях также сокращалась. В 1906 г. она составляла 16,8 %, а через пять лет снизилась до 14,8 %. Действие указа 1909 года не могло остановить этот процесс, поскольку выпускники духовных училищ предыдущих лет составляли основу приема абитуриентов в семинарии. Несколько выросла в среде учащихся духовных школ доля выходцев из крестьян: с 5,7 % в 1909 г. до 8 % в 1915 г. Это объяснялось, во-первых, возможностью для крестьянских детей повысить свой социальный статус, а во-вторых – наибольшим сохранением религиозных традиций в крестьянской среде по сравнению с другими социальными группами российского общества, вступившего в противоречивый период своей модернизации. Наименьший процент детей духовенства был среди учащихся Благовещенской, Рижской, Холмской, Якутской семинарий [4, с. 23].

Одним из проявлений кризиса духовного образования являлась его статичность, отсутствие динамики развития, о чем наглядно свидетельствуют таблицы 1, 2 [2, с. 43, 107].

Таблица 1

Количество духовных учебных заведений и учащихся в них

Год	Академий	Семинарий	Училищ	Студентов академий	Семинаристов	Учеников училищ
1881	4	53	183	950	14914	30582
1894	4	56	186	901	18749	30869
1908	4	57	185	873	19892	30765
1912	4	57	185	935	21850	28833
1914	4	57	185	995	22734	-

Таблица 2

Численность преподавательского состава духовных школ

Год	В академиях	В семинариях	В училищах
1881	134	963	1768
1894	131	1091	1827
1908	152	1212	2056
1912	165	1426	2362
1914	-	1448	2374

В нарастающем кризисе духовной школы РПЦ отразились болевые проблемы развития российского общества на переломном этапе его истории, драматичные поиски эффективной модели социального, культурного прогресса. Страна стояла накануне глубочайших перемен. Дальнейшее осмысление этого трагического периода нашей истории остается актуальной и значимой задачей отечественной науки.

Библиографический список

1. Богословский вестник: журнал. – 1905. – № 4.
2. Всеподданнейший отчет обер-прокурорского Святейшего Синода по ведомству православного исповедания. 1887–1916 гг. – СПб., 1916. – 144 с.

3. *Кривелев И.А.* Русская православная церковь в первой четверти XX в. – М., 1982. – 215 с.; *Поспеловский Д.* Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 1995. – 511 с.; Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв. – Иваново, 2017. – 411 с.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 802. – Д. 3510.

5. Циркуляр по управлению Московским учебным округом: журнал. – 1899. – № 15.

6. Циркуляр по управлению Московским учебным округом: журнал. – 1901. – № 21.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗЕМСКОЙ ШКОЛЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются повседневные бытовые аспекты организации земских школ в конце XIX – начале XX века. Приводится информация земских источников и учительских анкет о школьных зданиях, их внутренней обстановке, наиболее распространенных проблемах организации учебного процесса. Показаны основные причины слабой экономической базы школ – недостаток земских финансов, зависимость от средств населения. Проанализировано влияние на ситуацию распространения проектов всеобщего обучения. Они позволили систематизировать требования к строительству и оснащению помещений, ввести санитарные правила и гигиенические нормативы к организации учебного процесса. Рассматриваются первые опыты уездных земских управ по налаживанию школьного питания, организация отдельных видов внешкольных мероприятий. В итоге планомерной работы земских управ и участия населения в деле народного образования была создана почва для обеспечения детей всеобщим начальным обучением.

Ключевые слова: земская школа, школьные здания, школьное питание, школьная мебель, земская управа, внеклассные мероприятия, Уфимская губерния.

В современной историографии обозначился устойчивый интерес исследователей к разным аспектам внутренней, повседневной организации учебного процесса [6; 8; 14]. В данной статье на материалах Уфимской губернии рассматриваются вопросы материального обустройства школ дореволюционной России.

На начальном этапе организации из-за скудности бюджетов местного самоуправления земская школа устраивалась на совместные средства сельских обществ и земств. Помещения предоставляли жители, земство содержало учителей и закупало учебные пособия. Редко училища располагались в собственных зданиях, большинство было организовано в наемных квартирах, часто тесных и неудобных, общественных (сельских) домах, зданиях волостных правлений, церковных сторожках, непригодных для учебных занятий. В Златоустовском уезде Уфимской губернии, одном из самых благополучных в экономическом отношении, 13 земских училищ помещались в общественных домах, большую часть удобных, 2 – в г. Златоусте в церковных домах, более пространных, Кусинское – при заводской конторе, Лузинское – в церковной сторожке, остальные – в частных квартирах» [12, с. 151]. Наиболее приспособленными были специально выстроенные школы, как, например, «здание длиной 16 ½ аршин, шириной 13 аршин и вышиной 6 аршин» [10, с. 138].

По своему наполнению школьные помещения отличались скудностью. Обстановка в классах была самой простой, столы преимущественно неокрашенные и неудобные для занятий, многие требовали ремонта. Учебные заведения имели по 1 классной доске и по 1 шкафу, в 7 школах были классные счеты, а в Ярославском, Ногумановском и Устьикинском мужских училищах имелись настенные часы [12, с. 151].

К 1897 г., согласно отчету члена Златоустовского уездного училищного совета от земства священника Ф. Стрелкова, большая часть школ уже имела удобные собственные помещения, включающие несколько классных комнат, переднюю, библиотечную комнату, квартиру учителя. У некоторых учебных заведений, например Ярославской мужской земской школы, были пришкольный сад и пасека. В Устьикинской школе благодаря вниманию местного населения был произведен хороший ремонт и выстроена красивая каменная ограда. Но и при наличии собственных зданий не все училища имели комфортные условия: в Ярославской женской школе отсутствовали передняя, где могли бы раздеваться ученицы, и комната для внеклассных занятий; в Емашинской школе не было квартиры для учителя, Метелинская школа находилась в ветхом здании [11, с. 380–381].

Общая картина по губернии выяснилась во время первого статистического обследования начальных школ Уфимской губернской земской управой в 1900 г. Согласно данным анкет, по губернии 70 % школьных помещений были в собственности, а 30 % арендовалось. В сравнении с другими губерниями Уфимская губерния, по данным Министерства народного просвещения, занимала 31-е место с 56 % собственных помещений, лидирующая позиция была у Черниговской губернии (99 % зданий в собственности) [3, с. 37–38]. Главной причиной плохого состояния школ Уфимская губернская земская управа считала отсутствие систематизации и объединяющего элемента организации образования, каковым могло стать лишь губернское земство.

Самой важной проблемой школ учителями и учащимися единодушно называлось отсутствие бытовых удобств: теснота, ветхость, сырость, угар, холод, сквозняки и шум: «Классная комната тесна и темна; огромная кирпичная печь давно уже не топится, так как совершенно не нагревает комнаты,

полы и потолки требуют замены новыми»; «Вообще школьное здание плохо удовлетворяет своему назначению, помимо ветхости, оно мало и очень холодно, в особенности с полу. При постройке оно было рассчитано на 30 человек, за последнее же десятилетие в среднем бывает 60 человек. <...> Мало свету, отсутствие сносной вентиляции делают занятия крайне утомительными как для учеников, так и в особенности и для учащихся. Отсутствие комнаты для раздевания учеников заставляет сваливать их верхнее платье прямо на пол, чем ещё больше заражается воздух, и без того спертый» [3, с. 40–42].

В первое десятилетие XX в. количество учебных заведений выросло, открывались новые школы. В Златоустовском уезде многие учебные заведения имели свои помещения, в основном все были огорожены, имелись надворные постройки и приусадебное хозяйство. Мусихинское училище имело собственное здание с квартирой учителя, баню, погреб, амбар, колодец, сад и огород [4]. На 1 января 1915 г. в Уфимском уезде значилось 262 земские школы, из них 138 имели собственные здания, 9 школ помещались в частных и заводских домах бесплатно, остальные 115 – в наемных, в большинстве случаев в крестьянских, избах. По возможности управа старалась брать в аренду здания с отоплением, с квартирой для учителя, с очисткой отхожих мест и печных труб за счет домохозяев. Цена за аренду школьных зданий колебалась от 75 руб. до 360 руб. в год [7, с. 501].

Водоснабжение обеспечивалось за счет общественных колодцев, в некоторые училища земские управы организовывали подвоз воды. Со временем в соответствии с санитарными требованиями земских врачей каждая школа обзаводилась собственным колодцем. В 1914/15 учебном году работы по копке колодцев планировались в 19 школах Уфимского уезда [7, с. 504].

Вопрос освещения земством не поднимался, средства отдельно не выделялись, и статья расходов на это не предусматривалась, хотя проблема освещения стояла остро. Освещение было необходимо при вечерних занятиях, проведении внеклассных мероприятий, народных чтений. Учителя неоднократно обращались с просьбой о выделении денег на покупку керосина и спичек, так как постоянно приобретать материалы на свои средства было накладно.

С 1915 г., в годы Первой мировой войны, земства начали поднимать вопрос об организации бесплатного школьного питания [9, с. 163–164]. В качестве примера ставилось Московское земство, в котором горячие приварки считались необходимым условием правильного школьного дела с 1910 г. Согласно сведениям Московской земской управы по школьно-санитарному вопросу, стоимость питательной порции для ученика составляла 1,5 коп., включая хлеб [7, с. 512]. По данным же Уфимского и Бирского земств, система школьного питания была

неразвита. В Бирском уезде «горячие завтраки устраивались лишь в 13 земских школах, главным образом на пожертвованные средства. Как видно из отчетов учащихся, помощь поступала: от санитарного попечительства (в 2 школы), от Московского общества грамотности (в 4 школы), от Петроградского общества грамотности (в 2 школы), от родителей и разных лиц (в 5 школ)» [9, с. 163–164]. На опрос Уфимской управы в 1913/14 учебном году ответили только 63 учебных заведения (24 % от всех школ), из них 51 школа на вопрос о наличии завтраков дала отрицательный ответ, 5 школ выразили желание организовать приварки, 7 школ уже ввели питание учащихся [7, с. 507–508]. Продуктами питания служили: «пшено, картофель, полба, мука, масло, соль, капуста, рыба, кроме того, перец, лавровый лист». Хлеб, ложки ученики, очевидно, приносили с собой. При этих условиях «содержание одного ученика в день обходилось приблизительно в ½ копейки. Из земских средств на завтраки израсходовано 21 руб. 60 коп.» (Моисеевская школа). В Соколовской школе завтраки устраивались из провизии самих учащихся: «подавался суп гороховый, иногда мясной, лапша, каша. Каждый завтрак состоял из одного блюда. Расход на 1 ученика в день примерно 1 копейка» [7].

Учитывая необходимость организации школьного питания, уездные земства выделили отдельную строку расходов под нужды школьных приварков. Бирское земство планировало внести в смету 400 руб. в год, Уфимское – 300 руб. в год, дополнительно предусматривался инвентарь для школьных столовых: чугушки, разливные ложки, тазы, эмалированные блюда, солонки, вилки, ножи, полотенца [7, с. 513]. При этом большая надежда возлагалась на материальную помощь со стороны родителей.

Бирское земство приняло постановление, по которому при постройке школ отдельная комната с инвентарем отводилась под завтраки, либо нанимались отдельные квартиры для организации питания. Предполагалось выдавать его всем учащимся, выработать блюда согласно соотношению продуктов. Уездная управа готова была снабдить школы книгой Кайдановой «Питание школьников», где в ясной и популярной форме изложен порядок устройства питания, есть меню и руководство [9, с. 153–165]. В 1917 г. санитарные врачи Уфимского губернского земства планировали распространение 450 листовок и брошюр о школьном приварке на русском языке, в том числе среди мусульман в Мензелинском, Златоустовском уездах [2, с. 20].

Частью учебно-воспитательной работы стали внеклассные мероприятия. В школах и библиотеках проходили народные чтения, воскресные и вечерние занятия для населения. В учебных заведениях для учащихся устраивались праздники. В новогодние дни традиционным становится устройство елок, которые сначала проходили на благотвори-

рительные средства. В 1912 г. на уездном уровне готовился праздник древонасаждения в Мензелинском уезде. Цель праздника – воспитание бережного и экономичного отношения к лесу, к природе, благоустройство территории. В земскую смету 1912 г. было внесено 300 руб., с разрешением расходовать их на угощение учащихся во время праздников, доставку посадочных материалов, на устройство изгородей для благоустраиваемых площадей, на устройство питомников для саженцев, а в школы была выписана брошюра Меншикова «Как устраивать праздники древонасаждения» для обучения народных учителей проведению мероприятия [13, с. 218–221].

С разработкой законопроекта Министерства народного просвещения «О введении всеобщего обучения в Российской империи» и увеличением государственных пособий оснащение школ поднялось на качественно иной уровень. С 1908–1909 гг. строительство школьных зданий велось с учетом санитарно-гигиенических норм и технических требований. Материалом для устройства полов были дерево, линолеум; в сенях, раздевалках и клозетах – цементная и керамическая плитка. В каждом классе должно было быть не менее двух форточек или откидных фрамуг общей площадью не менее 1/30 площади пола, в других помещениях – не менее одной форточки. В раздевальнях предусматривались печи с сильной тягой, по возможности две, школьные помещения должны были быть гладко оштукатурены, обои и окраска стен масляными красками не допускались.

Согласно нормам по проектированию зданий, в каждой школе предусматривались следующие помещения: классные комнаты, рекреационная (зона отдыха. – Г. А.), раздевальня, учительская-библиотека и помещение для сторожа. Классы должны были быть рассчитаны не более чем на 50 человек, высота школьных помещений – не менее 5 аршин. Под школьную усадьбу рекомендовалось выбирать возвышенный, открытый участок в центре обслуживаемого района, вдали от мест, представляющих опасность для учащихся или мешающих занятиям. От жилых зданий школы должны были отстоять не менее чем на 10 саженей. Размеры усадьбы – не менее 0,5 десятины, так как предусматривались площадки для игр, сада и огородов для учителей [1, с. 325–328].

Таким образом, только с началом реализации проектов всеобщего обучения и получением государственной поддержки началось кардинальное решение материальных проблем школьного обучения.

Начальный этап становления земских школ был связан с многочисленными трудностями материального характера. Во многом благодаря подвижности земских деятелей, поддержке населения с нуля создавались народные школы, что отразилось в документальных источниках того времени. Постепенный перевод школ на баланс земского

бюджета говорит о переосмыслении роли школьного образования органами местного самоуправления, а революция 1905–1907 гг. привела к качественному сдвигу материального обеспечения школ за счет поддержки Министерства народного просвещения. Анализ развития сельских училищ позволяет проследить условия распространения школьного образования в дореволюционной России. Схожая схема деятельности земских учреждений в разных уездах создала унифицированную основу для его дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Врачебно-санитарная хроника Уфимской губернии. – 1915. – № 4. – С. 325–328.
2. Врачебно-санитарная хроника Уфимской губернии. – 1917 – № 1–2. – С. 15–26.
3. Доклад Уфимской губернской земской управы Губернскому собранию 26 очередной сессии 1900 г. О положении начального образования в Уфимской губернии. – Уфа, 1900. – 75 с.
4. Златоустовский государственный архивный отдел (ЗГАО). – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 490. – Л. 43.
5. ЗГАО – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 774. – Л. 27.
6. *Зубков И.В.* Российское учительство. Повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870–1916. – М.: Новый хронограф, 2010. – 511 с.
7. Очередное Уфимское уездное земское собрание 1915 года: сб. постановлений собрания с приложениями (12–21 октября). – Уфа, 1916. – 588 с.
8. *Романов А.П.* Учительская хитрость и крестьянское упрямство (Некоторые сюжеты повседневного быта сельской школы в конце XIX – начале XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 10 (191): История. – Вып. 39. – С. 36–40.
9. Сборник докладов и постановлений Бирской уездной земской управы ХLI очередной сессии 22 сентября 1915 г. и чрезвычайного собрания XXIV на 19 августа 1915 г. – Уфа, 1916. – 360 с.
10. Сборник докладов и постановлений Бирской уездной земской управы XXII очередной сессии за 1896 г. – Бирск, 1897. – 699 с.
11. Сборник Златоустовского уездного земства XXIV очередной сессии, бывшей в октябре 1898 г., с прил. – Златоуст, 1899. – 280 с.
12. Сборник Златоустовского уездного земства Уфимской губернии II очередной сессии, бывшей в октябре 1876 г. – Златоуст, 1877. – 390 с.
13. Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии с 1 по 13 октября 1911 года. – Мензелинск, 1912. – 1316 с.
14. *Черкасова Н.Н.* Повседневная жизнь земских учителей российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2006. – 25 с.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Данная статья посвящена анализу комплекса опубликованных источников по истории дорожной инфраструктуры Вологодской губернии периода второй половины XIX – начала XX в. Выбор в качестве объекта исследования Вологодской губернии как типичной территории Европейского Севера России обусловлен её географическим положением и особым стратегическим значением для выхода к северным морским портам, а также уровнем инфраструктуры, который в целом характерен для Европейского Севера России. Его основные черты – преобладающая роль водных путей сообщения и относительно слабое развитие дорожной сети, особенно в малонаселённых областях региона. В данной статье даётся классификация опубликованных источников, характеризуются особенности каждого их вида. Среди этих источников анализу подвергнуты законодательные источники («Устав путей сообщения», «Устав о земских повинностях», «Положение о земских учреждениях»), делопроизводственные источники («Памятные книжки Вологодской губернии», «Отчеты вологодских губернаторов» и «Обзор Вологодской губернии» за разные годы. Приложение ко всеподданнейшему отчету губернатора», «Журналы заседаний Вологодского губернского земского собрания»), статистические источники («Военно-статистическое обозрение»), материалы периодической печати (журнал «Водные пути и шоссейные дороги», редактор Н.А. Александров). Особое внимание обращается на источники личного происхождения, в частности путевые дневники, или травелоги. Рассматривается состав создателей травелогов, анализируется их содержание, даются примеры характеристик дорог и водных путей Вологодской губернии. В конце статьи автор приходит к выводу о достаточно полном комплекте опубликованных источников, позволяющих делать обоснованные выводы об уровне развития дорожной инфраструктуры Вологодской губернии.

Ключевые слова: история России, транспортная система, тракты, пароходы, вторая половина XIX – начало XX в., опубликованные источники.

Повышенный интерес исследователей к истории транспортной инфраструктуры не случаен. Будучи трансфером основных ресурсов и информации, она является кровеносной системой государства, во многом детерминируя тем самым его развитие. Традиционно внимание исследователей фокусировалось на изучении истории железнодорожного транспорта, в то время как для дореволюционной России второй половины XIX – начала XX в. ведущую роль играли обыкновенные дороги и водные магистрали, что особенно заметно на примере Русского Севера.

Выбор в качестве объекта исследования Вологодской губернии как типичной территории Европейского Севера России обусловлен её географическим положением, связанным с близостью к северным портовым регионам и особой стратегической важностью транспортной системы «центр – периферия», а также уровнем развития инфраструктуры, в целом характерным для Европейского Севера России. Его основные черты – преобладающая роль в транспортном сообщении водных путей и относительно слабое развитие дорожной сети, особенно в малонаселённых областях региона. Изучение данной проблемы требует формирования специфического комплекса источников. Особенностью XIX в. является активное изучение сложившейся транспортной инфраструктуры, а также публикация итогов этих исследований. Проанализируем основные группы опубликованных источников.

Первой группой источников являются законодательные источники. Важнейшее место среди

них занимает Свод законов Российской империи, в том числе законы, регулирующие отношения в транспортной сфере. Одним из таковых является «Устав о земских повинностях» 1851 года. В данном уставе устанавливались предметы натуральных повинностей и общий порядок их выполнения. Для нас имеет большое значение то, что устав о земских повинностях устанавливал натуральную повинность по содержанию населением грунтовых дорог и бечевников. Порядок несения земских повинностей регулировался ст. 33, 124, 263, 289 данного устава и ст. 752–754, 761–764 «Устава путей сообщения» [20]. В 1864 году было издано «Положение о земских учреждениях», которое возлагало надзор за исполнением натуральных повинностей на земские учреждения. «Положение» давало возможность заменять натуральную повинность денежной [16]. В 1890 году было принято новое «Положение о земских учреждениях» [15, с. 495–511]. Согласно ему, переложение натуральных повинностей в денежные требовало утверждения министра внутренних дел. Издавались также своды постановлений местных органов власти. Например, по развитию дорожного строительства Вологодское земство издавало материалы в 1905 и в 1913 годах.

Второй группой источников выступают делопроизводственные документы. Они включают комплекс сведений из отчетов губернаторов, переписки различных ведомств, предписаний, поступавших из разных ведомств по поводу развития путей сообщения. Отчеты вологодских губернаторов хранятся в фонде № 18 Государственного архи-

ва Вологодской области (канцелярия вологодского губернатора). Эти отчеты включают в себя такие характеристики составляющих транспортной инфраструктуры, как дороги грунтовые и шоссейные, водную систему сообщений. Часть приложений к губернаторским отчетам была издана под общим заглавием «Обзор Вологодской губернии» за тот или иной год. Приложение ко всеподданнейшему отчету губернатора». Из этих обзоров были извлечены сведения об отправлении натуральной дорожной повинности в разрезе уездов.

Большое значение для исследования дорожной инфраструктуры имели такие делопроизводственные источники, как журналы заседаний губернских земских собраний, представляющие собой, по сути, протокольную запись хода заседаний, ведущуюся по определенному формуляру. В журнале заседания проставлялся номер и дата заседания, давалась информация о председателе, секретаре и гласных, которые прибыли на заседание. Кроме того, выделялись вопросы, которые рассматривались на заседании, итоги рассмотрения их прописывались в постановлениях губернского земского собрания. Некоторые заседания Вологодского губернского земского собрания были чрезвычайными: например, заседание 29 мая 1907 года, рассматривавшее вопрос об устройстве дороги к нефтяным месторождениям на реке Ухте. Журналы эти издавались по мере проведения заседаний, в них публиковались доклады Вологодской губернской земской управы и приложения к ним. Кроме того, в журналах отражены прения по разным вопросам. В частности, в данных журналах содержатся материалы о постройке и ремонте трактов, формировании дорожного капитала, устройстве пристаней, строительстве мостов, что было обобщено кругом компетенций земств согласно «Приложению» 1864 года.

Часть информации в журналах заседаний Вологодского губернского земского собрания включена в журналы в виде приложений, среди которых – документы губернской и уездных управ, мнения отдельных депутатов и комиссий, справочные сведения, сметы и т. д.

Важнейшим делопроизводственным источником по истории развития дорожной инфраструктуры являются «Памятные книжки Вологодской губернии» и «Справочные книжки Вологодской губернии», представляющие собой одну разновидность исторического источника. Это ежегодные сборники справочной информации по губернии, включающие в себя адрес-календари, статистические обзоры губернии и краеведческие сведения. В них содержались данные о количестве трактов, их обустройстве, основных водных системах, пристанях, перевозимых грузах, количестве судов и т. д. Кроме того, нередко в памятных книжках публиковались специальные обзоры, посвященные более

узким вопросам. Так, например, в «Справочной книжке 1854 года» содержатся известия о датах вскрытия и замерзания рек Вологды (при г. Вологде) и Сухоны (при г. Великом Устюге), в «Справочной книжке Вологодской губернии на 1856 год» содержатся сведения о различных отраслях промышленности и судостроения в уездах Вологодской губернии. «Памятная книжка Вологодской губернии на 1875 и 1876 годы» содержит сведения о речных промыслах населения Вологодской губернии. В последнем материале также названо количество лиц в каждом уезде и волости, занимавшихся речными промыслами.

Отдельно следует отметить данные о судоходстве с пристаней Вологодской губернии, публикуемые систематически всю вторую половину XIX века в «Памятных книжках Вологодской губернии». В этих данных содержится наименование пристаней и отправленных с них товаров, число отправленных судов, количество товаров в пудах и ценность отправленного груза в рублях. Кроме того, в этих данных отмечено, в каком конкретно направлении с каждой пристани отправлялись товары.

Редакторами и составителями «Справочных книжек» и «Памятных книжек» были сотрудники губернского статистического комитета. Большое значение для Вологодской губернии имела деятельность в статистическом комитете Ф.А. Аресеньева. Он начал работать в Вологодском статистическом комитете в 1863 году, в 1867 году был повышен до высокой должности члена-секретаря вологодского статистического комитета, и, с небольшим годовым перерывом, трудился там до 1889 года. После него должность члена-секретаря Вологодского статистического комитета занял И.А. Полиевктов, с 1889 года и до конца изучаемого периода.

Важнейшим источником по истории дорожной инфраструктуры являются статистические данные. Среди них особое место занимает военно-статистическое описание губерний, в том числе Вологодской губернии, выполненное в середине XIX века. «Военно-статистическое обозрение Российской империи» было издано в 1848–1858 годах и составляло 17 томов. Информация по Вологодской губернии находится в третьей части 2 тома, изданного в 1850 году при Первом отделении Департамента Генерального штаба. Составителем данного источника был военный инженер, на момент составления сборника в звании капитана, Пётр Карлович Услар. Кроме части о Вологодской губернии, он подготовил разделы «Военно-статистического обозрения» о Тверской и Эриванской губерниях. К сожалению, историками этот источник в плане источниковедения изучен довольно слабо, при всей его очевидной пользе и высоком уровне информативности. В части, посвященной Вологодской губернии, была описана местность – гидрографический, климатический и почвенный обзор территории, её

административное деление, подробно рассмотрены сухопутные и водные пути сообщения. Там же описаны жители, даны их «племенной обзор», информация о занятиях и образе жизни и всём, что касалось возможности отправления ими дорожной повинности. В обзоре представлены и отрасли хозяйства, промышленность и торговля, сведения об образовании населения губернии. В специальной части (приложении) отмечены места возможной дислокации штабов войск для наиболее быстрой связи с армейскими частями, приведена информация о караулах и постах и прочие сведения, касающиеся военного дела.

Особую важность для исследования представляет подробность и высокий профессионализм описания как природных условий, так и водных и сухопутных путей сообщения. Показательна, например, структура части об описании дорог губернии: первоначально даётся общий взгляд на всю дорожную систему Вологодской губернии начала изучаемого периода, далее описываются отдельные виды дорог – почтовых трактов, торговых и больших просёлочных дорог, волоки и зимние дороги, этапные дороги. В каждом из описаний видов дорог указаны конкретные сухопутные пути сообщения и дана их характеристика, уровень проходимости на разных этапах, состояние переправ, возможность остановок для воинских команд. Водные же пути сообщения описаны по следующей схеме: в начале описаны основные судоходные системы, затем распадающиеся на более мелкие элементы. Дано описание таких важных составляющих инфраструктуры, как каналы, шлюзы и пристани. Приводится количество судов, их виды, дан перечень перевозимых грузов и стоимость товаров. Кроме того, описаны особенности судоходства по каждой из речной систем, возможные опасности, селения и города с точными сведениями о расстоянии между ними и т. д. [5].

Статистические сведения о путях сообщения Российской империи Центральный статистический комитет (ЦСК) начинает помещать в своих изданиях со второй половины 60-х годов XIX века. В первом выпуске 1866 года «Статистического временника Российской империи» [17] помещены сведения о внутреннем судоходстве. Первая самостоятельная работа ЦСК о путях сообщения была помещена в «Статистическом временнике Российской империи» в 1872 году под названием «Материалы для статистики речного судоходства в Европейской России». В данном издании дан краткий перечень судоходных и сплавных рек Европейской России, перечень судоходных озёр и каналов, сведения о вскрытии и замерзании рек, сведения о судах разного рода, сведения о судостроении на реках Европейской России, данные о пароходах, перечень пароходных компаний. Эти сведения, как правило, относились ко второй половине 1850–

1860 гг. Материалами для выполнения данной работы послужили издания Министерства путей сообщения, «Памятные книжки» губернских статистических комитетов, «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», издания различных обществ и частных лиц.

В дальнейшем, начиная с 1904 года, очень полезные сведения о реках и судоходстве публиковались в «Ежегодниках России». В них содержалась информация о длине внутренних водных путей Европейской России по бассейнам и губерниям. Сведения о шоссейных, мощеных и грунтовых дорогах ЦСК стал помещать в своих ежегодниках начиная с 1907 года. Сам Центральный статистический комитет отмечал, что эти сведения не вполне удовлетворительны.

Министерство внутренних дел сведения о сухопутных дорогах собирало всего три раза: два раза силами Главного управления по делам местного хозяйства, которое в 1902 году опубликовало сведения по 49 губерниям Европейской России в книге «Россия в дорожном отношении» [12]. В третий раз сведения о сухопутных дорогах собирались Центральным статистическим комитетом и были опубликованы в «Ежегоднике России» за 1910 год. Это были данные по всей России, собранные непосредственно от губернаторов. Данные относились главным образом к дорогам, находящимся в управлении земств [13].

Следующим статистическим источником являются «Ежегодники России», издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел с 1904 по 1916 годы. С 1904 г. ЦСК начинает печатать первое периодическое статистическое издание – «Статистический ежегодник России», которое выходило до 1916 г. Структура содержания ежегодника, естественно, отражала структуру народного хозяйства Российской империи и менялась вместе с последней.

Среди периодических источников по изучению дорожной инфраструктуры важнейшее место занимает журнал «Водные пути и шоссейные дороги». Это издание было посвящено развитию сети водных и шоссейных путей, а также их улучшению, содержанию и эксплуатации. Данный журнал выходил с 1913 по 1916 год, по 12 номеров в год. Он издавался Управлением внутренних водных путей и шоссейных дорог (редактор В.М. Лохтин). Большое количество особо интересных статей о шоссейных дорогах в этом журнале опубликовал Николай Фомич Александров [2, с. 113–115] – русский военный инженер и военачальник, инженер-генерал, начальник главного инженерного направления. В частности, он писал о причинах бездорожья в России, о зимнем содержании дорог, о работе земств в области дорожного хозяйства, об особенностях эксплуатации грунтовых дорог, о деятельности Ми-

нистерства путей сообщения по строительству дорог и др. Также о причинах бездорожья в данном журнале писали русский гидротехник и гидролог В.М. Лохтин [10], А. Чернявский [22, с. 389–390] и Лесной [9, с. 43–44]. В.М. Лохтин был крупным исследователем судоходных путей, руководил работами по улучшению судоходных условий рек Камы, Днестра, Волги. Написал большое количество трудов по речному делу, основатель учения о формировании речного русла.

Важными для изучения дорожной инфраструктуры являются источники личного происхождения. Особый интерес представляют путевые заметки, так называемые травелоги, в которых хорошо описано состояние путей сообщения и свойственная каждому из них специфика. Травелог – это литературное произведение, путевой дневник, описывающий путешествие автора куда-либо. Этот исторический источник особенно ценен своей подробностью и избытком фактов, почерпнутых автором из путешествия, часто в нем встречаются графические изображения и фотографии, также он всегда содержит субъективное мнение автора по ряду проблем, что тоже является ценным источником информации. Государство и Русское императорское географическое общество, заинтересованные в исследовании и описании путей сообщения реальными людьми, а не в виде отчетности, охотно нанимало малоизвестных молодых литераторов, давая им возможность увидеть и описать частичку русского мира за деньги казны и с благословления и частичного финансирования великого князя Константина Николаевича. Многие литераторы с радостью откликнулись на такое предложение. В результате мы имеем множество опубликованных путевых заметок-травелогов второй половины XIX – начала XX в.

Всего выявлено 13 дневников, в той или иной мере повествующих о транспортной инфраструктуре Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX в. Описание преимущественно сухопутных путешествий встречается в путевых дневниках: С.П. Шевырёва, писавшего о поездке в Кирилло-Белозерский монастырь в середине XIX века [14], И. Тюменёва, оставившего заметки о путешествиях от Тихвина до Весьегонска [18], И.А. Шергина, описавшего железнодорожную поездку по Северу в начале XX века [23], С. Грэхема, путешествовавшего по Северу в 1914 году [1], А. Докучаева-Баскова, оставившего впечатления о пути от Каргополя до Антониево-Свирского монастыря [6]. С.П. Шевырёв был русским литературным критиком, поэтом, академиком Российской академии наук, работал в Московском университете и долгое время жил за границей. Поездку в Кирилло-Белозерский монастырь в 1848 году он совершил в поисках неизвестных памятников литературы. Особый интерес вызывают оценки состо-

яния дорожной инфраструктуры, сохранившиеся в дневниках рассматриваемых авторов. Особенно это касается одной из извечных проблем России – грунтовых дорог. И.А. Шергин являлся северным поэтом-самоучкой, публиковал в периодической печати очерки, выпускал собственный журнал (не являясь дворянином, что довольно необычно и любопытно в свете того времени). Стефэн Грэхем был английским подданным и стремился, посетив Россию, познакомить англичан с жизнью русского народа. Он увидел русскую жизнь в дальних селениях, где не ступала нога западноевропейца.

Основная часть путевых дневников посвящена водным путешествиям, которые были более лёгким и приятным способом добираться в пункт назначения, нежели поездка по трактам и проселочным дорогам бескрайнего Русского Севера. Отрывки из путевых дневников публиковались в «Морском сборнике» и многих других журналах. Некоторые авторы описывали свои путешествия по Русскому Северу преимущественно по речной системе для реализации литературных потребностей.

Путешествиям по рекам посвящены работы Ф.А. Арсеньева, оставившего путевые заметки о поездке от Шексны до Кубенского озера в последней трети XIX в. [3], А. Фирсова, проплывшего по рекам Вологде и Сухоне в начале XX в. [21], Е. Львова, посетившего большое число городов Севера в конце XIX века [11], И.Ф. Тюменёва, проплывшего из Москвы в Петербург по рекам и каналам Русского Севера также в конце XIX в. [18], А. Энгельмейера, путешествующего по Русскому и Скандинавскому Северу в начале XX в. [24], Н.А. Лейкина, совершившего путешествие на водопад Кивач из Петербурга в начале XX века [8], Б.В. Бессонова, исследовавшего возможность прокладки водных путей из Вологодской губернии в Сибирь в начале XX в. [4], В. Лебедева, путешествовавшего от Вологды до Ульянова монастыря в начале XX в. [7, с. 49–129]

Таким образом, комплекс опубликованных источников по истории дорожной инфраструктуры Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX в. достаточно обширен. Он позволяет выявить порядок поддержания дорог в проезжем состоянии, планы и выводы, которые делали местные органы власти о состоянии транспортной системы региона. Статистические источники позволяют довольно полно судить о протяженности, направлении и использовании путей сообщения. Материалы периодической печати и источники личного происхождения придают этим сухим сведениям эмоциональное наполнение и ценные дополнения.

Библиографический список

1. *Graham S. Undiscovered Russia* / пер. с английского М. Ильюшиной. – Lnd: John Lane the Bodley Head, 1914.

2. *Александров Н.* Причины плохого состояния наших грунтовых дорог. – 1916. – № 4–5. – С. 113–115.
3. *Арсеньев Ф.А.* От Шексны до Кубенского озера: Путевые очерки // Древняя и новая Россия. Т. 2. – 1878. – № 5.
4. *Бессонов Б.В.* Поездка по Вологодской губернии в Печерский край к будущим водным путям на Сибирь. – СПб., 1909.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи / сост. Ген. штаба. – СПб., 1850. – Т. 2. – Ч. 3: Вологодская губерния.
6. *Докучаев-Басков А.* Путевые заметки (от Каргополя до Антониево-Свирского монастыря и обратно) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1914. – № 2. – С. 49–58; № 3. – С. 84–91; № 4. – С. 107–122; № 5. – С. 139–146; № 7. – С. 198–205.
7. *Лебедев В.* От Вологды до Ульянова монастыря на дальнем севере, у зырян // Труды IV областного историко-археологического съезда в Костроме в июне 1909 г. – Кострома, 1914. – С. 49–129.
8. *Лейкин Н.А.* По Северу дикому. Путешествие из Петербурга в Архангельск и обратно. Поездка на водопад Кивач. – СПб., 1904.
9. Лесной. Бездорожье в Северо-Восточной России // Водные пути и шоссейные дороги. – 1914. – № 1. – С. 43–44.
10. *Лохтин В.М.* Замерзание рек // Известия собрания инженеров путей сообщения. – 1908. – Т. 28. – № 2–3.
11. *Львов Е.* По студёному морю: Поездка на Север. Ярославль, Вологда, Архангельск, Мурманск, Норд-Кал, Тронд-Гейм, Стокгольм, Петербург. – М., 1895.
12. *Мейен В.Ф.* Россия в дорожном отношении: в 3 т. Т. 1. – СПб., 1902.
13. Обзор статистики о дорогах дан в «Обзоре деятельности Центрального статистического комитета по разным отраслям статистики за период 1863–1912 гг. // Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (1863–30.04.1913). – СПб., 1913. – С. 33–39.
14. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году: в 2 ч. – М.: Унив. тип., 1850.
15. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1890 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 10. – № 6927. – С. 495–511.
16. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 39. – № 40457. – С. 1–10.
17. Сборник статистических сведений о России // Статистический временник Российской империи. Сер. 1. – Вып. 1. – СПб., 1866.
18. *Тюменёв И.Ф.* Хлебный путь в столицу (путешествие из Москвы в Петербург по рекам и каналам Русского Севера) // Нива. – 1898. – № 2.
19. Устав о Земских повинностях // Свод законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Т. 4. – СПб., 1899.
20. Устав путей сообщения // Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный. Т. 12. – Ч. 1. – СПб., 1899.
21. *Фирсов А.* По рекам Вологде, Сухоне и Северной Двине // Исторический вестник. – 1907. – Т. 110: Октябрь – декабрь. – С. 629–652; 981–1002.
22. *Чернявский А.* Деятель министерства путей сообщения в деле развития местного шоссейного строительства // Водные пути и шоссейные дороги. – 1913. – Вып. 9. – С. 389–390.
23. *Шергин И.А.* Поездка на Север. – СПб., 1912.
24. *Энгельмейер А.* По русскому и скандинавскому Северу. Путевые впечатления: в 4 ч. – М., 1902.

ЗАБОЛЕВАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ И БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье исследуются заболевания железнодорожников и борьба с эпидемиями на железных дорогах в дореволюционный период (конец XIX – начало XX века). В ходе исследования выявлены причины, которыми обусловлены заболевания железнодорожных служащих. Статья раскрывает меры по борьбе с заболеваемостью служащих, которые предпринимало Министерство путей сообщения вместе с Управлениями железных дорог, хотя устранить все недостатки службы (перемена температуры, нерегулярное питание и т. п.) едва ли представлялось возможным. Благодаря своевременно принятым радикальным мерам по борьбе с холерой, сыпным тифом и другими заразными болезнями они не имели на железных дорогах широкого распространения.

Ключевые слова: здоровье, санаторий, заразные болезни, эпидемия, фельдшер-дезинфектор, работники железнодорожного транспорта.

Тяжелые условия труда, быта, недостаточное материальное обеспечение отражались на состоянии здоровья железнодорожников. Наибольшее распространение среди служащих на казенных железных дорогах имели болезни органов пищеварения, за которыми следуют болезни дыхательных путей, заразные (холера, сыпной тиф и др.), органов движения, травматические повреждения, болезни нервной системы, органов зрения и другое. На это указывают статистические данные, полученные с 1905 г. по 1914 г. [4].

Согласно первой точке зрения, эти заболевания служащих являются профессиональными. Железнодорожные медицинские органы называли это явление хроническим и обусловленным родом профессиональной деятельности данной категории работников [12, с. 18]. С другой точки зрения, на заболеваемость служащих гораздо большее влияние оказывала совокупность их жизненных условий, обусловленных неблагоприятным материальным состоянием, нежели профессиональная деятельность [1, с. 25].

Скорее всего, в той или иной мере верны обе позиции, хотя думается, что неблагоприятное материальное положение имело особенно большое значение, так как в ином случае железнодорожники могли бы позволить себе и лучше питаться, и помимо лечения у железнодорожного врача оплатить дополнительное лечение, и получить возможность попасть в санаторий. В статье П. Задерацкого «Наши недуги» говорится, что «если больному требуется длительное или санаторное лечение, то его положение незавидно из-за недостатка у него средств, что также не позволяет использовать отпуск должным образом. В подавляющем большинстве случаев сбережений у больного нет: он живет кое-как от жалованья к жалованью» [2, с. 540].

Министерство путей сообщения (МПС) совместно с Управлениями железных дорог принимало меры по борьбе с заболеваемостью своих служащих, хотя устранить все недостатки службы (перемена температуры, нерегулярное питание

и т. п.) едва ли было возможным. Так, согласно данным 1898 г., «на юго-западных дорогах Управление дороги приходит на помощь своим служащим: к услугам больного служащего или члена его семьи врач; бесплатно отпускаются лекарства, начиная от простого до минеральных вод; имеется санаторий в Одессе, больницы; выдаются единовременные пособия в тех случаях, когда необходимо лечение у врача-специалиста или когда доктора находят необходимым поездку для перемены воздуха, восстановления сил или вообще для отдыха; низшим агентам выдаются единовременные пособия для крещения и погребения детей. Существует надзор за чистотой и порядком, но чистотой относительной, чтобы ослабить действие нерегулярного питания, для получения горячей пищи устроены столовые, в которых за небольшую плату отпускаются обеды: в Казатине, например, в столовой обед из трех блюд стоит 25 копеек. В других, менее оживленных пунктах порция борща 10 копеек, а мясное блюдо – 20 копеек» [3, с. 463, 465–466]. Учитывая, что средний заработок железнодорожника в 1901 г. составлял 269 рублей [11, с. 71], это недорого. Отметим и то, что в случае внезапного заболевания служащим было предоставлено право экстренно депешами вызывать врачей и фельдшеров.

Большое внимание Министерство путей сообщения уделяло борьбе с эпидемиями и другими заразными болезнями. В 1906 году на дорогах (независимо от ее протяжения) были назначены санитарные врачи, по одному на каждую дорогу. 11 ноября 1906 года для них были учреждены инструкции.

Задача санитарного врача заключалась в том, чтобы:

«1. Изучать санитарное состояние линии дороги, условия быта служащего и, разрабатывая имеющиеся санитарные материалы, изыскивать способы для их улучшения.

2. Следить за санитарным состоянием дороги.

3. Наблюдать за точным соблюдением на линии обязательных постановлений по санитарной части.

4. Разрабатывать вопросы железнодорожной гигиены.

5. Проводить санитарный осмотр и прочее.

Санитарный врач подчиняется начальнику дороги и старшему врачу» [5]. По сравнению с прежним состоянием это был все-таки прогресс, но ожидать от этой меры значительного оздоровления санитарных условий при огромном протяжении пути было трудно. Вместе с должностью санитарного врача была введена должность фельдшера-дезинфектора, задача которого заключалась в борьбе с эпидемиями и их предотвращением. Оборудовались дезинфекционные камеры, которых в 1911 году насчитывалось 62. Согласно архивным материалам, «меры против холеры, принимаемые МПС, дали благоприятные результаты. Процент заболеваемости на железных дорогах к общему числу заболевших в России составлял: в 1907 году – 5,6 %, в 1910 году 1,85 %, хотя общее число больных холерой увеличилось» [6].

Для борьбы с эпидемиями, согласно «Правилам», утвержденным 19 ноября 1908 года, увеличено количество медперсонала на узловых больших станциях. Открывались временные врачебные пункты с суточными дежурствами врачей, фельдшеров и санитаров. На небольших станциях в случае надобности учреждались временные фельдшерские пункты, усиливался санитарный надзор за всеми строениями санитарных дорог.

Благодаря своевременно принятым радикальным мерам по борьбе с холерой, сыпным тифом и другими заразными болезнями, в 1909 году они не имели на железных дорогах широкого распространения. В 1909 году прекратилась эпидемия азиатской холеры. Но в 1910 году она возобновилась, охватив почти всю Европейскую Россию. Тем не менее, «несмотря на то, что в течение 1909–1911 года Россию не покидала азиатская холера и даже угрожала чума, санитарное состояние железнодорожного населения считалось весьма удовлетворительным» [7].

Нельзя не сказать о неважном положении фельдшеров-дезинфекторов, игравших, пожалуй, самую важную роль в борьбе с эпидемией. В 1910 году насчитывалось 322 фельдшера-дезинфектора, их оклад составлял 125 310 рублей [8, д. 211, л. 128], то есть в среднем 310 рублей на одного человека. «Квартирное довольствие фельдшерам-дезинфекторам было внесено в сметы расходов на 1911 год только на трех казенных железных дорогах. Сумма «квартирных» денег на одного человека составляла на Московско-Курской, Нижегородской железной дорогах 97 рублей 50 копеек, на Риги-Орловской – 67 рублей 57 копеек, на южных дорогах – 90 рублей. Из пятидесяти фельдшеров-дезинфекторов этих трех дорог только четыре человека получили квартиры. 11 июня 1911 г. было решено всем фельдшерам-дезинфекторам выда-

вать «квартирные» деньги на всех казенных железных дорогах. Обмундировочное довольствие им по сметам дорог не предусматривалось» [8].

Для того чтобы служащие могли поправить свое здоровье, Министерство путей сообщения строило санатории, грязелечебницы и другие лечебницы санаторного типа, где могли бы лечиться железнодорожные служащие и члены их семей. В 1908 г. грязелечебница Екатерининской железной дороги приняла 151 человека, которые провели в ней 3 583 больничных дня. Согласно архивным данным, «средняя стоимость содержания одного больного, включая и стоимость ванн, составляет 34 рубля, средняя стоимость одного больничного дня 1 рубль 70 копеек Дорога имеет также санаторий для климатического лечения» [9].

Для примера, средняя стоимость содержания одного больного в своих больницах обходилась Министерству путей сообщения в 28 рублей, а стоимость одного больничного дня составляла 1 рубль 36 копеек. Содержание одного больного в санаториях и курортах обходилось дорожке, чем в больницах, даже если они располагались в одной и той же местности, что объясняется несколькими различными их назначением, в силу которого ослабленные больные в санаториях проводят большее число дней, требуется их усиленное питание, а в некоторых случаях и специальное дорогостоящее лечение: «В учреждения санаторного типа помещались служащие после освидетельствования их врачебными комиссиями и признания нуждающимися в лечении. Лица, помещенные на лечение в санаторий, не могли рассчитывать на одновременное получение и денежных пособий. Члены их семей, если они имеют право на получение пособий и при наличии свободных мест... лечатся за установленную плату. Больные в санатории разделялись на амбулаторных и стационарных. Амбулаторные, проживая на частных квартирах, пользовались только лечебными устройствами и иногда столом в общей столовой. Стационарные пользовались лечебными устройствами, помещениями и полным пансионом и жили в общежитиях» [10]. Итак, к 1910 году на железных дорогах имелось 13 учреждений санитарного типа, и почти все работали в летнее время. Этого было недостаточно, но увеличение числа учреждений такого рода шло очень медленно.

В отношении врачебно-санитарной части отметим, что Министерство путей сообщения постоянно совершенствовала ее организацию и работало над улучшением медицинского обслуживания своих работников. Оно принимало энергичные меры в борьбе с эпидемиями и являлось лидером в решении этой проблемы. В своем стремлении к охране здоровья железнодорожников и их семей министерство опередило в этом отношении все другие ведомства, так как ни в каком другом ведомстве не было такого широкого права на бес-

платную врачебную помощь со стороны не только самих служащих, но и членов их семей, как на железных дорогах. Врачебно-санитарная часть казенных железных дорог, имея ряд недостатков, все же была на более-менее высоком уровне. Таким образом, деятельность Министерства путей сообщения в этой сфере заслуживает высокой оценки.

Библиографический список

1. *Гачковский Г.И.* «Санитарное положение служащих на Рыбинско-Бологовской железной дороге 1889 г. и некоторые статистические данные за 14 лет о влиянии железнодорожной службы на здоровье служащих». – СПб., 1890. – 26 с.

2. Железнодорожное дело: журнал. – СПб., 1901. – 174 с.

3. Инженер: журнал. – Киев, 1898. – Т. 22, вып. 11. – 192 с.

4. Отчет о врачебно-санитарном состоянии эксплуатируемых железных дорог за 1907 г. – СПб., 1908; РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 273. – Оп. 8. – Д. 669. – Л. 51–61.

5. РГИА. – Ф. 273. – Оп. 8. – Д. 211. – Л. 22–22 об.

6. РГИА. – Ф. 273. – Оп. 8. – Д. 123. – Л. 88.

7. РГИА. – Ф. 273. – Оп. 8. – Д. 123. – Л. 124.

8. РГИА. – Ф. 273. – Оп. 8. – Д. 211. – Л. 128 об. – 129.

9. РГИА. – Ф. 273. – Оп. 8. – Д. 123. – Л. 25.

10. РГИА. – Ф. 273. – Оп. 8. – Д. 67. – Л. 153–154.

11. Статистический сборник Министерства путей сообщения. – СПб., 1903. – Вып. 73. – 332 с.

12. *Танский Ю.* О переутомлении железнодорожных служащих. – СПб., 1902. – 40 с.

Фортунатов Владимир Валентинович

доктор исторических наук, профессор

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
elena.fortunatov@mail.ru

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕДНЕГО ЦАРСКОГО МИНИСТРА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ Э.Б. ВОЙНОВСКОГО-КРИГЕРА О РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Воспоминания последнего царского министра путей сообщения Э.Б. Войновского-Кригера «Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции» представлены в статье в качестве содержательного источника, который используется исследователями явно недостаточно. Э.Б. Войновский-Кригер закончил Петербургский институт инженеров путей сообщения, находился в системе Министерства путей сообщения на разных должностях, был начальником крупной Владикавказской железной дороги. Мемуарист повествует о своем жизненном пути, о важной роли российских железных дорог в развитии страны, особенно отдаленных регионов. В статье обращается внимание на ценность воспоминаний Войновского-Кригера о Февральской революции, о психологическом облике Николая II. Приводимые характеристики последнего состава Совета министров одним из его членов отличаются резкостью, отражают критическую оценку мемуаристом кадровой политики последнего российского самодержавца. В статье представляются весьма актуальные и поучительные рассуждения и наблюдения известного государственного деятеля о причинах, предпосылках и событиях революции 1917 года, об упущенных возможностях эволюционного развития страны. Через весь текст воспоминаний рефреном проходит один и тот же подход: если бы руководство страны своевременно предприняло бы необходимые действия, назревшие реформы, то история России могла пойти бы по-другому. В «Записках инженера» повторяющиеся «если бы...» представляют собой нереальное условие, про которое принято говорить: история не знает сослагательного наклонения.

Ключевые слова: министерство путей сообщения, Великая российская революция 1917 г., правительство, бюрократия, гражданское общество, реформы.

В год столетия Великой российской революции 1917 г. хочется обратить внимание на тех современников событий, которые не только приняли в них непосредственное участие, но и впоследствии сочли своим долгом поделиться своими мыслями, впечатлениями об увиденном, передуманном, пережитом. «Мне хочется просто прибавить хоть небольшой луч света в наше недавнее прошлое, значительно затемненное той частью литературы и прессы, которая имеет целью либо полностью обелить все прошлое и представить нашу революцию как несчастную случайность или результат чьих-то злых деяний, либо, наоборот, очернить от начала до конца дореволюционную Россию и изобразить революцию как неизбежное последствие того деспотизма, рабства и нищеты, в которых якобы обретался русский народ», – написал в предисловии к своим «Запискам инженера» Э.Б. Войновский-Кригер [1, с. 8]. Воспоминания последнего министра путей сообщения царской России заслуживают большего внимания профессионального сообщества и широкого круга интересующихся дореволюционной историей России в качестве исторического источника и свидетельства неравнодушного современника.

Несчастные февральские дни 17-го года

Эдуард Брониславович Войновский-Кригер родился в 1864 г. в Майкопе, в 1889 г. успешно закончил Петербургский институт инженеров путей сообщения Императора Александра I, работал по специальности на многих железных дорогах России, стал последним министром путей сообщения в царском правительстве (28 декабря 1916 г. – 28 февраля 1917 г.). К сожалению, «Запи-

ски инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции», написанные Э.Б. Войновским-Кригером в 1925 г. в эмиграции, незаслуженно мало используются историками, журналистами, публицистами, документалистами.

Между тем бывшему государственному деятелю удалось ярко представить гнетущую морально-психологическую атмосферу в высшем эшелоне управления страной накануне Февраля. Вряд ли можно обвинить мемуариста в сгущении красок в характеристиках последнего российского императора Николая II. «В январе 1917 года это уже был человек совсем надломленный, равнодушный ко всему, не верящий ни в какие удачи и предоставивший все воле Бога. Я был прямо поражен происшедшей в нем переменой, его пассивностью и полным упадком духа и каждый раз уходил от государя с тяжелым чувством и безнадежными мыслями о том, в каких обессиленных руках находится судьба России» [1, с. 88]. Последнего председателя Совета министров князя Н.Д. Голицына бывший подчиненный характеризует как «благородного человека, но полное ничтожество в государственных делах». Министр внутренних дел А.Д. Протопопов аттестуется как «уже совершенно психически ненормальный», а военный министр генерал М.А. Беляев – «недалекий и бессильный человек, совершенно не понимавший ни существующего положения, ни своих задач» [1, с. 89].

Особенность положения вещей накануне Февраля представлена мемуаристом в следующем изложении: «За 6–8 дней до вспышки бунта Совет министров заседал каждый день, а иногда и по два раза в день. Председатель Совета кн. Голицын постоянно телеграфировал государю в Могилев

о том, что происходит в столице. Независимо от этого военный министр Беляев и председатель Государственной думы Родзянко тоже посылали неоднократные сообщения в Ставку. Не получая от туда никаких распоряжений, Совет министров 23 или 24 февраля, точно не помню, не видя возможности успокоить население и ввести в норму жизнь столицы, постановил настоятельно просить государя о назначении нового состава правительства во главе с лицом, заслуживающим общего доверия, и таковым рекомендовали генерала Алексеева. На это был получен ответ, чтобы все оставались на местах, что на днях государь приедет в Царское и тогда примет необходимые меры. На дальнейшие донесения о том, что ждать нельзя, что на войска Петроградского гарнизона положиться невозможно, ответа не последовало» [1, с. 91].

Следует отметить, что сам министр путей сообщения докладывал царю об обстановке на железнодорожном транспорте 10 февраля 1917 г. в Царском Селе. В сохранившемся тексте «всеподданнейшего доклада» представлена чрезвычайно тяжелая ситуация, резко осложнившаяся в результате метелей, заносов, повсеместных морозов. «На юго-восточных дорогах метель в некоторых случаях достигала силы урагана. Пути на станциях засыпались на высоту до 1 сажени, а составы, стоявшие на запасных путях, – до уровня кузовов, чем вызывалась приостановка не только товарного, но и пассажирского движения. Почтовый поезд № 3 от 4 февраля во время стоянки на станции Воропоново был занесен до такой степени, что высланный для выручки его вспомогательный поезд с ротой солдат ничего не мог сделать, и пассажиров пришлось снять с поезда и доставить обратно в Царицын.

На Астраханском участке Рязанско-Уральской дороги снежный ураган достигал такой мощи, что снеговые щиты порывами ветра подымало на высоту телеграфных столбов», – говорится в документе [2, л. 203].

Министр путей сообщения докладывал Николаю II о том, что количество задержанных и замедленных в движении на всей сети вагонов достигло небывалой цифры в 60 тысяч вагонов, хотя обычно эта величина не превышала 4–5 тысяч. В целом по сети дорог погрузка и прием грузов уменьшились более чем на 40 %. На такую же величину в сравнении с первой половиной января сократился подвоз продовольственных грузов для Петрограда, а для Москвы – на 30 %. Ниже установленных норм была и доставка интендантских грузов, продовольствия для фронта, действующей армии. При этом пассажирское движение было сокращено до минимума [2, л. 202–203]. И в такой критической ситуации Николай II 22 февраля уехал из Петрограда в Могилев, в Ставку Верховного главнокомандования, а на следующий день в Петрограде началась Февральская шестидневная революция.

Последнее заседание царского Совета министров проходило в Мариинском дворце до позднего вечера 27 февраля, когда министры решили разойтись. Э.Б. Войновскому-Кригеру и министру иностранных дел Н.Н. Покровскому покинуть дворец не удалось, и до 5 часов утра они прятались в темном дальнем коридоре, сидя на дровах и бочонках.

Утром 28 февраля министр обнаружил, что у руководимого им министерства (набережная реки Фонтанки, д. 117) выставлен военный караул. «Пришлось войти на черный двор министра и через кухню квартиры министра проникнуть в свой служебный кабинет, около которого меня обычно приветствовали курьеры» [1, с. 93]. Следует учесть, что в качестве служебной квартиры министры путей сообщения использовали Юсуповский дворец (набережная реки Фонтанки, д. 115), в котором когда-то, в 1810 г., начались занятия в Институте Корпуса инженеров путей сообщения. Из Юсуповского дворца предшественник Войновского-Кригера А.Ф. Трепов выехал. Сам Эдуард Брониславович не въезжал в Юсуповский дворец, но о заветном коридорчике, соединяющем два здания до сих пор, конечно же, знал.

Затем, после 12 часов дня, последний министр путей сообщения Э.Б. Войновский-Кригер, выпускник Петербургского института инженеров путей сообщения, выбрал из возможностей, предоставленных другим выпускником этого учебного заведения, А.А. Бубликовым, арест в здании Министерства путей сообщения с предоставлением телефона. «Вообще, мой арест оказался не только не тяжелым, но даже приятным в том отношении, что я был огражден от всяких случайностей и неприятностей. Ко мне пришла жена, пищу мне давала прислуга Трепова, остававшаяся еще в квартире министра: она же устроила мне хорошую постель, меня навещали бывшие сотрудники и рассказывали о событиях в министерстве и городе» [1, с. 94–95]. Через двое суток, 2 марта 1917 г., бывший министр путей сообщения был препровожден в Таврический дворец, где заместитель председателя IV Государственной думы Н.Н. Львов освободил министра от ареста и снабдил Войновского-Кригера парой бумажек с печатями, с которыми он мог вернуться в свою квартиру на углу Таврической и Тверской. Так для Э.Б. Войновского-Кригера закончились «несчастные февральские дни» (из воспоминаний) и начался новый период в жизни.

Причины русской разрухи

На эмигрантском досуге министр стал разбираться в причинах происшедшего «бунта 27 февраля», которые видел в соединении на улицах столицы праздного народа и полностью распущенных военных частей. «Если бы с самого возникновения забастовок и беспорядка были бы приняты строгие полицейские меры, а худшие части гарнизона вы-

селены из столицы и заменены хорошими частями с фронта, то подавить беспорядки было бы совсем нетрудно. Если бы государь прибыл в Петроград и проявил свою власть, уволив всех министров и назначив другой состав правительства... если бы в этот момент появился сильный и энергичный человек с двумя-тремя полками, то ему нетрудно было бы подчинить себе город, разогнать Временное правительство и Совет рабочих депутатов и призвать законную власть в лице великого князя Михаила Александровича» [1, с. 97]. Из размышлений и описаний, которые часто начинаются с «если бы...», следует, что управленец высокого ранга и технократ своего времени был совсем не знаком с известным тезисом – «история не имеет сослагательного наклонения».

В воспоминаниях крупного эрудированного инженера читатели найдут достаточно критичные характеристики министров путей сообщения, уважительные отзывы о крупных специалистах в области железнодорожного дела, о преимуществах и недостатках казенного и частного способов ведения железнодорожного хозяйства, о роли железных дорог в развитии отдельных регионов и страны в целом. Войновский-Кригер, работавший в 1909–1915 гг. начальником Владикавказской железной дороги, дал в своих воспоминаниях развернутую картину быстрого преобразования Северного Кавказа, Кубанской и Терской областей, южных областей России под влиянием созданной железнодорожной инфраструктуры.

Наибольший интерес для людей, интересующихся отечественной историей, представляют рассуждения отставного министра о причинах падения России. В характеристике «причин коренных, неустранимых, присущих России, составляющих её особенности», мемуарист представил свое видение географических, климатических, этнографических, исторических, социологических и международных (геополитических) условий, их влияние на развитие страны.

Вторую группу причин, по мнению бывшего государственного деятеля, составляли «причины более или менее случайные, в значительной степени зависевшие от лиц, игравших руководящую государственную роль, и сложившиеся уже в последний период перед революцией». Будучи невысокого мнения о слабом Николае II, которого он сравнивал с сильным Александром III, о «тщеславной, властной и неумной» Александре Фёдоровне, Э.Б. Войновский-Кригер считал, что черты личности императора повлияли на качество российской элиты (высшей бюрократии) и определили дефекты высшего правительственного аппарата.

Весьма актуально звучат следующие рассуждения: «Верховная власть должна быть прежде всего народной в том смысле, что она должна быть возможно ближе к населению, к народу, возможно

лучше знать его действительное положение, его главнейшие потребности, его дух, его веру и его настроения. Она должна проявлять наибольшие заботы об общем народном благосостоянии, его развитии и воспитании, материальном и моральном положении. Она должна всегда стоять на защите более слабых, бедных и угнетенных, так как сильные и богатые защитят себя сами. Все акты и действия верховной власти и правительства должны иметь явную цель достижения общего наибольшего блага, а не удовлетворение потребностей и желаний лишь какого-либо одного класса или одной группы населения. Власть должна быть надклассовой, надпартийной и должна духовно опираться не на отдельные части населения, а на всю массу народа» [1, с. 114].

В деятельности верховной власти России на протяжении XIX – в начале XX века эрудированный специалист наряду с безусловными достижениями видел серьезнейшие проблемы. В рассуждениях Войновского-Кригера, как и многих других мемуаристов-эмигрантов, в полной мере проявился тот «задний ум», которым «крепки» многие россияне. В подтверждение можно привести целый ряд очень похожих, типичных пассажей.

Об особенностях политического строя: «Если бы наши министры менее щадили свое самолюбие и чаще выступали в Думе с объяснениями и опровержениями тех многих басен и сплетен, которые зарождались в думских сферах, и если бы не то отрицательное к Думе отношение, которое все время, до самого конца проявлялось императором Николаем II, то Государственная дума ещё скорее втянулась бы в деловую работу. Вообще, не подлежит сомнению, что если бы не эта несчастная война с ее ужасающими последствиями, то наше народное представительство вошло бы в жизнь и не только играло бы подобающую роль в государственной жизни нашей Родины, но при сколько-нибудь нормальном ее течении служило бы и опорой власти, и предохранением от революции» [1, с. 83].

Много внимания в воспоминаниях уделено неразвитости гражданского общества: земских учреждений, городского самоуправления, культурных, хозяйственных, профессиональных, кооперативных обществ и союзов, к которым центральная бюрократия относилась с подозрением. «Если бы это продовольственное дело (во время Первой мировой войны. – В. Ф.) с самого начала было поручено городским управлениям и земским управам, то правительство не только было бы освобождено от этих непосильных для него задач, но и отстранило бы от себя одну из серьезных причин обвинения и неудовольствия» [1, с. 86].

Критически оценивал бывший министр и внешнюю политику царя, которая была зависимой, подчиненной интересам Англии и Франции. Ленина Войновский-Кригер считал немецким агентом, но

сам писал о ситуации летом 1917 г. так: «Если бы Временное правительство не было столь слепым, если бы оно понимало окружающую обстановку и хоть в малой степени обладало предвидением, то оно должно было заключить перемирие с Германией... это возможно было еще сделать на почетных условиях... Бог знает, может, начавшиеся переговоры с Германией побудили бы к тому же и союзников и наступило бы общее перемирие; в мирной конференции участвовала бы и Россия; вместо нежизненного Версальского договора был бы другой, при котором жизнь всей Европы скорее вошла бы в норму, чем мы это видим теперь» [1, с. 99].

Царь, его правительство не имели должной поддержки со стороны большей части общества. Мемуарист охарактеризовал причины оппозиционности интеллигенции, пассивности предпринимательского класса, огромный взрывной потенциал крестьянских масс. «Если бы хоть на 20–30 лет ранее, чем в 1909 году, земля была предоставлена в частную собственность крестьянам и уничтожено пагубное общинное владение, то ко времени Великой войны было бы уже новое поколение мелких земельных собственников; в связи с этим много улучшилось бы экономическое и правовое положение крестьян; в них уже сильно развилось бы чувство собственности и стремление к улучшению своего хозяйства, к сбережениям; не было бы озлобления к другим собственникам земли, так как каждый хозяйственный мужик мог сделаться помещиком; поднялись бы и национальное чувство, и культура среди крестьян, совсем иным было бы их настроение, и Бог знает, имела бы революция 1917 года в них такую поддержку» [1, с. 106–107].

Опасность цивилизационного отставания от передовых стран, необходимость своевременных реформ осознавалась многими думающими людьми, среди которых были М.М. Сперанский, Н.Н. Новосильцев, П.Д. Киселев, декабристы, западники, славянофилы и т. д. «Но, как и многое другое у нас, отмена этого крепостного права, к сожалению, очень запоздала, что вызвало ряд ненормальных и болезненных явлений в нашей политической жизни», – вынужден констатировать также патриот и государственник Войновский-Кригер [1, с. 105].

«Великие реформы» Александра II Освободителя не получили, как известно, ни завершения, ни продолжения. Александр III, восхваляемый мемуаристом и многими почитателями, фактически заморозил политические реформы, а во внешней политике заложил «мину замедленного действия», предпочтя союз с Францией взаимопониманию с Германией, как оказалось, фактически в интересах Великобритании. Николай II, не обладая государственными талантами отца и деда, «не мог не понять в первые же годы своего царствования, что роль Самодержца ему не по плечу... Словом, две причины более или менее случайного свойства вы-

звали русскую революцию: война и личность государя Николая II» [1, с. 111, 130].

Э.Б. Войновский-Кригер с мая 1917 г. стал членом правления и вновь председателем Владикавказской железной дороги. В июне 1918 г. вместе с правлением он выехал в Ростов, затем в Новороссийск, из которого в марте 1920 г. уехал за границу. Он ненадолго вернулся в Крым, где вошел в состав Особого экономического совещания для обсуждения мероприятий к экономическому подъему Юга России, организованного генералом П.Н. Врангелем, а в октябре 1920 г. был начальником Управления путей сообщения в Правительстве Юга России, которое возглавлял А.В. Кривошеин. Последний министр путей сообщения царской России стал последним министром путей сообщения в белогвардейском правительстве.

В эмиграции, в Белграде, Э.Б. Войновский-Кригер возглавлял Южнославянский союз инженеров и промышленное общество «Техника». Затем жил в Германии, Франции, где возглавлял русское строительное общество «Котриб». В 1931 г. он возглавил Федерацию русских инженеров за границей. Умер 3 января 1933 г. и похоронен в Берлине.

«Записки инженера» (130 страниц), написанные в 1925 г., вышли в 1999 г. во «Всемирной мемуарной библиотеке», основанной А.И. Солженицыным, в серии «Наше недавнее», редактируемой Н.Д. Солженицыной. Под одной обложкой с «Записками инженера» Э.Б. Кригера-Войновского помещены «Записки инженера» В.Э. Спроге.

К сожалению, в издании отсутствует предисловие и какой бы то ни было научно-вспомогательный аппарат. Читателям придется многое, включая дату смерти автора, уточнять самим. Например, во многих справочных статьях используется название Кригер-Войновский, а не Войновский-Кригер. Действительно, в марте 1915 г. с обращением о предоставлении законной отсрочки от призыва в армию сыну Сергею Эдуардовичу Кригеру-Войновскому в канцелярию Петроградского института инженеров путей сообщения обратился начальник Владикавказской железной дороги Э.Б. Кригер-Войновский, но в документе сына большого начальника называют Сергеем Войновским-Кригером (1913 г. приема) [5, с. 173].

Известный специалист по истории железнодорожного транспорта А.С. Сенин в статье о министре в энциклопедии [3, с. 399–400] в качестве основной берет фамилию Войновский-Кригер, а в скобках помещает второй вариант. В своей монографии [4, с. 218] Сенин оставил название Войновский-Кригер. Во всяком случае, под «всеподданнейшими докладами» в январе – феврале 1917 г. министр путей сообщения подписывался как Э.Б. Войновский-Кригер [2].

Бесспорным остается главное: воспоминания последнего министра путей сообщения Эдуарда

Брониславовича Войновского-Кригера заслуживают внимания, вдумчивого прочтения и активного использования.

Библиографический список

1. *Кригер-Войновский Э.Б.* Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции // Кригер-Войновский Э.Б.; Спроге В.Э. Записки инженера. – М.: Русский путь, 1999. – 520 с.

2. «Всеподданнейшие» доклады министра путей сообщения об осмотре волжского бассейна, состоянии ж.д. сети в 1917 г. и по другим вопросам // Российский государственный исторический архив. – Ф. 229. – Оп. 4. – Д. 414.

3. *Сенин А.С.* Войновский-Кригер // Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия: в 3 тт. / отв. ред. А.К. Сорокин. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – Т. 1: А–Й. – 823 с.

4. *Сенин А.С.* Железнодорожная администрация Советской России в годы Гражданской войны: монография. – М.: ФГБОУ «Уч.-метод. центр по образованию на железнодорожном транспорте», 2015. – 316 с.

5. О воинской повинности. 1915 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. – Ф. 381. – Оп. 1. – Д. 100.

Сазонов Дмитрий Иванович (Прот. Дмитрий Сазонов)

кандидат богословия
Общецерковная аспирантура свв. Кирилл и Мефодия
Sazonow63.12@gmail.ru

РАЗВИТИЕ ПРИХОДСКОЙ ОБЩИННОЙ ЖИЗНИ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ С 1918 ПО 1988 ГОДЫ

Изменения в организации и управлении приходских общин в России на протяжении почти всей истории XX века, придание приходской общине надлежащего учению Церкви статуса стали возможны лишь в государстве, в котором «свобода совести и свободное исповедание религии» стало не формальным провозглашением, а реальностью. Автор статьи отмечает, что возрождение Русской Православной Церкви в конце 80-х годов XX века продолжается возвращением провозглашенных церковным народом в начале XX века принципов свободного объединения верующих людей для возрастания в духовной жизни. В статье также идет речь о тех временах, когда такое объединение не было возможным. Автор показывает роль государства, которое в угоду провозглашенных идеологических лозунгов лишает человека данных ему Богом и человеческим законом прав.

Ключевые слова: Собор, община, приход, Церковь, настоятель, храм, Устав.

В начале XX века одним из важных направлений в области церковных реформ, призванных оздоровить (обновить) жизнь Церкви, стало направление по возрождению приходской общины. Определение статуса и организации приходской общины, призванной привлечь и объединить на основе православных ценностей людей, являющихся прихожанами каждого храма Русской Церкви, стало одним из главных вопросов, вынесенных на повестку работы Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 гг.

На Соборе был определен формат прихода-общины, возглавляемой священником – настоятелем, и принят первый в истории Русской Православной Церкви Приходской Устав, в котором было определено, что «православный приход, как часть епархии, в составе клира и мирян, есть церковная, с правом юридического лица, община при храме, находящаяся в канонической зависимости и общении с местным Епископом и всей Поместной православной Церковью» [6, с. 531]. Прихожанами признавались «все лица православного исповедания, живущие в пределах прихода и сохраняющие живую связь со своим приходским храмом». Запись о них вносилась в приходскую книгу, и за совершением треб им следовало обращаться к своему приходскому духовенству (пункты 20–22 Приходского устава). Основные пункты определения прихода в Уставе 1918 года были затем повторены и частично вошли в текст Устава Русской Православной Церкви 1988 г. и Устава 2000 г., действующие с поправками 2008, 2011, 2013, 2016 гг.

Конечно, приходская община в таком виде, в каком ее определил Поместный собор в 1918 году, в Советском государстве существовать не могла в связи с негативным отношением государства к религии. Репрессии против Церкви и духовенства начались уже в период работы Собора. Спустя 20 лет, к 1941 году на свободе в СССР оставалось лишь 4 епископа [11, с. 180], и менее 5% от чис-

ленности духовенства 1920-х годов. В 25 областях РСФСР не было вообще ни одной открытой церкви, в 6 областях Украинской ССР ситуация была идентичной [8, с. 101]. На основании документальной базы О. Васильева указывает, что на территории СССР до присоединения Западных областей (3000 храмов), находилась 121 действующая церковь [2, с. 41]. Д. Поспеловский, касаясь морального аспекта иерархии довоенного времени, отмечает, что оставшиеся на свободе священнослужители находились под полным контролем органов НКВД, что послужило полной потере их авторитета среди верующих [12, с. 182]. С его мнением трудно согласиться, учитывая послевоенный рост количества открытых церквей и духовенства – уже в 1945 в Русской Православной Церкви насчитывались: 41 архиерей, 10243 церкви, 1 институт и 4 пастырских курса, 104 монастыря с 4632 насельниками и насельницами, в 1960 г. – 68 архиереев, 13008 храмов, 11407 священнослужителей, 2 академии, 8 Духовных семинарий, 70 монастырей [17, с. 398]. Эти цифры свидетельствуют как об авторитете духовенства, так и о состоянии религиозности населения. Однако даже учитывая кардинальные изменения в государственно-церковных отношениях в сторону их улучшения после 4 сентября 1943 года, на стабильность их не приходилось рассчитывать, о чем свидетельствуют приведенные М. Шкаровским данные о количестве монастырей, число которых, по сравнению с послевоенными годами уменьшилось на 30. Шкаровский на основании документальной базы и мнения таких авторитетных исследователей в данной области как О.Ю. Васильева и П. Кньшевский, делает вывод о том, что за «видимостью благополучия», Церковь была поставлена под «жесткий контроль» и была «встроена в систему режима <...> власти». Работа с религиозными организациями и проведением политики государства в религиозной сфере была поручена Наркомату госбезопасности. Совет по делам Русской Православной Церкви при правительстве

СССР находился целиком под их опекой [3, с. 27]. В указаниях, данных председателю СДРПЦ (Совет по делам Русской Православной Церкви – Д. С.) полковнику госбезопасности Г.Г. Карпову лично И. Сталиным в устной инструкции было сказано: «Не смотреть в карман церкви и духовенства <...>, Совету обеспечить, чтобы епископат являлся полновластным хозяином епархии <...> обеспечить право архиерея распоряжаться церковными суммами, не делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т.п.» [16, с. 4–5]. В этих указаниях видится очень важный аспект государственно-церковных отношений: несмотря на всеобъемлющий контроль, государственные органы, как отмечает О. Васильева, не видели необходимости в проведении «специальной кадровой политики» в отношении церковных кадров на предмет их лояльности строю [2, с. 131–132]. Однако власти не собирались содействовать восстановлению сильной и самостоятельной церковной организации, тем более с опорой на решения Поместного Собора 1917–1918 гг. Некоторые уступки со стороны государства не решали проблему церковной организации, среди которой основной и главной составляющей служили не столько административные единицы – епархиальные управления, сколько приходские организации – приходы, которые объединяли народ. А они были зажаты в рамки законодательства о культах 1929 года и партийными инструкциями – ни о каком объединении граждан в приходы не могло быть и речи (ст.16) [9, с. 108]. Вспомним ст. 142, 143, 227 УК РСФСР, соответствующие статьи союзных республик, по которым за нарушение религиозного законодательства вменялась ответственность вплоть до уголовного преследования. Осуществляя контроль за соблюдением законодательства о культах, Совет по делам религий при Совете Министров СССР имел право ставить вопрос о привлечении лиц, виновных в нарушении законодательства о культах, к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности. И для прояснения ситуации, когда есть устная инструкция руководителя государства «не залезать в карман духовенству», но, с другой стороны, есть ст. 30, 31, 37–40 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г., Министерство финансов СССР обязало соответствующие финансовые органы осуществлять систематический контроль за правильностью и полнотой учета доходов, полученными гражданами в религиозных организациях и подлежащих обложению налогом, а также за полнотой и правильностью учета других объектов обложения налогами и сборами [4, с. 63, 69].

Государственная власть по отношению к Церкви руководствовалась лишь своими интересами. Власти не желали восстановления церковной организации, могущей выйти из-под контроля. Очень

показательно такой взгляд партийного руководства отразился на процессе открытия храмов: постановление от 28 ноября 1943 года регламентировало рассмотрение ходатайства верующих об открытии храма сначала на уровне местных органов власти, затем, после предварительного решения СДРПЦ, запрос направлялся в Совнарком, затем, снова в Совет. «Такая многоступенчатая процедура, – по мнению М. Шкаровского, – была выработана с целью тщательного дозирования открытия новых храмов. Бесконтрольный стихийный рост количества приходов вызывал сильнейшую тревогу в правительстве [17, с. 207].

Ни епархиям, ни приходам не было возвращено право юридического лица, религиозным обществом была объявлена так называемая двадцатка – «местное объединение верующих граждан, достигших 18 летнего возраста <...> для совместного удовлетворения своих религиозных нужд» в количестве 20 человек. Молитвенные здания являлись государственной собственностью и передавались церковной двадцатке (общине) лишь на правах аренды, запрещалось создавать кассы взаимопомощи, запрещалась внебогослужебная деятельность [9, с. 105–117]. Объединение верующих, живущих в пределах прихода (пределами прихода ограничивалась лишь деятельность священника, ст. 19 – Д. С.), обучение религии, внебогослужебная деятельность духовенства являлись нарушением законодательства [7, с. 219].

Однако в послевоенное время, в рамках государственного религиозного законодательства 1929 года, на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1945 г. (гл. IV) было принято «Положение», согласно которому настоятель возглавлял приходскую общину и ее церковный совет, являлся главой прихода и его духовным руководителем, имел печать и штамп, зарегистрированные гражданской властью. Допущенные государственной властью соборные определения были нарушением государственного религиозного законодательства 1929 года, отдававшего всю власть церковной двадцатке. Но государственные органы, когда им было выгодно, когда государство в своих интересах ослабляло борьбу с Церковью, не особенно придирались к таким нарушениям.

Соборным определением главой прихода был настоятель, который возглавлял церковный совет, в исполнительном органе прихода его помощниками являлись избираемые приходским собранием староста, его помощник и казначей. Церковный совет заботился о всем приходском хозяйстве, в его обязанностях была забота о содержании и ремонте храма, забота об содержании имущества. Однако, государство, дав при определенных обстоятельствах возможность некоторой «религиозной свободы», не наделило ни епархии, ни приходы правом юридического лица, т. е., от имени религиозной

организации, по закону, имели право вести хозяйственную деятельность лишь представители организации, т. е., частные лица (ст. 11) [9, с. 107].

Учитывая идеологическую составляющую, время изменения отношений между государством и Церковью наступило уже конце 1950-х годов, после провозглашения программы построения коммунистического общества в рекордные сроки, в котором Церковь и религия объявлялись идеологическими противниками. «При социалистическом строе не может быть антисоциалистического сознания у людей. – резюмирует сложившуюся в то время ситуацию диссидент В. Буковский. – Не могло быть какого-нибудь инакомыслия». Далее, Буковский пишет о партийных установках по отношению к идеологическим противникам: «О церквях было принято специальное постановление ЦК: сломать их в течение десяти лет» [1, с. 182]. Партийная верхушка требовала в кратчайшие сроки изменить ситуацию с «религиозными пережитками граждан». Выдвинутый призыв – «возвращение к ленинским нормам» – в отношении Церкви означал возвращение к соответствию нормам постановления ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», которое устраняло духовенство от управления приходом, в частности, от участия в финансово-хозяйственных делах, как лиц, лишенных избирательных прав. Напомним, что после принятия Конституции 1936 года, предоставившей всем гражданам одинаковые права, данное постановление вступало в противоречие с Основным Законом государства [14, с. 103–109].

Постепенно в государственно-церковные отношения на местах возвращаются сложившиеся в 30-е годы идеологические стереотипы и методы антирелигиозной работы. Сталинская послевоенная политика по отношению к Церкви воспринималась местным партийным аппаратом как опасная и вредная. Власти прервали начавшийся в годы войны рост числа открытых церквей. Количество открытых храмов неуклонно сокращалось: на 1 января 1949 г. в стране насчитывалось 14445 церквей, в 1951 г. – 13913; в 1953 г. – 13555 храмов [15, с. 462]. В 1961 году было снято с регистрации 1390 православных общин, в 1962 году – 1585. За период с 1949 по 1955 гг. число храмов (а, следовательно, и общин – Д. С.) сократилось на 1055. Между тем, только за 1961 год СДРПЦ получил ходатайство об открытии 304 храмов. Из них 103 заявления Советом были «сняты с рассмотрения» и 201 ходатайство отклонено. В 1962 году 72 зарегистрированные общины не могли получить молитвенного здания, причем в то же самое время в стране насчитывалось 10451 недействующий православный храм, из которых 5669 использовались либо под хозяйственные нужды, либо были заняты культурно-просветительскими учреждениями. Вообще оставались брошенными

и пустующими 3712 храмов. Кроме 10221 зарегистрированной православной общины на 1 января 1962 года в стране нелегально действовало 783 незарегистрированные общины, не прекратившие богослужебной деятельности и после снятия с регистрации. Дальнейшие действия Совета вели к сокращению деятельности религиозных групп. Так, на 21 августа 1963 года зарегистрированными числилось уже 8314 приходов [5, с. 20, 49].

18 июля 1961 года на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в главу IV «Приходы» были внесены изменения, устанавливающие новую организацию приходского управления. В них настоятель и клирики устранялись от участия в приходском совете и собрании. Как уже говорилось, духовенству была оставлена лишь богослужебная составляющая приходской жизни. Изменения в приходской жизни, внесенные Архиерейским собором в 1961 году, были подтверждены Поместным собором Русской православной Церкви 1971 года. Сложилась ситуация, при которой управление приходами сконцентрировалось в основном в руках церковного совета, который возглавлял староста. В своем докладе Местоблюститель Патриаршего престола Митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен обозначил официальное видение положения дел: «Каждая епархия состоит из приходов, духовными руководителями которых являются приходские священники – настоятели храмов. Эти священнослужители, будучи основными помощниками епископов, обладают полнотой духовного попечения в пределах своих приходов <...>. «Положение», принятое Поместным Собором 1945 года, возлагало на настоятелей также и руководство всей финансово-хозяйственной стороной жизни прихода, что в то время было обусловлено неустойчивостью приходской жизни в результате как внутренних расколов, волновавших в свое время Церковь, так и событий военных лет» [11, с. 40]. Смысл сказанного сводится к тому, что в военные и послевоенные годы в Церковь в легализованную государством Патриаршую Церковь, сообразуясь с интересами государства, вошла большая часть общин «непоминающих», подпольных групп [17, с. 251]. Далее, Митрополит Пимен говорит о противоречиях государственного законодательства, вступающего в противоречие с церковным Уставом, в отношении которого следует привести последнего в соответствие с первым. Он указывает, что «Решение об этом архиерейского собора 1961 года не противоречит также древнецерковной русской практике, когда в функции клира не входило управление церковным имуществом, а его непосредственной задачей было живое и строгое выполнение церковных служб, воспитание духовных чад в церковной дисциплине и служение примером личной жизни». Данные слова следует воспринимать как словесный «ре-

веранс» властям, вместе с тем, Митрополит далее говорит о смысле духовного строительства и возглавления прихода, вспоминая слова Святейшего Патриарха Алексия I о «умном настоятеле, благоговейном совершителе богослужений и высоком авторитете его безукоризненной жизни». Будущий Патриарх показывает, что Церковь «вынуждена сделать уступку государству» в целях стратегического самосохранения. «Нам, епархиальным архиереям, – говорит он, – приходится отмечать, что иногда некоторые миряне, нарушая мир в своих приходах, не относятся с должным уважением к своим пастырям». В отношении пастырей он также делает замечание о несоответствии некоторых своему высокому служению [11, с. 41–42]. Все вышеприведенные мысли Митрополита следует понимать как обозначение им ненормального, «временного», несоответствующего своему замыслу положения церковного общества – прихода. Однако из доклада следует сделать правильный вывод – только духовная жизнь пастырей может привести паству в соответствие замыслу Божию о соевей Церкви: «никто не ищи своего, но каждый пользы другого» (1 Кор. 10:24).

Время вносило свои коррективы в процесс возвращения канонических норм приходской жизни. Новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви», принятый на поместном Соборе 1988 года, пусть не в полной мере, возвратил прежнюю формулировку приходской общины, возглавляемой настоятелем – священником. По определению Собора: «Приходом является община православных христиан, состоящая из клира и мирян, объединенных при храме. Такая община составляет часть епархии, находится под каноническим управлением своего правящего архиерея и под руководством поставленного им священника настоятеля» [13, с. 21]. Однако самым главным расхождением с приходским Уставом 1918 года была оговорка, продиктованная наследием советской эпохи: «Прихожанами являются лица православного исповедания, сохраняющие живую связь со своим приходским храмом» [13, с. 24], то есть обстановка того времени еще не допускала границ прихода, которые были в определении Прихода Русской Православной Церкви Устава 1918 года, не предполагала конкретного собирания прихожан, объединенных храмом, а лишь указывала на прихожан, «сохранивших живую связь со своим приходским храмом». Такую формулировку диктовало время. Членство прихожан как наследие советского периода еще было ограничено церковной двадцаткой. Права юридического лица приход еще не имел. Процесс собирания прихожан, объединенных в общину прихода, растянулся на десятилетия. Лишь в 2014 году на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви был заслушан доклад митрополита Санкт-Петербургского и Ла-

дожского Варсонофия (Судакова), управляющего делами Московской Патриархии, секретаря Межсоборного Присутствия, о разработке в профильной комиссии Присутствия темы границ приходов, причем Синод признал затруднительной практическое применение тезисов доклада, высказанных митрополитом Варсонофием [17].

1 октября 1990 г. Верховным Советом СССР был принят Закон РСФСР о свободе совести № 1689-1. Последствием принятия закона было расформирование СДР, упразднились должности областных и краевых уполномоченных по делам религий. Вместо СДР была создана Комиссия по делам вероисповеданий в Верховном Совете РСФСР. Закон признал право юридического лица и налогообложения за приходскими организациями наряду с общественными организациями. Право юридического лица получила Московская Патриархия и Епархиальные управления. В законе было прописано право религиозных организаций на возвращение им в собственность культовых зданий, право на работу с молодежью, благотворительную деятельность, не облагающуюся налогами, внебогослужебную деятельность, создание братств и союзов, разрешаемых законом. Студенты духовных учебных заведений получили льготы в отношении прохождения военной службы (отсрочка), они были приравнены в правах к студентам государственных учебных заведений. Законом было разрешено участие военнослужащих в религиозных обрядах и т. д. [10, с. 813].

Таким образом, на протяжении почти всего XX столетия государство, провозгласившее целями построение «светлого будущего», на практике лишало человека его естественных и определенных не только Богом, но человеческими законами прав и свобод. Только при восстановлении прав и свобод личности, попранных в угоду определенных утопий, возможно построение свободного общества, желающего процветания своего Отечества. История взаимоотношений государства и каждой религиозной общины есть показатель взаимоотношений государства и всего общества.

Библиографический список

1. Буковский В. И возвращается ветер... – М.: Захаров, 2007. – 400 с.
2. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в 1927–1943 годах // Вопросы истории. – 1994. – № 4.
3. Васильева О., Кнышевский П. «Тайная вечеря» // Ленинградская панорама. – 1991. – № 6.
4. Гольст Г.Р. Религия и закон. – М.: Юридическая литература, 1975. – 111 с.
5. Гордун С., свящ. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год. (Краткий исторический обзор). // Журнал московской Патриархии. – 1992. – № 2. – 112 с.

6. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. Кн. 1: Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. – М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2012. – 1376 с.
7. Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культах. Указ Президиума Верховного совета РСФСР от 18 марта 1966 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1966. – №12. – 415 с.
8. *Одинцов М.И.* Государство и Церковь в России. XX век. – М.: Луч, 1994. – 464 с.
9. О религии и церкви // Сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. – М.: Издательство политической литературы, 1977. – 144 с.
10. О свободе совести и религиозных организациях // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 41. – 1030 с.
11. Поместный Собор Русской Православной Церкви. 30 мая – 2 июня 1971 года. Документы. Материалы Хроника. – М.: Издание Московской Патриархии, 1972. – 320 с.
12. *Поспеловский Д.В.* Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
13. Устав об управлении Русской Православной Церкви. – Издание Московской Патриархии, 1989. – 32с.
14. *Федотов А.А., Полозова К.А.* Законодательная база и политические аспекты антицерковных репрессий при Н.С. Хрущеве в 1958–1964 гг. // Актуальные вопросы образования и науки. – 2012. – № 5–6 (33–34). – С. 103–109.
15. *Филиппов Б.А.* Очерки по истории России XX век. Учебное пособие. – М.: ПСТГУ, 2009. – 720 с.
16. Центр хранения современной документации (ЦХСД). – Ф. 5. – Оп. 16. – Д. 669. – 150 с.
17. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. – 400 с.
18. Энциклопедия православная [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://drevo-info.ru/news/17488.html> (дата обращения 04.10.2017 г.).

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИИ

Статья посвящена вопросам историографии кустарной промышленности России. Автором определены три периода историографии, ключевое содержание каждого из периодов, выявлены особенности методологии исследования. Зарождение историографии по данной проблеме относится к середине XIX века. Распространение данной формы промышленности и её значение для экономики страны привело к тому, что при Министерстве финансов Советом торговли и мануфактур была учреждена особая Комиссия по исследованию кустарной промышленности. В её задачи входило, в частности, и определение понятия «кустарная промышленность». В статье проанализирован данный термин, отмечено, что вопросы, связанные с зарождением кустарной промышленности в России, численностью занятых в этой сфере рабочих и крестьян и определением характерных признаков кустарной промышленности, оставались актуальными на протяжении всего XX века. Отмечается, что для советского периода историографии кустарной промышленности характерно наличие политической идеологии. В постсоветский период происходит отход от марксистско-ленинской трактовки вопроса. Сделан вывод о расширении проблематики, появлении таких центров исследования кустарной промышленности, как университеты, и публикации новых источников на современном этапе развития исторической науки.

Ключевые слова: историография, источниковедение, кустарная промышленность, мелкая промышленность, кустарный промысел, центры изучения кустарной промышленности, социально-экономическое развитие, капитализм.

В настоящее время в России получают распространение различные формы малого и среднего бизнеса. Это в первую очередь связано с постепенным развитием рыночных отношений. Научное изучение кустарной крестьянской промышленности позволит лучше понять механизмы данного процесса, в то же время возрождая народные крестьянские традиции. Крестьянская мелкая промышленность, промыслы и ремёсла по-прежнему являются актуальными темами для исторической науки.

В отечественной историографии кустарной промышленности традиционно выделяют три больших периода: дореволюционный (середина XIX века – 1917 год), советский (1917 – середина 1980-х годов) и постсоветский (середина 80-х годов XX века – настоящее время). Каждый из этих периодов имеет свои особенности, в том числе в методологии исследования.

Кустарная промышленность интересовала отечественных исследователей с середины XIX века. С 1860-х годов актуальным стал вопрос научного определения понятия «кустарная промышленность». Одним из первых его толкование предложил А.К. Корсак: «Сельская домашняя система труда, характеризующаяся следующими чертами: во главе производства стоит, как правило, один человек (предприниматель); кустарные промыслы могут выступать не только как побочное, но и как основное занятие крестьянина, при этом работник чаще всего выступает именно как работник, а не как предприниматель» [4, с. 12].

В 1872 году при Министерстве финансов Советом торговли и мануфактур была учреждена особая Комиссия по исследованию кустарной промышленности. В её состав входили представители различных ведомств, связанных с сельскохозяй-

ственным производством, а также члены учёных обществ. Одной из задач этой комиссии являлось чёткое определение термина «кустарная промышленность». Определение, которое было принято на заседании комиссии в 1876 году, звучало следующим образом: «кустарная промышленность – это есть тот вид обрабатывающей промышленности, который является домашним занятием преимущественно сельского населения и служит, более или менее, дополнительным при сельскохозяйственных занятиях» [8, с. 10–11].

Своё определение понятию «кустарная промышленность» старались дать и представители земства. Так, например, Э.Р. Вреден, экономист, профессор Петербургского университета, писал следующее: «Кустарная форма производства возникает и держится под влиянием готовой общественной формы – семьи, а использование наёмного труда нарушает сущность кустарничества, которое не сохраняет уже своего семейного характера» [2, с. 290, 291].

В 1882 году журнал «Дело», отмечая необходимость подробного изучения крестьянской промышленности, писал: «Уже в настоящее время известно, что кустарничество, несмотря на развитие фабрик, представляет типическую организацию русской промышленности, и что оно покрывает целую 1/3 общего бюджета крестьян промышленной полосы» [5, с. 46].

Исследователи дореволюционного периода отечественной историографии фактически не видели разницы между кустарной промышленностью и крестьянскими промыслами. Например, в энциклопедических словарях Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и братьев Гранат есть следующее определение кустарной промышленности: «Мелкая семейная организация продуктов на сбыт, свойственная кре-

стьянскому населению России, в качестве подспорного при земледелии промысла» [10, т. 33, с. 121].

Помимо научного определения кустарной промышленности, в дореволюционный период исследователей интересовал целый ряд вопросов:

- 1) выделение наиболее существенных характерных признаков кустарного производства;
- 2) попытки определить количество рабочих, занятых в кустарной промышленности;
- 3) определение годового оборота кустарного производства;
- 4) происхождение промыслов.

Что касается кустарной промышленности Костромского края, то первым обобщающим исследованием, касающимся, в частности, кустарной промышленности, были «Очерки промышленности Костромской губернии» В.Г. Пирогова [6], основанные на сведениях, собранных в 1871 году Костромским губернским статистическим комитетом, а также на официальных документах и личных наблюдениях автора. В «Очерках» подробно характеризуются различные виды деятельности крестьянского населения, в том числе и кустарная промышленность.

В конце XIX – начале XX века появились работы, касающиеся деятельности государственных и земских учреждений в сфере кустарной промышленности. Особенность данных работ в том, что их авторами являлись не историки, а земские служащие и чиновники. Например, С.И. Слестников, чиновник главного управления землеустройства и земледелия и Н.В. Пономарёв, чиновник кустарного комитета министерства земледелия и государственных имуществ. Такие работы в основном представляли собой сведения отчётного характера.

Несмотря на то, что к концу XIX века Россия вступила в новую на тот момент, капиталистическую стадию развития, кустарные ремёсла и промыслы продолжали играть важную роль в хозяйстве страны. Их изучение было необходимо для составления полной картины производительных сил империи.

К началу XX века вопрос о кустарной промышленности активно обсуждался и в публицистической литературе. Мнения о её судьбе были противоположными. Ряд исследователей в своих трудах указывали, что в скором будущем кустарная промышленность будет полностью заменена фабричным производством (В.И. Ленин, А.В. Погожев, М.М. Туган-Барановский и др.). Другие исследователи (С.Н. Булгаков, В.П. Воронцов, П.Б. Струве и др.) отмечали, что кустарная промышленность может существовать параллельно с крупной, а при поддержке государства она может адаптироваться к различным экономическим условиям.

Исследователи XX века указывали на единство кустарной формы производства с особенностями быта русского крестьянства, его мировоззрением.

Таким образом, в дореволюционной литературе не было единства мнений по поводу определения понятия «кустарная промышленность». Как отмечает исследователь народных промыслов М.Г. Егорова, «это был период сбора и первичного обобщения фактов, постановки вопросов для будущих исследований» [3, с. 8].

Для советского периода историографии кустарной промышленности характерно наличие политической идеологии, когда её история трактовалась через призму Ленинского плана кооперирования мелкой промышленности.

В 1920-х годах появляются исследования А.А. Рыбникова, в которых проводится комплексный анализ состояния кустарной промышленности в России с использованием большого числа материалов земской статистики. Таковы, например, работы «Мелкая промышленность и её роль в восстановлении русского народного хозяйства», «Мелкая промышленность России: сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны», «Очерки организации сельского кустарно-ремесленного хозяйства» и др. В своих работах Рыбников также старался показать некоторые успехи в сфере поддержки промыслов государством. Кустарями он называл как городских, так и сельских мелких промышленников.

Вплоть до 1960-х годов в отечественной историографии кустарной промышленности наблюдается спад количества исследований. Заметный вклад в изучение кустарных промыслов внёс П.Г. Рыдзюнский, советский исследователь социально-экономической истории. В своей монументальной работе «Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80-е годы XIX века)», основываясь на материалах Комиссии по изучению кустарной промышленности, Рыдзюнский представил обширный анализ развития крестьянской промышленности, а также затронул множество важных вопросов: роль кустарной крестьянской промышленности в экономике страны в целом, социально-экономическое положение кустарей, исторические условия развития крестьянских хозяйств и др. Автор ввёл в научный оборот целый ряд исторических источников различного характера, таких, например, как статистические материалы различных отраслей хозяйства страны. П.Г. Рыдзюнский отмечает, что крестьянская кустарная промышленность в массе своей была вынуждена приспособляться к новым условиям быстро развивающегося капиталистического строя. Но этот процесс затормаживался из-за сохранения в стране остатков феодального строя.

1970-е годы отмечены подъёмом интереса к новым сторонам кустарной промышленности, в том числе к этнографической части. Большинство исследователей этого периода считали, что мелкоотварное крестьянское производство, преобладавшее

в хозяйственной жизни России, служило одной из основ капиталистического строя страны. Развивалось изучение крестьянской кустарной промышленности на местном уровне. Этим занимались исследователи Е.И. Соловьёва, О.А. Губаева, Л.В. Ольховская, В.М. Долинин, Б.М. Арсланбеков и другие. Авторы основывались на новых, ранее не опубликованных источниках из региональных архивов.

Новый период в отечественной историографии начинается с середины 1980-х годов. Он отмечен появлением нескольких обстоятельных исследований по истории экономики страны (Л.М. Архипова «Мелкая крестьянская промышленность Центрально-нечернозёмного района в начале XX века» [1], К.Н. Тарановский «Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX века» [7] и др.). Они являлись обобщением множества тем, изученных ранее, и в первую очередь касались вопросов, связанных с развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве и промышленности.

В это время происходит отход от марксистской идеологии. Часть исследователей возвратилась к тем методам и приёмам, которые использовались ещё дореволюционными авторами.

Центрами изучения кустарной промышленности в этот период становятся различные университеты. В них сложились коллективы исследователей, сферой научных интересов которых являлась прежде всего мелкая крестьянская промышленность. Такие центры существовали в Московском педагогическом государственном университете на кафедре отечественной истории (А.В. Лубков, Э.М. Щагин) и на историческом факультете Ивановского государственного университета, где находилась научно-исследовательская лаборатория по теории и истории кооперации.

В 1990-е годы крупным центром исследования российской кустарной промышленности являлся отдел истории экономической мысли Института экономики Российской академии наук. Главным научным сотрудником Н.К. Фигуровской выпущен сборник «Кооперация: страницы истории», посвящённый данной проблематике.

Изучение кустарной промышленности в Костромской области в 1990–2000-е годы отмечено рядом диссертаций, в которых поднимались различные, новые для этого направления вопросы и проблемы. Таковы диссертации Н.В. Сорокина «Деятельность государственных и земских учреждений по изучению и развитию кустарных промыслов в 1874–1917 годах: на материалах Костромской губернии» (1999 год), А.В. Гусева «Промысловая кооперация в потребительском рынке советского общества: опыт преодоления товарного кризиса

(на материалах Ивановской, Костромской и Ярославской областей)» (2008 год).

Материалы по исследованию костромских промыслов и ремёсел, в том числе и современных, присутствуют и на страницах изданий периодической печати (журналы «Губернский дом», «Костромская старина» и др.).

Таким образом, для современной отечественной историографии крестьянской кустарной промышленности характерно расширение круга поднимаемых вопросов и включение в научный оборот новых источников.

Анализ исторических исследований показывает, что к настоящему времени накоплена разноплановая литература, посвящённая крестьянским ремёслам и промыслам. Научные и методологические основы изучения истории крестьянских промыслов и ремёсел заложены в работах Л.М. Архиповой, К.Н. Тарновского и целого ряда других историков. Ими собран и проанализирован обширный фактологический материал, позволяющий рассмотреть мелкую крестьянскую промышленность с различных сторон. При этом остаются недостаточно разработанными вопросы специализации и географии крестьянских промыслов.

Библиографический список

1. *Архипова Л.М.* Мелкая крестьянская промышленность Центрально-нечернозёмного района в начале XX века. – М., 1995. – 162 с.
2. *Вреден Э.Р.* Курс политической экономии. – СПб., 1879. – Вып. 1. – 612 с.
3. *Егорова М.Г.* Преимущество и семейные традиции в становлении и развитии кустарных крестьянских промыслов центрального региона России в конце XIX – начале XX веков: автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Иваново, 2005. – 32 с.
4. *Корсак А.К.* О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и в России. – М., 1861. – 311 с.
5. Новые книги // Дело. – 1882. – № 12. – 432 с.
6. *Пирогов В.* Очерки промышленности Костромской губернии // Материалы для статистики Костромской губернии / под ред. В. Пирогова. – Кострома, 1875. – Вып. 3. – С. 1–123.
7. *Тарановский К.Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX века. – М., 1995. – 272 с.
8. Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Т. 1. – СПб., 1879. – 817 с.
9. Энциклопедический словарь. Т. 26. – М.: Т-во «Братья А. и И. Гранатъ и К», 1913. – 324 с.
10. Энциклопедический словарь. Т. 33 / Репринтное издание Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. – М.: Терра, 1991. – 478 с.

УДК 94(470+571)“1917...”

Панкратова Ольга Борисовна

кандидат исторических наук, доцент
Костромской государственной университет
godunova_olga@mail.ru

Писанов Сергей Сергеевич

Костромской государственной университет
gbcfyjd@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ЛИШЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА КРЕСТЬЯНСТВА В 20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Речь идёт о государственной политике советской власти в отношении крестьян в 20–30-е годы XX века. Рассматриваются положения, касающиеся лишения избирательных прав: законодательные, правовые и политические основания утраты права голоса на выборах в сельские Советы. В статье проводится сравнение положений Конституций РСФСР 1918 и 1925 гг., инструкций о выборах и перевыборах в Советы, выясняется порядок рассмотрения обращений граждан для восстановления в избирательных правах и нарушений законности этого процесса. Анализ исторических фактов приводит к выводу о том, что лишение избирательных прав позволило новой власти нейтрализовать значительную часть крестьянства, сделало возможным постепенное введение политики силового решения вопросов в деревне и в конечном итоге создало условия для применения репрессивных мер в отношении сельского населения в дальнейшем.

Ключевые слова: избирательная система, советская власть, избирательные права, лишение избирательных прав, чуждый элемент общества, выборы, инструкция, эксплуататор.

Вечером 26 октября 1917 года открытие Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов ознаменовало, что «Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано» и «съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок» [7, с. 11–12]. С этого момента главенствующее положение в местном и центральном управлении отводится Советам, становящимся, в свою очередь, основой нового государственного строя. Революция и революционные настроения в обществе дали толчок процессу образования Советов на низовом уровне: фабричном, сельском, волостном, городском, уездном и других посредством выборов. Крестьяне имели право голоса на выборах в сельские и волостные Советы. Ситуация меняется в течение первых лет установления новой власти, которая начала процесс лишения крестьян избирательного права. Причины и последствия этих процессов являются важными для понимания данного периода и объяснения последующих явлений в истории страны.

Важную роль в становлении советского избирательного права сыграло принятие Конституции РСФСР, утвержденной 10 июля 1918 года Пятым Всероссийским съездом Советов. Чтобы сократить до минимума контрреволюционные настроения в обществе и всяческие их проявления, власть лишила определённые категории лиц права избирать и быть избранными в городские и сельские Советы. Статья 23 Конституции гласила: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская

Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции» [5, с. 673]. В статье 65 Конституции непосредственно указывались лица, участие которых в выборах не могло приветствоваться молодой советской властью: «лица, прибегающие к наёмному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовые доходы, на проценты, получаемые с капитала, имевшие доходы с предприятий, поступления с имущества; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции и т. д.» [5, с. 677]. Таким образом, в первый год советской власти лица, которые относились не к трудовой, а к эксплуатирующей части общества, лица, получавшие доход от наёмного труда, аренды, капитала, обладали избирательным правом. В статье 7 Конституции отмечалось, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству – Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [5, с. 671]. Под категорию эксплуататоров попадала та часть работающей деревни, которую власть относил к социально опасным, чуждым элементам строящегося социалистического общества.

Верхушка партии большевиков в конце 1917 – первой половине 1918 гг. в своих выступлениях и печатных работах всё чаще стала обращаться к теме ограничения в политических правах «вчерашних граждан», которых власть не желала видеть в новой действительности, как элемент прогнившего капиталистического общества. Об этом

свидетельствует ряд трудов В.И. Ленина. В статье «Очередные задачи советской власти», написанной в апреле 1918 г. он указывал: «Социалистический характер демократизма советского, то есть пролетарского, в его конкретном, данном применении состоит, во-первых, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы, буржуазия исключается...» [8, с. 203]. На пленуме ВЦСПС 1919 г. в заключительном слове по докладу Лениным было сказано: «Мы открыто заявили, что в переходное время, время бешеной борьбы, мы не только не обещаем свобод направо и налево, а заранее говорим, что мы будем лишать прав тех граждан, которые мешают социалистической революции» [9, с. 294]. Вопрос о формировании органов власти и создании основ советского законодательства становился всё более важным, когда речь заходила об избирательной системе в государстве. В декрете ВЦИК от 11 июня 1918 г. «Об организации и снабжении деревенской бедноты» говорилось: «В голодный 1918 год для решения продовольственной проблемы партия призвала для борьбы с кулачеством создавать комитеты бедноты» [11, с. 522]. Зажиточные крестьяне становились преградой к тому, чтобы полностью подчинить деревню социалистической идеологии и борьбе с деревенской буржуазией. Известно, что комбеды создавались как организации беднейшего и трудового крестьянства, которым должна принадлежать власть в деревне до тех пор, пока не будут проведены выборы в сельские Советы. Но советская власть нуждалась в силах, которые действовали бы внутри деревни для разрушения и разложения деревенского устоя, быта при проведении дальнейших радикальных мер. Этой силой стали батраки, бедняки, объединённые в комитеты бедноты и являвшиеся оружием в руках центральной власти. Зажиточные крестьяне, не желающие смириться с новой действительностью, становились реальной угрозой продвижения революционного порядка в деревне, попадали в жернова политического процесса лишения избирательного права.

Для проведения необходимой политики в кратчайшие сроки нужно было провести сельские и волостные перевыборы, чтобы по всей стране было быстро создан крепкий и единый аппарат рабоче-крестьянской власти. Поэтому постановлением ВЦИК от 2 декабря 1918 года публикуется первая инструкция «О порядке перевыборов волостных и сельских Советов». В ней говорится о том, что «Деревенские Советы – сельские и волостные – были избраны в те времена, когда социалистическая революция ещё не докатилась до деревни. Они были поэтому до последнего времени либо в руках кулаков, либо под сильным их влиянием» [8, с. 582–584]. Этого можно было достигнуть лишь путём перевыборов деревенских Советов. Комитетам бедноты в процессе перевыборов при-

надлежала особая роль – руководить процессом перевыборов, после чего комбеды распускались, а Советы оставались единственным органом власти. Причиной создания реального органа управления деревней – сельского Совета и упразднения комбедов декретом от 23 ноября 1918 г. явился тот факт, что якобы строящие социализм в деревне комитеты бедноты, заручившиеся поддержкой власти, занимались разбойничеством и грабежом своих соседей по селу. Но власти понимали, что деревня – это сплочённый организм, что внешний мир для них – враждебная сила, поэтому на комитеты бедноты была возложена задача расшатать деревенские устои, подтолкнуть деревню на борьбу с зажиточными крестьянами. У комбедов этого не получилось, о чём и сказал на своём выступлении в начале 1919 г. Ленин, констатируя, что вопрос о колхозах не стоит как очередной.

В инструкции указано, что «не должны оказывать никакого влияния на выборы все те эксплуататорские элементы, помещики, кулаки, мироеды, которые были лишены своей собственности в процессе революции. Вчерашние эксплуататоры не могут принимать участия в выборах Советов» [2, с. 582–584]. Данная инструкция, равно как и последующие, была направлена на сокращение количества крестьян-кулаков в сельских Советах. К основной массе, допускаемой на выборы, относились деревенская беднота и среднее трудовое крестьянство.

Итак, для проведения перевыборов в сельские и волостные Советы была организована избирательная комиссия, состоявшая из членов комбедов. Она, в свою очередь, должна была наблюдать за тем, чтобы к голосованию допускались те, кто имеет на это право, руководствуясь статьями 64 и 65 Конституции РСФСР. На протяжении последующих четырёх лет инструкция «О порядке перевыборов волостных и сельских Советов» была сингулярным нормативным документом, объясняющим порядок проведения выборов и формирующим круг лиц, имеющих право голоса и лишённых такового.

В постановлении VIII Всероссийского съезда Советов «О советском строительстве» от 29 декабря 1920 г. присутствует ссылка на статью 57 Конституции 1918 г. и говорится о проведении регулярных перевыборов сельских, волостных, городских и других Советов в установленные сроки, а также о необходимости регулярно созывать съезды Советов. О сроках созыва областных, губернских и уездных съездов говорилось в циркулярном постановлении президиума ВЦИК «О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов» от 8 февраля 1921 г.

По сравнению с инструкцией о перевыборах в Советы 1918 г. инструкция от 31 августа 1922 г. заключала в себе череду структурных преобразо-

ваний, которые указывали на порядок составления списков лиц, лишённых избирательных прав, проверку и размещение этих списков на видном месте. Списки составлялись сравнительно гладко. Были случаи проведения специальных месячников по пересмотру списков. Но 14 сентября того же года был опубликован циркуляр ЦК, констатирующий опасность укрепления в Советах кулацкого элемента. Этот документ требовал проявлять пристальное внимание при составлении списков избирателей, индивидуально подбирать будущих кандидатов из местных коммунистов, пришедших из города, преданных советской власти, для усиления деревни в борьбе с кулачеством.

На этом фоне запретов в жизни советской деревни, которые были рассмотрены выше, стоит обратить внимание на появление двух документов: декрета ВЦИК от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых её законами и защищаемых судами РСФСР» и Земельного кодекса от 30 октября того же года. В первом документе говорилось о том, что объединениям и частным лицам, которые принимали участие в развитии производственных сил страны, всем гражданам, не ограниченным в установленном законом порядке в своей правоспособности, власть предоставляет возможность организовать промышленные и торговые предприятия. В разделе II и III Земельного кодекса говорится, что власть даёт право брать в аренду и давать в аренду, что ранее было запрещено, легализует наёмный труд для сева и сбора урожая, что тоже было запрещено Конституцией. Этими свободами, естественно, пользовались крестьяне, но именно это и подводило их под разряд эксплуататоров и именно они будут лишены избирательных прав.

Следующая ремиссия этого процесса была закреплена в инструкции от 11 августа 1924 г., где было принято решение о снятии лимита для участия в выборах с некоторых категорий лишённых права голоса. Их могли допустить до голосования по предъявлению документа, который бы заверял, что его хозяин не эксплуатировал чужого труда, жил на средства, зарабатываемые его личным трудом. Это касалось части слоёв крестьянства, групп интеллигенции, лишённых права голоса по мотивам антисоветской агитации. Явка избирателей на выборы оказалась незначительной. С мест поступали многочисленные жалобы на нарушение избирательными комиссиями инструкции о перевыборах, в том числе дезорганизация касались и лишения избирательных прав. Как констатировал впоследствии один из руководителей партии и государства Л.М. Каганович, на выборах 1924 г. «под видом кулаков лишали избирательных прав середняков, которые по тем или иным причинам неудобны были тому или иному администратору» [4]. Наблюдалось отступление от Конституции, и вместо

выборов от сельсоветов на волостной съезд избирались делегаты от общих сельских собраний.

Политика «лишения избирательных прав» привела к огромному количеству жалоб и заявлений о восстановлении в этих правах. Поэтому в инструкции от 16 января 1925 г. о перевыборах содержится процедура рассмотрения жалоб граждан на восстановление их избирательного права. Жалоба проходила по нескольким инстанциям: из сельской избирательной комиссии в волостную. Если в волостной комиссии жалоба была проанализирована в положительную сторону, то её отсылали обратно в сельскую избирательную комиссию. Если такого не происходило, она пересылалась в уездную избирательную комиссию. Для рассмотрения жалоб отводилось двое суток каждой из инстанций. Последней кассационной инстанцией являлся президиум ЦИК. Но, несмотря на все предупреждения и требования, идущие из Москвы, своеволие местных властей при проведении выборов сохраняло массовый характер. Это констатировал циркуляр ЦИК СССР от 6 апреля 1925 г., говорящий, что местными органами власти продолжали расширительно толковаться статьи Конституции, определяющие категории лиц, лишённых избирательного права.

Летом 1925 г. была принята новая Конституция РСФСР. Статья 14 Конституции 1925 г. фактически повторяла формулировку 23-й статьи Конституции 1918 г. Она позволяла государству лишать прав как отдельных лиц, так и социальные группы, которые пользуются ими в ущерб интересам строящейся социалистической реальности. Статья 69 указывала категории лиц, причисленных государством к рангу лишённых избирательного права, которые практически остались теми же, что и в предыдущей Конституции [6].

Продолжавшаяся кампания по оживлению активности Советов и действующая обстановка в стране стали мотивом для того, что с июля 1925 г. началась работа над новой избирательной инструкцией. Среди главных намерений – расширение круга избирателей за счёт отдельных групп населения, в прошлом лишённых права. К конечной редакции инструкции о перевыборах Советов была допущена 13 октября 1925 г.

Состоявшиеся в конце 1925 – начале 1926 г. перевыборы предстали самыми «свободными» за всю историю советской власти. В избирательную кампанию были вовлечены самые широкие слои сельского и городского населения, сторонники мелкой нэпманской буржуазии. Это повлияло на то, что коммунисты утратили свои передовые позиции во многих Советах, особенно сельских, при сложившейся высокой избирательной активности граждан. Последовавшее резкое осуждение итогов перевыборов Сталиным привело к созданию комиссии ЦК во главе с В.М. Молотовым.

Задачи, находящиеся в ведении комиссии, касались пересмотра инструкции 1925 г. и устранения тех моментов, которые существенно расширили круг лиц, наделённых избирательными правами.

В итоге уже 28 сентября 1926 г. ЦИК СССР утвердил новую общесоюзную инструкцию о выборах в Советы. В её преамбуле указывалось: «Выборы в Советы 1926 года... поставили... задачу дальнейшего охранения Советов от проникновения в них эксплуататорских элементов» [12, с. 702]. Те, кого называли «антисоветскими элементами», начали действовать по-своему.

В сводке ВЦИК от 5 января 1926 г. «О ходе избирательной кампании Советов РСФСР» говорилось, что в ряде селений кулацкие и антисоветские элементы пытаются намечать и выбирать свои списки, а также стараются пролезть путём подкупа и спаивания активистов. Эта инструкция увеличила количество общих мотивов для лишения права голоса до двенадцати. Отдельный пункт инструкции был отведён членам семей лишенцев.

4 ноября 1926 г. ВЦИК утвердил новую избирательную инструкцию. В разделах о лишении избирательного права и о порядке его восстановления речь шла об основных положениях союзной инструкции, касающейся этих вопросов. На составление списков лиц, лишенных избирательных прав, обращалось особое внимание

Инструкции 1926 г. стали основой избирательного законодательства страны до середины 1930-х гг. Остальные нормативные акты по выборам, издававшиеся в этот период, только конкретизировали и дополняли эти документы.

3 октября 1930 г. была издана новая инструкция по проведению перевыборов в сельские Советы. В неё был внесён ряд изменений: главное – увеличение числа оснований для лишения избирательного права. 2 октября 1934 г. ВЦИК принял новую избирательную инструкцию. В раздел, посвященный организации лишения избирательных прав, были внесены изменения. Так, впервые в списке социальных категорий, лишаемых данных прав, упоминались «кулаки»: «...кулаки, выселенные за противосоветские и противоколхозные выступления из пределов сел и поселков, в которых они ранее проживали...» [13, с. 736]. Особый пункт инструкции определял порядок восстановления в правах голоса высланных кулаков и их детей. Однако с самого начала избирательной кампании 1934–35 гг., как и во все предыдущие годы, хлынул поток жалоб на грубые ошибки и нарушения местными властями Конституции и инструкции.

Государственная политика по перевыборам в Советы предоставляла возможность голосовать определённым категориям граждан. Перечень этих категорий был внесён в Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. Те группы населения, которые власть не желала видеть на выборах по тем или иным при-

чинам, отошли к другой группе – были включены в списки лишенных права голоса. В зависимости от того, как проходили выборы и какой был результат в итоге, власть вносила изменения посредством инструкций, которые являлись опорным документом для избирательных комиссий на местах. Неправильность интерпретации инструкций приводила к тому, что местные избирательные комиссии в списки лиц, подлежащих лишению права голоса, ошибочно включали тех, кто этим правом пользоваться по закону. Сельские Советы и избирательные комиссии действовали при составлении списка лиц весьма самостоятельно.

Лишение избирательных прав граждан страны по экономическим, социальным, политическим мотивам, а также деление на «своих» и «чужих» позволило нейтрализовать значительную массу населения для проведения политики навязывания новых правил жизни в деревне. Лишение избирательных прав явилось первоначальной стадией использования последующих репрессивных действий в аграрном секторе.

Библиографический список

1. *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.) / Ин-т рос. Истории РАН. – М., 2000. – 350 с.
2. О порядке перевыборов волостного и сельских Советов: инструкция от 2 декабря 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942.
3. О выборах в Советы: инструкции от 28 сентября 1926 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. Отд. 1. – 1926 (26 октября).
4. *Каганович Л.М.* Партия и перевыборы Советов. – М.; Л.: Госиздат, 1928. – 64 с.
5. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. № 582 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отд. I. – 1918 (20 июля). – С. 671–682 с.
6. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 11 мая 1925 года). № 79 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. Отд. 1. – 1925 (1 июня). – Ст. 603.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1924 гг. – М.: Политиздат, 1970. – 543 с.
8. *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36 (март – июль 1918). – М.: Политиздат, 1969. – 203 с.

9. Ленин В.И. Речь на Пленуме ВЦСПС // Полн. собр. соч. Т. 38: Март – июнь 1919. – М.: Полит. литература, 1969. – 579 с.

10. Саламатова М.С. Всероссийская Центральная избирательная комиссия: истоки создания (1925–1926 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 7 (262).

11. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–

1918 гг. / Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942.

12. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1926 г. / Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942. – № 66. – Ст. 500, 501.

13. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1934 г. / Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1948. – № 50. – Ст. 395.

ОБРАЗ «ВНУТРЕННЕГО ВРАГА» В КИНОИСКУССТВЕ 1941–1945 ГГ. КАК ОТРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (на материале художественных фильмов о Великой Отечественной войне)

Статья посвящена трансформации образа «внутреннего врага» в период Великой Отечественной войны, которая нашла отражение в советском художественном кинематографе как одном из наиболее действенных оружий пропаганды. Стремление руководства СССР к предельной морально-психологической мобилизации населения обусловило отказ от изображения «внутренних врагов» на киноэкранах 1941–1942 гг. Однако отступление Красной армии в первый период войны, а затем освобождение оккупированных территорий неминуемо ставили ряд вопросов, которые требовали объяснения со стороны властей. Ослабление напряженности в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками позволило освещать в киноискусстве ранее «запретные» темы: о причинах отступления в первый период войны, о наличии коллаборационистов среди местного населения на оккупированных территориях. В статье рассмотрены основные типы врагов, допущенные к показу. Помимо представителей враждебных классов (кулаки, капиталисты, интеллигенты) и неприятелей времен Гражданской войны (белогвардейцы, петлюровцы), в кинофильмах в качестве «внутренних врагов» выступает ряд новых персонажей, призванных косвенным образом отвечать на вопросы о причинах противоречий внутри советского общества. Особое внимание в статье уделено взаимосвязи появления кинофильмов и изменений обстановки на фронте. Отказавшись от классового подхода в изображении врага в пользу национального в самом начале Великой Отечественной войны, руководство СССР в дальнейшем использовало и тот и другой для оправдания собственной политики внутри страны.

Ключевые слова: идеология, кинематограф, пропаганда, мобилизация, образ врага, война, коллаборационизм.

Современная историческая наука все большее внимание уделяет проблемам изучения общественного сознания, форм и средств коммуникации и самоидентификации. Значительное количество работ посвящено периоду Великой Отечественной войны, поскольку эти события до сих пор остаются в массовом сознании одними из главных в новейшей отечественной истории и являются основополагающим элементом в формировании национальной идентичности жителей России. Кроме того, актуальность вопросов военно-патриотического воспитания современной молодежи требует освоения опыта советской пропаганды, которой удалось морально-психологически подготовить народы СССР к войне и в кратчайшие сроки мобилизовать их на боевые и трудовые подвиги.

Проблема идеологического воздействия на массовое сознание в Советском Союзе нашла отражение в трудах отечественных и зарубежных ученых. Во многих исследованиях существенное внимание уделено воплощению средствами пропаганды «образа врага», поскольку именно угроза безопасности является мощной основой для консолидации общества (см., например: [1; 6; 8; 11]). Появление нескольких монографий и диссертаций, авторы которых стремятся выявить пропагандистский подтекст художественных фильмов, позволяет говорить о перспективности дальнейшего обращения исследователей к аудиовизуальным источникам.

На сегодняшний день происходит активная публикация материалов, посвященных взаимодействию власти и деятелей киноискусства в СССР в период Великой Отечественной войны. Большинство из них представляют собой текущую до-

кументацию государственных органов управления кинематографом и органов партийного контроля [4; 14 и др.]. Данный вид источников позволяет проследить процесс решения важнейших вопросов кинопроизводства: основные задачи, которые ставит государство перед деятелями кино, сложности, возникающие при их выполнении, меры, применяемые для устранения проблем и т. д.

Интерес представляют также документы личного происхождения. Это прежде всего мемуары создателей кинолент – режиссёров, так как они сообщают наиболее полную информацию о процессе создания фильмов. Значимым источником являются и воспоминания сценаристов, игравших значительную роль при создании фильмов, ведь именно они нередко были вынуждены исправлять тексты, забракованные цензурой. Многие из мемуаров были изданы еще в советское время, как, например, воспоминания режиссеров М. Ромма, И. Пырьева, Г. Александрова, Ф. Эрмлера, писателей К. Симонова, А. Каплера, Е. Габриловича и др.

Помимо опубликованных документов, информативным источником для раскрытия темы являются материалы центральной журнальной и газетной периодики 1941–1945 гг., посвященные как общим вопросам общественно-политической и культурной жизни страны, так и специально проблемам развития кинематографии («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Литература и искусство», «Искусство кино» и т. д.). Данный вид источников даёт представление об атмосфере, царившей в культурной жизни общества, о том, какую реакцию вызвала та или иная кинокартина, в первую очередь, у представителей партийных органов, о критериях художественной ценности фильма.

В качестве основных источников могут быть задействованы и сами художественные кинокартины о Великой Отечественной войне, появившиеся на экранах страны в 1941–1945 гг. Для подготовки данного материала было использовано более 40 полнометражных фильмов и ряд короткометражных лент. Это позволило наиболее полно представить тенденции изображения «внутренних врагов» в игровом кинематографе СССР в экстремальных условиях войны.

Проблема изображения противника в кинематографе осознавалась руководством СССР еще до начала войны, в период выпуска так называемых «оборонных» фильмов, получивших распространение во второй половине 1930-х гг. и призванных морально-психологически подготовить население к назревающему военному конфликту.

Образ внешнего врага в них был довольно условен, малейшая конкретика могла провоцировать осложнения на международной арене, и потому вызывала недовольство представителей власти [8, с. 129]. События кинокартин могли разворачиваться как на Дальнем Востоке, на Крайнем Севере, так и на западных рубежах страны.

Неотъемлемым элементом советского предвоенного кинематографа было и изображение врагов внутренних (к/ф «Честь», 1938 г.; к/ф «Большая жизнь», 1-я серия, 1939 г. и т. д.). Как правило, в этом качестве изображались представители социальных слоев, а-приори недовольных советской властью (кулаки, капиталисты, интеллигенция). Очевидно, что и оборонные фильмы, и картины, посвященные деятельности «врагов народа» выполняли задачу консолидации общества вокруг существующей партии и ее лидера. В военный период к числу образов «внутренних врагов» можно отнести и тех, кто сотрудничал с оккупационными властями, и тех, кто так или иначе способствовал ослаблению советской армии и тыла (дезертиры, некомпетентные военачальники, спекулянты и т. д.).

Исследователи не раз отмечали трансформацию классовую парадигму конструирования образа врага в национальную. Этот процесс относят либо ко второй половине 1930-х гг. [1, с. 43], либо к первым месяцам боев [11, с. 80]. В художественных фильмах, уже в первые недели Великой Отечественной войны показывавших германскую армию как врага *всего* советского народа и не делавших различий в отношении к СССР среди немецких солдат и офицеров, данная тенденция отразилась в полной мере.

В экстремальных условиях первых месяцев войны, когда перед властью стояла задача сплочения советского народа перед лицом общего неприятеля, о существовании в СССР «внутренних врагов» было на время забыто. И.В. Сталин в своем радиообращении 3 июля 1941 года назвал войну с фашистской Германией «всенародной Отече-

ственной войной» [2, с. 1], подчеркнув тем самым единство всех слоев населения против захватчиков. В печати информация строго дозировалась: не допускались к публикации сообщения о стигматизации трусов и о женщинах, сожительствовавших с оккупантами [14, с. 36].

В художественном кинематографе до 1943 года оставались под запретом темы, связанные с бежавшими из плена и вышедшими из окружения бойцами. При этом судьба спасшихся от немцев советских воинов не была секретом для киноработников: «Раньше солдату, который убежал из плена, давали награду. В настоящий момент сажают в тюрьму... Тех, кто был в окружении, считают в полном составе за шпииков и изменников», – писал в дневнике режиссер А.П. Довженко в июле 1942 года [3, с. 229]. В данном случае выдающийся деятель советского кино преувеличивает, поскольку основная часть бежавших из плена бойцов вновь направлялась на передовую. Относительно же фразы о том, что окруженцев считают за «шпииков и изменников» – очевидно, режиссер имел в виду направление их для проверки в специальные тыловые лагеря НКВД. Однако подобное отношение к действиям власти, выраженное в дневнике одного из ярчайших представителей советской интеллигенции, само по себе является показательным.

С освобождением после стремительного зимнего наступления советской армии под Москвой ранее оккупированных территорий встала еще одна проблема – отношение к тем, кто сотрудничал с немцами. В «Секретаре райкома» – первом полнометражном художественном фильме, созданном непосредственно в период войны (преьера состоялась 30 ноября 1942 года), появился небольшой эпизод, в котором наряду с немцами партизаны расстреливают предателя, выдавшего колхозный хлеб врагу. Это был единичный случай освещения данной темы в кинематографе 1941–1942 гг.

Весной 1943 года в прокат вышла кинолента И. Савченко «Партизаны в степях Украины» по одноименной пьесе А. Корнейчука. В качестве коллаборационистов здесь выступают два украинца, один из которых («много страдавший через большевиков») сидел в тюрьме за спекуляцию.

В фильме был показан еще один «внутренний враг», действия которого способны нанести урон боевому духу советской армии и партизан, – это боец, дрогнувший перед немецким наступлением. Его немедленно расстреливает на месте глава партизанского отряда. Демонстрации на киноэкране столь решительного ответа на панические настроения требовала обстановка на фронте, поскольку картина снималась в 1942 году.

Несмотря на изменение обстановки на фронте после Сталинградской битвы и «избегание» темы отступления советскими идеологами, К. Симонов, будучи военным корреспондентом, отме-

чал, что трещины в немецкой военной машине всё равно не могли выбить из памяти людей поражений сорок первого и поражений лета сорок второго года [13, с. 292, 296]. В этих условиях партийное руководство понимало необходимость «объяснить» причины поражений широким народным массам, и кинематограф был для этого самым эффективным средством. Неслучайно поэтому, что в тематическом плане фильмов на 1943 г. первым был «Фронт» по пьесе А. Корейчука, которая уже с успехом шла на театральной сцене. Маршал И.С. Конев вспоминал, что И.В. Сталин высказался о пьесе следующим образом: «Это... политическая необходимость. В этой пьесе идет борьба с отжившим, устаревшим, с теми, кто тянет нас назад. Это хорошая пьеса, в ней правильно поставлен вопрос» [12, с. 319].

Проблема военных поражений решалась и в пьесе, и в фильме следующим образом: вся вина за неудачи ложилась на плечи командующего фронтом Горлова (Б. Жуковский), который не желает замечать разницы в методах ведения боевых действий в Гражданскую войну и в Великую Отечественную, поэтому, сидя в своём кабинете, отдает заведомо неверные приказы. Не покидая тишины и комфорта своего кабинета, он получает очередную награду и думает о том, как отметить это событие. Ему противостоит командарм Огнев (Б. Бабочкин), лично осматривающий все позиции перед боем и знающий данные разведки («Мы хотим взять на “авось”, как будто противник дурак и спит»). Решения командующего фронтом приводят к напрасным жертвам (погибает в том числе его сын) и ставят советские войска «в самые невыгодные условия». В финале Горлов получает приказ об отставке, после чего звучит обращение к старым полководцам с обвинением в нежелании учиться приёмам современной войны. Место командующего фронтом занимает Огнев.

По мере продвижения советских войск на запад и освобождения оккупированных территорий проблема существования «внутренних врагов» становилась все более актуальной. По данным, приводимым в монографии «Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны», в военный период за преступления, связанные с изменой Родине или намерениями изменить, было арестовано более 37 тысяч человек, из них 26 тысяч – на освобожденной от немцев территории. За предательскую и пособническую деятельность органы НКВД – НКГБ СССР арестовали 142 тысячи человек. Из них 138 тысяч – на освобожденной территории [6, с. 118].

Впервые мысль о том, что не все люди, служащие немцам, являются потенциальными врагами, была высказана в августе 1942 года начальником Ленинградского штаба партизанского движения М.Н. Никитиным [5, с. 94–95]. В кинематогра-

фе она нашла отражение в картине В. Пудовкина «Во имя Родины», снятой по пьесе К. Симонова «Русские люди» в 1943 году.

В этом фильме наряду с пожилым доктором, сотрудничающим с немцами из корыстных соображений, присутствует боец Красной армии, пришедший к немцам под видом предателя для того, чтобы сообщить им ложные сведения. Солдат Глоба (М. Жаров), пытаясь убедить немцев в том, что он перебежчик, приводит в качестве бесспорного аргумента: «Меня кулаком называли, я пять лет в тюрьме сидел», после чего сомнения фашистов рассеиваются. М.И. Семиряга отмечает, что среди добровольно сдавшихся немцам фронтовиков наиболее значительную группу составляли именно кулаки, пострадавшие от репрессий советской власти [10, с. 89].

Еще один образ, который воплощал в себе личные переживания советских бойцов, – это жена, недождавшаяся мужа с войны. К. Симонов писал: «Сама по себе тема – жди меня! – неотвратимо рождённая войной, была действительно нужна. Написанная об этом же “Тёмная ночь” из фильма “Два бойца” весной 1943-го года оказалась на устах буквально у каждого фронтовика». Поэтому фильм «Жди меня», вышедший в том же году, утверждал неразрывную связь между верностью жены и успехами мужа на фронте (подруга главной героини изменила мужу, и он погиб). Позже именно за это картина подверглась критике, в том числе и со стороны самого руководителя кинематографии СССР И.Г. Большакова, – ее создателей упрекали в надуманности этой морали.

Примечательно, что в картине В. Легошина «Поединок», созданной в 1944 году, демонстрируется целая плеяда «внутренних врагов», которых немцы используют в качестве агентов на территории СССР. Среди них – дочь петлюровца, портниха из Смоленска, вступившая в связь с немецким офицером, старый провокатор царской охранки, сын кулака, а также бывший адвокат, арестованный большевиками за взятки и злоупотребления. Помимо противников советской власти со времен Гражданской войны и людей, пострадавших от большевиков, здесь возникает образ женщины, сожительствовавшей с немцем и завербованной им в период оккупации, а в качестве одного из самых опасных шпионов фигурирует дочь немецкого колониста. Таким образом, косвенно преследовалась и цель показать населению правильность действий руководства СССР по депортации немцев из европейской части России и Закавказья в годы войны.

В 1943 году лауреат Сталинской премии режиссёр А.П. Довженко создает киноповесть «Украина в огне», рассказывающую о жизни украинской деревни в первые недели войны, а также о партизанском движении. В ней в качестве «внутренних врагов» фигурировали дезертиры, а также чиновники

и командиры, игнорирующие просьбы раненых солдат. Сожительство украинской девушки с немцем автор оправдывал недостатками советского воспитания. Демонстрируя наличие противоречий в обществе, А.П. Довженко подвергал критике преобразования советской власти на территории Украины. Идеологическая политика и колхозный строй, по его мнению, способствовали разобщению украинского народа, лишили его духовной силы для противостояния захватчикам. Несмотря на это, «Украина в огне» получила одобрение со стороны Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова, была подготовлена к печати, а одноименная картина значилась в тематическом плане производства фильмов на 1945 год.

Однако реакция И.В. Сталина на данную киноповесть свидетельствовала о том, что отнюдь не такого изображения воюющего украинского народа он ожидал от знаменитого режиссера. В январе 1944 года председатель ГКО выступил перед членами ЦК и деятелями искусства с докладом «Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко «Украина в огне», где, помимо обвинения автора в откровенном выпаде против политики партии, подчеркнул, что «если судить о войне по киноповести Довженко, то... в ней участвуют только украинцы» [4, с. 391].

В своей обвинительной речи И. Сталин указал на связь коллаборационизма с классовыми противоречиями (пособничество немецким захватчикам остатков классов, враждебных рабочим и крестьянам) и националистическими взглядами (выступления петлюровцев и других украинских националистов на стороне немецких захватчиков). По его мнению, задачей Довженко было разоблачение «предателей украинского народа», с которой он не справился: «Они отсутствуют в киноповести Довженко, как будто не существуют. У Довженко не хватило духа, не нашлось слов, чтобы пригвоздить их к позорному столбу» [4, с. 385].

Проявления украинского национализма, невыполнение поставленной задачи по обличению «внутренних врагов» обернулись для режиссера запретом к публикации и тем более экранизации его киноповести, публичными обвинениями в национализме, исключением из Комитета по Сталинским премиям и освобождением от должности художественного руководителя Киевской киностудии. Впредь произведения А.П. Довженко могли публиковаться только по особому разрешению УПиА.

В картине М. Донского «Радуга», выпущенной в январе 1944 года, события также разворачивались на оккупированной немцами территории. Данная кинолента была особенно актуальна, поскольку ее выпуск на экран совпал со временем освобождения Украины. В ней местное население разделено на тех, кто противостоит власти немцев, и тех, кто

ищет выгоды от такой ситуации, а также обозначена судьба последних: их ждёт неминуемая расплата (старосту партизаны приговаривают к смерти; женщину, жившую с немцем, расстреливает её собственный муж).

Образы коллаборационистов присутствуют и в фильмах «Однажды ночью» Б. Барнета (1944), «Нашествие» А. Роома (1945). В последнем, созданном по пьесе Л. Леонова, помимо городского головы Фаюнина, бывшего владельца фирмы, присутствует и белогвардейский офицер. Образ Фаюнина вызвал неоднозначную реакцию при обсуждении на худсовете в КДК. Писатель Б. Горбатов высказывал мысль о том, что пьеса, написанная в конце 1941 – начале 1942 гг., уже несколько устарела, и сейчас «стоит задача не бороться с нашептанием, а ликвидировать морально-политическое наследие немцев на нашей земле». По его мнению, представители художественной интеллигенции не имеют права все удары сыпать только на Фаюнина: «Что у нас были только такие бывшие люди и они стали опорой нашептания? Это неправда» [15]. Однако более откровенно говорить о том, кто добровольно сотрудничал с немцами, с точки зрения руководства страны, было небезопасно. По данным, приводимым в книге Б.Н. Ковалева, в начале 1943 года в вермахте действовало до 400 тыс. «добровольных помощников», от 60 тыс. до 70 тыс. находились в войсках службы по поддержанию порядка и 80 тыс. – в восточных батальонах; около 183 тыс. человек работало на железной дороге в Киеве и Минске. В числе них были представители тюркских народностей и казаки, советские военнопленные, освобожденные военнопленные из числа эстонцев, латышей, литовцев, финнов, украинцев, белорусов и этнических немцев [5, с. 103]. Картина «Нашествие» интересна еще и тем, что отражает развитие главного героя Федора (О. Жаков) от «внутреннего врага» (вчерашнего заключенного, озлобленного, оторванного от общества и семьи) до героя, способного принять от немцев мученическую смерть ради спасения знаменитого подпольного деятеля. Это вызвало вопросы у представителя УПиА. Д.А. Поликарпов называл главным недостатком картины то, что линия «этого ущербного человека» является определяющей. Тем не менее в феврале 1945 года фильм вышел в прокат и был награжден Сталинской премией II степени.

По мере освобождения территории СССР от захватчиков тема плена становится менее болезненной. Постепенно она выходит из-под запрета, на что указывает производственно-тематический план сценарной студии КДК на первое полугодие 1944 года. В числе прочих здесь присутствует сценарий В. Юрезанского «В плену у немцев». Отмечено, что автор в течение долгого времени находился в плену и, основываясь на личных впе-

чатлениях и переживаниях, рассказывает о физических и моральных страданиях советских людей в оккупированном фашистами городе [9]. Однако фильм так и не был создан.

Тема плена нашла особое воплощение в картине М. Донского «Непокоренные», вышедшей на экраны уже после окончания войны, в октябре 1945 года. В художественном кинематографе 1942–1944 гг. эта тема решалась однозначно: попал к фашистам, герой либо погибал («Секретарь райкома», «Во имя Родины», «Зоя»), либо его освобождали товарищи («Она защищает Родину»). В фильме М. Донского, узнав о том, что сын сдался немцам, его отец (А. Бучма) приходит в ярость: «Ты Родине изменил... Ты Россию обманул». Однако в конце сын возвращается домой уже вместе с войсками – искупил свой позор.

Исчезновение «внутренних врагов» с киноэкранов в 1941–1942 гг. указывает на стремление советского руководства к предельной морально-психологической мобилизации населения, исключавшей все то, что может поколебать сплоченность общества в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Однако стремительное отступление Красной армии в первый период войны, а затем освобождение оккупированных территорий неминуемо ставили ряд вопросов: о неподготовленности советских войск, наличии дезертиров и коллаборационистов и т. д. Эффективность использования художественного кино для идеологического воздействия позволила власти обратиться к нему как к действенному орудию пропаганды и в военных условиях.

В фильмах о войне в числе «внутренних врагов», помимо враждебных классовых элементов и врагов периода Гражданской войны, появились командующий фронтом («Фронт»), трусивший боец («Партизаны в степях Украины»), женщины, сожительствовавшие с немцами («Поединок», «Радуга»), жена, недожавшаяся мужа с войны («Жди меня»), дочь немецкого колониста («Поединок»). Сотрудничество с противником в картинах объяснялось несколькими основными причинами: классовое происхождение, националистические взгляды, страх за свою жизнь и стремление к роскоши. Фильмы, как правило, также демонстрировали неотвратимость расплаты для всех «внутренних врагов».

Отказавшись от классового подхода в изображении врага в пользу национального в первые месяцы Великой Отечественной войны, руководство СССР в дальнейшем использовало и тот и другой

для объяснения природы противоречий в советском обществе и собственной политики внутри страны.

Библиографический список

1. Багдасарян В.Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х гг. // Отечественная история. – 2003. – № 6. – С. 115–146.
2. Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И.В. Сталина // Правда. – 1941. – 3 июля. – С. 1.
3. Довженко О.П. Дневниковые записи: 1939–1956. – Харьков: Фолио, 2013. – 879 с.
4. Кино на войне. Документы и свидетельства / авт.-сост. В.И. Фомин. – М.: Материк, 2005. – 944 с.
5. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. – М.: Издательство АСТ: Транзиткнига, 2004. – 483 с.
6. Козлов Н.Д., Довжинец М.М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Альтер Эго, 2008. – 336 с.
7. Марьямов Г. Кремлёвский цензор. Сталин смотрит кино. – М.: Конфедерация союзов кинематографистов «Киноцентр», 1992. – 128 с.
8. Небезин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. – М.: АИРО-XX, 1997. – 288 с.
9. Производственно-тематический план Сценарной студии КДК при СНК СССР на первое полугодие 1944 г. // РГАЛИ. – Ф. 2456. – Оп. 1. – Д. 832. – Л. 154.
10. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.
11. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М.: РОССПЭН, 2006. – 288 с.
12. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. – М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1988. – 480 с.
13. Симонов К.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1983. – 688 с.
14. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / авт.-сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М.: РОССПЭН, 2007. – 806 с.
15. Стенограмма и протокол заседания Художественного совета КДК по фильму «Нашествие» от 4 января 1945 г. // РГАЛИ. – Ф. 2456. – Оп. 1. – Д. 1054. – Л. 10–11.

**ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУРАХ США**

В статье рассматриваются особенности включения «латинос» в американскую общественно-политическую структуру. Неоднозначность терминологических формулировок с самого начала затрудняла взаимопонимание между «латинос» и остальным населением США. В анкетах им предлагалось идентифицировать себя исходя из пяти «рас» и двух «этносов», что размывало и запутывало представление о себе. Эти формулировки и сегодня представлены в опросных анкетах американского Бюро Цensoв. Они не несут дискриминационный характер, не имеют антропологического обоснования а, скорее уточняют некоторые аспекты происхождения. Желание ряда структур достичь чисто утилитарных целей в части статистического учета небелого населения привело к появлению директивы 15 и обезличиванию крупнейшего этнического меньшинства США. Подобная унификация стала результатом борьбы между ведущими политическими партиями за победу на выборах. Дискуссия на столь высоком уровне о положении отдельной этнической группы подтверждает усилившееся влияние и значимость «латинос» в американском обществе. Неприятие самими латиноамериканцами предложенных правительственными институтами категорий привело к подмене понятий, когда за обобщенными формулировками «латинос» или «хиспэник» стояли различные по культурному и экономическому уровню испаноязычные представители. Усложненная процедура самоидентификации в опросной анкете не позволяла включать в перепись значительную долю «латинос», что в свою очередь приводило к некорректному делению территории страны на избирательные округа. Таким образом, латиноамериканцы оказывались недопредставленными в местных органах власти, на уровне штата и федерального центра, с трудом продвигая свои интересы в законодательных органах власти.

Ключевые слова: расовая идентификация, «латинос», конгресс, хиспэник, чикано, директива 15, меньшинство.

В многонациональной стране, какой являются США, вопрос расового самоопределения стоит особенно остро. Видный отечественный американист В.Л. Мальков отметил, что США стоят перед перспективой обострения межэтнических конфликтов, в связи с чем крайне важно осмысление происходящего здесь межэтнического взаимодействия [2, с. 183]. На президентских выборах 2016 г. электоральные базы ведущих политических партий различались, в частности, по расово-этническому признаку. За последние двадцать лет один из элементов американского мультикультурного общества начал особенно усиливаться и в 2008 г. стал крупнейшим меньшинством в стране. Речь идет об испаноязычном населении США, представляющем особое явление в американской истории. Рассмотрение терминологического аспекта является частью более крупного вопроса латиноамериканской идентичности, который при некотором исследовательском интересе остается малоизученным.

Сегодня в американской историографии возникает несколько вопросов. Во-первых, на самом ли деле видимые различия между «латинос» и другими «расами» реальны, и если да, то насколько они сильны. Второй вопрос: смогут ли они ассимилироваться в американском обществе. И третий: какова взаимосвязь между этнонациональным самоопределением и политическими предпочтениями. Большинство ученых едины во мнении, что наиболее существенные моменты, препятствующие «латинос» влиться в жизнь американского общества – это повсеместное использование ими родного языка в ущерб американскому, а также характер иммиграции – в основном нелегальный и трудовой [13].

В отечественной историографии проблему определения статуса латиноамериканцев изучала Е.Н. Базанова, которая отметила сложность «латинского» вопроса и его неоднозначность для различных сценариев «расово-этнического будущего» [1].

В 1976 г. 94-я сессия конгресса приняла гражданский закон 94-311 «Об экономических и социальных статистических данных испаноязычного населения США» [7]. По требованию конгресса с целью пресечения дискриминации в отношении этой группы службой статистики и обработки информации 12 мая 1977 года была утверждена и 1 января 1980 года вступила в силу 15-я директива о «Расовых и этнических стандартах для федеральной статистики», где отдельно было вынесено наименование «испаноязычный» [3]. В ней общество поделили на 4 расы (американские индейцы или коренные жители Аляски, азиаты, черные, белые) и 2 этноса (испаноязычного происхождения и неиспаноязычного происхождения). В соответствии с этой логикой сегодня в опросных анкетах обычно дается сноска на то, что испаноязычные могут быть любой расы. Это означает, что человек, идентифицирующий себя как испаноязычный, может иметь любой цвет кожи и принадлежать любому этносу.

Представленные в ней стандарты для латиноамериканцев не стоит рассматривать как научно обоснованные с антропологической точки зрения категории. Они стали, скорее, ответом на потребность исполнительной власти и конгресса обеспечить сопоставимость данных для федеральных органов. Процедура расово-этнического определения в США всю историю была крайне сложной и запутанной, вызывая вопросы, в том числе у са-

мих латиноамериканцев. В результате проведенных статистических опросов 1980–1990-х годов и 1991-го года около 40 % респондентов-латиноамериканцев выбрали категорию «другой расы» [10]. В 1996 году графа о расе осталась без ответа у 31,0–36,5 % «латинос» [6], так как многие посчитали ее для себя неприемлемой и не смогли соотнести себя ни с одной из предложенных рас. Национальный совет Ла Раза, общественная организация латиноамериканцев, призвал заинтересованные органы провести дополнительные исследования, а пока включить вопрос о самоидентификации в смешанную форму *раса/этнос* [7]. По мнению Совета, было необходимо проводить учет респондентов по подгруппам. Выбрав в анкете категорию «испаноязычного происхождения», латиноамериканцу необходимо провести самоидентификацию по одному из критериев: использовать только термин «Hispanic», остановиться на категории о стране происхождения или воспользоваться иными способами самоопределения – «Hispanic/Latino», «чикано», «Of Hispanic Origin» [9]. У респондентов латиноамериканского происхождения есть возможность использовать несколько терминов для самоопределения. Однако в качестве рекомендуемого выделили «Hispanic» [9].

Директива 15 в 1977 году развела понятия расы и этноса. В странах Латинской Америки и Карибского бассейна раса рассматривается скорее с социальной точки зрения – как индивидуальный маркер, в то время как в США – с гносеологической и определяет принадлежность к контрольной группе по цвету кожи.

Основанный на самоопределении и не отражавший национального разнообразия в результате роста иммиграционного потока и межрасовых браков сбор данных было решено доработать. В июле 1993 года Административно-бюджетное управление США создало комитет по разрешению этого противоречия, куда вошли представители более 30 ведомств. В результате в сентябре – октябре 1997 года было утверждено ряд тезисов, касавшихся, в частности, положения испаноязычного населения США [11]. Этому предшествовала четырехгодичная работа межведомственного комитета по изменению директивы 15, касающейся расовых и этнических стандартов. В докладе комитета по рассмотрению данных стандартов, в пункте 4.2. «Концепции расы и этничности», указывалось на спорность выделения испаноговорящих групп в расу и неоднозначность мнения федерального центра по этому вопросу [4].

В результате в 1997 г. для обозначения расовых различий было введено 5 категорий. Для уточнения расовой принадлежности можно было выбрать более одного пункта. Также две этнические категории пересматривались. Административно-бюджетное управление США заменило термин «Hispanic»

на «Hispanic or Latino», так как первый в основном используется в восточной части США, а второй – в западной [12]. По желанию термин «Of Hispanic Origin» мог быть добавлен в анкетах. При этом во многих федеральных формах предусматривались дополнительные графы для расшифровки ответа на вопрос о национальной принадлежности. Новые корректировки начали действовать во время переписи 2000 года. Всем государственным ведомствам предписывалось перейти на новую терминологию до 1 января 2003 года. Данное нововведение было положительно встречено испаноязычным населением, в том числе Национальным советом Ла Раза. Во время обсуждений терминологических изменений из текста концепции убрали понятие «меньшинство», вызывавшее негодование у представителей латиноамериканской группы, с пометкой «в дальнейшем не применять».

Профессор социологии в колорадском университете Марта И. Гименез не обнаружила крупных исследований, подтверждавших очевидное несоответствие термина «Hispanic» и его содержания. Она отметила, что лишь некоторые работы обращали внимание на стирание разницы внутри терминологического определения. «Испаноязычный» объединял исторически угнетенное население мексиканского и пуэрто-риканского происхождения, вновь прибывших иммигрантов из Центральной и Южной Америки и выходцев из Испании [5]. В контексте общественного увлечения идеями мультикультуризма конца 1980-х – начала 1990-х годов термины «испаноязычный» и «латиноамериканец» рассматривались интеллектуальной и художественной «латинос»-элитой как источник культурной гордости. Хотя рядовые испаноязычные представители середины 1990-х годов уже видели в данной терминологии стремление «большинства» рассматривать «меньшинство» как людей, находящихся на иной (более низкой) ступени социально-экономического развития, лишенных политического влияния. В американском обществе происходило формирование коллективного мнения в отношении испаноязычных жителей страны. Средний американец, не разбиравшийся в филологических тонкостях, просто соотносил термин «Hispanic» с монолитной группой его представителей. В результате давления со стороны СМИ, создававших отрицательный образ латиноамериканца, гражданин США сталкивался с искусственно созданной и политически окрашенной категорией. В американской общественной жизни 1980–1990-х годов не было однозначного понимания того или иного термина. «Испаноязычные» и «латиноамериканцы» выступали как сглаживающие острые углы категории, при которых исключалось повсеместное использование понятия «меньшинство», предполагающего людей, исторически подвергавшихся экономической эксплуатации и расовой дискрими-

нации. По мнению М. Гемenez, разработка единого терминологического аппарата в отношении латиноамериканского населения США явилась результатом политической борьбы между ведущими партиями для победы в выборах на юго-западе страны. Однако культурный веер латиноамериканцев настолько уникален, что даже испанский язык не является поводом к их объединению в искусственные категории. Подобные термины ставят в единый ряд «меньшинства» всех иммигрантов из испаноязычных стран, делая коренных американцев псевдоевропейцами или трансформируя «испаноязычных» в коренных американцев.

Изменения, внесенные в 1997 г., ввиду размытости формулировок по-прежнему не позволяли «латинос» в полной мере идентифицировать себя. Попытки приведения к единообразию и систематизации латиноамериканцев шли вразрез с мнением респондентов о самих себе. Упрощение сбора социально-экономических и политических данных в многонациональной стране не должно оправдывать искусственное стирание границ в отношении крупнейшего этнического меньшинства в стране. Со временем упрощенная схема для утилитарных нужд статистической обработки данных перешла в повсеместное использование в СМИ и массовой культуре. Одним из положительных для испаноязычных американцев моментов явилось рост их самосознания на фоне отторжения унижительного положения, отведенного им в американском обществе. С другой стороны, у граждан США сформировался образ некоего «чужого», или «чуждого» их культуре элемента, который по тем или иным причинам не может влиться в неё. В американской литературе существует точка зрения, согласно которой описанные выше этнические категории искусственно сконструированы и не могут претендовать на научность или аутентичность [15].

Факт принятия закона, декларировавшего положение отдельной этнической группы, отражает существенный рост ее значения в жизни американского общества. Латиноамериканцы столкнулись с необходимостью встраиваться в строго регламентированные рамки расово-этнического деления американского общества. В результате искаженные официальные статистические данные, не отражавшие реальной картины присутствия латиноамериканцев в США, легли в основу распределения избирательных округов в штатах в соответствии с результатами переписи населения. Таким образом, испаноязычные американцы испытывали сложности на выборах всех уровней при попытке проводить своих кандидатов на государственные посты.

Библиографический список

1. *Базанова Е.Н.* Этнические меньшинства и правительственная политика США в конце XX века (на материале индейцев и латиносов): дис. ...

канд. ист. наук. – Саратов, 2005; *Базанова Е.Н.* Особенности статуса испаноязычных американцев в конце XX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/9681/14.pdf> (дата обращения: 11.12.2015).

2. *Мальков В.И.* Круглый стол // Новая и новейшая история. – 2003. – № 6. – С. 180–189.

3. Appendix 1. Directive No. 15. Race and Ethnicity Standards for Federal Statistics and Administrative Reporting (as adopted on May 12, 1977) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/omb/fedreg_directive_15 (дата обращения: 17.11.2016).

4. Appendix 2. Report to the Office of Management and Budget on the Review of the Statistical Policy. Directive No. 15. 28 мая 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/omb/fedreg_directive_15 (дата обращения: 24.06.2016).

5. *Gimenez Martha E.* LATINOS/HISPANICS... WHAT NEXT! Some Reflections on the Politics of Identity in the U. S. // Cultural logic an electronic journal of Marxist theory and practice. – 1998 (Spring). – Vol. 1. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://clogic.eserver.org/1-2/1-2index.html> (дата обращения: 16.02.2015).

6. Item Nonresponse in the Race Question [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/omb/fedreg_directive_15#chap4 (дата обращения: 25.05.2016).

7. Public Law 94-311 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.senate.gov> (дата обращения: 11.12.2014).

8. Public Sentiment [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/omb/fedreg_directive_15#chap4 (режим доступа: 22.06.2015).

9. Recommendations concerning the term or terms to be used for Hispanic [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/omb/fedreg_directive_15#chap4 (дата обращения: 14.10.2016).

10. Reporting in the «Other Race» Category by Hispanics (Appendix 2. Report to the Office of Management and Budget on the Review of the Statistical Policy Directive. No. 15, 28 мая 1997) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/omb/fedreg_directive_15#chap4 (дата обращения: 12.11.2016).

11. Review of the Racial and Ethnic Standards to the OMB Concerning Changes. Federal Register 7/9/97. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/omb/fedreg_directive_15 (дата обращения: 12.11.2016).

12. Revisions to the Standards for the Classification of Federal Data on Race and Ethnicity. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/omb/fedreg_1997standards (дата обращения: 3.08.2016).

13. *Rumbaunt R.* The Making of a people // Hispanics and the Future of America / ed. by M. Tienda, F. Mitchell. – USA: National Academies Press, 2006. – P. 16–65 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nap.edu/catalog/11539/hispanics-and-the-future-of-america> (дата обращения: 12.11.2016); *Romo R., Romo H.* Introduction. Ethnicity // The Mexican American experience. – 1985 (Austin). – P. 317–321.

14. Should the term «Hispanic» or «Latino» be used? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/omb/fedreg_directive_15#chap4 (дата обращения: 2.03.2017).

15. *Tienda Marta.* Hispanics and the future of America. – Washington: D. C., 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nap.edu> (дата обращения: 23.04.2016).

ОБРАЗ НАПОЛЕОНА НА СТРАНИЦАХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ

Статья посвящена одной из наиболее ярких и известных фигур мировой истории – личности Наполеона Бонапарта. Предметом исследования стали интерпретация и оценки военно–политической и государственной деятельности Наполеона в школьных учебниках истории. Авторы учебников в той или иной мере осуществляют анализ жизненного пути и политической карьеры генерала, первого консула, императора Франции в рамках изложения отдельных сюжетов отечественной и всемирной истории. Наполеон в полном смысле был человеком своего – Нового – времени. «Сын революции», блистательный политик, талантливый полководец, выдающийся дипломат и законодатель – вот только наиболее яркие грани личности Наполеона, человека, который «сделал себя сам». Решительный, восприимчивый к новациям, готовый действовать и принимать на себя ответственность за совершаемые действия, способный возрождаться после небывалого крушения надежд – таким предстает Наполеон Бонапарт со страниц большинства учебных пособий. Не вызывают сомнения то, что Наполеон в разных своих ипостасях симпатичен историкам и методистам. Не разрушил образа «гения Наполеона» и неудачный поход на Россию, расцениваемый как трагический шаг и стратегический тупик.

Ключевые слова: Наполеон, новая история, преподавание истории в школе, школьный учебник истории.

«Историю делают личности» – эта, пожалуй, неоспоримая истина очень значима для изучения курса истории. В поворотные моменты развития общества действия субъектов истории – правителей, государственных и религиозных деятелей, полководцев, идеологов при сочетании ряда обстоятельств могут оказать решающее влияние на последующее развитие стран и регионов. Именно личности как образы эпохи позволяют школьникам и студентам «примерить» на себя масштабы действий выдающихся исторических фигур, груз ответственности за принимаемые решения и судьбы народа. Через яркую биографию и характеристику деятельности легче визуализировать и персонализировать историческое время. Однако «уловить, от чего зависит роль личности: от нее самой, исторической ситуации, исторических законов, случайностей или от всего сразу, в какой комбинации и как именно – сложно... ответ в огромной степени зависит от избранного нами аспекта, угла и точки зрения, рассматриваемого периода и прочих релятивистских и методологических аспектов» [2]. Акцент на личностном, человеческом на уроках истории позволяет решить несколько задач: развенчать или сформировать исторические мифы, транслировать в общественное сознание образ эпохи, сформировать у школьников собственный взгляд на историческую личность, оценить роль закономерного и случайного через поступки конкретного человека, продемонстрировать влияние личности на исторический процесс, подтолкнуть самообразование учащегося.

Серьезная попытка анализа как школьных, так и вузовских учебников нового поколения была предпринята Л.Р. Хут, занимающейся теоретико-методологическими вопросами изучения истории Нового времени [7]. Историк справедливо подметила, что очень часто учебный материал (разделы, главы, параграфы) современных учебников структурированы именно в связи с теми или ины-

ми личностями. «Прежние герои – прежде всего, традиционно являвшиеся воплощением “революционного дискурса” эпохи (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин), – не ушли совсем, но заняли в учебниках гораздо более скромное место. Кроме того, отношение к ним допускает, наряду с признанием реального вклада в становление нововременного общества, элементы иронии... Вообще школьные учебники нового поколения «очеловечены». Они буквально населены людьми, причем часто рядом соседствуют известная историческая личность и «безымянный» герой истории» [7, с. 333]. Свобода воли, противоречивость, изменчивость и непостоянство человека позволяют говорить об альтернативах в истории. Но не следует забывать, что роль личности не всегда пропорциональна ее интеллектуальным и моральным качествам. Гений и злодей, имея в своих руках даже незначительную власть, могут добиться совершенно неравнозначных результатов.

В сравнении с советскими учебниками истории, где главными героями и ключевыми фигурами были вожди мирового пролетариата и революционеры-борцы за народную свободу, современные учебники представляют на своих страницах широкий круг исторических личностей, в число которых входят правители и государственные деятели, идеологи и основоположники различных течений общественно-политической мысли, промышленники и предприниматели, ученые и изобретатели, поэты и художники. В рамках только одного параграфа «Индустриальная революция: достижения и проблемы» учебника для 8 класса «Новая история 1800–1913» упомянута 41 фамилия.

Следует отметить существенные различия человека времен Наполеона и человека эпохи средневековья. Чрезвычайная душевная возбудимость, безудержность и необузданность – вот те черты, которые историки выделяют у средневекового человека [6, с. 19]. Важным элементом мировоспри-

ятия людей Средневековья были ощущение беспомощности и страх перед истинными и мнимыми опасностями. На совершение любого мало-мальски серьезного поступка от средневекового человека требовалось огромное мужество, которым обладали единицы. При этом здравый смысл отнюдь не всегда играл определяющую роль в его поведении. Совершенно иными личностными качествами обладал человек Нового времени, характеризуемого небывалым массовым превращением человеческих особей в личности. Человек Нового времени раскрепощен и уверен в себе, восприимчив к новациям, способен принимать на себя ответственность и решительно действовать – не благодаря, а вопреки. Конечно, исторические личности не всегда сопоставимы друг с другом, но пылкий ум устремленного к знаниям школьника обязательно найдет своего героя. И, несомненно, самые высокие шансы занять место главного героя – у Наполеона Бонапарта. Он не только самое популярное лицо Нового времени, но и личность такого масштаба, который мало кого может оставить равнодушным. Случайным образом отобрав несколько школьных учебников, мы предприняли попытку проанализировать, каким на их страницах предстает Наполеон Бонапарт, как оценивают влияние на исторический процесс и роль его личности современные историки.

Впервые Наполеон как исторический персонаж встречается школьникам в 8 классе. Формирование его образа происходит при значительном участии авторов учебника «Новая история 1800–1913» – А.Я. Юдовской, П.А. Баранова, Л.М. Ванюшкиной [8]. Наполеону в главе «Строительство новой Европы» отведены два параграфа: «Консульство и образование наполеоновской империи» и «Разгром империи Наполеона. Венский конгресс». На основе текста параграфов учитель сможет довольно четко выделить вехи на пути к власти и этапы политической деятельности Наполеона. Каждому этапу авторы предпосылают точные названия – цитаты и, используя многочисленные эпитеты, характеризуют каждый из них. На первом этапе политической карьеры генерал Бонапарт – талантливый военачальник, «человек с республиканским прошлым», который, совершив переворот 18 брюмера и став первым консулом, «был принят спокойно в качестве главы государства... и готовился управлять страной буржуа, крестьян и собственников». На втором этапе, установив режим личной власти в форме консулата Наполеон выступал как «сын революции, главная политическая фигура во Франции», при которой «страна вступила на путь гражданского мира». На третьем, он – «революционер на троне», «император французов», обеспечивающий единство нации и нацеленный на обеспечение равенства возможностей и уменьшение бедности. Именно это время – время наивысшего

взлета Наполеона – законодателя, государственного деятеля и полководца: император «неутомимый труженик – работал неистово, все было под его контролем», «повелитель», не скрывавший своей любви к власти, ценитель искусства. Авторы дают очень подробную характеристику завоевательных войн и приходят к выводу, что «к 1810 г. Наполеон I достиг небывалого могущества и славы. Вокруг границ Франции возникла цепочка марионеточных государств, управляемых родственниками императора». Сила характера героя была такова, что его не сломила даже неудача похода в Россию. Император развил «кипучую деятельность» по созданию новой армии, которая была разбита при Лейпциге. Описание «100 дней» Наполеона и битвы при Ватерлоо вызывают симпатию и сочувствие поверженному, но не сломленному духом императору. Падение режима империи представляется результатом действия объективных факторов и почти не наводит на мысль об ответственности императора. Наполеон, без сомнения, – герой, казалось, раз и навсегда покончивший со старыми порядками.

Обращение к личности Наполеона в контексте правления императора Александра I и Отечественной войны 1812 г. служит, скорее, неким историческим фоном, где роль главных действующих лиц отведена другим.

В рамках второго центра учитель имеет более широкие возможности выбора учебника, однако принципы изложения и круг очерчиваемых в них проблем разные.

Н.В. Загладин в учебнике «Всемирная история. История России и мира с древнейших времен до конца XIX в.» [4], преследуя цель актуализации и углубления знаний, акцентирует внимание на фигуре Наполеона посредством следующих блоков информации: свержение режима Директории и учреждение во Франции империи, кодексы Наполеона I, симптомы кризиса империи Наполеона, «Сто дней» Наполеона [5]. Сложнее, следуя за автором, выделить некую периодизацию политической деятельности Наполеона (в сравнении с учебником А.Я. Юдовской, П.А. Баранова и Л.М. Ванюшкиной), но явно выражена претензия на более глубокий анализ. Планируется последовательное рассмотрение военных кампаний Наполеона: победа над Австрией и заключение мира с Англией, возобновление войны в Европе и присоединение к антифранцузской коалиции, битва под Аустерлицем, разгром Пруссии. Тильзитский мир и его итоги, вторжение армий Наполеона в Испанию и подъем освободительного движения в Европе против французского господства, создание Великой армии и начало Отечественной войны 1812 г., отступление остатков Великой армии и создание новой антифранцузской коалиции. «Битва народов» под Лейпцигом. Вступление русских войск в Париж, Венский конгресс и его итоги.

Исторические личности, которым предполагается уделить внимание в ходе изучения тем «Наполеоновские войны» и «Отечественная война 1812 г. и крушение империи Наполеона I» – Александр I, Франц I, Жозеф Бонапарт, М.И. Кутузов, Ш. Талейран, Людовик XVIII, А. Веллингтон и собственно французский император. Все они в том или ином контексте упомянуты на страницах учебника, но достижима ли в этом формате характеристика персоналий? Вопрос остается открытым.

Изучению и анализу феномена Наполеона, роли его личности для Европы, а также сильных и слабых сторон режима империи отведено место в рамках урока по теме «Наполеоновские войны». В отличие от авторов учебника для 8 класса, Н.В. Загладин неэмоционален и чаще использует принцип сухой констатации фактов, избегая оценок и выводов. Наполеон в описании Н.В. Загладина, скорее, производит впечатление расчетливой политической машины, в отношении которой историк не склонен навешивать ярлыки и расставлять эмоциональные акценты с помощью эпитетов. При этом автор не сомневается, что Бонапарт успешный военачальник, чьи победы «блистательны», а поражения «сокрушительны» (например, «роковой поход» в Россию, вступление Великой армии в Москву – «стратегический тупик», «ошибочные расчеты на пассивность и покорность русского крестьянства»).

Впервые на страницах учебника Н.В. Загладина Наполеон упомянут в параграфе «Великая французская революция и ее последствия для Европы» в части «Конвент и якобинская диктатура во Франции»: якобинцы подавили контрреволюционные выступления и отразили наступление войск европейских монархов, в рамках которого при штурме Тулона «отличился молодой капитан артиллерии Наполеон Бонапарт», под руководством уже генерала Бонапарта в 1796 г. французская армия «принудила к капитуляции королевство Пьемонт и герцогство Парма», а полководец «склонил Австрию к заключению мира». Автор скорее акцентирует внимание на общественно-политической обстановке, ожиданиях общества и влиянии комплекса объективных причин, нежели личностных мотивах Наполеона: «Возвращение во Францию популярного полководца стало сигналом к перевороту... Наполеон рассматривал себя в качестве императора французов, лидера нации, а не феодального сюзерена, управляющего людьми, как своими подданными... Первоначально политика Наполеона отвечала ожиданиям большинства собственников города и деревни». Пожалуй, Н.В. Загладин единственный из авторов, кто отметил связь между «семейными ценностями» Наполеона и его внешней политикой: «...С созданием империи во Франции Наполеон I присоединил часть прилегающих государств к ее территории и другие превратил в вассальные коро-

левства, во главе которых встали его родственники. Европа походила на фамильное владение семейства Бонапартов» [4, с. 287–292]. И все-таки есть некоторое разногласие между тематическим планированием, которое охватывает гораздо более широкий круг вопросов, и собственно текстом учебника, где изложен в хронологическом порядке ряд фактов – вех «наполеоновской эпохи».

Человеком новой эпохи, наступившей не только в истории Франции, но и всей Европы, предстает Наполеон Бонапарт на страницах учебника «Всеобщая история. 10 класс» О.Ю. Климова, В.А. Земляничина и В.В. Носкова [1]. Благодаря Наполеону, «артиллерия которого буквально смела мятежников с улиц Парижа», в 1793 г. был подавлен мятеж сторонников восстановления монархии и установлена власть Директории: «Бонапарт был назначен командующим всеми военными силами внутренней Франции, и с этой ступеньки началось его стремительное восхождение к вершинам власти». Неизбежность падения Директории и приход к власти генерала Бонапарта авторы учебника связывают с непрочностью режима Директории, который опирался на разнородные политические силы, и поэтому, «пройдя через череду кризисов, он рухнул в результате другого переворота, открывшего новую эру в историческом развитии Франции... Генерал Наполеон Бонапарт был избран первым консулом Французской республики, который по конституции 1799 г. наделялся самыми широкими полномочиями».

Авторы учебника дают и несколько нетрадиционные оценки деятельности и политики Наполеона. Так, например, Амьенский «морской мир» с Великобританией 1802 г. назван «венцом мирной дипломатии Бонапарта», а последовавший за ним плебисцит «принес первому консулу пожизненную власть». Именно политика первого консула способствовала быстрому возрождению экономики Франции и превращению ее в «серьезного конкурента Великобритании». Нестандартна и оценка взглядов на союз с Францией императора Александра I, который «все более убеждался, что главным противником России является не Франция, а Великобритания, которая строила свое благополучие на подавлении экономического развития других стран». Распад коалиции, потеря Россией союзников и вынужденный характер франко-русских переговоров остались за кадром. Хотя ниже историки трактуют итоги мира с Францией иначе: «Главной причиной обострения русско-французских отношений стало нежелание Александра I следовать за Наполеоном в его политике ужесточения континентальной блокады, которая вступала во все более острое противоречие с экономическими интересами России».

Текст параграфов сопровождает богатый визуальный аппарат. На портретах А.-Ж. Гро

и Ж.О.Д. Энгра Наполеон изображен в моменты расцвета славы: бесстрашный боевой генерал на Аркольском мосту, первый консул, император. Симпатии авторов учебника, несомненно, на стороне Наполеона, но за рамками изложения остались талантливые государственные деятели и полководцы наполеоновской эпохи. Гений Бонапарта затмил и вытеснил всех и вся: «Наполеон стал главным творцом нового, буржуазного по своей сути правового порядка», «коренное преобразование Германии, предпринятое Наполеоном, создавало смертельную угрозу для Пруссии». Равновелик Наполеону на поле битвы, пожалуй, только Нельсон. Трафальгарская битва и битва у Аустерлица названы двумя величайшими сражениями, которые полностью изменили расстановку сил на международной арене [1, с. 210–217].

Довольно неожиданным стало открытие того факта, что в учебнике А.А. Данилова, Л.Г. Косулиной и М.Ю. Брандта «Россия и мир. Древность. Средневековье. Новое время» личность Наполеона оказалась стиснута до размеров абзаца и уложилась в схему: «Французская революция конца XVIII в. завершилась военной диктатурой Наполеона», а «падение Наполеона и военное поражение империи положило начало периоду Реставрации» [3, с. 303]. Наполеон не был объектом специального анализа, а рефреном вошел в текст параграфа «Революции и их место в историческом процессе второй половины XVIII–XIX в.». Для сравнения: императрица Анна Иоанновна удостоилась пяти абзацев, а Петр I и Екатерина II – целой страницы.

Не вызывает никаких сомнений намерение авторов учебников для 10–11 класса осуществить максимальное обобщение исторического материала, соединив в нем и всемирную, и российскую историю. Однако крен в сторону отечественной истории весьма очевиден. Это констатация факта, а не упрек авторам, проделавшим колоссальную работу. Тем более что формат ЕГЭ по истории пред-

усматривает знание материала именно по истории России. Привить любовь к истории и уважение к ее героям возможно только на психоэмоциональном уровне, на историческом материале, который рождает внутренний отклик школьника.

Библиографический список

1. Всеобщая история: 10 класс: учеб. для учащихся общеобразоват. учреждений / О.Ю. Климов, В.А. Земляничин, В.В. Носков; под общ. ред. В.С. Мясникова. – М.: Вентана-Граф, 2012. – 336 с.
2. *Гринин Л.Е.* Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. – 2010. – № 2 (12) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129557/> (дата обращения: 22.03.2016).
3. *Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю.* Россия и мир: Древность. Средневековье. Новое время: учеб. для 10 кл. общеобразоват. учреждений. – М.: Просвещение, 2006. – 252 с.
4. *Загладин Н.В.* Всемирная история. История России и мира с древнейших времен до конца XIX века: учеб. для 10 класса. – М., 2006. – 400 с.
5. *Загладин Н.В., Козленко С.И., Загладина Х.Т.* Программа и тематическое планирование курса «Всемирная история. История России и мира с древнейших времен до наших дней». 10–11 классы. – М., 2005. – 112 с.
6. *Хейзинга Й.* Осень средневековья. – М.: Наука, 1988. – 768 с.
7. *Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. / Московский пед. гос. ун-т; Адыгейский гос. ун-т. – М.: Прометей, 2010. – 703 с.
8. *Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М.* Всеобщая история. История нового времени. 1800–1913. 8 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. – М., 2010. – 270 с.

Горлова Наталья Ивановна

кандидат исторических наук, доцент
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Gorlovanat@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ВОЛОНТЕРСТВА В РОССИИ

В статье рассматриваются ключевые тенденции развития волонтерского движения. Выявлены условия, оказавшие решающее влияние на формирование идеологии и инфраструктуры института волонтерства. Автор показывает особенности развития современного института волонтерства в России и его историческую роль в современном обществе. Добровольчество, стартовав практически с нуля, сегодня активно заявляет о себе, увеличивая масштабы и расширяя границы своего участия во всех сферах российского общества. Оно оформляется в отдельную институциональную систему, включающую различные виды деятельности, формы и уровни организации добровольческого движения. По мнению автора, специфика организации добровольческой деятельности определяется ее социально-массовым и инструментальным характером, функционалом и содержанием структурных компонентов. Рассмотрен социально-демографический портрет современного волонтера. Сегодня основным представителем российского волонтерского движения выступает молодежь, формируя целое направление молодежного добровольчества. По мнению автора, добровольчество в России начинает приобретать свои характерные черты развития под влиянием исторических и культурных традиций, социально-экономических и политических факторов. Кроме того, изменение социально-профессиональной роли волонтера и его статуса в обществе привело к профессионализации предоставляемых им видов услуг и квалифицированной помощи.

Ключевые слова: волонтеры, добровольческое движение, инфраструктура добровольческого движения, идеология добровольчества, молодежное волонтерство, профессионализация волонтеров, центры подготовки волонтеров.

В волонтерском движении последних десятилетий отмечаются некоторые существенные новшества. На современном этапе практика волонтерской деятельности, претерпевшая значительную эволюцию, характеризуется унификацией российской модели добровольчества, слиянием ранее отличных и порой противоречивых организационных и идеологических структур, обеспечивающих данную деятельность. Добровольчество в России, формируясь в результате экспансии успешных практик и тенденций международного волонтерского движения, начинает приобретать свои характерные черты развития под влиянием исторических и культурных традиций, социально-экономических и политических факторов. Качественно новые образования в сфере добровольчества определяют как масштабы, так и степень вовлеченности в практику добровольческой деятельности многочисленных участников – государства, регионов, множества различных групп (имеющих разнообразные формы организации), населения.

Во-первых, российское добровольчество пошло по пути формирования собственной инфраструктуры. Целенаправленная политика государства в отношении формирования и развития инфраструктуры поддержки добровольческого движения – довольно молодое явление для Российской Федерации, которое можно проследить лишь в течение последних 5–10 лет.

До 2010 года добровольческие инициативы студентов и сотрудников вузов отличалось локальным характером, за исключением массового участия молодежи в нескольких межрегиональных добровольческих акциях (Всероссийская неделя добра и др.).

По сути, активность и содержание волонтерской деятельности определялись сложившейся практикой в той или иной образовательной организации. Все мероприятия были интегрированы в учебно-воспитательную и социальную жизнь образовательных организаций и воспринимались исключительно как выполнение социальной роли образовательных организаций в регионе, а также как элементы нравственного воспитания студентов. В большинстве случаев связь добровольческого опыта студентов-волонтеров отсутствовала. В диапазоне добровольческих проектов преобладали донорство, помощь детским домам, уборка мусора с территории образовательных организаций и т. п. [2, с. 7].

Значительный скачок в формировании инфраструктуры поддержки добровольческого движения Россия сделала при реализации крупнейших спортивно-массовых мероприятий.

В 2010 году АНО «Оргкомитет «Сочи-2014»» предложил Минобрнауки России модель активизации добровольческого движения в стране за счет ее интеграции с системой образования (прежде всего – высшего образования) в рамках реализации волонтерской программы «Сочи-2014». В декабре 2010 года оргкомитетом «Сочи-2014» при поддержке Министерства образования России и Министерства спорта России была сформирована сеть центров привлечения волонтеров для обеспечения потребности в добровольцах на всех олимпийских объектах. Сеть включала в себя 17 городов, где названные центры были созданы на базе 25 вузов (включая один негосударственный вуз) и одного колледжа.

За период с 2011 по 2013 годы была создана необходимая эффективная инфраструктура поддерж-

ки и управления добровольческими ресурсами, нормативно-правовое, кадровое и материально-техническое обеспечение деятельности центров [8, с. 58]. Кроме того, была налажена эффективная коммуникация, организована проектная работа в сфере волонтерства, сформирован серьезный задел по взаимодействию с местным и профессиональным сообществом, налажены связи с представителями региональных органов исполнительной власти.

Стратегической целью развития добровольческого движения в стране явилось создание эффективных механизмов и благоприятных условий вовлечения граждан в практику добровольческой деятельности [1].

Во-вторых, добровольческое движение находится на пути своего идеологического оформления в формате ценностных и инструментальных императивов, в основе его лежит концепция социальной ответственности, успешно дополняемая деятельностью-активистской парадигмой. Идея участия населения в добровольческой деятельности становится одной из общепринятых основ коллективной практики общественного участия в социальных изменениях. Это связано с тем, что движение вышло за рамки понимания классической благотворительности, социального служения, филантропии.

В-третьих, сегодня мы наблюдаем процессы институализации российского добровольчества как следствие взаимодействия и интеграции интересов государства, «третьего сектора» и бизнеса, основной задачей которого является формирование действенного организационного базиса развития гражданских социально-значимых практик и поддержки добровольческих инициатив. Однако на национальном уровне ключевая роль отводится государственному регулированию по следующим направлениям: 1) в оформлении формата и содержания «рамочного» взаимодействия при помощи нормативно-правовых актов, сопровождающих деятельность волонтеров и организационных структур, ответственных за их реализацию; 2) в определении целевой аудитории государственной поддержки в сфере добровольчества; 3) в разработке государственных и муниципальных программ стимулирования добровольческой активности и вовлечения в сферу организации добровольческого труда.

Процесс институализации, стартовав на базе некоммерческой организации еще в начале 90-х, достиг своего апогея уже в середине 2000-х годов, когда государством был взят курс на развитие добровольческих практик и поддержку инициатив населения. С 2010 года этот курс был продолжен, о чем свидетельствует количество реализуемых добровольческих проектов и программ, инфраструктура добровольческих центров и агентств социальной помощи; элементы системы стимулирования, просвещения и вовлечения в добровольческую деятельность; специальные фонды поддержки добровольчества.

Основной задачей институализации добровольчества явилось создание адекватного организационного базиса развития добровольчества и поддержки добровольческих инициатив.

В-четвертых, одной из отличительных особенностей развития российского добровольчества на современном этапе является привлечение к участию в добровольческой деятельности людей с инвалидностью и граждан пенсионного возраста, а также преобладание молодежи в качестве основного субъекта волонтерства. В России официальная статистика по волонтерству среди всех возрастных групп населения отсутствует.

Волонтерское движение граждан пожилого возраста (геронтоволонтерство) в России пока не имеет широкого распространения, однако у него очень большие перспективы, что связано с возрастанием количества активных пенсионеров на фоне увеличения общего их числа. В Российской Федерации, согласно данным государственной статистики, доля пожилых людей в населении страны в 2016 году составила 24,6 %, что на 4,1 % больше по сравнению с показателями 2006 года (20,5 %) [7].

Волонтеры пожилого возраста появились в современной России в ходе реализации программы подготовки волонтеров к Олимпийским зимним играм и Паралимпийским зимним играм в г. Сочи в 2014 году. На этапе официального старта набора волонтеров Игр было выявлено, что более 50 % людей пенсионного возраста заявили о своем желании присоединиться к добровольческому движению. Уже в 2012 году пожилые люди приобретают статус «серебряных волонтеров», принимая участие более чем в 150 различных социально значимых мероприятиях. В августе 2012 года 4 «серебряных» волонтера из России стали участниками летней Олимпиады-2012 в Лондоне, в 2014 году 928 «серебряных» волонтеров помогли в проведении Игр (см.: [1]). Каналами интеграции людей пожилого возраста в социальную практику выступили 26 волонтерских центров России «Сочи-2014», которые провели масштабную информационно-просветительскую работу со стратегическими партнерами в регионе: администрацией городов и краев, советами ветеранов и общественными организациями.

На основе обобщения опыта центров по работе с кандидатами в волонтеры из числа граждан пожилого возраста были оформлены методические рекомендации для специалистов в сфере управления добровольческими ресурсами при организации крупных мероприятий. Это позволило значительно оптимизировать работу оргкомитетов различных событий, устранить кадровый голод в сфере волонтерского менеджмента и избежать монополизации волонтерских ресурсов.

Сегодня основным представителем российского волонтерского движения выступает молодежь, формируя целое направление молодежного добро-

вольчества. Оно рассматривается в качестве эффективного способа повышения добровольческой активности российской молодежи с целью ее вовлечения в социальную практику через создание для молодых людей условий свободного доступа к добровольческой деятельности. В отечественной научной мысли исследовали (А.Н. Ершова, Х.Т. Загладина, Л.Ф. Козодаева, У.П. Косова, М.А. Новиков, Г.В. Оленина, Ю.В. Паршина) склонны рассматривать добровольческую деятельность как общественную практику, обеспечивающую успешность социализации и развития молодого поколения [3–7; 14–15]. У молодежи как социально-демографической группы потенциал участия в добровольческой деятельности гораздо выше, чем у остальных групп, дифференцированных по возрастному принципу.

Добровольческая активность молодежи формируется под влиянием целенаправленного воздействия внешней среды – презентаций социальных программ в вузах и сузах, кампаний общественных и некоммерческих организаций, ярмарок молодежных добровольческих вакансий, бирж волонтеров. Немаловажная роль принадлежит личной инициативе или групповой самоорганизации молодых людей.

В пятых, к отличительным чертам российского добровольчества относится выраженная гендерная диспропорция. Ряд авторских исследований свидетельствует о преобладании числа женщин (более 60 %) в социальной общности волонтеров и ее гендерной структуре (см., напр.: [6]).

В-шестых, в настоящее время добровольческая практика широко представлена волонтерской деятельностью в российских вузах. В настоящее время добровольчество рассматривается в качестве инструмента развития молодежи, обеспечивающего самосовершенствование, личностный рост непосредственных субъектов происходящих общественных трансформаций, основанных на изменениях, способствующих улучшению жизни населения страны с учетом нужд и потребностей молодых людей [17]. Сегодня российская молодежь представляет собой необходимый инициативный и самостоятельный ресурс, способный преобразовать современную действительность. Ключевая задача в подготовке соответствующего преобразовательного субъекта отводится образовательной среде высшей школы. В этом контексте актуальность приобретает волонтерская деятельность в качестве инструмента приобщения студенческой молодежи к наиболее инициативной и творческой социальной группе.

Особая роль в продвижении ценностей и принципов добровольчества связана с активным внедрением в образовательное пространство учреждения технологии «обучение через волонтерство» [12]. Образовательная модель «Service Learning» уни-

версальна по своей сути и может быть применена в рамках практически любой дисциплины, но в рамках освоения студентами учебной программы [9].

Отечественные авторы неоднократно рассматривали роль участия студенческой молодежи в реализации добровольческих проектов, проведении акций и мероприятий, а также влияние волонтерских студенческих объединений на развитие личности (см.: [11; 16]). Первостепенной задачей в деятельности высшего института образования является предложение оптимальных форм участия молодых людей в социальной практике добровольчества [19].

В-седьмых, российская модель добровольческого движения в процессе институализации преобразовалась в новый вид деятельности, общественных взаимоотношений, помогающий в решении многочисленных вопросов социальной проблематики, многие из которых не получают должного внимания со стороны государственных и общественных структур, а также в силу сложившихся ограничений доступа целевой группы к необходимым ресурсам. Подобная ситуация привела к оформлению разнообразных направлений приложения волонтерских усилий: в сфере социальной поддержки населения, здравоохранения, экологического просвещения, в области культуры и искусства, спорта и др.

Сегодня уместно говорить о профессионализации института волонтерства, формировании профессионально важных качеств и определенных компетенций, требуемых для исполнения функциональных обязанностей, исходя из особенностей предлагаемого рабочего места и направления сферы деятельности (см.: [10]).

За последние годы существенным образом меняется портрет российского волонтера, приобретающего черты профессионализации, ранее для него не характерные. Это связано с изменением социально-профессиональной роли волонтера и его статуса в обществе: его задача теперь уже не ограничивается минимальным набором непрофессиональных видов помощи и предоставляемых услуг.

Распространение практики добровольчества как особого вида активности позволяет нам рассматривать его в контексте профессиональной идентификации и, следовательно, анализировать волонтерство с точки зрения деятельности, имеющей как общие с любой профессиональной деятельностью признаки, так и специфические черты, характерные только для данной формы общественной активности. За последние годы наметился процесс формирования квалифицированного кластера в среде добровольчества.

Библиографический список

1. Вячеславов В.Н. Занятость пожилых людей (на примере волонтерской деятельности) // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 10 (20)

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vtr.vssc.ac.ru/article/1459> (дата обращения: 2.02.2017).

2. Горлова Н.И. Развитие инфраструктуры поддержки добровольческих инициатив и создание организационных условий развития добровольческого движения // Волонтер: всерос. науч.-практ. журнал. – 2016. – № 3 (19). – С. 6–20.

3. Еришов А.Н. Микросреда формирования лидерства // Вестник Казанского технологического университета. – 2014. – Т. 17. – № 23. – С. 455–462.

4. Загладина Х.Т. Волонтерство и реализация социального потенциала детей и молодежи в контексте российской образовательной политики // Образовательная политика. – 2014. – № 4 (66). – С. 57–73.

5. Козодаева Л.Ф. Добровольческая деятельность как основа воспитания нравственных качеств студенческой молодежи // Вестник ТГУ. – Тамбов, 2010. – № 11 (91). – С. 121–126.

6. Колосова Р.П., Красновид (Трохина) А.В. Занятость волонтеров: возможности и ограничения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/12/ekonomika/trokhina.pdf (дата обращения: 18.01.2017).

7. Косова У.П. Психологические характеристики волонтерской деятельности // Высшее образование сегодня. – 2009. – № 12. – С. 63–67.

8. Кугушева А.Н. Концептуальные основы добровольчества // Молодежная политика, воспитательная и патриотическая работа: практика XXI века: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. М.В. Юдина; ФГБОУ ВПО «РГУТиС». – М., 2014. – С. 58–64.

9. Лаврентьев А.В., Шарахина Л.В., Юдина А.А. Внедрение волонтерской практики в образовательный процесс: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – 65 с.

10. Латюшин Я.В. Формирование профессионально важных качеств волонтеров-консультантов антинаркотических программ: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Челябинск, 2004.

11. Леднев В.А. Чтобы стать классным специалистом, нужно поработать волонтером // Качество образования. – 2011. – № 12. – С. 42–44.

12. Линович М.В. Внедрение образовательной практики «Обучение через волонтерство» в систему академического образования в России // Волонтер: всерос. науч.-практ. журнал. – 2012. – № 1–2. – С. 34–37.

13. Новиков М.А. История, проблемы и перспективы развития молодежного волонтерства в России // Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 6 (3). – С. 141–144.

14. Оленина Г.В. Педагогика социально-культурного проектирования и продвижения гражданских инициатив молодежи. – Барнаул, 2011. – 311 с.

15. Паришина Ю.В. Нравственное становление старшего подростка в волонтерской деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.org/text/78/017/19654.php> (дата обращения: 17.01.2017).

16. Правдов М.А., Шипилов Р.М., Шипилова О.В., Матвейчев В.Н. Студенческие волонтерские организации в системе ГПС МЧС России // Современные исследования социальных проблем: электрон. науч. журнал. – 2013. – № 1 (21). – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/studencheskie-volontyorskije-organizatsii-v-sisteme-gps-mchs-rossii> (дата обращения: 12.01.2017).

17. Соломин В.П., Лавренко А.В., Сморгунцова В.Ю. Государственная политика по созданию правовой основы деятельности волонтеров как эффективного инструмента социализации молодежи и формирования гражданских ценностей // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2012. – № 3. – С. 15–24.

18. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 1.02.2017).

19. Шарытин А.В. Волонтерское движение студентов: истоки и современность // Современные исследования социальных проблем. – 2010. – № 4 (04). – С. 214–220.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ «ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ США

В статье проводится подробный анализ технологий «цветных революций» в контексте их применения в отношении Российской Федерации со стороны Соединенных Штатов Америки. Череду «цветных революций» на пространстве СНГ рассматривается как элемент комплексной внешнеполитической стратегии США, конечной целью которой является осуществление государственного переворота в самой России. По мнению автора, Вашингтон был заинтересован в свержении российского государственного режима в 2012 году во время протестных акций, проходивших в городе Москве и других городах России. Основным выводом проведенного исследования является констатация враждебности внешнеполитического подхода США в отношении России. Оказание комплексного давления на российское государство с помощью инструмента международных санкций подтверждает данный тезис и указывает на то, что создание неблагоприятной социально-экономической ситуации в России может быть использовано внешними силами для реализации сценария «цветной революции».

Ключевые слова: «цветные революции», Россия, США, государственные перевороты, международные отношения, внешняя политика США, дипломатия, геополитика, двусторонние отношения, санкции.

Проблематика, связанная с попытками США осуществить в России демонтаж политического режима с помощью технологий «цветных революций», характерна не только для настоящего периода международных отношений. Понятие «цветные революции» является современным лишь отчасти; корни политики по демонтажу политических режимов неугодных государств уходят в эпоху холодной войны, когда ключевой задачей внешнеполитической стратегии США было сокрушение главного противника – СССР, а также его союзников и, таким образом, достижение победы в биполярной конфронтации. Появление у США и СССР ядерного оружия привело к переоценке исключительно военных сценариев во внешнеполитической борьбе и способствовало разработке новых методов «негорячей войны», а именно – стратегии асимметричных действий, которая позволяла бы более гибко подходить к ведению борьбы в условиях, когда открытое применение силы могло спровоцировать начало ядерного конфликта. В этих условиях США начали применять новую стратегию, состоящую в скрытой подрывной деятельности, полувоенных (тайных) операциях, поддерживаемых дипломатией. С первых лет холодной войны США стали применять в своей внешнеполитической деятельности инструменты военного и невоенного характера, куда входили: подпольная борьба, диверсионно-подрывные действия с привлечением различных криминализованных группировок, а также гражданских протестных масс.

Именно в те годы в США были разработаны и приняты к реализации долгосрочные стратегические внешнеполитические инициативы, направленные на дестабилизацию внутривосточной ситуации в СССР и странах социалистического блока путем тайных операций (подрывная подпольная работа, психологическая война, поддержка различных групп «сопротивления»).

Усилиями советников президентской администрации Г. Трумэна, в частности известного американского дипломата Дж. Кеннана, был заложен стратегический подход во внешней политике США, направленный на дестабилизацию внутреннего положения в социалистических странах. Так, в меморандуме от 1948 г. он предложил приступить к реализации во враждебных государствах тайных операций через подпольные группы сопротивления, поддержку антикоммунистических элементов [30].

В том же 1948 г. Советом национальной безопасности США были приняты директивы № 10/2 и № 20/1, в которых говорилось о планах по подготовке и проведению широкого спектра подрывных мероприятий за рубежом. Согласно первой директиве, под «тайными операциями» понимались «все виды деятельности, которые проводятся или одобряются правительством США и направлены против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется ее источник – правительство США, а в случае ее разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать до конца всю ответственность за нее». Непосредственно к тайным операциям разработчики отнесли: «...пропаганду; экономическую войну; превентивные прямые действия, включая саботаж, противодействие саботажу, разрушения и эвакуацию; подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения, поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой...» [30].

Директива СНБ-58 предусматривала оказание поддержки в странах Восточной Европы не только антисоветским группам, но и лицам из политиче-

ского истеблишмента: «...Мы должны всемерно увеличивать всю возможную помощь и поддержку прозападным лидерам и группам в этих странах» [26, р. 212, 222].

30 сентября 1950 года президент США Г. Трумэн утвердил принятую несколькими месяцами ранее новую секретную директиву СНБ – NSC 68, которая на долгое время стала основой для тайных операций против СССР и стран социалистического блока. Одной из основных целей США было вызвать фундаментальные изменения внутри советской системы, для этого предлагалось следующее: «Нам нужно вести открытую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство в отношении Советов и разрушать иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные меры и операции тайными средствами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах» [29]. При этом в отношении Восточной Европы в целях ослабления советского диктата особо подчеркивалось, что «США должны воздействовать не только на массы, но и на правительства, вынуждать их корректировать свою политику. Это предполагало дифференцированный подход к отдельным странам, поиск слабых звеньев в цепи советского лагеря, что и становилось актуальной задачей для ЦРУ» [5, с. 41].

Однако попытки США спровоцировать дестабилизацию в Восточной Европе, своего рода буфере между СССР и США, на пространстве которого были сосредоточены военные, в том числе ядерные, вооружения посредством внешнего вмешательства могли привести к нарушению хрупкого баланса сил. Поддержка официальным Вашингтоном антикоммунистических движений в социалистических странах способствовала ухудшению двухсторонних отношений, росту милитаризации и напряженности не только на европейском континенте, но и в других зонах влияния двух сверхдержав.

Несмотря на жесткую закулисную международную борьбу и противодействие Москвы тотальному вмешательству США во внутренние дела СССР и его союзников, двум сверхдержавам удавалось балансировать на грани войны, с переменным успехом находить взаимоприемлемый *modus vivendi* по ключевым вопросам, например, таким, как поддержание стратегической стабильности в рамках активизировавшегося в 1970-е гг. процесса «разрядки международной напряженности». В немалой степени этому способствовало осознание странами Запада готовности СССР «применить силу для отстаивания своих интересов. Решимость СССР вмешаться в кризис в Чехословакии (1968 г.), как только советское руководство сочло, что развитие ситуации может нанести ущерб безопасности Советского Союза, напугала европейские государ-

ства. Эти страны не хотели возникновения новых конфликтов и считали признание статус-кво разумной ценой за ослабление напряженности, мир и экономические перспективы, которые могли открыться в результате нормализации отношений между Востоком и Западом» [3].

СССР имел мощный «военный кулак» в Европе и сопоставимый с США ракетно-ядерный потенциал, что выступало серьезным сдерживающим фактором в военно-политических планах Вашингтона. Угроза прямого столкновения СССР и США также нивелировалась за счет вытеснения конфронтации с глобального уровня на региональный. К середине 1970-х гг. США несколько изменили тактику, разработав планы по созданию сетцентричной структуры из внутренних групп сопротивления, направляемых американской разведкой.

Исторический анализ внешнеполитических подходов Вашингтона позволяет предположить, что современные деструктивные политические технологии, применяющиеся США для свержения неугодных политических режимов и осуществления государственных переворотов («цветных революций»), являются продолжением подрывных стратегий, свойственных эпохе холодной войны. США и сегодня не отказываются от комплексной долгосрочной реализации стратегии сдерживания и ослабления России с учетом новых реалий мировой политики и текущей международной конъюнктуры. Так, одним из последствий успешной реализации Западом во главе с США внешнеполитической стратегии по демонтажу неугодных политических режимов с помощью технологий «цветных революций» является антироссийская направленность новых политических режимов государств. Череда успешных «цветных революций» на пространстве СНГ по периметру границ Российской Федерации может рассматриваться как первый шаг к смещению действующего государственного руководства в самой России.

Наиболее серьезным испытанием для российского государства, его внешнеполитических и национальных интересов в странах СНГ в 2000-е гг. стали «цветные революции» в Грузии (2003 г.), на Украине (2004 г.), Киргизии (2005 г.): «Как минимум такие перевороты сокращали объем влияния РФ в странах СНГ; как максимум они расценивались как репетиции для “главной” цветной революции – в самой России. Такие опасения были особенно сильны в Москве в начале 2005 г./» [21].

А.П. Цыганков, комплексно исследовавший российско-американские отношения, отмечает, что в то время в Кремле действительно ощущали угрозу в связи с возможной реализацией «цветных сценариев» в самой России. Влиятельные представители американской элиты к тому времени уже наращивали контакты с некоторыми радикальными организациями внутри страны [32, р. 179].

Внутри ответственных ведомств России происходил мониторинг и оценка угроз национальной безопасности государства в контексте актуализировавшейся проблемы «цветных революций». Как отмечает исследователь современных стратегических концепций США и НАТО В.С. Котляр, «в выступлениях в Государственной думе 12 мая 2005 г. высокопоставленные представители России, по существу, прямо обвинили западные страны во вмешательстве во внутренние дела стран СНГ и в организации “бархатных революций” с целью смены их режимов» [9, с. 38].

На тот период руководитель ФСБ РФ Н.П. Патрушев в своем выступлении озвучил информацию о том, что российские спецслужбы располагают данными о подготовке рядом зарубежных неправительственных организаций очередных «бархатных революций» на постсоветском пространстве. Глава МИД РФ С.В. Лавров заявил: «Мы не занимаемся сменой режимов в ходе реализации нашей внешней политики, мы не закрываем глаза на те реалии, которые происходят во всех странах, с которыми мы поддерживаем отношения, и отношения мы поддерживаем со всем спектром политических сил, реально действующих в этих странах» [18].

В том же году руководитель Центра информационной безопасности ФСБ, выступая в 2005 г. на слушаниях в Совете Федерации, заявил о том, что необходимо усилить контроль за интернет-пространством, которое стало активно использоваться политическими группами для мобилизации политических сил против властей своего государства [18]. Таким образом, по его мнению, можно купировать угрозы и попытки насильственным образом с использованием потенциала протестных масс изменить основы конституционного строя. В качестве примеров он привел Югославию, Грузию и Украину – те государства, в которых были успешно осуществлены государственные перевороты.

После успешной реализации «цветных революций» в Грузии, на Украине и в Киргизии США стали планировать дальнейшее расширение своей стратегии по демонтажу политических режимов, создавая перманентную угрозу стабильности и безопасности на пространстве СНГ и, как следствие, Российской Федерации. Как отмечал (со ссылкой на стратегические американские документы) Е.М. Примаков, «Госдеп не скрывает и своего стремления распространить опыт этих “демократических стран” на остальных членов СНГ» [13, с. 200].

Следует отметить, что уже в период 2005–2008 гг. в России наблюдалась тенденция к признанию «цветных революций» актуальной угрозой не только национальным интересам, но и безопасности самого российского государства. При этом на разных уровнях ответственными лицами были выявлены основные механизмы и каналы реализации планируемых государственных переворотов – ин-

формационный (через сеть интернет, стремительно набирающую популярность среди граждан), сеть зарубежных неправительственных организаций и международных структур (НПО, НКО) при определяющей роли в этих процессах внешней управляющей силы (нескольких международных акторов).

Намерения дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в стране, поставив под угрозу сохранение ее территориальной целостности, лишить Россию суверенитета, а значит, возможности проводить независимый внешнеполитический курс на международной арене, находят свое отражение в некоторых экспертных американских оценках по вопросу формирования внешней политики.

Так, например, американский политолог и бывший посол США в России М. Макфол выделяет несколько условных подходов в американском внешнеполитическом планировании в отношении России. К одной группе относятся выступающие за трансформацию режима (*regime transformers*), к другой – за поддержание баланса (*power balancers*). К первым относятся те, кто считает, что американские лидеры должны использовать весь арсенал невоенной мощи США для того, чтобы помочь вызвать внутренние трансформации внутри России [27, р. 5]. По их мнению, после смены режима «демократическая» Россия не будет представлять угрозу для США, то есть по аналогии с политикой Вашингтона 90-х годов необходимо установить контроль над Россией посредством закрепления проамериканских позиций внутри российского политического истеблишмента. Вторые придерживаются более сбалансированного и прагматичного подхода, согласно которому истоки поведения России лежат за пределами того или иного типа режима власти. Они полагают, что нужно использовать все слабости позиции России для того, чтобы извлекать односторонние преимущества. Некоторые из них даже надеются, что Россия сама распадется на части [27, р. 5].

Следует отметить, что определенные шаги в сфере работы по противодействию возможной реализации деструктивных политических технологий в России с учетом вмешательства извне уже были сделаны.

В 2010 г. была обнародована Военная доктрина Российской Федерации, в которой к числу внешних «военных опасностей» были отнесены «...попытки дестабилизировать политическую обстановку в отдельных государствах и региональное стратегическое равновесие [22]. Это говорит о понимании внешнеполитических действий международных акторов, участвующих в организации «цветных революций», как о потенциальной угрозе национальной безопасности российского государства.

Позднее, в 2012 году, в связи с попытками не-системной российской оппозиции, поддерживаемой США и другими странами Запада, применить

«цветные» технологии в России, на высшем государственном уровне было заявлено о необходимости осуществления контроля за деятельностью иностранных некоммерческих организаций с целью купирования угрозы дестабилизации общественно-политической обстановки. Следует подробнее остановиться на событиях 2012 года и роли внешних факторов в попытках организовать «цветную революцию» в Российской Федерации.

Как отмечал известный исследователь «цветных революций» С.Г. Кара-Мурза, «если ответственно относиться к угрозе организации «оранжевой» революции в РФ, то надо регулярно изучать сигналы, исходящие из центра принятия решений о проведении подобных революций – США. Эти сигналы могут непосредственно исходить от американских политиков и СМИ или от политиков и СМИ, следующих в фарватере США (в том числе российских)» [8, с. 79].

Проанализировав американскую реакцию на события, связанные с очередными президентскими выборами в России, следует отметить, что если в конце 2011 г. официальный Вашингтон еще не позволял себе жестких заявлений в адрес Москвы, то к моменту переизбрания В.В. Путина «американские ястребы» уже активизировали свою антироссийскую риторику. Например, сенатор от Аризоны Дж. Маккейн предупредил президента Путина о возможных волнениях в России, подобных тем, что происходили в этом году в арабских странах. Он также заявил о том, что действия ливийской оппозиции являются примером для России [10].

Бывший госсекретарь США Кондолиза Райс, фактически вмешиваясь во внутренние дела России, заявила о том, что участие В.В. Путина в президентских выборах – «неудачная идея» и не исключила массовых волнений в стране [10].

К президентским выборам в России 2012 года готовили «цветную революцию», не исключая применение силового сценария, как это было на Украине в ходе «Евромайдана» 2013–2014 гг. Как известно, силы несистемной оппозиции на Болотной площади весной 2012 г. рассчитывали на провокацию, с помощью которой стал бы возможен переход к силовой фазе – столкновению с силами правопорядка, что вызвало бы дестабилизацию общественно-политической обстановки в столице. В случае успешной реализации этого сценария мог бы возникнуть нужный резонанс в зарубежном медиапространстве, который бы оказал информационное давление на российский политический истеблишмент.

По оценке президента В.В. Путина, американские представители своими действиями фактически стимулировали демонстрантов к выступлениям. В частности, он отметил, что высказывания госсекретаря США Хиллари Клинтон о нарушениях во время парламентских выборов стали стиму-

лом и сигналом для начала беспорядков в России: «Она задала тон некоторым нашим деятелям внутри страны, дала сигнал. Они этот сигнал услышали и при поддержке Госдепа США начали активную работу» [16].

Такие заявления высокопоставленных представителей американского истеблишмента стали прямыми сигналами о возможных намерениях США способствовать реализации сценария «цветной революции» в России. В 2012 г. в своей предвыборной статье президент В.В. Путин уделил отдельное внимание «российско-американским делам», в которых как одну из проблем обозначил политику США на пространстве СНГ и попытки вмешательства в дела России: «Не способствуют упрочению взаимопонимания и регулярные попытки США заниматься “политической инженерией”, в том числе в регионах, традиционно важных для нас, да и по ходу избирательных кампаний в России» [15].

Попытка реализовать «цветную революцию» в России закончилась неудачей и привела к массовым беспорядкам 6 мая 2012 г. на Болотной площади в Москве, которые сопровождались поджогами и уничтожением имущества, а также применением насилия к представителям органов правопорядка.

Позже в экспертной среде стали отмечать, что события во время антиконституционного государственного переворота на Украине в 2013–2014 гг. могли быть реализованы в Москве, если бы на тот период государственное руководство проявило слабость и нерешительность в деле наведения порядка. Председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин позднее подтвердил данный факт: «Там под сценой лежали палатки и шины, как это было на Майдане. Если бы не проявили твердость тогда, вот у нас могло быть такое, что происходит сегодня на Украине» [1].

После событий так называемого Евромайдана на Украине, реализованного в том числе при участии США и их европейских союзников, резко усилился уровень конфронтации в отношениях между Россией и Западом. Как подчеркнул секретарь Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев, «США при реализации государственного переворота на Украине преследовали сразу несколько задач: создание “инструмента для радикального ослабления России”», а также «удержание на коротком поводке стран Евросоюза, которым зачастую без учета их мнения и национальных интересов навязываются антироссийские санкции и подходы» [11].

В очередной раз был искусственно создан повод для наращивания международного давления на Россию с целью ее «изоляции» и ограничения влияния на мировые процессы. Бывший посол США в РФ, последовательный сторонник «демократизации» России М. Макфол в статье марта 2014 г. заявил о том, что зигзаги в отношениях Запада и России закончились, как закончились и ожидания, что

ее руководство желает постепенного подключения к существующему международному порядку [28].

На фоне стремительного нарастания нестабильности в системе международных отношений Россия усилиями американской администрации Б. Обамы фактически была объявлена одной из угроз мировому порядку. Это напоминало рейгановский тезис об «Империи зла» в отношении Советского Союза.

В ответ на неконструктивную и недружественную политику США Россия постепенно перешла к формированию стратегии противодействия «цветным революциям», исходя из понимания, что они представляют одну из первостепенных и актуальных угроз для национальной безопасности российского государства.

Как отмечает профессор кафедры международных отношений и политических наук Государственного университета Сан-Франциско А.П. Цыганков, «после “цветных революций” в Евразии и дестабилизации Ближнего Востока в Кремле пришли к убеждению, что США делают ставку на протестные группы в России и стремятся опрокинуть российскую систему правления Путина» [25, с. 232].

Учитывая вышеизложенные обстоятельства и неблагоприятную международную конъюнктуру, а также конкретные внешнеполитические шаги США, направленные на вмешательство в суверенные дела российского государства, на уровне высшего государственного руководства были даны конкретные указания – не допустить реализации сценариев «цветной революции» в Российской Федерации.

На расширенном заседании Совета безопасности РФ 20 ноября 2014 г. президент России обозначил задачи по противодействию реализации технологий «цветных революций» в России и подчеркнул: «...В современном мире экстремизм используется как инструмент геополитики и передела сферы влияния очень часто. Мы видим, к каким трагическим последствиям привела волна так называемых «цветных революций», какие потрясения испытали и испытывают народы стран, которые прошли через безответственные эксперименты подспудного, а иногда и грубого... «ломового» внешнего вмешательства в их жизнь. Для нас это урок и предупреждение, и мы обязаны сделать всё необходимое, чтобы подобное никогда не случилось в России» [15].

Слова президента нашли отражение в «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» (утверждена президентом РФ 28.11.2014 г., Пр-2753), в которой среди актуальных тенденций указывались попытки организовать массовые беспорядки для дестабилизации общественно-политического положения внутри страны: «Основным способом дестабилизации социально-политической обстановки в Российской

Федерации становится привлечение различных групп населения к участию в протестных акциях, в том числе несогласованных, которые впоследствии умышленно трансформируются в массовые беспорядки» [20].

Таким образом, на современном этапе развития международных отношений стали отчетливо просматриваться попытки Запада во главе с США дестабилизировать ситуацию в России. Подтверждением этому служит введение против Москвы нелегитимных международных санкций, а также полномасштабное давление в финансово-экономической и информационной сферах.

Глава МИД России С.В. Лавров прямо указал на США, которые активно используют арсенал из подрывных методов ведения «новой войны» в своей внешнеполитической стратегии: «Запад однозначно показывает, что дело не в том, что он хочет изменить политику России (что само по себе иллюзорно), а хочет сменить режим – и это практически никем не отрицается. Публично лидеры западных стран заявляют: надо санкции сделать такими, чтобы они разрушали экономику и поднимали народные протесты» [6].

В марте 2015 г. аппарат Совета безопасности РФ провел анализ Стратегии национальной безопасности США в последней редакции и выявил, что одной из основ американской внешнеполитической стратегии является антироссийский вектор. Феномен «цветных революций» стал одним из основных инструментов, который задействует Вашингтон: «Все более широкое распространение для устранения неугодных США политических режимов приобретут усовершенствованные технологии “цветных революций” с высокой вероятностью применения их в отношении России» [19].

США, руководствуясь комплексной стратегией борьбы с Россией, используют следующие инструменты – международные экономические санкции и финансовое давление, направленные на создание в РФ неблагоприятной социально-экономической ситуации и потенциальных условий для осуществления государственного переворота. Председатель Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев в одном из своих интервью подтвердил данный тезис: «В администрации США рассчитывают, что принимаемые антироссийские меры приведут к ухудшению качества жизни населения, повлекут за собой массовые протесты, а это подтолкнет российских граждан к смене нынешнего руководства с использованием сценариев «цветных революций» [7]. Как отмечает отечественный исследователь «цветных революций», доктор политических наук, профессор РУДН Г.Ю. Филимонов, «США через финансовый аспект «гибридной войны» готовят для России сценарий «экономического коллапса», который должен значительно снизить жизненный уровень российских граждан, вызвать широкую волну со-

циального недовольства и уже на этой ниве, путем заранее подготовленной политической агентуры на местах и сочувствующих лиц в элите, осуществить государственный переворот» [23].

После успешного купирования сценария «цветной революции» в России в 2012 г. стратегия в отношении Москвы была пересмотрена. Свержение действующего государственного режима должно стать возможным только после создания комплекса необходимых условий: дестабилизации внешнего периметра на границах России, ухудшения экономического положения, разжигания межэтнической розни, активизации сепаратистских тенденций и т. д.

В настоящий момент Российская Федерация находится в сложном положении. Страна должна отвечать на брошенные внешние вызовы и купировать актуальные внутренние угрозы. На фоне внешних вызовов и угроз произошла консолидация российского общества вокруг фигуры президента России, однако, несмотря на значительный подъём патриотических сил, в стране сохраняется достаточно высокий уровень протестного потенциала, во многом вызванного объективными социально-экономическими трудностями. Несмотря на попытки США «изолировать Россию» в условиях глобальной взаимозависимости и формирования новых центров силы, этого сделать не удалось: «Мировая экономика, в которую интегрируются основные центры силы многополярного мира, просто не позволит США изолировать Россию» [24, с. 14].

Противодействие «цветным революциям» и иным деструктивным политическим технологиям должно осуществляться усилиями всех основных мировых акторов. В противном случае «цветные революции» будут способствовать хаотизации системы международных отношений и оказывать негативное влияние на систему глобальной и региональной безопасности.

Библиографический список

1. Бастрыкин считает митинг на Болотной репетицией Майдана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2696335> (дата обращения: 17.04.2017).
2. Батюк В.И. Россия, США и «цветные революции» // Вестник Российского университета дружбы народов (РУДН). – 2006. – № 8. – С. 15–26.
3. Бобков Ф.Д. Как готовили предателей: Начальник политической контрразведки свидетельствует. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – С. 157.
4. Богатуров А.Д. Системная история международных отношений: в 2 т. Т. 3. События. 1945–2003. – М.: Культурная революция, 2007. – 717 с.
5. Венгерские события 1956 года глазами КГБ И МВД СССР: сб. документов / сост.: А.А. Зданович, В.К. Былинин, В.К. Гасанов и др. – М.: Объеди-

ненная редакция МВД России: Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2009. – С. 41.

6. Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на XXII ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, Москва, 22 ноября 2014 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/dc5ff1f87726417fc3257d9800518d9a (дата обращения: 17.04.2017).

7. Интервью секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушева «Российской газете» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://scrf.gov.ru/news/allnews/841/> (дата обращения: 17.04.2017).

8. Кара-Мурза С., Телегин С., Александров А., Мурашкин М. На пороге «оранжевой революции». – М., 2005. – 119 с.

9. Котляр В.С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.

10. Маккейн предостерег Путина: «арабская весна» все ближе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2011/12/111206_mccain_putin_arab_spring (дата обращения: 17.04.2017).

11. Патрушев Н. «За дестабилизацией Украины скрывается попытка радикального ослабления России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/2752246> (дата обращения: 17.04.2017).

12. Пономарева Е.Г. Секреты «цветных революций». Современные технологии смены политических режимов. Ч. 3 // Свободная мысль. – 2012. – № 5–6. – С. 38–47.

13. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – М.: ИИК «Российская газета», 2009. – 239 с.

14. Путин В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html> (дата обращения: 17.04.2017).

15. Путин призвал не допустить «цветных революций» в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/1586366> (дата обращения: 17.04.2017).

16. Путин разглядел американский след в организации протестов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2011-12-09/Putin-razglyadel-amerikanskij-sled-v> (дата обращения: 17.04.2017).

17. Революционеры-контрреволюционеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2005/04/29_a_277430.html (дата обращения: 17.04.2017).

18. «Россия готова взаимодействовать с любым спектром политических сил в странах СНГ» (Лавров) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/videos?vid=411228&cid=5> (дата обращения: 17.04.2017).

19. Совбез РФ: США могут применить в отношении России технологию «цветных революций» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/1854753> (дата обращения: 17.04.2017).
20. «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/ (дата обращения: 17.04.2017).
21. *Тренин Д.* Россия и страны СНГ: «взросление» отношений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=84#top-content (дата обращения: 17.04.2017).
22. Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/461> (дата обращения: 17.04.2017).
23. *Филимонов Г.Ю.* «Гибридная война» – одна из наиболее актуальных угроз для национальной безопасности России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fedpress.ru/personal-view/1673488> (дата обращения: 17.04.2017).
24. *Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В.* Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. – М.: РУДН, 2015. – 581 с.
25. *Цыганков А.П.* Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности: монография. – М.: Изд-во «Русайнс», 2015. – 280 с.
28. Containment. Documents on American Policy and Strategy 1945–1950. – N.Y., 1978. – P. 212, 222.
30. *Goldgeier James M., McFaul M.* Power and purpose: U. S. policy toward Russia after the Cold War. – Washington, D. C.: Brookings Institution Press, 2003.
31. McFaul M. Confronting Putin’s Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nytimes.com/2014/03/24/opinion/confronting-putins-russia.html?_r=0 (дата обращения: 17.04.2017).
32. NSC 68: United States Objectives and Programs for National Security (April 14, 1950) A Report to the President Pursuant to the President’s Directive of January 31, 1950 » [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fas.org/irp/offdocs/nsc-hst/nsc-68.htm> (дата обращения: 17.04.2017).
33. Policy Planning Staff Memorandum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://academic.brooklyn.cuny.edu/history/johnson/65ciafounding3.htm> (дата обращения: 17.04.2017).
35. *Тыганков А.* Russia’s Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2016.

ЭПИЧЕСКОЕ И ИДИЛЛИЧЕСКОЕ В ПАРОДИЙНОМ МИРЕ «ОБИТЕЛИ РЕВНОСТИ» СЕРВАНТЕСА

В статье рассматривается жанровая специфика поздней комедии Сервантеса «Обитель ревности» («La casa de los celos»), не только имеющей ряд пародийных претекстов во французской и итальянской литературах, но и оригинально совмещающая эпическое и лирико-идиллическое начала в изысканном пародийном построении. Входя в состав продуманно построенного сборника «Восемь комедий и интермедий, ранее нигде не представленных» (1615), «Обитель ревности» у Сервантеса является частью его оригинального метадраматического замысла: не выходя за пределы драматической формы, дать критику современного ему состояния испанского театра и теоретический анализ явления театра как такового. В «обители ревности» анализируется соотносённость эпического и лирико-идиллического начал в пародийном взаимоосвещении.

Ключевые слова: Сервантес, жанр, идиллия, драма, эпос, комедия, пародия.

Мигель де Сервантес Сааведра, испанский идалго, искалеченный солдат Филиппа II и писатель-новатор, никогда не был понят при жизни и, несомненно, лишь частично понят сейчас – а ведь он, быть может, лучше всех людей его времени ответил на вызов катастрофической эпохи, начинавшей Новое время, и лучше всех мог бы нас вразумить. Эпоха требовала военного отпора врагам, и он сражался. Она задавала ужасные вопросы о смысле человеческого бытия на земле, и он думал, напряжённо и результативно, на непостижимом уровне глубины. Только сила, стоицизм и трезвый юмор настоящего литератора сражались на стороне писателя. Велика была боль однорукого солдата короля, который обнаружил после войн, подвигов, мусульманского плена, что служил он не столько Испании, Короне и Богу, сколько некой химере, пышной и лживой, как гробница Филиппа II, к которой обращён знаменитейший из сервантесовских сонетов «На катафалк Филиппа II». Современный русский читатель восхищённо улыбается феерическому последнему терцету, учась мужеством и смехом преодолевать опустошающее презрение к тому, что было бы так прекрасно почитать без вопросов, чему было бы так легко служить без размышлений. Но предметы почитания и служения стареют. Они стареют раньше, чем человек, причиняя ему этим страшную боль, и человеку остаются лишь те, что вручены ему самой Историей. В этот момент неопределённости исчезает прежняя мировоззренческая почва под ногами, и человек в агонии гносеологического сомнения ищет прежних своих ориентиров – абсолютной, всенародной эпической целостности и вечности родного, воплощённого в идиллии. Поиски Сервантеса нам важны не только потому, что он был великий писатель, но и потому, что он был великий человек.

Далее будет рассмотрена пародийная связь идиллического и эпического в одном позднем тексте

Сервантеса – комедии «Обитель ревности, или Арденнский лес» из сборника «Восемь комедий и восемь интермедий» (1615) [1]. Чтобы задача статьи была обозримой, следует отвлечься от важных связей этой комедии с остальным составом сборника.

Очевидно, что драматургия Сервантеса – не самая комментируемая часть его наследия. Сервантес проиграл Лопе битву за популярность у зрителей, «эпичность и архаизм ранних пьес получают поверхностные или противоречивые трактовки, а блестящие интермедии из сборника 1615 года вызывают восхищение, но тем не менее оцениваются как периферийная часть сервантесовской мысли» [2, с. 119]. Громада «Дон Кихота» решительно оттесняет «остального» Сервантеса из поля нашего внимания. Марселино Менендес Пелайо, несомненный классик испанской филологии, прямо говорил о комедиях Сервантеса как о неудачном жанровом эксперименте гения. «В “Обители ревности” Сервантес, уже старик, пытался подражать безудержности Лопе, не имея его драматического таланта... Сервантес более велик, чем Лопе, превосходя его и гениальностью, и человечностью – но Лопе был человеком театра, а Сервантес – нет» [7, р. 789]. Америко Кастро в своей классической книге «Сервантес как мыслитель» отмечает творческую несовместимость великого романиста с эстетикой «новой комедии» и прямо пишет, что попытка писателя выйти из противоречия «кончилась провалом... сегодня сервантесовскую драматургию читать трудно; исключение составляют интермедии и несколько отдельных сцен» [6, р. 51].

У этого положения есть объективные основания: приравнивание Сервантеса к его шедевру на какой-то стадии освоения его творчества и необходимо, и плодотворно. Однако поэзия и драматургия Сервантеса написаны Сервантесом, поэтому вряд ли могут быть посредственными. Они всего лишь не имеют того же значения для человечества, что

«Дон Кихот» – однако и сам великий роман может быть понят лишь в составе цельности сервантесовского творчества. Опираясь на публикации конца XIX и начала XX века, процесс освоения этой «периферии» сервантистики шёл с ускорением. Луис Астрана-Марин, Антонио Родригес-Моньино, Фернандо Ласаро Карретер, Армандо Котарело Вальедор, Роберто Марраст, Франсиско Индуриан, Эухенио Асенсио становятся исследователями и публикаторами сервантесовской драмы; Висенте Гаос, Хосе Блекуа, Херардо Диго, Луис Сернунда, Франсиско де Айала, Хосе Мария Диес-Борке – имена первого ряда, поэты и литературоведы, причем список легко продолжить – все они в своих исследованиях выявляют ту простую истину, что гений Сервантеса без лирико-драматической составляющей его текстов непредставим. Хоакин Касальдуэро в Испании и Жан Канаваджо во Франции в 60–70-е годы XX века создают значительные монографии о драматургии Сервантеса [3; 4 и др.].

Представляется, что восемь комедий и интермедий, отобранных, расположенных в известном порядке и изданных автором в последний год его жизни, представляют собой не столько текст, сколько метатекст, законченную мысль: мысль о том, что такое театр, как он родился и рос, в чём его тайна. Мысль эта, как часто бывает в эпоху Барокко, выражена не словесно-рационально, а в совокупности и смысле расположения этих кратких одноактных пьес. Подобно тому как Боккаччо самим расположением новелл «Декамерона» выстраивает картину мира, взятую из «Божественной комедии» и решительно противопоставленную смыслу сюжетов новелл, Сервантес за вызывающей пустячностью сюжетных событий ставит размышление о природе театра, его внутренних закономерностях и необходимых составных частях.

«Обитель ревности», по датировкам Котарело Вальедора и Астраны Марина, пьеса поздняя, 1614 или 1615 года, один из обобщающих метатекстов сервантесовского творчества. Её источник кажется очевидным – комедия строится на сюжетике и образно-персонажном ряде «Влюблённого Роланда» Маттео Боярдо 1484 года: стычки Роланда с Ринальдо и Ганелоном, прибытие Анджелики ко двору Карла Великого и всеобщее восхищение её красотой, волшебник Малагис, ревнивое соперничество влюблённых в Анджелику Ринальдо и Роланда, бегство Анджелики по Арденнскому лесу и преследование её, встреча героя с Амуром, отчаяние Роланда, фигура Марфисы, сатиры, известие о нападении мавров на Францию в развязке и мгновенное примирение славных рыцарей в этой ситуации и даже такая деталь, как заключительное препровождение Анджелики к старому герцогу Наиму, более того – чуть ли не прямые цитаты из текста «Влюблённого Роланда» [3, р. 104] – всё это любовно-иронически перенесено

Сервантесом в его пьесу. Однако поэма Боярдо, в свою очередь, есть очевидный претекст «Неистового Орlando» (1516–1532 гг.) Ариосто (к нему непосредственно восходят такие детали сервантесовской комедии, как явление ангела в финале, чародейства Малагиса, Анджелика у пастухов), а Лодовико Ариосто, как известно, утончённо-любовно пародировал как эпическое сознание, так и каноны рыцарской куртуазной литературы. Общий тон сервантесовской комедии, определяемый Канаваджо как «сдержанный бурлеск» [3, р. 119], также является своего рода данью источнику, бурлескному изначально: Сервантес развивает в комедии прежде всего пародийность боярдовской вещи, и сама она неизбежно становится для «Обители ревности» пародийным фоном. Таким образом, сервантесовская разработка тех же эпизодов является пародийностью «в кубе», пародийностью высшей степени, многослойной и предельно утончённой: за Ариосто стоит Боярдо, за Боярдо или рядом с ним – буффонада Пульчи («Морганте», 1483 г.), за Пульчи – «Орlando» североитальянских кантасториев конца XIV в., и только за ним историей дана суровая однозначность французской «Песни о Роланде» конца XI века. Добавим, что коллизия подвига и безумной влюблённости, соотносённая с действием-бездействием или извращённым действием, восходит к Кретьену де Труа, у которого проблематика эта дана хотя внутри серьёзной разработки куртуазной концепции человека, но и не без улыбки.

Столь многослойная и долгая традиция дала ко времени Сервантеса плоды не учёно-литературные, а живые: в драматургии того времени взятые Сервантесом мотивы и образы были в большом ходу, у Лопе де Веги, например, есть целая серия ариостовских по происхождению комедий – «Ревность Родамонте», «Несчастья Ринальдо» и «Анджелика в Катае».

Вправе ли мы, созерцая этот длинный ряд претекстов «Обители ревности», в котором не может быть случайным ни самая его длина, ни богатство пародичности, вписать в него теоретическую мысль о том, как существуют в истории сюжет, коллизия, персонаж, проблематика, как они остаются живыми, смеясь над собственной смертью в новом историческом перерождении и глубоко смысловом самоосмеянии? Будет ли эта мысль сервантесовской или нашей – результатом чтения Бахтина и Тынянова?

Как бы то ни было, автор «Восьми комедий» не удовлетворяется даже этой, казалось бы, предельно глубокой укоренённостью в истории жанра. Он присоединяет к своей головокружительно сложной пародичности, отсылающей диахронически в прошлое, синхронную пародийность, заставляя эпическое отразиться в идиллическом. Пастораль, резко-контрастно вводимая Сервантесом в «Оби-

тель ревности» из соседнего актуального жанрового мира (само по себе это не ново в литературе XVI в.), в свою очередь также многослойно пародийна. С одной стороны, она опирается на большую литературную традицию от средневековой пасторали до Лопе де Веги; с другой – наследует всё это без благоговения, не как музейные ценности, а как рабочие инструменты.

Пасторальные эпизоды «Обители ревности» сводят внутрь себя разноприродные области: учёно-литературные, где властвует влюблённый пастушок, на самом деле философ и поэт, и владения живого народного слова с его богатствами – поговоркой, песней, игрой. Эти разные эстетические области, сведённые в одну тему и одну сцену, автор заставляет пародийно отражаться друг в друге. Классический Простак с разинутым ртом, явившийся в текст Сервантеса прямоком из пасос Лопе де Руэды и народных поговорок, внимает изысканным любовным ламентациям Лаусо, цитирующего Гарсиласо де ла Вегу, и тут же становится жертвой этого утончённого влюблённого в жестоко-фарсовой сценке с попугаем, восходящей и к детской игре, и к поговорке, как это давно показано Корреасом, Пасом и Мелья, Родригесом Марином, Лопесом Эстрадой [5, р. 131]. По таким неожиданным напряжениям, возникающим внутри, казалось бы, единой жанровой области, это напоминает «Галатею», первую вещь Сервантеса, в которой автор уже тогда ставил вопросы о границах пасторально-идиллического, что заставляет задуматься о поразительной цельности сервантесовского творчества. Ведь богатый Простак, красивая, но практичная до цинизма Клори и бедный влюблённый Лаусо явно повторяют Луситано – Галатею – Элисио из «Галатеи», да и Камачо – Китерию – Базилио из «Дон Кихота».

Более того, в «Обители ревности» можно было бы увидеть поздний ироническим комментарий Сервантеса к собственному тексту: 25-й главе Первой книги, эпизоду безумств Дон Кихота в Сьерра Морене, этой глубочайшей философско-эстетической и одновременно очень личной разработке проблемы служения, познания и заблуждения и их границы с безумием. В самом деле, вряд ли пьеса написана для рационалистического осуждения безумств влюблённого и ревнивого героя-рыцаря, умиряющего себя перед необходимостью защиты Франции (хотя эта мысль, конечно, есть и даже подчёркнута удвоением: Кастилия уводит испанского героя, Бернардо дель Карпио, от глупостей, творимых на сцене, туда, где его испанская родина по-настоящему в нём нуждается). Предположение о бесцельной игре Сервантеса в литературу уже также было рассмотрено и отвергнуто. Игра – несомненно, но что за ней? Лаусо, жаждущий любовного рая, есть пасторальная параллель Роланду, влюблённость которого в Анджелику легко заменяется военным служением и героизмом, что проясняется

фигурой Бернардо, чья истинная дама – сама Кастилия, и, конечно, все они – отражения оригинала, предельно обобщающего смыслы: Дон Кихота в поисках зачарованной Дульсины. В пьесе действует недобрый, но справедливый волшебник Малагис – автор роландовых «видений». Он, между прочим, заставляет Роланда, совсем как герцог Дон Кихота, мысленно летать с закрытыми глазами и «забывши Господа Бога» – полная аналогия эпизоду с Клавиленьо, да и в целом Малагис делает то же, что и условный автор «Дон Кихота», этот злокозненный чародей, которому так легко управлять текстом из-за его границ и за которым стоит сам Сервантес. Сходство мира сервантесовских комедий с театром марионеток отмечают и Касальдуэро, и Канаваджо, а в любом кукольном театре кукольник важнее марионеток. Мы должны смотреть на кукольника, думать о том, что ему угодно разыгрывать. Более всего Сервантес пародирует не Ариосто, не Боярдо и ни одного из Лопе – он пародийно воспроизводит некоторые центральные смыслы всего своего творчества, и этот пародийный смех не самоуничижительный, а глубоко продуктивный, познающий и самопознавательный.

Растущая ещё из ранней «Галатеи», жёсткая пародия Сервантеса на дивный поэтический мир пасторали, когда-то столь им любимый, и болезненна, и беспощадна [4, с. 55]. Особенно ярко это демонстрирует мотив «смерти от любви», связанный с песней Ленио из 4-й книги «Галатеи» и неожиданно жестоко истолкованный в терминах самоубийства, а также с прекрасной Марселей, ставшей причиной смерти Хризостома (в 13-й главе Первой книги «Дон Кихота»). В размеренно-холодной риторической речи Марсела отказывается признать свою вину. Её красота вызывает чью-то любовь – но сама она свободна от ответственности за это, и ни одна её слеза не падёт на гроб самоубийцы. Её свобода абсолютна – страшная свобода нелюбящего человека. В «Дон Кихоте» Сервантес ставит тот же вопрос, что обсуждался в «Галатее», но значительно более радикально: в его ранней пасторали говорит ещё тот, кто сам страдает от любви, вспоминает примеры смерти от любви, готов умереть от любви сам; в «Дон Кихоте» же говорит свободная от любви, во всём правая Марсела над телом Хризостома, причиной смерти которого стала она сама. Идилличность, равная самой себе у пастушеского костра, приобщаясь к области индивидуалистического и учёного (ведь Хризостом студент, а Марсела – само красноречие), вступает в опасные области познания, ставит ужасный вопрос о свободе и саморазрушается над разверстой могилой: не потому, что Хризостом мёртв, а потому, что Марсела не будет его оплакивать и, более того, объяснит почему. Идилличность здесь так же мертва, как Хризостом: нет родного дола и родных могил, нет связности поколений, нет основы

для единства жизни, ибо нет любви, родной дол ничтожен и не нужен. Свобода, провозглашённая Марселей, требует, чтобы люди были чужды друг другу в чужом мире. Художественный мир пасторали жаждет основы для своего эстетического завершения, но её нет, и вместо завершения мы видим разрушение – и выход в большой мир романа, на дорогу странствий Дон Кихота с Санчо.

Некоторой вариацией на эту же тему является знаменитый эпизод свадьбы Камачо: в нём социальные законы, по которым лишь чудом или неимоверным ухищрением всех человеческих сил прекрасная Китерия может достаться любимому (а не богатому) жениху, в 21-й главе Второй книги «Дон Кихота» обойдены с помощью разума («Не чудо, а хитрость»). Завершающий жест сделан, жанровое торжество пасторальной идилличности риторически заявлено, но читатель остро чувствует условность, конвенциональную природу этого выхода: мы скорее желаем, чем ожидаем, чтобы всё это было правдой. Недаром пасторальный эпизод свадьбы Басилио впоследствии процвел именно в хрупкой декоративности балета, гобелена и т. п.

В «Обители ревности» проблема впервые имеет позитивное разрешение. Внутри напряжённой пародичности противостояния пасторали и эпика, внутри противостояния учёного и народного внутри самой пасторали парадоксальным образом находится почва для жанрового завершения: это народно-языковая основа, максимально широкое объединяющее и всеприемлющее начало. Оно отчасти эпично, потому что язык всенароден и является абсолютной ценностью, отчасти же это начало идиллично, акцентируя родное, неотъемлемое, вечное. Вот Клори: она любит золотые ожерелья и надёжное хозяйство, такова её женская природа – и что ж, она права, ведь ей рожать, а песней сыт не будешь. У Рустико-простака не может быть ни изящной ступни, ни приятного голоса, ни тонкого ума, ибо он часть пейзажа и не может не уподобиться животным, которых пасёт. В пастушеских эпизодах «Обители ревности» боль от лицемерия бойко и уверенно продающей себя красоты не только снимается смехом, как и в некоторых пасторальных эпизодах «Дон Кихота», но и впервые отменяется как малозначительное, индивидуалистически-человеческое и психологическое, ибо выводится на фон вечности существования языка и народа. Мы погружаемся глубоко, к фундаментальным областям, где порождается сам язык с его тропом, поговоркой, песней, язык, который никогда не лжёт – но и не спешит нас утешить. Лаусо должен страдать, такова естественная цена за право понимать, каков этот мир. Сама песня – это боль. Простодушно жесток Простак, забирающий Клори, сознательно и утончённо жесток смех Лаусо над Простакком. Такова суть вещей, и ей не быть иной, пока мы на этом свете. Не сливаясь, народ-

ное и учёное всё прощают друг другу в последний раз, и их объятие крепко и искренне, ибо это объятие кастильского языка, общего для всех, в его поэтической исконной сущности. Песенка Клори так же прекрасна, как и аркадические стилизации Лаусо. Художественное решение Сервантеса в чём-то противоположно Рабле, но схоже с ним в пафосе национально-языкового единства культуры.

К рыцарско-пасторальному пародийному взаимоотношению в пьесе присоединяется фигура ещё из одного жанра или же рода литературы – эпический герой, Бернардо дель Карпио. Формально он принадлежит условному рыцарскому миру, не то итальянскому, не то французскому, а вообще просто литературному, но суть его, подчёркнутая аллегорией Кастилии, уводящей его со сцены, совсем иная. Бернардо выступает в той же функции, что и фольклор пасторальных сцен: в нём разрешаются болезненные противоречия служения и познания, столь давно тревожившие автора. Малагис меняет обличья вещей и людей, заставляет Роланда обнимать копыта сатира вместо ног возлюбленной Анджелики; Малагис создаёт мир, равный театру, глумливо заставляющий героев действовать на невидимой им сцене в неведомой им роли; в этом мире нет ничего прочного. Вместо чести, любви, славы, короля, друга – один театр; и нужна большая сила, чтобы добраться до какой бы то ни было подлинности. «Кто поманил меня пустой химерой, кем вновь мои надежда в прах разбиты?» – стенает Роланд, так до конца и не выходя из морока театральной вселенной. Куда же уводит испанского героя Бернардо аллегория Кастилии (данная с мягкой ностальгической улыбкой над собственным театральным прошлым, над классицистической «Нумансией»)? На землю, по которой «просто ногами» желал ходить Санчо, уходя из герцогского замка. «Идём, герой, по звёздам так сошлось, что честь мою спасёшь ты, воин смелый» [1, с. 235], – говорит Кастилия Бернардо, и тот, спускаясь под сцену, единственный обретает почву под ногами.

Мотив земли и почвы связан с Бернардо и с Марфисой – несколько юмористической его гендерной параллелью, и идёт сквозь всю пьесу. Бернардо появляется, устраиваясь на ночлег на голой земле, иронически хваля военные тяготы за то, что они делают землю мягкой постелью для уставшего воина; в самом конце пьесы Марфиса предлагает Бернардо заночевать на земле под открытым небом. Бернардо с его кастильским крепким языком, да ещё оттенённым бискайским юмористическим акцентом его оруженосца, с его непоколебимо трезвым взглядом на вещи, со способностью видеть всё со стороны и не поддаваться мороку не похож на других героев, подвластных чарам, странным чарам не то волшебников, не то театра, не то мира-театра. Бернардо сохраняет неискажённое зрение и этическую определённость, он спит

на земле и спускается в землю, ведомый землёю же – Кастилией. Бернардо – образная параллель языку родины, её защитник, приставленный к ней самими звёздами, военно-мужская суть её истории. Чары на него не действуют, говорит он мало и отшучивается – как отстреливается.

Сервантес, старый искалеченный солдат короля, на смерть которого он написал ужасный, гениальный, горько-презрительный сонет, Сервантес, не имевший никаких иллюзий относительно социума и политики, верил лишь в последнюю инстанцию смысла – в почву под ногами, в Родину. Служа её королям и флотоводцам, он был готов рискнуть, быть и обманутым, и преданным. Философ, не боявшийся быть сколь угодно радикальным в поисках истины, Сервантес не поддаётся отчаянию при виде ужасов социально-политической жизни и ещё меньше склонен жалеть рыцаря, обмороченного как индивидуальная личность – например, любовью и ревностью. Он не был к этому склонен даже в период «Галатеи», в поздней же «Обители рев-

ности» он создаёт подлинный эстетический ад для того любителя лазурных поэтических снов Ариосто, которым в молодости сам был.

Библиографический список

1. *Сервантес М.* Обитель ревности / пер. А. Мирлобовой // Сервантес М. Восемь комедий и восемь интермедий. – СПб.: Наука, 2011.
2. *Силлонас В.* Испанский театр XVI–XVII веков: от истоков до вершин. – М.: РИК Культура, 1995.
3. *Canavaggio J.* Cervantes dramaturge. Une theatre a naitre. – Paris: Press Universitaire, 1977.
4. *Casalduero J.* Sentido y forma del teatro de Cervantes. – Madrid, 1966.
5. *Castro A.* El pensamiento de Cervantes. – Madrid, 1925.
6. *Herrera J.* Arcadias' inferno: Cervantes attack on pastoral // Bulletin of Hispanic Studies. – 1978. – LV.
7. *Menendez Pelayo M.* Antologia general. T. 2. Historia de la literatura espanola. – Madrid, 1956.

БРАТЬЯ ГУАСКО И ФРАНКОЯЗЫЧНЫЕ ИЗДАНИЯ «САТИР» КАНТЕМИРА

Два первых полных издания «Сатир» А.Д. Кантемира вышли во французском переводе при участии круга иностранных лиц, в который входили братья Гуаско. В статье прослеживается история создания и специфика франкоязычных изданий книги. Исследование включает несколько аспектов: 1) история взаимоотношений Кантемира с братьями Гуаско; 2) роль братьев Гуаско в подготовке и осуществлении публикации «Сатир» на французском языке; 3) сопоставление русского оригинала и французского перевода «Сатир». Особое внимание уделено анализу примечаний переводчика. В результате исследования сделан вывод о том, что перевод в целом адекватен оригинальному тексту, тогда как примечания обнаруживают фундаментальные расхождения и ориентированы на конкретную культурно-языковую аудиторию. Установлено, что сведения о России, содержащиеся в примечаниях к французскому переводу, восходят к устным источникам и таким письменным источникам, как литература путешественников, а в ряде случаев примечания содержат клише о России, типичные для европейской руссики эпохи Просвещения.

Ключевые слова: Кантемир, Гуаско, «Сатиры», перевод, примечания.

Контакты Антиоха Дмитриевича Кантемира с Западной Европой составляют один из важнейших аспектов его творческой биографии. Во многом этот факт следует связывать с дипломатической карьерой князя Кантемира, который в условиях сложных политических отношений между Россией и Англией, с одной стороны, между Россией и Францией – с другой, с успехом осуществляет функцию посла русского двора сначала в Лондоне (1732–1738), затем в Париже (1738–1744). Но имя русского посла хорошо известно не только в дипломатических кругах Европы. Когда в 1738 году Кантемир получает назначение в Париж, он уже пользуется некоторой известностью в литературном мире. Его перу принадлежит несколько переводов, в частности знаменитое «Ньютонианство для дам» Франческо Альгаротти. Его усилиями выходит в свет выполненный Николасом Тиндалем английский перевод «Истории оттоманской империи», одного из наиболее значительных сочинений его отца, Дмитрия Константиновича Кантемира, и одного из фундаментальнейших трудов по турецкой истории вообще. Кантемир известен и в артистической среде, главным образом италоязычной: со времен лондонской миссии в круг его близких друзей входят художник Джакомо Амикони, актер и теоретик театра Луиджи Риккони и множество других деятелей искусства.

Молодой талантливый дипломат и литератор, получивший прекрасное европейское образование и одинаково свободно владеющий несколькими языками, в том числе древними, Антиох Кантемир не имел ничего общего с «диким московитом», миф о котором издавна закрепился в европейском сознании. Кантемир, напротив, был воплощением «новой», цивилизованной, преображенной Петром I России. Более того, князь был лично знаком с Петром I и, как и вся семья Кантемиров, находился при жизни царя на особом положении приближенного, пользующегося личной протекцией государя. В этом отношении Кантемир был едва ли не единственным из пребывавших в те годы в Париже очевидцем пре-

творских преобразований и наиболее достоверным источником сведений о России. Известно, что в европейский период жизни Кантемира за сведениями к нему обращались разные авторы, писавшие о России, в том числе Вольтер, Франческо Альгаротти, Клод-Жозеф Дора, автор трагедии «Амилка, или Петр Великий» (1767). По мнению Ф.Я. Приймы, занимавшегося изучением французских литературных связей Кантемира, оказывая помощь французским литераторам, писавшим на русскую тему, именно Кантемир способствовал созданию образа Петра во французской литературе [1, с. 45]. Как бы то ни было, очевидно, что князь Кантемир пользовался достаточным авторитетом в «республике литераторов», а сама личность русского писателя и дипломата вызывала повышенный интерес.

В том же 1738 году, когда Антиох Кантемир принимает на себя обязанности посла при дворе Людовика XV, в Париже появляется персонаж, известный под именем Оттавиано ди Гуаско, или аббата Гуаско. По словам его биографа, вскоре по приезде во французскую столицу аббат Гуаско, «завязывает отношения с некоторыми наиболее выдающимися литераторами, и ему даже удается внушить дружеские чувства самому славному Монтескье» [2]. Бытует мнение, что тесная дружба с Монтескье была, возможно, единственным достоинством аббата, слывшего авантюристом, интриганом и шпионом иностранных государств [3; 4]. Вместе с тем аббат известен и как ученый-эрудит, автор нескольких научных трактатов и член Парижской академии надписей и изящной словесности. Так или иначе, именно ученому аббату Монтескье доверяет чтение, критику и даже перевод своего знаменитого трактата «О духе законов» на итальянский язык, впрочем, оставшийся в рукописи.

В числе литераторов, с которыми итальянского аббата связывали «дружеские чувства», оказался и князь Кантемир. Впоследствии аббату Гуаско предстояло сыграть заметную роль в литературном наследии русского сатирика. Между тем, у истоков их взаимоотношений стоял личный интерес абба-

та, ходатайствовавшего о получении рекомендательных писем для своих двух братьев, Джована Франческо Антонио (1708–1763) и Пьера Алессандро (1714–1780), которые искали случай поступить на службу в русскую армию. Некоторые любопытные сведения об этом эпизоде содержатся в неизвестной, составленной незадолго до смерти, рукописи аббата Гуаско, которая была обнаружена в конце прошлого века итальянским исследователем Чезаре де Микелисом. Текст носит название «Историческое похвальное слово Жану Франсуа Антуану, графу Гуаско» и составлен, как и все прочие сочинения аббата, по-французски. В частности, в нем сообщается об обстоятельствах отъезда братьев в Россию: «Во всех газетах говорилось тогда о выгодных условиях, которые Россия предлагала иностранцам, желающим поступить на русскую службу. Граф Гуаско решил, что именно туда и нужно отправляться, только ни у него самого, ни у его друзей не было там никаких связей» [5]. Эти события счастливым образом совпадают по времени с отъездом в Париж самого аббата Гуаско. Именно он и сыграет решающую роль в определении братьев на русскую службу, раздобыв для них рекомендательные письма русского посла. Очевидно, что к октябрю 1739 года братья Гуаско уже находились на службе в России, как следует из сохранившегося благодарственного письма аббата Гуаско к Кантемиру, датированного 22 октября 1739 года [6].

Братья Гуаско были хорошо приняты при дворе Анны Иоанновны, чему во многом способствовали рекомендательные письма Кантемира. Между тем, на российской службе братья-итальянцы пробыли не более трех лет. По словам автора «Похвального слова», опасность государственного переворота, или, пользуясь выражением самого аббата Гуаско, революции, заставила их покинуть Россию уже в конце 1741 года. Незадолго до этих событий, в результате которых на российский престол взойдет Елизавета Петровна, братья Гуаско прибыли в Париж, где им уже не грозила никакая опасность. По свидетельству аббата Гуаско, осторожность Джована и Пьера вызвала одобрение и самого Кантемира, которому как будто принадлежат такие слова: «Если это правда, то вы правильно поступили, что покинули страну, ибо даже самое невинное знание подобных тайн могло бы вас погубить» [5, р. 114].

«Похвальное слово» содержит также любопытную информацию о литературных опытах Джована. По словам автора, перу итальянца принадлежат наброски сочинений о Российской империи и об истории татар. Впрочем, ни одна из рукописей не была обнаружена в личных бумагах графа, перевезенных в Италию из Кёнигсберга после его смерти в 1763 году. На сегодняшний день по-прежнему отсутствуют сведения о возможном местонахождении рукописей и их датировке. Так или иначе, нельзя отрицать, что Джован ди Гуаско, бывший свидетелем сложных политических событий в России, после-

довавших за кончиной Анны Иоанновны, а именно вступления на престол императора-младенца Иоанна Антоновича и сопровождавшей его непродолжительное царствование борьбы за регентство, был весьма хорошо информирован о внутренней жизни страны, принявшей его на службу.

Высказывания Джована о России были частично зафиксированы его братом в «Похвальном слове». По этим отрывкам можно судить о том, что представления Джована о России в целом соответствовали общепринятому в Европе образу страны, в котором соединяются глубокое презрение к русскому народу и преклонение перед гением Петра I. По словам автора, этот монарх сумел «в один миг обратить варварскую жестокость в просвещенность и по своей воле ввести на европейскую политическую сцену нацию, которая не существовала до него» [5, р. 105]. Между тем, продолжает аббат Гуаско, именно неприятное общество, с которым офицеру приходилось проводить время, вкупе с суровым климатом были причиной разочарования Джована. Наиболее характерными качествами русского человека ему, как и многим авторам путешествий в Россию, представляются сильная привязанность к алкоголю, чрезвычайная лень, нечувствительность к физической боли, а также дерзость по отношению к вышестоящему начальству и удивительное чувство безнаказанности.

Тем временем отношения самого аббата Гуаско с князем Кантемиром довольно скоро приобретают характер дружеских, а поводом к сближению выступает общий интерес к литературе. В частности, в начале 40-х годов Гуаско увлекается идеей издания перевода знаменитых «Сатир» Кантемира, притом что на родине писателя они известны только в рукописных списках и будут опубликованы впервые лишь в 1762 году. Впрочем, сама идея перевода принадлежит не аббату, а Анне-Шарлотте де Крюсоль Флоренсак, герцогине д'Эгийон. Как указывает Г.Л. Лозинский, герцогиня входила в число наиболее близких друзей Кантемира, и основным мотивом их дружбы также была литература [7]. Известно, например, что герцогиня вдохновила сатирика на написание мадригала на французском языке – редкий образец «легкой поэзии» в творчестве Кантемира. Также существует предположение о том, что ей же было посвящено и одно из самых поздних сочинений Кантемира, философский трактат «Письма о природе и человеке» [8]. Герцогиня сама чрезвычайно интересовалась философией и пользовалась уважением самых видных мыслителей, в частности Монтескье, снискав себе тем самым славу «подруги философов». Не удивительно, что «Сатиры», опубликованные уже после смерти автора, открываются посвящением герцогине д'Эгийон в знак ее тесной дружбы с посланником русского двора.

«Сатиры» Кантемира были впервые опубликованы во французском переводе в 1749 году. Кни-

га была издана анонимно, а на обложке значилось имя издателя: в Лондоне, у Жана Нурса. Но, как отмечает Н.А. Копанев, эти данные являются фальсифицированными, поскольку имя Жана Нурса использовалось одновременно разными европейскими издателями во избежание цензурных преследований [9]. На основании анализа характеристик бумаги, элементов орнамента и пр. исследователь приходит к выводу о том, что книга была отпечатана в Голландии. В свою очередь, анонимный характер издания послужил поводом к появлению проблемы авторства, которая касалась, помимо самого перевода «Сатир», биографического очерка о князе Кантемире, помещенного рядом с переводом. В частности, существует точка зрения, согласно которой биографом мог быть секретарь русского посольства в Париже Генрих Гросс, хорошо знавший подробности жизни князя [10]. Однако большинство исследователей сходятся на том, что автором «Жития Антиоха Кантемира» является все же аббат Гуаско. Если придерживаться этой точки зрения, то намечаются любопытные параллели. В частности, в тексте «Жития» содержится намек на «революционные» события 1741 года в России, которые возвели на престол Елизавету Петровну: «Тогда один иностранный офицер предвидел и предсказал революцию, которая и случилась» [11, р. 86]. Эти сведения соотносятся с описанным выше эпизодом «Похвального слова», зафиксированным аббатом Гуаско со слов его брата Джована, который, очевидно, и является упомянутым «иностраным офицером».

Что касается собственно перевода «Сатир» на французский язык, то в «Предуведомлении переводчика» сообщаются следующие обстоятельства: «...в последнюю его [Кантемира] болезнь мы вместе перевели их на итальянский язык. Мне показалось, что некоторые люди из числа знакомых князя Кантемира желали видеть эти сатиры на французском языке, и я отважился самолично перевести их» [11, р. 8–9]. Аббат Гуаско, которому принадлежат эти слова, таким образом претендует на роль единственного переводчика «Сатир». Между тем есть основания предполагать, что в переводе участвовали и другие лица. Так, Хельмут Грассхоф говорит о возможной причастности к переводу братьев Александра и Владимира Сергеевичей Долгоруких [12], детей княгини Ирины Петровны Долгорукой, чье имя стало известно благодаря эпизоду, связанному с ее тайным переходом в католичество. Александр и Владимир Долгорукие действительно находятся в Париже в 1742 году. Молодые люди живут при русском посольстве на улице Сен-Доминик, под протекцией Кантемира, в чьи обязанности как посла входило, в частности, наблюдение за всеми подданными Российской империи, находившимися во французской столице, и оказание им необходимого содействия [13, р. 174–175]. Более того, Г.Л. Лозинский упоминает имена Долгоруких в числе перевод-

чиков и агташе, состоявших в 1740-е годы на службе в русском посольстве [14]. Версия о причастности Александра и Владимира Долгоруких к переводу сатир подтверждается также сообщением в голландском издании «Journal universel» за май 1744 года, размещенным по случаю кончины князя Кантемира. Неизвестный автор статьи-некролога, говоря о намерении опубликовать сочинение Кантемира, упоминает существующий «перевод итальянскими стихами, сделанный князьями Долгорукими» [15, р. 164]. Впрочем, этот перевод опубликован не был, а некоторые сведения о дальнейшей судьбе «Сатир» можно обнаружить в ...личной переписке Монтескье. Как было сказано выше, Монтескье был тесно связан с аббатом Гуаско и, следовательно, хорошо осведомлен о его литературных занятиях. На основании данных переписки Монтескье исследователями также были сформулированы выводы о том, что именно его посредничество во многом сделало возможным публикацию «Сатир». Одно из писем Монтескье к аббату Гуаско свидетельствует о том, что при содействии библиотекаря парижской семинарии Оратуар Пьера Николя Демоле, опубликовавшего в 1743 году «Историю Оттоманской империи» Дмитрия Кантемира в переводе Жонкьера, издатель для французской рукописи «Сатир» был найден уже в 1746 году. В том же письме Монтескье утверждал, что «можно быть уверенным в сбыте того, что называется сатирами» [16, р. 57–58].

Между тем, вскоре после публикации французского перевода «Сатир» в известном литературном журнале «Mémoires de Trévoux» была опубликована сдержанная статья, ставившая под сомнение интерес к «Сатирам» у французского читателя, которому не будет понятен ни их пафос, ни явленные в них человеческие типы и образы. «Изображая нелепости, которые обычно сопровождают невежество, грубость, суеверие, низменность мыслей и манер, он хотел, – пишет неизвестный автор о Кантемире, внушить противоположные качества. Это придает его «Сатирам» звучание, соответствующее нуждам России, но которое не вполне подходит для нас. Некоторые особенности, которые должны были растрогать и вызвать интерес в Москве или Петербурге, скорее всего, не произведут того же воздействия в Париже; отдельные образы, с помощью которых изображены приемы, используемые каким-нибудь русским вельможей с целью преуспеть, вряд ли сопоставимы с интригами, на которые толкает тщеславие наших вельмож» [17, р. 931]. На примере «Сатир» Кантемира автор статьи делает любопытные выводы в духе климатической теории Монтескье о том, что человеческие пороки «принимают различные формы в разных нациях и климатах, а также в зависимости от характеров» [17, р. 932]. Также и характер самого Кантемира представлен с точки зрения теории климатов Монтескье. Так, по определению автора статьи, этот умелый дипломат, в котором

здравый смысл преобладал над воображением, «унаследовал от северных наций некоторую холодность» [17, р. 929]. На основании видимого сходства теории климатов Монтескье с идеями, изложенными в статье, Н.А. Копанев делает вывод о том, что автором статьи о Кантемире, помещенной в «Mémoires de Trévoux», мог быть сам Монтескье [9, с. 151]. Так или иначе, данная характеристика действительно созвучна высказываниям о Кантемире, принадлежащим автору «Духа законов» и содержащимся в его переписке. По его словам, «России непросто будет найти другого посла, обладающего достоинствами князя Кантемира», тогда как о Кантемире-писателе он говорит, что его «находят очень холодным» [16, р. 136].

Заметим, что в отличие от русского оригинала и промежуточного перевода на итальянский язык, которые выполнены в стихотворной форме, французский перевод является прозаическим. Факт двойного перевода отчасти сказался на содержательной стороне, хотя, при всей очевидности вмешательства переводчика в текст, оно в неравной степени касается разных частей книги. Например, если перевод сатиры I («На хулящих учения. К уму своему») в целом довольно близок оригиналу, то расхождения между оригиналом и переводом сатиры II («На зависть и гордость дворян злонравных. Филарет и Евгений») уже очень чувствительны. Переводчик произвольно разбивает текст на реплики, чтобы он соответствовал заявленной в заглавии форме диалога (французское название: «Dialogue entre Philarète et Eugène»), тогда как в русском оригинале слово «диалог» в заглавии отсутствует. Случается, что переводчик сознательно выпускает отдельные строки или, наоборот, дополняет текст оригинала, хотя делает это таким образом, чтобы сохранить соответствие авторской мысли.

При относительном тождестве русского и французского текстов самих сатир примечания, содержащиеся в русском оригинале и французском переводе, не имеют между собой почти ничего общего. Кантемир, радевший, как известно, о просвещении своих соотечественников, традиционно щедро снабдил свою рукопись примечаниями, объем которых зачастую превосходит объем самого текста. В письме другу от 1743 года он так объяснял необходимость примечаний: «P. S. Приложенныя под всяким стихом примечанийцы нужны для тех, кои в стихотворстве никакого знания не имеют, и кроме того к совершенному понятию моего намерения служат» [18]. В свою очередь, сам переводчик, а затем и автор критической статьи в «Mémoires de Trévoux» указывали на то, что перевод сопровождается пояснениями, цель которых состоит в том, чтобы облегчить понимание текста. Впрочем, автор статьи тут же ставил под сомнение точность содержащейся в этих пояснениях информации, ссылаясь на одну досадную ошибку, допущенную в первом же комментарии: в нем сообщается био-

графическая справка об императоре Петре Втором, которого комментатор называет сыном Екатерины Первой, тогда как в действительности его матерью была принцесса Брауншвейг-Вольфенбюттельская.

При сличении русского оригинала и французского перевода в самом общем виде можно выделить несколько тенденций. Любопытно, что переводчик, даже если и пользуется исходным материалом, то делает это очень выборочно и не всегда аккуратно, притом что «Сатиры» насыщены сложной, потенциально непонятной для «неподготовленного» европейского читателя информацией. В наименьшей степени изменения коснулись тех авторских примечаний, которые содержат биографические сведения об исторических личностях (генерал-майор Нейбуш, княжна Ольга) или историческую справку (Острожская Библия, житие святых, провинция Гилян). Подобные сведения, содержащие объективную информацию, обыкновенно переведены дословно. В остальном авторские комментарии и комментарии переводчика представляют собой, в сущности, два независимых текста. Некоторые понятия, которые не нуждаются в пояснении для русского читателя, во французском издании снабжены примечанием (часослов, квас – в примечании к этому слову даже содержится рецепт традиционного русского напитка). Напротив, многие из примечаний Кантемира представляются переводчику излишними для европейского читателя, и потому они выпущены из французского перевода. Они касаются пояснений имен собственных (Евклид, Ахилл, Нарцисс, Сенека, Вергилий), отдельных понятий (система мира, золотой век), названий научных дисциплин (алгебра, медицина), названий продуктов и других явлений повседневной жизни (кофе, чай, гербовник, родословная книга) и пр. Впрочем, встречаются и досадные ошибки, о причинах появления которых можно только догадываться. Высмеивая манеры щеголей, которые готовы терпеть невыносимую боль, причиняемую тесной обувью, лишь для того, чтобы иметь «маленькую ножку», Кантемир поясняет: «Чтоб натянуть тесный башмак на ногу, нужно долго и сильно бить ногою в пол, и подмазывается тогда подошва башмака мелом, чтоб не скользить, и тем лучше опираться можно было». Переводчик, в свою очередь, с точностью до наоборот говорит, что «этой землей [terre blanche – белая земля, то есть мел] подмазывают подошву башмака, чтобы он лучше скользил». Некоторые примечания содержат отсылки к обычаям и традициям Италии, что обусловлено тем, что автор перевода – итальянец. Например, поясняя обычай русских священников на пасхальной неделе ходить по домам и благословлять хозяев, получая в знак благодарности яйца, материи и пр., комментатор пишет: «То же самое практикуется и в Италии» (сатира I). Или: «Этот обычай до сих пор соблюдается в некоторых провинциях Италии и Франции», – говорится об обычае накрывать пышный стол после похорон (сатира IV).

Наконец, ряд примечаний восходит к устным источникам, и это обстоятельство заслуживает особого внимания. Точно так же как это было в «Житии Антиоха Кантемира», информатором выступает «некий иностранный офицер» или «один итальянский дворянин» – налицо характерный «почерк» переводчика. Поясняя слово «раб» (сатира II), комментатор говорит, между прочим: «Их [крепостных крестьян] держат также в качестве слуг, с которыми обычно обращаются весьма сурово, подвергая их ударам до крови по обнаженной спине. Правда и то, что словесные наказания не оказывают на рабов ни малейшего воздействия. Чаще всего от них возможно чего-нибудь добиться лишь посредством наказания, о котором я упомянул. Один итальянский дворянин, служивший в России, рассказывал мне, что, не решаясь прибегнуть к подобному наказанию, он довольствовался тем, что ругал и пригрожал им, но безуспешно; и, услышав, что они говорят между собой, мол, ничего страшного, он только ругает, но не наказывает, он был вынужден время от времени поступать так же, как и другие хозяева, чтобы их приструнить» [11, р. 218–219]. По характеру содержащейся в этом примечании информации можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что упомянутым «итальянским дворянином» является не кто иной, как Джован ди Гуаско. Действительно, этот эпизод соотносится с высказываниями Джована о привязанности русского человека к алкоголю, чувстве безнаказанности и нечувствительности к физической боли, зафиксированными его братом аббатом в «Похвальном слове»: «Все чрезмерно привязаны к алкоголю, а строгий выговор едва ли оказывал воздействие на эти бесчувственные души, привычные к самым суровым наказаниям» [5]. Эти совпадения вряд ли представляются случайными и свидетельствуют о том, что автором примечаний и автором «Похвального слова» является одно и то же лицо. Если эти обстоятельства и не снимают окончательно вопрос об авторстве французского перевода «Сатир», то во всяком случае являются дополнительным аргументом в пользу авторства аббата Гуаско.

Как следует из цитированного ранее письма Монтескье к аббату Гуаско, написанного не ранее 1750 года, то есть уже после выхода «Сатир», аббат продолжает работать «ради своего Кантемира» [16]. Очевидно, речь идет о работе над примечаниями ко второму изданию «Сатир», которое выйдет в свет уже через год после первого. Сличив оба издания, можно констатировать, что они в действительности не вполне тождественны друг другу. При том, что сам текст перевода остался неизменным, второе издание 1750 года преподносилось как «несравненно превосходящее предыдущее, как благодаря совершенно необходимым дополнениям, которые были в него внесены, так и благодаря тщательной аккуратности, с которой были исправлены все неточности, вкравшиеся в издание

1749 года» [19]. Необходимые дополнения были внесены, в первую очередь, в примечания, которые действительно значительно подробнее в сравнении с примечаниями, сопровождавшими текст первого издания. Любопытно, что в качестве справочного материала аббатом Гуаско были использованы рассказы путешественников, которые, как видим, и к середине XVIII века по-прежнему не утратили своей актуальности в глазах европейцев. Например, написанное еще в конце предыдущего столетия «Новое любопытное описание Московии» Фуа де ла Невилля является едва ли не основным источником информации для автора примечаний. Эта книга получила достаточное распространение в Европе еще при жизни автора: в течение двух лет с момента появления, в 1698 году, она была издана трижды на трех европейских языках. Между тем, о самом авторе достоверно известно лишь то, что он находился в Московии с поручением от маркиза де Бетюна, французского посла в Польше. Так, фрагмент сатиры I «К уму своему», где автор говорит о нравах молодого поколения: «Не прильнешь их палкою к соленому мясу» (во французском переводе: «On ne les forceroit plus, le bâton à la main, à manger des viandes salées»), сопровождается в издании 1750 года примечанием, которого не было в предыдущем издании. Комментатор сообщает о том, что соленое мясо в прежние времена было обычной пищей русских, ссылаясь при этом на Фуа де ла Невилля: «Ужин, отправленный французскому посланнику при царском дворе Фуа де ла Невиллю, состоял из сорока фунтов соленой говядины, рыбы, жареной на ореховом масле и пр.» [19].

Упомянутый выше комментарий к слову «раб», и без того довольно пространный, во втором издании «Сатир» дополнен сведениями, также заимствованными у Фуа де ла Невилля. В главе «Нравы и религия московитов» автор «Нового любопытного описания Московии» писал: «Московиты, собственно говоря, – варвары. Они подозрительны и недоверчивы, жестоки, жадны, к тому же жулики и трусы, все рабы за исключением трех иностранных семейств, а именно князя Сиркаша, в прошлом владевшего провинцией, носящей то же имя, и имеющего огромные богатства, Галишина и Артемоновича» [20, р. 181]. Первые два имени – это не что иное, как искаженные имена Черкасских и Голицыных. Что же касается Артемоновича, то автор, не знавший русского языка, очевидно, имеет в виду Андрея Артамоновича Матвеева, пугая отчество с фамилией. Впрочем, Андрей Артамонович, мать которого, Евдокия Григорьевна (Мэри) Гамильтон, была шотландкой по происхождению, был иностранцем лишь наполовину. Пожалуй, с наибольшим основанием «иностранным семейством» можно назвать лишь Черкасских, бывших потомками кабардинских правителей. В свою очередь, аббат Гуаско почти дословно повторяет слова Фуа де ла Невилля, на свой лад искажая имена собственные: «Все

московиты рабы, за исключением нескольких иностранных семей, таких как Юркаской, в прошлом владевших провинцией, носящей то же имя, Галишин, Артемонович, Кантемир и некоторых других в небольшом количестве, из недавно приобретенных земель» [19]. Прежде всего, обращает на себя внимание сам факт использования мотива рабской природы московитов, который является одним из общих мест европейской россики и в целом соответствует читательским ожиданиям той аудитории, для которой предназначен перевод. Кроме того, аббат Гуаско сознательно допускает неточность, включая в один ряд с Черкасскими, Голицыными и Матвеевыми имя Кантемиров, которое не фигурировало в «Новом любопытном описании Московии». Хотя в данном случае это обстоятельство объясняется, очевидно, личными мотивами аббата, состоявшего в близких дружеских отношениях с русским князем, подобное произвольное использование источника является одним из типичных для литературы Просвещения приемов.

В XVIII веке Россия оставалась для Западной Европы малознакомой страной, представления о которой восходили преимущественно к литературе путешествий. Как правило, эта литература в большей степени была насыщена «фантазмами» европейцев о России, нежели сообщала реальные сведения о российской действительности. Князь Кантемир очень трепетно относился к имиджу своей страны на международной сцене и, находясь за границей, видел одной из своих основных задач и как писателя, и как дипломата распространение в Европе знаний о России, русском народе и русской культуре. И хотя перевод его «Сатир» на иностранный язык и их издание за границей не входило в намерения самого Кантемира, а было инициировано группой друзей из парижских контактов, примечательно, что именно эта книга стала одной из первых книг, с которых началось знакомство европейского читателя с «новой» русской литературой.

Библиографический список

1. *Прийма Ф.Я.* Антиох Кантемир и его французские литературные связи // Русская литература. Труды Отдела новой русской литературы ИРЛИ АН. Сер. 1. – М.; Л., 1957. – С. 7–45.
2. *Dacier A.* Éloge de M. l'abbé de Guasco // Histoire de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres, t. 45, Éloges des Académiciens morts depuis l'année 1780 à 1784. – Paris: Imprimerie nationale exécutive du Louvre. – P. 188–189.
3. *Shackleton R.* L'abbé de Guasco ami et traducteur de Montesquieu // Essays on Montesquieu and on the Enlightenment. – Oxford: the Voltaire Foundation, 1988. – P. 217–229.
4. *Griener P.* Ottaviano di Guasco, intermédiaire entre la philosophie française et les antiquités de Rome // Roma triumphans?: l'attualità dell'antico nella Francia del Settecento: atti del convegno internazionale di studi, Roma, Centro di studi italo-francesi, 9–11 marzo 2006, a cura di Letizia Norci Cagiano. – Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007. – P. 25–51.
5. De Michelis C. G. Storie di spionaggio del XVIII secolo (in margine al rapporto di A. Kantemir con i fratelli Guasco) // Annali del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale, Sezione storico-politico-sociale, IV–V (1982–1983). – P. 91–114.
6. *Майков Л.Н.* Материалы для биографии Кантемира // Сборник отдела русского языка и словесности Императорской академии наук. – СПб.: Типография Академии наук, 1903. – Т. 73. – С. 138–142.
7. *Lozinskij G.* Le prince Antioche Cantemir, poète français // Revue des études slaves. – 1925. – Т. V. – P. 238–243.
8. *Grasshoff H.* Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa, ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst. – Berlin: Akademie-Verlag, 1966.
9. *Копанев Н.А.* О первых изданиях сатир А. Кантемира // XVIII век. – Л.: Наука, 1986. – Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. – С. 140–154.
10. *Morda Evans R.J.* Antioch Kantemir and his first biographer and translator // Slavonic and East-European Review. – 1958. – Vol. 37. – № 88. – P. 184–195.
11. *Cantemir A.D.* Satyres de M. le Prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie, traduites en français. – Londres: chez Jean Nourse, 1749.
12. *Грассхоф Х.* Первые переводы сатир А.Д. Кантемира // Международные связи русской литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 101–111.
13. *Ehrhard M.* Le prince Cantemir à Paris (1738–1744): un ambassadeur de Russie à la cour de Louis XV. – Paris: Société d'édition les Belles Lettres, 1938.
14. *Lozinskij G.* Le Prince Cantemir et la police parisienne (1741) // Le Monde slave. – 1925. – Т. 2. – P. 223–247.
15. Histoire littéraire. Nouvelles et mémoires littéraires et académiques // Journal universel ou Mémoires pour servir à l'histoire civile, politique, ecclésiastique et littéraire du XVIIIe siècle. – 1744. – Mai.
16. Lettres de monsieur de Montesquieu à divers amis d'Italie. Avec des notes de l'éditeur. – Leide: chez P.H. Jaqueau, 1767.
17. *Article L.* Nouvelles littéraires. Angleterre. De Londres // Mémoires pour l'Histoire des Sciences et des Beaux-Arts. – 1750. – Avril.
18. *Гершкович З.И.* Комментарии: Кантемир. Примечания // А.Д. Кантемир. Собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель, 1956. – С. 431–437.
19. *Cantemir A.D.* Satyres de M. le Prince Cantemir, tradutes du russe en français. Avec l'histoire de sa vie. – Londres: chez Jean Nourse, 1750.
20. Foy de la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie. – Paris: Aubouyn, 1698.

РЕЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ РЕАЛИЙ ВОСТОКА В ПУТЕВЫХ ОЧЕРКАХ ТЕОФИЛЯ ГОТЬЕ «КОНСТАНТИНОПОЛЬ» И И.А. БУНИНА «ТЕНЬ ПТИЦЫ»

В статье проводится сопоставительный анализ художественного воплощения темы Востока, в частности ритуалов суфизма, в творчестве Ивана Бунина и Теофиля Готье. Цель работы – выявление философских и эстетических установок авторов, повлиявших на их рецепцию Константинополя и на специфику изображения ими восточной культуры. Делается вывод о том, что для Теофиля Готье Константинополь, эстетически не схожий с западным миром, остается чужим. Напротив, философское осмысление темы Востока Буниным делает Константинополь органичной частью художественного мира русского писателя.

Ключевые слова: Константинополь, рецепция, суфизм, Саади, дервиши, религиозно-мистический танец.

Путевые очерки «Константинополь» Теофиля Готье (1853) и «Тень птицы» И.А. Бунина (1907) по-разному воссоздают облик Константинополя, который у каждого из писателей наделяется специфическими чертами. В то время как для Готье свойственен отстраненно-созерцательный, «живописно-фотографический» способ изображения города, у Бунина, выражаясь по-пастернаковски, происходит «смещение действительности» [5, с. 231] переживанием воспринимающего сознания.

Оставаясь в границах западноевропейских представлений о Востоке, где Запад осуществлял колониальную политику, а потому ощущал свое превосходство над ним во всех сферах, Готье создает образ экзотического, притягательного, но чуждого для него как для западного человека мира. Иной взгляд на Константинополь у Бунина: философско-эстетическое восприятие константинопольских культурных и религиозных реалий бунинским героем-повествователем свидетельствует как о его глубоком погружении в самобытный мир Константинополя, так и о происходящей в нем саморефлексии, о магнетическом взаимоприятии человека и города, о сплаве в едином образе явлений предметного мира и эмоциональной сферы.

Рецепция Востока Готье и Буниным в значительной степени определяется их отношением к суфизму, одному из классических течений мусульманской философии. По признанию путешественника героя-повествователя «Тени Птицы», источником его вдохновения и притягательным предметом для размышлений является Тезкират (жизнеописание) Саади Ширазского, «усладительнейшего из писателей предшествовавших и лучшего из последующих» [1, с. 6]. Апелляции к Тезкирату и «Гюлистану» (или «Розовому саду») суфийского поэта красной нитью проходят через ткань повествования: бунинский герой ведет с последним непрекращающийся диалог, и создается впечатление, что фигура Саади постоянно незримо присутствует за кадром, а потому его точка зрения имплицитно выражена в тексте.

Саади Ширази – персидский поэт XIII века, которого в востоковедении принято относить к суфийской литературной традиции, правда, с некоторыми оговорками. Согласно философии суфизма, предназначение суфия – достигнуть такой степени отречения и самоуглубленности, при которой открывается единая божественная суть всех явлений. Поэтому мир феноменального бытия, не являющийся источником духовного опыта, обесценивается. Саади, посвятивший большую часть своей жизни странствиям и путешествиям и стремившийся «обозреть Красоту мира», не был сторонником этой традиционной суфийской идеи. В «Гюлистане», мотивы и образы которого органично вливаются в художественное пространство «Тени птицы», автор черпает вдохновение во внешнем мире. Обретение житейского практического опыта рассматривается Саади как залог мудрости и душевной зрелости. При этом источник удовлетворения жизнью он видит в вере в Бога. Приведем цитату из «Гюлистана»: «Все в мире сущее Творцу поет молебны, / Но только чуткий слух уловит лад волшебный» [7, с. 131].

Суфийское учение *вахдат ал-вуджуд* усматривает причину творения в стремлении Абсолюта к самолицезрению и самопознанию, и все предметы и явления внешнего мира поэтому наделяются атрибутами божественного совершенства. Представления о вездесущей красоте как синониме Бога в суфизме не противоречат мысли о «разлитости» божественного начала в природе. Поэтому по своей сути *вахдат ал-вуджуд* – это аналог западноевропейского пантеизма.

Однако тенденция заострять внимание на внешнем, которое служит отправной точкой для размышлений и пробуждает в душе радость, восторг, ощущение упоения жизнью вследствие воздействия на органы чувств, не типична для суфийской литературы, но ярко представлена в творчестве Саади. Симптоматично, что Бунин, художественный мир которого характеризуется повышенной сенсорной реактивностью и пробуждает у читателя целую палитру цветовых, звуковых и синестетических ощущений, из всех суфийских поэтов выделяет именно Саади.

Особенно показательны в плане разности восприятия Востока двумя писателями попытки Бунина и Готье передать впечатления от ритуального танца кружащихся дервишей. Целью суфийского религиозно-мистического танца, как известно, является достижение единства с Богом посредством погружения в транс – с помощью непрерывного кружения, сопровождающегося оказывающей гипнотическое воздействие инструментальной музыкой. Готье, приступая к описанию танца, поясняет, что, не будучи в достаточной мере сведущим в области турецкой теологии, он намерен ограничиться вниманием к пластической стороне танца, отобразить «странные телодвижения» [8, с. 136; здесь и далее перевод мой. – К. Р.] дервишей.

Готье подчеркнута эстетизирует национально-религиозные одеяния аскетов и их монотонные обряды, изображение которых отличается сугубой декоративностью. Так, их головной убор напоминает ему надетый на голову «перевернутый цветочный горшок» [8, с. 136]. Живописные уподобления расцвечивают этот групповой портрет: автор отмечает, что нетипичный для западного монашества костюм дервишей не лишен элегантности. Длинная череда опусканий и подъемов дервишей, сопровождающих совершение молитвы в первой части церемонии, ассоциируется у Готье с движениями жадно «клюющих кур, поднимающихся после того, как они схватят зерно или червя» [8, с. 138].

Иначе видит дервишей русский писатель. Уже в первой картине, посвященной их изображению, внимание акцентируется на аскетичности их облика и смирении как доминантной черте поведения: «Вошел шейх-настоятель, а за ним десятка два дервишей – все босые, в коричневых мантиях, в войлочных черепенниках, с опущенными ресницами, с руками, смиренно сложенными на груди» [1, с. 23]. И Бунин, и Готье подчеркивают экзатичность танца, однако в описаниях французского автора существенно больше физиологичности. Завершая изнурительные кружения, дервиши падают бездыханные, истекающие потом, сокрушенные усталостью.

Напротив, единственное проявление телесной изможденности монахов в тексте Бунина – это усугубляющаяся по мере нарастания скорости их кружений бледность лица: «Все быстрее неслись по залу белые кресты-вихри, все бледнее становились лица, склонявшиеся набок» [1, с. 24]. Готье же намеренно акцентирует телесные грани восприятия танца путем неожиданного сравнения его с вальсом – европейским танцем, насыщенным томным эротизмом. Слово «вальс» и его дериваты неоднократно используются французом при описании священнодействия: «иератический вальс», «они вальсировали», «вальсирование прекратилось», «вальсирующие» [8, с. 138–140, 142].

По-разному аранжированы в анализируемых произведениях и музыкальные мотивы, воплоща-

емые с помощью эмоционально окрашенных акустических образов. Они призваны выявить нюансы душевного отклика тех, кто созерцает церемонию. Показательно, как передано, например, звучание флейты (аккомпанирующей танцу), в восприятии французского и русского героев-повествователей. Улавливая витающие в воздухе нотки печали и грусти, повествователь у Готье слышит все же в основном божественно-нежные, плавные мотивы: «Флейты пели... удивительно нежно» [8, с. 137], «божественно-плавная мелодия» [8, с. 138], «трель маленькой флейты» [8, с. 142]. Эмоциональный заряд музыки флейты у Бунина иной: он связан с пронизывающим чувством печали и тоски, на пике которого возникает страстный порыв к растворению в Боге и бесконечном: «Шейх, медленно повышая жалобный, строгий и печальный голос, начал молитву, флейты внезапно подхватили ее на верхней страстной ноте – и в тот же миг, столь же внезапно и страстно, дервиши ударили ладонями в пол с криком во славу Бога» [1, с. 23].

Заметим, что в представлениях суфистов экстаз от встречи с божественным возможен при условии наличия у человека чувства неизбывной тоски по нему, а также неизбежно связанной со страданиями внутренней борьбы с темной стороной души *нафс* (араб.).

Бунин чутко воспринимает эту идею суфийской философии, интуитивно постигает ее суть, говоря о «мучительно-сладостных мистериях Кружащихся Дервишей» и о «жалобной печали флейт, переходящей в упоение этой печалью» [1, с. 23]. Вот как иллюстрирует базовый в суфизме философский концепт «пустоты от себя» поэт Мирза Галиб: «Если сердце отдашь во власть мелодии тайн Истины, / Тебе должно, как флейте, стать пустым от самого себя» [6, с. 59].

Образ флейты является устойчивым в суфийской поэзии символом тоскующей человеческой души, взывающей к Аллаху, с которым она жаждет воссоединения. Внутреннее состояние дервишей у Бунина в целом резонирует с музыкальным аккомпанементом. Кульминацией же мистерии становится момент, когда абсолютной становится их сонатность с музыкой флейт, а предвкушаемой развязкой – экзатическое слияние с Абсолютом: «И по мере того, как все выше и выше поднимались голоса флейт... все быстрее неслись по залу белые кресты-вихри, все бледнее становились лица... все туже надувались юбки и все крепче топал ногою шейх: приближалось страшное и сладчайшее “исчезновение в Боге и вечности”...» [1, с. 24]. Тонкое понимание духовных установок суфизма Буниным и сонатность его героя-повествователя с эмоциональным состоянием кружащихся дервишей во время представления свидетельствуют о созвучности мироощущения автора суфийскому.

В тексте Теофиля Готье испытываемое дервишами чувство религиозного экстаза осмысливается посредством образов божественного сна, грезы, «пьянящей райской галлюцинации» [8, с. 140]. Захваченный на время потоком энергии, исходящей от завораживающего действия, повествователь чувствует себя «рожденным посреди воспоминаний о неведомых странах» [8, с. 137], ощущает непередаваемые радость и грусть. Однако по большей части ему присущ взгляд стороннего наблюдателя, смакующего все таинственное и непривычное. Так, он задается вопросом, чем наполнены «убаюкивающие видения мусульманских аскетов» [8, с. 141]. На дервишей он проецирует культурно-религиозные реалии западного мира: лицо одного из них напоминает ему о Сократе, другого – о молодом Назаряине, а принимаемая ими поза – позу распятого Христа.

В «Тени птицы» христианская тема звучит в насыщенной лиризмом отрывке, который посвящен чувствам героя, вызванным созерцанием мистерии кружащихся дервишей: «Теперь, на башне Христа, я переживаю нечто подобное тому, что пережил у дервишей. Теплый, сильный ветер гудит за мною в вышке, пространство точно плывет подо мною, туманно-голубая даль тянет в бесконечность...» [1, с. 24]. Для Бунина, генетически принадлежащего, казалось бы, миру Запада, источником сильнейшего духовного переживания может служить как христианская вера, так и религиозные учения Востока. Об этом косвенно свидетельствует и одно из его высказываний по поводу константинопольского собора Святой Софии, приведенное Верой Муромцевой-Буниной в «Беседах с памятью»: «Как хорошо, что кроме этих зеленых кругов по углам, ничего нет. И Христос, и Магомет были исполнены страстной и всепокоряющей веры, не нуждающейся ни в золоте, ни в каких украшениях. Сам Магомет жил в простой мазанке даже после того, как покорил Аравию...» [4, с. 311].

В отличие от Бунина Готье в отсутствии пышного убранства мечетей, которые законы ислама запрещают украшать скульптурой и традиционной в европейском понимании живописью, усматривает недостаток. Описывая собор Святой Софии, он преподносит его в ином свете: «Главный купол... наверняка сверкал золотом и мозаикой, как летний небосвод, пока мусульманская штукатурка не погасила его сияния» [8, с. 272]. Обладающему изысканным вкусом французскому автору свойственно оценивать все с точки зрения эстетики. Так, при взгляде на лежащего при дверях мечети дервиша повествователь вспоминает об Иоанне Крестителе, который, однако, не был изображен подобным образом ни на одном из полотен европейских художников: «Я невольно подумал об Иоанне Крестителе в пустыне: ни один художник не изобразил его таким» [8, с. 300]. А в соборе перила изящной отделки походят на «тончайшее кружево» [8, с. 271].

В «Тени птицы» «турецкая простота и нагота» Айя-Софии способствует ее сакрализации и возвращает повествователя к «началу Ислама, рожденного в пустыне» [1, с. 19]. «Нагота», чуждая всему мирскому тишина и заливающий храм свет ведут к состоянию отрешенности и сосредоточенности во время совершения молитвы: «С древней доверчивостью, с поднятым к небу лицом и с поднятыми открытыми ладонями обращают они свои мольбы к Богу в этом светоносном и тихом храме» [1, с. 19]. О пути раскрытия в себе духовного, божественного начала с помощью отрешения от мира в бунинском тексте говорится и при описании мусульманского обычая выбирать для пения азана слепых глашатаев. Объяснением тому служит их неподвластность «земной прелести ночи» [1, с. 10]. А «те, которых Творец не лишил счастья зрения, закрывают в час азана глаза» [1, с. 10] – вероятно, чтобы воздействующая на органы чувств действительность не ослабляла силу воздействия духовной музыки, обращенной к глубинам души.

Но для героя Бунина сам феноменологический мир как источник ярчайших переживаний – это объект поклонения. Закончив созерцание намаза в Айя-Софии, он подходит к окну, привлеченный «теплом солнечного света и свежестью снега» и замечает голубку, срывающуюся с подоконника «в простор весеннего воздуха» [1, с. 20]. В «Тени птицы» упоминания о весне – важнейший лейтмотив, задающий лирический тон повествования, о чем свидетельствует высокая частотность употребления соответствующих словосочетаний: «нежные дни приморской весны», «весенняя тень дерева», «весенней прелестью веет присутствие затворниц в садах Сералея» и т. д. Бунин апеллирует к Саади, побуждающему его «каждую новую весну выбирать какую-нибудь новую любовь» [1, с. 7]. Весна – это время года, когда красота внешнего мира проявляется с наибольшей силой и ощущается тем острее, что ей предшествовал «мертвый» зимний сезон. Едва ли сведение смысла фразы «новая любовь» к представлению о новой избраннице суфийского поэта будет адекватной трактовкой его слов. Вероятно, зацветающая каждый год природа предстает обновленной, или «новой», поэтому и любовь к ней как бы рождается вновь. Такое предположение подкрепляется продолжением высказывания Саади: «друг, прошлогодний календарь не годится для нового года!» [1, с. 7]. Бунинский повествователь, восторгаясь садами Сералея, признается, что «в мире, в котором он существует, – нынче весеннее утро» [1, с. 17]. Иными словами, эта часть городского пространства осознается им как часть его собственного мира. Для него – в отличие от героя Готье – Восток, по сути, становится «своим».

Особую красоту Бунин усматривает в заполняющих Константинополь руинах, полуразрушенных и ветхих домах. По воспоминаниям Муром-

цевой-Буниной, писатель, цитируя Мицкевича, так отзывался о Серале: «В запустении наследие падишахов! В трещины разноцветных окон лезут ветви плюща... овладевая делами рук человеческих во имя природы, чертят письма Валтасара: “Руина!”» [4, с. 311]. Бунин рисует Константинополь как город, на который – по выражению Саади – «пала тень птицы Хумай» [1, с. 23], придающей всему, на что она падает, «царственность и бессмертия» [1, с. 22]. Показательно и другое его замечание, приведенное в «Беседах с памятью»: «В запустении и умирании есть бесконечная прелесть этой страны» [4, с. 312].

Итак, на рецепцию культурных и религиозных реалий Востока Теофила Готье, одного из главных приверженцев концепции «искусства для искусства», повлияло его представление о самоценности внешнего мира как источника эстетического переживания. И «непохожий» на западный мир Константинополь дорог ему именно своей «непохожестью», красочной «инаковостью», напоминающей о себе любой конкретно ощутимой частностью. Качества вещной конкретности в высшей степени присущи и бунинским описаниям, но они удивительным образом вписаны русским автором в суфийский духовный контекст. В то время как суфийское чувство восторга, духовного «опьянения» связывают с переходом в мир ноуменального, под вином и хмелем подразумевая «упоение божеством» [1,

с. 24], Бунин улавливает «халет, веселие» в разлитой повсюду «Музыке Мира». Как и для Саади, весь мир для него «полон... весельем и танцем» [1, с. 24]. Феноменальный мир неотделим для Бунина от духовного и поэтому эстетическое переживание всегда одухотворено у него чувством вечности. Воспринятый в таком аспекте Восток не мог осмыслиться им как нечто чуждое, но стал органической гранью собственного духовного опыта.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. – М.: Правда, 1988. – 591 с.
2. Готье Т. Путешествие на Восток / пер. с фр. И. Кузнецовой, М. Зониной. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. – 344 с.
3. Ефремова Н.В. Ислам: философия, религия, культура / Ин-т философии РАН. – М.: Наука – Вост. лит., 2015. – 183 с.
4. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М.: Вагриус, 2007. – 512 с.
5. Пастернак Б.Л. Воздушные пути: Проза разных лет. – М.: Сов. писатель, 1982.
6. Пригарина Н.И. Мир поэта – мир поэзии: (Статьи и эссе). – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2011. – 352 с.
7. Саади. Гулистан. – М.: Вече, 2011. – 360 с.
8. Gautier T. Constantinople. – Michel Levy Freres, libraires-editeurs, 1853. – 366 с.

Шишкова Ирина Алексеевна

доктор филологических наук, доцент
Литературный институт имени А.М. Горького, г. Москва
ishishkova@yandex.ru

ЭТИКЕТ ВИКТОРИАНСКОГО МИРОУСТРОЙСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ШАРЛОТТЫ МЭРИ ЯНГ

В статье анализируется творчество знаменитой английской писательницы Ш.М. Янг: приводятся биографические сведения, говорится о факторах, сформировавших её мировоззрение и литературный вкус, а также рассматриваются причины её популярности у читательской аудитории среднего и высшего среднего классов. Своим жизненным примером Янг демонстрировала верность викторианским устоям, не забывая развлекать своих читателей. Её редакторский опыт помог ей выбрать верную тональность для разговора с подростками. Формируя ментальности своей аудитории, она заботилась об интеллектуальном запасе ребёнка и приносила в свои романы как исторические факты, так и реальные события, произошедшие в Англии XIX в. Произведения Ш.М. Янг до сих пор пользуются популярностью у зарубежных исследователей из-за детального изображения викторианской модели поведения. Писательница уделяла пристальное внимание духовной и нравственной культуре маленькой викторианки, создавая портрет последней в духе «литературного этикета» (термин Д.С. Лихачева), подразумевающего формирование образов героинь по определённому образцу, в котором не последнюю роль играют их речевые характеристики.

Понятие «литературный этикет» тесно связано с представлением о национальном литературном этикете. Данная статья сосредотачивается на описании некоторых типов культурной регуляции (образцах поведения юной англичанки), имеющих социальную природу и присущих детской художественной литературе психолого-педагогической направленности.

Ключевые слова: литературный этикет, нравственные ценности, викторианская культура, викторианское мироустройство, национальная ментальность, психологическая и дидактическая детская литература, викторианское мироустройство.

Известная английская детская писательница Шарлотта Мэри Янг (Charlotte Mary Yonge, 1823–1901) родилась в семье деревенского эсквайра в живописном городе Оттербурн графства Хэмпшир. Отец сам обучал ее грамоте и порой доводил дочь до слез своими замечаниями, но всю свою взрослую жизнь она с благодарностью вспоминала его наставления, привившие ей любовь к знаниям.

Произведения Ш.М. Янг во многом автобиографичны. Рано приобщившись к труду, как и ее будущие героини, маленькая Шарлотта уже с семи лет начала работать учительницей в сельской школе [3, с. 49–68]. В воспоминаниях Кристабель Колридж (Coleridge, Christabel R., 1843–1921), внучки знаменитого поэта, подчеркивается, что в ней рано проявилось педагогическое дарование и писательский талант. Шарлотта Янг обладала и удивительными практическими навыками: она могла одновременно писать письмо и, пока сохли чернила, сочинять рассказ или толковать Святое Писание [4, р. 120–150].

Автобиография Шарлотты Янг интересна современному читателю прежде всего с точки зрения типичного времяпрепровождения детей среднего класса XIX в. Так, излюбленными занятиями девочек были рисование, составление гербариев и сбор морских ракушек с последующей их полировкой о кусок грубой шерсти или домашний ковер. Маленькой Шарлотте разрешалось читать книги ее кумира, сэра Вальтера Скотта, но не больше одной главы в день. Родительское предпочтение было отдано истории Рима.

Представляется, что в викторианских семьях среднего класса к детскому чтению взрослые от-

носились так же внимательно, как к увлечению современных подростков компьютерными играми. В знаменитом романе Янг «Венок из маргариток, или Высокие устремления» («The Daisy Chain, or Aspirations», 1856) брату главной героини Этель взрослые напоминают о том, что время, отведенное на чтение, истекло, и через пять минут пора отложить книгу и приступить к урокам.

Любопытны воспоминания писательницы и об обращении читателей с книгами. В конце 30-х годов XIX в. в семьях среднего класса считалось дурным тоном записываться в библиотеку из-за легкомысленного, по мнению взрослых, и неподходящего для детской психики содержания имевшихся там произведений. К тому же родителям не нравился и вид книг – многие экземпляры были грязными (читатели оставляли на их страницах пятна от еды, различные надписи и рисунки). Заметим, что в настоящее время такие «следы» воспринимаются как «привет» из прошлого). В этой связи знакомые или живущие по соседству семьи часто объединялись в читательские клубы. На бумаге, в которую бережно обертывали книгу, записывали фамилии тех людей, к которым она попадала. После того, как книгу прочитывали все члены клуба, ее отправляли на аукцион, где продавали за полцены [4, р. 111–112]. Подобная практика сохраняется в Великобритании и поныне: и в XXI в. именно в Англии можно приобрести редкое издание в second-hand bookshops (англ. в дешевых букинистических магазинах) или на блошиных рынках.

Книгообмен между семьями позволял родителям не только контролировать детское чтение, но

и больше времени проводить со своими отпрысками, поскольку чтение вслух было любимым семейным развлечением после ужина. Огромной популярностью в семьях среднего класса пользовались и настольные игры, которыми Шарлотта Янг увлекалась до конца своих дней.

Полностью разделяя идеи о воспитании, изложенные в нравоучительных повестях ее любимых авторов, миссис Триммер (Mrs. Trimmer, 1741–1810) и миссис Шервуд (Mrs. Sherwood, 1775–1851), писательница с легкостью принимала социальные и интеллектуальные ограничения, установленные родителями и твердо усвоенные ею в детстве. Она рассматривала их запреты как необходимые предостережения против ненужных ошибок или опасностей, а не посягательства на свою свободу [4, p. 130].

В 1838 г. вышел в свет первый рассказ Янг «Церковь при аббатстве» («Abbey Church»), гонорар от которого полностью был переведен на нужды школы. На семейном совете было решено, что только при этом условии Шарлотте разрешат увидеть рассказ напечатанным [4, p. 153].

В 1851 г. молодая писательница стала главным редактором журнала для вечернего чтения юных членов англиканской церкви «The Monthly Packet» (*Ежемесячный альманах*). Несмотря на отсутствие иллюстраций, читательская аудитория, состоявшая в основном из девочек среднего и высшего среднего классов, с удовольствием покупала его и до старости оставалась верна его авторам. Сама писательница регулярно готовила материалы к каждому выпуску и в своей колонке вела задушевные беседы с подписчиками. Журнал выполнял как развлекательную, так и образовательную функции. Тетушка Шарлотта в диалогической форме обсуждала с детьми содержание рассказов и стихотворений на различные научные темы, например по ботанике или биологии. На страницах журнала можно было найти не только беседы о нравственности, типичные для викторианской эпохи, но и увлекательные истории о захватывающих приключениях героев с сильным характером, готовых на отчаянные поступки. Будучи главным редактором журнала, Ш.М. Янг не могла не заботиться о коммерческой стороне своего дела, но никогда не продвигала легкомысленные идеи в ущерб нравственным и никому не позволяла скептически или неуважительно высказываться по вопросам религии.

Даже через тридцать лет после своего основания в «Monthly Packet» печатались материалы, посвященные воспитанию достойных подруг английских джентльменов. В статьях поднимались важные проблемы, связанные с образом жизни викторианской жены и матери.

Янг частями печатала в альманахе свой роман «Маленький герцог Ришар Бесстрашный» («The Little Duke, or, Richard the Fearless», 1854), пользующийся большой популярностью и в на-

стоящее время. Приблизительно в тот же период появилась и прославившая ее знаменитая книга «Наследник Редклиффа» («The Heir of Redclyffe», 1853). Однако «головокружения от успехов» не произошло, и похвалы критиков были восприняты ею как аванс для создания новых произведений. На обложке романа отсутствовало ее имя, и читающая публика терялась в догадках по поводу личности анонимного автора. Шарлотта предпочитала занятия в воскресной школе посещению любых светских мероприятий, и нет сомнения в том, что она не только щедро делилась знаниями, но и передавала ученикам свои консервативные взгляды на жизнь.

За «Наследником Редклиффа» последовали «Пики Линвуда» («The Lances of Lynwood», 1855), «Венок из маргариток, или Высокие устремления» и др.

В «Венке из маргариток» писательница подробно изложила свою точку зрения на воспитание маленьких мужчин и женщин. Пятнадцатилетняя Этель (Ethel), главная героиня романа, рано потерявшая мать, изо всех своих сил пытается помочь овдовевшему отцу, доктору Мэю (Doctor May), воспитывать младших братьев и сестер. У неё есть заветная мечта – открыть школу для бедных. Пользовавшийся большим авторитетом в округе доктор Мэй (*русск.* май), называл своих отпрысков «маргаритками», сентиментально сравнивая их с любимыми весенними цветами англичан. «Маргариткам» были свойственны предрассудки своего времени. Хотя дети доктора Мэя и стремились оказать посильную помощь бедным, ни о какой дружбе между подростками из разных социальных групп не могло быть и речи. С одной стороны, они от всей души сочувствовали своим неблагополучным сверстникам из бедных семей, а с другой – опасались неадекватной реакции «дикарей» на участие в их судьбе. Тем не менее уважительное отношение к неимущим и желание облегчить их существование всячески приветствовалось родителями и воспитателями, поощрявшими «высокие устремления» своих подопечных.

Этель очень похожа на саму писательницу в этом возрасте. Порывистая и неуклюжая, постоянно сомневающаяся в своей правоте, она полна желания быть всем полезной, но часто раздражает окружающих своей непосредственностью и чрезмерной активностью. Несмотря на то, что ее слова иногда пугают близких, последние не могут не заметить ее стараний исправиться: «...Она боролась со своими недостатками, стыдилась их и пыталась преодолеть» (цит. по: [6]; здесь и далее перевод наш. – *И. Ш.*).

Приведем некоторые высказывания героини, чтобы лучше понять, какие сокровенные мысли Янг запечатлены в ее «горячих» монологах: «Нужно всегда стремиться быть лучшей... за это можно и бороться, и биться, и жить, и умереть»; «Что если я плохо повлияю на малышей своей рассеянностью и подам им дурной пример?»; «Девочки, мы долж-

ны научиться быть внимательными и отзывчивыми теперь, когда о нас некому позаботиться (имеется в виду внезапная смерть матери. – *И. Ш.*)».

Янг была истинной викторианкой. Как и многие женщины той эпохи, она гордилась своей судьбой и не рассматривала постулаты викторианской морали как препятствие для осуществления своих целей. Современному читателю может показаться странной ее приверженность консервативным принципам, усвоенным в детстве: например, она никогда не нарушала наказ матери не сближаться со своими учениками, имевшими низкий социальный статус. Увлеченно работая в школе, вне ее она не общалась со своими воспитанниками и не заходила в их дома, добровольно лишая себя неформального контакта с ними.

Писательнице, имевшей большой педагогический опыт и прекрасно знавшей психологию юного читателя, не были чужды его слабости. Она прощала своим персонажам шалости и говорила о нравственных принципах понятным для ребенка языком. В «Венке из маргариток» ярко описываются сцены мальчишеского веселья, когда те, вместо того чтобы спокойно спуститься по лестнице, всегда съезжали по перилам и после уроков бегали и кричали, не боясь шокировать окружающих. Сам доктор Мэй при жизни жены с удовольствием принимал участие в их забавах. Не оставались без внимания и конфликты между родителями и детьми: старшая дочь Маргарет (Margaret) высказывала близким свое недовольство поведением отца, когда тот несправедливо упрекал старшего сына за провал на экзамене.

Необходимо отметить, что произведения Ш.М. Янг интересны современному исследователю прежде всего с точки зрения освещения модели поведения детей, принятой на вооружение воспитателями викторианской эпохи.

Процесс формирования нравственной культуры маленькой викторианки через художественные произведения можно сопоставить с понятием «литературный этикет» (термин Д.С. Лихачева), который подразумевает создание художественных образов по определенному образцу. Так, не последнюю роль в нем играют речевые характеристики персонажей в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе. Как замечает Д.С. Лихачев, «...из произведения в произведение переносилось в первую очередь то, что имело отношение к этикету: речи, которые должны были бы быть произнесены в данной ситуации, поступки, которые должны были бы быть совершены действующими лицами при данных обстоятельствах, авторская интерпретация происходящего, приличествующая случаю, и т. д.» [1, с. 72].

В этой связи небезынтересно остановиться и на категории «национальный литературный этикет», без которого анализ вышеназванного феномена был бы неполным.

Под национальным литературным этикетом в настоящей статье мы понимаем описание социальных образцов поведения, свойственных персонажам (детям и взрослым) в различных ситуациях общения. Рассмотрим данные образцы на примере романа «Венок из маргариток, или Высокие устремления». Нас будет интересовать и то, в какой степени в этом произведении отразился этикет викторианского миропорядка.

На страницах романа писательница запечатлела правила поведения, принятые в викторианском доме, относясь с большим уважением и сочувствием к нелегкой судьбе добропорядочной викторианской женщины, взвалившей на свои хрупкие плечи и заботу о здоровье детей и мужа, и домашнее обучение отпрысков, и безупречное, основанное на строгой экономии, ведение домашнего хозяйства, а также выстраивание отношений со слугами, от которых во многом зависело благополучие семьи.

Анализируя этикет миропорядка английского дома, нельзя не остановиться на понятии «английская вежливость», не случайно связанном именно с манерой поведения представителей среднего и высшего среднего классов.

Под национальной английской вежливостью мы имеем в виду устойчивый код поведения граждан различных возрастных групп, внедренный в их сознание и включающий соблюдение обязательных правил общения.

На страницах «Венка из маргариток» читателей призывали следовать канонам, одобренным викторианской моралью. Их учили не проявлять эмоций, уметь промолчать, когда это необходимо, стремиться никогда не повышать голоса в присутствии взрослых и уметь, не перебивая, выслушать своего собеседника: «Не все, что могут сказать джентльмены, подходит для юных леди»; «Нужно стараться быть терпимее друг к другу»; «...Это не то, что ожидают от юной леди. Ты отвлекаешься от урока и перебиваешь (замечание гувернантки по поводу вопросов девочки к учителю во время объяснения нового материала. – *И. Ш.*)»; «Неужели ты думаешь, что дорогая мама одобрила бы его чрезмерный восторг?» (по поводу успешной сдачи экзаменов мальчиком. – *И. Ш.*).

Писательница призывала своих читательниц общаться спокойно, доброжелательно и стараться быть внимательными, о чем по традиции постоянно и тактично напоминали юным персонажам взрослые.

Девочек призывали усердно работать по дому, достойно вести себя со слугами, уважать их труд, бережно относиться к одежде и еде, отказывать себе в удовольствиях ради других: «Если мы не будем делать ничего полезного дома, вряд ли из нас получится что-нибудь путное...»; «Она знала, что это большая работа, в которой есть и частица ее труда, работа, требующая терпения и настойчивости...»; «Ты должна научиться беречь свое платье и не пач-

кать его»; «Этель немедленно почувствовала угрызения совести по поводу своих резких слов о бедной необразованной женщине»; «Ты знаешь, что она не потратила ни пени на собственные удовольствия? Она не купила ни одной книжки и ни одной вещи для себя, кроме подарка ко дню рождения Бланш и шелкового лоскута на кошелек Гарри».

Героини «Венка из маргариток» постоянно задаются вопросом, как бы оценила их поступки покойная мать: «Их окутывала нежная материнская любовь, но, пока мама была жива, они ее не замечали...»; «Дорогая мама считала, что это пойдет ему на пользу (морская служба. – *И. Ш.*)».

Юных читателей предостерегали и против проявления излишней инициативы: «Тут Этель поймала себя на мысли, что начала понимать, какое это счастье, что у нее не было возможности идти на поводу своим порывам»; «Ты же знаешь, мы еще маленькие, и теперь, когда ее (мамы. – *И. Ш.*) нет с нами, чтобы решать за нас, мы должны делать только то, в чем полностью уверены, иначе мы совершим ошибку».

Вероятно, современным детям подобные высказывания покажутся искусственными и неискренними, однако они надолго оставили свой след в английской детской литературе XIX в. Пропустив то, что безнадежно устарело, читателю без труда удастся выделить для себя те здравые принципы, на основе которых героини Ш.М. Янг умели строить отношения друг с другом.

О.С. Муравьева подчеркивала, что выполнение всех правил этикета требовало колоссальных усилий и каждодневной тренировки [2, с. 175].

Одним из образцов для подражания стало умение вести себя молодой королевы Виктории. Из уст в уста передавались рассказы о ее честности, неподкупности и о том, с каким достоинством она проявляла себя в той или иной ситуации [5, с. 62–63]. Писательнице хотелось, чтобы дети извлекли пользу из прочитанного и попытались во всеоружии подойти к решению насущных жизненных проблем: «Она (мама. – *И. Ш.*) всегда говорила, что жалела о том, что многочисленные обязанности по дому не позволяют ей помогать бедным в полную силу, но она надеялась, что мы, девочки, когда подрастем, сумеем добиться гораздо большего».

Ценность нравов Янг заключается в том рациональном аспекте, без учета которого трудно представить процесс развития личности подростка и сегодня.

Нельзя не согласиться с О.С. Муравьевой в том, что безупречные манеры были не всегда доступны для подражания, и некоторые посетители светских салонов, не сумевшие их приобрести, порой вели себя вульгарно [2, с. 173].

Правила и нормы существования в семье и обществе проходили лейтмотивом в произведениях Ш.М. Янг и делали ее книги пособием по этикету поведения для юных читательниц, завидующих

умению ее героинь вести себя раскованно, но прилично в любой ситуации.

Искусство владеть собой чрезвычайно высоко ценилось писательницей и рассматривалось ею как одна из главных составляющих в коде поведения будущей жены и матери. Неудивительно, что воспитанность женских героинь викторианской эпохи вызывает восхищение и у читателей XXI в.

Произведения Ш.М. Янг интересны современному исследователю и с точки зрения тех дидактических принципов, которые не только помогали в моделировании определенного кода поведения ребенка, но и нашли отражение в последующих художественных произведениях для детей Л.М. Олкотт и Ф.Х. Бернетт.

В романе «Венок из маргариток» образно показываются обычные девочки, которые, помимо традиционного служения близким, мечтают о многочисленных проектах по собственному развитию, например о самообразовании, благотворительности, писательском труде и т. д.

Разделяя общеизвестное мнение о том, что некоторые произведения Ш.М. Янг в настоящее время утратили свою актуальность, мы считаем необходимым подчеркнуть, что в контексте викторианского периода, в котором жила и творила писательница, ее персонажи не казались сентиментальными и жеманными, а рассказы об их судьбах звучали вполне злободневно.

Постоянно подготавливая свою читательскую аудиторию к выполнению будущих обязанностей жены и матери, писательница не забывала и о тех из них, кому не удастся создать семью (как известно, сама она никогда не была замужем).

Произведения Ш.М. Янг оказали большое влияние на развитие жанра *семейного романа* и так называемого *романа для девочек*.

Библиографический список

1. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 376 с.
2. *Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. – СПб.: Нева: Летний сад, 2001. – 296 с.
3. *Шишкова И.А.* Национальная ментальность в английской художественной литературе для подростков: конец XIX–XX вв.: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003. – 426 с.
4. *Coleridge C. R.* Charlotte Mary Yonge, her life and letters. Published 1903. – Plymouth: Northcote House. Sandbach-Dahlström, Catherine (1984). – 391 p.
5. *Langland E.* Nobody's Angels: Middle-Class Women and Domestic Ideology in Victorian Culture. – Cornell University Press, 1995. – 268 p.
6. *Yonge Ch. M.* Daisy Chain. – L.&NY, 1893 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://traum.bkload.com/241880/the_daisy_chain_or_aspirations/read#.Vu8mVFKCs_M Н. (дата обращения: 14.10.2016).

СТАРИННАЯ ШОТЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА «ТОМАС-РИФМАЧ» В ЗЕРКАЛЕ РОМАНА А.С. БАЙЕТТ «ДЕТСКАЯ КНИГА»

В статье рассматривается интенсивный интертекстуальный диалог между известной старинной шотландской балладой «Томас-рифмач» (“Thomas Rhymer”) и сказочным вставным текстом «Том-под-землей» (“Tom Underground”), инкорпорированным в роман А.С. Байетт «Детская книга» (“The Children’s Book”, 2009). Основное внимание уделяется сопоставительному анализу текстовых фрагментов баллады и вставного текста в романе, что позволяет выявить аллюзивную связь между произведениями на уровне сюжета и персонажно-образной системы. Отмечается также дублирование сюжетной линии баллады и преломление образов ее главных персонажей в основном романном тексте, что указывает на прочную интертекстуальную связь между произведениями.

Ключевые слова: А.С. Байетт, роман, сказка, вставной текст, баллада, аллюзия, баллада «Томас-рифмач».

Со второй половины XX века и до настоящего времени не перестает будоражить умы ученых в области литературоведения проблема интертекстуальности, которую знаменитая современная французская исследовательница Натали Пьеге-Гро определяет как «устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст» [2, с. 48]. Дешифрирование интертекстуальных включений и межтекстовых связей представляет собой важный аспект в восприятии современной прозы. В этой связи не является исключением и творчество прославленной писательницы Великобритании Антонии Сьюзен Байетт, которая в одном из своих интервью заявляет: «Мои книги полны присутствием других книг...» [цит. по: 3, с. 56].

На сегодняшний день последним в списке романских произведений А.С. Байетт стал многослойный роман «Детская книга» (“The Children’s Book”, 2009). Отличительной чертой этого объемного произведения является широкий пласт вставных текстов, значительно усложняющих его сюжетно-композиционную структуру. Вставные тексты отличаются жанровым разнообразием – сказки, рассказы, письма, стихотворные произведения, интервью, фрагменты. Однако наиболее существенным является корпус сказочных вставных текстов, которые, согласно сюжету романа, создает главная героиня Олив Уэллвуд для своих детей: «У каждого из детей была своя книга и своя сказка» [1, с. 116].

Доминирующую позицию среди сказочных вставных текстов «Детской книги» занимает фрагментарная сказка Тома Уэллвуда, названная «Том-под-землей» (“Tom Underground”). В романе такая разновидность сказки характеризуется «разорванностью», отсутствием «монолитности» текста, так как она представлена «сериями» вставных текстовых фрагментов – сюжетная линия прорисовывается в процессе прочтения нескольких фрагментов, рассредоточенных внутри основного романного текста. Сказка Тома, которую пишет Олив для своего любимого сына, охватывает весь романский текст и повествует историю отважного принца

Томаса, который отправился в царство теней для поиска собственной тени, похищенной огромной крысой, когда принц был еще младенцем.

Принципиально важное значение при анализе данной сказки представляет интенсивный интертекстуальный диалог со знаменитой шотландской балладой «Томас-рифмач»¹ («Thomas Rhymer»), отражение которого можно обнаружить в основном романном тексте.

Прежде всего обращает на себя внимание природа номинации главного персонажа сказки – Томас (“Thomas”). С одной стороны, активно фигурируя в полнотекстовой версии зачина сказки, антропоним «Томас» совпадает с полным именем сына Олив, которое появляется в романном тексте только один раз при датировании его рождения: «Зимой 1882 года, на рождественской неделе, Питер заболел крупом и умер. В ту же неделю родился Томас Уэллвуд» [1, с. 50]. Подобная идентификация «поддержана» дальнейшим романским повествованием: в сюжетной линии Тома будут воспроизводиться основные события, присутствующие в его персонажной сказке, о чем пойдет речь ниже. С другой стороны, сказочный антропоним «Томас» корреспондирует и с литературными предпочтениями Олив: «Наверное, у каждого писателя есть фразы-талисманы, воплощающие силу, внутреннюю природу писательства. Свой талисман Олив позаимствовала из баллады о верном Томасе» [1, с. 198].

Верный Томас (“True Thomas”) – герой знаменитой шотландской баллады, которого забирает к себе под гору эльфийская королева. Примечательно, что ключевым маркером к распознаванию аллюзии на вышеупомянутое фольклорное произведение является именно отдельная языковая единица текста сказочного зачина – антропоним «Верный Томас» – так однократно именуется королева светлых эльфов главного персонажа сказки «Том-под-землей» [1, с. 268]. В связи с этим в сказочном зачине обнаруживаются еще два ярких аллюзивных маркера, отсылающих к истории героя баллады. Автор прибегает к прямому указанию на источник этой аллюзии, предвывая появление сказочного фрагмента в романном тексте цитатой из

баллады и рефлексией о том, каким образом это многовековое произведение повлияло на создание «Тома-под-землей».

Так, в романном тексте указывается: «Она [Олив] и для сказок детей брала кое-что у других сказочников – ее собственный Томас-рифмач встречал королеву эльфов в юбке из шелка зеленой травы...» [1, с. 200]. Далее во вставном сказочном тексте появляется уже знакомая читателям заметная аллюзивная деталь – юбка цвета зеленой травы эльфийской королевы: «*юбка всадницы – из бархата, зеленого, как трава*» [1, с. 267].

Нельзя не отметить и еще один художественный образ, расширяющий диапазон интертекстуальных связей «Детской книги». Это – наряд Олив из плиссированного оливкового шелка, соотносимый с описанием королевы эльфов из баллады о Томасе, в который героиня романа облачается на празднике Летней ночи 1895 года, исполняя королевскую партию Титании в шекспировской пьесе «Сон в летнюю ночь» (“A Midsummer Night’s Dream”). Примечательным представляется и тот факт, что и в вечернем туалете Олив присутствует платье из шелка «зеленого, под цвет морской волны, с **травянисто-зеленой нижней юбкой**» (выделено нами. – *Е. М.*) [1, с. 90].

Данные детали являются текстовыми маркерами, аннотирующими наличие аллюзивных параллелей между сюжетной линией баллады и «Детской книги», а также интертекстуальный диалог образов – центральной героини романа и эльфийской королевы из старинной баллады: оба женских персонажа, занимая доминирующее положение, провоцируют дальнейшие действия героев, которые должны осуществить переход в иной мир. В балладе Томас безвозвратно отправляется в страну эльфов по настоянию эльфийской королевы; в романном сюжете Том совершает самоубийство, санкционированное публичным представлением его личной сказочной истории, которую Олив превратила в пьесу.

Важной в романном тексте представляется и цитата из баллады, которая появляется в начале «Детской книги», когда оговариваются литератур-

ные источники вдохновения Олив. Однако позже ее отзвук мы слышим в сказочном вставном тексте, что особенно очевидно при сопоставлении англоязычных текстовых фрагментов, представленных в таблице 1.

В данном случае своеобразными аллюзивными маячками являются лексические единицы, которые составляют цитатное словосочетание (“*neither sun nor moon*”), заимствованное Олив из баллады, а также синонимы (“*wade thro*” – “*walked on*”) и синтаксически преобразованные синонимические конструкции (“*For forty days and forty nights*” – “*what seemed to Thomas not hours, nor days, but weeks*” (выделено нами. – *Е. М.*); “*red blude to the knee*” – “*...the bloody tide <...> knee-deep...*”; “*But heard the roaring of the sea*” – “*a sullen water-roaring in his ears*”).

Примечательно, что образ шумящей воды, который появляется в сказочном зачине, играет роль еще одной «скрепы», связывающей балладу с основным романном текстом: Томас Уэллвуд в конце «Детской книги» перед тем как совершить самоубийство также слышит шум воды: “*...and the waters of the English Channel come whirling and whistling in, throwing up breakers, crowned with fine spray... <...> The water was noisy, the wind was noisy, the pebbles were noisy. Tom sat in the noise and stared at the waves...*” [5, с. 545] – «...и воды Ла-Манша налетают на берег со свистом, завихряясь, вскидывая фонтанчики в коронах из тонкой водяной пыли... <...> Вода шумит, ветер шумит, камни шумят. Том сидел в этом шуме и смотрел на волны...» [3, с. 725]. Заметим, что образ шумящей воды во всех трех сюжетах (баллада, романном тексте и вставная сказка) возникает перед тем, как главные герои (Верный Томас, принц Томас, Том Уэллвуд) покидают мир людей.

Выявленные аллюзивные маркеры представляют собой «верхушку» огромного «аллюзивного айсберга» сказочного зачина «Тома-под-землей», указывающую на наличие многочисленных семантических параллелей со старинной шотландской балладой. Непосредственное обращение к тек-

Таблица 1

**Цитата из баллады о Верном Томасе, инкорпорированная в “The Children’s Book”,
и текстовый фрагмент из “Tom Underground”**

Цитата из баллады	Текстовый фрагмент сказки
For forty days and forty nights He wade thro red blude to the knee, And he saw neither sun nor moon, But heard the roaring of the sea [4, с. 147]. (Сорок дней и сорок ночей // Он брел по колено в крови, // И он не видел ни солнца, ни луны, // А только слышал рев моря; перевод наш. – <i>Е. М.</i>)	<i>There were neither sun nor moon in that evenly slate-grey overarching roof. The horse stepped forward without hesitation into the bloody tide and walked on, lifting its proud feet delicately. And soon it was in knee-deep, and occasionally breast-deep. <...>. And they</i> [Thomas, The Elf Queen, the horse – <i>Е. М.</i>] <i>went on in this way for what seemed to Thomas not hours, nor days, but weeks, with a sullen water-roaring in his ears...</i> [5, с. 200]
	(В грифельно-серых, низко нависших небесах не было ни солнца, ни луны. Лошадь, не колеблясь, ступила в кровавый прибой и пошла вперед, изящно поднимая гордые ноги. Скоро кровь уже дошла ей до колена, а временами была и по грудь. <...> И так они продолжали свой путь, и Томасу казалось, что он длится уже не часы или дни, но недели, и лишь шум воды не переставая гремел в ушах... [1, с. 270])

**Цитаты из баллады А. Браун “Thomas Rymer”
и текстовые фрагменты из “Tom Underground”**

Цитаты из баллады	Текстовые фрагменты сказки
True Thomas lay oer yond grassy bank [4, с. 24]. (Верный Томас прилег вон там на травянистом берегу; здесь и далее перевод наш. – Е. М.)	<i>He sat on the turf...</i> [5, с. 197] (Он сидел на траве... [1, с. 266])
At ilka tett of her horse’s mane Hung fifty silver bells and nine [4, с. 24]. (На каждой прядке гривы ее коня // Висело пятьдесят девять серебряных колокольчиков.)	<i>The horse... had ivory-coloured hooves, and a proudly arched neck, with a flowing, heavy mane of fine hairs, into which were woven myriads of tiny silver bells, on crimson threads...</i> (выделено нами. – Е. М.) [5, с. 197]. (...Лошадь цвета сливок и серебра; копыта – цвета слоновой кости, шея гордо выгнута, а в тяжелую волнистую гриву вплетены мириады крохотных серебряных колокольчиков на алых нитях [1, с. 267].)
True Thomas he took off his hat, And bowed him low down till his knee (здесь и ниже выделено нами. – Е. М. [4, с. 25]) (Верный Томас – он снял свою шляпу // И низко поклонился)	<i>He stood up, and gave a little formal bow, which seemed the right thing, and stood shadowless next to the shadowless pair</i> [5, с. 198]. (Он встал и вежливо склонил голову – ему показалось, что это будет правильно, – и продолжал стоять, не отбрасывая тени, рядом с лошадей и всадницей, у которых тоже не было теней [1, с. 267].)
“I am but the queen of fair Elfland” [4, с. 25] («Это я, но я королева страны светлых эльфов»)	<i>“I am the Queen of Elfland, and we cast no shadows”</i> [5, с. 198]. («Я королева страны эльфов, мы не отбрасываем тени» [1, с. 268].)
She turned about her milk-white steed, And took True Thomas up behind, And aye whenever her bridle rang, The steed flew swifter than the wind [4, с. 25]. (Она развернула своего молочно-белого коня // И посадила Верного Томаса за собой, // И всякий раз, когда звенела уздечка, // Конь скакал быстрее ветра.)	<i>So he stretched up, and took her hand, which was cool and dry, and swung easily into the saddle behind her, and put his arms around her fine waist... <...> And the horse leaped out of the mound, and went like a wind...</i> [5, с. 198]. (И он потянулся кверху, взял руку, которая оказалась сухой и прохладной, легко вскочил в седло позади королевы эльфов, обхватил руками тонкий стан... <...> И лошадь оттолкнулась от холмика и полетела, как ветер... [1, с. 269])
Until they came to a garden green [4, с. 25]. (Пока они не добрались до зеленого сада.)	<i>And they rode away fast, across that kingdom, and into strange lands, and stopped for a while by the gate of an orchard</i> [5, с. 198]. (И они стремительно поскакали, пересекли королевство и вступили в незнакомые земли, и ненадолго остановились у ворот некоего сада [1, с. 269].)
‘...Some of that fruit let me pull to thee’ ‘O no, O no, True Thomas,’ she says, ‘That fruit maun not be touched by thee, For a’ the plagues that are in hell...’ [4, с. 25] («Немного тех плодов сорву я для тебя». // «О нет, о нет, Верный Томас», – говорит она, // «Ты не должен касаться этого плода, // Ибо все муки ада...»)	<i>The Elf Queen told Thomas he must not pluck the fruits, which hung invitingly on the boughs, because they looked fair, and were foul, and would poison him</i> [5, с. 199]. (Эльфийская королева сказала Томасу, что он не должен срывать эти плоды, призывно кивающие с ветвей, ибо они кажутся прекрасными, а на самом деле опасны и смертельно ядовиты для него [1, с. 269].)
‘But I have a loaf here in my lap, Likewise a bottle of claret wine, And now ere we go farther on, We’ll rest a while, and ye may dine’ [4, с. 25]. («Но здесь на коленях у меня есть хлеб, // А также фляга красного вина, // И прежде чем отправимся мы дальше в путь, // Мы отдохнем немного, и ты можешь поесть».)	<i>But she gave him a milky cake from a bag at the saddle-bow, and a flask of clear water to drink</i> [5, с. 199]. (Но она достала из седельной сумы и дала ему пирог, замешанный на молоке, и фляжку чистой воды для питья [1, с. 269].)

<p>'That is the road to fair Elfland, Whe[re] you and I this night maun gae' [4, с. 26].</p> <p>(«Вот путь в страну светлых эльфов, // Куда ты и я должны отправиться этой ночью».)</p>	<p><i>"And here we must part, for although I live under the hill, I cannot go with you underground, where you must now go. I will give you my satchel of food, and the water bottle which was filled at the spring in my orchard, where I hope in time you will come. The right way in—one of the ways in, for there are many—is through the central one of those three slits you see in the cliff-face. You must wind your way in and down, in and down to where the Dark Elf and the rat are waiting"</i> [5, с. 199].</p> <p>(«И здесь мы должны расстаться, ибо я, хоть и живу под холмом, не могу пойти с тобою под землю, куда ныне лежит твой путь. Я дам тебе свой мешок с едой и фляжку с водой из источника в моем саду, куда, я надеюсь, ты придешь в свое время. Нужный тебе путь – один из них, ибо их много – пролегал через среднюю из трех расселин, которые ты видишь на отвесной стене утеса. Ты должен идти все вглубь и вниз, вглубь и вниз, туда, где ждут королева темных эльфов и крыса» [1, с. 271].)</p>
--	---

сту баллады позволяет усмотреть дублирование ее сюжетной модели с рядом творчески преобразованных повествовательных и художественных деталей. Об этом свидетельствуют фрагменты сказочного зачина (представленные в таблице 2), коррелирующие с текстом баллады.

Небезынтересным оказывается и тот факт, что вставной сказочный зачин воспроизводит все основные сюжетные вехи баллады за исключением ее финала. Это объясняется тем, что баллада является цельным автономным произведением с завершенным сюжетом, в то время как вставной сказочный фрагмент предполагает дальнейшее развитие сюжетной линии: в основном романном тексте продолжение сказки «Том-под-землей» осуществляется с помощью редуцированных повествовательных вкраплений и небольших маркированных вставных текстовых фрагментов.

Заметим, что в них главный персонаж уже проименован укороченным антропонимом «Том», который соотносится с усеченной формой полного имени сына Олив, именно так именуемого на протяжении всей «Детской книги». Данное совпадение не случайно, так как с момента смены номинации сказочного персонажа личная история Тома Уэллвуда начинает активно преломляться в «зеркале» сказочного сюжета: сказочный Том отправляется на поиски своей тени, украденной крысой, в то время как сын Олив в романе активно апеллирует к своему второму «я» и пытается понять, кем же он является в этой жизни.

Таким образом, развернутая автором аллюзивная стратегия акцентирует внимание читателя на важных аспектах сюжетной и персонажно-образной системы романа, а также позволяет постичь непростые процессы межтекстового взаимодействия.

Примечания

¹ «Thomas Rymer» (также «Thomas Rymer and the Queen of Elfland», «Thomas the Rhymer») – старинная народная шотландская баллада, которая в XVII веке была впервые записана А. Гордон из Абердина, позднее известной под фамилией Браун, по просьбе друга ее семьи А. Фрейзера-Тайтлера. В конце XIX века благодаря профессору английской литературы из Гарварда Ф. Дж. Чайлда и его многотомному собранию «The English and Scottish Popular Ballads» (1882–1898) стало известно, что «Thomas Rymer», указанный под номером 37 в первом томе, имеет несколько версий. В романе «Детская книга» А.С. Байетт обращается именно к версии баллады А. Браун, опубликованной Ф. Дж. Чайлдом под номером 37А.

Также следует отметить, что в тексте перевода романа на русский язык главный герой баллады именуется «Верный Томас» и «Томас-рифмач», хотя в англоязычном тексте данный персонаж только носит имя «True Thomas» («Верный Томас»).

Библиографический список

1. *Байетт А. С.* Детская книга / пер. с англ. Т.П. Боровиковой. – М.: Эксмо, 2012. – 830 с.
2. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
3. *Толстых О.А.* Неовикторианский роман в английской литературе конца XX века. – Челябинск: Юж.-Урал. гос. ун-т, 2012. – 141 с.
4. *A Scottish Ballad Book / ed. By D. Buchan.* – London and New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2015. – 242 p.
5. *Byatt A.S.* The children's book: a novel. – New York: Alfred A. Knopf, 2009. – 675 p.

Цао Сюэмэй

Московский педагогический государственный университет
583468988@qq.com

Дефье Олег Викторович

доктор филологических наук, профессор
Московский педагогический государственный университет
defye56@mail.ru

ОБРАЗ И МОТИВЫ «КИТАЙСКОГО УМА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

Образ «китайского ума» возник в русской литературе раньше, чем образ самого Китая. Спорадически он появлялся в Средневековье, в XVII веке, затем в петровскую эпоху. Во второй половине XVIII века под влиянием «китайских увлечений» европейского Просвещения стал частым явлением в произведениях русских писателей екатерининской поры. Плоды «китайского ума»: «китайский вкус», стиль, искусство, архитектура, созерцательное миропонимание, конфуцианство активно усваиваются, поэтизируются и образуют особый дискурс в русской культурной и литературной жизни. «Китайская мудрость» занимает особое место в мотивном комплексе русской литературы. Философско-педагогическое учение и выразительность конфуцианского текста оказываются предметом творческой рефлексии, которая расширила границы философско-эстетического опыта русской литературы и способствовала ее развитию в XIX веке.

Ключевые слова: «китайский ум», Просвещение, мотив, мудрость, искусственность, красота, конфуцианство, русские писатели XVIII века, восприятие, опыт.

Образное освоение Китая в русской литературе имеет давнюю историю. Существует мнение, что оно началось еще в XII веке, в древнерусском литературном памятнике «Слове о полку Игореве». Например, известный китайист А.В. Лукин приводит точку зрения Л.Н. Гумилева о том, что «употребляющиеся в “Слове о полку Игореве” и “Задонщине” термины с корнем “хин” (“хинови”, “хинова”, “хинове”, “хиновская стрѣлки” (Ъ=ять) восходят к названию чжурчженской династии Цзинь, существовавшей в Северном Китае в 1115–1234 гг.» [7, с. 500]. Аналогичную точку зрения высказали исследователь русско-китайских отношений Н.А. Самойлов и писатель В.А. Чивилихин [11, с. 15]. И хотя эта позиция оспаривалась другими учеными (академики Б.А. Рыбаков, Д.С. Лихачев, востоковед Н.Ц. Мункуев), сам факт упоминания корневой основы, указывающей на китайское происхождение одного из воинств, с которыми сталкивались русские дружины, свидетельствует о внимании и возможных контактах русской литературы с китайскими источниками еще восемь веков назад.

Впоследствии русская литература спорадически обращалась к китайской тематике. Например, в «Хождении за три моря» (1472 г.) мы находим проявление коммерческого интереса, который проявил А. Никитин, упомянувший, что в Индии он слышал, будто существует такая страна «Китай», где будто бы можно купить дешевой фарфор [11, с. 17]. Торговые и политические связи наметились только в начале XVII века, когда в Китае побывало первое русское посольство во главе с казаком с И.Ф. Петлиным. «Роспись» Петлина стала известна как первое в России письменное свидетельство о Китае, содержащее обширные и ценные сведения об этой стране. Не случайно секретный отчет русского посланника очень скоро стал изве-

стен в Англии, а десятилетие спустя был опубликован и получил статус исторического документа [2].

Внимание к Китаю со стороны русской литературы значительно увеличилось только в XVIII веке, когда вместе с европейским Просвещением в Россию пришла и буквально вспыхнула мода на все «китайское». Особым спросом пользовались изящные предметы китайского искусства. Под влиянием европейской моды «китайская живопись, фарфор, ковры, шелк и веера стали считаться образцами утонченного вкуса, и некоторые дворяне собрали большие коллекции китайских предметов» [7, с. 75].

К середине века русская литература стала задумываться о культурном феномене Китая, ее притягивал загадочный «китайский ум», его способность к открытиям, к созданию уникальных произведений культуры и искусства. Но, быть может, самым важным событием для литературы было приобщение к конфуцианству, которое стараниями европейских просветителей стало в России одним из самых влиятельных учений.

Философия конфуцианства уделяла значительное внимание этико-политическим и моральным аспектам во взаимоотношениях между правителями и гражданами. Западные представители просветительства нашли в ней поддержку своим идеям об общественном устройстве и просвещенном абсолютизме, основанном на «союзе монархов и философов», на ограничении абсолютной власти «разумными началами». Эти идеи были привлекательными и для русской общественной мысли. Поэтому, приветствуя просвещенную монархию, русская литература активно вовлекала учение китайского мудреца в круг своего внимания и общественных интересов. Таким образом, мудрость Китая и все, в чем она присутствовала и выражалась, оказывались объектом притяжения и обдумывания.

Этот факт уже отмечался российскими учеными. «Представители российского Просвещения второй половины XVIII в., складывавшегося в значительной степени под влиянием западноевропейского Просвещения, ратуя за ликвидацию крепостничества и абсолютизма, также использовали в своих целях образ Китая» [11, с. 106].

А поскольку среди деятелей русского Просвещения было немало писателей, то указания на диковинный и «странный» «китайский ум» становились в русской литературе все более частыми и сопровождались уважительным и порой восхищенным тоном. Китайская культура, ее потенциал, знания, этика попадают в разряд высоких и образцовых ценностей. Примеры такого восприятия мы находим у А.Д. Кантемира («Об истинном блаженстве»), М.В. Ломоносова («Письмо о пользе стекла»), Екатерины II («Бабушкина азбука»), М.В. Сушковой («Письмо китайца к Татарскому Мурзе...»), Г.Р. Державина («Фелица», «Развалины», «Памятник Герою»), А.Н. Радищева («Песнь историческая») и др. В этих произведениях тема Китая только намечена. Она возникала в виде коротких указаний, упоминаний, сравнений и нередко выполняла только служебную функцию. Но даже в такой роли известные русским достижения китайского ума и искусства оцениваются как шедевры человеческой культуры и образцы для подражания. В качестве примеров, которым необходимо следовать, приводятся способности к ремеслам, искусность и красота китайских изделий и зодчества, конфуцианская мудрость. Высокая оценка китайской культуры дается в хвалебных эпитетах и определяется ее способностью выражать соответствие духовного и материального начал во всех видах человеческой деятельности, увлекать к благому образу мыслей и поведению. Мудрость, знания, искусность, красота – становятся устойчивыми и главными мотивными признаками, которые формируют представления русских о Китае и в течение полутора столетий оказываются основой русского мифа о «замысловатых хинах», об экзотической китайской цивилизации, чей творческий разум поражал воображение. В художественном сознании русской литературы представление о Китае концептуализируется в мифологический образ далекой и загадочной страны выдающихся свершений, ума и культуры.

Рассмотрим несколько примеров.

В сатире А.Д. Кантемира «О истинном блаженстве», написанной в 1738 году, «китайск ум»¹ употребляется (в числе просвещенных европейских стран) как один из источников великих достижений человечества в области культуры и искусства: «Искусство само твой дом создало пространный, / Где все, что Италия, Франция и странный / Китайск ум произвели, зрящих удивляет» [4, с. 149]. Интересно, что указывая на китайский источник,

Кантемир называет не Китай, а говорит о «странном китайском уме». Причина видится в том, что в середине XVIII века Китай как страна был известен в России мало и плохо, гораздо хуже, чем завозимые из Европы диковинные китайские товары, иметь которые считалось мерой престижа и достатка. «Станный китайский ум» стал известен в России существенно раньше, чем сам Китай. По всей видимости, этим обстоятельством объясняется использование эпитета «странный», которым определялся недоступный разумению культурный феномен и стоящий за ним китайский интеллект.

По мере распространения европейского культурного и научного влияния в России внимание к уникальным свойствам китайского ума продолжало усиливаться. Мотив восхищения перед китайским гением мы находим в «научно-популярном» стихотворении М.В. Ломоносова «Письмо о пользе стекла» (1752), в котором великий русский ученый «поет... в восторге похвалу / Не камням дорогим, ни злату, но Стеклу» [6, с. 234], воздается должное искусности «замысловатых хинов», прославивших себя умением «огромность тяжкую плода лишенных гор», «художеством своим» преобразить «в Фарфор» [6, с. 236]. С начала II тысячелетия новой эры молва о гончарном искусстве китайцев выходит далеко за пределы самого Китая. Китайский фарфор становится одним из самых желанных и дорогих произведений гончарного искусства. Китайцы, по мнению М.В. Ломоносова, «Красой его к себе народы привлекают, / Что, плавая, морей свирепость презирают» [6, с. 236]. Подобно Кантемиру, М.В. Ломоносов включает творческие способности «замысловатых хинов» в контекст лучших достижений европейской культурной мысли, которая в его стихотворении представлена богами, героями и мыслителями Античности, а также учеными умами Средневековья.

«Китайский ум» и его плоды становятся наиболее популярными в эпоху царствования Екатерины II, впитавшей в себя, в силу происхождения и образования, восточные пристрастия просвещенных европейских монархий. Помимо многочисленных китайских построек, которые благодаря ей в изобилии выросли в Ораниенбауме и Царском Селе, русская царица увлеченно изучала восточную культуру и, в частности, те прогрессивные формы правления и воспитания подданных, которые европейцы почерпнули в учении Конфуция. Китайская мудрость нашла свое отражение в педагогическом опыте «Бабушкиной азбуки», которую Екатерина написала в назидание своим внукам. Среди «китайских» текстов «Азбуки» выделяются «Китайские мысли о совести», «Сказка о Царевиче Февее», которые, как мы предполагаем, наделены афористическим и мотивным сходством с философски поучительными изречениями и притчами Конфуция. В афоризмах и аллегориях Екатерины

содержатся близкие конфуцианским емкие аксиоматические «мысли» «о том, как возвысить добродетель и обнаружить заблуждения» [5], указания на ценности и правила, которыми должно руководствоваться в воспитании детей. В «Сказку о Царевиче Февее» заключена притча о зачатии, рождении и воспитании сына «сибирского» правителя из рода «Китайских Уанов». В ней содержится совокупность конфуцианских мотивов (отношение правителя к подданным и подданных к правителю, к людям, к себе, распознавание доброго и дурного, моральность или внеморальность практического поведения и поступков) об условиях формирования и подлежащих воспитанию свойствах личности, для которой добродетель является главной целью существования.

Помимо собственно познавательной и воспитательной роли древняя мудрость Конфуция нужна была русской императрице и в политических целях. Ее дипломатические отношения с царствующей в Китае династией Цин складывались не лучшим образом: властелинам обширных империй было трудно найти общий язык. Екатерине, к тому же, были небезразличны колониальные амбиции европейских королевских дворов. Однако восторженная увлеченность культурными достоинствами Китая, которую она знала по прежней немецкой жизни и позже, находясь в живой переписке с деятелями Просвещения, видела в письмах Вольтера, имели для нее решающее политическое значение. Именно при Екатерине начинается расцвет и идеализация «всего китайского». Ей необходимо было создать образ государственного правления, в котором она, государыня, предстала бы просвещенным, добропорядочным и любящим свой народ монархом, подлинной «матушкой-императрицей».

Естественно, что русские писатели, подданные Екатерины II, не могли не отозваться на ее стремление походить на идеального конфуцианского правителя. Его черты нетрудно угадать в портрете царицы, которую Г.Р. Державин воспел в оде «Фелица» (1772 г.): «Вещай, премудрая Фелица! / Где отличен от честных плут? / Где старость по миру не бродит? / Заслуга хлеб себе находит? / Где месть не гонит никого? / Где совесть с правдой обитают? / Где добродетели сияют? / У трона разве твоего!» [3, т. 1, с. 148]

В 1791 году Державин вновь прославил «венценосну добродетель» Екатерины в стихотворении «Видение Мурзы», на которое «покорная служница» поэтесса М.В. Сушкова ответила шутивным «Письмом китайца к Татарскому Мурзе...», где «раскрыла» общую догадку: «В Пекине, о Мурза, стихи твои читаем, / И истину любя, согласно говорим: / На троне Северном Конфуция мы зрим» [9, с. 225].

Возможно, именно в этом «Письме» зародился в русской литературе жанр «китайского анекдота»,

в котором от лица далекого анонимного «китайца» высмеивались русские нравы.

Г.Р. Державин в стихотворении «Развалины» (1897) вспоминает китайский уголок Царского Села, где многие постройки были выполнены в «китайском вкусе»: «Здесь, был театр, а тут – качели, / Тут – азиатских домик нег...» [3, т. 2, с. 96–97]. Нетрудно увидеть, что к концу XVIII века китайский стиль вошел в русскую культуру не только в виде предметов фарфоровой роскоши, украшений и иных предметов культурного обихода. Построенный в Царском Селе китайский архитектурный ансамбль может свидетельствовать, что «китайский вкус» был продиктован не только соображениями европейской моды. На наш взгляд, он мог отвечать не только европейским чувствованием императрицы, но и растущим философско-эстетическим запросам образованной русской знати. «Театр», «качели», «домик нег», композиционно связанные в единое ландшафтное пространство, должны были соответствовать более высоким эстетическим ожиданиям, чем примитивному удовлетворению от обладания дорогой и изысканной утварью. Называя китайскую беседку «домиком нег», Державин, по всей видимости, имел в виду место не только для романтических встреч, но и для иных душевных наслаждений. С интересом к китайской культуре в Россию пришло увлечение экзотической по тем временам философией уединенного созерцания. Возникло стремление испытать и освоить новые формы эстетических переживаний, «встречное движение» к тому, чтобы *по-иному* почувствовать свою встроенность в окружающий мир и мировую культуру, почерпнуть материал для творчества. Русское культурное сознание приобретало новые знания, расширялось, разнообразило свои представления о природной и художественной гармонии, творчестве, искусстве. Для будущей русской литературы это имело огромное значение. «Не в “безмолвии” ли этих садов, “весной, при кликах лебединых” явилась муза Пушкину-юноше?.. Не по этим ли садам ходил он с книжкою Вольтера в руках?», – писал М.П. Алексеев, ссылаясь на И. Анненского, еще раньше предположившего, что «китайские» сады Царского Села могли быть источником пушкинского вдохновения [1]. М.П. Алексеев не без основания предположил, что и образ «соловья китайского», который возник у Пушкина в «Руслане и Людмиле», был навеян поэтической атмосферой «китайщины» Царского Села [1]. Можно сделать вывод, что не только китайская мудрость, но и китайская муза стала полноправной «обитательницей» царсосельских китайских построек. Но она заявила о себе не только там, но еще раньше в поэзии пушкинского «экзаматора» Г.Р. Державина.

В первых строфах его стихотворения «памятник герою» (1791) мы находим восторженный

гимн «Кунгдзю Музе», где перечисляются достоинства конфуцианской морали, в изложении которой Державину видятся элементы поэзии. Поэту близки правдивость, неугодлиность, строгая рассудительность и добродетельность произведений Конфуция, оценивающего достоинства человека по душевным, а не суетным ценностям.

Державин создает необычный образ Конфуция. Он изображает его со старинным китайским музыкальным инструментом «кином», который, как нам представляется, должен был дополнить вдохновенный портрет «строгого» певца истины: «Всегда разборчива, правдива, / Нигде и никому не льстива, / О! строгого Кунгдзю Муза, / Которая его вдыхала / Играть на нежном, звонком кине / И трогать поученьем сердце!» [3, т. 1, с. 428–431] Известно, что Конфуций умел и любил играть на музыкальных инструментах [13, с. 128, 138]. Державин, очевидно, знал о его музыкальных увлечениях и способностях. И, судя по характеристике, которую он дает звучанию кина, слышал сам или был осведомлен о диапазоне и музыкальных свойствах этого инструмента. Читая Конфуция, русский поэт обратил внимание на его взыскательность к слову, умение выражать свою мысль четко, ясно и проникновенно. Державин почувствовал в «поученьи» Конфуция вдохновляющую чистосердечную правдивость, аналогию которой услышал в «нежных» и «звонких» звуках кина.

«Муза» Конфуция призывается русским стихотворцем, чтобы помочь ему «зреть» «текущи годы, обратность вечную природы» [3, т. 1, с. 432] и возвестить о нетленности избранного им героя. Очевидно, что Конфуций-поэт и мыслитель предстает у Державина как нравственный авторитет и пример для поэтического подражания. Нетрудно также убедиться, что развиваемые Державиным свойства философской и художественной одаренности «китайского ума» продолжают, как и у предшественников, оставаться главными слагаемыми мифа о «мудром» и «просвещенном» Китае.

Свою лепту в формирование этого мифа внес современник Державина А.Н. Радищев. В начале неоконченной «Песни исторической» (1795–1796), он обращается к философскому созерцанию мировой истории («Время быстро, ты исчезни; / Книга вечности разверзлась, / Я не в будущем читаю... / Но я время зрю протекше» [10, с. 74]). Но, в отличие от Державина, чьи воспоминания имели либо элегическую («Развалины»), либо одическую («Памятник герою») мотивацию, настроение Радищева носило вовсе не лирический характер. В человеческой истории он видел всеисильную и трагическую власть порока, преодолеть который способны немногие «мужи ума и духа». Среди перечисляемых Радищевым исторических стран и «неведомых народов» есть и «древни Хины», которые, по его мнению, подобно другим «шествуют, покрыты

мглою неизвестности». Это эпическое «шествие» «во среде столетий мрака» только периодически освещается «славой мудрых», «сверкающей», подобно «молнии» «в туче». В этой всечеловеческой трагедии Радищев среди «мудрых» учителей видит «мужа дивного» Конфуция: «Твое слово лучезарно / В среде страшной бури, браней, / На развалинах отчизны / Воссыдало всегда в блеске, / И чрез целые столетья / Во парении высоком / Возносило и летало» [10, с. 76–77].

Для русского писателя-«вольнодумца», который, несмотря на свою трагическую участь, до конца дней оставался верен идеалам справедливого общественного устройства, «слово» Конфуция «и чрез целые столетья» воспринималось образцовым сочетанием государственной мудрости, таланта и словесного искусства. Нам представляется, что русские писатели восторгались не только умом Конфуция, но и уникальной выразительностью его языка. Будучи далекими от китайских подлинников и пользуясь только переводами сочинений Конфуция, они поэтическим чутьем сумели оценить мастерство его стиля.

На наш взгляд, поэтический гимн «слову» Конфуция, который мы находим у Державина и Радищева, убедительно свидетельствует о силе и значении влияния китайского мудреца на умонастроения русских писателей конца XVIII века. Неподдельные чувства восторженного удивления и почтения, с которыми русское художественное сознание этого периода выразило свое отношение к творческим достижениям «китайского ума», свидетельствовали о непосредственности восприятия и способности органично усваивать новые культурные феномены не только в европейской транскрипции. Это был новый философский и эстетический опыт, который был освоен русской литературой и передан следующим поколениям писателей. Если вспомнить о сосредоточенном внимании, с которым всматривался в Китай А.С. Пушкин³, о его точно «схваченном» понимании конфуцианской педагогики в выражении «учтивый китаец», а также о глубоком интересе к системам Конфуция и Лао Цзы у Л.Н. Толстого, то можно сделать вывод, что «китайский ум» стал частым спутником нравственно-философских исканий русской литературы XIX века.

Благодаря акцентуемым достоинствам «китайского ума», Китай в произведениях писателей XVIII века объективно предстал просвещенной страной и рассматривался в контексте Просвещения. В русской литературе XIX века восприятие «китайского ума», Китая и китайцев претерпевало изменения и нередко выражалось в негативных коннотациях. В новом столетии отмеченные литературой XVIII века искусственность, созерцательность, мудрость, гармоничность и безмятежность в своей образной целостности не всегда совпадали

с порывистыми и динамичными устремлениями русской мысли. Когда абсолютная монархия в русском обществе смягчалась какими-либо новыми прогрессивными идеями, китайский образ мысли начинал казаться консервативным, отсталым и «недвижным», а во второй половине XIX века – «неисправимым» [12], «мертвенно материалистическим» [8] и опасным.

Примечания

¹ Усеченную форму прилагательного «китайский» можно, по нашему мнению, считать окказионализмом, созданным для выразительности поэтической речи. Прием, неоднократно используемый А. Кантемиром и присущий его идиостилю.

² Согласно комментарию Я. Грота, в Царском Селе «в 1778 был построен театр, или оперный дом; как он, так и многие другие постройки около него – «в китайском вкусе». См. примечания к стихотворению «Развалины» [3, т. 2, с. 96].

³ На наш взгляд, эта мысль является одной из главных в статье М.П. Алексеева «Пушкин и Китай».

Библиографический список

1. *Алексеев М.П.* Пушкин и Китай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docplayer.ru/29138074-M-ya-alekseev-pushkin-i-kitay.html> (дата обращения: 06.07.2017).

2. *Демидова Н.Ф., Мясников В.С.* Архив миссии Петлина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1620-1640/Petlin/pred2.htm> (дата обращения: 27.04.2017).

3. *Державин Г.Р.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. –

СПб.: Типография Императорской академии наук, 1864–1883.

4. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1956. – 545 с.

5. Конфуций. Добродетель и заблуждение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pritchi.ru/id_6491 (дата обращения: 03.07.2017).

6. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1986. – 496 с.

7. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 608 с.

8. *Мережковский Д.С.* Желтолицы позитивисты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/merejkovskiy/merejkovskiy_jeltolicie_pozitivisty.html (дата обращения: 05.07.2017).

9. *Проскура В.Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.

10. *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938–1952. – 503 с.

11. *Самойлов Н.А.* От баланса к колониализму. Российско-китайские отношения от их зарождения до 1917 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / гл. ред. А.В. Лукин. – М.: Весь Мир, 2013. – С. 15–118.

12. *Соловьев В.С.* Китай и Европа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rodon.org/svs/kie.htm> (дата обращения: 05.07.2017).

13. *Сьма Цянь.* Исторические записки: (Ши цзи): в 9 т. – М.: Наука, 1972–2010. – Т. 6. – 483 с.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ГРАММАТИКА КАК КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А.С. ПУШКИНА

В статье делается попытка обоснования влияния латинского языка, его грамматической структуры и античной фразеологии на языковую репрезентацию личности А.С. Пушкина. Анализ стихотворений разных лет и текста романа в стихах «Евгений Онегин» позволяет выявить следующие формы аллюзивно-интертекстуального бытования латыни в поэтическом пространстве А.С. Пушкина: прямое цитирование афоризмов и устойчивых языковых оборотов на латыни, своеобразное калькирование – точный либо относительно вольный их перевод, а также создание уникальных художественных образов с использованием устойчивых грамматических формул латыни. Выявление «античного компонента» в структуре языковой личности А.С. Пушкина позволяет лингвистически обосновать «художественный интернационализм» (Н.Н. Скатов), или «вселенскую отзывчивость» (Ф.М. Достоевский) мироощущения и творчества русского гения.

Ключевые слова: Пушкин, языковая личность, латынь, грамматика, античная фразеология, цитата, калькирование.

«До сих пор всякий, желающий говорить о Пушкине, должен, нам кажется, начать с извинения перед читателями, что он берется в том или другом отношении измерять эту неисчерпаемую глубину» [8, с. 142], – так Н.Н. Страхов словно обозначил этический кодекс исследователя, рискующего проводить собственные наблюдения и делать самостоятельные выводы касательно творчества, а значит, личности русского национального поэта. Цитированием этого же принципа начинает рассуждения о жизни и творчестве *русского гения* Н.Н. Скатов [7, с. 3]. Тем более это замечание существенно для современного ученого при попытке исследования такой формы репрезентации личности, которая ранее не привлекала внимание филологов.

Так, классическое образования Александра Сергеевича Пушкина – общее место его биографии, гуманитарно-общественная направленность дисциплин и принципов обучения в Лицее – общеизвестные факты, латинский язык как предмет публичного испытания «воспитанников первого приема по случаю перевода их из младшего в старший возраст» [6] – частный эпизод отрочества будущего светоча национальной культуры, поскольку, изучая в Лицее произведения Овидия, Горация, Цицерона, Апулея, Сенеки, Ювенала, Вергилия, Тибулла, Катулла, Пушкин «приобщался к антологической поэзии, учился экономии поэтических средств при глубине поэтического содержания» [5]. При этом самым важным оказывается то, что «в Лицее античность... не была только “классом”, уроком и заданием, она входила в обиход, принятую и повседневную систему образов и связанного с ними мышления, оказывалась необходимым элементом и частью личности» [7, с. 56].

Так и в произведениях А.С. Пушкина античная культура и латинский язык (во всем объеме его семантики и грамматики) проявляются разными гранями. Внешние отношения Пушкина с латинским языком и латинской культурой состоят в прямой

эксплуатации мифологических образов, в пересказе историко-героических анекдотов, в цитировании философов и в употреблении расхожих фразем, в имитации и стилизации [2; 4; 5 и др.].

«Латынь из моды вышла ныне...» – с легкой небрежностью и достаточной долей иронии по отношению к образованию Евгения Онегина (да и к своему, поскольку *Мы все учились понемногу*) произносит повествователь, отмечая, что владение классическим языком светским франтом ограничивалось тем, чтоб «эпиграфы разбирать, потолковать о Ювенале, в конце письма поставить vale». И словно в подтверждение сказанного далее по тексту появляются соответствующие «маркеры»:

– эпиграф ко второй главе: *O rus!* (Нор.), который многократно комментировался исследователями [2; 4 и др.];

– замечание Онегина об Ольге – брошенное вскользь: *Предмет и мыслей, и пера, И слез, и рифм et setera?..* в начале третьей главы;

– *Sed alia tempora!* (*Но времена иные!*) в шестой главе – в рассуждениях автора о Зарецком.

И кажется, что латынь и, как следствие, латинская грамматика мало влияют на язык и стиль Пушкина. Поверхностные наблюдения позволяют заметить, что цитаты и словесные «вкрапления» на французском (что естественно для языковой среды начала XIX века), а также на итальянском и на английском языках представлены значительно шире в тексте романа. Даже В.В. Виноградов отмечает, что Пушкин «произвел новый оригинальный синтез тех разных социально-языковых стихий, из которых исторически складывается система русской литературной речи. Это были: 1) церковнославянизмы...; 2) европеизмы (преимущественно во французском обличье) и 3) элементы живой русской национально-бытовой речи...» [3], при этом не обнаруживая подлинного масштаба влияния латыни на фактуру романа. Хотя именно В.В. Виноградову принадлежит наблюдение, позволяющее

истолковать природу латинского влияния на язык и стиль поэта: «Национализируя западноевропейские формы выражения, темы, сюжеты, обогащая русский литературный язык новыми понятиями, созданными европейской культурой, Пушкин нередко чертит новые стилистические узоры по старой канве» [3]. И это оказывается более чем верно в отношении латинских реалий, включенных в пушкинский текст и получивших специфическое образное воплощение.

Так, спектр традиционных, почти расхожих для языка образованного дворянства начала XIX века выражений (о чем говорилось выше) расширяется при прямом переводе и использовании их в качестве вводных, попутных замечаний, касающихся способа выражения мыслей или отражающих модальные авторские оценки передаваемого факта:

Хоть он людей, конечно, знал,
И вообще их презирал, –
Но (*правил нет без исключений*)
Иных он очень отличал
И вчуже чувство уважал.

Сказанное в скобках – часть латинского выражения: *Nulla regula sine exceptione, sed exception non imperdit regulam* (*Нет правил без исключений, но исключение правилу не мешает*). При этом приведенное не полностью, выражение обретает самостоятельный смысл, акцентирующий именно значимость исключений, а не неизбежность правил, что формирует семантику индивидуальности, отдаляющую все выражение от системно-регулирующих тенденций римского общественного устройства.

Далее читаем, казалось бы, абсолютно бытовое рассуждение:

Руссо (*замечу мимоходом*)
Не мог понять, как важный Грим
Смел ногти чистить перед ним...

Нельзя не заметить, что замечание в скобках – сказанное по-русски и частотное для латинских текстов в жанре дружеского послания *Currente calamo* («беглым пером», *наскоро, наспех*). Аналогична языковая трансформация выражения *Verbis indisciplinatis* (*обычным, простым языком*) в преамбуле поэмы «Граф Нулин»:

В последних числах сентября
(*Презренной прозой говоря*)
В деревне скучно...

Существует и другая грань бытования античной культуры и латинского языка в творческом (а, следовательно, мыслительном, внутреннем) пространстве А.С. Пушкина: латынь как «элемент личности» (возвращаясь к характеристике Н.Н. Скатова).

И если принять тот факт, что «муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов... приняла их в себя как свое законное достояние и возвратила их миру в новом, преображенном виде» [1, с. 256], то ту же «формулу» можно применить и к латыни. Органичное

бытование латинских афоризмов в сознании Пушкина позволяло ему довольно своеобразно переводить их, включая в ткань повествования. При этом аспект калькирования, цитации нивелируется полностью, происходит рождение нового афоризма, который носит печать уникальности русского гения.

Проследим трансформацию некоторых латинских крылатых выражений:

Vivere est cogitare (*Жить – значит мыслить*) – довольно строгая и консервативная грамматическая формула «infinitive – infinitive», которая часто используется в качестве основы афоризмов в классических текстах, однако у Пушкина она получает принципиально новое, личностно ориентированное и эмоционально насыщенное звучание:

Кто жил и мыслил, то не может
В душе не презирать людей...

Во-первых, в данном случае форма инфинитива заменяется личным глаголом в форме прошедшего времени, которая обозначает уже имеющийся у обозначаемого лица опыт, при этом *жить* и *мыслить* становятся однородными членами, то есть обозначают два разных состояния, не равных друг другу. Для лирического героя оказывается принципиальным подход, при котором человек не просто проживает отведенный срок пребывания на земле, но и мыслит – то есть, исходя из контекста, критически оценивает действительность. Во-вторых, в сочетании с относительным местоимением «кто», выражающим обобщенное значение, данное выражение своеобразно указывает на каждого, любого человека, способного к рациональному восприятию действительности. В-третьих, с помощью условно-следственной конструкции сложноподчиненного предложения обозначается прямая зависимость того, что человек, критически осмысляющий условия реальности, не может не замечать негативных качеств простого смертного (что подчеркивается использованием экспрессивного глагола *презирать*).

Таким образом, абстрактно-отстраненный латинский принцип *Vivere est cogitare* приобретает в «пушкинской огласовке» социально-нравственное звучание, где соотношение личности, индивидуальности, наделенной уникальными способностями (*мыслить*, например) с обществом «людей», то есть обывателей, приобретает оттенок конфликта. А мотив противостояния личности и толпы, поэта и толпы – один из самых значимых для русской классической литературы.

Usus tyranus (*Обычай – деспот*) – в такой формулировке слышится литая неизбежность римских устоев, нерушимость традиций и принятых правил, что является надежным постулатом государственности и верности общественным идеалам. Однако Пушкин, сохраняя полностью внешний облик афоризма, преобразует его подтекстовую сущность, используя его при обсуждении проблематики бытового, социально-этического типа:

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай – деспот меж людей...

Способность Пушкинского поэтического гения «очеловечить» древнюю латынь, приблизить ее к гуманистическому идеалу первой четверти XIX века проявляется и в преображении философского обобщения *Omnia vincit amor, et nos cedamus amori* (Все побеждает любовь, и мы покоряемся ей):

Любви все возрасты покорны...

Данная лирическая сентенция, эмоционально трогательная, возвышенная и одновременно близкая каждому человеку, становится абсолютно русской мыслью, вдохновившей другого великого деятеля русской культуры на одну из самых пронзительных арий в мировой музыкальной культуре.

Другие высказывания, не проявляясь в своем естественном обличье в тексте романа, становились своего рода поводом для рефлексии автора. Концентрированное по смысловому наполнению выражение *Inter pares amicitia* (дружба между равными), которое может быть истолковано и прокомментировано по-разному, получает в осмыслении автора-героя следующую репрезентацию:

Но дружбы той и нет меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами – себя.

А дальнейшее развитие этой мысли:

Мы все глядим в Наполеоны
Двуногих тварей миллионы –
Для нас орудие одно... –

стало, как известно, основой для целостной философской концепции другого значимого персонажа русской классической литературы, на четверть века позже испытывавшего духовные терзания самоопределения и осмысления логики бытия человечества и существования общества (см. роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»). На наш взгляд, это подтверждает неизбывную концептуальную связь значимых координат культуры.

Естественность бытования латинского языка в сознании А.С. Пушкина, подкрепленная идейно-нравственной проблематикой, пафосом просветительства и общественного развития (что было нерушимо связано в сознании лицеистов с античностью), приводит к тому, что сам грамматический строй латинского языка воспринимается поэтом как определенный стилистический прием, позволяющий создавать образы определенной эмоциональной и стилистической окрашенности.

Пушкин не только своеобразно переводил фразеологизмы, если можно так выразиться, калькировал латинские выражения, которые могли обосновать какой-либо незыблемый постулат, но и использовал определенные лексико-грамматические конструкции для создания собственных образов. Так, например, латинское выражение *Amicus*

humani generis (друг рода человеческого) встречается в виде калькированного выражения в стихотворении «Деревня», которое датируется 1819 годом:

Среди цветущих нив и гор

Друг человечества невольно замечает
Везде Невежества убийственный Позор.

Образ гуманного человека, наделенного чувствительностью и состраданием, строится по аналогии с латинским словосочетанием и представляет из себя сочетание номинатива и непрямого определения, выраженного именем существительным. Данная грамматическая конструкция стилистически, несомненно, обладает определенной книжностью, придает представляемому образу обобщенно-пафосный характер, отражает экспрессию восприятия обозначаемого предмета/лица говорящим. Именно подобные возможности данной конструкции в сочетании с семантической коннотацией, присущей латинскому первоисточнику (*Amicus humani generis*), определяют устойчивость данной семантико-грамматической конструкции в системе языковых образов Пушкина:

... Там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,...

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.

(«Евгений Онегин»)

Для образованного человека XIX века использование латинских афоризмов в речи было настолько естественным, что они фиксировались в сознании личности в качестве своеобразных языковых ресурсов и не оценивались говорящим как чужеродные вкрапления. Следовательно, их грамматическая сущность (формульная основа) автоматически включалась в спектр имеющихся грамматических образцов. В результате такого «врастания» латинских конструкций в грамматическую систему языковой личности говорящий в какой-то момент начинал строить фразы с использованием русской лексики на основе латинских структур (как видно из приведенных примеров эксплуатации *Amicus humani generis*).

При этом порой рождались неожиданные, даже провокационные вариации, хотя их истинная ценность заключается именно в том, что первоисточник (грамматический прародитель) может быть в принципе уже не опознаваем в очертаниях нового образа. Так, распространенной формулой эпистолярных латинских текстов, по своей жанровой природе близких поэтическому посланию, является следующая – «*sine + subst., sing., gen.*» (предлог *без* + существительное в форме единственного числа, родительного падежа): *Sine anno* (без года / без обозначения года / без времени), *Sine loco* (без места / без обозначения места), *Sine linea*

(без строчки, без стиха), *Sine prece, sine pretio, sine proculo* (без просьбы, без подкупа, без попойки), *Sine ira et studio* (без гнева и пристрастия). Данные выражения использовались в латинских текстах юридического характера, при этом они не только обладали книжной окраской, но и содержали определенную долю пафоса, что определялось отношением к законотворческой деятельности и делопроизводству в римском обществе. Совершенно иначе возвышенная интонация данной грамматической конструкции реализуется в пушкинском поэтическом пространстве:

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

В данном случае допустимо говорить о таком художественном приеме, который в русской литературе используется достаточно регулярно, в том числе и при эксплуатации античных образов – «сопряжение слов и выражений из различных стилистических слоев» [9, с. 126]. Однако в случае приложения обозначенного принципа к анализу поэтических произведений Пушкина более правомерно говорить о своеобразном сопряжении грамматических форм, характеризующих различные стилистические слои: в приведенном примере это трансформация юридических формул в высокопоэтический, книжный образ.

Таким образом, мы считаем возможным констатировать на основе наблюдений внутреннюю связь грамматики, характеризующей языковую личность А.С. Пушкина, с формулами классической латыни.

Это является дополнительным фактором «художественного интернационализма», «универсального всечеловеческого начала» (Н.Н. Скатов), или «вселенной отзывчивости» (Ф.М. Достоевский) мировосприятия и, следовательно, языкового отражения личности А.С. Пушкина.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 7. – М., 1955.
2. *Бродский Н.Л.* Евгений Онегин. Роман А.С. Пушкина: пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1964.
3. *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. – М., 1941 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru> (дата обращения: 14.04.2017 г.).
4. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1980. – 416 с.
5. *Николаева Н.Г.* *Rex Latina Puschkiniesis* [Электронный ресурс] // А.С. Пушкин и взаимодействие национальных культур и языков. – Режим доступа: <http://old.kpfu.ru> (дата обращения: 24.06.2017 г.).
6. *Руденская М.П., Руденская С.Д.* Пушкинский лицей: очерк-путеводитель. – Л.: Лениздат, 1980. – 240 с.
7. *Скатов Н.Н.* Русский гений. – М.: Современник, 1987. – 352 с.
8. *Страхов Н.Н.* Литературная критика. – М., 1984.
9. *Федотова А.А.* Античные цитаты в повести Н.С. Лескова «Заячий ремиз» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 2. – С. 125–128.

Тихомиров Владимир Васильевич
 доктор филологических наук, профессор
 Костромской государственной университет
 vtihom@mail.ru

НАУЧНАЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПЬЕСЫ-СКАЗКИ А.Н. ОСТРОВСКОГО «СНЕГУРОЧКА» В XX И НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ*

Настоящая статья является продолжением предыдущей: «“Снегурочка” А.Н. Островского: проблемы оценки и интерпретации (1873–1900)», опубликованной в «Вестнике Костромского государственного университета»¹. На рубеже XIX–XX веков началось научное изучение пьесы-сказки, главным образом её мифологических истоков, соотношения сказочного и реально-бытового начал, особенностей поэтики. Литературоведческий анализ сочетался с музыковедческим, философско-эстетическим, социальным, поскольку образ Снегурочки трансформировался в разных направлениях: появляются киноверсии пьесы-сказки, балетные спектакли, разные варианты драматических постановок – вплоть до кукольных. Наконец, героиня пьесы становится сказочным новогодним персонажем и своего рода туристическим брендом, фигурирует в социально-бытовой сфере. В этом отношении «Снегурочка» является уникальным произведением не только в творчестве А.Н. Островского, но и во всей русской литературе.

Ключевые слова: трансформация художественных образов «Снегурочки» в разных сферах искусства, перекодировка её образов в социально-бытовом плане.

На рубеже XIX–XX веков начинается научное изучение «Снегурочки». Одним из первых о пьесе-сказке в этом плане высказался О.Ф. Миллер в цикле лекций «Русские писатели после Гоголя»². Будучи по своим научным интересам прежде всего фольклористом, Миллер обращает внимание преимущественно на мифологические истоки «народного сказочного мира» в «Снегурочке», особенно на близость к народной песне, к «чисто народному размеру» стиха, который чередуется «с обычным в драме пятистопным ямбом». Пьеса «исполнена чарующей красоты, но лишена того внутреннего тепла, которым только и придаётся красоте *жизнь*» [12, с. 330; курсив автора. – В. Т.]. Оценка «Снегурочки» Миллером в целом близка позитивистской критике, которая руководствовалась принципами элементарного правдоподобия. Исследователю представляется странным, что Мизгирь «увлекается именно неподатливостью Снегурочки, желанием во что бы то ни стало одержать над нею так трудно дающуюся победу» [12, с. 331], и то, что «Солнце совершает над Снегурочкою свой суд как раз в ту пору, когда, наделённая, наконец, внутреннею теплотою, она перестала бы производить на всех то действие», которое приводит к «сердечной остуде» [12, с. 332]. Во всей пьесе Миллер находит «неясный и не выдержанный» «символизм», поэтому «на читателя она не производит... цельного и полного впечатления». В «Снегурочке» Островский, по мнению учёного, «по-видимому, не в своей области» [12, с. 332].

В 1900 году появился биографический очерк А.Н. Островского, написанный И.И. Ивановым³. Наибольшее внимание автор очерка уделил художественной стороне «Снегурочки», её связи с народным творчеством, мастерству стихосложения. Подчёркивается «едва уловимый юмор», «яркость психологии», национальный колорит пьесы.

По мнению Иванова, «сказка создана для музыки и, как исключительно драматическое представление, она сравнительно бедна, потому что слишком тонка и воздушна – для простой сценической декламации, недостаточно материальна для актёрской игры». Иванов делает вывод: «По “Снегурочке” можно судить, с каким успехом Островский мог бы выполнить свой предсмертный план – вытеснить балет сказками и драмами-феериями» [8, с. 90].

Ни у Миллера, ни у Иванова в силу особенности их работ нет сколько-нибудь подробного научного анализа пьесы-сказки, а у Иванова характеристика пьесы ещё и отличается субъективно-импрессионистическим характером.

В первом десятилетии XX века, кроме разного рода рецензий на драматические и музыкальные спектакли по «Снегурочке», периодически появлялись и сугубо литературоведческие работы о пьесе-сказке. В 1905 году в очередном выпуске «Русского биографического словаря» (издание Русского исторического общества) появилась статья Б.В. Варнеке об Островском, впоследствии вошедшая в его «Историю русского театра». В «Снегурочке» учёный подчёркивает способность драматурга «выйти из рамок реальной действительности и перенестись в мир фантастического творчества», свойственный пьесе-сказке «мягкий, тёплый лиризм», язык, «живо переносящий слушателя в атмосферу народных песен и пословиц». В то же время Варнеке признаёт, что пьеса появилась в эпоху, «менее всего способную оценить такую поэтическую сказку» – и в критике, и в театре, и только в обновлённом русском театре «Снегурочка» «нашла тот крупный успех, который заслуживала» [4, с. 550–551].

В то же время сторонник импрессионистской критики Ю.И. Айхенвальд высказал о «Снегурочке» негативное суждение. По его мнению, в пьесе-сказке «несомненное дуновение весёлости, ласковости всё же заглушено фольклором, литера-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-00323.

турой, и далеко не выдержаны сказочная простота и наивность», преобладают не живые, исполненные творческой фантазии, а книжные образы [2, с. 151]. В чём-то пронизательный критик прав: «Снегурочка» действительно отчасти по своим истокам и сюжетным особенностям, да и по образной системе отличается некоторой книжностью, что подтверждается последующими научными изысканиями.

С мнением Ю.И. Айхенвальда о нарочитой фольклорности «Снегурочки» не согласился Ф.Д. Батюшков, предложивший сопоставительный анализ текста пьесы-сказки с предполагаемыми её книжными и фольклорными источниками и параллелями, включая комедию Шекспира «Сон в летнюю ночь». В результате своих изысканий Батюшков делает вывод: «Сказка Островского, органически сливаясь с элементами народного песенного и сказочного творчества, представляется, конечно, самостоятельным произведением, отвечающим... духу народной поэзии, её стилю и образам; в художественной переработке умелой кистью начертана широкая картина народной жизни в весеннюю пору, на фоне которой вырисовывается личный замысел художника» [3, с. 66]. «Сказка – не чисто народная по происхождению, поэтому в ней излишне искать наивной прелести народных сказаний, но она волнует и привлекает человеческим содержанием, вложенным поэтом в очертания – отчасти заимствованной, отчасти самостоятельно созданной фантастической схемы, как бы обвеянной духом народной поэзии» [3, с. 66].

По-настоящему научным и разносторонним исследованием «Снегурочки» стали работы Н.П. Кашина, который на протяжении нескольких десятилетий занимался изучением пьесы-сказки: первая его статья «К вопросу об источниках “Снегурочки”» относится к 1912 г., последние работы учёного опубликованы в 1939 г. [см.: 14, с. 224–225]. В первой статье подробно анализируется творческая история и истоки образной системы пьесы, в частности, прослеживаются параллели «Снегурочки» со «Словом о полку Игореве» и русской народной поэзией.

В дореволюционные годы XX века, по мнению Т. Шах-Азизовой, обобщившей критические отклики на спектакли по «Снегурочке» этого времени (драматические и музыкальные), принципиально меняется понимание пьесы, «Островский-поэт отесняет Островского-реалиста», в театре Островского «усматривается даже отсутствие житейского правдоподобия» [18, с. 259]. В этом явно проявляется воздействие новой символистской эстетики, и подобное восприятие пьесы-сказки оказалось плодотворным. Не случайно современники заметили близость мотивам «Снегурочки» в музыке И. Стравинского, в хореографии В. Нижинского в балете «Весна Священная» [18, с. 260].

В это же время «Снегурочка» начала входить в повседневный быт русских людей, в различные

культурные сферы, и этот процесс сохраняется до сих пор. Е.В. Душечкина приводит многочисленные интересные данные о том, как мотивы и образы пьесы-сказки находили отклик в поэзии (например, в стихотворении К.М. Фофанова «Снегурка» в 1893 г.), а также в быту: Снегурочка как сказочный персонаж стала появляться на рождественских ёлках [5, с. 140, 141]. Издаются детские книжки и специальные рождественские сборники с неперенным упоминанием Снегурочки [5, с. 141]. Тогда же соединились в одном мифе Дед Мороз и Снегурочка.

Ещё накануне Первой мировой войны к «Снегурочке» обратился русский кинематограф [см.: 6, с. 144]. В первых экранизациях преобладали развлекательные и душещипательные мотивы [6, с. 145]. Несомненным успехом стала более поздняя экранизация пьесы-сказки П. Кадочниковым (1868 г.), натурные съёмки которой проходили в Щелькове: «Его постановка отличается использованием специфических киноэффектов», а подбор актёров «позволил создать яркие, запоминающиеся образы людей языческой Руси и сказочные фигуры нечистой силы и природных стихий» [6, с. 151].

В 1971 г. появился фильм «Весенняя сказка» по мотивам «Снегурочки» (режиссер Ю. Цветков), иронично обыгрывавший и характеры, и событийный ряд пьесы, и даже предложивший новую, в духе скоморошского стиля, аранжировку музыки Н.А. Римского-Корсакова

В первые послереволюционные годы «Снегурочка» как драматическая пьеса неоднократно ставилась в различных городах, чаще всего в виде сказки, а не феерии (Пермь, Одесса, Омск, Белгород, Великий Устюг). Значительным событием стал спектакль по «Снегурочке» в Малом театре в сезон 1922/23 годов в постановке П.М. Садовского. Рецензент И.А. Новиков, отметив прежде всего прекрасную ритмику стиха Островского в исполнении актёров, находит основной замысел спектакля в прогностическом противостоянии двух стихий – «морозной» и «солнечной», и в этом «пересечении плоскостей» главная «точка пересечения – сердце Снегурочки» [13, с. 415]. В 1923 г. в связи со столетним юбилеем драматурга были опубликованы несколько посвящённых ему сборников, в которых началось переосмысление творчества А.Н. Островского в духе марксизма. «Снегурочке» не нашлось места в этих сборниках, сказка была не актуальна. Лишь в некоторых случаях она была упомянута, и лишь одна работа (Г. Глаголевой⁴) была посвящена именно ей. Характерной для этого времени была оценка пьесы-сказки А.В. Луначарским, который упрекнул Островского в том, что он в «Снегурочке» обрисовал царство Берендея как «конституционно-патриархальную монархию» [11].

Наиболее основательной из работ этого времени, посвящённых «Снегурочке», была статья

Г.Т. Синюхаева «Островский и народная песня» [17]. Автор статьи выяснил, что большая часть включённых в текст пьесы песен (18 из 20) являются переработкой фольклорных текстов или продуктами самостоятельного творчества драматурга.

В 1930-е годы научных исследований о «Снегурочке» почти не было. Исключением является публикация статей Н.П. Кашина: «"Снегурочка". Весенняя сказка в 4-х действиях с прологом (Опыт изучения)»; «"Снегурочка" на сцене до 1917 г.» и «"Снегурочка" в советском театре» [10]. В этих статьях Кашин продолжил и обобщил изыскания, начатые им ещё в дореволюционное время. В 30-е же годы появились опыты сценической интерпретации «Снегурочки» в социально-бытовом плане. Например, в спектакле ленинградского ТЮЗа (1935 г.) – со значительными купюрами и перестановками в тексте пьесы. Особенно искажена была трактовка характера Мизгиря, в котором создатели спектакля обнаружили «захватнические черты разбойника-купца» [10, с. 114].

Несомненным стимулом для повышения интереса к пьесе-сказке А.Н. Островского стало использование образа Снегурочки в качестве новогоднего праздничного персонажа (наряду с Дедом Морозом и, в отличие от сказочной героини, его внучки, а не дочери). Неизвестно, кто инициировал подобную трансформацию и актуализацию Снегурочки, но несомненно, что она была тесно связана именно с героиней пьесы Островского, и это привело впоследствии к тому, что Снегурочка оказалась «закреплённой» за костромской землёй, за именем Островского Щельково, которое стало символизировать её географический топос. Е.В. Душечкина упоминает, что Снегурочка наряду с Морозом как неперемный персонаж и атрибут новогодних празднеств закрепилась в СССР во второй половине 1930-х годов по инициативе ЦК ВКП(б) [5, с. 143]. Это стало явным продолжением атеистического воспитания советской молодёжи, поскольку сказочные (языческие) персонажи стали главными на новогоднем (не традиционном рождественском) празднике с украшением ёлки. На Новый 1937 год «Дед Мороз и Снегурочка впервые явились вместе на праздник ёлки в московский Дом Союзов» [5, с. 144].

Разнообразная интерпретация образа Снегурочки после Великой Отечественной войны сопровождалась активным научным изучением самой пьесы в самых разных направлениях. Появились десятки статей, глав монографий, специальных сборников и других изданий, посвящённых «Снегурочке». Процесс активизировался в 1973 г. в связи со 150-летним юбилеем драматурга и 100-летием написания «Снегурочки». А.Л. Штейн посвятил «Снегурочке» большую главу «Как сложили сказку» в своей монографии об Островском «Мастер русской драмы». Исследователь определяет жанр пьесы как «сказку-трагедию» [19, с. 280], на-

ходя в ней «проблемы идеала, проблемы красоты и фантазии» на фольклорной основе и творческого использования мифологии [19, с. 256, 257]. Подчёркнута решающая роль любви в динамике характеров Снегурочки и Мизгиря. Любовь становится в пьесе, по мнению А.Л. Штейна, показателем и стимулом социального и нравственного развития, противостоящего застою Берендеева царства. Значимо также сочетание реально-бытового и мифологического начал, отнюдь не противоречащее всему творчеству А.Н. Островского.

В конце XX и начале XXI годов определились два основных центра по изучению творчества А.Н. Островского: Кострома – Щельково и Иваново – Шуя, места, географически близкие драматургу. В Костроме, Шуе, Иваново и в Щелькове регулярно проводятся конференции, посвящённые творчеству основателя русского национального театра, и «Снегурочка», как правило, фигурирует в них в качестве объекта анализа. Размышления о «Снегурочке» включаются в контекст философских, мифопоэтических, эстетических, психологических, историко-функциональных изысканий, поскольку весь комплекс этих и других вопросов нашёл своё воплощение в уникальной пьесе-сказке. Начиная с 1973 и особенно в конце 1990-х и в 2000-х годах под эгидой Костромского университета им. Н.А. Некрасова и, к сожалению, уже не существующего Костромского литературного музея опубликованы несколько сборников статей о творчестве А.Н. Островского, в том числе и о «Снегурочке» (ответственный редактор этих изданий Ю.В. Лебедев). С 2001 г. ежегодно публикуются материалы Щельковских чтений, посвящённых А.Н. Островскому и его окружению (отв. ред. И.А. Едошина), в которых помещаются и статьи о «Снегурочке». В 2001 г. в Костроме вышел в свет единственный в своём роде сборник «Весенняя сказка А.Н. Островского "Снегурочка": "Снегурочка" в контексте драматургии А.Н. Островского», содержащий 19 статей по материалам научно-практической конференции, организованной Литературным музеем.

Жанровая специфика, жизненные и мифологические истоки, творческая история, сценическая судьба – проблемы, которым посвящён ряд статей о «Снегурочке», принадлежащих Ю.В. Лебедеву. Логическим итогом этих изысканий учёного стала его статья о пьесе-сказке в энциклопедии «А.Н. Островский»⁵. Здесь интересна постановка вопроса о соотношении языческих и христианских начал, о сочетании драматических и поэтических мотивов, стихий природы и человека, бытовых и фантастических характеров и событий. Сопоставлению «Снегурочки» с другими литературными произведениями посвящены статьи Е.В. Душечкиной, Л.А. Розановой, Н.Г. Коптеловой и других учёных. Различные вопросы и аспек-

ты пьесы-сказки стали предметом исследования многих литературоведов второй половины XX – начала XXI столетий: А.М. Гаркави, И.А. Едошиной, А.И. Журавлёвой, Ж.В. Кулиш, В.Я. Лакшина, Н.М. Леоновой, М.П. Лобанова, Л.М. Лотман, И.А. Овчинин, М.В. Теплинского, Н.А. Шалимовой и др.

Неизменный интерес вызывает у исследователей использование мотивов «Снегурочки» в других видах искусства, преимущественно в музыке и живописи. Ещё в дореволюционные годы И.И. Лапшин⁶ и А.Ф. Лосев⁷ обратили внимание на философский смысл мифологического начала в весенней сказке Островского. Несколько позже эту традицию поддержал И. Глебов (Б. Асафьев)⁸.

Уже в наше время эта тема нашла продолжение в работах Г. Москвиной⁹ и А.Ф. Некрыловой¹⁰. К.В. Зенкин¹¹ охарактеризовал концепцию «музыкального мифа» в пьесе, представляющей собой «синтез лирики, эпоса и драмы» и «поэму об эросе» [7, с. 137–138, 141]. Традицию философско-мифологического прочтения «Снегурочки» поддержал В.А. Кошелев¹². Л.Н. Баканова в статье «Феномен “Снегурочки” А.Н. Островского и Н.А. Римского-Корсакова: философские контексты»¹³ развила более ранние наблюдения Ф.Д. Батюшкова о мифотворчестве драматурга и композитора, сравнив оперу «Снегурочка» с музыкальными драмами Р. Вагнера и подчеркнув её символическую природу, основанную на игровой ситуации пантеизма. В то же время «Снегурочка», по мнению Бакановой, представляет собой некое мистериальное действие и образец жертвенного ритуала. В подобном же ключе написана появившаяся несколько ранее статья А.В. Маньковского «“Снегурочка” А.Н. Островского и поэтика жанра романтической мистерии»¹⁴.

Интересен опыт перевоплощения «Снегурочки» в балетных спектаклях¹⁵. Ещё в 1937 г. Кировский театр Ленинграда поставил балет «Весенняя сказка» по мотивам «Снегурочки» (балетмейстер Ф.В. Лопухов; с использованием не только музыки П.И. Чайковского к пьесе-сказке, но и более ранних его сочинений). В 1961 г. поставлен балет «Снегурочка» в московском Музыкальном театре им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко (постановка В. Бурмейстера с использованием ранней музыки Чайковского). Этот спектакль возобновлён в 2001 г. театром «Кремлёвский балет» хореографом А. Петровым и идёт до сих пор.

Не забыта и опера «Снегурочка» Н.А. Римского-Корсакова. В настоящее время в ГАБТ готовится премьера оперы художественным руководителем театра Т.Т. Сохиевым, который высказал своё мнение об этом произведении: «Это серьёзная, взрослая, философская, языческая, глубокая эмоционально, задающая большие вопросы, история. <...> Серьёзный и... даже драматический сюжет

Островского мы пытаемся соединить с красочной музыкой Римского-Корсакова, который обладал даром всё украшать» [9]. Не обошли вниманием «Снегурочку» современные постмодернистские её интерпретации: «Одним из интересных прочтений классики в духе постмодернизма стала музыка Александра Маноцова к спектаклю по мотивам пьесы А.Н. Островского «Снегурочка». Оригинальное сочетание пуантилизма и конкретной музыки (музыка шумов) и эстетики условного театра рождало на сцене новую реальность. В пьесе, блестяще исполненной артистами театра «Новый дом» (Новосибирск) парадоксальным образом сочеталась архаика, привкус русского модерна начала XX века и неуловимые аллюзии с современностью, подчас перерастающие в зримые намёки на злобу дня» [15]. Ориентация на современность и одновременно на вечность присутствует и в спектакле «Снегурочка» Костромского театра кукол в сезон 2016/17 гг. (режиссёр-постановщик Евгений Ибрагимов). В нём от «Снегурочки» Островского остаётся только основная сюжетная канва, и не случайно жанр спектакля определяется как «путешествие в иную реальность», начинающееся с сотворения мира. Всё действие пронизано экзистенциальными мотивами трагичности и одновременно бесконечности бытия.

На примере спектаклей «Снегурочки» Новосибирского театра «Новый дом» и Костромского театра кукол, а также и по другим музыкальным трансформациям можно увидеть, что пьеса-сказка А.Н. Островского как будто живёт самостоятельной жизнью с бесконечными метаморфозами. Ни одно другое произведение драматурга не имеет такой богатой, разноплановой истории перевоплощения, как «Снегурочка».

Отдельная тема – отражение образа Снегурочки в изобразительном искусстве, начало которому положили красочные декорации В.М. Васнецова к спектаклю «Снегурочка» в частной опере С.И. Мамонтова в 1880-х годах, ставшие заметной вехой в истории русского декоративного искусства (см. статью М.Д. Двиняниновой «К истокам «Снегурочки» В.М. Васнецова»¹⁶). Иконография «Снегурочки» очень обширна. Это майоликовые и скульптурные фигурки М.А. Врубеля и В.А. Беклемишева, театральные декорации Б.М. Кустодиева и Н.К. Рериха, В.Г. Перова и К.А. Коровина, В. Рождественского и О.А. Панаевой, иллюстрации пьесы-сказки палехских живописцев Р. Белоусова и А. Ермолаева, художников Холуя и Федоскина – в общей сложности десятки живописцев прикоснулись к теме «Снегурочки» (см. статью В.В. Пайкова «Островский и искусство Палеха»¹⁷, а также: [1]).

Социальное «бытие» «Снегурочки» – это использование мотивов и образов пьесы-сказки в туристических и культурно-просветительских целях. В этом отношении выделяются Кострома

и Костромская область, для которых «Снегурочка» стала культурным брендом, используемым для привлечения отечественных и иностранных туристов. Начало было положено в конце 1960-х годов, когда в Кострому были привезены декорации к фильму «Снегурочка» режиссёра П. Кадочникова и выстроена «Берендеева слобода», а в этом же пространстве организован парк отдыха «Берендеевка». Постепенно Снегурочка стала как будто жить самостоятельной жизнью, отпочковавшись от пьесы-сказки Островского. В Костроме появились «Резиденция Снегурочки», «Терем Снегурочки», где «проживает» героиня, которая избирается из наиболее привлекательных и артистичных девушек; ежегодно весной празднуется День рождения Снегурочки. Возле здания городской администрации Костромы поставлена бронзовая фигура Снегурочки.

Не отстаёт от Костромы музей-заповедник А.Н. Островского «Щельково», где кроме научных регулярно проводятся культурные мероприятия, связанные со «Снегурочкой» [см.: 16]. Подобное использование образов «Снегурочки» практикуется не только на костромской земле. В Переславле-Залесском Ярославской области появился свой бренд – Царь Берендей (неподалёку от этого города находится железнодорожная станция Берендеево, давшая название Берендееву царству А.Н. Островского); в Тихвине Ленинградской области, на родине Н.А. Римского-Корсакова, регулярно проводятся фольклорные фестивали под знаком «Тихвинский Лель». Да и сам Всероссийский Дед Мороз, имеющий резиденцию в Великом Устюге (Вологодская область), тоже во многом ассоциируется с пьесой-сказкой А.Н. Островского. Так с лёгкой руки драматурга мотивы и образы его «Снегурочки» укоренились в отечественной духовной и культурной традиции, хотя можно отчасти согласиться с мнением А.Л. Штейна о том, что подобная «массовость» Снегурочки не могла не привести к известной стандартизации, банальности самого образа [19, с. 308]. Е.В. Душечкина приводит примеры того, как иронически стал переосмысливаться образ Снегурочки в поэзии и публицистике, подвергаясь некоей «деформации», очевидно, из-за определённого «перебора» в его тиражировании [5, с. 146]. Но сама «Снегурочка» в этом не виновата...

Примечания

¹ Тихомиров В.В. «Снегурочка» А.Н. Островского: проблемы оценки и интерпретации (1873–1900) // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 70–76.

² Миллер О.Ф. Русские писатели после Гоголя. Т. 3. – СПб., 1888.

³ Иванов И.И. А.Н. Островский: Его жизнь и литературная деятельность. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эр-

лих, 1900. – 99 с. – (Жизнь замечательных людей: Биографическая библиотека Ф. Павленкова).

⁴ Глаголева Г. «Снегурочка» А.Н. Островского // Книга и революция. Кн. 2. – 1923.

⁵ А.Н. Островский: энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: ШГПУ, 2012. – С. 409–410.

⁶ Лапшин И.И. Н.А. Римский-Корсаков: философские мотивы в его творчестве // Русская мысль. – М., 1910. – Кн. 10.

⁷ Лосев А.Ф. О музыкальном ощущении любви и природы: к тридцатипятилетию «Снегурочки» Н.А. Римского-Корсакова // Музыка. – 1916. – № 251.

⁸ Глебов И. «Снегурочка», весенняя сказка: Опера в 4-х действиях с прологом; музыка Н.А. Римского-Корсакова // Программа. – Пг., 1921 г. – 30 янв.

⁹ Москвина Г. Бог в творчестве Островского: Христос и Ярило: эволюция религиозных мотивов // Сеанс. – 1996. – № 14.

¹⁰ Некрылова А.Ф. Фольклорные элементы «Снегурочки» // Петербургский театральный журнал. – 2004. – № 3.

¹¹ Зенкин К.В. От «Снегурочки» А.Н. Островского к опере Н.А. Римского-Корсакова и философии А.Ф. Лосева // Щельковские чтения 2005: сб. статей. – Кострома, 2006.

¹² Кошелев В.А. Поза Ярилы: о мифопоэтике «Снегурочки» // Щельковские чтения 2011: сб. статей. – Кострома, 2012.

¹³ Баканова Л.Н. Феномен «Снегурочки» А.Н. Островского и Н.А. Римского-Корсакова: философские контексты // Вестник СПбГУКИ. – 2014. – № 1.

¹⁴ Маньковский А.В. «Снегурочка» А.Н. Островского и поэтика жанра романтической мистерии // А.Н. Островский в движении времени. Ч. 2. – Шуя, 2003.

¹⁵ Садовская Н.М. Драматургия А.Н. Островского и балетный театр // Щельковские чтения 2001. – Кострома, 2002.

¹⁶ Двинянинова М.Д. К истокам «Снегурочки» В.М. Васнецова // Щельковские чтения 2008. Кострома, 2009. – С. 210–216.

¹⁷ Пайков В.В. Островский и искусство Палеха // А.Н. Островский. Материалы и исследования. Вып. 2. – Шуя, 2008.

Библиографический список

1. АиФ Оренбург: еженедельник. – 2017. – 26 марта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oren.aif.ru/ny/110134>; <http://yassena.livejournal.com/229991.html> (дата обращения: 3.04.2017).

2. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. Вып. 2. – М., 1908.

3. Батюшков Ф.Д. Генезис «Снегурочки» Островского // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. – № 5. – С. 47–66.

4. Варнеке Б.В. История русского театра. – СПб., 1913.
5. Душечкина Е.В. Снегурочка и её лики в русской культуре // Весенняя сказка А.Н. Островского «Снегурочка»: «Снегурочка» в контексте драматургии А.Н. Островского. – Кострома, 2001. – С. 137–148.
6. Егоров О.Г. Экранизация произведений А.Н. Островского: направления, тенденции, стили // Щельковские чтения 2012. – Кострома, 2013. – С. 143–160.
7. Зенкин К.В. От «Снегурочки» А.Н. Островского к опере Н.А. Римского-Корсакова и философии А.Ф. Лосева // Щельковские чтения 2005. – Кострома, 2006. – С. 137–144.
8. Иванов И.И. А.Н. Островский: Его жизнь и литературная деятельность. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1900. – 99 с. – (Жизнь замечательных людей: Биографическая библиотека Ф. Павленкова).
9. Интервью с художником ГАБТ Т.Т. Сохиевым // Интерфакс: сайт междунар. инф. Группы. – 25 ноября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/culture/538534> (дата обращения: 20.01.2017).
10. Кашин Н.П. «Снегурочка». Весенняя сказка в 4-х действиях с прологом: Опыт изучения; «Снегурочка» на сцене до 1917 г.; «Снегурочка» в советском театре // Труды / Всесоюзная библиотека им. В.И. Ленина. – М.: Соцэкгиз, 1939. – Сб. 4: Пушкин. Островский. Западники и славянофилы. – С. 69–120.
11. Луначарский А.В. Об Александре Николаевиче Островском и по поводу его // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1923. – № 78.
12. Миллер О.Ф. Русские писатели после Гоголя. Т. 3. – СПб., 1888. – С. 133–389.
13. Новиков И.А. «Снегурочка» в Малом театре // Театр и музыка. – 1923. – № 1–2. – С. 415–417.
14. Овчинина И.А. А.Н. Островский в трудах Н.П. Кашина // Щельковские чтения 2005. – Кострома, 2006. – С. 220–238.
15. XXIV Пушкинский театральный фестиваль: Псковская лента новостей (13 февраля 2017 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pln-pskov.ru/art/artfest/268427.html> (дата обращения: 10 марта 2017 г.).
16. Ратникова Л.П. «Снегурочка» А.Н. Островского в культурно-образовательных программах музея-заповедника «Щельково» // Щельковские чтения 2013. – Кострома, 2014. – С. 268–274.
17. Синюхаев Г.Т. Островский и народная песня // Известия ОРЯС. – 1924. – Т. 28. – С. 51–63.
18. Шах-Азизова Т. Реальность и фантазия («Снегурочка» А.Н. Островского и её судьба в русском искусстве последней трети XIX и начала XX в.) // Взаимосвязь искусств в художественном развитии России второй половины XX века. – М.: Наука, 1982. – С. 219–263.
19. Штейн А.Л. Как сложили сказку? // Штейн А.Л. Мастер русской драмы. – М.: Сов. писатель, 1973. – С. 252–308.

Л.Н. ТОЛСТОЙ И Ф.А. СТРАХОВ

Статья посвящена взаимоотношениям Л.Н. Толстого и Ф.А. Страхова. Под влиянием взглядов писателя Ф.А. Страхов изменил свою жизнь: оставил университет и стал толстовцем. В статьях Ф.А. Страхов разъяснял основы своего мировоззрения, сформированного под влиянием встреч и бесед с Л.Н. Толстым. Сам писатель очень дорожил общением со своим последователем, ставшим вскоре и его близким другом, помогал Ф.А. Страхову в работе над его статьями. Л.Н. Толстой включил отрывки из произведений своего последователя в сборник «Круг чтения», самый обширный из сборников мудрых мыслей, им составленных. Некоторые изречения Ф.А. Страхова были добавлены также и в сборники мудрых мыслей, составленные после «Круга чтения»: в сборники «На каждый день» и «Путь жизни». Ф.А. Страхов был настолько близким другом Л.Н. Толстого, что был посвящен в замысел создания тайного от семьи писателя завещания относительно его литературного наследия: Ф.А. Страхов привез в Ясную Поляну один из вариантов завещания и подписал его как свидетель 1 ноября 1909 года.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни», Ф.А. Страхов, «Дух и материя», «Искание истины», библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

Федор Алексеевич Страхов стал не просто последователем Л.Н. Толстого, но и близким другом писателя, его помощником в работе над сборником мудрых мыслей «Круг чтения»: по просьбе писателя он взял на себе проверку корректур сборника и подготовку его к печати, а также стал автором многих изречений, вошедших в «Круг чтения».

Ф.А. Страхов родился в селе Клекотки Тульской губернии в 1861 году. Именно поэтому, когда он стал увлекаться музыкой, сочиненные им романсы подписывались псевдонимом «Ф. Клекотовский» (по названию его родного имения). Ф.А. Страхов был старшим из шести детей, его семья переехала в Москву, жила на Плющихе, недалеко от дома Толстых в Хамовниках.

Младшая сестра Ф.А. Страхова Лидия Алексеевна, вспоминая о своем детстве, писала и о брате. Дети Страховы рано потеряли отца, когда это произошло, старшему из них, Федору, было 13 лет, а младшему только год, детей воспитывала мать, Надежда Афанасьевна Страхова (урожденная Кузмина), мечтавшая дать им хорошее образование, которое должно было гарантировать им безбедную жизнь. Так как старший из детей, Федор Алексеевич, не проявлял усердия в учебе, его мать боялась, что он не сможет окончить гимназию в Москве, поэтому она отдала сына на обучение сначала в пансион в Киеве, а затем в Одессе. Окончив гимназию, Ф.А. Страхов поступил на юридический факультет Московского университета, но прилежным студентом он не стал, больше времени проводил не на лекциях, а в компании своих друзей, что огорчало его мать. Но еще более Н.А. Страхова огорчилась перемене, произошедшей с ее сыном во время обучения на 4 курсе: Ф.А. Страхов познакомился с И.М. Клобским¹ и, подпав под его влияние, стал возмущаться тем роскошным, как ему представлялось, образом жизни, который ведет его семья. Вместе со своим новым другом Ф.А. Страхов по-

сетил Л.Н. Толстого 1 января 1889 года в Хамовниках, об этом визите Толстой упомянул в дневнике: «Еще Страхов с Клопским. Ужинали, дружно, любовно» [12, т. 50, с. 19].

Вскоре после посещения писателя Ф.А. Страхов сообщил матери, что не намерен сдавать выпускные экзамены и оканчивать университет, он заявил: «Я буду последователем учения Л.Н. Толстого» [1, с. 213]. Н.А. Страхова была очень огорчена такими словами сына. Главной причиной этих слов она считала влияние личности Толстого и поэтому решила сама поговорить о сыне с писателем, жившим по соседству.

20 января 1889 года Л.Н. Толстой записал в дневнике: «Да, вчера была Страхова добрая, простая мать. Сын ее с Клобским носится и кажется только рисуется. Я весь на стороне ее. Клоб[ский] же вероятно большой человек» [12, т. 50, с. 25].

Вернувшись, Н.А. Страхова рассказала о разговоре с Толстым дочери: «Вообрази, он сам ужасно огорчился, чуть не плакал со мной. Все головой качал: «Ах!ах!» Я ему даже заметила: «Почему же вы-то, Лев Николаевич, огорчаетесь? Ведь вы этому учили! вы этого хотели!» И вот я не могу тебе привести его слова, а я так поняла, что огорчен он потому, что боится, что у Феде это только порыв или каприз. Внешнее, а не внутреннее побуждение. Тогда для него это только вред, а для других это может быть освобождением, ключом к новой жизни. И все он про Федеу расспрашивал и слушал, слушал <...> А мне даже удивительно! До чего мне легко было говорить и рассказывать! И как я теперь успокоилась! Верю я ему. А он обещал, что увидит Федеу и сделает все, что надо» [1, с. 214].

Вскоре Толстой сам пришел в дом Страховых на Плющихе. 24 января 1889 года в дневнике писатель отметил: «С Стр[аховым] говорил хорошо. Он разочарова[н] в Кл[обском] и лучше с матерью» [12, т. 50, с. 27].

Лидия Алексеевна так писала о влиянии личности Л.Н. Толстого на судьбу ее брата: «И учитель не оставил своего ученика: брат мой Федор никогда больше не отдалялся от Льва Николаевича, который всегда дружески относился к нему. И я верю, что благодаря Льву Николаевичу в его жизни было гораздо больше счастья, чем определено на судьбу человека» [1, с. 216].

Ф.А. Страхов стал не только последователем, но и помощником Л.Н. Толстого, он помогал писателю в работе на голоде: в начале февраля 1892 года Л.Н. Толстой попросил своего друга отправиться в деревню Муравлянку Скопинского уезда Рязанской губернии для открытия столовых [12, т. 52, с. 337].

16 февраля 1905 года Л.Н. Толстой попросил Ф.А. Страхова взять на себя проверку корректур сборника «Круг чтения» [7, кн. 1, с. 178]. В дневнике Толстой отметил: «Круг Чт[ения] мне не понравился. Страхов взял на себя работу. И я очень рад» [12, т. 55, с. 124]. Писатель остался доволен своим помощником, говорил, что Страхов «работает основательно, хотя и медленно» [7, кн. 1, с. 191].

В дальнейшем Ф.А. Страхов прочитывал все корректуры «Круга чтения». Исправления, предлагавшиеся им, состояли в уточнении отдельных выражений и в стилистических изменениях.

Ф.А. Страхов предложил Толстому в качестве нескольких недельных чтений использовать рассказы его сестры Л.А. Авилловой «Без привычки» и «Первое горе» [7, кн. 1, с. 185].

Лидия Алексеевна Авилова встретила с Л.Н. Толстым лично даже раньше своего старшего брата: она пришла в дом писателя в Хамовниках для того, чтобы найти литературную работу, Толстой предлагал всем желающим писать для народа приходиться к нему за советом. Л.А. Авилова вспоминала о том совете, который ей дал писатель: «Он сказал, что в большой семье старшей взрослой девушке всегда найдется достаточно много дела и что поэтому искать другого мне не надо; он перечислил мне все, что я могла и должна была делать, и тогда я встала и ушла» [1, с. 214].

Л.А. Авилова вышла замуж в 23 года за студенческого друга своего старшего брата Михаила Федоровича Авилова, переехала с мужем в Петербург, стала матерью трех детей, причем старшего сына она назвала Львом. Но, вопреки совету писателя, Л.А. Авилова не стала ограничивать свою жизнь только домашними заботами, она начала совмещать их с литературным трудом, став известной писательницей²: ее произведения печатались во многих популярных журналах и издавались отдельными книгами, некоторые произведения Авилловой были напечатаны в издательстве «Посредник».

М.А. Козьмина в статье, посвященной жизни и творчеству Л.А. Авилловой, раскрывает историю знакомства и взаимоотношений писательницы

с Л.Н. Толстым и А.П. Чеховым, а также демонстрирует, как близкое знакомство с ними отразилось на ее мемуарном и художественном творчестве [5, с. 147 – 167].

По просьбе старшего брата Л.А. Авилова присылает Л.Н. Толстому свои рассказы. В марте 1905 года писатель отвечает ей: «Очень вам благодарен, милая Лидия Алексеевна, за присылку ваших рассказов <...> Если вы позволите, то я помешу в Круге чтения «Первое горе». Позволите ли вы мне сделать в нем некоторые, очень маленькие, сокращения. Я пришлю их на ваш суд. Я перечел этот рассказ, и он мне понравился еще более, чем прежде, т. е. очень» [12, т. 75, с. 236].

В октябре 1905 года Толстой писал Страхову: «Я всё покончил с 1-й частью К[руга] ч[тения] благодаря вашему драгоценному содействию <...> Попросите вашу сестру не сетовать на меня за то, что я сократил рассказ и выкинул для краткости кое-что, даже очень хорошее» [12, т. 76, с. 39].

В ноябре 1905 года Толстой писал издателю И.И. Горбунову-Посадову: «Рассказ Авилловой лучше назвать Неразреш[енный] вопрос и еще сократить, как я сделал, если она согласна» [12, т. 76, с. 53]. Но это желание Толстого не было исполнено, рассказ был помещен в «Круг чтения» под оригинальным названием «Первое горе» [12, т. 41, с. 403–413].

Старший брат Лидии Алексеевны Ф.А. Страхов совместно с близким другом писателя В.Г. Чертковым взялся за составление «Свода мыслей Л.Н. Толстого». Секретарь писателя В.Ф. Булгаков, наблюдая за их совместной работой, отмечал: «...в то время, как Страхов с наслаждением купался в море мыслей Толстого, участие Черткова, всегда занятого другими, как ему казалось, более важными делами ограничивалось большей частью тем, что он давал средства на производство этой работы» [2, с. 248].

В июле 1907 года В.Г. Чертков привез еще незавершенный полностью «Свод» в подарок Толстому, обрадовавшись подарку, писатель отметил «вот это настоящая моя биография, биография моей мысли» [8, с. 191]. Но 8 мая 1910 года Л.Н. Толстой, выслушав сообщение В.Г. Черткова о том, что составление «Свода» закончено и вскоре начнут печатать первый из тридцати пяти томов, сказал: «Хлопотать не для того, чтобы было dokonчено. Настоящее дело только то, когда я не имею в виду последствий; тогда это общее, а если иметь в виду последствия, здесь есть эгоистическое. Надеюсь, что не доживу до окончания печатания его («Свода»)» [7, кн. 4, с. 250].

«Свод» до сих пор не издан, он хранится в отделе рукописей государственного музея Л.Н. Толстого, также в отделе рукописей хранятся семнадцать неопубликованных писем Ф.А. Страхова к Л.Н. Толстому [8, с. 200].

Л.Н. Толстой высоко оценивал творчество и личность Ф.А. Страхова, в разговоре с А.Б. Гольденвейзером писатель так отозвался о своем последователе: «Вот действительно философ, и философ, который мыслит и пишет для себя. И он затрагивает самые глубокие философские вопросы <...> Кротость, смирение и серьезность – вот отличительные черты Страхова» [3, с. 105].

В.Ф. Булгаков записал, как Толстой однажды отозвался о Ф.А. Страхове: «Вся эта моя известность – пуф!.. Вот деятельность Страхова и таких людей, как он, серьезна, а моя, вместе с Леонидом Андреевым и Андреем Белым – никому не нужна и исчезнет. Иначе не было бы этой шумихи около нас!..». Узнав об этих словах Страхов заявил: «Я до сих пор верил Льву Николаевичу, когда он хвалили мои мысли, а теперь не верю. Нет, не верю! Как это так – «Толстой исчезнет, а Страхов останется?» Да ведь я – только отрывок Толстого!.. Ах, испортил Лев Николаевич, все дело испортил!..» [2, с. 246].

Но Л.Н. Толстой не всегда только хвалил работу Ф.А. Страхова, часто писатель высказывался довольно критично о произведениях своего последователя, предлагая внести в них исправления. Например, Д.П. Маковицкий вспоминал об одном подобном эпизоде: «Вечером Страхов читал свои статьи Л. Н-чу. Л. Н. их критиковал, делал замечания и предлагал поправки» [7, кн. 1, с. 352].

Насколько известно, Ф.А. Страхов учитывал все критические замечания Л.Н. Толстого относительно своих произведений. В связи с чем возникает вопрос о том, насколько самобытно было мировоззрение ученика в сравнении с взглядами на мир его учителя – Л.Н. Толстого.

Например, секретарь писателя В.Ф. Булгаков считал, что Ф.А. Страхов не был самостоятельным философом: «В самом деле, Страхов не предлагает людям никакого самобытного мирозерцания. Он лишь разъясняет, развивает и углубляет, по мере своих сил способностей, идеалистическое мирозерцание Толстого. Что же касается Льва Николаевича, то его, вероятно, привлекали у Страхова новые слова, новые формы, в которых он, однако, легко узнавал близкие и дорогие ему мысли» [2, с. 244–245].

Даже Л.А. Авилу, сестру Ф.А. Страхова, настораживала некоторая ограниченность мышления ее брата-толстовца. В дневнике она отмечает: «Федя показал мне свои рукописи, приготовленные для издания. Будет большая книга из отдельных статей, уже раньше напечатанных, добавления к ним и отдельные мысли и изречения. Много клочков бессвязных. <...> Он пишет дневники, чтобы поучать людей, и мысли у него назидательные, и думает он, о чем ему надо думать. У него русло мысли заранее определено. И он верит, что каждая его мысль верна, ценна, полезна. Иначе он

не стал бы над ней думать. Мне кажется, это очень скучно, такое мышление. У него все оторвано от жизни ради мысли, и нет ни одного слова сгоряча, «не по программе»» [1, с. 293].

Ф.А. Страхов будучи не только последователем, но и близким другом Л.Н. Толстого, принимал участие в подписании писателем одной из редакций его завещания³. 26 октября 1909 года он привез в Ясную Поляну в тайне от семьи писателя новый проект текста завещания, составленный присяжным поверенным Н.К. Муравьевым. Л.Н. Толстой своей рукой переписал текст завещания 1 ноября 1909 года, а Ф.А. Страхов и А.Б. Гольденвейзер подписались под ним как свидетели.

Ф.А. Страхов решил описать две свои поездки в Ясную Поляну, связанные с подготовкой завещания Л.Н. Толстого. Сообщение о деталях поездок было напечатано в 1911 году в «Петербургской газете». В предисловии к данному сообщению Страхов поясняет: «На опубликование предлагаемого извлечения из моих записок я решился из сознания долга рассказать то, что мне лично известно об этом предмете, как одному из непосредственных участников его...» [8, с. 191].

В.Ф. Булгаков так рассуждал о причинах появления в прессе публикации Ф.А. Страхова о подписании Л.Н. Толстым завещания 1909 года: «Страхов ровно и одинаково – добро и разумно – относился ко всем: к старому и малому, к добрым и злым, к единомышленникам Толстого и к его противникам, к самому Толстому и ко всем членам его семьи <...> Чертков поручил Страхову, как любимому и уважаемому Толстым лицу, переговорить со Львом Николаевичем о содержании и способах составления подготовлявшегося тогда тайного завещания великого писателя. Ценил Страхова как честного человека, к тому же философа, Лев Николаевич прямо заявил ему о своем нежелании составлять вообще какое бы то ни было завещание... Наивный посол Черткова и приверженец высокого чистого мышления, Страхов, наверное, с восторгом слушал эти рассуждения, а потом <...> опубликовал их <...> И хотя это было уже после кончины Льва Николаевича, чертковская группа все же, конечно, пришла в отчаяние: ведь опубликованием своей беседы с Толстым Страхов совершенно опровергал утверждение этой группы, что она якобы не имеет никакого отношения к составлению Львом Николаевичем завещания, будто Толстой сам и только сам хотел составить такое, и притом тайное, скрытое от семьи завещание <...> На самом же деле Страхов выступил в этом эпизоде только человеком абстракции, далеким от жизни и ее тревожностей. И ошибка «чертковцев» состояла именно в том, что они проведение хитроумной акции поручили философу-младенцу» [2, с. 246–247].

Последние годы жизни Ф.А. Страхов провел в поселке при станции Донец Смоленской губер-

нии. Он жил вместе с семьей своей старшей дочери, названной им в честь Наташи Ростовской: Н.Ф. Страхова вышла замуж за крестьянина Е.И. Пырикова. В.Ф. Булгаков так писал о последних годах жизни Ф.А. Страхова: «У зятя Страхова часто собирались крестьяне, интересовавшиеся философскими вопросами, и все более старевший Федор Алексеевич читал им вслух сочинения Толстого, а также свои старые и вновь написанные статьи» [2, с. 249].

В яснополянской библиотеке до сих пор хранятся две книги Ф.А. Страхова: «Дух и материя» и «Искание истины». В обоих книгах есть пометы Л.Н. Толстого [4, т. 1, ч. 2, с. 285–287]. Но большинство помет писателя обнаруживается в книге «Искание истины». Толстой читал данную книгу в корректуре, о чем писал автору 1 апреля 1910 года: «Сейчас прочел корректуру вашей новой книги «Искание истины», и несмотря на то, что вы мне предлагали прочесть в ней только то новое, чего не было в книге «Дух и Материя», я все-таки прочел всё, и очень рад, что сделал это. Во многих местах я сделал отметки и в старом и в новом того, что мне особенно понравилось. Одно небольшое место я отметил с предложением выпустить его. В общем книга очень хорошая, полезная, и мне бы очень хотелось, чтобы она получила самое большое распространение» [12, т. 81, с. 197]. Корректурная книга Ф.А. Страхова «Искание истины» с отметками Толстого не сохранилась.

Из произведений Ф.А. Страхова в «Круг чтения» вошло тринадцать фрагментов⁴. Примечательно, что двенадцать изречений были взяты из корректуры книги «Искание истины» (эта книга была напечатана в издательстве «Посредник» только в 1911 году) и лишь один отрывок (41, 64) был к тому времени уже напечатан в книге «Дух и материя», вышедшей в издательстве «Посредник» в 1899 году.

Изречения Ф.А. Страхова появились не только в «Круге чтения», но и в сборниках, созданных после него: в сборниках «На каждый день»⁵ и «Путь жизни»⁶, причем изречения для более поздних сборников отбирались из уже изданного «Круга чтения», некоторые из «мыслей» были незначительно отредактированы в основном в сторону сокращения.

М.Ю. Кукин, размышляя о русских источниках «Круга чтения», отмечает: «Характерно, что по мере работы над книгой фрагменты и афоризмы самого Толстого занимают в ней все большее и большее место. Всякая доработка «Круга чтения» идет в сторону расширения участия в нем Толстого как автора. <...> цитируя других, Толстой высказывал самого себя, поэтому *русская мысль* в «Круге чтения» есть прежде всего *толстовская мысль* (мысль «толстовской школы») <...> Поэтому же центральной фигурой в «Круге чтения» оказывается его автор (а не составитель!), Л.Н. Толстой» [6, с. 372–373].

Ведущую роль среди русских источников «Круга чтения» играют, безусловно, изречения самого Л.Н. Толстого, но примечательно, что вторым из наиболее цитируемых русских авторов в сборнике, является последователь писателя Ф.А. Страхова. Такое частое цитирование именно этого автора, как представляется, связано с тем, что многие мысли Ф.А. Страхова были сформулированы под влиянием идей Л.Н. Толстого и под влиянием личного общения начинающего литератора с известным писателем.

Примечания

¹ Клобский Иван Михайлович (1852–1898) – толстовец, окончил Ярославскую духовную семинарию, учился в Московском и Петербургском университетах; жил в толстовских земледельческих общинах. В 1892 г. был арестован; впоследствии эмигрировал в Америку, где был задавлен трамваем.

² В яснополянской библиотеке хранится книга Л.А. Авилевой «Общее дело» в двух экземплярах, но пометы в обоих экземплярах отсутствуют [4, т. 1, ч. 1, с. 24].

³ Завещание от 1 ноября 1909 года было признано недостаточным, так как в нем не было названо второго лица, к которому переходили бы права собственности на литературные произведения Толстого в случае смерти лица, указанного в завещании. В 1910 году Н.К. Муравьевым был составлен текст завещания, который Толстой в очередной раз переписал и подписал [12, т. 57, с. 381–382].

⁴ Мысли Ф.А. Страхова в сборнике Л.Н. Толстого «Круг чтения»: 1) третье изречение на 28 января [12, т. 41, с. 64]; 2) седьмое на 22 февраля [12, т. 41, с. 121–122]; 3) третье на 10 апреля [12, т. 41, с. 238]; 4) пятое на 12 апреля [12, т. 41, с. 242]; 5) одиннадцатое на 15 апреля [12, т. 41, с. 260–261]; 6) третье на 16 июня [12, т. 41, с. 402–403]; 7) седьмое на 21 июля [12, т. 41, с. 515–516]; 8) седьмое на 13 августа [12, т. 41, с. 570–571]; 9) первое на 10 сентября [12, т. 41, с. 35–36]; 10) второе на 18 сентября [12, т. 42, с. 55]; 11) второе на 27 октября [12, т. 42, с. 175]; 12) третье на 22 декабря [12, т. 42, с. 364]; 13) отрывок из произведения Ф.А. Страхова появляется в недельных чтениях под названием «Разум», он состоит из двух частей: I часть взята из сочинения Шопенгауэра, а II – из произведения Страхова [12, т. 41, с. 83–85].

⁵ В сборнике «На каждый день» появились четыре изречения Ф.А. Страхова: 1) девятое изречение на 23 марта [12, т. 43, с. 164]; 2) восьмое изречение на 6 июля [12, т. 43, с. 12]; 3) третье изречение на 4 августа: [12, т. 44, с. 76]; 4) девятое изречение на 14 ноября [12, т. 44, с. 285–286].

⁶ Изречения Ф.А. Страхова в «Пути жизни»: 1) седьмое изречение в главке V под названием «Разумное начало в человеке» [12, т. 45, с. 426];

- 2) третье изречение в главке VI под названием «Разум проверяет положение веры» [12, т. 45, с. 429];
 3) варианты к главе V «Любовь» [12, т. 45, с. 507].

Библиографический список

1. *Авилова Л.А.* Почему Лев Николаевич стал бывать в нашем доме // Рассказы. Воспоминания. – М.: Советская Россия, 1984. – С. 212–216.
2. *Булгаков В.Ф.* Ф.А. Страхов // Лев Толстой, его друзья и близкие. – Тула: Приокское книжное издание, 1970. – С. 244–249.
3. *Булгаков В.Ф.* Л.Н. Толстой в последний год его жизни. – М.: Правда, 1989. – 448 с.
4. Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне. Библиографическое описание. Т. 1: в 2 ч. – М.: Книга, 1972–1975.
5. *Козьмина М.А.* «Переполненная чаша»: судьба и творчество Лидии Авиловой в свете художественно-нравственных идей Льва Толстого // Толстовский сборник – 2003. Материалы XXIX Международных Толстовских чтений, посвященных 175-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. – Тула: изд-во Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, 2003. – С. 147–167.
6. *Кукин М.Ю.* Русские источники // Толстой Л.Н. Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении: в 2 т. Т. 2. – М.: Политиздат, 1991. – С. 367–373.
7. *Маковицкий Д.П.* У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» / Литературное наследство. Т. 90: в 4 кн. – М.: Наука, 1979–1981.
8. *Страхов Ф.А.* Две поездки в Ясную Поляну (Публикация Л.С. Дробат) // Яснополянский сборник – 1988. – Тула: Приокское книжное издательство, 1988. – С. 190–200.
9. *Страхов Ф.А.* Дух и материя. (Против материализма). Сборник избранных мест из сочинений, выясняющих вопросы об отношении духа к материи, души к телу и веры к знанию. Изд. 2-е, дополненное новыми отрывками из неизданных произведений и переписки графа Льва Николаевича Толстого. – М.: Посредник, 1904. – 254 с.
10. *Страхов Ф.А.* Искание истины. (Сборник статей и мыслей). Со вступительным письмом Л.Н. Толстого. – М.: Посредник, 1911. – 132 с.
11. *Страхова Н.Ф.* Лев Николаевич Толстой и Федор Алексеевич Страхов / Л.Н. Толстой и его близкие. – М.: Современник, 1986. – С. 89–134.
12. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.; Л.: Худ. лит., 1928–1958.

Б. ПАСТЕРНАК И В. МАЯКОВСКИЙ В СИСТЕМЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ЛИРИКИ Б. АХМАДУЛИНОЙ

Интертекстуальная техника Б. Ахмадулиной рассматривается сквозь призму отсылок в творчестве Б. Пастернака и В. Маяковского и мотивных, сюжетных, цитатных переключек с конкретными стихотворениями этих поэтов. На материале таких произведений Б. Ахмадулиной, как «Снегопад», «Февраль без снега», «Милость странства. 10 марта», показаны способы актуализации поэтического претекста: апелляция к маркированным словам-образам из лирики Б. Пастернака («снег», «зима», «февраль»), переход от пейзажного к метапоэтическому плану в развертывании лирического сюжета, сохранение инвариантной структурно-семантической схемы текста-предшественника (примером служит стихотворение Б. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!..» – с нагнетаемой интенсивностью движения в природе, преобразующегося в творческое волнение, вдохновение поэта), экспликация ключевых пастернаковских инвариантных тем и подтем – единства разного и сопричастности частного, индивидуального вечному и бесконечному. Иначе строится поэтическая коммуникация с текстами В. Маяковского: их сюжетно-тематический план в реминисцентном микроконтексте, как правило, редуцирован, но при этом в стихотворениях Б. Ахмадулиной выделены те узнаваемые словесные компоненты, которые указывают на текст-источник. В частности, рассматривается один из таких компонентов – «долг» поэта перед Вселенной (мотив заимствован из стихотворения «Разговор с фининспектором о поэзии»). Интертекстуальная связь с лирикой В. Маяковского – это, скорее, поэтика точечных понятийных пересечений.

Ключевые слова: Ахмадулина, Пастернак, Маяковский, интертекст, реминисценция, аллюзия, приемы выразительности.

Интертекстуальный фон лирики Беллы Ахмадулиной широк и разнообразен, и сегодня можно уже составить внушительный список исследовательских работ, в которых он стал основным предметом рассмотрения. Поэтическую генеалогию Б. Ахмадулиной принято возводить к А.С. Пушкину (см. работы Л.Л. Бельской [5], В. Зубаревой [8] и М.С. Михайловой [12]), а в литературе XX века линии родства обычно проводят к М. Цветаевой, А. Ахматовой, О. Мандельштаму и Б. Пастернаку (см. статьи И.Б. Ничипорова [13], Д.А. Маслеевой [9; 10], Л.Л. Бельской [6] и монографию Т.В. Алешки [2]), целиком посвященную поэтическим контекстам лирики Б. Ахмадулиной – от А.С. Пушкина до О.Э. Мандельштама; см. также статью Т. Алешки [1]). Среди рассматриваемых аспектов интертекста – образы поэтов, предшественников и современников, в стихотворениях Б. Ахмадулиной (при этом равно важны сюжеты как «встречи», так и «невстречи» с поэтом); приемы соотнесения биографических фактов и «идеальной» истории поэта, выстраиваемой в поэтическом мире Ахмадулиной; текстовые/цитатные переключки. Однако считать интертекстуальную технику Б. Ахмадулиной всесторонне изученной пока явно рано: и индивидуальные приемы выразительности, и принципы освоения поэтического опыта предшественников, и сам круг находящихся в орбите ее внимания авторов – это как раз те грани художественного мира поэтессы, которые могут и должны стать предметом детального литературоведческого исследования.

Наибольший интерес в рамках данной работы для нас будут представлять те стихотворения Б. Ахмадулиной, в которых реминисцентный слой

включает в себя отсылки к Б. Пастернаку и В. Маяковскому. Во-первых, это не самый изученный сегмент поэтических подтекстов в ее лирике, во-вторых, в отдельных произведениях пастернаковские интертексты соседствуют с неявными цитатами из Маяковского, и тем самым в структурно-семантической организации нового текста между двумя поэтами устанавливается «виртуальная коммуникация».

Постоянное «присутствие» Б. Пастернака в лирике Б. Ахмадулиной объясняется как биографическими причинами (о встрече с поэтом в Переделкино подробно рассказывается в стихотворении «Памяти Бориса Пастернака»), так и общностью мировосприятия: центральная тема поэзии Пастернака – «чувство причастности человека в его сиюминутном существовании... к чуду единого, вечного и бесконечно огромного бытия, или, сокращенно, ощущение единства и великолепия мира», по определению А. Жолковского [7, с. 521], – входит и в тематический строй лирики Б. Ахмадулиной. Маяковский же появляется «точечно», в цитатных «окликаниях» и маркированных микроконтекстах – и тем важнее осмыслить художественную необходимость и функциональное назначение каждой подобной отсылки. В характеристике семантического потенциала «чужого» слова (Пастернака и Маяковского) и приемов его введения в лирику Б. Ахмадулиной и будет состоять основная цель нашей работы.

Уже в ранних стихотворениях Б. Ахмадулиной апелляции к поэтическим текстам Б. Пастернака довольно многочисленны – и обычно тематически маркированы: среди пейзажных аллюзий выделяются понятия-мотивы «зима», «снег», «февраль»,

а среди отсылок к миру культуры – музыкальные образы.

Так, в стихотворении «Февраль без снега» – а в сознании русскоязычного читателя поэзии после пастернаковского «Февраль. Достать чернил и плакать!..» название месяца непременно оказывается заключено в невидимые кавычки – последовательно разворачивается реминисцентный ряд. Заглавие-реминисценция подсвечивает следующую пастернаковскую формулу из второй строфы: «Мы оба тоскуем смертельно, / не выжить нам, брат мой февраль» [3, с. 157; курсив здесь и далее наш. – Т. К.] – и нет сомнений, что лексико-синтаксическим прообразом этой строчки была «сестра моя – жизнь». Дальнейший переход от сугубо пейзажных подробностей к метапоэтическим также происходит у Б. Ахмадулиной в полном согласии с поэтической логикой пастернаковского: в «Феврале без снега» «мука бесснежной зимы» вот-вот сменится «счастливым избытком» снегопада – и это ровно тот момент, когда наступает пора писать стихи (у Б. Ахмадулиной, впрочем, необязательно навзрыд): «и в этом блаженстве белейшем / сойдутся тетрадь и рука»; «Снег падал и долго был жив. / А я – влюблена и любима, / и вот моя книга лежит» [3, с. 159]. Инвариантная структурно-семантическая схема стихотворения Б. Пастернака сохранена целиком: нагнетаемая интенсивность движения в природе соотнесена с творческим волнением, вдохновением – и, как следствие, разрешается явлением на свет стихов. Воспользуемся терминологией А. Жолковского, характеризующего подобные поэтические инварианты у Б. Пастернака так: «единство разного: мир един даже в своих самых разных и противоположных частях и проявлениях» [7, с. 522]. То же единство природы и поэзии, снегопада и вдохновения, пейзажной «избыточности», граничащей с расточительством, и творческой свободы мы находим и в стихотворении Б. Ахмадулиной.

В системе пастернаковских инвариантных тем и подтем написано и стихотворение Б. Ахмадулиной «Милость пространства. 10 марта». Предметный план его узнаваемо ахмадулинский: маркированные топонимы (Таруса, Ока, Пачёво, «Паршино-село») отсылают ко множеству других текстов поэтессы, в которых достраивается и «обживается» тот же хронотоп (и в географическом, и в метапоэтическом плане; Таруса у Б. Ахмадулиной – выделенное, персонализированное пространство). Однако сочетание «пред-весны», «ямщика», равной «чернилам белизны» и, наконец, «капли-крикуньи», которая «навзрыд вещает» [3, с. 213], вновь эксплицирует подтексты Пастернака и, в частности, уже упоминавшееся стихотворение «Февраль. Достать чернил и плакать!..» – с «пролеткой», «кликом колес», «чернилами», «черною весной» и чернеющими проталинами, стихами «навзрыд».

Как и у Б. Пастернака, акустический фон лирического сюжета в разных стихотворениях Б. Ахмадулиной часто представлен звуками природы: «вот звук дождя, как будто звук домбры» [3, с. 15], «вещая, капель бубнила, предсказаньем муча» [3, с. 217], «священный шум несуетной возни: / томленье свадеб, добыванье пищи» (о птицах в весеннем лесу [3, с. 223]), «о вечности радел петух в селе» [3, с. 109]. Показательно, что звучащий природный мир представлен либо через сравнение с музыкой, либо через метафору, связывающую его с человеческой речью, а в предельном проявлении – с «вещью», «священной», «вечной» речью (сходный набор мотивных связок – природа-музыка-речь – мы встретим и у Б. Пастернака, например, в «Определении поэзии»). Способом ввести звуки окружающего мира в текст стихотворения часто являются насыщенные звуковые повторы: дождь сопоставлен с домброй, капель названа крикуньей, «священный шум» сразу же «записан» аллитерацией на шипящие.

Своеобразным текстом-«фокусом», аккумулярующим пастернаковские интертексты (а с ними – и отсылки к лирике В. Маяковского), в лирике Б. Ахмадулиной является стихотворение «Снегопад» (1968). Приведем его полностью:

Булату Окуджаве

Снегопад свое действие начал
и еще до свершения тьмы
Переделкино переиначил
в безымянную прелесть зимы.

Дома творчества дикую кличку
он отринул и вытер с доски
и возвысил в полях электричку
до всемирного звука тоски.

Обманувши сады, огороды,
их ничтожный размер одолев,
возымела значение природы
невеликая сумма деревьев.

На горе, в тишине совершенной,
голос древнего пенья возник,
и уже не села, а вселенной
ты участник и бедный должник.

Вдалеке, меж звездой и дорогой,
сам дивясь, что он здесь и таков,
пролетел лучезарно здоровый
и ликующий лыжник снегов.

Вездесущая сила движенья,
этот лыжник, земля и луна –
лишь причина для стихосложенья,
для мгновенной удачи ума.

Но, пока в снегопаданье строгом
ясен разум и воля свежа,
в промежутке меж звуком и словом
прометчиво медлит душа.

(«Снегопад» [3, с. 107–108])

«Снегопад свое действие начал» – это, по сути, пастернаковское «снег идет, снег идет», но изложенное в высоком стилевом регистре. Снегопад у Б. Ахмадулиной – явление не столько природное, сколько культурное, он театрально является зрителю в сеансе демиургической магии: начинается действие (так и хочется сказать «действие»), неспешное, но и неостановимое, – и совершает преобразование Переделкина (дополнительно усиливая семантику «преобразования» в названии поселка).

Узнаваемо пастернаковская зима – в отличие от «оригинала» – в «Снегопаде» Б. Ахмадулиной дана читателю не как вид из окна (у Б. Пастернака взгляд сразу упирался в герань и оконный переплет), а как постоянно расширяющийся ландшафт: вывеска Дома творчества – поля – сады, огороды – «невеликая сумма деревьев» – гора – вселенная. И если Б. Пастернак написал в конечном итоге о движении времени («Может быть, за годом год / Следуют, как снег идет» [14, с. 350]), то Б. Ахмадулина – о его остановке, зависании в воздухе; но именно из этого мысленного стоп-кадра берет начало стихотворение – из «промежутка меж звуком и словом». При этом Б. Ахмадулина сохраняет и усиливает заданный предшественником метапоэтический акцент: у Б. Пастернака «снег идет... как слова в поэме» [14, с. 350] – у Б. Ахмадулиной снегопад становится прямой и непосредственной причиной творческого акта. Не случайно в «Снегопаде» беззвучный мир – в первом катрене нет ни одного «внешнего», природного звука – постепенно наполняется голосами: сначала слышится гул электрички (немедленно «возвышающийся» до всемирного звука тоски), а затем появляется таинственный «голос древнего пенья» на горе. «Пауза» – исполненное смысла беззвучие, разрешающееся словом, – вот то состояние, в котором застаёт себя поэт и фиксации которого посвящено все стихотворение.

В «пении» этом звучат не всё свои слова – есть и чужие. Б. Ахмадулина виртуозно пользуется поэтическими аллюзиями, выстраивая их в целостные смысловые цепочки. Рождающаяся из «седа» благодаря паронимической аттракции «всепенная» могла бы показаться вполне нейтральным словом, не оказавшись с ней рядом «должника», а сочетание должника и вселенной – это уже прямая реминисценция из стихотворения В. Маяковского:

Поэт
всегда
должник вселенной,
платящий
на горе
проценты
и пени.
Я
в долгу
перед бродвейской лампионией,

перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной Армией,
перед вишнями Японии –
перед всем,
про что
не успел написать.
(«Разговор с фининспектором о поэзии» [11, т.1, с. 363])

Та же тема долга поэта перед Вселенной прозвучит у Б. Ахмадулиной и в стихотворении «Немота»: «Я кричу, но, как пар изо рта, / округлилась у губ немота. / Задыхаюсь, и дохну, и лгу, / что еще не останусь в долгу / пред красою деревьев в снегу, / о которой сказать не могу» [3, с. 84]. Разработка темы долга поэта пройдет через всю лирику Б. Ахмадулиной – но авторские смысловые акценты в ней будут расставлены иначе, чем у В. Маяковского: долг «речи» требует мучительного, исполненного физического страдания выговаривания, а процесс «звукоизвлечения» неизменно труден, иногда кровав, почти всегда болезнен. Однако это единственный путь преодолеть насущный шум, занявший место слова, и избавить вещи от безымянности. Живой голос обеспечивает речи подлинность и правдивость; только сказав – можно прикоснуться к истине.

Однако вернемся к анализу техники многослойных реминисценций в «Снегопаде». Расширяющаяся вселенная задает и новые ориентиры – «меж звездой и дорогой», и мы понимаем, что масштабирование здесь теперь лермонтовское: «Выхожу один я на дорогу...» – «И звезда с звездой говорит». Но важнее словесных совпадений – общая логика выстраивания художественного пространства – ведь в стихотворении М.Ю. Лермонтова оно тоже от первого ко второму катрену обретает космическое измерение. Сначала наше визуальное восприятие пространства направлено по горизонтали («предо мной кремнистый путь»), затем взгляд поднимается к небу (туда, где Бог и звезды) – и, наконец, выходит за пределы здешней вселенной – и мы смотрим на Землю словно бы с орбиты спутника («Спит земля в сиянье голубом...»). Отметим при этом объективные историко-литературные связи между всеми упоминавшимися авторами: Лермонтов был любимым поэтом Б. Пастернака и приходился прямым «романтическим» предшественником В. Маяковскому (и его «Вселенная спит, положив на лапу / с клещами звезд огромное ухо» [11, т. 2, с. 24] из «Облака в штанах» тоже звучит отголоском лермонтовского стихотворения).

Впрочем, отсылками к В. Маяковскому и М. Лермонтову аллюзийные узоры не исчерпываются. В финале стихотворения Б. Ахмадулиной тихонько звучит ахматовская нота:

Но в этой бездне шепотов и звонов
Встает один, все победивший звук.

Но вот уже послышались *слова*
И легких рифм сигнальные звоночки, –
Тогда я начинаю понимать...
(«Творчество» [4, с. 233])

При всем лексическом сходстве контекстов лицо и принципиальная разница: у А. Ахматовой безличный рассказ о процессе сотворения стиха («Бывает так») сменяется появлением лирического «я» – того, кто слышит и затем пишет. У Б. Ахмадулиной же в стихотворении нет «я» – ни разу не использовано не только само местоимение, но и глагольные формы первого лица, которые могли бы стать знаком присутствия лирического героя / лирического «я». Иными словами, голос есть, а субъект поэтического высказывания не выявлен. Подчеркнем, что это именно тот вариант субъектной организации, который мы наблюдали и в стихотворении Б. Пастернака «Февраль. Достать чернил и плакать!..» – голос, лирический тон, эмоция не имеют формально выраженного «носителя», но являются при этом «водяными знаками» его присутствия. Вся мистерия снегопада у Б. Ахмадулиной разворачивается как будто сама по себе – но ведь из нее и рождаются стихи. Финальная «мгновенная удача ума» (чьего ума?) – это моментальное соединение природы и вдохновения. А может быть, сам снегопад – это «стихи» природы, которые она делает видимыми для человека? В мире Б. Пастернака, во всяком случае, это было бы вполне возможно; у Б. Ахмадулиной, думается, тоже.

Таким образом, интертекстуальные связи лирики Б. Ахмадулиной и Б. Пастернака реализуются в разработке инвариантных тем и подтем старшего поэта в произведениях младшего (среди важнейших подтем – единство разного и соприкосновение частного и индивидуального с вечным и бесконечно огромным бытием), в сходных сенсорных реакциях – с выраженным сближением акустических образов природного мира и поэтической речи, в воспроизведении пастернаковской схемы лирического сюжета – с вариационным усложнением финала или созданием его альтернативной версии, в актуализации реминисцентного «шлейфа» отдельных лексем. Отсылки же к лирике В. Маяковского в большей степени осуществляются на уровне локальных цитатных переключек, парафра-

стической экспликации отдельных тем – в частности, долга поэта перед Вселенной.

Библиографический список

1. *Алешка Т.В.* Творческий опыт О. Мандельштама и поэзия Б. Ахмадулиной // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – Мінск, 2001. – № 1. – С. 33–38.
2. *Алешка Т.В.* Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии. – Минск: РИВШ БГУ, 2001. – 124 с.
3. *Ахмадулина Б.* Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2014. – 768 с.
4. *Ахматова А.А.* Избранное. – СПб.: Диамант, 2001. – 448 с.
5. *Бельская Л.Л.* «Беседы» Беллы Ахмадулиной с поэтами-классиками // Русская речь. – 2014. – № 1. – С. 32–36.
6. *Бельская Л.Л.* «Беседы» Беллы Ахмадулиной с поэтами-классиками (окончание) // Русская речь. – 2014. – № 2. – С. 25–31.
7. *Жолковский А.К.* Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 608 с.
8. *Зубарева В.* Промельк Пушкина // Prosodia. – 2015. – № 2. – С. 57–80.
9. *Маслеева Д.А.* Диалог поэтических миров: Белла Ахмадулина – Марина Цветаева // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – Вып. 2: История и филология. – С. 173–178.
10. *Маслеева Д.А.* Поэтическое восприятие Анны Ахматовой в лирике Б. Ахмадулиной // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – Вып. 4: История и филология. – С. 72–75.
11. *Маяковский В.В.* Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1987.
12. *Михайлова М.С.* Пушкин в поэзии Б. Ахмадулиной: Демиург, поэт и человек // Вестн. Барнауль. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. – 2005. – № 5. – С. 35–41.
13. *Ничипоров И.Б.* Художественная картина мира в «цветаевских» стихах Б. Ахмадулиной // Художественный текст: варианты интерпретации. – Бийск, 2007. – Ч. 2. – С. 126–136.
14. *Пастернак Б.Л.* Полное собрание поэзии и прозы. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. – 1279 с.

ЗВУК В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РАННЕГО Б. ПАСТЕРНАКА

Ранние поэтические тексты Б. Пастернака (сборники «Близнец в тучах», «Поверх барьеров»), в полной мере представляющие становление и формирование авторского «я», содержат и актуализируют важный мифопоэтический страт творчества. На примере ряда стихотворений рассматривается специфика функционирования звука как категории поэтики. Автор статьи показывает, что звук является неотъемлемым элементом структуры текстов поэта, реализуя себя на образном и мотивном уровнях. Делаются выводы, что звук становится организующим началом рубежного времени, при этом проявляясь в максимально предельном качестве; вместе с тем, он приводит к нераздельности пространства, снимая оппозиции внутри текста. Варианты звукового начала (шум, гул) являются предвестниками преобразований и трансформаций внутри текста, одновременно выражая раздробленность, неопределенность пространства. Сплошная звуковая неразборчивость, какофония олицетворяет собой хаотичность, кризис, неструктурированность мироустройства, крайнюю фрагментарность пространства. Также звук может сам становиться действующим началом, творцом, поэтому происходит его овеществление, наделение антропоморфными свойствами; звук становится и элементом, и персонажем авторского мифа.

Ключевые слова: Б. Пастернак, звук, звуковой образ, ритм, рубежное время, миф.

Свойственная раннему Пастернаку мифопоэтическая организация художественного пространства предполагает очевидный акцент на космогонических и креативных элементах текста. Так, достаточно частотный в этот период образ ночи представляет особое, сверхъестественное пространство, нередко обладающее мистериальными признаками; именно ночью подготавливаются и свершаются «действия», которые разрешаются с наступлением света. Подобное время-пространство характеризуется и неординарностью звука, какофонией (шум, гул, грохот и т. д.). В этом смысле ночь выступает наиболее активной фазой различного рода преобразований, трансформаций.

Мистериальное пространство встречаем, например, в «Метели», где герой погружен в стихию вьюги-ворожеи. Место действия – посад – отмечен знаком иного, чужеродного (но парадоксально родственного герою) локуса (В посад, куда ни одна нога / Не ступала, лишь ворожеи да вьюги): «“Посад” показан здесь не только как особое, художественно отмеченное пространство, но и как замкнутое (закрытые ворота), из которого трудно или вообще невозможно найти выход. Любой вид движения в этом локусе не выводит наружу, во внешние пространственные сферы: оно имеет либо круговой, либо “челночный” характер» [5, с. 243]. Посад захватывает, «поглощает» любого зашедшего в его пределы, любая попытка преодолеть границы провоцирует зимнюю стихию на новые «волны противодействия». Однако более вероятно как раз то, что лирический герой гиперболизирует проявления стихии, она ему родственна, они оба «стихийны». Выход из такого посада не требуется, потому что в центре – создание мистериального пространства и затем – мистериальное шествие («балаганное шествие» в «Сочельнике», загород которого – своеобразный лозунг, символ, цель действия). Противопоставление снимается

благодаря повсеместной стихийности (одному из маркеров мифологизации), отсюда существовавшие, на первый взгляд, оппозиции нейтрализуются сами собой.

Все это показано во второй части «Метели» посредством многократных рефренов-призывов «За город!»; именно в «Сочельнике» (и в итоговом варианте финальной части «Метели») музыкальная, звуковая сторона метели достигает своего высшего предела. В противопоставление посад, место действия «Сочельника» разворачивается в городе, однако это не снимает отчетливого акцента именно на фольклорном, даже карнавальном (или его имитирующем) начале. На это указывает и время происходящего – ночь (это слово выделено в тексте графически), и прямая номинация метели-заговорщицы: «Всё в крестиках белых, как в Варфоломееву / Ночь, – окна и двери. Метель-заговорщица!» [2, с. 348] Идентичный прием графического обозначения времени суток применяется и в последней строфе, где слово *ночь* также находится в начале строки, автоматически попадая в сильную позицию. Вторая строфа открывается «заговором бульваров», при этом одиночные наречия оказываются автономны и независимы в смысловом отношении: «Торжественно. Грозно. Беззвездно. И боязно». В третьей строфе ощущение надвигающегося метельного хаоса снова нагнетается путем повторения тех же синтаксических конструкций, доводящих смысл почти до тавтологичности: «Грозно, торжественно, / Беззвездно и боязно». Метель, вьюга, которые в пастернаковской поэтической системе изначально обладают потенциальным звучанием (как сгущенный, концентрированный образ стихии), в этом тексте усиливаются и особой ролью первой – *заговорщица*. «Заговорный» срез текста выражен и в анаграммировании: дублированное восклицание «за город!» созвучно «заговору»: **заговор – за город**. Снежная стихия именно через звук производит магическое

действие, тем самым пытаюсь разомкнуть пространство и вывести город за город. Подобное слияние создает атмосферу карнавала, существования «мира наизнанку», когда снимаются любые запреты и размываются нормы; мир представляет собой единое пространство, где разыгрывается действие (*балаганное шествие*): «*Бушует бульваров безлиственных заговор. / Торжественно. Грозно. Беззвездно. И боязно. / На сборное место, город! За город! / И хлопья мелькают, как лампы у пояса // Как лампы у пояса. Грозно, торжественно. / Беззвездно и боязно. Ветер разнузданный / Осветит кой-где балаганное шествие: / «Вы узнаны, ветки! Прохожий, ты узнан!»*» [2, с. 349]. Общую картину разбушевавшейся стихии поддерживает и *разнузданный* ветер. Если, например, в «Мельницах» царит абсолютная тишина и безветрие, то здесь наоборот – ветер достигает крайних пределов, тем самым внося свой элемент хаоса и разрозненности: «*Над свежезрытой тишиной, / Над вечной памятию лая, / Семь тысяч звезд за упокой, / Как губы бледных свеч, пылают*» [2, с. 354]. Помимо этого условная «карнавальность» происходящего усиливается *балаганным шествием*, которое имплицитно всегда содержит в себе «звуковую» основу: как шумное, диалогическое и театрализованное зрелище. В следующем четверостишии звуковая наполненность текста доведена до предела: «*И взмах лампона: “Вы узнаны, узники / Уюта!” – и по двери, мелом, крест-накрест / От номера к номеру. Стынущей музыкой / Визгливо: “Вы узнаны, скрипы фиакра!”*» [2, с. 348].

Стынущая музыка – прямое указание на ее принадлежность метели, вьюге (оттого и «стынущая» – соотносящаяся с холодом зимы). Визгливо в этом контексте может трактоваться и как сигнал тревоги, предупреждения (по аналогии с сиреной): стихия словно сама «оповещает» узников уюта, но вместе с тем и оказывая на них воздействие на эмоционально-психологическом уровне. Или же стынущая музыка метели пытается «подыграть» скрипам фиакра, издав звук примерно той же тональности, высоты (тогда в этом случае снова актуализируется «карнавальность», общий игровой план этого текста). В варианте 1928 года эта строфа заметно преобразована: более отчетливо выражен исторический план самой Варфоломеевской ночи (за счет введения имени главы гугенотов Колиньи) и несколько снижается игровой характер: «*Дыра полыньи, и мерещится в музыке / Пурги: – Колиньи, мы узнали твой адрес! / Секиры и крики: – вы узнаны, узники / Уюта! – И по двери мелом – крест-накрест*» [2, с. 87].

«Музыка пурги» знаменует собой предел, высшую точку звукового напряжения; «мерещится» – пурга словно затмевает, заглушает собой крики узников уюта. Это, вероятно, требуется, чтобы через звуковую доминанту «скрыть», замаскировать

действия. Как видим, гул как сплошное, всеобщее звучание расчленяется на составляющие, которые затем обретают форму (фактуру) самостоятельных звуков и уже они, в свою очередь, организуют мистериальное действие.

Гул, непроявленность, застланность мистериального пространства определяют появление рубежного времени (ночь, мрак, постепенно сменяемый светом). Так, в стихотворении «Урал впервые» двусмысленность восприятия и возможность подобной интерпретации задается наречием *впервые*: с одной стороны, твердыня Урала подается как впервые увиденная детским сознанием (позволим себе предположить – главной героиней «Детства Люверс»). Отсюда, возможно, наличие в тексте «сказочного» элемента (злаязычный Горыныч), с другой стороны, наличие в первой строфе повторяющихся предлогов *без* со значением отсутствия, что задает координаты «внеисторического» времени, первого дня (где *без памяти* является знаком того, что прошлого словно не было, оно формируется на наших глазах): «*Без родовспомогательницы, во мраке, без памяти, / На ночь натыкаясь* руками, Урала / Твердыня *орала* и, падая замертво, / В мученьях ослепшая, *утро рожала*» [2, с. 88]. «Первобытный» хаос характеризуется и теснотой, предельной ограниченностью пространства, которое еще находится в «свернутом» виде (*натыкаясь, нечаянно задетье*): «*Гремя* опрокидывались нечаянно задетые / Громады и бронзы массивов каких-то. / *Пыхтел пассажирский*. И где-то от этого / Шарахаясь, падали призраки пихты» [2, с. 88]. Формы этого мира еще не обрели окончательные контуры, поэтому они названы «какими-то массивами». Звуковые образы, включающие в себя комплексы с сонорными <р>, <н>, <л>, <м> и звонкими <б>, <г>, <д>, <з>, также поддерживают картину «рождения» утра (света) из горных недр. Вместе с тем звуковое проявление – *орала* – показано на максимальном, предельном уровне, что также может восприниматься как знак перехода в новое состояние, качество. Конец второй строфы содержит намеки наступления относительной тишины, однако появляется новый импульс движения, теперь уже света, утра, что отражено в цветовом спектре: ночь, мрак исчезают, сменяясь огнем, пунцовым, оранжевым.

Одно из определяющих мест в стихотворении занимает структурирующий весь текст образ пассажирского поезда, смысловые лучи от которого распространяются практически на все строфы, словно скрепляя их в единое целое. Композиционно появление поезда происходит после достижения пика, предела, максимального напряжения: после этого падают *где-то* (удаленность, неопределенность места) *призраки* пихты (также указание на неразличимость очертаний, то есть дистанцированности происходящего). Синтаксически

образ поезда вводится одним простым нераспространенным предложением: пыхтел пассажирский. Минималистично и сопровождение самого явления поезда: из обычно перенасыщенной компонентами творческой стихии выбирается только один элемент – звук. Кроме того, поезд, по умолчанию включающий в себя ассоциации с границей, рубежом и ритмом, стуком колес, будто знаменует собой появление иного, нового локуса. Начало третьей строфы содержит неоднозначный в этом контексте эпитет – *коптивший* рассвет, что может трактоваться и как постепенное «осветление» пространства, выход из мрака, но и как метонимический перенос – коптивший скорее относится именно к поезду, точнее к дыму (ср. в стихотворении «Вокзал»: «И *пышут* намордники гарпий / *Парами* глаза мне застлав»). Более того, все происходящее в тексте подано с точки зрения детского сознания, Пастернак имитирует оптику *видения* ребенка, подростка. В «Детстве Люверс» представлено следующее наблюдение Женей через окно приближающихся Уральских гор: «Горная панорама раздалась и все растет и ширится. Одни стали черны, другие освежены, те помрачены, эти помрачают. Они *сходятся и расходятся, спускаются и совершают восхождение*» (курсив и далее наш. – А. В.). Все это производится по какому-то медлительному кругу, как вращенье звезд. <...> Этими сложными передвижениями заправляет ровный, *великий гул, недоступный человеческому уху и всевидящий*. Он окидывает их орлиным оком, немой и темный, он делает им *смотреть*. *Так строится, строится и перестраивается Урал*» [3, с. 146]. Примечательно в этом фрагменте ритмическое «восприятие», переданное через своеобразный синтаксис (в последнем предложении процитированного отрывка) и глаголы, олицетворяющие монотонные, однообразные визуальные спуски-подъемы, характерные для контуров гор. Подобная ритмическая организация, дублирующая и аллюзивно присутствующее движение поезда (стук колес), опосредованно вводит звук, но в его новом – формальном, организующем и формирующем виде.

Таким образом, Урал реализует свою устойчивую рубежную функцию, вместе с тем рубежность усилена и образом окна, сквозь которое Женя Люверс видит уральскую природу, одновременно с этим вступая в новую, взрослую фазу жизни (аналогично инициации), то есть Урал оказывается для нее своего рода сакральным пространством. Этот смысловой пласт эксплицирован и звуковой формой топонима: «Имя [Урал] как бы вырастает само собой из ландшафта, описание которого строится в опоре на многократные повторы сонорного *р*: *грозовая, громкое, горное, раскатившееся кругом, орешник – Урал*. Но обобщение, завершающее описание ландшафта, возвращает нас к идее гула горных недр. Урал – это место, где слышен гул

непрекращающегося миротворения» [1, с. 142]. В стихотворном тексте топоним Урал оказывается зашифрован, анаграммирован в первой строфе (*руками, орала, утро, рожала*), также содержащей в себе элементы творения нового космоса.

В обоих текстах образ поезда фокусирует в себе пучки смыслов, являясь семантическим ядром, определяющим компонентом в структуре художественного пространства. Наряду с топом Урала он знаменует собой рубеж и своим появлением (прибытие/отъезд поезда), и своим гудком, соотносящимся с гулом, который потенциально у Пастернака предвосхищает последующее перерождение (отсюда и более позднее «На ранних поездах»). В этом отношении наши наблюдения совпадают с суждениями Е. Фарыно о функции сирен, гудков и свистков в поэтической системе Пастернака: «Прежде всего это – делимитаторы, знаменующие собой конец одного состояния и начало иного, а более широко – мену мира, прекращение, часто интерпретируемые как катастрофа (для одних) и торжество (для других)» [6, с. 321].

Стоит отметить и вектор разворачивания пространства: с одной стороны, движение поезда направлено в горизонтальной плоскости, однако более значимое «вырастание» предметного мира происходит по вертикали: «И сосны, повстав и храня иерархию / Мохнатых династов, вступали / На устланный наста оранжевым бархатом / Покров из камки и сусали». Замедленная динамика (*повстав и храня иерархию*), кроме прочего также имеющая некую ритмичность (*вступали*), так и в некоторой степени неторопливость, монументальность действия, говорит о значимости, величии произошедшего (*мохнатых династов*). Мрак, сумерки, как можно видеть, выступают в творчестве Пастернака знаком созидающей, творческой стихии. Рубежное время – тот отрезок, когда сам процесс номинации тождествен созиданию вещи-предмета, окружающей реальности (и шире – космоса) в рамках поэтического текста. Сон (ночь, мрак) соотносим с дионисийским началом, характеризующимся принципиальной нелогичностью, иррациональностью, хаосом, но имеющим креативный «заряд». Тогда как утро – олицетворение аполлонического начала с его упорядочивающим, структурирующим действием; это время, когда разрозненные элементы приобретают узнаваемую форму. Прообразы будущего мира буквально вырастают из «великого гула, недоступного человеческому уху», *еще* не ясного звука, но обладающего потенциально созидательной энергией. Гул выступает здесь в качестве своеобразного предвестника последующих изменений и трансформаций, но вместе с тем и неким катализатором процессов. Подобная функция гула встречается, например, в стихотворении «Воздух дождиком частым сечется...», где он также становится зачинателем природных преобразований

и свершений: «Воздух дождиком частым сечется. / Поседев, шелудивеет лед. / Ждешь: вот-вот горизонт и очнется / **И – начнется. И гул пойдет**». Но помимо этого гул в данном случае сам становится персонафицированным воплощением героя текста, наделяясь при этом качествами лирического субъекта. Как замечает Д. Сегал, «И гул пойдет» – это не только «и послышится, начнется гул», но и «начнет идти персонаж по имени гул» [4, с. 666].

Миф первотворения, когда через звук и голос творца (Петра) преодолевается раздробленность, фрагментарность хаотического начала, представлен в «Петербурге». Пространство, из которого впоследствии буквально оформится, вырастет город, изначально характеризуется крайней теснотой, нагроможденностью, звуковой неразборчивостью: «Волны *толкутся*. Мостки для ходьбы. / *Облачно*. Небо над буюм, залитым / *Мутью*, мешает с толченым графитом / *Узких свистков* паровые клубы. / *Пасмурный день* растерял катера...» [2, с. 81]. Изначальное существование мира протекает в предельной тесноте – *толкутся* (ср. в тексте «Урал впервые»: *натываясь, нечаянно задетье*), пространство предельно ограничено, что и выражено в первых строках: «*В пулю сажают вторую пулю / Или бьют на пари по свечке / Так этот раскат берегов и улиц / Петром разряжен без осечки*». Многозначность «раската» своеобразно организует поэтический текст: одновременно создается пространственность и звуковое оформление, что подает мир в его синкретичном состоянии («первобытный» мир издает длительный гул – раскат). Это состояние дублируется и геометрически свернутой формой, которая потом развернется (будет «раскатана» – развернута в горизонтальной плоскости). Чтобы «творение», становление нового космоса состоялось, требуется творец, демиург (Петр). Однако постепенно предметы начинают резонировать, производить собственные звуки сами по себе: «Облачно. *Щелкает* лодочный блок. / *Пристани бьют в ледяные ладоши*. / *Гулко булыжник обрушивши*, лошадь / *Глухо въезжает* на мокрый песок» [2, с. 81]. Части изначально расчлененного, разрозненного мира «сцепляются» между собой, вступая в звуковые контакты; звук метонимически распространяется с одного предмета на другой (*лошадь, булыжник*), возникает цепная звуковая реакция. Анафорическое *гулко* демонстрирует всеобщее одушевление предметов и объектов: звук создается внутри самого текста, что провоцирует дальнейшее текстовое движение, и уже звук становится неотъемлемой составляющей мифа творе-

ния. Далее, звуковое начало преобразуется в *речь*, сам город через предметы обретает голос; в этом смысле любое звучание начинает трактоваться как творчество: «Воли наводнения не сдержишь сваями. / *Речь* их, как кисти слепых повитух. / Это ведь *бредишь ты, невменяемый, / Быстро бормочешь вслух*» [2, с. 82]. Город «вырастает» из бреда, бормотания Петра; более того, речь творца словно «заражает» все вокруг, распространяется на окружающие предметы. В этом отношении звук снова реализует свою структурирующую функцию; хаотическое, еще *не-оформленное* пространство постепенно упорядочивается, обретая контуры узнаваемого космоса.

Таким образом, можно констатировать чрезвычайно важную роль звука как в поэтическом мышлении Пастернака (вероятно, аудиальном вследствие композиторского прошлого), так и в мифологическом пространстве ранних текстов. С рубежным временем соотносится звук в своем максимальном, предельном проявлении; звук выступает как организующее начало рубежного времени («Метель»), вместе с тем он приводит к нераздельности пространства, снимая оппозиции внутри текста. Варианты звукового начала (шум, гул) являются предвестниками рубежного времени, одновременно выражая раздробленность, неопределенность пространства («Урал впервые»). Кроме того, звук может сам становиться действующим началом, творцом («Петербург»), поэтому происходит его овеществление, наделение антропоморфными свойствами; звук становится и элементом, и персонажем мифа, а уже миф, в свою очередь, связан с идеей творчества в самом широком понимании.

Библиографический список

1. *Абашев В.В.* Урал как предчувствие. Заметки о геополитике Бориса Пастернака // Вопросы литературы. – 2008. – № 4. – С. 125–144.
2. *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 1. – М.: Слово, 2003. – 578 с.
3. *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 3. – М.: Слово, 2004. – 632 с.
4. *Сегал Д.М.* Литература как охранная грамота. – М.: Водолей Publishers, 2006. – 976 с.
5. *Смирнов И.П.* Б. Пастернак. «Метель» // Поэтический строй русской лирики. – Л.: Наука, 1973. – 351 с.
6. *Фарыно Е.* Введение в литературоведение: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639 с.

РИТОРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОЦРЕАЛИЗМА И СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Целью статьи является общая характеристика риторической системы соцреализма применительно к «массовой» поэзии советской эпохи. Задача риторической советской культуры, нагруженной пропагандистским и воспитательным заданием, нормированной по образцам (клишированной), – предложить человеку абсолютные ценности, а задача человека – усвоить их. Словесность предстает обязательной манифестацией неразличимости «я» и «мы»; читатель и писатель – люди одного социального и ментального типа, различающиеся только местом в общей иерархии. Такая «однородность», сопряженная с «конвейерным» производством писателей, приводит к многочисленным словесным курьезам, объяснимым самой сутью тоталитарной риторики и лежащим в ее фундаменте «новоязом». В деиндивидуализированной советской поэзии на первый план нередко выходит сама риторическая система, отсюда и массовая способность советских поэтов становиться графоманами: происходит «поглощение» поэтической задачи и самого автора официозом.

Ключевые слова: соцреализм, риторика, этос, пафос, официоз, деиндивидуализация, «новояз».

При всех длящихся десятилетия спорах о сути соцреализма и истинной природе советской литературы некоторые общие представления не вызывают серьезных возражений. Речь идет об особой не только идеологической, но и лингвориторической литературной модели, ориентированной на массовый вкус, нагруженной пропагандистским и воспитательным заданием, нормированной по образцам (клишированной): «Это позволяет анализировать данные тексты с точки зрения и поэтики, и риторики, рассматривая их в аспектах этоса, пафоса и логоса, выводя содержательные и формально-языковые черты из системы топосов как морально-идеологических и логико-смысловых моделей» [9, с. 8]. Исследователи примерно сходятся в перечне основных идейно-художественных принципов социалистического искусства как органического целого: партийность, превосходство, его исключительность и непревзойденность, монументализм, мифологизм, оптимизм, «новый гуманизм», «борьбизм», художественное переконструирование жизни, прагматизм, массовость, тематическая ограниченность [12, с. 12]. Соцреализм за последние десятилетия становился предметом изучения с самых разных сторон: общих культурных и эстетических особенностей [5; 10], мифологии и типологии соцреалистического героя [6; 10], риторики советского ритуала [1], социокультурных пространств, повседневности и т. д. [см. обзор в: 7].

Разговор о соцреализме легко переводится в социологический план: «...произведения социалистического реализма следует трактовать как источник образцов для социализации, как средство коллективной терапии... <...> Речь должна идти об образцах для групп и сообществ, о новых нормах и моделях коммуникации. <...> Контекстом для развития социалистического реализма был процесс сталинской модернизации, перехода масс населения к городскому образу жизни» [11, с. 209]. Советский человек (и писатель, и читатель) предстает как особый цивилизационный тип, возник-

ший в стране, где не были развиты буржуазные отношения, где и пришедшая к власти радикальная интеллигенция, и советская номенклатура исповедовали антииндивидуализм; можно указать и на специфический быт перенаселенной коммунальной квартиры, уничтожающий приватное, интимное начало жизни (гротескность коммуналки и ее «населения» стала предметом литературы еще в 1920-е годы – см. рассказ М. Зощенко «Нервные люди») и т. д.

Возможно, наиболее серьезный аргумент здесь – это деиндивидуализация судьбы. Советский человек, как и средневековый, убежден (пропагандой), что его жизнь имеет смысл прежде всего в связи с великой борьбой за освобождение человечества. Судьба не индивидуальна, и наиболее достойный с общественной точки зрения вариант ее – построение по какому-либо чаще всего героически-жертвенному образцу; ранний (и высокохудожественный) пример этого создал еще В. Маяковский («Встретить я хочу мой смертный час так, как встретил смерть товарищ Нетте» [17, с. 164]). Отсюда и галерея героев-образцов для каждого возраста и социального слоя (пионер Павлик Морозов, комсомолец Павел Корчагин, шахтер Алексей Стаханов, трактористка Паша Ангелина, полярник Иван Папанин, летчик Валерий Чкалов и пр.).

Литературе в процессе превращения приватного «я» в публичное «мы» отводилась особая роль: вместе с журналистикой она «отвечала» за идеологически выверенный словесный образ времени, мира и человека, по сути дела, за самую «правильную» картину мира, а власть, прежде всего через многочисленные постановления и выступления, адресовала и той и другой одинаковые требования [15, с. 36]. Широко понимаемая официальная (а другой в сталинские годы практически не было) словесность была не просто средством пропаганды или орудием «переделки», но обязательной манифестацией неразличимости «я» и «мы». Е. Добренко, используя мысль Э. Надточия о том, что письмо соцреализма устроено как машина кодирования потока желаний

массы, указывает: это желания приобрести сверхплотность, растворить индивидуальные конфигурации тел в тотальном равенстве элементов единого сверхтела («Хочу позабыть свое имя и звание – на номер, на литер, на кличку сменить»), расти, вечно повторяясь в каждой новой единице, остановить время (потому что «с каждым днем все радостнее жить»), упоение собственной неповторимостью («Я другой такой страны не знаю...») и пр. Этот тип сознания продуцирует бинарную политическую мифологию (*свой – враг*, и т. п.) [8, с. 39].

И читатель, и писатель в массе своей – «свежие люди», только что покинувшие крестьянскую или мещанскую среду: «...авторы владеют нормативным языком, языковой нормой, но в то же время ощущается, что он нов для них, что они только недавно выучились...» [11, с. 215]. Нормативность как казенность речи, невозможность индивидуального стиля в силу «необретенной субъектности» – принципиальное соображение, так как низводит типичного советского писателя до хорошо (или не очень) владеющего слогом чиновника на государственной службе: ничего личного в документообороте быть не должно, а сам писатель-чиновник, как правило, не сознает степени дискредитации искусства в своей работе (см. коллективный образ МАССОЛИТа в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», когда даже в момент прозрения своей бездарности и продажности поэт Рюхин не в состоянии понять, чем же он **радикально** отличается от Пушкина).

Еще А. Синявский в статье о романе «Мать» отметил, что когда Горький принимается за «социальную педагогику», то «становится непомерно идеологичен и назойливо рационален, рассудочен», – и далее показал, как с помощью реалистических деталей делается попытка оживить «риторический спектакль», в котором герои все время ораторствуют, убеждая друг друга в правоте революционного дела [22]. Задача риторической советской культуры – вновь, как в средневековье, предложить человеку абсолютные ценности, а задача человека – усвоить их; но это не старый, а новый «рефлексивный традиционализм», поскольку речь идет о специфическом комплексе «славных революционных, боевых и трудовых традиций советского народа».

«Конвейерному» производству советского писателя, «однородного» с читателем, была посвящена представительная научная конференция «Письмо и власть. Литературная учеба в советской культуре 1930-х гг.» (Констанц, 2007), где звучала сквозная мысль о «воспитании» и «обучении» писателя как встраивании в нарратив власти. Процесс педагогизации включал в себя трансляцию культурных техник в массы и в то же время такую «встроенность» писателя как «учителя масс» «в сложную педагогическую пирамиду литературных институций, груп-

пировок и блоков», которая заставляла его самого по мере надобности «учиться, учиться и учиться», «осознавать», делать «работу над ошибками» [2]. Так как литература исходно – это искусство слова, ущербность такой «однородности» читателя и писателя приводила к многочисленным курьезам, о чем свидетельствует собранная Д. Галковским из типичных соцреалистических текстов антология «Уткоречь». Ее 294 текста, по отзыву рецензента, – не свидетельство «распада культуры», как считает сам Галковский, а «выражение эпического, “вокального” периода объединенной нации энтузиастов. <...> Через это хоровое “кряканье” прорезался голос нации “новых людей”. Это не порча русского языка, это – новый язык, состоящий из атомических выражений (“штампов”), неделимых точно так же, как неделим его носитель – толпа» [13]. Приведем один, далеко не самый «графоманский» пример (стихотворение «Снимок» В. Казина, 1938), интересный именно количеством искренних штампов – стихотворение настолько «риторично», что содержательные аспекты (замещение традиционной лирической ситуации «любовью к вождю» и его риторическая агиография) уже кажутся второстепенными обстоятельствами.

На нём – ни одной из любимых,
Не встретишь ни мать, ни родню.
Но есть он, чуть выцветший снимок,
Который я свято храню.

Взгляну ль на него ненароком,
Иль брошу сознательно взгляд,
Вскипая в волнение глубокое,
По-детски и горд я и рад.

Взволнуюсь я чуда явленьем –
И взгляд мой затеплит слеза:
Мелькнёт и засветится Ленин,
Как счастье, ворвавшись в глаза.

Он вспыхнет, подпёртый толпою,
Такой весь до кепки родной,
С такою фигурой простою
Под древней кремлёвской стеной.

Стоит он, мудрец-покоритель
Врага, закрывавшего свет,
Великий наш первоучитель,
Провидец всех наших побед.

И, глаз пронизательный шуря,
Следит он, как в зорях знамён
Шагает прекрасная буря,
Шумит непреклонность колонн.

И вздрогну я с чувством священным,
Как гляну в удачу свою,
Что с ним, с дорогим, с незабвенным,
Я рядом, мальчишка, стою [23].

Здесь и революционно-народническая традиция, и канонические формулы изображения вождей, и романтические штампы «высокой» лирики

XIX века, и откровенная неуклюжесть (две первые строки, «брошу сознательно взгляд», «вспыхнет, подпертый толпою», «мудрец-покоритель» и др.). «Свято храню», «вскипая в волненье глубоко» (два почти пародийно совмещенных в одной синтагме риторических оборота), вся четвертая строфа, пронизательно сощуренный ленинский глаз и «зори знамен» – перед нами неразложимое сочетание неуклюжести и канонической риторики. Очевидно, что автор, конечно, не капитан Лебядкин, но в то же время настоящий «энтузиаст», по определению рецензента антологии. Массовость подобного явления ставит проблему советской риторики и «цементирующего» ее новояза как первоочередную при описании типичной советской поэзии.

Согласно Н.А. Купиной, «как элемент общественного сознания идеология существует прежде всего в языке. Именно благодаря языку идеология внедряется в общественное сознание и функционирует» [14, с. 7]. Исторически тоталитарная риторика представляет собой результат глубокой деформации русского языка после революции, потерявшего (в пределах СССР) прежние источники авторитетного слова (от Священного Писания до беллетристики и адвокатуры). Произошли упрощение и регламентизация политического и судебного красноречия, адаптация его к сознанию масс, причем одновременно с кампанией по ликвидации неграмотности в речь вбрасывалось огромное количество политической лексики, поскольку главная цель кампании заключалась в том, чтобы облегчить агитацию, научив массу читать газеты [24, с. 427]. Публичное речевое пространство буквально затопляется языком власти, затем этот язык окаменеет, ритуализуется и начинает употребляться вне связи с денотатом, что позволяет довольно абстрактной лексике с размытыми значениями получать нужное ситуативное наполнение и служить универсальными формулами: призывы «Даешь!», «Поменьше словоблудия – побольше дела!», «Пятилетку – в четыре года» и разноименные здравницы во славу революционных героев составляли (хотя хронологически и варьировали) монологическую риторику советской идеологии вплоть до развала СССР. «Фоновое знание» любого коллектива поневоле предопределяется фразами и словами-сигналами, которые так или иначе присутствуют в его медиальном кругозоре» [1, с. 302]. Ритуализация советского социолекта делает противоречивые, неопределенные или бессмысленные с современной точки зрения обороты влиятельнейшими участниками коммуникативного процесса. Как отмечает Э. Маркштайн, «лингвистически этот язык можно описать как систему означающих (знаков, сигнификантов), за которыми или вообще не стоит означаемого (референта, сигнификата), например: **счастливое детство**, или же стоит прямо противоположное тому, что принято данными словами

называть на естественном, то есть человеческом, языке, например: **высшая мера социальной защиты** вместо – **расстрел** (государство не только довлеет над личностью, но и претендует на защиту общества от нее)» [16, с. 101].

В то же время мифологическая захваченность массового сознания тоталитарной риторикой позволяет при минимуме и скудости казенного языка добиваться сильнейшего эффекта. Так, внутри нее чрезвычайно действенны даже числа, если это сакрализованные, заклинательно повторяемые цифры «великого плана» построения чаемого земного рая: «Большевицкими темпами обеспечим своевременный пуск 518 новых предприятий, построим 1040 машинно-тракторных станций, развернем мощное строительство совхозов и колхозов!» [19, с. 95]. Настаивая на ограниченности лексики, тавтологичности, «одурающем вдалбливании» сталинского риторического стиля, М. Вайскопф вынужден признать: «...слог Сталина наделен великолепной маневренностью и гибкостью, многократно повышающей значение каждого слова. По семантической насыщенности этот минималистский жаргон приближается к поэтическим текстам, хотя сфера его действия убийственно прозаична» – эти слова «опознавались сталинской аудиторией как глубоко родственные ей сигналы, как знаки ее внутренней сопричастности автору» [3, с. 7–8]. Замечательным примером воздействия советской риторики в экстремальных условиях является «Священная война» В. Лебедева-Кумача. В самом тексте нет ничего, кроме привычных риторических формул («вставай на смертный бой», «проклятая орда», «ярость благородная вскипает, как волна» и т. п.), но, помноженные на суггестию поэтических повторов, мрачную торжественность музыки и – главное! – прозвучавшие в самый нужный момент, эти формулы исчерпывающе выражают мироощущение поднявшегося народа.

Современные исследователи могут и вовсе отказывать соцреализму в какой-либо индивидуально-авторской художественности на основании того, что «единственным творцом соцреалистического текста является власть» [8, с. 35]. Характерна концепция О. Седаковой, предложившей считать советское искусство «поздним фольклором». Это стихи, в обедненном виде перенявшие книжную традицию и адаптировавшие ее к прагматическим задачам (например, написать в газету к празднику); готовые прямо вмешаться в жизнь, то есть как бы не осознающие условность искусства; наделенные неиндивидуалистической этикой, отчего их автор отличается от неавторов не качеством, а количеством своей эстетической реакции («его одаренность выражается в умении найти среди общих мест наиболее эффективные общие места»). Важны «максимальная тематичность текстов (о чем эти стихи? – первый и последний

вопрос самого поэта, его редактора и читателя); «нулевое напряжение выразительности... <...> Все решения взятых тем предопределены до процесса сочинения. <...> Например, о «любимых»: их нужно беречь, не забывать, дарить им цветы... Автор обыкновенно признает свою вину перед возлюбленной, но поздно...» – и т. д., вплоть до отсутствия «внепредметного предмета», невидимого «магического кристалла», связующего попавшую в поле зрения поэта предметность в единый авторский мир [21]. Конечно, издержки обобщающей методологии, стремление охватить одним (несколько пренебрежительным) взглядом несколько десятилетий и множество судеб лишают ценные наблюдения Седаковой некоторой части объективности, но известная «фольклоризация» литературы в сталинский период – процесс бесспорный, выразившийся, в частности, в распространении песенной лирики «общенародного» содержания, причем песни писали профессиональные поэты. Как пишет Б. Менцель, песня «является наиболее эффективным инструментом формирования устойчивых идеологических стереотипов. Простая синтаксическая и просодическая структура, языковые и ритмические повторы при высокой эмоциональной насыщенности стимулируют процесс отождествления слушателя с содержанием песни» [18, с. 958]. Огромную популярность приобрели различные конкурсы советской песни (в 1935 г. на организованный «Правдой» и Союзом писателей конкурс на лучшую военно-комсомольскую песню – больше пяти с половиной тысяч текстов). Как отмечает Менцель, в новом советском фольклоре «преобладают патетические гимны, оборонные, боевые и молодежные песни – в противоположность песням лирико-задушевному», но если удавалось синтезировать первое со вторым, то автора ждал успех, как это случилось с песней «Катюша» (1938) на слова Исаковского, где тема разлуки девушки с любимым соединяется с образом солдата, защищающего родину. «Наиболее частыми темами песен в 1930-е годы были: Родина, Сталин, Москва, Партия, война (Гражданская) и защита Родины» [18, с. 958–959].

Считать ли соцреализм массовым искусством деиндивидуализированного «риторического человека», идеологическим мутантом, имитирующим реализм, «вырожденным фольклором» или хитрой машиной власти – важно для нас не это. В литературе у соцреализма есть свой субстрат – основанная на привилегированности тоталитарного языка риторическая система, сама по себе способная сохранять на уровне «полутерминов» идеологический каркас независимо от конкретной тематики текста или колебаний «линии партии». Однажды сформировавшаяся риторическая система сама поддерживает «конвенцию» при зигзагах политического курса; власть же охраняет привиле-

гированность системы в целом и неизбежность ее основных принципов. Заметим: большая часть исследований соцреализма посвящена прозе, развернуто воспроизводящей «канон» в сюжетно-композиционном, «геройном» и прочих планах. В поэзии же, за исключением текстов открыто гражданского характера или просто графоманских, на первый план выходит сама риторическая система; язык не простой иллюстратор догмы, но действующее лицо. Отсюда и массовая способность советских поэтов становиться графоманами, когда язык разоблачает себя так, словно это пишет не соцреалист, а поэт-концептуалист. Приведем несколько таких текстов из «Уткоречи» [23], даже не требующих развернутого комментария.

На белизну нетленной кости
Рисунок чукчи нанесли.
Олени мчатся. Едет в гости
Ильич на снежный край земли.

Сидит на первых нартах Ленин,
Сидит в кухлянке меховой.
И серые глаза оленя
Пылают радостью живой.

Пыль снеговую поднимая,
Легко несётся он вперёд.
Олень как будто понимает,
Кого он в этот раз везёт.

М. Лиснянский. Рисунок

Она стара,
Не дружит с лестницей
И всходит на неё, ворча,
Односельчанка и ровесница
Володи,
То есть Ильича.
А встретится с юноголосыми –
И начинает вспоминаться,
Что бегала в ту пору с косами,
Что было ей тогда семнадцать.
Ребята зашумят:
Мол, вспомните
И расскажите всё, что было.
И вспомнит, что стирала в омуте
Бельё
И мыло обронила.
А было в этот день ненастно,
И он глядел на речку с камня.
Что, мыло?!
И воскликнул радостно:
Предлог прекрасный для купанья!
У лодок.
Спавших кверху доньями,
Разделся он,
Над головою
Похлопал этак вот ладонями,
Нырнул –
И скрылся под водою.
Всплыл шумно,
Мыло бросил к тазику
И пошутил он, улыбаясь:

Представьте, отнял у карасиков –
Они от ила отмывались!

Вас. Фёдоров. Ровесница

Откинута косичка за плечо,
Тяжёлая отливка тускло светится.
Ладоням даже стало горячо,
Но вдохновенно трудится разметчица.
И молоток взлетает, метаясь в керн,
Но надо же несчастью случиться –
Удар пришёлся прямо по руке.
Слезинка задрожала на ресницах...
– Крепись, дочурка, – бригадир сказал.
А сам глазами ласково смеётся:
– Не зря тобою пролита слеза,
Ведь мастерство так просто не даётся.

Б. Латицкий. Слезинка

Пылающие радостью глаза оленя; юный, но уже подчеркнута простой, ловкий и мило «остроумный» Ильич, ведущий себя, как бы сейчас сказали, довольно-таки «прикольно»; ласково смеющийся глазами, нравоучительно «утешающий» «вдохновенную разметчицу» (девушка, между прочим, ударила изо всей силы себя тяжелым молотком по руке... и всего лишь «слезинка»...) – что, кроме типично советской проблематики «вечно живого», но такого родного вождя и радости тяжелого женского труда, объединяет эти самопародийные тексты?

На взгляд современного читателя – риторический провал, взаимонесоответствие ведущих элементов конструкции. Ленин, чукча и «сероглазый олень» (даже если читатель не знает классику ранней Ахматовой) – уже взрывоопасная комбинация, а прямая передача пылающим оленьим глазам основного пафоса стихотворения (гордости за всепроникающее и спасительное для всех живых существ ленинское учение, за обладание «солнцем истины»; просто трепетной любви к вождю) демаскирует трафаретность мысли и гротескную неуклюжесть приема. С точки зрения классической риторики, это крайне неудачное «изобретение» (*inventio*), плохое сюжетно-композиционное (*dispositio*) и словесное исполнение (*elocutio*). В тексте про мыло и карасиков то же самое, но еще смешнее: по стихотворному облику и возрасту девушки напрашивается некий романтический сюжет, а вместо него дается «пионерская» история («всегда готов») с Ильичем-паяцем (нельзя поверить, что именно этого ждут «юногососы»). В «Слезинке» на первый план выступает несоответствие между «моралью» бригадира (и автора), происшествием и реакцией самой «потерпевшей» (ведь в начальных строках подчеркнута, что это тяжелый, мужской, по сути, труд, о чем говорят абсолютно все детали). Такой молоток с размаху должен если не раздробить кисть, то обеспечить определенное повреждение мягких тканей и вызвать произвольный крик – но если страна прикажет, у нас героем становится любой, поэтому ни крика,

ни плача, одна «эстетичная» слезинка и «мудрое» нравоучение «ласкового» бригадира... Во всех трех текстах неудачно уже само риторическое «изобретение», то есть найденная ситуация – но риторическая система соцреализма подчиняется не «Этосу истинной риторики, требующей от языковой личности этически ответственной мыслеречевой деятельности на основе соблюдения прагматической конвенции – “единства слов, убеждений и дел”» [4, с. 36], а пропагандистскому заданию «официолекта», которое должно быть «озвучено» в любом случае. В результате – откровенное саморазоблачение и фальшь. В подобных текстах риторическую систему соцреализма можно уподобить гоголевскому Городничему в сцене его саморазоблачительного гнева на себя и «бумагомарак» – гнева мошенника и реакционера одновременно.

Эта саморазоблачительность связана и с тем, что располагающийся в центре новой риторики адресованный массам официальный дискурс нарушает «одно из важнейших требований коммуникации – информационной новизны», и инвентивный стержень официолекта «строится на ущербной логосно-когнитивной основе» [4, с. 29]. Тавтологичность референта, равно как и неполнота или симуляция его, также характерны для тоталитарной риторики, губительны для поэзии – автору попросту нечего сообщать читателю, кроме уже известного (той же риторики), и поэтический текст вынужден либо превращаться в чисто ритуальный, либо в поисках нетривиальных решений впадать в произвольный комизм.

Поскольку, как уже говорилось, риторика литературы формируется заново на идеолого-пропагандистском фундаменте, возникает вопрос о позиции и языковой компетенции автора соцреалистического текста. Здесь значим скрывавшийся в СССР феномен буквального (например, книгу нелитератора Н.А. Островского писали 7 человек) или метафорического коллективного авторства. Такая установка отменяет сами запросы и задачи культуры «индивидуальной» эпохи; соответственно «мутируют» фигура автора и его представления о творчестве.

На уровне взаимодействия с риторической системой эпохи, в тоталитарном государстве исключая множественность источников традиции, принудительно «синтезирующей» эти источники для выполнения утилитарных задач, такой «коллективный» автор, автор с неразличением «я – мы», оказывается незащищен от поглощения риторикой – ему не только нечего ей противопоставить, но и мысль о противопоставлении не возникает. Человек власти может использовать такую риторику успешно – он близок к ее источнику, а то и сам является его частью. Цитированные выше поэты «успешны» только для совсем уж неискущенного читателя, поскольку всё, что в их текстах есть «своего», – это вышеописанное комическое несоответствие.

Особенно важен следующий факт: как показал В.В. Виноградов, образ автора зависит от образа ратора, ассимилирует риторическое, подчиняя его поэтическому, но, согласно А.П. Романенко, эта связь позволяет увидеть, что в литературе социалистического реализма соотношение между образом автора и образом ратора изменилось на обратное [20, с. 13]. Если автор мыслит себя как публичный оратор, но пытается решить поэтическую задачу (предполагающую, как мы помним, «личностное участие в житнетворении»), требуется незаурядный талант или стечение обстоятельств, чтобы преодолеть такое дополнительное «сопротивление материала». Но это уже случаи, требующие отдельного рассмотрения.

Библиографический список

1. *Богданов К.* Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 300–337.
2. *Борисова Н.* Конференция «Письмо и власть. Литературная учеба в советской культуре 1930-х гг.» (Констанц, июль 2007 г.) // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 89. – С. 439–440.
3. *Вайскопф М.Я.* Писатель Сталин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 380 с.
4. *Ворожбитова А.А.* «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2000. – Вып. 2: Язык и социальная среда. – С. 21–42.
5. *Гройс Б.* Стиль Сталин // Гройс Б. Утопия и обмен. – М.: Знак, 1993. – С. 11–112.
6. *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 743–784.
7. *Гюнтер Х.* Пути и тупики изучения искусства и культуры сталинской эпохи // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 95 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/gu23.html>.
8. *Добренко Е.* Метафора власти. Литература сталинской эпохи в историческом освещении. – München: Abteilung der Firma Kubon & Sagner, 1993. – 420 с.
9. *Дубровина Н.В.* Лингвостилистические и риторические особенности литературы социалистического реализма: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Волгоград, 2012. – 24 с.
10. *Кларк К.* Советский роман: история как ритуал. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – 262 с.
11. *Козлова Н.Н.* Соцреализм как феномен массовой культуры // Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. – С. 208–218.
12. *Конев В.П.* Советская художественная культура периода 30–80-х годов XX века: теоретико-исторический анализ: автореф. дис. д-ра культурологии. – Кемерово, 2004. – 44 с.
13. *Кузнецова А.* Рец. на: Дмитрий Галковский. Уткоречь. Антология советской поэзии // Знамя. – 2003. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2003/1/kuz.html>.
14. *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. гос. ун-та: ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
15. *Лакербай Д.Л.* Нечто третье (заметки о типологии литературы и журналистики сталинской эпохи) // Потаенная литература: Исследования и материалы. Вып. 5. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 31–47.
16. *Маркштайн Э.* Советский язык и русские писатели // Вопросы литературы. – 1995. – № 1. – С. 98–112.
17. *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 8. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1958. – 480 с.
18. *Менцель Б.* Советская лирика сталинской эпохи // Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 957–968.
19. *Овсянян Р.П.* История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов). – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 304 с.
20. *Романенко А.П.* Советская словесная культура: образ ратора. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 212 с.
21. *Седакова О.* Другая поэзия // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/1997/22/sedakova.html>.
22. *Синявский А.* Роман М. Горького «Мать» как ранний образец социалистического реализма // Избавление от миражей: Соцреализм сегодня. – М., 1990. – С. 56–61.
23. Уткоречь: Антология советской поэзии / сост. и предисл. Д.Е. Галковского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.samisdat.com/6/603-mand.htm>.
24. *Чудакова М.О.* Новые работы 2003–2006. – М.: Время, 2007. – 560 с.

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННИХ ПРОЦЕССАХ В АВТОРСКОМ СВЕРХТЕКСТЕ САШИ СОКОЛОВА. СТАТЬЯ 1: ТРАНСФОРМАЦИЯ МОТИВА

В статье рассматривается характер внутренних движений в текстовом корпусе Саши Соколова на примере трансформации мотива внезапного (по)явления и связанного с ним вопрошания. Обнаруженный на аллюзивном уровне в «Газибо», одном из последних произведений автора, он имеет корни в первом романе. В ходе исследования проясняется связь между ранним и поздним текстами, а также характер использования и развития мотива в «Школе для дураков». Исследуемый мотив организуется повторяющимися на протяжении всего текста словоформами «Те Кто» / «те, кто» и «пришли» / «пришли и спросили», их существование в романе образует один из внутренних сюжетов «Школы». В основе этого сюжета – деконструкция формулы «Те Кто пришли» и имплицитно транслируемой ею семантики насилия/страха. Деконструкция формулы позволяет сдвинуть акцент с цели прихода/вопрошания на сам факт (по)явления с его потенциальными возможностями начала и обнаружения порога, зияния, пустоты, которые нуждаются в заполнении. Приход/явление превращается в выход/процесс, внутрисюжетное движение героев порождает новый открытый текст. Значимость разработки мотива вопрошания состоит в использовании во всех следующих произведениях Саши Соколова многообразных вариантов диалогической формы, обнаженной в виде разнообразных приемов.

Ключевые слова: современная русская литература, Саша Соколов, «Школа для дураков», «Газибо», текстовый корпус, трансформация мотива, диалоговая структура текста.

Очевидно, что рассмотрение любого более позднего текста автора, а в особенности автора, имеющего некий корпус текстов, запускает сверхтекстовые механизмы, и процесс восприятия сопряжен с неминуемым считыванием типично авторских кодов. Так, начальная конструкция «Газибо», провоцирующая дальнейшую диалоговую структуру текста:

А что там,
поскольку, что ли, осведомились,
спросили то есть по поводу,
где-либо повстречав... [1, с. 61]

представляется вполне соколовской и с точки зрения характерной тавтологичности, списочности, ассоциативности сцеплений, и в плане потенциальной несобытийности, разрушения наррации и т. д. Однако есть и более точное ощущение аллюзивного узнавания и даже обнаружения почти автоцитаты из первого романа автора: «Там-там, здесь живет Начальник такой-то? Здесь. Открывайте, пришли, чтобы спросить и получить правдивый ответ. Кто? Те Кто Пришли» [2, с. 40]. При этом ряд моментов в «Газибо» делает ситуацию не простым совпадением, а, возможно, сознательным авторским жестом: акцентирована сильная позиция фрагмента – начало текста; используется общая для обоих текстов неопределенно-личная форма предиката; настойчиво повторяется как вопросная форма: «что там», «осведомились», «спросили», так сами ключевые слова: спросили, повстречав. Таким образом, не без основания можно утверждать, что фраза, не просто открывающая новый текст, но и фактически определяющая его архитектуру, имеет корни в первом романе Саши Соколова «Школа для дураков» с его специфическим

мотивом внезапного (по)явления и связанного с ним вопрошания: пришли, чтобы спросить и получить правдивый ответ. Думается, будет небезынтересным выяснить как актуальность обозначенного мотива в романе, так и причины его появления в «Газибо».

Итак, организуется мотив повторяющимися на протяжении всего текста словоформами «Те Кто»/«те, кто» и «пришли»/«пришли и спросили», их мерцание в романе образует один из многочисленных внутренних сюжетов «Школы». В схематичном виде этот мини-сюжет выглядит следующим образом:

«Открывайте, пришли Те Кто Пришли, чтобы спросить и получить правдивый ответ (пришли какие-то люди в заснеженных пальто, и академика куда-то надолго увели) – мы пришли на третье занятие (ну вот мы и пришли опять; «Бояре, а мы к вам пришли») – пришли какие-то люди. Они спросили у птицы (пришли люди и обещали дать мне нужного материала, если я помогу им распять одного плотника) – мне мучительно больно расстаться с вами, с Теми Кто Пришли и уйдут, унеся с собою великое право судить, не будучи судимыми – Мы – Те Кто Пришли. Жадные до знаний, смелые правдолюбцы, наследники Савла».

Как видим, в его основе – деконструкция формулы «Те Кто пришли» и имплицитно транслируемой ею семантики насилия/страха. Первое явление пришедших обозначается характерной атрибутикой насилия (внезапным ночным стуком, поспешным облачением разбуженного в пижаму, растерянностью и робостью движений) и требованием правды («получить правдивый ответ»). Причем незащищенным от появления Тех Кто Пришел оказывается не только дом/дача (город/пригород), но и место работы («Говорит Начальник Такой-то: Ни-

колаев, пришли Те Кто Пришли») – последовательно охвачены все топоры существования человека. Внешне страх реципиента обусловлен как будто только генетической или культурологической памятью о ночном стуке в дверь, и приводимые всякий раз многочисленные подробности «прихода/явления» настойчиво безопасны, неумышленны и даже наивны: стучат ночью, потому что ночью «все звуки слышнее»; не забывают заметить, что «пижама ... очень к лицу»; основной вопрос, за которым пришли, нарочито незначителен – «хотели бы знать про пижаму, шили или покупали, а если да, то где и почему» [2, с. 40]; на работу к Николаеву пришли, чтобы «послушать стихи или прозу японских классиков», и, не насытившись парой текстов, «хотели бы еще» [2, с. 43]. Абсурдизация ситуаций, их одомашнивание, опрощение либо, напротив, окультуривание должны создавать эффект защищенности или безобидной комичности. Однако не создают. Соколов настойчиво сохраняет нестабильность восприятия: конкретизирует все особенно слышные ночью звуки – ими оказываются «крик младенца, стон умирающего, полет Найтингейла, кашель трамвайного конструктора» [2, с. 40]; бесконечно повторяет испуганно-растерянное «шили или покупали, шили или покупали, шили или покупали» [2, с. 40], что в устах «очень крупного прокурора-отца», застывшего в дверном проеме, однозначно восстанавливает репрессивные контексты; от чтения японских классиков возвращает пришедших к судьбе «некоторых контейнеров», за пропажу которых отвечает Николаев. Более того, пафос репрессивности по отношению к прокурору-отцу или ведьме-учительнице приветствуется с романтической гиперболизацией. И дублируется неразличением «Тех Кто» и «тех, кто»: негодяи *те, кто* пишет газеты, которые в свою очередь читает отец; «*те, кто* так долго мучил нас в наших idiotских спецколах» [2, с. 89]; «*те, кто* дежурил в почтенном карауле» [2, с. 167; разрядка Саша Соколова. – Е. Т.]. Троекратно используемое в тексте, это неразличение закрепляет метаморфозу: это люди одной породы (одной системы), первые приходят не за вторыми, а, по сути, за собой. Потому так много иронии, гротеска и даже прямого негатива в описании жестов, поступков и речей отца или школьных учителей. И в противовес – абсолютная серьезность при введении истории академика Акатова: «Но ему, академику Акатову, мало кто верил, и однажды к нему в дом *пришли какие-то люди* в заснеженных пальто, и академика куда-то надолго увели, и где-то там, неизвестно где, били по лицу и в живот, чтобы Акатов никогда больше не смел утверждать всю эту чепуху» [2, с. 58].

Итак, на первой стадии формула «Те Кто пришли» представлена семантическим набором насилия: агрессия, страх, подавление, подчинение... Однако нестабильность в ее восприятии и интер-

претации становится основанием для дальнейших трансформаций. И первым шагом в развитии исследуемого нами сюжета «прихода» становится подмена действующего лица: Те Кто пришли – Мы пришли. Подмена такая вполне естественна в контексте «Школы», где герой именуется Учеником Таким-то, и, будучи нарратором, позиционирует себя через множественное Мы. На формальном уровне переход совершается очень легко: Те Кто – Такие-то, Мы – Такие-то, соответственно, Те Кто – Мы. Именно эта легкость подмены, некий несущественный, ни к чему не обязывающий сдвиг обычно становятся у Саша Соколова источником последующего рассеивания вариаций. И чем незначительнее и случайнее это смещение, тем больше удовольствия оно приносит автору, тем большее количество серий приобретает образ или возникшая линия, словно тиражируя сам факт сдвига и демонстрируя именно легкость перехода.

Ожидаемо линия «Мы пришли» дальше активно развивается в романе, имея 3 самостоятельных варианта, причем в инвариантной форме конструкция «мы пришли» встречается в романе именно 3 раза, каждый раз образуя новую версию. Рассмотрим их в порядке появления в тексте и, соответственно, в ходе их трансформации:

1) констатация неделимого существования и, соответственно, общих действий двуединого героя (распространенная в тексте форма, типа: мы придумали сами, мы кричали в бочки, мы мчались на велосипеде): «Когда *мы пришли* на третье занятие, он [репетитор] оставил нас одних в квартире, а сам побежал в магазин за пивом» [2, с. 96]. После предыдущих контекстуальных и интертекстуальных импликаций насилия здесь очевидная актуализация свободы и даже анархии. Подмена несущего ужас символического «Те Кто» иррациональным двуединым «мы» (герой условно безумен, его сознание расщеплено) переводит ситуацию в пограничное состояние недооформленности, неструктурированности, бес-порядка и движения. Приход героя как будто прерывает затянувшийся период статичности (мира без его присутствия) и запускает бесконечную череду движений: репетитор побежал, оставив варианты дальнейших действий ученика: «считайте, что вы дома, займитесь хоть рисованием, покормите гуппи... посмотрите и Рыбкина, он на полке, это... разборник задач... исключительно любопытно, едет велосипедист, представляете? добирается из пункта в пункт, интереснейшая ситуация...» [2, с. 96]. Как видим, охватившее текст движение распространяется даже на его самостоятельные интекстовые, внутренние, уровни: запускается велосипедист из задачника. Семантический сдвиг, таким образом, сопровождается смещением концептуальным (насилие вытесняется освобождением/высвобождением) и внутритекстовым, порождающим;

2) органичное использование личной множественной формы для обозначения совместного действия с другим лицом: «Ну вот, – говорит мама своей матери, – ну вот *мы* и *пришли* опять, здравствуй, дорогая, видишь, у нас снова зима, не холодно ли тебе, может быть, не нужно было убирать снег, было бы теплее, слышишь, идет поезд, сегодня воскресенье, мама, в церкви много народу, у нас дома – тут по щекам моей мамы скользят первые слезы – у нас дома все хорошо, с мужем (мама называет имя отца моего) не ссоримся, все здоровы, сын наш (мама называет мое имя) учится в таком-то классе, с учебой у него лучше» [2, с. 100]. При этом «мы» вовсе не выступает маркером единения и даже объединения: весь сопутствующий контекст свидетельствует о формальности, неискренности, внешней условности, а порой и откровенной неправде. Формальное соблюдение правил и церемониальных форм десакрализует ритуал прихода и лишает его как символичности, так и мистериальности. Опустошается как сам приходящий субъект, так и цель прихода. Таким естественным образом этот второй вариант развития линии «мы пришли» заходит в процессе деконструкции с другой стороны, лишая формулу «Те Кто Пришли» концептуальной привязки и даже шире – привычной семантизации вообще;

3) интертекстуальное совпадение с нужной фразой: «...пятьдесят идиотов готовились к новым концертам. Теперь они репетировали плясовую балладу “Бояре, а *мы* к вам *пришли*”»: пели и кричали, топали и свистели, ржали и хрюкали. Бояре, она дурочка у нас, молодые, она дурочка у нас, – пели одни. Бояре, а мы выучим ее, молодые, а мы выучим ее, – обещали другие» [2, с. 139]. Третий, и последний по хронологии, вариант предлагает остранение ключевой фразы, выведение ее как из плоскости символического, так и из разряда личного. В качестве остраняющего механизма здесь подключается формат игры, автоматически создающий параллельный, или внереальный, уровень как собственно текстовых событий, так и самой наррации. Важен и выбор типа игры, в которой после бинарных предложений выучить плеточкой или пряничком наступает кульминационный момент потенциального разрывания – неразрывания цепи и освобождения – неосвобождения игрока (невесты). Игра, которая обозначает момент выхода, предоставляет для него возможности, но не обещает его, вводит новый акцент в разработку линии «мы пришли» – процессуальный. Не забудем и кольцевой характер композиции игры подобного типа: всякий разорвавший цепь тут же возвращается в свою команду с добычей (женихом), а неразорвавший – остается в новой (замужем), и в том и другом случае лишается своего статуса-имени, поскольку игра начинается сначала, и невестой избирается новый игрок. Бесконечность такого рода

подмен переводит ракурс внимания с имени пришедшего («тех, кто пришли») и их функции/роли на процесс, процедуру и длительность действия/игры. И более того – на незавершаемость, перманентность этого действия.

Таким образом, замена в ключевой фразе раскрепощает ведущий мотив за счет рассеивания контекста, деформации или нейтрализации оппозиций, переноса из области символического в сферу личного, переакцентировки с цели прихода на само явление пришедших и далее – событие прихода со всей его многокомпонентностью, разветвленностью и постоянной недооформленностью. А также развивает сюжет, предоставляя герою возможность движения – освобождения – метаморфозы, а герою-нарратору – перерождения, творческой самоорганизации.

Неслучайно поэтому следующий этап трансформаций формулы будет связан с подключением максимально остраненного и максимально эпического контекста, выводящего на интертекстуальный уровень. Учитель Павел Норвегов, уже превращенный мифологическим сознанием ученика в Савла, рассказывает историю о плотнике в пустыне: «И *пришли какие-то люди. Они спросили* у птицы: как называется то, на чем ты сидишь? Плотник отвечал: это крест. Они сказали: с нами тут есть один человек, которого мы хотели бы казнить, нельзя ли распять его на твоём кресте, мы немало заплатим. <...> Я жил в пустыне и был плотником, – с трудом говорил распятый, – у меня была небольшая зебра, но почти не было досок и гвоздей. *Пришли люди и обещали* дать мне нужного материала, если я помогу им распять одного плотника. Сначала я отказывался, но потом согласился, ибо они предложили мне целую горсть пшеничных зерен. Зачем же тебе зерна, – удивился плотник, стоявший на бархане, – разве ты тоже умеешь обращаться в птицу?» [2, с. 146–147]. Череда подмен, метаморфоз и метонимических замещений внутри этой притчи Савла дублируются самой историей учителя Павла Норвегова – Савла – Ветрогона – Насылающего ветер. В этом случае возвращение семантики насилия нейтрализуется семантикой воскрешения/бессмертия, транслируемой Норвеговым. Отсюда многочисленные знаки отсутствия, сопровождающие его несуществование: от лейтмотивного отсутствия обуви до факта смерти к моменту начала повествования. Не удивительно, что он не тот, кто пришел. Переакцентировка ракурсов уже произошла: важно не лицо приходящего (у него нет ни лица, ни имени), не цель прихода, важен момент прихода. Или – еще один сдвиг – момент встречи. Норвегов – наставник, а соответственно – не он приходит, а к нему приходят. В том числе уходя от обыденности, реальности, правил. К нему постоянно стремится Ученик, мчась на велосипеде, переплывая реку на лодке, даже если эта

река Лета. Так, с введением Учителя к основному мотиву прихода/явления добавляется компонент встречи. Но одновременно и невстречи, поскольку учитель давно умер. А формула «мы пришли» отражается в безответном «вы не пришли»: «Потом вы спросили: а вы, друзья мои, почему не на занятиях, прогуливаете? Да нет, Савл Петрович, мы за вами приехали. Что-нибудь случилось в школе? Да нет, ничего, вернее, вот что, получилось так, что **вы** сегодня **не пришли** на экзамен, горные системы, реки и другое – география» [2, с. 165]. На этом нескончаемом отражении встречи – невстречи наш мини-сюжет делает поворот к кульминации. Непроявленность и, соответственно, непоявление и/или исчезновение Павла демонстрирует, напротив, подлинное, абсолютное присутствие. Как переправа через Лету, невстреча с Норвеговым, но достижение Учителя знаменует выход ученика за пределы. И здесь окончательно исчезает компонент насилия, его место занимает эффект самого переживания и проживания прибытия. Показательно, что исчезающая в этой ситуации цель прихода перекрывается более значимым фактом постоянства/неизменности, а в общем смысле – безопасности: «Я хочу сказать, что Савл Петрович по-прежнему сидит на подоконнике спиной к окну» [2, с. 158].

Безопасность рождает уверенность, перспективы, жизнь. Поэтому происходит очередная метаморфоза, которую фиксирует не кто иной, как Норвегов. Именно учитель впервые дает Ученику/Ученикам это имя: «Но мне мучительно больно, друзья, расстаться с вами, девочками и мальчиками грандиозной эпохи инженерно-литературных потуг, с вами, будущими и минувшими, с **Тем Кто Пришли** и уйдут, унеся с собою великое право судить, не будучи судимыми» [2, с. 149]. Обыгрывая попутно идиоматические конструкты «мучительно больно» и «не судите, да не судимы будете», Соколов поддерживает главную характеристику и функциональность Павла/Савла в романе – существование на пороге (времен, истин, ответов). Достигая этого порога, Ученик получает своеобразное крещение – освобождение от прежнего существования) и новое имя: превращается в Тех Кто Пришли. Факт осознания этой ситуации сопровождается пространной рефлексией, в которой сплетаются все знаковые для ученика образы и имена. И совершенно естественно в новом контексте соединяются два наиболее значительных, по-своему организующих его мир: Лета и Вета. В финальном витке они достигают абсолютного тождества: «Я хочу сказать, что когда-то мы уже были знакомы на этой земле, ты, наверное, помнишь. Ибо река называется. И вот мы снова пришли, вернулись, чтобы опять встретиться. **Мы – Те Кто Пришли**. Теперь знаешь. Ее зовут Вета. Та» [2, с. 152].

И в космогоническом азарте ученик принимает на себя то символическое предназначение, кото-

рое имплицитно присутствует в формуле «Те Кто Пришли»: «И куда бы мы ни пришли, о нас говорили: смотрите, вот они – **Те Кто Пришли**. Жадные до знаний, смелые правдолюбцы, наследники Савла, его принципов и высказываний, мы гордились друг другом» [2, с. 181]. Таким образом, последовательно развиваясь, трансформируясь и разветвляясь на составляющие (подмена, нейтрализация, ирония, абсурдизация, но вместе с тем символизация и поэтизация), формула оборачивается другой стороной оппозиции: насилие, страх сменяется творчеством, свободой. Однако продолжающееся использование клишированных формул порождает ироническое травестирование и этого нового, условно позитивного этапа. Смерть неразрывно сливается с жизнью, насилие с преобразованием, страх с возрождением... Достигнута основная цель этой мини-истории: деконструкция формулы позволила сдвинуть акцент на сам факт прихода, явления, появления с его потенциальными возможностями начала и обнаружения порога, зияния, пустоты, которые нуждаются в заполнении сразу по факту своего обнаружения.

И здесь вновь актуализируется момент вопрошания. Вспомним: сюжет начинался с формулы «пришли и спросили», последняя часть которой вследствие трансформаций претерпела усечение. Однако отнюдь не исчезла из структуры текста, поскольку именно это последнее рассуждение ученика о своем предназначении прерывает автор, возобновляя их бесконечный диалог и метонимически выводя его за пределы – в жизнь: «Весело болтая и пересчитывая карманную мелочь, хлопая друг друга по плечу и насвистывая дурацкие песенки, мы выходим на тысяченую улицу и чудесным образом превращаемся в **прохожих**» [2, с. 183]. И сюжет обретает свой эпилог: приход/явление превращается в выход/процесс, пришедшие становятся прохожими, текст сливается с жизнью, вопрошание с болтовней, поход за бумагой, в который отправились автор с героем, – новым открытым текстом.

Этот новый текст во всех следующих произведениях Саши Соколова будет использовать многообразные варианты диалогической формы, выдвигаемой на передний план и обнажающейся в виде разнообразных приемов: обращение к Другому, разговор с читателем, нарративное интервью, работа со списками, демонстрация дискурсивной практики письма и т. д. И только в «Газибо» отзовется этой легко считываемой автоцитатой:

А что там,
поскольку, что ли, осведомились,
спросили то есть по поводу,
где-либо повстречав... [1, с. 61]

Думается, этот отсыл Соколова к своему первому роману, а также пара других совпадений, которые он любит разбрасывать по своим текстам (например, зибра, вводимая как звукоподражание

к заглавному образу газибо, вызывает не менее интригующий образ зебры, на которой вместо осла «изъездил всю пустыню» плотник в «Школе»), не случайны. Даже формально «Газибо» начинается там, где заканчивается «Школа», – это стадия встречи прохожих. И та конструктивная активность, которую в новом тексте получает рассмотренный мотив, обусловлена именно историей его трансформаций в «Школе»: теперь он из факуль-

тативного мини-сюжета превращается в принцип организации художественного пространства.

Библиографический список

1. Соколов Саша. Газибо // Соколов Саша. Триптих. – М.: ОГИ, 2011. – 286 с.
2. Соколов Саша. Школа для дураков. Между собакой и волком. – М.: Огонек-вариант, 1990. – 382 с.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕХОДА РОССИИ НА ЦИФРОВОЕ ВЕЩАНИЕ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТВ

В 2018 г. Россия должна завершить переход на цифровое вещание. Трансформация меняет всю структуру рынка телевидения, определяет новые способы функционирования региональных телерадиокомпаний. При этом коренным образом меняется характер сбора, распространения, потребления и обмена информацией, приоритетной становится стратегия мультиплатформенной доставки сигнала – эфир, Интернет, мобильные устройства. Эпоха аналогового эфирного телевидения подходит к концу. В 2018 г. Россия должна завершить переход на «цифру». Развитие в нашей стране сети цифрового эфирного телевидения – это способ обеспечить население многоканальным телевидением без абонентской платы. Вместе с тем процесс развития цифрового телевидения, связанный с интеграцией в ТВ новых технологий, требует своевременного и постоянного анализа и систематизации информации о происходящем в отрасли. Цифровая трансформация определяет развитие информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). При этом коренным образом меняется характер сбора, распространения, потребления и обмена информацией.

Ключевые слова: цифровизация, региональное телевидение, мультиплатформенное вещание, контент, мультиплекс.

Исследование перехода на цифровое телевидение регионального телевидения России обусловило актуальность темы данной работы. Перевод отечественного ТВ на цифровые технологии и мультиплатформенное, многоэкранное вещание носит не просто технический характер, но меняет всю структуру рынка телевидения, определяет новые способы функционирования телерадиокомпаний и, в первую очередь, региональных. Кроме того, цифровизация влияет на формирование новых политических, социальных и культурологических смыслов.

«Цифра» ведет к смене моделей коммуникации, переходу от «субъектно-объектных» к «субъектно-субъектным» отношениям. Именно поэтому в условиях многопрограммного мультимедийного телевидения с двадцатью федеральными каналами свободного доступа региональному телевидению нужно заново определяться с целеполаганием своего существования.

Цифровое телевидение – телевидение нового поколения, которое предлагает больше возможностей: больше каналов (на одной частоте становится возможным поместить несколько телеканалов), лучшее качество изображения и звука и множество других нововведений. Цифровое телевидение – это новый способ кодирования и передачи сигнала. Звук и «картинка», полученные от телеканала, превращаются в биты информации и посылаются через спутник, эфир, телефонную линию, Интернет или кабель. Затем этот сигнал декодируется и снова превращается в изображение и звук. Более высокое качество изображения и устойчивость к помехам – не единственные достоинства цифрового телевидения. Оно еще и более экономичное: мощность потребления электроэнергии цифрового передатчика в пересчете на одну телепрограмму в несколько раз ниже, чем при передаче аналогового сигнала.

Отечественное телевидение не имеет точных мировых аналогов, это означает, что опыт других стран не может полностью быть применен в Рос-

сии. Поэтому видится необходимым рассмотреть процесс цифровизации в специфических российских условиях, чтобы предложить региональному телевидению программу действий, «дорожную карту» в выборе различных стратегий и моделей на ближайшую и среднесрочную перспективы. Каким станет региональное телевидение, как оно трансформируется благодаря новейшим технологиям в ближайшем будущем?

Вопрос полного отключения аналога в России будет рассматриваться в 2018 г. Предложение перенести обсуждение поступило от Минкомсвязи. «Аналог будет вещать, пока за него будут платить, однако субсидии государства на вещание каналов в городах с населением менее 100 тыс. человек будут выделяться только до 2018 г. Затем большие каналы уйдут из аналога, и услуги точно станут дороже. Рынок аналогового ТВ начнет «экономически схлопываться» с 2019–2020 года» [1]. На сегодняшний день нет экономических возможностей для запуска третьего мультиплекса (англ. *multiplex* – набор телевизионных и радиовещательных каналов, передаваемых по одному цифровому каналу). Так как в России нет региональных компаний, способных выделять 12 млрд. руб. в год только на передачу цифрового эфирного сигнала. Региональным компаниям приходится уходить в кабель, мобильные приложения, ОТТ, Интернет. И здесь для них важной темой становятся измерения: если региональные ТВ-каналы не смогут продать рекламодателю эту аудиторию, то смысла в техническом прогрессе для них нет.

Объективную потребность в поиске возможных путей эволюции регионального телевидения обозначает В.Г. Лившиц, который предполагает, что «за пределами мультиплексов тоже есть жизнь. Так что ничего с ними не будет. Они будут распространяться с таким же успехом, как и распространяются сейчас, то есть будут распространяться посредством спутников, посредством кабельных сетей, в интернет среде. Они пойдут по вне эфир-

ному пути и не только... и это будет новая история вещания в России» [7].

Сегодня коммуникативная стратегия СМИ ориентирована на массовую аудиторию, но в среднесрочной перспективе (на горизонте 10–15 лет) телесмотрение будет распределяться на персонализированные каналы потребления. По мнению профессора Е.Я. Дугина, актуализация социально-психологической составляющей информационно-коммуникативных процессов может придать новый импульс, принципиально обновить теоретическую парадигму, методологические подходы к исследованиям СМИ: «Если раньше исследовательская парадигма СМИ оперировала категориями массового сознания, то теперь целесообразным представляется ставить вопрос о применении методов и методологий, основанных на анализе интерперсональных (межличностных) коммуникаций, на психологических особенностях индивидуализированных форм восприятия, потребления и производства информации» [2].

Можно предположить, что по мере освоения цифровых технологий, типологические модели телепрограмм будут определяться субъективными факторами, ценностными ориентациями, вкусами, информационно-культурной активностью аудитории. Потому что цифровые технологии предоставляют возможность зрителю не только выбирать и потреблять контент, но и создавать «собственную телепрограмму», в зависимости от своих ценностных ориентаций, информационных и культурных предпочтений.

Отмеченный методологический поворот, связанный с переходом от «субъектно-объектных» к «субъектно-субъектным» отношениям в коммуникации, ставит исследователей перед сложной проблемой выработки принципиально новой парадигмы регионального телевидения. Ключевым элементом этой парадигмы, вероятно, могут стать различные модели активного взаимодействия телевидения с аудиторией.

Происходящая в настоящее время информационная революция способствует усилению влияния телевидения на общество. Ее значение не менее важно для общества, чем значение промышленной революции прошлого века.

Переход на «цифровое вещание» становится важной вехой в развитии как мирового телевидения в целом, так и российского регионального ТВ в частности. Цифровизация заставляет телекомпании вести жесткую борьбу за свое существование. По мнению Е.Я. Дугина, «конкурентная борьба за зрителя заставила телерадиокомпании вести нешуточные «визуальные войны», «битвы образов» и т.п. Телевизионная «картинка», цвет, образ, динамика подачи материалов, становятся совокупностью определяющих факторов при выработке общественного мнения и моделей поведения людей, обоснования личностных мотиваций для при-

ятия решений о миграции в ту или иную страну и даже... основой управленческих решений» [2].

С появлением виртуальной и дополненной реальности должны меняться методология, методики и исследовательские теоретические модели изучения и анализа медиа, которые привнесли в реальную жизнь новые качественные изменения. С помощью научных методов могут и должны быть выработаны коммуникативные стратегии региональных телекомпаний, изменение содержания, тематико-жанровых и адресных структур телепрограмм в условиях перехода на цифровые форматы вещания. Для адаптации региональных телекомпаний к новой цифровой реальности и разработки эффективных коммуникативных стратегий может оказаться полезным применение стратегического анализа, методологическим основанием для которого служит положение Хэмела о том, что «главной задачей компаний является переосмысление и перестройка себя и своих отраслей». Иными словами, теоретическая модель исследования должна опираться на теоретико-методологические основы и на прагматические составляющие, пригодные для формирования коммуникативных стратегий развития региональных телекомпаний, работающих в условиях перехода на цифровые технологии, так и для медиаиндустрии в целом.

В настоящее время стало очевидно разделение центрального и регионального телевидения по задачам, которые они должны решать в современном российском обществе. Если федеральные телеканалы выполняют главную интегрирующую функцию, пытаясь информационно объединить общероссийское пространство, то региональное телевидение акцентирует внимание на событиях и проблемах, близких для людей, проживающих на конкретной территории, отчасти дифференцирует общероссийские проблемы и события применительно к конкретному региону, выделяет их из общего потока, проецирует происходящее в стране на местную социально-экономическую действительность.

С переходом России на цифровое вещание после 2018 г. государство должно завершить процесс тотального подчинения регионального ТВ. Контроль государства над региональным вещанием фактически был закреплен постановлением главы государства. Согласно Указу В.В. Путина от 20 апреля 2013 г., ВГТРК должен создать региональный общедоступный телеканал в каждом субъекте Российской Федерации. Правительство, в свою очередь, должно обеспечить лицензирование телевидения в регионах.

Применение цифровых технологий корректирует сегодня и саму форму подачи программ на ТВ, превращая их в специфические жанры. К примеру, выдающего блок новостей ведущего в прямом эфире сопровождает не просто «картинка», как было раньше, а, интерактивные графические профайлы, карты и/или другая визуальная информация, зара-

нее подготовленная или получаемая из другой точки планеты в режиме реального времени.

Эффектная визуализация данных – один из приоритетов любого телеканала, стремящегося всеми способами заставить зрителя оставаться как можно дольше на его «кнопке». Десятки разнообразных сервисов охотно включаются в эту игру – от геолокации и траффика до генетических атласов городов, показывающих популяционные изменения на протяжении истории человечества.

Один из новых жанров, которые активно осваивают в последнее время телекомпании, – это съемки и прямые включения с радиоуправляемых дронов – коптеров (небольшие вертолеты с дистанционным управлением). По прогнозам экспертов, дроны уже становятся интерактивными и вскоре сами превратятся в медиасреду (как отдельные носители информации).

Сегодня цифровые технологии создают новые жанры, как когда-то, когда творческая задача формировала технологическое решение. Появляется возможность отражения происходящих событий в режиме *on-line* и непрерывного обновления информационных ресурсов, к известным способам подачи информации добавляются новые.

Традиционные СМИ постепенно вводят новые технологии информации и коммуникации в процесс взаимодействия с аудиторией, отвечая на ее потребность быть активным пользователем. Эта тенденция соседствует с появлением новых элементов в сфере *on-line*. Например, блоги сегодня становятся альтернативой ТВ, зачастую сообщая информацию, которую трудно найти у традиционных СМИ. Кроме того, блог позволяет сочетать различные среды – видео, аудио, визуальную и текстовую.

Телевидение быстро интегрирует новые возможности развития технологий в собственное вещание. В этом ключе «цифра» позволяет зрителю в любой момент посмотреть любую программу, выпуск новостей или отдельно взятый сюжет, уже используя не только традиционный телевизор, но и любой другой «коммуникатор», например, специальные приложения на смартфоне, где контент можно не только смотреть, но и комментировать. В результате конвергенции телевизионный продукт принимает любую «медиупаковку».

Если сегодня в целом анализировать местное телевидение, то нужно отметить, что спектр тематических направлений сужается до информационно-развлекательного. В регионах постепенно исчезают аналитические программы. С экранов уходит публицистика, культурно-просветительские и образовательные программы. Детские программы заменяются на сериальные мультфильмы. Спортивное ТВ представляет собой в лучшем случае трансляции футбольных и хоккейных матчей. Есть вещатели, которые кроме рекламы ничего своего больше в ретранслируемые программы не вставляют. Однако региональные телеканалы не могут

выжить на одних новостях. Изобилие информации ведет к тому, что зритель «устает» и порой теряет канву развития событий.

Развитие цифрового вещания устраняет барьеры доступа к контенту. Поэтому технические нюансы больше не могут быть помехой для телекомпаний, т.е. региональные телеканалы по технологическому уровню вещания приближаются к общефедеральным. Следовательно, в парадигме унификации технологий федеральные и региональные телеканалы становятся в одинаковой мере равнодоступными для зрителя. В таких условиях решающими факторами в борьбе за зрительскую аудиторию становятся качественный контент и грамотное программирование по продвижению эфирного продукта.

Создание третьего мультиплекса – пожалуй, самый обсуждаемый аспект цифровизации. Для региональных вещателей, это едва ли не единственная реальная возможность сохранить компанию в прежнем качестве, не переходя на смежные сферы и не уходя в другие среды. Однако ситуация с третьим мультиплексом до сих пор непонятна. В то время, когда в правительстве РФ и профессиональном медиасообществе продолжают обсуждаться планы и механизмы по переходу регионалов на цифровое вещание, в рамках существующих мультиплексов, Всероссийская государственная телерадиокомпания (ВГТРК) с 2015 г. уже активно запускает местные цифровые каналы. Согласно распоряжению Президента РФ В.В. Путина [12], предполагается, что региональные каналы будут создаваться на базе филиалов ВГТРК с привлечением финансовых, технических и программных ресурсов, имеющихся в субъектах федерации региональных и местных (частных или муниципальных) телекомпаний. К началу 2016 г. о переходе на цифровое вещание заявили десятки ГТРК, среди которых первыми стали «Регион-Тюмень», «Самара», «Кубань», «Псков», «Ставрополье», «Башкортостан», «Томск» и др.

Выжить региональным ТРК в жестких условиях конкуренции поможет стратегия горизонтального объединения двух, трех, нескольких местных телеканалов по географическому, национальному и другим признакам. Этот вариант развития выглядит привлекательным с точки зрения расширения возможностей каждого из региональных телеканалов, но имеет и свои минусы. Во-первых, учредители местного ТВ (как правило, это местная власть – губернатор и/или местная элита) в этом видят исключительно негативный смысл – в уменьшении собственного политического и экономического влияния на местную аудиторию. Во-вторых, никто не хочет смешивать финансовую структуру.

Помимо непосредственного объединения в одну компанию, возможен также вариант партнерского объединения на местном уровне, когда несколько вещателей занимают одну частоту и делят ее вещание, осуществляя самостоятельное программирование лишь по несколько часов в сутки.

Наконец, еще одна стратегия, которой может воспользоваться тот или иной региональный вещатель, заключается в межрегиональном объединении или создании глобальной системы регионального вещания (по-сути, это концепция вещания телеканала «Мир», которую менеджмент канала так и не сумел реализовать).

Создать библиотеку или банк контента для региональных вещателей пытаются сегодня на базе многих профессиональных теле- и кинообъединений, архивов, компаний и СМИ. Но купить контент высокого качества региональному телеканалу в наши дни не позволяет бюджет. Все, что остается регионам – это покупать контент, прошедший в эфире федеральных сетей 3–4 раза, либо показывать низкопробные сериалы и программы. Гипотетически, создание от пяти до нескольких десятков платформ качественного цифрового контента для региональных СМИ может стать для части из них реальным шансом выживания и развития в современных условиях (правда, по действующим условиям регулятора, вещатель имеет право на присутствие в эфире, если он производит до 75% собственного контента).

«Переход на кабельное вещание» – данный вариант рассматривается многими ТРК, как приоритетный путь развития. Это подтверждается и в стратегии развития телерадиовещания на период до 2025 г., которую разработало Минкомсвязи [3]. В свою очередь, переход «на кабель» приведет к частичной потере аудитории канала, поскольку многие зрители не хотят никаких изменений – их устраивает простота и минимальное количество кнопок, а технологические инновации им не интересны, тем более, что зрители не готовы за них платить, а в особенности платить за контент порой сомнительного качества.

Интернет-вещание сегодня – это многообразие и смешение входящих источников – цифровое наземное ТВ, кабельное, спутниковое, каналы *YouTube* (видеохостинг, предоставляющий пользователям услуги хранения, доставки, показа и монетизации видео), *PERISCOPE* (служба публичной трансляции потокового видео через специализированные приложения для *Android* и *iOS*, принадлежащая компании *Twitter*), социальные сети и пр.

Решение перейти на вещание в Интернет рассматривает большинство региональных телекомпаний, но только как часть стратегии развития, в совокупности с другими путями, например, с уходом в кабельное вещание. Кроме того, многие телеканалы уже осуществляют вещание в Интернете, но пока это параллельное вещание, а не ключительное.

Интернет-стратегия выживания в условиях перехода на «цифру» недооценивается региональными игроками медиарынка. Хотя эффективных примеров вещания в Интернете более чем достаточно.

Варианты стратегий, приведенные ниже, отчасти перекликаются с вариантом перехода на интернет-вещание, т.к. в основе этих подходов лежит идея смены среды вещания. Эти стратегии могут стать особенно актуальными для небольших компаний, не играющих особой роли на региональном телевизионном рынке. В этой связи можно рассматривать сразу несколько платформ: мобильные приложения, IP-телевидение (*IP TV* или телевидение по протоколу интернета, от англ. *Internet Protocol Television* – технология (стандарт) цифрового телевидения в сетях передачи данных по протоколу IP), *OTT*-сервисы, *game*-платформы, соцсети, телевидение в формате *LTE* (англ. *Long-Term Evolution* – долговременное развитие, часто обозначается как *4G LTE* – стандарт беспроводной высокоскоростной передачи данных для мобильных телефонов и других терминалов, работающих с данными), *SMART-TV* (с англ. умное телевидение – технология интеграции интернета и цифровых интерактивных сервисов в современные телевизоры и ресиверы цифрового телевидения, а также в техническом симбиозе между компьютерами и телевизорами), *HbbTV* (англ. *Hybrid Broadcast Broadband Television*, гибридная широкополосная трансляция – ТВ-стандарт для передачи дополнительных предложений из интернета на телевизор) и прочие варианты. Некоторые из них сегодня кажутся экзотическими, но завтра могут завоевать огромное пространство распространения контента.

Ключевая проблема в выборе дальнейшего варианта развития для участников рынка заключается, прежде всего, в том, что в процессе реализации ФЦП «Переход на цифровое вещание» возникает много не столько технологических, но экономических и социальных позиций, решение по которым до сих пор не принято. А ведь это имеет существенное значение не только для формулирования среднесрочной стратегии развития, но и существования региональных телекомпаний и каналов в будущем. До сих пор на стадии рассмотрения находится вопрос асинхронного распространения региональных каналов в каком-либо мультиплексе. Нет принципиального решения о формировании собственного регионального мультиплекса (видимо, решения не будет до президентских выборов в 2018 г.). Наконец, не решен вопрос стоимости услуг связи и технического переоснащения для вещания в цифровом формате, из-за чего региональные вещатели не могут оценить возможность сохранения своей позиции на данном рынке. И таких нерешенных моментов в ФЦП очень много.

Некогда федеральные каналы покорили страну, опираясь на поддержку партнеров – региональных телекомпаний. Однако с переходом на цифру их помощь будет уже не нужна. Не менее важной задачей становится сохранение у региональных ТК самостоятельного программирования и объемов собственного производства. Хотя немногочислен-

ные примеры показывают, что можно выжить без синдикации и сетевого партнерства. В регионах производится множество профессиональных качественных работ, которые не имеют шансов получить федеральный эфир, но могут составить конкуренцию на региональном рынке. По этому пути могут пойти телестудии – объединять усилия по производству и создавать контент для конкретного региона. Именно по этой причине каналам нужно сохранять собственное программирование – это позволит им не только больше заработать, но и сбросить свою индивидуальность.

Стоит отметить, что при оценке стратегий большое значение имеет степень развития регионов: чем более благополучен регион, тем больше потенциальных вариантов есть у вещателя.

Каким станет телевидение будущего? Цифровым, качественным? Да, в этом смысл. Но есть нюансы. К 2018 г. все российские телеканалы должны перейти на цифровой формат вещания. Перейдут или уйдут в кабель и Интернет региональные каналы – третьего не дано. Кроме того, сама возможность войти в цифру – удовольствие дорогое. Например, место во втором мультиплексе стоило 36,1 млн. руб. только в качестве единовременной платы, к тому же компании, «вошедшие» в пакет, оплачивали расходы ФГУП РТРС на строительство «цифровой» инфраструктуры и распространение сигнала. Распространение во втором мультиплексе цифровых телеканалов стало обузой для его участников. В условиях падения рекламного рынка они не могут оплачивать вещание, обходящееся каждому примерно в 150 млн. руб. в год, не считая авансовых платежей в размере 840 млн. руб. до конца 2018 г., и почти не приносящее дополнительной аудитории. Это означает, что регионалы должны задуматься над тем, каким образом им «раздавать» сигнал своим зрителям – «уходить в кабель», вести вещание в сети Интернет или совсем уходить из эфира.

В настоящее время при выделении регионального телевидения принято использовать лишь один единственный критерий – охват территории и локальную общность аудитории. Но уже сегодня в сочетании с другими типологическими признаками региональное телевидение представляет собой более значительное разделение на форматы, классы и прочие виды. Будет ли через 15–20 лет существовать само понятие «региональное телевидение» или «региональное вещание»?

Бесспорно, для такой многонациональной и мультикультурной страны, с самой большой территорией, особенно важно сохранить региональное телевидение, ведь местное вещание остается самым важным, а иногда и единственным источником информации в отдаленных районах провинции. Значение регионального ТВ велико. Только местное телевидение способно уделять региональной специ-

фике и своим локальным проблемам место в эфире. Поэтому руководителям региональных телеканалов очень важно четко понимать задачи на ближайшее время, а также пути дальнейшего развития.

Библиографический список

1. *Волин А.К.* Цифровое вещание и новые способы доставки видеоконтента. Интерактивные услуги в современных сетях. – М.: Доклад на VI Международной конференции «Digital&Connected TV Russia 2015». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/events/34182/> (дата обращения: 20.08.2017)
2. *Дугин Е.Я.* Региональное телевидение: стратегии развития или судьба? // Журналист. Социальные коммуникации. – 2017. – № 1 (23–24). – С. 7–15.
3. *Егоров В.В.* Телевидение между прошлым и будущим. – М.: Воскресенье, 1999. – С. 19. 414.
4. *Засурский Я.Н.* Журналистика в переходный период // Вестник Московского университета. Серия. 10. Журналистика. – 1997. – №5. – С. 17–28.
5. *Качкаева А.Г.* Жанры и форматы современного телевидения. Последствия трансформации // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. – 2010. – № 6. – С. 42–51.
6. *Кузнецов Г.В.* Ток-шоу: неизвестный жанр? // Журналист – 1998. – № 11. – С. 54–59.
7. *Лившиц В.Г.* О моделях региональных телеканалов. Сборник материалов НАТ представляет. Цифровое ТВ и региональное вещание. НАТ. – М.: Информационно-аналитический центр НАТ, 2010. – 144 с.
8. Постановление Правительства РФ № 985 «О федеральной целевой программе «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации на 2009–2015 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minsvyaz.ru/ru/documents/3606/> (дата обращения: 20.08.2017)
9. *Цвик В.Л.* Телевизионная журналистика: история, теория, практика. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 382 с.
10. *Юровский А.Я.* История тележурналистики в России. Телевизионная журналистика / под ред. Г.В. Кузнецова, В.Л. Цвика, А.Я. Юровского – М.: Высшая школа, 2002. – 237 с.
11. *Хэмел Г.* Во главе революции. Как добиться успеха в турбулентные времена, превратив инновации в образ жизни. – М.: Best Business Books, 2007. – 212 с.
12. Указ Президента Российской Федерации от 24 июня 2009 г. № 715 «Об общероссийских обязательных общедоступных телеканалах и радиоканалах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 26, ст. 3169; 2011, № 20, ст. 2796; 2012, № 17, ст. 1915; № 41, ст. 5584.
13. *McLuhan M., Fiore Q.* War and Peace in the Global Village. – N.Y., 1968. – 469 p.

МЕМОРАТИВЫ ПИСАТЕЛЯМ, ПОЭТАМ И ЛИТЕРАТУРНЫМ КРИТИКАМ В СИСТЕМАХ УРБАНОНИМОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению урбанонимов-посвящений писателям, поэтам и литературным критикам. Материалом для исследования послужили данные о системах внутригородских названий населенных пунктов Центрального федерального округа Российской Федерации, а также сведения о времени возникновения названий, извлеченные из топонимических справочников и путеводителей различных городов страны. В статье приводится перечень названий-посвящений писателям, поэтам и литературным критикам, встречающихся в городах страны. Автор анализирует различия в выборе персоналий для увековечивания, существующие в больших и малых провинциальных городах и столицах. В статье сопоставляются частотные названия, зафиксированные в больших и малых городах Центрального федерального округа. Автор прослеживает историю данного вида урбанонимов в Российской Федерации, выделяет основные этапы развития типа названий-посвящений писателям, поэтам и литературным критикам. Материалы исследования могут помочь в понимании специфики развития типа названий-посвящений.

Ключевые слова: ономастика, городская топонимика, урбаноним, городское онимическое пространство, меморатив, посвящение, столица, провинция.

Формирование урбанонимов как особого класса собственных имен было связано с необходимостью периодического упорядочения внутригородского пространства, выработки единых принципов именования объектов. Одним из направлений сознательного влияния власти на формирование городского онимического пространства стало создание меморативов – мемориальных городских топонимов, под которыми понимается «имя, данное в память о человеке, событии, месте, реке организации» [3, с. 119]. Подобные урбанонимы появились уже на дореволюционном этапе истории страны, когда власть впервые стала использовать городские названия в качестве средства увековечивания памяти об известных людях. Особенно интенсивно данный процесс стал протекать в советскую эпоху, когда во многих городах нашей страны стали массово появляться разнообразные топонимы-посвящения.

Настоящая статья открывает цикл публикаций об особенностях персональных меморативов – названий-посвящений, увековечивающих память о каком-либо известном лице. Для анализа мы выбрали меморативы в честь писателей, поэтов и литературных критиков. На конференции «Ономастика Поволжья» в Арзамасе мы представили наши первые наблюдения по данному вопросу [4]. В настоящей публикации мы намерены представить состав этого типа урбанонимов, особенности его эволюции, а также описать различия в увековечивании памяти о писателях, поэтах и литературных критиках в больших и малых городах.

При проведении исследования мы использовали данные различных источников: созданную нами электронную картотеку «Урбанонимия Центральной России», основанную на сведениях, извлеченных из информационных баз адресации объектов

в Центральном федеральном округе (далее – ЦФО) Российской Федерации, баз данных почтовых индексов, а также тексты справочников и путеводителей и интернет-ресурсы по 30 городам Российской Федерации (Бронниц, Владимира, Воронежа, Екатеринбурга, Иванова, Казани, Калязина, Кирова, Костромы, Краснодар, Курска, Липецка, Махачкалы, Москвы, Великого Новгорода, Орла, Оренбурга, Перми, Пскова, Рыбинска, Самары, Саранска, Симферополя, Санкт-Петербурга, Твери, Томска, Тулы, Ульяновска, Череповца и Ярославля). При упоминании урбанонимов в тексте статьи мы будем использовать географический термин *улица* как универсальный для российской городской топонимии.

Наш анализ мы начнем с определения примерного состава урбанонимов, увековечивающих память о писателях, поэтах и литературных критиках. Приводимые нами списки были составлены в результате анализа данных картотеки «Урбанонимия Центральной России» и материалов путеводителей по указанным выше городам. Безусловно, эти перечни могут быть неполными, однако они позволяют довольно точно представить состав меморативов в честь литераторов. Среди рассмотренных урбанонимов мы выделили пять типов названий.

Во-первых, на картах российских городов представлены топонимы, увековечивающие память о дореволюционных российских писателях. По нашим данным, в урбанонимии страны зафиксированы следующие подобные меморативы: *улица Аксакова, улица Баратынского, улица Блока, улица Гарина-Михайловского, улица Гаршина, улица Герцена, улица Гоголя / Гоголевская улица, улица Гончарова, улица Грибоедова, улица Данилевского, улица Дениса Давыдова, улица Державина, улица Достоевского, улица Жуковского, улица*

Карамзина / Карамзинская улица, улица Кольцова / Кольцовская улица, улица Короленко, улица Крылова, улица Куприна, улица Лермонтова / Лермонтовская улица, улица Лескова, улица Ломоносова, улица Майкова, улица Мамина-Сибиряка, улица Некрасова, улица Никитина, улица Огарева, улица Одоевского, улица Островского, улица Пушкина / Пушкинская улица, улица Радищева, улица Рыльева, улица Салтыкова-Щедрина, улица Толстого / улица Льва Толстого, улица Трефолева, улица Тургенева, улица Тютчева / улица Федора Тютчева, улица Успенского / улица Глеба Успенского, улица Фета, улица Фонвизина, улица Чернышевского, улица Чехова, улица Шевченко. К этому же типу примыкают и городские топонимы в честь дореволюционных литературных критиков: *улица Белинского, улица Добролюбова и улица Писарева.*

Во-вторых, в урбанонимии России зафиксированы названия, увековечивающие память о писателях и поэтах советского периода истории нашей страны. На картах городов России представлены следующие меморативы: *улица Асеева, улица Ахматовой, улица Багрицкого, улица Бажова, улица Брюсова / Брюсовская улица, улица Булгакова, улица Бунина / улица Ивана Бунина, улица Вересаева, улица Всеволода Вишневского, улица Высоцкого / улица Владимира Высоцкого, улица Гайдара / улица Аркадия Гайдара, улица Гладкова, улица Горького / улица Максима Горького, улица Грина / улица Александра Грина, улица Демьяна Бедного, улица Есенина / улица Сергея Есенина / Есенинская улица, улица Исаковского, улица Константина Симонова, улица Лебедева-Кумача, улица Макаренко, улица Маяковского, улица или Джалиля, улица Николая Рубцова, улица Ольги Берггольц, улица Ольги Форш, улица Островского / улица Николая Островского, улица Ошанина, улица Павленко, улица Пришвина, улица Расула Гамзатова, улица Серафимовича, улица Сергеева-Ценского, улица Солженицына, улица Станюковича, улица Суркова, улица Твардовского, улица Толстого / улица Алексея Толстого, улица Тренёва, улица Фадеева, улица Федина, улица Фурманова, улица Цветаевой, улица Шолохова, улица Шукшина.*

В-третьих, в некоторых городах Российской Федерации создавались урбанонимы, увековечивающие память о писателях и поэтах республик СССР. Примером подобных названий могут служить меморативы: *улица Абая Кунанбаева, улица Алишера Навои, улица Богдановича, улица или Ляца, улица Галана, улица Донелайтиса, улица Ивана Франко, улица Коцюбинского, улица Леси Украинки, улица Руставели, улица Саломеи Нерис, улица Самеда Вургуна, улица Яна Райниса / улица Райниса, улица Янки Купалы и др.* В основном подобные названия создавались в Москве и Санкт-Петербурге, однако их можно встретить и в других городах нашей страны.

В-четвертых, в российских городах иногда создавались меморативы в честь зарубежных писателей: *улица Адама Мицкевича, улица Анри Барбюса, улица Войнич, улица Гаюка / улица Ярослава Гаюка, улица Джона Рида, улица Мольера, улица Романа Роллана, улица Шекспира, улица Эжена Потье, улица Юлиуса Фучика и др.* Количество подобных названий очень незначительно, они представлены преимущественно в крупных населенных пунктах страны.

В-пятых, в урбанонимии страны представлены названия, увековечивающие память о местных писателях и поэтах. Состав подобных меморативов очень немногочислен, они, как правило, представлены лишь в каком-то одном населенном пункте. Например, в Ярославле было создано название *улица Кузнецова*, в Рыбинске – *улица Рапова*, в Иваново – *улица Благова, улица Поэта Лебедева, улица Поэта Майорова, улица Нефедова, улица Поэта Ноздрина, переулок Семеновского.*

Урбанонимы, увековечивающие память о писателях, поэтах и литературных критиках, распространены неравномерно в разных типах урбанонимических систем (см. об этом [5]).

Для двух российских столиц (Москвы и Санкт-Петербурга) характерно широкое разнообразие подобных меморативов. Как мы уже отмечали выше, в Москве широко представлены не только урбанонимы, увековечивающие память о дореволюционных и советских литераторах, но и топонимы в честь зарубежных писателей (*улица Гаюка, площадь Эжена Потье, улица Адама Мицкевича* и др.) и писателей из республик, входивших в состав СССР (*улица или Ляца, проезд Донелайтиса, улица Ивана Франко* и др.). На территории столицы представлен даже такой топоним, как *улица Павла Корчагина*, увековечивающий литературного героя Николая Островского.

Различия в составе меморативов в честь писателей, поэтов и литературных критиков наблюдаются и в урбанонимических системах больших и малых провинциальных городов. Если в первую пятерку частотных персональных меморативов малых городов входят всего два названия в честь литераторов (*улица Горького / Максима Горького и улица Пушкина*), то в аналогичную пятерку больших городов – девять названий (*улица Маяковского, улица Пушкина, улица Горького / Максима Горького, улица Лермонтова, улица Островского, улица Толстого / Льва Толстого, улица Чернышевского, улица Гоголя, улица Чехова*).

Особенности частотности урбанонимов в больших и малых городах позволяет проследить коэффициент относительной распространенности урбанонимов (КОРУ), выраженный отношением суммарной абсолютной частоты городов, в которых был создан урбаноним, к суммарной абсолютной частоте количества населенных пунктов данного типа.

КОРУ урбанонимов в честь литераторов в онимических системах больших и малых городов различается. Если в малых городах всего у двух меморативов (*улица Горького / улица Максима Горького* и *улица Пушкина*) КОРУ выше 0,5, то есть эти урбанонимы представлены более чем в половине подобных населенных пунктов ЦФО, то в больших городах 17 названий превышают данный показатель.

Проанализируем соотношение показателей КОРУ у ряда урбанонимов в честь литераторов в больших и малых провинциальных городах. КОРУ урбанонима *улица Маяковского* в больших городах равен 0,92 (1-е место по частотности), а в малых городах – 0,48 (3-е место). Из этих показателей следует, что мы вправе предполагать наличие данного меморатива в больших провинциальных городах, но можем не встретить его в малых населенных пунктах. КОРУ урбанонима *улица Горького / улица Максима Горького* равен 0,9 (2-е место) в больших городах и 0,6 (1-е место) в малых городах; у урбанонима *улица Островского* – соответственно 0,85 (3-е место) и 0,34 (6-е место). Если в больших городах урбаноним *улица Чернышевского* входит в первую десятку частотных меморативов в честь литераторов (КОРУ 0,78; 5-е место), то в малых городах он находится за ее пределами (КОРУ 0,16; 11-е место). Аналогично топоним *улица Тургенева* отсутствует в первой десятке частотных названий в честь литераторов в больших городах (КОРУ 0,54; 12-е место), но представлен в ней в малых городах (КОРУ 0,23; 9-е место).

Интересны особенности увековечивание памяти А.С. Пушкина в больших и малых провинциальных городах. В российской урбанонимии мы можем встретить два варианта урбанонимов в честь поэта: *улица Пушкина* и *Пушкинская улица*. КОРУ первого варианта в онимических системах больших провинциальных городов равен 0,8, а второго – 0,24. Получается, что урбанонимы в честь поэта должны быть представлены абсолютно во всех крупных городах Российской Федерации. КОРУ варианта *улица Пушкина* в онимических системах малых населенных пунктов равен 0,57, а варианта *Пушкинская улица* – 0,14.

Особый интерес представляет исследование эволюции меморативов в честь писателей, поэтов и литературных критиков. Нами выделены четыре основных этапа развития данного типа урбанонимов.

Начальный этап истории меморативов в честь литераторов охватывает дореволюционный период истории нашей страны. По нашим данным, первый меморатив в честь литератора в Российской Федерации появился в Санкт-Петербурге. 22 декабря 1881 г. по ходатайству городской думы одному из проездов города было присвоено имя А.С. Пушкина [1, с. 139]. Впоследствии урбанонимы в честь поэта появились и в других рос-

сийских городах. В 1899 году, к столетию со дня рождения А.С. Пушкина, подобные названия появились в Екатеринбурге, Иванове, Казани, Рыбинске, Самаре, Симферополе, Томске и ряде других населенных пунктов, а в 1900 г. – в Пскове. Также в указанную эпоху во многих городах появились названия в честь Н.В. Гоголя (Екатеринбург, 1902, 1913; Краснодар, 1908; Курск, 1911; Рыбинск, 1908; Санкт-Петербург, 1902; Симферополь, 1902; Томск, 1909; Тула, 1902) и М.Ю. Лермонтова (Москва, 1900-е гг.; Санкт-Петербург, 1900, 1912, Томск, 1914). Единичными до революции были урбанонимы, увековечивающие память о В.Г. Белинском (Томск, 1912), В.И. Дале (Санкт-Петербург, 1913), Ф.М. Достоевском (Казань, 1914; Санкт-Петербург, 1915), В.А. Жуковском (Симферополь, 1904), А.В. Кольцове (Воронеж, 1892), Н.А. Некрасове (Санкт-Петербург, 1910-е гг.), Л.Н. Толстом (Самара, 1908; Симферополь, 1904), А.П. Чехове (Казань, 1914).

Второй этап формирования меморативов в честь литераторов начался после революции и продолжался до конца 1940-х гг. При создании урбанонимов в этот период местные власти, возможно, ориентировались на «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и др. городах РСФСР...», утвержденный постановлением Совета народных комиссаров от 30 июля 1918 г. В него были включены следующие литераторы: «1. Толстой. 2. Достоевский. 3. Лермонтов. 4. Пушкин. 5. Гоголь. 6. Радищев. 7. Белинский. 8. Огарев. 9. Чернышевский. 10. Михайловский. 11. Добролюбов. 12. Писарев. 13. Глеб Успенский. 14. Салтыков-Щедрин. 15. Некрасов. 16. Шевченко. 17. Тютчев. 18. Никитин. 19. Новиков. 20. Кольцов» (цит. по: [2, с. 25–26]). Лишь 6 персоналий литераторов из данного списка (Н.Г. Михайловский (Н. Гарин), И.С. Никитин, Н.И. Новиков, Н.П. Огарев, Д.И. Писарев, Ф.И. Тютчев) были практически не представлены в урбанонимии страны в 1920–1930-е гг., в то время как меморативы в честь остальных писателей, поэтов и литературных критиков активно создавались в эти десятилетия. Например, названия, увековечивающие память о Н.А. Некрасове, стали активно появляться в населенных пунктах в 1920–1940-е гг. По нашим данным, в 1920-е гг. топоним появился в Великих Луках (1921 г.), Иванове (1927 г.), Казани (1927 г.), Калязине (1918 г.), Оренбурге (1928 г.), Пскове (1921 г.), Рыбинске (1928 г.), Самаре (1925 г.), Санкт-Петербурге (1922 г.), Ярославле (1924 г.). В 1930-е гг. он был создан в Кирове (1938 г.), Костроме (1937 г.), Москве (1939 г.), Ульяновске (1935 г.), Череповце (1937 г.), а в 1940-е гг. – в Великом Новгороде (1946 г.), Архангельске (1948 г.) и Томске (1949 г.), в 1960-е гг. – в Краснодаре (1962 г.).

На появление меморативов в честь литераторов оказывали влияние и различные события в обще-

ственной и культурной жизни страны. Вторая волна создания урбанонимов в честь А.С. Пушкина приходится на конец 1930-х гг., когда в стране широко отмечалось 100-летие со дня гибели поэта. Так, в 1936 г. меморатив появился в Воронеже, в 1937 г. – в Архангельске, Владимире, Иваново, Костроме, Краснодаре, Липецке, Москве, Оренбурге, Орле, Перми, Саратове и Ярославле, в 1938 г. – в Кирове и Махачкале, в 1939 г. – в Калязине, в 1944 – в Новгороде, в 1949 г. – в Томске.

Кроме дореволюционных писателей, в 1920–1940-е гг. в российских городах массово увековечивались три советских литератора: М. Горький, В. Маяковский и Д.А. Фурманов. В конце 1930-х гг. к ним добавились урбанонимы в честь Николая Островского.

Меморативы, увековечивающие память о М. Горьком, стали появляться в российских городах сразу же после революции. В 1918 г. урбанонимы в честь писателя появились в Воронеже, Калязине, Курске, Саранске, Ульяновске, в 1922 г. – в Рыбинске, в 1928 г. – в Самаре и Туле, в 1929 г. – в Томске. Новым толчком для создания меморативов стала смерть писателя. В 1936 г. урбанонимы появились в Москве, Новгороде, Орле, Оренбурге, Рыбинске, Симферополе, Саратове, Череповце, в 1937 г. – в Екатеринбургe, в 1938 г. – в Махачкале.

Иную картину мы наблюдаем с увековечиванием памяти о В. Маяковском. Нам не встретились прижизненные меморативы в честь поэта. По нашим данным, в год смерти В. Маяковского появился всего один урбаноним в Саранске. Активно названия в честь поэта начали создаваться во второй половине 1930-х гг. В 1935 г. возник урбаноним в Москве; в 1936 г. – в Липецке, Перми, Санкт-Петербурге и Твери; в 1938 г. – в Кирове и Череповце; в 1939 г. – в Калязине, Краснодаре, Рыбинске и Ярославле; в 1940 г. – в Оренбурге и Самаре; в 1945 г. – в Курске, в 1949 г. – в Орле и Томске, в 1950 г. – в Иваново и т. д.

В течение третьего этапа, который длился с начала 1950-х гг. до начала 1990-х гг., произошло расширение репертуара урбанонимических основ. Именно на этом этапе стали возникать названия, увековечивающие память о местных писателях и поэтах. Например, подобные меморативы в Иваново возникли в 1962 г. (*улица Благова* и *улица Поэта Ноздрина*), в 1964 г. (*улица Поэта Майорова*), в 1965 г. (*улица Поэта Лебедева*) и в 1974 г. (*улица Нефедова, переулок Семеновского*). Аналогичную картину мы наблюдаем и в Казани. Первые меморативы в честь местных литераторов стали возникать также в этот период: *улица Мазита Гафури* (1949 г.), *улица Фатыха Амирханова* (1952 г.), *улица Нура Баяна* (1953 г.) и др.

В 1950–1990-е гг. в городах начали появляться и немногочисленные меморативы в честь зарубежных писателей. Например, в Москве в 1960-е гг.

были созданы урбанонимы *улица Юлиуса Фучика* (1963 г.), *улица Гашека* (1964 г.), *площадь Романа Роллана* (1966 г.).

Начал активно развиваться и пласт урбанонимов, увековечивавших советских литераторов. На картах городов появились топонимы в честь А. Гайдара, С. Есенина, А.Н. Толстого, А.А. Фадеева, М.А. Шолохова и др. писателей и поэтов. Большинство подобных названий не получили широкого распространения в русской урбанонимии, лишь некоторые из них представлены во всех регионах ЦФО. Это обусловлено запретами на создание прижизненных меморативов, которые были введены в послесталинскую эпоху и существенно ограничили возможности увековечивания памяти о советских писателях. Влияние этого фактора на урбанонимию мы можем проследить на примере меморативов в честь А. Гайдара и М. Шолохова. Урбанонимы, увековечивающие память об А. Гайдаре, зафиксированы во всех областях ЦФО, поскольку гибель писателя во время Великой Отечественной войны позволяла создавать меморативы в его честь. Подобные топонимы в честь писателя активно возникали в 1950–1960-х гг.: в 1951 г. урбаноним появился в Липецке, в 1953 г. – в Казани, в 1955 г. – в Рыбинске, в 1957 г. – в Москве, в 1958 г. – в Кирове, в 1960 г. – в Орле, в 1962 г. – в Воронеже, в 1965 г. – в Курске и Оренбурге, в 1968 г. – в Самаре. Первые урбанонимы в честь М. Шолохова были созданы еще при жизни писателя: в 1936 г. подобный топоним возник в Воронеже, а в 1940 г. – в Рыбинске. Название в Воронеже просуществовало до 1957 г., когда оно было ликвидировано как существующее при жизни писателя. Интересно, что в Рыбинске данный урбаноним сохранился, он существует до настоящего времени. Смерть писателя в 1984 г. открыла возможность для увековечивания памяти: в 1985 г. урбаноним был создан в Москве, а в 1996 г. – в Воронеже.

Четвертый этап формирования меморативов в честь писателей, поэтов и литературных критиков начался в начале 1990-х гг. и длится вплоть до настоящего времени. Его основной особенностью стало увековечивание памяти о литераторах, не входивших в официальный советский пантеон: А. Ахматовой, И.А. Бунине, М. Цветаевой, А.И. Солженицыне, В. Высоцком и др. Например, названия *улица Высоцкого* / *улица Владимира Высоцкого* появились в Воронеже (1992), Кирове (1999), Липецке (1999), Самаре (1998), Томске (1998).

Другим отличием указанного периода стало присвоение имен писателей и поэтов новым типам объектов – аллеям, садам и скверам. Например, в Москве появилась *Бунинская аллея* (1996 г.), в Санкт-Петербурге – *сквер Айтматова* (2013 г.), *сад Валентина Пикуля* (2014 г.) и др.

В постсоветской урбанонимии нами отмечены и примеры создания ансамблей топонимов. На-

пример, в Краснодаре улицы и проезды получили имена известных детских писателей: Николая Носова, Виктора Драгунского, Льва Кассиля, Сергея Михалкова, Корнея Чуковского, Виталия Бианки, Павла Бажова, Агнии Барто и Самуила Маршака. Как сообщила газета «Комсомольская правда», на этой территории «получали участки семьи, воспитывающие трех и более детей <...> Именно потому, что в этом районе будут жить многодетные семьи, улицы и решили назвать именами детских писателей. Список авторов, знакомых всем с младенчества, предложили городские чиновники, а народные избранники единогласно его утвердили» [6].

Проведенный нами анализ позволил установить, что меморативы в честь писателей, поэтов и литературных критиков занимают довольно существенное место в урбанонимии российских городов. Данные названия, несомненно, будут возникать в населенных пунктах и далее. Как показывают результаты опросов общественного мнения, население городов благосклонно относится к созданию подобных меморативов.

Изучение специфики урбанонимов-посвящений, выявление особенностей существующих разновидностей этого типа названий представляют несомненный интерес для ономастики и социолингвистики. Подобное исследование позволяет выявить ономастический вкус различных истори-

ческих периодов и регионов нашей страны, описать наиболее частотные модели названий.

Библиографический список

1. *Владимирович А.Г., Ерофеев А.Д.* Откуда приходят названия. Петербургские улицы, набережные, площади от аннинских указов до постановлений губернатора Полтавченко. – М.: Центрполиграф, 2014. – 319 с.
2. *Нерознак В.П., Горбаневский М.В.* Советский «новояз» на географической карте (о штампах и стереотипах речевого мышления). – М.: Знание, 1991. – 64 с.
3. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
4. *Разумов Р.В.* Посвящения писателям, поэтам и литературным критикам в урбанонимии Российской Федерации // Ономастика Поволжья: материалы XV междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна. – Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 324–328.
5. *Разумов Р.В.* Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 4. – С. 121–125.
6. *Янкина Л.* В Краснодаре появятся улицы имени Корнея Чуковского и Агнии Барто [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26150.3/3038611/> (дата обращения: 17.06.2015).

Катынская Марина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
Амурский государственный университет, г. Благовещенск
marinak_munrfe@mail.ru

Замятина Алёна Викторовна
Амурский государственный университет, г. Благовещенск
alenzamjatina@rambler.ru

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Политические коммуникации являются неотъемлемой частью социальной жизни, а политический дискурс обладает потенциалом программировать сознание и поведение людей. Статья посвящена политической публичной речи. Выделяют следующие научные направления в исследованиях публичной речи: риторическое, психологическое, лингвистическое. Политическую публичную речь изучают в рамках междисциплинарных исследований ввиду ее многогранности. Авторами комплексно рассматривается процесс создания политического публичного выступления спичрайтером и/или политиком с учетом основных лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих прагматическую эффективность речи: политико-социальный и культурный контекст, ситуация общения, личность говорящего и языковые особенности построения текста.

При планировании выступления учитывается широкий контекст, который детерминирует концептуальное содержание и способы вербализации смыслов в речи. Ситуация общения включает хронотоп и формат политического публичного выступления. Личность политика, его имидж и статус, социальный и политический опыт, языковая компетентность играют важную роль при подготовке и реализации выступления. Формируемый текст обладает определенной логической, семантической, синтаксической структурой, а также фонетическими характеристиками, позволяющими говорящим достигать искомого прагматического воздействия на целевую аудиторию. Предлагается базовая модель создания эффективного политического публичного выступления.

Ключевые слова: политические коммуникации, политический дискурс, публичная речь, политическое публичное выступление, экстралингвистические факторы, языковые средства воздействия, модель публичного выступления.

Политические коммуникации являются неотъемлемым элементом социальной жизни. При этом в XXI веке, в связи с нарастающей глобализацией в разных сферах жизни общества, политический дискурс как в широком, так и в узком понимании не теряет своей актуальности для междисциплинарных исследований в различных областях гуманитарных наук (политологии, социологии, лингвистики, философии и др.). Это обусловлено тем, что политический дискурс обладает потенциалом программировать сознание и стереотипы, поведение и реакции общественных масс. Будучи многогранным явлением, политический дискурс функционирует в разнообразных формах, одной из которых является публичное выступление.

Публичная речь, как известно, издревле являлась весьма престижной формой общения и предметом наблюдения и анализа. Под публичной речью понимается устное монологическое выступление одного человека перед группой людей, характеризующееся наличием замысла, структурно-композиционной и содержательной завершенностью, целенаправленностью и установкой на воздействие [2, с. 3].

В настоящее время исследования публичной речи можно разделить на три научных направления. **Риторическое направление** исследует публичную речь как предмет риторики, с позиций трех категорий: этоса, пафоса, логоса (В.И. Аннушкин, М.Б. Будильцева, Т.Д. Плюснина, Т.Е. Тимошенко, М.Н. Крылова). Большинство авторов соглас-

ны с тем, что следует разграничивать «широкий» и «узкий» смыслы термина «риторика». Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой риторика в узком смысле понимается как комплексная дисциплина, изучающая ораторское искусство, ораторскую речь (С.И. Гиндин, М.И. Панов), а в широком смысле объектом риторики являются любые формы воздействующей или убеждающей коммуникации (или «побудительный» дискурс в терминологии У. Эко). **Психологическое направление** исследует публичную речь в рамках психологии общения с целью выявить условия эффективной убеждающей коммуникации (Г.Р. Чернова, М.Л. Соснова, М.А. Поваляева). **Лингвистическое направление** изучает публичную речь в рамках теорий лингвистики текста (М.Я. Блох, О.И. Москальская, И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд, Г.В. Колшанский, Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов, Дж. Серл, Дж. Остин, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Е.С. Кубрякова, Е.Л. Фрейдина и др.) и дискурса (П. Серию, Т. ван Дейк, Н.Д. Арутюнова, Е.И. Шейгал, О.С. Иссерс, С.Н. Плотникова), рассматривая публичную речь как продукт риторической деятельности, звучащий монологический текст.

Исследования по специфике политической публичной речи в целом укладываются в обозначенные направления и отражают современные тенденции и реалии политических коммуникаций. В частности, обзор лингвистических исследований, проведенных отечественными учеными в течение последних пяти лет, показал традиционно стабильный интерес к аспектам, связанным с лек-

психологией, прагматикой, лингвокультурологией, риторикой, когнитивистикой и аксиологией. Кроме того, в фокус научных филологических исследований входят гендерные и социокультурные аспекты публичной речи политиков, вопросы, сопряженные с имиджелогией, массмедийным и сетевым политическим дискурсом.

Очевидно, что исследования, посвященные публичной речи, в частности в сфере политики, имеют ярко выраженный прикладной характер. Каждое исследование в этой области может являться определенной инструкцией для тех, кто конструирует политические публичные выступления (политики, спичрайтеры, политтехнологи и т. д.). Однако для подготовки эффективного публичного выступления, способного в полной мере реализовать свою основную функцию убеждения, необходим комплексный подход, который бы учитывал различные факторы, обуславливающие искомый прагматический эффект. Представляется актуальным создание базовой модели политического публичного выступления. На современном этапе степень разработанности отдельных аспектов данного вопроса в работах зарубежных и отечественных авторов достаточно высока и позволяет обобщить и систематизировать существующие идеи и выводы.

Во-первых, при планировании выступления следует учитывать широкий политико-социальный и культурный контекст, детерминирующий не только концептуальное содержание, но и способы вербализации смыслов в речи. Политический дискурс неизбежно отражает все результаты историко-культурной эволюции общества к настоящему моменту (Время Культуры). Речь идет об актуальности явлений и событий, их причинно-следственных связей как на глобальном уровне, так и на уровне региональных и национальных сообществ. Кроме того, контекст включает ценности, которые существуют в обществе в конкретный период его развития и определяют положительную или отрицательную значимость объектов окружающего мира для человека, социальной группы, общества в целом, вовлеченных в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений [4].

Ярким примером того, как изменения политико-социального контекста обусловили модификацию смысловой структуры политических выступлений, является актуализация слова «санкции» для российского общества. После событий на Украине в 2014 году понятие «санкции» приобрело особую значимость и в смысловом, и в эмоционально-оценочном планах, чего не наблюдалось ранее. В результате все политическое и массмедийное пространство, включая социальные сети, фокусировалось на данном концепте, и обыватели наряду с политиками спекулировали на теме санкций в отношении России.

Во-вторых, важнейшим компонентом дискурсивного пространства является ситуация общения, определяющая непосредственные условия и направленность коммуникации с учетом характеристик целевой аудитории. При моделировании ситуации общения ученые обращаются к понятию хронотопа. В сферу гуманитарных наук этот термин был введен М.М. Бахтиным, который понимал под хронотопом «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений» [1]. В теории дискурса хронотоп обозначает время и место его функционирования и определяет тип дискурса [5]. Применительно к публичной речи хронотоп включает время (дата, продолжительность, периодичность, временная структура) и место выступления политика (митинг, телестудия, парламент, рабочий кабинет, зал заседаний).

Хронотоп также определяет формат публичного выступления. Это могут быть его полилогические и монологические формы, например интервью, прямая линия с президентом, дебаты, предвыборное обращение, ежегодное обращение, выступление в парламенте/на форуме/в ООН и др. Каждый из перечисленных форматов изучен в разной степени стилистикой и теорией жанров и требует дальнейшего исследования по мере модификации самих форматов и изменения условий их реализации.

Данный параметр неизбежно определяет характер и количество участников в ситуации общения, которыми могут быть: субъект публичного выступления, целевая аудитория и другие получатели сообщения. В некоторых форматах присутствуют посредники между выступающими и аудиторией (журналисты, теле- и радиоведущие). При планировании прагматического эффекта учитывается фактор адресата, обуславливающий ориентацию выступления на определенные ценности, мотивы, интересы, потребности, поведение и стереотипы аудитории вне зависимости от степени опосредованности коммуникации. Другими словами, адресат может как непосредственно присутствовать во время публичного выступления, так и опосредованно получать информацию через различные медиаканалы (телевидение, радио, газеты, интернет-источники и т. д.).

В-третьих, существенную роль в успешной реализации замысла говорящего играет личность самого оратора. С одной стороны, этот фактор значим для процесса конструирования текста выступления политиком или спичрайтером. С другой стороны, достижение искомого прагматического эффекта обусловлено имиджем и статусом адресанта.

Когнитивные стратегии говорящего неразрывно связаны с самосознанием и восприятием своего имиджа и статуса, социальным и политическим опытом. Спичрайтер, в свою очередь, в полной мере должен понимать и адаптировать текст в соответствии с личностью политика.

Реакция адресата непременно зависит от восприятия им выступающего как личности. Очевидно, что аналогичные идеи, предлагаемые разными политиками, могут вызывать неодинаковый когнитивный отклик в сознании адресата. В равной степени это относится и к персуазивности, и к побудительности речи. Таким образом, влияние личности оратора имеет двунаправленный характер – на содержание и результат публичного выступления. Личность говорящего неизбежно формирует его языковую личность, которая включает языковую компетентность, владение определенными стратегиями, тактиками и приемами публичного выступления.

Здесь необходимо обратиться к понятию идиостиля, которое означает совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка [9]. Идиостиль прослеживается как в письменной, так и в устной формах представления текста. Каждый оратор обладает определенными фонетическими особенностями (тембр, темп, интонация и произношение) и со временем приобретает специфические черты организации текста и его презентации. Идиостиль является частью речевого портрета и имиджа политика и имеет соответствующий прагматический потенциал.

Успех публичного выступления в рамках форматов, предполагающих спонтанное высказывание, напрямую зависит от речевого опыта говорящего, степени сформированности соответствующих речевых навыков. Следует учитывать, что ментальное состояние говорящего в момент речи также влияет на эффективность коммуникации. Данный аспект требует внимания в процессе подготовки к выступлению.

В-четвертых, конкретный текст публичного выступления в определенных условиях с учетом вышеупомянутых обстоятельств и факторов неизбежно обладает специфичной семантической и синтаксической структурой, а также соответствующими фонетическими характеристиками, что позволяет говорящему достичь запланированного персуазивного/побудительного речевого эффекта.

Технология создания эффективного выступления требует внимательного отбора языковых средств на всех уровнях. На лексическом уровне оформления высказывания исследователи предлагают учитывать различные аспекты семантики слов, вербализующих заложенные в тексте выступления актуальные для адресата ценностные смыслы. Использование тех или иных лексических единиц определяет формирование желаемых когнитивных образов в сознании аудитории. Речь идет как о прямом значении слова, так и об эмоционально-оценочном компоненте. Ярким примером применения эмоционально-оценочной лексики в политическом публичном выступлении в нача-

ле 2000-х годов является словосочетание «мочить в сортире», которое использовал В.В. Путин по отношению к террористам.

Недавний пример аналогичной лексики – слово «свалить» в выступлении В.В. Путина во время прямой линии 15 июня 2017 г., очевидно, выражает отрицательное отношение президента к факту осуждения избранных руководителей региона: «Справляются или не справляются, еще раз вернусь к этому вопросу. Должны справляться, у них есть для этого все, несмотря на то, что все они, как правило, люди достаточно молодые, тем не менее у них есть большой опыт государственной работы и жизненный опыт, и кроме того, конечно, можно на них все что угодно *свалить*, но там не все просто в регионах и с финансами» [8].

Согласно словарю С.И. Ожегова, ВАЛИТЬ означает: 1. кого-что. Обрушивать вниз, заставлять падать. 2. что. Беспорядочно сбрасывать, складывать (разг.). 3. перен., что на кого-что. Слагать ответственность за что-н. на кого-что-н. (разг.) [7]. Таким образом, данная лексема употреблена не в прямом 1-м или 2-м значении, а в 3-м – переносном, эмоционально окрашенном значении. Кроме того, данная единица относится к разговорной лексике, что свидетельствует о реализации стратегии сближения с большей частью целевой аудитории – рядовыми гражданами России.

Эмоциональная выразительность речи достаточно часто формируется при помощи эпитетов различного рода. В политической публичной речи может наблюдаться перенасыщенность высказывания описательными эпитетами к каждому члену предложения. Это представляется логичным, если намерение говорящего состоит в фокусировании внимания адресата на определенных смыслах. Например, в своем обращении к нации после авиаудара американскими ВВС по позициям правительственных войск Сирии президент Д. Трамп аргументировал необходимость данной акции в связи с химической атакой по мирному населению, за которую, по мнению американского правительства, несет ответственность правящий режим.

Эмоциональный накал данного публичного выступления был высоким, в частности, благодаря обилию эпитетов, характеризующих эту атаку: «It was a *slow and brutal* death for so many. Even *beautiful* babies were *cruelly* murdered in this very *barbaric* attack [12] / Это была медленная и жестокая смерть многих. Даже прелестные малыши были жестоко убиты в этой варварской атаке.

К частым и действенным речевым приемам политиков относят образные средства – метафоры, метонимии, гиперболы, сравнение, ирония и др. В качестве отдельного направления в политической лингвистике в настоящее время разрабатывается теория политической метафоры (G. Lakoff, M. Johnsen, А.Н. Баранов, С.А. Хахалова, А.П. Чудинов и др.).

В упомянутом выше выступлении В.В. Путина, в том же контексте рассуждения о работе региональных лидеров, находим метафорическое выражение «подставить плечо»: «...но там не все просто в регионах и с финансами. В этом смысле Федерация им помогает, подставляет плечо». Эти средства позволяют создать образность, экспрессивность речи, и таким образом обеспечивают доступность вербализованного смысла для адресата.

Еще одним популярным стилистическим приемом в речевом арсенале политиков являются фразеологические единицы: поговорки, пословицы, устойчивые и идиоматические выражения. Они кратко, но ёмко актуализируют мысль говорящего. Это наглядно демонстрирует следующий пример из обращения президента США Б. Обамы к Генеральной Ассамблее ООН в 2014 г. в связи с ситуацией на Украине: «This is a vision of the world in which *might makes right* – a world in which one nation's borders can be redrawn by another» [10] / Это взгляд на мир, в котором прав тот, кто силен – мир, в котором границы одной страны могут перекраиваться другой.

Идиома «*might makes right*» («прав тот, кто сильнее») предполагает, что прав тот, у кого сила. Прослеживается негативная оценочность контекста, которая базируется на данной идиоме.

В своей речи Б. Обама осуждает такой подход к политике и взаимоотношениям между странами и говорит: «America stands for something different. We believe that *right makes might* – that bigger nations should not be able to bully smaller ones, and that people should be able to choose their own future [10] / Америка разделяет другие идеалы. Мы верим, что силен тот, кто прав – что более крупные страны не должны запугивать меньшие государства и что люди должны иметь возможность определять свое будущее.

Парефразируя это устойчивое выражение, адресант настаивает на необходимости смены полюсов во взаимоотношениях государств с «права сильного» на «силу правого». Помимо использования фразеологизма, говорящий также применяет еще один стилистический прием – игру слов, с целью привлечь внимание к проблеме и убедить аудиторию.

На лексическом уровне политические выступления в основном характеризуются ориентацией на политкорректность, под которой понимается «культурно-поведенческая и языковая тенденция, нацеленная на замену устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или иного индивидуума эмоционально нейтральными и/или положительными эвфемизмами» [3]. Языковая практика политкорректности исключает использование тех слов и высказываний в отношении возраста, социального статуса, состояния здоровья, расовой и половой принадлежности, внешнего вида людей, которые те могут посчитать оскорби-

тельными и/или дискриминационными. Эта установка учитывается спичрайтерами и политиками при конструировании текста выступления.

Однако эвфемизация вообще характерна для политической публичной речи ввиду ее склонности к дипломатичности и соблюдению сложившихся норм поведения в обществе. Эвфемизмом является «нейтральное слово или выражение, которым заменяется другое – нетактичное, грубое, неприличное, и потому с этических позиций неприемлемое» [6]. Соответственно, часто политики заменяют некоторые слова на более благозвучные. При этом замещению на более возвышенные по стилю иногда подлежат слова, относящиеся к нейтральному регистру, что в свою очередь демонстрирует интенцию говорящего к гибкости, неконфликтности общения во время публичного выступления. К примеру, лексема «*pass*» вместо «*die*» в речи американского президента Д. Трампа: «We ask for God's wisdom as we face the challenge of our very troubled world. We pray for the lives of the wounded and for the souls of those who have *passed*» [12]. Мы просим у Бога мудрости, так как мы сталкиваемся с вызовами современного беспокойного времени. Мы молимся за жизни раненых и за души ушедших от нас.

Тем не менее наблюдается языковая дисфемизация в речах тех политиков, кто намеренно создает негативный, отрицательный эмоциональный контекст изложения мысли. Так, президент Д. Трамп в своей инаугурационной речи, говоря о причинах катастрофической экономической ситуации в стране, использует такие номинации, как «разрешительное действие», «воровство», «уничтожение»: «We must protect our borders from the *ravages* of other countries making our products, *stealing* our companies, and *destroying* our jobs [11] / Мы должны защитить наши границы от разрушительного воздействия других стран, которые производят наши товары, воруют наши компании и уничтожают наши рабочие места.

Персуазивный эффект презентации публичного текста может достигать уровня манипуляции сознанием аудитории. Манипулятивные речевые технологии в достаточной степени разработаны практиками политической коммуникации. Интересным представляется факт включения авторами текстов в арсенал аргументации значительного количества терминов и статистических данных, используемых для подтверждения того или иного тезиса. Однако правильно оценить большинство данных могут только узкие специалисты в соответствующих областях. В то время как остальные адресаты далеко не всегда правильно понимают смысл сказанного. Таким образом, вместо верификации выдвигаемого положения происходит манипуляция восприятием данной информации.

На уровне синтаксического оформления текста необходимо выделить следующие особенно-

сти политической публичной речи: минимальная осложненность грамматических и синтаксических конструкций, что способствует облегчению восприятия устной речи; наличие номинативных предложений и обособленных номинативных конструкций и уточнений; лексико-синтаксические повторения; параллельные конструкции; инверсии; риторические вопросы.

Следующий пример демонстрирует некоторые из вышеперечисленных особенностей: «We, the citizens of America, are now joined in a great national effort to rebuild our country and restore its promise for all of our people. Together *we will* determine the course of America and the world for many, many years to come. *We will* face challenges. *We will* confront hardships, but *we will* get the job done» [11] / Мы, граждане Америки, сейчас объединились в нашем общем стремлении восстановить страну и возродить утраченные возможности, гарантированные нашему народу. Вместе мы определим будущий курс Америки и всего мира на многие годы вперед. Мы столкнемся с вызовами. Мы столкнемся с трудностями, но мы это сделаем.

Данный фрагмент инаугурационной речи президента Д. Трампа выстроен с использованием простых грамматических конструкций, повторяющихся по мере развертывания высказывания. Наблюдается обилие простых по синтаксической структуре предложений. В сложносочиненном предложении употреблен базовый противительный союз «but».

В целом существует определенный прагматический потенциал в композиционно-логическом оформлении текста. С одной стороны, соблюдение логической структуры изложения мысли, наличие слов-связок, логическое повторение, уточнение и резюмирование направлены на оптимизацию

процесса восприятия и понимания текста выступления. С другой стороны, эти инструменты имеют манипулятивный потенциал в случае интенционального фокуса говорящего на «зомбировании» сознания адресата.

При комплексном подходе к изучению политической публичной речи невозможно преуменьшить значение ее фонетических характеристик. От качества дикции и произносительных навыков оратора зависит прежде всего ясность речи, понимание ее адресатом, то есть реализация воздействующей функции публичной речи. Звучность голоса как способ донесения сообщения для аудитории также придает речи выразительность. Качество голоса и тембр несут информацию о физических и социо-психических особенностях говорящего, о его настроении и т. д. и способны передавать тончайшие оттенки эмоций. Темп речи складывается из двух составляющих: скорости речи и паузации. При этом скорость речи связывают как с индивидуальными особенностями оратора, так и с содержанием публичного выступления. Опытный оратор контролирует скорость, например, скорость должна замедляться на наиболее значимых в смысловом отношении участках текста. Что касается паузации, она выполняет в публичной речи целый ряд важнейших функций: членение звучащего текста, его ритмическое структурирование, выделение главного, поддержание контакта с аудиторией. Различают следующие виды пауз: дыхательные, синтаксические (грамматические), логические (смысловые, эмфатические) паузы, психологические (паузы хезитации), риторические паузы и ритмические. Кроме того, важнейшим инструментом является интонация, которая способна выражать законченность или незаконченность мысли, придавать высказыванию повествовательный, вопросительный или

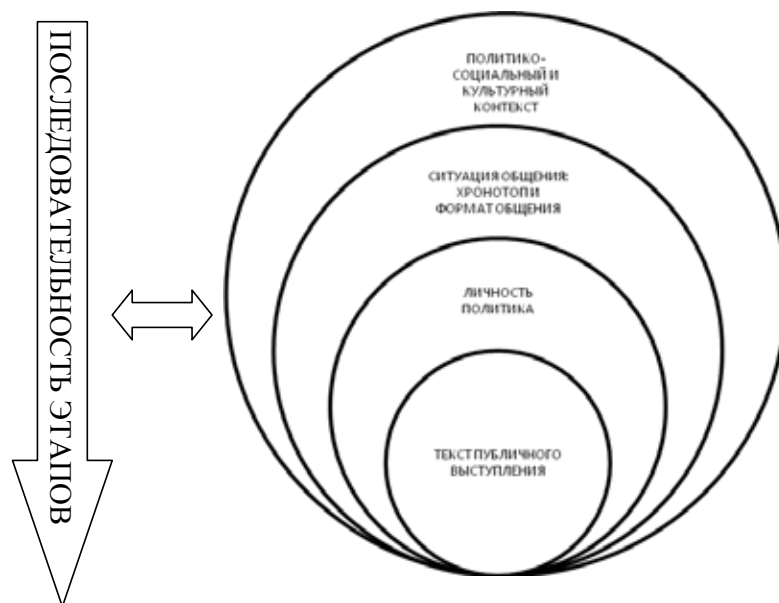

Рис. 1. Модель создания политического публичного выступления

восклицательный характер, выражать эмоции, придавать звучащей речи экспрессивность и осуществлять воздействие на слушателя [2]. Несомненно, овладение фонетическим аспектом ораторского искусства требует обучения и тренировки.

Все основные факторы, обуславливающие процесс конструирования публичного выступления и успешность его реализации политиком, можно представить в виде базовой модели создания эффективного политического публичного выступления (рис. 1).

Данная модель коррелирует с этапами конструирования политического публичного выступления. Учет факторов осуществляется спичрайтером и/или политиком по принципу «от общего к частному». Контекст является неотъемлемой частью индивидуального и массового сознания, иными словами, автор текста живет в условиях данного контекста, принимая во внимание специфические, важные для конкретного выступления тенденции, события, факты и обстоятельства. Происходит непрерывное накопление знаний, встраивающихся в структуру контекста. В ситуации общения говорящий имеет возможность модифицировать изначальный речевой замысел и реагировать на действия других участников, исходя из условий коммуникации. На ход и результат публичного выступления политика влияет также психоэмоциональное, физическое и ментальное состояние говорящего. В итоге текст публичного выступления приобретает свое конечное содержание и оформление.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: сб. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 234–407 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronmain.html> (дата обращения: 09.06.2017).
2. *Блох М.Я., Фрейдина Е.Л.* Публичная речь и ее просодический строй. – М.: Прометей, 2011. – 341 с.

3. Большая актуальная политическая энциклопедия / под общ. ред. А.В. Белякова, О.А. Матвейчева. – М.: Эксмо. – 2009. – 412 с.

4. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedu.ru/bigencdic/69618/> (дата обращения: 21.02.2015).

5. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

6. *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

7. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/words/2632.shtml> (дата обращения: 15.06.2017).

8. Прямая линия с В.В. Путиным 15 июня 2017 г.: стенограмма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://moskva-putinu.ru/#> (дата обращения: 17.06.2017).

9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под общ. ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.

10. *Obama B.* Address to the UN General Assembly, 2014 / American Rhetoric [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamaunitednations2014.htm> (дата обращения: 21.02.2015).

11. *Trump Donald J.* Presidential Inaugural Address delivered 20 January 2017, Washington, D. C. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/donaldjtrumpinauguraladdress.htm> (дата обращения: 10.06.2017).

12. *Trump Donald J.* Syria Missile Strike Speech to the Nation delivered 6 April 2017, Mar-a-Lago, Florida [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/donaldjtrumpsyriamissilestrike.htm> (дата обращения: 10.06.2017).

Попова Татьяна Георгиевна*доктор филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
tatyana_27@mail.ru***Степанов Сергей Анатольевич***кандидат филологических наук, профессор
Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
sas68@mail.ru***Полубоярова Марина Владимировна***кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
marina22@yandex.ru*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Статья посвящена анализу содержательной структуры термина с точки зрения когнитивного подхода. Авторы подробно рассматривают формирование содержательного ядра многозначного термина, анализируя целый ряд вопросов и проблем, которые находят непосредственное отражение в изучении алломорфных и изоморфных характеристик. При исследовании содержательного терминологического значения авторы статьи опирались на метод когнитивного моделирования значения лексических единиц, метод инференции, а также статистический метод. На основе анализа практического материала авторы статьи приходят к заключению, что термины направлены на четкое отображение действительности, на основе анализа многозначных и однозначных терминов они делают вывод о том, что происходит изменение границ семантики термина, а также возникновение новых значений. И так как терминологические единицы отражают процесс познания постоянно развивающейся действительности, происходит закономерное явление в развивающихся терминосистемах.

Ключевые слова: *восприятие речи, язык, речь, общество, термины, значение.*

Сейчас одной из актуальных проблем терминологии является вопрос анализа терминологического значения. Отметим, что при описании содержательного значения термина мы придерживаемся мнения, которое дает А.С. Герд, отмечающий, что «терминологическое значение всегда прямое, не приемлемое условности, сослагательности или эмоциональности. Оно (значение) устанавливается в результате договоренности, преднамеренной и сознательной» [1, с. 101].

Мы исследуем термин с точки зрения когнитивного подхода и рассматриваем формирование содержательного ядра многозначного термина. Содержательное ядро многозначного термина интегрирует все его семантические варианты.

Л.Л. Нелюбин приходит к заключению, что термин представляет собой словосочетание или слово, которое используется с целью емкого выражения того или иного специального обозначения или же специального понятия, а также и для точного названия того или иного предмета в самых различных парадигмах знаний [4, с. 117]. В.М. Лейчик при определении понятия «термин» призывает непременно учитывать тенденции когнитивного терминоведения.

В.М. Лейчик приводит следующее определение термина: «Термин – это динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), перехода от концепта – мыслительной категории к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [3, с. 21].

А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева предлагают свое отношение к понятию «термин», особо подчеркивая, что под термином прежде всего следует понимать то или иное словосочетание или слово, которое используется в специфической профессиональной области в специфических обстоятельствах. Следующим условием отнесения слова или словосочетания к области терминологии следует считать соотношение данной лексической единицы с вербальным понятием, которое относится к системе понятий той или иной профессиональной области. И, наконец, третьим условием отнесения тех или иных лексических единиц к области терминологии, по мнению названных нами ученых, следует считать понимание этих слов или словосочетаний как доминирующего понятийного элемента языка для тех или иных профессиональных областей [10, с. 14].

Под термином мы прежде всего будем понимать лексические единицы специального (естественнонаучного, коммерческого, технического, юридического, военного и т.д.) языка, используемые с целью адекватного выражения тех или иных специальных понятий, а также вербального выражения в языке предметов из различных профессиональных сфер. Кроме этого, под термином мы будем подразумевать слово без модуляции.

Необходимо отметить, что при попытке определить место терминологической единицы в современном языке и, соответственно, отнести его к единицам литературного языка или же, наоборот, при попытке совместить эти единицы с искусственно созданными единицами языка социалисты в обла-

сти языкознания придерживаются двух достаточно противоречивых точек зрения.

Термины можно отнести к искусственным единицам. Термины обладают самостоятельностью, и, следовательно, исходя из этого, признать можно ту точку зрения, которая призывает терминологические единицы вынести за рамки литературного языка. Вместе с тем, именно на базе естественного языка происходит появление терминологических единиц, а также их применение в самых разнообразных парадигмах. Это условие является своеобразным препятствием для отнесения терминологической единицы к искусственному образованию. Таким образом, нам видится необходимым найти другой подход к решению этой задачи.

В этой связи, приведем точку зрения В.П. Даниленко, который, исследуя вопросы терминологии, приходит к заключению о том, что терминологическая единица должна быть отнесена к естественной единице научного языка. При этом научный язык, по мнению ученого, представляет собой «самостоятельную функциональную подсистему естественного национального литературного языка» [2, с. 14].

Существование различных подходов к определению понятия «термин» объясняется целым рядом причин. Это связано, прежде всего, с тем обстоятельством, что и сами науки, чьим объектом исследования являются терминологические единицы, достаточно отличны друг от друга. Следующей причиной наличия различных подходов к определению термина можно назвать то обстоятельство, что существует множество различных определений данного понятия, а также различные видения авторов [5, с. 166; 6, с. 73; 12, с. 87].

Таким образом, перед исследователями появляется целый ряд вопросов и проблем, которые находят непосредственное отражение в изучении алломорфных и изоморфных характеристик, типологии разноструктурных языков.

В контексте наших рассуждений небезынтересно привести наблюдение известного лингвиста А.А. Реформатского [9, с. 116–117], по мнению которого язык представляет собой неслучайный элемент науки, в нее входящий посредством терминологии.

Термины тесно связаны со словами обиходного повседневного языка. Переносное значение этих слов непосредственно связано с их прямым значением [7, с. 358; 8, с. 477]. Поскольку семантика термина в значительной степени понятийна, значения многозначного термина выражают взаимозависимые и взаимосвязанные понятия, тогда как значения терминов-омонимов представляют собой понятия, относящиеся к различным концептам.

Характерной особенностью многозначности в терминологиях является различие между собственно многозначностью как лингвистическим явлением и концептуальной неоднородностью зна-

чения термина, которая, в частности, бывает связана с различием в научной интерпретации одного и того же явления. В.А. Татаринев также отмечает изменение границ семантики термина и возникновение новых значений, что является закономерным явлением в развивающихся терминосистемах, т.к. они отражают процесс познания постоянно развивающейся действительности [11, с. 164].

Именно термины представляют собой материальный результат познания, являясь лексическими единицами научного аппарата, а также знаковыми единицами и их комбинациями в словесных выражениях языка [6, с. 21].

Язык и понятие неразрывно связаны. Это проявляется в том, что именно в слове понятие находит свою формулировку и реализацию. Для научного знания формирование понятий оказывается важным условием. Развитие науки и техники, различные социальные трансформации становятся причиной радикальной перестройки понятийного аппарата многих научных дисциплин и возникновения новых отраслей знания.

О связи терминоведения с логикой говорит то обстоятельство, что термины могут выделяться из текста с помощью логического анализа. О связи терминоведения с социологией мы можем судить исходя из того факта, что терминология лежит в основе языка любой области знания и профессиональной деятельности человека.

О развитии науки, ее проблемах, объектах исследования можно судить, фиксируя время рождения того или иного термина. Термины используются в речи людей различных специальностей. Говоря иными словами, при неверном использовании терминологических единиц, без продуманного подхода к особенностям восприятия семантики слова в звучащей речи, невозможно надеяться на адекватное восприятие терминов.

Так, например, термин *Brand* приобрел многозначность в результате лексико-семантической эволюции слова, ранее существовавшего в английском языке. Значения, имеющиеся у существительного brand по толковому общезыковому словарю, можно описать с помощью следующих примеров:

1) A particular brand of a product is the version of that product made by one particular manufacturer (торговая марка, бренд);

2) A brand of smth such as a way of thinking or behaving is a particular kind or variety of it (разновидность, сорт);

3) A brand is also a permanent mark, usually burnt onto the skin of an animal, which indicates who the owner is (выжженное клеймо на скоте, тавро);

4) a piece of burning wood used as a torch (головня, угли, факел).

Первичное, или номинативно-непроизводное значение является самым частотным по данным словарных дефиниций.

Brand (1) = a permanent mark. Словарные статьи, характеризующие данный лексико-семантический вариант слова brand, содержат следующие употребления:

1) a mark made (also by burning) usually to show ownership;

2) a mark made on cattle, etc. by burning to show who owns them;

3) a mark made or burnt on a farm animal's skin that shows who it belongs to;

4) a mark that is burnt onto the skin of an animal such as a cow, to show who owns it;

5) an identifying mark made, usually by burning, on the skin of animals or (formerly) slaves or criminals, especially as a proof of ownership.

Таким образом, выводя суммарное первичное этимологическое значение слова brand с учетом существенных характеристик, мы приходим к усредненной формулировке: «identifying mark of ownership» или «a sign of ownership». Данное определение, как представляется, отражает необходимые и достаточные признаки для того, чтобы слово brand было сразу распознано на уровне обычного сознания среднего англичанина.

Согласно принципу языковой экономии, а также экономии ментальных усилий, говорящий прибегает к обобщенному образу, хранящемуся в памяти, развивая другие смыслы от данного прототипического смысла.

Наше исследование содержательной структуры термина позволяет сделать вывод о том, что понятие представляет собой стилистически нейтральное слово, словесный комплекс или аббревиатуру, имеющую четкую сферу применения, логическую и предметную направленность. Термин также характеризуется однозначностью и отсутствием экспрессивности, он направлен на четкое отображение действительности.

Библиографический список

1. Герд А.С. Терминологическое значение и типы терминологических значений // Проблема-

тика определений терминов в словарях разных типов. Сб. научных статей. – Л.: Наука, 1976. – 161 с.

2. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 245 с.

3. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

4. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 216 с.

5. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) // Материалы международной конференции. – М.: МГУ, 2006. – С. 166–173.

6. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 179 с.

7. Попова Т.Г. Когнитивно-семантические аспекты переводоведения // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 353–361.

8. Попова Т.Г. Культурологический аспект межъязыковой коммуникации // Язык, культура, речевое общение: Сборник материалов Международной конференции к 85-летию профессора М.Я. Блоха. В 2-х частях. Ч. 2. – М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 2010. – С. 476–480.

9. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 115 с.

10. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

11. Татаринов В.А. Теория терминоведения: в 3 т. – М.: Московский лицей, 1996. – Т. 1. – 311 с.

12. Popova Tat'jana G. Kulturne i kognitivno-semantičeskie zakonomernosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju), Rijeka, 2009., god. 15., sv. 1. – 3. – Str. 86–96.

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена описанию важной роли языковой картины мира в процессе речевой коммуникации. В работе подробно рассматриваются особенности языковой и концептуальной картины мира. Автор статьи под языковой картиной мира понимает способ отображения реальности в сознании человека благодаря восприятию реальности через призму национально-культурных и языковых интерпретаций окружающей нас действительности на основе общечеловеческих концептуальных убеждений. В статье особо подчеркивается, что языковая картина мира представляет собой общее схематичное представление реальной действительности, поскольку языковая картина мира является языковым воплощением того, как мир воспринимается человеком. Концептуальная картина мира представляет информацию посредством понятий через логические, сенсорно-моторные, а также через символические этапы восприятия.

Ключевые слова: коммуникация, картина мира, речь, языковая картина мира, концептуальная картина мира, сознание, язык.

Прагмакогнитивные исследования концептуальных и языковых проблем, а также их вербальное воплощение в речевом акте представляет собой весьма важное основание для дальнейшей разработки теории и практики языковой коммуникации.

В процессе коммуникации весьма важен учет языковой и концептуальной картины мира участников речевого акта. Вначале остановимся на понятии «картина мира», поскольку как подчеркивает В.И. Постовалова [14, с. 12], при описании мира необходимо выделить три его составляющих.

Прежде всего, это – реалия (или феномен) картины мира, во-вторых, это – её понятие и, в-третьих, это – сам термин. Так, В.И. Постовалова отмечает, что «феномен, именуемый “картина мира” являлся таким же древним, как и сам человек». Создание первых картин мира у человека совпадает по времени с процессом антропогенеза. Тем не менее, реалия, называемая термином «картина мира», стала предметом научно-философского рассмотрения лишь в недавнее время. Понятие «картины мира» находится в настоящий момент в стадии своего формирования» [14, с. 12].

В последнее время исследование «картины мира» привлекает многих ученых [1, с. 5–33; 5, с. 80–82; 11, с. 45; 13, с. 53–57; 15, с. 112]. В «Краткой философской энциклопедии» под «картиной мира» понимается совокупность мировоззренческих знаний о мире [10, с. 201], сформированная в процессе оценивания субъектом результатов познания окружающей действительности.

Необходимо отметить, что картина мира отражает специфические особенности мировидения и познания. Таким образом, картина мира может быть объективной и субъективной, общей и индивидуальной, научной и практической, реальной и мифологической, глобальной и ограниченной, целостной и локальной. Следовательно, мы приходим к выводу, что картина мира включает в себя субъективные моменты, поскольку формируется у каждого индивида и постоянно меняется.

Как полагает Т.Г. Попова [12, с. 70], «в современной когнитивно-коммуникативной парадигме лингвистики языковая картина мира опирается на многогранный опыт человека. Отталкиваясь от индивида, учитывая человеческий фактор в языке и считая сознание когнитивной структурой, мы приходим с позиции экспериенционализма к истокам человеческой категоризации».

При этом нам необходимо уточнить, что концептуальная картина мира представляет нам информацию посредством понятий через логические и сенсорно-моторные, а также через символические этапы восприятия. Мы понимаем языковую картину мира как способ отображения реальности в сознании человека благодаря восприятию реальности через призму национально-культурных и языковых интерпретаций реальной действительности на основе общечеловеческих концептуальных убеждений.

Проблема языковой картины мира (ЯКМ) находит свое теоретическое истолкование в трудах В.фон Гумбольдта [4, с. 320], который приходит к выводу, что «язык одновременно есть и отражение, и знак». Такое понимание внутренней формы языка В.фон Гумбольдтом становится точкой отсчета для многочисленных языковедческих изысканий, где доминантной задачей является описание специфических особенностей «картины мира различных языков», как об этом метко подмечает в своей работе, посвященной вопросам родного языка и формированию духа, Й. Вайсгербер [3, с. 161].

В контексте наших рассуждений видится необходимым отметить то, что структура того или иного языка оказывает непосредственное влияние и на способ мышления, и на поведение носителей того или иного языка. Таким образом, каждый человек воспринимает окружающую его реальность на основе своего жизненного опыта в зависимости от семантических категорий и концептов, заложенных в языковом коде.

Таким образом, мы можем утверждать, что языковая картина мира представляет собой общее схематичное представление реальной действитель-

ности. Кроме этого, языковая картина мира представляет собой языковое воплощение того, как мир воспринимается человеком. Подтверждение нашим мыслям мы находим и в работе Г.В. Колшанского, который считает, что картина мира это – «выражение обусловленной различными факторами познавательной деятельности людей в пределах единого объективного мира» [8, с. 31].

Как отмечает Е.С. Кубрякова, «если язык представляет мир разделенным на разные сущности – объекты, события, признаки, явления и процессы, он как бы уже одним этим утверждает экзистенцию в действительности отдельных тел, лиц, их атрибутов и т.д. Язык членит действительность, поскольку ее членит наше сознание, и делит на такие составляющие, которое она выделило и признало» [9, с. 22].

Действительно, каждый язык имеет как специфические, так и универсальные способы концептуализации окружающей нас реальной действительности. Именно этим психолингвистическим фактором и объясняется то, что представители различных лингвокультур по-разному категоризируют и концептуализируют окружающий нас мир на основе языкового кода. Подтверждение нашим мыслям мы находим в труде З.Г. Бурдиной [2, с. 56], где автор описывает неразложимые языковые структуры в речевой коммуникации.

По мнению Е.Г. Князевой, смысл высказывания – «это некоторая организованная совокупность индивидуально-деятельностных, личностных, в том числе ситуативно определенных элементов значений и одновременно их целостность, формирующаяся в языковом сознании коммуниканта в связи с высказыванием как материально-знаковой системой» [3, с. 59].

Таким образом, рассмотрев роль языковой картины мира в процессе коммуникации, мы приходим к заключению о важности дальнейших прагмакогнитивных исследований концептуальных и языковых проблем. Функционирование языка в речевом акте зависит от целого ряда факторов, среди которых в первую очередь следует отметить разнообразие способов речевого общения в вербальном отражении подаваемой информации. Немаловажным фактором является учет концептуальной картины мира (ККМ) и языковой картины мира (ЯКМ) адресата и адресанта.

Следующий вывод, к которому мы приходим в ходе исследования языковой картины мира в процессе коммуникации, заключается в том, что, что представители разных лингвокультур по-разному вербализуют общечеловеческие концепты на основе прагматических, ментальных, лингвистических и культурологических принципов.

Библиографический список

1. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. Семиотика и информа-

тика. – М., 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.

2. *Бурдина З.Г.* Неразложимые языковые структуры и речевая коммуникация. – М.: Наука, 1987. – 106 с.

3. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. – М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2003. – С. 343–347.

4. *Гумбольдт В. Фон.* Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.

5. *Кирнозе З.И.* О национальной концептосфере // Филология и культура. Материалы III Международной научной конференции: В 3 ч. – Ч. II. – Тамбов, 2001. – С. 80–82.

6. *Князева Е.Г.* Речевая единица и коммуникативная антиципация // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Материалы VIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 г.) / под общ. ред. Н.В. Иванова. – М.: ИД «Международные отношения», 2014. – С. 609–613.

7. *Князева Е.Г.* Синтез смыслов // Структурная метафизика языка и феноменология речевого дискурса: критерий системных интерпретаций: Материалы IX Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (26 июня 2016 года). – М.: ИД «Международные отношения», 2015. – С. 59–65.

8. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 140 с.

9. *Кубрякова Е.С.* Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка, 1997(а). – Т. 56. – № 3. – С. 22–31.

10. *КФЭ* – Краткая философская энциклопедия / сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.

11. *Павиленис Р.И.* Проблема смысла: (современный логико-философский анализ языка). – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

12. *Попова Т.Г.* Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков): дис ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 286 с.

13. *Попова Т.Г., Курочкина Е.В.* Концепт как оперативная единица памяти // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2015. – № 1. – С. 53–57.

14. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–60.

15. *Почепцов О.Г.* Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 112.

СЛОВАРИ ЦИТАТ В АНГЛИЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В статье рассматриваются английские словари цитат, которые сформировались на базе английской писательской лексикографии и выделились в самостоятельную отрасль. Истоки словарей цитат идут от конкордансов к Библии, произведений Дж. Чосера и У. Шекспира, где цитата является основной информационной категорией. На примере писательского словаря цитат У. Шекспира *A Dictionary of Quotations from Shakespeare*, выпущенного в свет в 2008 году, рассматриваются современные тенденции в составлении писательских словарей, наиболее заметными из которых являются культурологическая и учебная направленность, изучаются принципы их построения и проводится лексикографический анализ.

Ключевые слова: английская писательская лексикография, конкорданс, глоссарий, цитата, словарь цитат писателя.

Английская национальная лексикография, имеющая многовековую историю, накопила значительный опыт создания словарей разных типов, нацеленных на определенные группы пользователей. Наряду со словарями для общих целей, наиболее авторитетным из которых выступает Большой Оксфордский словарь С. Джонсона, впервые выпущенный в свет в 1755 году, на лексикографическую арену вышло большое разнообразие специальных словарей, особое место в ряду которых занимают ведущие начало с XVI века словари языка писателей и цитат. Последние, являясь хранителем пласта культурного наследия английской нации, выполняют важнейшую функцию, транслируя читателям культурологическую информацию первостепенной важности.

Цитаты из произведений мастеров художественного слова, политических деятелей, от которых зависели и зависят судьбы миллионов, не могут потерять своей актуальности. Интерес к использованию цитат в устной речи самыми разными слоями населения в различных целях (стремление доказать свою точку зрения, продемонстрировать высокий уровень эрудиции и начитанности), стремительно набирает обороты, отвечая наряду с культурологическими и учебным целям. Актуальность этого типа словарей в настоящее время обусловлена и изменением профиля пользователя, вызванного миграцией населения из стран Ближнего Востока, которому необходимо адаптироваться в новой среде. Необходимость в том, чтобы мигрирующее население знало язык и культуру народа, на территории которого пребывает, особенно остро стоит в XXI веке.

В информации культурологического характера сегодня нуждаются и носители языка, и лица, изучающие английский язык как иностранный. Английские словари цитат, имеющие адресатом широкий круг пользователей, призваны отобразить культуру английского этноса в разные исторические периоды. Политические, экономические и иные изменения в обществе также находят отражение на страницах английских словарей цитат.

Функцию передачи культурных знаний словарями цитат выполняют с давних времен. Как упоминалось выше, первые писательские справочники датируются XVI веком. На начальном этапе своего развития это были небольшие указатели малоизвестных и трудных слов к английскому переводу Библии, составленные в форме конкорданса. Среди них: *Bylynger H. A Briefe and Compidius Table, in a Manner of a Concordance, Openyng the Waye to the Principall Histories of the Whole Bible* (1550); *Clark S. A Briefe Concordance to the Holy Bible of the Most Usual and Unusual Places which one may have Occasions to Seek for* (1635). Характерной чертой всех справочников того времени, составленных как в форме глоссария, так и в форме конкорданса, явилось включение в них лексики по усмотрению автора, а также цитат из произведений писателей, отобранных по усмотрению автора словаря [7, с. 11].

Одним из первых наиболее информативных словарей цитат в английской лексикографии общепризнан Оксфордский словарь цитат – *The Oxford Dictionary of Quotations*, который увидел свет в 1941 году, переиздававшийся четыре раза и подвергавшийся существенной переработке. Большое количество переизданий объясняется тем, что требовались изменения в структуре словаря, которая должна была отвечать требованиям определенного исторического периода и запросам пользователей, которые стали тяготеть к получению толково-энциклопедической информации о входной единице [6, с. 22]. На рубеже XX–XXI веков усилились культурологическая и междисциплинарная направленности, как следствие появились лингвокультурные справочники, включающие наряду с лингвистической и экстралингвистическую информацию (например, культурные реалии) [2, с. 12]. Как показывает наше исследование, эта тенденция нашла свое отражение и в словарях цитат. Цитата, ранее включавшаяся в словарь как иллюстрация значения входных единиц, взятых из разнообразных источников (произведений английской художественной литературы, журналов, газет и т. д.), теперь выступает самостоятельной единицей [4, с. 9].

Являясь по сути своей лингвокультурным словарем, словарь цитат фиксирует широкий круг персоналий, прежде всего известных, выдающихся личностей: президентов, философов, ученых, историков, писателей, драматургов, поэтов, музыкантов, художников, актеров, режиссеров, общественных деятелей. На страницах словаря с тематическим расположением цитат можно увидеть разделы, которые связаны с явлениями общественной и культурной жизни Великобритании: искусством, модой, образованием, политикой, спортом, религией, бытом и национальными традициями: *Art, Books, Business, Death, Drinks, Earning a Living, Education, Fame, Family, Fashion, Film, Food, Health, Law, Life, Literature, Love, Marriage, Men and Women, Money, Music, Poetry, Politics, Popular Culture, Press, Religion, Science, Society, Sport, Television, Tradition, Transport, Travel, War, Youth*. Примерами могут послужить такие словари, как: *Armstrong J. The Arden Dictionary of Shakespeare Quotations* (2000) [10]; *Linfield J.L., Krevisky J. Words of Love: Romantic Quotations from Plato to Madonna* (2005) [11]; *Cohen J.M. and Cohen M.J. The Penguin Dictionary of Twentieth-century Quotations London. Penguin* (2010) [12] и др.

Таким образом, текст словаря цитат превращается в источник культурной информации, поскольку включает в свой состав цитаты, отражающие своеобразие англоязычной культуры, нередко – благодаря заключенной в них фоновой и безэквивалентной лексике; модифицированным, ономастическим, коннотативным цитатам, которые содержат неявные отсылки к другим текстам; именам собственным, названиям явлений и событий, которые свойственны только национальной культуре.

Мегаструктура первых английских словарей цитат формируется в соответствии с основными тенденциями, принятыми в английской национальной лексикографии, и теми, которые появились в других словарях: фразеологизмов, афоризмов, крылатых слов и выражений, а также в словарях языка писателей [3, с. 12].

С течением времени в зоне толкования словарной статьи словаря цитат появляются дополнительные сведения о цитате: биографическая справка об авторе цитаты, дефиниция, стилистическая характеристика, лингвокультурный комментарий.

В настоящее время читатели имеют доступ к оригинальным и разнообразным справочным изданиям, фиксирующим цитаты: *Knowle E. Oxford Dictionary of Modern Quotations* (2004); *Stephens M. Collins Dictionary of Literary Quotations* (2005); *Flonta T. A Dictionary of English and French Equivalent Quotations* (2006); *Oxford Dictionary of Political Quotations* (2007) [2, с. 8].

Более того, интенсивное использование компьютерной техники открывает в настоящее время новые возможности в практике английского сло-

варного дела и становится стимулом для его дальнейшего развития [5, с. 28].

В настоящее время заметно развивается интернет- и киберлексикография, которая нашла новые формы и приобрела широкие возможности для лексикографической обработки авторских произведений, долгое время остававшихся за пределами внимания ученых. Появляются уникальные справочники, основанные на применении методов авторской лексикографии, объектом описания которых становится язык ученых, политиков, философов и, что особенно ново, литературных героев, персонажей кинофильмов и компьютерных игр [5, с. 8]. Например, *Ditchfield Ch. A Family Guide To Narnia: Biblical Truths in C.S. Lewis's The Chronicles of Narnia* (2003); *Dunsany B. The Jane Austen Concordance: a Twenty-First Century Accounting of Jane Austen's Literary DNA* (2011); *Glatzer J. The Writer's Dictionary: the Galaxy's Best Guide to the Publishing and Film Industries' Jargon and Abbreviations* (Kindle edition, 2010).

Таким образом, к настоящему моменту словарь цитат стал рассматриваться учеными и пользователями как особое лексикографическое произведение для широкого круга читателей, фиксирующее и предоставляющее на выбор готовые языковые образования – высказывания, отложившиеся в национальном языковом сознании, – цитаты из разных источников – обычно с дополнительным комментарием, где раскрывается содержание цитаты, сообщаются сведения этимологического и культурно-исторического характера [8, с. 22].

Все эти тенденции прослеживаются в словаре цитат У. Шекспира *A Dictionary of Quotations from Shakespeare* (Miner M., Rawson H., 2008) [13], впервые увидевшего свет в 1992 году. Мегаструктура словаря включает введение, где приводится основная информация о словаре и сфере его использования, раздел о биографии и трудах великого мастера слова («Shakespeare and His Works») с последующим их перечислением, непосредственно словник, цитаты в котором распределены по тематическим рубрикам в алфавитном порядке, и индекс значимых слов, включающий ключевое слово, страницу, на которой оно представлено и порядковый номер. Такой способ расположения материала является привычным для пользователя, весьма удобным и информативным.

Цитаты в словарь отобраны составителями по принципу важности для современного общества. Словарь содержит цитаты на глобальные темы, актуальные во все времена. Так, наиболее широкими по охвату материала являются рубрики о любви, смерти, красоте и взаимоотношениях мужчин и женщин. Также весьма распространены темы о браке, мире, войне, деньгах, возрасте, женщинах, молодости и красоте. Например:

5 Love that comes too late,

Like a remorseful pardon solely carried. All's well that Ends Well, V, iii, 57.

2 Death, that dark spirit. Coriolanus, II, i, 166.

4 Beauty is a witch. Much Ado About Nothing, II, i, 77. (More at LOVE AND LOVERS).

Интересно отметить, что в отдельную рубрику включены цитаты о самом Шекспире:

3 He was the man who of all modern, and perhaps ancient poets, had the largest and most comprehensive soul. (John Dryden. Essay of Dramatic Poesy. 1668).

7 He was not of an age, but for all time. (Ben Jonson. To the Memory of My Beloved, the Author, Mr. William Shakespeare. 1623).

Несмотря на то, что шекспировские тексты являются хронологически удаленными от современного читателя, в них нередко встречаются проблемы, актуальные для современного общества, например проблемы загрязнения окружающей среды и повышение общего уровня опасности пребывания в современном мире. В этой связи приводятся цитаты из пьес «Макбет» (Macbeth. 1623) и «Буря» (The Tempest. 1610). Например:

ACTION

2 What's done cannot be undone. Macbeth, V, I, 71.

ACTION, PROMPT

6 If it were done when 'tis done, then 'twere well

It were done quickly. Macbeth, I, vii, 1. (Macbeth is speaking of the assassination of Duncan. Done at the beginning of the quote means 'finished', with no ongoing consequences. See also VIOLENCE).

ADVERSITY

14 Misery acquaints a man with strange bedfellows. The Tempest, II, ii, 40. (See also ALLIES, the quote from The Merchant of Venice).

ALLIES

2 Nature hath framed strange fellows in her time. The Merchant of Venice, I, i, 51. (For bedfellows in misery, see ADVERSITY, the quote from The Tempest).

Именно поэтому проблема загрязнения окружающей среды выделена составителями словаря в отдельную рубрику и представлена следующей цитатой:

AIR POLLUTION

6 Hover through the fog and filthy air. Macbeth, I, i, 11. (From the witches' chants in the opening scene).

Как видно из примеров, составителями словаря удобно организована словарная статья, включающая тематическую рубрику, приведенную жирным шрифтом, непосредственно цитату и ее полный адрес (название произведения, акт, сцена и номер строки). Приблизительно 45 процентов цитат сопровождаются также кратким пояснительным комментарием:

ANGER

5 I understand a fury in your words. Othello, IV, ii, 32. (A bewildered Desdemona to Othello).

В некоторых случаях приводится развернутое объяснение смысла цитаты:

AMBITION

4 Who does in the wars more than his captain can becomes his captain's captain; and ambition (The soldier's virtue) rather makes choice of loss than gain which darkens him. Anthony and Cleopatra, III, I, 21. (Ventidius explaining why he does not intend to pursue a greater victory over the Parthians in the absence of Antony: fame at Antony's expense would hurt his career in the long run. See also POLITICS).

В микроструктуре словаря нередко прослеживается отсылочная помета, отправляющая читателя к поиску смежной по тематике цитате, которая отнесена к другой тематической категории ввиду ее большего соответствия (отсылочная помета *See also*). В некоторых случаях автор отсылает читателя к развернутой информации о цитате и ее источнике, представленной в другой тематической рубрике (*More at*):

BEAUTY

Shall I compare thee to a summer's day?

Thou art more lovely and more temperate. Sonnet 18, 1. (More at MORTALITY).

Такие тематические категории дают возможность пользователю выбрать нужную цитату для конкретных целей: устного выступления, доклада, статьи и т. д.

Таким образом, на первое место при составлении словарных справочников любого типа в настоящее время, в том числе словарей цитат, ставится задача учета нужд и запросов современных пользователей (user's needs and demands), вследствие чего современная лексикография приобретает антропоцентрическую направленность. Словарь как продукт массового спроса, создаваемый специалистами-лексикографами, призван учитывать практические нужды потребителей в получении и использовании умело формализованной, компактно скомпонованной и эффектно поданной, а самое главное – необходимой читателю и отвечающей его требованиям, многоуровневой информации [1, с. 24].

Более того, следует отметить, что словарь цитат является хранителем целого пласта культурного наследия, ценным источником информации о культуре страны, то есть словарем культурного наследия [9, с. 14]. По утверждению О.М. Карповой, он является своего рода культурным фондом общества в цитатах, о чем свидетельствуют тематика, разнообразные источники, сведения об авторах, о происхождении цитат, которые сами по себе выступают символами культурных феноменов.

Библиографический список

1. Денисов К.М. «Перспектива пользователя» как перспективный путь развития лексикографической науки // Ивановская лексикографическая школа: традиции и инновации: сб. науч. ст. – Иваново: Ив. гос. ун-т, 2011.

2. *Гриднева Н.А.* Словарь цитат в парадигме современной английской лексикографии: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2008.
3. *Карпова О.М.* Английская лексикография: учеб. пособие для студ. – М.: Академия, 2010.
4. *Карпова О.М., Коробейникова О.В.* Словари языка писателей и цитат в английской лексикографии. – М.: МГОУ, 2007.
5. *Карпова О.М., Уткина Н.С.* Английская авторская лексикография: от Шекспира к Гарри Поттеру. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2013.
6. *Коробейникова О.В.* Принципы построения английских толково-энциклопедических словарей: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2007.
7. *Мелентьева О.А.* Словари языка Чосера в парадигме английской писательской лексикографии: дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2014.
8. *Ужова О.А.* Лексикографическое отражение английской культуры в словарях английского языка. Историко-типологическое исследование: дис. ... д-ра филол. наук. – Иваново, 2011.
9. *Карпова О.М.* Heritage Dictionaries: Old or New Branch of Lexicography? // Heritage Lexicography as Supporting Tool for ICOSMOS. Proceedings of the International Workshop. Florence-Ivanovo: Publishing House “Ivanovo State University”, 2014.
10. *Armstrong J.* The Arden Dictionary of Shakespeare Quotations. – L., 2000.
11. *Linfield J.L., Krevisky J.* Words of Love: Romantic Quotations from Plato to Madonna. – N. Y., 2005.
12. *Cohen J.M. and Cohen M.J.* The Penguin Dictionary of Twentieth-century Quotations. – London, 2010.
13. *Miner M., Rawson H.* A Dictionary of Quotations from Shakespeare: a topical guide to over 3000 great passages from the plays, sonnets, and narrative poems. – N. Y., 2008.

Гальченко Александра Олеговна
Российский университет дружбы народов, г. Москва
galchenko.a@inbox.ru

Станчуляк Татьяна Геннадьевна
кандидат филологических наук
Российский университет дружбы народов, г. Москва
tatyana0976@mail.ru

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ С ПОЗИЦИЙ ПЕРЛОКУТИВНОГО ПОДХОДА (на материале английского языка)

Статья посвящена рассмотрению текстов рекламы, предназначенных для мужской и женской аудитории, с целью выявления гендерных различий в использовании тех или иных лексических единиц, а также их влияния на проявление воздействующей функции рекламного текста. Перлокутивный эффект рекламного текста рассмотрен с позиции его воплощения в эмотивной и оценочной лексике, гендерные проявления и воздействующая функция которой также подверглись анализу. Рассмотрение прагматики текста основывается в данной статье на теории речевых актов. Гендерная ориентация рекламных текстов существенно влияет на выбор той или иной лексической единицы. Авторы рекламных объявлений прежде всего учитывают стереотипные образы мужчины и женщины, тем самым манипулируя подсознательным природным началом, которое заложено в каждой женщине и в каждом мужчине. При этом эмоциональность не зависит от половой принадлежности и свойственна как женщинам, так и мужчинам. Особое значение в рекламных текстах приобретает использование эмотивной лексики, поскольку именно она несёт основную смысловую нагрузку. Так, главная функция такой лексики заключается в том, чтобы сформировать у покупателя правильную оценку, воздействовать на его чувства и эмоции, создать привлекательный образ товара, способный заинтересовать покупателя и побудить его приобрести данный товар. Морфологическими единицами эмотивной и оценочной лексики служат прилагательные, существительные и глаголы; данные части речи обеспечивают наиболее полную реализацию прагматической направленности рекламного текста.

Ключевые слова: рекламный текст, гендер, теория речевых актов, перлокутивный эффект, эмоционально-оценочная лексика, прагматика текста.

Специфика лексического наполнения мужской и женской речи вызывает большой интерес у лингвистов, так как различия между речью полов проявляется наиболее часто именно на уровне лексики. В этой связи исследование рекламного текста с точки зрения гендера является актуальным вопросом, поскольку создателям рекламных объявлений посредством индивидуального выбора и сочетания языковых средств необходимо воздействовать на подсознательные устремления потребителя, создавая в его сознании желаемый образ товара.

При изучении рекламного текста используются различные лингвистические подходы. В данном исследовании акцент был сделан на лингвистическую прагматику, и в особенности на одну из ее многочисленных концепций – теорию речевых актов.

Как известно, теория речевых актов является одним из многочисленных положений лингвистической прагматики, широко применяемым для исследования рекламного сообщения. Согласно данной теории, выделяются четыре ступени в процессе коммуникации, а именно: акт произнесения; локутивный, или пропозиционный, акт, который называет достоверное значение высказывания; иллокутивный акт, который представляет собой прагматический элемент высказывания, выражая стремление адресата произвести определенное воздействие на адресанта; перлокутивный акт, который выражает воздействие, оказываемое на адресата в данном контексте, – перлокутивный эффект [3].

Рекламный текст, безусловно, является тем речевым произведением, целью которого является вызов перлокутивного эффекта, а именно – побуждение читателя к ответным действиям.

Довольно часто перлокутивные элементы рекламного текста содержатся в используемой в них лексике. Последняя, в свою очередь, играет перво-степенную роль в воздействии на чувства и эмоции потребителя и в формировании у него положительного образа товара. Поэтому создание эффективного рекламного объявления требует от автора чёткого понимания функций и особенностей употребления лексики. Правильно построенный рекламный текст будет выполнять свою роль уже с первых слов. Так, привлекая внимание читателя, он должен способствовать эффективному декодированию заложенной в нём информации, формируя у покупателя желаемое эмоциональное отношение, в чём и проявляется эффект воздействия. В том случае, если послание будет декодировано в соответствии с замыслом автора и вызовет ответную реакцию читателя в виде желания приобрести рекламируемый товар, рекламный текст можно считать эффективным.

Стремясь провести манипуляцию целевой аудиторией, автор рекламного объявления выбирает для рекламного объявления такие языковые единицы и фигуры речи, свойства которых характеризуются некоторыми психологическими эффектами. Эффект от использования этих единиц таков, что информация, содержащаяся в тексте, предстаёт

в определенном (нужном для автора) свете, а получатель текста приводится в ожидаемое (заранее предполагаемое) эмоциональное состояние [2, с. 9].

В реализации главной функции рекламного текста – воздействующей – автору помогают языковые единицы различных уровней. Так, лексико-семантические, грамматические и словообразовательные единицы придают рекламному тексту оригинальность и эмоциональность и стимулируют поведенческие реакции покупателя. Их цель – создать яркий, впечатляющий образ, воздействовать на эмоции и чувства покупателя, сформировать положительную оценку рекламируемого товара и направить этот эффект на вызов побуждающего действия у потребителя.

Морфологическими единицами эмотивной и оценочной лексики служат прилагательные, существительные и глаголы, так как данные части речи обеспечивают наиболее полную реализацию прагматической направленности рекламного текста. Своей стилистической окраской они помогают придать тексту рекламы нужный оттенок, выделить главное и обратить на него внимание читающего. Так, с помощью существительного можно представить необходимый образ рекламируемого товара. Слова данной части речи помогают создать образ обобщенных значений, в которые потребитель вкладывает свой смысл. Поэтому ёмкие, чувственные, точные слова, изображающие предметы и явления реального мира, которые можно увидеть, понюхать, попробовать, в рекламе более результативны. Глаголы служат для побуждения и воздействия на потребителя. Их ярко выраженная экспрессивность и динамичность позволяют возложить на них основную смысловую функцию, тем самым ещё больше увеличивая перлокутивный эффект рекламного сообщения. Прилагательные дополняют желаемый образ нужными стилистически окрашенными единицами. Посредством данной части речи автор придаёт тексту образность, эмоциональность и красочность. С помощью прилагательных можно выделить качества товара, привлекающие покупателя, воздействуя на его чувства и воображение [1, с. 41]. Слова данной части речи в значительной степени помогают в реализации перлокутивного эффекта рекламного сообщения. Семантический фон имён прилагательных можно использовать в манипулировании, поскольку часто данные лексические единицы обладают отвлечённой семантикой. Благодаря высокой степени оценочности и эмоциональности данной части речи рекламный текст приобретает неповторимую тональность, создавая желаемый образ товара.

Так как в рамках данного исследования интересно было изучить гендерные особенности рекламных текстов с позиции перлокутивного акта и, как результат, перлокутивного эффекта, то мы попытались выявить эти особенности сквозь приз-

му разнообразия и изменчивости понятий «мужественность» и «женственность» и проанализировать те модели мужского и женского в рекламном тексте, в которых проявляется гендер.

Поскольку язык рекламного объявления отличается в текстах для женской аудитории и для мужской, важно рассмотреть особенности употребления эмотивной и оценочной лексики с позиции гендерной лингвистики текста.

В сознании общества укоренились определённые стереотипы относительно мужского и женского образов в рекламе. Так, семантическое поле «женственность» реализуется в тематических группах чувственности, сексуальности, ранимости, домашнего уюта и тепла, в то время как семантическое поле «мужественность» – силы, характера, суровости, выносливости и успеха [2, с. 11].

Прагматическая направленность рекламного текста – воздействие на адресата – выводится из логико-смысловой организации текста и выявления в нём тех лексических единиц, которые направлены именно на адресата, будь то мужчина или женщина. Так, женщина в первую очередь обращает своё внимание на рекламу с ярко выраженной гендерной направленностью на женский пол, также как и мужчина – на «мужскую» рекламу [5, с. 140]. А уже во вторую очередь мужчина и женщина поддаются своему любопытству и прочитывают рекламу противоположного им пола. Воздействующая сила рекламы зачастую скрыта, и непосредственное манипулирование происходит на подсознательном уровне, если успешно прошло осмысление и принятие рекламного сообщения. Не последнюю роль здесь играет гендерная ориентация текста: когда адресат, ассоциируя себя с рекламным образом товара, руководствуется устоявшимися гендерно-ориентированными стереотипами.

Следует уточнить, что данное исследование было ориентировано на рекламные тексты с избытком оценочной и эмотивной лексики, которая ещё более усиливает перлокутивный эффект сообщения. Преобладание такой лексики в тексте говорит о том, что автор стремится оказать сильное эмоциональное воздействие на адресата, навязать читателю определённую оценку происходящего и, как результат, вызвать перлокутивный эффект. Эмотивно-оценочная лексика способствует привлечению внимания покупателей, формированию у них положительного восприятия товара.

Проведя анализ рекламных текстов, взятых из разнообразных мужских и женских журналов, представляется возможным заключить, что используемые в них лингвистические средства различаются в женских и мужских рекламных текстах. Так, для рекламных текстов женской рекламы характерно широкое использование эмоционально окрашенных лексических единиц и интенсификаторов, в то время как тексты мужской рекламы

отличает активное использование терминологической лексики из различных сфер деятельности (политики, экономики, техники).

В качестве примеров приведём по одному тексту мужской и женской рекламы.

Реклама женской косметики Avon [4]:

This is just the eye make-up I always wanted. It's soft, natural and dynamite all at once. Guess where I got it? From my AVON Lady".

I didn't want my eyes to look too made up. But I did want them to look big. Enormous, in fact.

I must have tried every store I know. And then I found what I wanted.

My Avon Lady showed me Avon's great "Certain Look" shadows and liner trio – a liner and two soft, natural shadows that make my eyes look huge.

AVON cosmetics. You can't buy them in any store.

Данный рекламный текст представляет собой превосходный пример, где собраны все морфологические особенности женской лексики. Это и усиленная глагольная конструкция *did want*, и модальная – *must have*. Неоднократно повторяющееся местоимение *I* призвано создать вокруг читателя положительный прагматический фон, то есть сформировать установку, при которой читатель начинает ассоциировать себя с тем, что рекламируется в тексте объявления. Автор намеренно выносит на первый план личное местоимение, тем самым оказывая на адресата суггестивное воздействие. Также в данном примере активно используются прилагательные, такие как *soft, natural*, а также глаголы *want* и *look*. Глагол *want* в данном контексте имеет эмоциональную коннотацию, так как выражает непосредственное желание приобрести товар, обладать им. Эмоциональная составляющая присутствует практически в каждом предложении данной рекламы и выражается при помощи наречий *always, atonce, every, great*. Усиление эмоций и чувств происходит за счёт использования оценочных интенсификаторов *big – enormous – huge*. В целом данный рекламный текст задаёт темп и положительный настрой уже с первых строк, увлекая читателя в мир великолепия и красоты, который может создать правильно подобранная косметика. Ключевые категории – «уникальность», «результат», «эффективность», «натуральность».

В противоположность приведенной выше женской рекламе рассмотрим пример рекламного объявления для мужчин:

Lqd EYE restore is Australia's most advanced eye serum, packed full of the latest science in skin care research, containing SNAP-8TM, Matrixyl, Argireline, Eyeliss, HaloxylTM, SYN-COLL, Sodium Hyaluronate and Caffeine to reduce the appearance of dark circles, bags, puffiness and fine lines around eyes.

Free from all known skin irritants.

Clinically developed cosmeceuticals as skin care.

Active ingredients.

No animal testing/Lqd [7, с. 79].

В данном примере также описывается крем против морщин, только для мужчин. Тема косметических средств считается чисто женской, так как именно женщины стремятся выглядеть свежо и красиво и прибегают к всевозможным косметическим средствам, чтобы оставаться молодыми как можно дольше. Однако эта реклама адресована не женской аудитории, и об этом нам свидетельствует в первую очередь объём рекламного текста. Он намного больше, чем предыдущий. Кроме того, описание свойств крема в данном примере выдвигается на первое место. Наравне с результатом от использования крема, первостепенное значение имеют качество и свойства продукта. Читателя с первых строк хотят убедить, что этот крем самый качественный и лучший в своем роде. Прилагательные в превосходной степени *most advanced, latest* прекрасно справляются с этой задачей. Перечисление терминологической лексики из области химии и медицины – *SNAP-8TM, Matrixyl, Argireline, Eyeliss, HaloxylTM, SYN-COLL, Sodium Hyaluronate and Caffeine* – еще больше конкретизируют положительные свойства товара, вызывают у читателя доверие к торговой марке и самому продукту. Психологи указывают, что упоминание терминологической лексики в текстах мужской рекламы можно объяснить высокой степенью доверия мужчин к фактическим данным. Только после перечисления всех достоинств товара автор пишет о результате: *to reduce the appearance of dark circles, bags, puffiness and fine lines around eyes*. Всё это способствует формированию положительной оценки у читателя. Автор пытается донести до мужчины мысль, что «наш крем высокого качества, если вы его попробуете, вы сразу же заметите результат». Сухость и лаконичность характеризуют данный пример мужской рекламы. Единственная фраза, придающая содержанию мягкости, – *skin care*, так как существительное «забота» ассоциируется у читателя с женским образом. Здесь можно усмотреть бессознательную манипуляцию. Автор стремится навязать мужчине ощущение дома и семьи, что и здесь его коснется ласковая женская рука. В конце автор возвращается к описанию преимуществ товара и подтверждает его экологичность, надёжность и безопасность, используя фразы *free from skin irritants, clinically developed, active ingredients*. Ключевые категории – «надёжность», «эффективность», «безопасность», «результат».

Основные различия на морфологическом уровне представлены в таблице.

Для анализа приведём пример текста рекламного объявления из мужского журнала Men's Health:

Promotes healthy blood flow from head to toe

Cocoa Via is a daily cocoa extract supplement that promotes healthy blood flow from head to toe. The cocoa flavanols in Cocoa Via supplement – which

Различия текстов мужской и женской рекламы на морфологическом уровне

Мужская речь	Женская речь
Частое использование существительных	Обилие местоимений
Союзы используются редко, перечисление идёт за счёт знаков препинания.	Частое употребление прилагательных и наречий в сравнительной и превосходной формах, что придает речи большую образность и оценочность.
Употребление глаголов практически одинаково	

always begin with fresh, natural cocoa beans – help your cardiovascular system by promoting healthy blood flow, enabling your system to smoothly deliver oxygen and nutrients throughout your body. And when your blood is circulating properly, vital organs from your head to your toes get the oxygen and nutrients they need to help you maintain who you are for years to come. Stayyou / Cocoa Via Brand [6, с. 61].

Слоган, написанный в рифму, с первого прочтения приковывает к себе интерес читателя. Благодаря прилагательному *healthy* («здоровый») адресат понимает, что речь пойдет о здоровье или здоровом образе жизни. Эта тема сегодня достаточно актуальна среди мужчин и женщин. Само прилагательное «здоровый» обладает эмоциональной оценкой. Ведь если человек здоров, значит, он молод, красив и силен. Логические повторы слога на *promotes healthy blood flow from head to toe* в сообщении делают текст запоминающимся и более привлекательным для читателя. Имена прилагательные с оценочной коннотацией *fresh, natural* призваны ещё раз подчеркнуть тему «здоровья». Также в тексте встречаются слова-термины из медицинской области, такие как *cardiovascular system, deliver oxygen, nutrients, vital organs*, что как раз свойственно мужской рекламе. Сам текст сообщения достаточно длинный, предложения в нём преимущественно построены посредством подчинительной связи. Нет ни восклицательных предложений, ни вопросов, ни вводных слов. В тексте присутствует эмоционально-оценочная лексика, но акцент на ней не делается. Сообщение остается достаточно лаконичным, конкретизированным и сухим.

Для контраста и большей иллюстративности различий ниже приведен пример и разбор женской рекламы, взятой с сайта компании по продаже косметических средств Yves Rocher:

An ultra-fluid, fresh and light texture that is transformed into a powdery veil on application. Great coverage that gives a natural-looking, even finish and refines the skin's surface. A matt, radiant finish, that ensures a velvety matt complexion and shine control.

Matte fluid foundation contains Scutellaria root and cornflower water. Tested under dermatological supervision. Suitable for combination to oily skin and normal skin in hot, humid climates.

The Plus: – A go-everywhere tube-shaped bottle. – The pleasure of a subtle fragrance [4].

Уже с первых слов внимание приковывает высокая концентрация эмоционально-оценочных лексических единиц. Весь текст рекламного объявления обладает неповторимой тональностью. Каждая строчка рекламного объявления содержит противоречие, которое ещё больше усиливает желаемый эффект. Первое предложение *An ultra-fluid, fresh and light texture that is transformed into a powdery veil on application* помимо качественных прилагательных *ultra-fluid, fresh and light* содержит эмоционально усиленное выражение *is transformed into a powdery veil*, которое подчёркивает эффект противопоставления, тем самым акцентируя внимание читателя. Прилагательные *natural-looking, velvety* создают эффект натуральности, подчеркивают идею природной красоты и нежности. Данное выражение *Great coverage that gives... refines... ensures* в сочетании с существительными *finish, control* делает акцент на эффективности, стабильности и результате, создавая у читателя образ качественного товара, тем самым формируя положительную оценку. Упоминание того факта, что товар был клинически проверен, оказывает психологический эффект одобрения и надёжности. «Да, это значит, что продукту можно доверять», – думают покупатели. Данная реклама за счёт положительных коннотаций показывает, что, приобретая рекламируемый тональный крем, женщина помимо товара получит еще и некоторые выгоды: удобство в использовании, качество, эффективность, надёжность. Тем самым текст рекламного объявления реализует свою главную задачу – осуществляет воздействие на потребителя, то есть обладает перлокутивным эффектом.

Обобщая вышесказанное, выделим ключевые категории, используемые в рекламных текстах для мужской и женской аудитории. Итак, категории «привлекательность», «молодость», «результат» присущи абсолютному большинству рекламных текстов для женщин. Это связано с тем, что женщина во всём ищет привлекательную сторону, хочет всегда оставаться молодой и получить максимально положительный эффект от использования косметических средств. В тексте, ориентированном на женскую аудиторию, рекламируется идея красоты, молодости и здоровья, реализующаяся благодаря использованию таких лексических единиц, как: *healthylook, perfect, smoothsilk, gentle, natural-looking, pleasure, protection, glamorous,*

fresh, care, best, comfortable, younger-looking, real, forever, proveit, beautiful.

В противоположность женской рекламе, в текстах мужской рекламы акцент сделан на «престиж», «надёжность» и «результат». Эти ключевые категории реализуются в использовании таких лексических единиц, как: *effective, the world's great, most advanced, active, overcome challenges, energy, powerful, boost, restore strength, confident fighter, aim higher, achieve more.*

Таким образом, проведённый лингвосмысловый анализ рекламных текстов со всей очевидностью показал, что реализуемые в них коммуникативная стратегия и их функциональная направленность определяют связь между идейно-чувственными представлениями, ориентированными на мужскую или женскую аудиторию читателей, и выбор копирайтерами соответствующих языковых единиц различных уровней. Только грамотно составленный рекламный текст, учитывающий психологические особенности восприятия полов, обладает достаточным потенциалом для реализации перлокутивного эффекта. При условии применения в текстах рекламы гендерно-ориентированного эмотивно-оценочного лексикона можно целенаправленно влиять на воображение читателя, активизировать его вкусы и предпочтения, стимулировать тайные желания, влиять на выбор, побуждать его к действию. Именно такие лексические единицы помогают авторам рекламного сообщения внести в текст необходимые динамику и силу, описать преимущества товара и вселить в читателя уверенность в конечном результате.

Полученные данные могут быть использованы учёными с целью продолжения исследований в гендерной лингвистике и ответа на ряд острых стоящих вопросов, таких как: описание средств

моделирования гендерно ориентированной речи; дальнейшее выявление языковых средств, при помощи которых авторы рекламных сообщений придают текстам гендерную идентичность; изучение экстра- и интралингвистических факторов, оказывающих воздействие на развитие гендерной идеи в тексте, и некоторых других.

Библиографический список

1. Грищенко А.И. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Активные процессы в современной лексике и фразеологии: материалы Международной конференции 8–9 июня 2007 г. памяти Л.В. Николаенко и Ю.П. Солодуба (МППУ). – Ярославль: Ремдер, 2007. – С. 40–52.
2. Коваль В.И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 217 с.
3. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б.Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 22–140.
4. Рекламные объявления косметических средств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.pinterest.com/denismith1030/cosmetic-ads/> (дата обращения: 25.03.2017).
5. Ухова Л.В. Гендерная маркированность рекламных текстов: к вопросу об эффективности коммуникации // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – № 4. – С. 137–141.
6. Magazine Men's Health (USA). – 2017. – № 2. – 142 p.
7. MagazineOutside (USA). – 2017. – № 3. – 104 p.

Дреева Джанетта Мурзабековна

доктор филологических наук

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ

Dshanetta@mail.ru

Отрошенко Анастасия Ивановна

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ

usonsha@rambler.ru

ВИДОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДА (на примере первой главы Евангелия от Луки Библии Уиклифа и Тиндейла)

В настоящей статье, посвященной анализу особенностей использования видовременных форм английского глагола в среднеанглийский и ранненовоанглийский периоды его развития, предпринимается попытка рассмотреть переводческие стратегии английских реформаторов Джона Уиклифа и Уильяма Тиндейла в выборе видовременных глагольных форм в процессе перевода ими Четвероевангелия с греческого языка на английский. На примере анализа первой главы Евангелия от Луки в греческой Библии и её переводах, выполненных Дж. Уиклифом и У. Тиндейлом, рассматриваются взаимосвязи между языковыми явлениями в тексте источника и трудах английских реформаторов. Приводятся данные сравнительно-сопоставительного анализа видовременных форм в трёх текстах первой главы Евангелия от Луки, а также данные частотности их употребления в текстах оригинала и перевода. В результате проведённого исследования выявляется ряд закономерностей в употреблении глагольных форм в рассматриваемых текстах и делается вывод о независимости английских переводчиков-реформаторов в выборе языковых средств и форм в условиях верховенства догматов Церкви и принижения значимости национальных языков. Подчёркивается, что авторы ранних английских переводов с большим успехом учитывали в работе контекст и экзегетические особенности текста оригинала, используя для перевода Священного Писания различные языковые средства, характерные для английского языка соответствующих периодов, а не просто калькируя тексты оригинала.

Ключевые слова: Евангелие, Библия Уиклифа, Библия Тиндейла, перевод, видовременные формы, среднеанглийский период, ранненовоанглийский период.

Священное Писание во многом определило основные черты европейской культуры в целом, а так называемые священные языки – древнееврейский, греческий и особенно латынь – оказали значительное влияние на развитие европейских языков, в том числе и английского. Переводы Священного Писания в таком контексте представляют собой интересный объект для лингвистического анализа, являясь, с одной стороны, непосредственно связанными с текстом оригинала на древних языках, а с другой – отражая основные языковые реалии своего времени.

В рамках данной статьи ставится задача рассмотреть взаимосвязи между языковыми явлениями в тексте источника и его переводах на английский язык. Иными словами, в ней предпринимается попытка выявить переводческие стратегии английских реформаторов – Дж. Уиклифа и У. Тиндейла на примере сравнительного анализа особенностей использования видовременных глагольных форм в греческом Четвероевангелии, с одной стороны, и переводах Уильяма Тиндейла и его предшественника Джона Уиклифа, с другой.

В качестве материала для исследования выбрана первая глава Евангелия от Луки. Данный отрывок обладает достаточным для анализа объёмом. Евангелие от Луки отличается от прочих новозаветных книг наиболее литературным языком, а следовательно, и особым богатством языкового материала, а число семитских заимствований и латинизмов именно в этой книге сравнительно невелико [2, с. 208–210].

Система видовременных форм греческого языка обладает рядом характерных особенностей, наиболее ярко выраженных в использовании так называемых исторических времён, а особенно аориста – одной из древнейших и богатых по семантике древнегреческих глагольных форм, использующихся и использовавшихся в прошлом преимущественно в устной речи. Рассуждая о значении данной глагольной формы, выдающийся учёный С.И. Соболевский отмечает, что аорист выражает «...действие в прошедшем времени недлительное и неповторяющееся», выделяя при этом ряд подвидов данной глагольной формы: аорист суммарный, аорист начинательный и аорист изречений, которые при определённых условиях и в зависимости от контекста могут выражать длительные, обыкновенные и повторяющиеся действия [4, с. 295–296]. Западные исследователи предлагают несколько более развёрнутую классификацию значений аориста и выделяют констатирующий, ингрессивный, кульминативный, гномический, эпистолярный, футуристический и аорист недавнего прошлого [10, с. 557–565; 8, с. 835–837; 6, с. 171]. Именно эту классификацию мы и возьмём за основу в настоящем исследовании.

Среди исторических временных форм выделяются также перфект и имперфект. Последний, согласно С.И. Соболевскому, выражает «действие в прошлом длительное или повторяющееся» [4, с. 294]. Главным же отличием аориста от перфекта является то, что последний «означает состояние, последовавшее за действием как его резуль-

тат и существующее в настоящее время, причём главное внимание обращается на теперешнее состояние» [4, с. 296]. Западные исследователи, как и в случае с аористом, выделяют целый ряд характерных для глаголов совершенного вида значений [6, с. 176–177; 8, с. 892–899; 10, с. 573–578], однако наиболее общее определение сводится к данному С.И. Соболевским.

В греческом тексте первой главы Евангелия от Луки зафиксирован 141 случай использования глагола в спрягаемых формах. В данной статистике учитываются многочисленные и разнообразные по выражаемым ими значениям вида и времени причастия и инфинитивы. Наибольшее число временных форм приходится на так называемые времена исторические – аорист и имперфект. В целом формы аориста встречаются в тексте первой главы Евангелия от Луки приблизительно в 52 % случаев. Формы имперфекта составляют 14 % от общего числа видовременных форм в рассмотренном отрезке текста. Futurum составляет порядка 24 % случаев спрягаемых глагольных форм. Остальное приходится на формы настоящего времени (7 примеров), перфекта (3), сослагательного наклонения и оппатива (по 2 примера).

В переводе Уильяма Тиндейла встречается 193 примера личных глагольных форм, включая 8 случаев, где идея будущности выражена модальными глаголами. В тексте Джона Уиклифа зафиксирована 191 личная глагольная форма. Наиболее распространены формы простого прошедшего времени (55 % и 55,5 %), настоящего (17,6 % и 16,7 %) и будущего (15 % и 18,3 %). Реже встречается перфект (5 % и 7,3 %), формы предпрошедшего времени (3 и 4 примера), длительного разряда (по 1 примеру) единичны. Future-in-the-Past представлена одним примером только в Библии Тиндейла.

Большая частотность аориста в рассматриваемом тексте обусловлена жанровыми особенностями и миссионерской направленностью повествования Евангелий. Следует отметить, что констатирующий аорист наиболее характерен для исследуемого текста. Здесь представляется целесообразным рассмотреть семантику глаголов в форме аориста. Это преимущественно глаголы говорения: ἔπω (εἶπεν) – сказать, ἀναφωνέω (ἀνεφώνησεν) – кричать, λαλέω (ελάλησεν) – говорить и др.; восприятия: ἀκούω (ἤκουσεν) – слышать, εἶξ -έρχομαι (εἰξέλθων) – постигать и др.; движения: ἀπέρχομαι (ἀπῆλθεν) – уходить, πορεύομαι (επορεύθη) – пойти, εἰσέρχομαι (εἰσηλθεν) – входить и др.; и глагол γίνομαι (ἔγενετο) – становиться, происходить. Констатирующая функция аориста в данном случае вытекает из самой семантики используемых глаголов и общего контекста библейского повествования, рассказа о жизни Христа. Исследователи подчёркивают важность этих факторов, ссылаясь на то, что та или иная выбранная автором текста

глагольная форма была в каждом отдельном случае единственно возможной и определялась самим текстом в целом [10, с. 556; 8, с. 830]. Тип аориста определяется контекстом и семантикой глагола и в следующих случаях:

Lk 1:3

Греч: εδοξε каμοι παρηκολουθηκοτι ανωθεν πασιν ακριβως καθεξης σοι γραψαι, κρατιστε Θεοφιλε... [7].

Tyndale: *I determined also assone as I had searched out diligently all thinges from the beginnyng that then I wolde wryte vnto the good Theophilus...*[9].

Wycliffe: *bitaken, it is seen also to me, hauynge alle thingis diligentli bi ordre, to write to thee...*[5].

Lk 1:23

Греч: και εγενετο ως επλησθησαν αι ημεραι της λειτουργιας αυτου απηλθεν εις τον οικον αυτου [7].

Tyndale: *And it fortunad assone as ye tyme of his office was oute he departed home into his awne housse* [9].

Wycliffe: *And it was don, whanne the daies of his office weren fulfillid, he wente in to his hous* [5].

Lk 1:24

Греч: Μετα δε ταυτας τας ημερας συνελαβεν Ελισαβη η γυνη αυτου και περιεκρυβεν εαυτην μηνας πεντε... [7].

Tyndale: *And after thoose dayes his wyfe Elizabeth cocceaved and hyd her sylfe .v. monethes...*[9].

Wycliffe: *And aftir these daies Elizabeth, his wijf, conseyuede, and hidde hir fyue monethis, and seide...* [5].

Форму глагола εδοξε (от δοκέω – казаться, представляться) в первом примере можно рассматривать как эпистолярный аорист. В данном случае определяющую роль в установлении типа аориста играет контекст, из которого следует, что все последующее повествование представляет собой послание «достопочтенному Феофилу», в рамках же отдельно взятого стиха «εδοξε» описывает сам процесс создания послания («То рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе...» [3]).

Во втором и третьем примерах обнаруживаются образцы кульминативного и ингрессивного аориста соответственно. В данном случае функция аориста определяется семантикой глаголов *επλησθησαν* (от πίμπλημι – исполнять, заканчивать) и *συνελαβεν* (от συλ – λαμβάνω – зачинать, забеременеть). Такое определение, однако, нельзя считать абсолютно точным и единственно верным, так как установление типа аориста представляется во многом вопросом экзегетическим. Так, Daniel Wallace рассматривает интересный случай употребления аориста, в котором от значения последнего – констатирующего или кульминативного – зависит определение даты смерти Христа [10, с. 560–561].

Возвращаясь к вышеприведённым примерам, отметим, что, несмотря на разнообразие выражаемых им значений, аористу в греческом тексте

Евангелия от Луки соответствует преимущественно простое прошедшее время в переводе Уильяма Тиндейла. Небольшое расхождение возникает с переводом Уиклифа: в Lk 1:3 греческому аористу соответствует конструкция «it is seen ... to me», глагольная форма в которой может рассматриваться как пассив состояния и в целом соответствует речевому обороту «visum est et mihi», использованному в Вульгате. В целом в рассматриваемых образцах текста греческий аорист соответствует английскому простому прошедшему времени примерно в 75 % случаев. Обе временные формы встречаются в греческом и английском текстах первой главы Евангелия от Луки наиболее часто (около половины всех спрягаемых глагольных форм в каждом из текстов), что обусловлено характером повествования. Оставшимся 25 % примеров аориста в греческом тексте соответствуют Present Perfect, Past Perfect и простое настоящее время:

Lk 1:30

Греч: και ειπεν ο αγγελος αυτη, Μη φοβου, Μαριαμ, ευρες γαρ χαριν παρα το θεω... [7].

Tyndale: And ye angell sayde vnto her: feare not Mary: for thou **hast founde** grace wt god... [9].

Wycliffe: And the aungel seide to hir, Ne drede thou not, Marie, for thou **hast foundun** grace anentis God [5].

Lk 1:13

Греч: ειπεν δε προς αυτον αγγελος, Μη φοβου, Ζαχαρια, διоти εισηκουθη η δεησις σου... [7].

Tyndale: And the angell sayde vnto him: feare not Zachary for thy prayer **is hearde**... [9].

Wycliffe: And the aungel seide to hym, Zacarie, drede thou not; for thi preyer **is herd**... [5].

В данном случае можно лишь констатировать сам факт соответствия одной видовременной формы другой с определённой частотностью, но никак не объяснить использование аориста в греческом тексте через анализ видовременных форм в английском переводе или наоборот. Английский перфект в первом примере обусловлен контекстом и особенностями грамматики английского языка, а не продиктован временной формой в тексте языка оригинала. Известно, что гномическому аористу может соответствовать настоящее время в английском переводе, но в стихе 13 мы не можем объяснить употребление настоящего времени в переводах Тиндейла и Уиклифа типом аориста, так как последний здесь приобретает скорее кульминативное значение. В то же время в английских переводах форма страдательного залога выражает некое состояние объекта и относится к настоящему времени скорее формально.

Характерной для греческого нарратива, но не столь часто употребляемой временной формой является перфект, встречающийся в первой главе Евангелия от Луки лишь в трёх предложениях. Отметим сразу, что в переводе У. Тиндейла ему со-

ответствуют также перфектные формы настоящего и прошедшего времени. В следующих примерах проследивается использование так называемого «экстенсивного перфекта»:

Lk 1:25

Греч: οτι ουτως μοι πεποιηκεν κυριος εν ημεραις αις επειδεν αφελειν ονειδος μου εν ανθρωποις [7].

Tyndale: This wyse **hath God dealte** wt me in ye dayes when he loked on me to take from me the rebuke yt I suffred amonge men [9].

Wycliffe: For so the Lord **dide** to me in the daies, in whiche he bihelde, to take awei my reпреef among men... [5].

Lk 1:36

Греч: και ιδου Ελισαβη η συγγενις σου και αυτη συνειληφεν υιον εν γηρει αυτης, και ουτος μιν εκτος εστιν αυτη τη καλουμενη στεира [7].

Tyndale: And beholde thy cosen Elizabeth she **hath also conceaved** a sonne in her age. And this is hyr sixte moneth though she be called barren [9].

Wycliffe: And lo! Elizabeth, thi cosyn, and sche also **hath conceyued** a sone in hir eelde, and this moneth is the sixte to hir that is clepid bareyn [5].

В обоих случаях подчёркивается важность результата того или иного действия – в стихе 1:25 Бог избавил Елизавету от «поношений между людьми», в стихе 1:36 значение перфекта определяется семантикой глагола συνειληφεν. Отметим, что в переводе У. Тиндейла рассматриваемой временной форме соответствует перфект настоящего времени. В то же время Джон Уиклиф в Lk 1:25 скорее констатирует сам факт некоего деяния Бога, чем подчёркивает его результат, используя в переводе простое прошедшее время. Объяснить подобное расхождение влиянием на текст Уиклифа латинской Вульгаты не представляется возможным, так как в соответствующем стихе мы видим тот же перфект «fecit». Несколько иначе дело обстоит со следующим предложением:

Lk 1:22

Греч: ...και επεγνωσαν οτι οπτασιαν εωρακεν εν τω ναω... [7].

Tyndale: ...Wherby they perceaved that he **had sene** some vision in the temple... [9].

Wycliffe: ...and thei knewen that he **hadde seyn** a visioun in the temple... [5].

Очевидно, что в Библиях Тиндейла и Дж. Уиклифа греческому перфекту соответствует Past Perfect. Мы могли бы предположить, что в данном случае имеем дело с «перфектом, выражающим относительное время» [6, с. 177]. Известно, что Past Perfect по определению выражает действие, предшествовавшее некоторому другому действию в прошлом. Действительно, в рассматриваемом контексте собравшиеся поняли, что Захарии **уже** было видение. Однако при подобном подходе мы правы лишь с точки зрения английской грамматики и пытаемся трактовать текст оригинала с точки

зрения языка перевода, что в корне неверно. Нам представляется, что и в 22 стихе представлен пример экстенсивного перфекта, а различия в передаче последнего в английских Евангелиях объясняются контекстом и грамматическими особенностями языка перевода. Первые два случая представляют собой образцы прямой речи, для которой довольно характерно употребление перфекта настоящего времени, в то время как последний пример вполне объясняется грамматическими особенностями английской системы времён.

Наиболее употребительной временной формой после рассмотренных исторических времён как в рассматриваемом нами отрезке греческого текста, так и в его английском переводе является будущее – Futurum. Объяснением этому могут служить сюжетные особенности первой главы Евангелия от Луки, в которой большое внимание уделено пророчествам об Иоанне Крестителе и Иисусе. В подавляющем большинстве случаев греческим глаголам в будущем времени соответствует Future Simple в переводах Уильяма Тиндейла и Джона Уиклифа. Однако есть и некоторые исключения:

Lk 1:78

Греч: δια πλαγγχα ελευς θεου ημων, εν ος επισκευεται ημας ανατολη εξ υψους... [7].

Tyndale: Through the tender mercy of oure God wherby the daye springe from an hye **hath visited** vs [9].

Wycliffe: bi the inwardnesse of the merci of oure God, in the wichce he spryngunge vp fro an hy **hath visitid** vs [5].

В рассматриваемом примере греческому футуруму соответствует в английских переводах Present Perfect, который выражает конечный результат неких предшествующих действий: Лк 1:76–78: «И ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего, ибо предъидешь пред лицом Господа... по благоутробному милосердию Бога нашего, которым **посетил** нас Восток свыше...» [3]. Можно предположить, что и Уиклиф, и Тиндейл, и создатели Синодального перевода (в котором также используется глагол совершенного вида прошедшего времени) рассматривают явление Богом милости к людям как факт уже свершившийся, то есть с точки зрения своих современников. В то же время в греческом тексте то же самое рассматривается с точки зрения современников Захарии, который пророчествует о ещё не свершившейся судьбе новорожденного сына Иоанна.

С особенностями личного восприятия текста оригинала переводчиками мы сталкиваемся и в следующем примере, где греческому будущему времени в тексте Тиндейла соответствует конструкция с модальным глаголом сап в простом настоящем времени, в то время как Уиклиф задействует Future Simple:

Lk 1:37

Греч: ...οτι ουκ αδυνατησει παρα του θεου παρ ημα [7].

Tyndale: for wt god **can nothings be vnpossible** [9].

Wycliffe: for euery word **schal not be impossible** anentis God [5].

Стих 37 первой главы Евангелия от Луки является отрывком пророчества Ангела Марии, поэтому использование будущего времени представляется закономерным. Тиндейл же рассматривает всемогущество Бога как некое его неотъемлемое и непреложное качество, и в этом смысле можно было бы рассматривать более ранний перевод Уиклифа как и в то же время несколько более дословный.

Обобщая все вышесказанное, мы приходим к следующим выводам. Наиболее распространённой в греческом тексте видовременной форме, аористу, в текстах Уиклифа и Тиндейла соответствуют столь же часто встречающиеся формы простого прошедшего времени, что обусловлено в первую очередь общим характером повествования. Греческому перфекту соответствуют формы предпрошедшего времени в английских переводах. Однако в данном случае определяющую роль для выбора языковых средств играет авторская трактовка переводчиками исходного текста, а не его жанровые особенности или семантическая схожесть указанных временных форм. Сюжетные особенности рассмотренного отрезка текста определяют частое использование форм будущего времени как в греческом тексте, так и в его переводах на английский язык.

Очевидно, что для трактовки значения того или иного грамматического явления чрезвычайно важен контекст, и авторы рассмотренных английских переводов с большим успехом учитывали в работе и контекст, и экзегетические особенности текста оригинала, используя для перевода в каждом конкретном случае различные языковые средства, характерные для английского языка соответствующих периодов, а не просто калькируя тексты оригинала. Следует отдельно подчеркнуть, что в условиях верховенства Церкви, преувеличения значения древних языков и пренебрежения языками народными английские реформаторы создавали переводы Священного Писания в соответствии с языковыми нормами английского языка своей эпохи, оставаясь при этом верными букве и духу оригинала. При этом, однако, как свидетельствует проведенное исследование, в ряде случаев перевод Дж. Уиклифа может рассматриваться как несколько более дословный, чем труд У. Тиндейла.

Библиографический список

1. *Глубоковский Н.Н.* Греческий язык Нового Завета в свете современного языкознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mpda.ru/publ/text/72671.html> (дата обращения: 14.11.2016).
2. *Мейсен Дж. Грешем.* Учебник греческого языка Нового Завета. – М.: Российское библейское общество, 1994. – 222 с.

3. Новый Завет Господа нашего на церковнославянском и русском языках. – Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 1168 с.

4. *Соболевский С.И.* Древнегреческий язык. – СПб.: Летний сад, 2000. – 616 с.

5. *Bible. N.T. English (Middle English). Wycliffe. New Testament: in the English translation of John Wycliffe, revised by John Purvey: manuscript [Электронный ресурс].* – Режим доступа: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/6773426?op=t&n=1&s=2> (дата обращения: 14.11.2016).

6. *Blass F., Debrunner A., Funk R.* A Greek Grammar of the New Testament and Other Early Christian Literature. – Illinois, Chicago: The University of Chicago Press, 1961. – 364 p.

7. *Novum Testamentum Graece.* – London, 1860.

8. *Robertson A.T.* A Grammar of the Greek New Testament in the Light of Historical Research. – London, 1919. – 1529 p.

9. *The New Testament of Our Lord and Saviour Jesus Christ, Published in 1526: Being the First Translation from the Greek Into English, by that Eminent Scholar and Martyr, William Tyndale.* – S. Bagster, 1836 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.google.ru/books?printsec=frontcover&dq=tyndale&ei=qzGQT8-uAo3zsgbhs9iMBA&id=NwgXAAAAYAAJ&hl=ru&output=text> (дата обращения: 14.11.2016).

10. *Wallace D.* Greek Grammar Beyond the Basics: An Exegetical Syntax of the New Testament. – Harper Collins, 1996. – 860 p.

Волкова Елена Борисовна

кандидат филологических наук

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

lenka@mail.mipt.ru

Ременникова Ирина Александровна

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

vladrem@list.ru

Вечеринина Елена Алексеевна

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

vealek@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАСПРОСТРАНИТЕЛЬНЫХ ПРИСУБСТАНТИВНО-АТРИБУТИВНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В НАУЧНОМ СТИЛЕ РУССКОГО И РОМАНО-ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ (на материале произведений математического цикла)

В статье рассматриваются основные структурно-семантические качества распространительных присубстантивно-атрибутивных сложноподчинённых предложений, функционирующих в произведениях математического цикла на русском, английском и французском языках. Материалом для исследования послужили труды выдающихся современных математиков в области дифференциальной геометрии и алгебраической топологии. Этим авторам принадлежат фундаментальные результаты в указанных областях, их произведения, написанные безупречным стилем, служат основой для дальнейших исследований. Для адекватного восприятия сложного материала язык математических произведений должен подчиняться определённым синтаксическим законам. Логичному, последовательному изложению текста математического произведения в значительной степени способствуют сложноподчинённые предложения с чёткой субординацией частей. Обладая более сложной структурой, чем простые предложения, они в большей степени очевидны по семантике, облегчая восприятие передаваемой информации. Среди сложноподчинённых предложений нерасчленённого типа высокой продуктивностью в текстах математических произведений обладают распространительные присубстантивно-атрибутивные конструкции. Они являются переходными, поскольку их главная часть грамматически и семантически завершена и определяемое слово не нуждается в распространении. Придаточная часть носит характер попутного замечания, комментария автора, но именно она помогает понять читателю сложное содержание главной части. В качестве определяемого слова в стиле точных наук часто выступает формула, члены которой поясняются в придаточных предложениях. В данном случае в исследуемых языках наблюдается фразеологизация некоторых связующих относительных местоимений, что не является характерным для других стилей. В процессе анализа данных структур в трёх языках выявляются как общие черты, так и существенные различия, которые необходимо учитывать при работе с текстами математических произведений на данных языках.

Ключевые слова: *сложноподчинённое предложение, главная часть, придаточная часть, распространительное присубстантивно-атрибутивное сложноподчинённое предложение, определяемое слово, относительное местоимение.*

В данной статье рассматриваются особенности функционирования распространительных присубстантивно-атрибутивных сложноподчинённых предложений (далее ПАСПП) в научном стиле русского и романо-германских языков. В качестве материала для исследования были взяты произведения современных математиков Б.А. Дубровина [3], Ю.И. Манина [5], С.П. Новикова [7], Л.С. Понтрягина [8], Б.В. Федосова [10; 11; 12], В. Beauzamy [14], S.K. Donaldson [15; 16], N.J. Hitchin [17; 18], J.P. Kahane [19], Yu.I. Manin [20], Yv. Meyer [21]. Методом сплошной выборки было извлечено свыше 1500 предложений, включающих исследуемую конструкцию. Полученные результаты о сходстве и различии данных синтаксических структур могут быть полезны при переводе и написании научно-технических текстов. В этой статье для краткости мы будем приводить данные по разным языкам через дробь в следующем порядке: русский/английский/французский.

Распространительные ПАСПП значительно превосходят по частотности другие типы присуб-

стантивно-атрибутивных конструкций [1, с. 132] и имеют свои особенности в научном стиле рассматриваемых языков. Данные сложноподчинённые предложения в русском языке были предметом нашего исследования [1; 2]. Они представляют интерес для изучения, поскольку по своей природе являются переходными. В данной разновидности ПАСПП определяемое слово не является семантически недостаточным, не требует распространения. Придаточная часть занимает атрибутивную синтаксическую позицию по отношению к опорному существительному, к которому отсылает местоименное слово, тем самым определяя его [9, с. 522].

В математических текстах широко распространены сложноподчинённые предложения (далее СПП) с придаточными, выражающими атрибутивно-распространительные отношения, прикрепляющимися к одному из существительных главной части при помощи относительных местоимений *который/which, who(m)/qui, que, dont, где/where, où, откуда/where/d'où, когда/when/quand, lorsque, чей/whose*. Такие предложения вводят новую,

дополнительную информацию о предмете, а не выделяют его из ряда других. Перед определяемыми существительными невозможно поставить указательные слова. В английском языке дополнительной отличительной чертой атрибутивно-распространительных (другое название – описательных) конструкций является то, что союзное слово не может быть опущено или заменено на *that* и постановка запятой перед ним обязательна [4, с. 429–430]. Придаточная часть в таких конструкциях в нашем материале чаще постпозитивна (87,3 % / 84 % / 75 %), чем интерпозитивна по отношению к главной.

Для этого в пространстве R_x (см. F), где m – несчетная мощность, определим следующим образом подпространство R^* [8, с. 96]. *A much easier observation, which we need to complete these preliminaries, is that for 4-manifold x with positive definite form each $U(1)$ bundle has a unique self-dual connection up to isomorphism* [16, с. 286]. *On considère l'opérateur A^*A , que l'on diagonalise dans une base orthonormée, notée $\varphi_0, \varphi_1, \varphi_2, \dots$* [21, с. 4]. В случаях интерпозиции придаточная часть, как правило, меньше по объёму и незначительна по содержанию, чтобы не отвлекать авторской ремаркой внимание читателя от дальнейшей важной информации.

Наиболее употребительны в исследуемых нами русскоязычных математических произведениях атрибутивно-распространительные СПП, в которых придаточная часть прикрепляется к главной части относительными местоимениями *где* и, реже, *откуда*, поскольку часто возникает необходимость пояснения отдельных членов математической формулы или хода логических рассуждений. В данной разновидности ПАСПП союзное слово *который* (35,7 %) значительно уступает по частотности слову *где* (52,7 %). Как отмечает Н.Ю. Шведова, в местоимении *где* «заклѳчен смысл локализации лица, предмета, ситуации или события» [13, с. 99], а в местоимении *откуда* – «исхождение от какого-нибудь места, направление от, с, из чего-нибудь» [13, с. 109].

В математических текстах ПАСПП данной разновидности с относительными местоимениями *где/where/ou* и *откуда/where/d'ou* настолько частотны, что частично фразеологизировались и превратились в своеобразный «трафарет» для изложения сложного материала, насыщенного большими формулами. Это – специфическая черта всех математизированных текстов. 55 % / 58 % / 57 % атрибутивно-распространительных СПП в нашем материале имеет в качестве определяемого слова математическую формулу.

Таким образом, отображение φ порождает гомоморфизм группы $r^l(b, q)$ в $n^x(R, p)$, который мы обозначим через φ [8, с. 355]. Этот класс, как известно, представляется также формой

$1/2\pi i Q$, где Q – кривизна расслоения TcM [10, с. 33]. Дифференцируя тождество $P^2 = P$, получаем $P Dp + dP P = dP$, откуда, умножая на P справа или слева, приходим к (3) [11, с. 59]. В действительности, можно получить довольно точные сведения о пучке $\varepsilon = \langle \dots \rangle$, где ε_L – пучок когомологии стандартной mp -монады, используя идею вычислений в п. 2 [5, с. 110]. Общй член суммы в левой части имеет вид $\langle \dots \rangle$, где k_1, \dots, k_4 – целые числа [3, с. 22]. Равенство нулю его суммы вычетов дает $c = \bar{c}$, откуда и вытекает вещественность B [3, с. 51]. По теории псевдодифференциальных операторов (п. д. о.) имеются прекрасные руководства, к которым мы и отсылаем читателя [12, с. 173].

Из приведѳнных примеров видно, что придаточная часть формально не зависит от существительного в главной, но это существительное не нуждается по смыслу в таком определении. В предложениях данного типа наблюдается односторонняя зависимость: главная часть оформляется как независимая, а придаточная – зависимая, причѳм в придаточной части наблюдается добавочное присоединительное значение, усиливающееся частицей *и*. Такие конструкции представляют собой переходный случай между СПП нерасчленѳнной и расчленѳнной структуры.

Аналогичная ситуация наблюдается и в англоязычных математических текстах. Однако следует отметить, что в английском языке относительные местоимения *где* и *откуда* передаются одним словом *where*, что повышает продуктивность конструкций с этим союзным средством. С другой стороны, относительное местоимение *which* может присоединять придаточную часть, относящуюся не к отдельному слову, а ко всему предложению в целом, что соответствует русскому относительному местоимению *что* в присоединительных конструкциях. Частотность союзных слов *where* и *which* в исследуемых англоязычных произведениях высока и примерно одинакова (51 % и 48 % соответственно).

Zeta-functions for two isomorphic lattices differ by a factor A^ , where A is a positive real number* [20, с. 7]. *An example would be the case of $g = 2$, where N is the intersection of two quadrics in P^3* [17, с. 111]. *All these varieties have very special properties, which have been investigated from many points of view* [17, с. 94]. *In the equation corresponding to (18) we lose the term in $F(A_p)$, which means that we do not need to involve $\|F\|_L$ in (18.b)* [16, с. 309]. Последние два предложения синтаксически омонимичны: в последнем придаточная часть относится ко всей главной части в целом и имеет сильную присоединительную семантику, в предпоследнем – к предыдущей формуле, и можно говорить о присоединительном оттенке.

Во французском языке для пояснения отдельных членов математической формулы, вывода ма-

тематического уравнения и логики рассуждений в атрибутивно-распространительных СПП придаточная часть в подавляющем большинстве случаев (80,7 %) прикрепляется к главной части предложения относительным местоимением *où/где*.

Cela revient à le représenter par une équation de la forme: $Dx(t) = Ax(t) dt + B dw(t)$, où A et B sont des matrices supposées connues [14, с. 3]. La formule est $m(T) = (\alpha + \beta + \gamma - \pi) R^2$ où α, β, γ sont les mesures en radians des angles du triangle T , $m(T)$ son aire et R le rayon de la sphère (donc R^2 la courbure) [19, с. 136]. Si $\sqrt{2}$ était rationnel, on pourrait l'écrire sous la forme d'une fraction irréductible p/q ; $p/q = \sqrt{2}$ entraîne $p^2 = 2q^2$, donc p pair, $p = 2p'$; d'où $4p'^2 = 2q^2$, $2p'^2 = q^2$, donc q pair, contrairement à l'hypothèse que la fraction p/q est irréductible [19, с. 134]. Pour définir ces notions de qualité de reconstitution et d'optimalité, Donoho introduit le risque minimax défini par $\inf_{g \in E} \sup_{f \in F} \int |g - f|^2$ où c désigne la connaissance a priori sur f , où g est l'estimateur de f et où E est l'espérance mathématique relative au bruit aléatoire [21, с. 5]. L'équation fondamentale devient $dx = \lambda x dt = d\omega$, où λ est un paramètre réel, supposé >0 ... L'équation d'observation s'écrit, après réduction et simplification: $Y(t) = x(t) + v(t)$ où $v(t)$ est l'erreur d'observation, supposé gaussienne centrée [14, с. 7]. La définition prise par C. Olivier d'un éprocessus R.T.O. ("Real Time Observability") est qu'il existe une valeur M telle que $E_{x_0} T_1 < +\infty$, où T_1 est le premier instant où la variance passe au-dessous de M et E_{x_0} est l'espérance conditionnée par le fait que la valeur initiale du processus $x(t)$ est x_0 [14, с. 5].

Частотность употребления союзных слов *qui(que)/который, которого(dont)* (15,7 %) превалирует в ПАСПП данной разновидности для развития хода рассуждений, но значительно ему уступает в качестве слова-графарета, вводящего определение математической формулы, местоимение *d'où/откуда* употребляется и в том и в другом случае чрезвычайно редко (1,7 %). *Reportant l'estimation de N , on obtient $\tilde{\tau} = \tilde{\tau}_0 + c(2a / \sqrt{p})^a$, formule qui donne la dépendance explicite du temps de calcul par rapport à la taille de l'image et à la résolution [14, с. 5]. Par exemple, c'est l'ensemble des points d'où l'on voit un segment sous un angle droit [19, с. 135].*

Во французском языке местоимение *d'où/откуда* формируется присоединением к основной форме предлога *de*, у которого в результате эллизии происходит выпадение гласной на стыке двух слов, так как основная форма начинается с гласной.

Грамматически форма *où* во французском языке может быть и другой частью речи. Выполняя функцию союзного слова, она будет наречием, при этом на русский язык она тоже переводится местоимением *где*. Подобное употребление формы *où* типично во французском языке для присоединения к главному предложению придаточного об-

стоятельного предложения времени или места (*subordonnée circonstancielle de lieu / de temps*), которое будет переводиться на русский язык соответственно контексту. "Il ne faut pas confondre les *subordonnées circonstancielle de lieu* avec les *subordonnées relatives* et les *subordonnées complétives*, introduites par *où* (*pronom relatif*) et *où* (*adverbe*). Les *subordonnées relatives* se rapportent aux noms ou aux pronoms et répondent à la question "quel?" Les *subordonnées complétives* se rapportent au verbe, mais contiennent une question indirecte, et répondent à la question "quoi?" [22, с. 353]. Les *subordonnées relatives* – придаточные относительные характеризуют существительное и местоимение главного предложения в той или иной функции, отвечают на вопрос *quel/какой?* Les *subordonnées complétives* – это придаточные дополнительные предложения, относящиеся к глаголу. Однако они содержат косвенный вопрос и отвечают на вопрос *quoi/что?*

Французское придаточное обстоятельное предложение места относится к сказуемому или второстепенному члену главного предложения, выраженному глаголом, отвечает на вопрос *où/где? d'où/откуда?* и присоединяется к главному предложению относительным наречием *où/где*. *Seul le braindrain permet aux Etats-Unis de maintenir leur position dominante, et aux pays européens où les mathématiques ont fleuri depuis le 16-ième siècle de garder une certaine place [19, с. 144].*

Несмотря на разнообразие типов придаточных предложений, перевод формы на русский язык остаётся неизменным – *где*, что может вызывать определенные затруднения при недостаточной лингвистической компетенции. Следует отметить, что во французском языке существует союз *или*, орфография которого отличается от относительного местоимения *где* только наличием надстрочного знака *accent graf*, который совершенно изменяет синтаксическую структуру предложения и может затруднять процесс перевода на русский язык. *Comme remarque Donoho, une régulation de Tychonov revient à adapter, une fois pour toutes, la base orthonormée à l'opérateur (c'est à dire l'appareillage) sans tenir compte des propriétés spécifiques du signal ou de l'image que l'on analyse [21, с. 5].*

Другие союзные слова встречались в исследуемом материале достаточно редко. Так, относительное местоимение *когда/when/lorsque, quand* малопродуктивно (8 % / 0,7 % / 1 %) в данной разновидности ПАСПП. Оно, как правило, вносит ограничительно-условный оттенок, а не временной. Придаточная часть представляет собой напоминание, попутное замечание. *В пределах, когда радиус тора устремляется к бесконечности, спектр отнюдь не переходит в непрерывный, как это обычно бывает, а становится непрерывным, точечным [6, с. 123–124]. The explicit knowledge of M contained in § 3, when we consider it as the space of*

equivalence classes of stable pairs describes just one of these structures [18, с. 61]. *On stope l'algorithme quand la dimension théorique du n -ième dépasse $\tilde{\iota}_0$* [21, с. 10].

Однако в нашей выборке были отмечены единичные атрибутивно-распространительные СПП с союзным словом *когда/when/lorsque, quand*, у которых наблюдается добавочное временное значение. *В 30-х годах, когда алгебраические методы приобрели решающее значение, эта область, благодаря С. Лефшецу, стала называться алгебраической топологией* [7, с. 6]. *Прямой геометрический вывод того, что упомянутая гомотопическая группа n -сферы имеет порядок 24 , а не 12 , был опубликован лишь в 70-х гг., когда это стало важно для маломерной топологии* [7, с. 14]. *Franck Ramsey (la théorie de Ramsey) est un jeune logicien et philosophe qui est connu pour un article publié juste avant sa mort, en 1930, quand il avait 27 ans* [19, с. 138]. Такие конструкции использовались при описании истории научного поиска и разработки различных подходов к определённой математической проблеме. Они не применяются при изложении сложного математического материала, которое, как правило, проводится в настоящем вневременном контексте.

Во французском языке в аналогичном контексте может сохраняться как ограничительно-условный, так и временной оттенок. *Dans la littérature contemporaine, lorsqu'il est question de cercle, c'est généralement de cet objet topologique qu'il est question* [19, с. 136]. *Lorsque j'étais professeur d'Université, je souffrais beaucoup de ne pouvoir faire comprendre à mes interlocuteurs la nature de mon activité, qui n'était perçue qu'au travers de l'enseignement* [14, с. 8]. *On choisie donc μ_1 proche de 1 quand k est petit et μ_1 est nul quand k est grand* [21, с. 5].

В отличие от русскоязычных математических текстов в единичных случаях в англоязычных текстах в качестве союзного слова использовалось относительное местоимение *whose (чей)*. *The fibers of the function T^*N are non-compact Lagrangian submanifolds, whose compactification in fact generates M* [18, с. 62]. В придаточной части делается акцент на свойствах, присущих определяемому слову, таким образом усиливается атрибутивная семантика.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что ПАСПП научного стиля математических текстов русского и романо-германских языков имеют как свои особенности и четкие различия, так и схожие черты. При присоединении к математическим формулам некоторые относительные местоимения могут утрачивать своё денотативное значение, превращаясь в своеобразный «остановочный пункт» для лучшего понимания предыдущей сложной формулы. Одни и те же относитель-

ные местоимения могут служить средством связи в СПП разного типа и вносить различные оттенки в семантику предложения. Эти явления следует учитывать при переводе математических текстов с одного языка на другой. Можно рекомендовать для облегчения процесса перевода использовать такой прием, как предварительный синтаксический и грамматический анализ сложного предложения на языке оригинала.

Библиографический список

1. Волкова Е.Б. Сложноподчинённые предложения нерасчленённого типа в научном стиле русского языка (на материале произведений математического цикла): дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2016. – 212 с.
2. Волкова Е.Б. Ядерные и периферийные конструкции присубстантивно-атрибутивного типа в математизированных текстах // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 6. – С. 101–103.
3. Дубровин Б.А. Тэта-функции и нелинейные уравнения // Успехи математических наук, 1981. – Т. 36. – Вып. 2 (218). – С. 11–80.
4. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами. – М.: ЮНВЕС ЛИСТ, 1997. – 718 с.
5. Манин Ю.И. Новые точные решения и кохомологический анализобычных и суперсимметричных уравнений Янга-Миллса // Труды МИАН СССР, 1984. – Т. 165. – С. 98–114.
6. Маслов В.П. Фазовые переходы нулевого рода и квантование закона Ципфа // Теоретическая и математическая физика, 2007. – Т. 150. – № 1. – С. 118–142.
7. Новиков С.П. Алгебраическая топология // Современные проблемы математики. – М.: МИАН, 2004. – 46 с.
8. Понтрягин Л.С. Непрерывные группы. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 520 с.
9. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан и др.; гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1982. – 709 с.
10. Федосов Б.В. Деформационное квантование и асимптотическое операторное представление // Функциональный анализ и его приложения. – 1991. – Т. 25. – Вып. 3. – С. 24–36.
11. Федосов Б.В. Об индексе эллиптической системы на многообразии // Функциональный анализ и его приложения. – 1970. – Т. 4. – Вып. 4. – С. 57–67.
12. Федосов Б.В. Теоремы об индексе // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. – 1991. – Т. 65. – С. 165–268.
13. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М.: Азбуковник, 1998. – 176 с.
14. Beauzamy B. Des mathématiques dans le

monde réel. La Société de Calcul Mathématique // SCM, S.A. – Paris, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scmsa.eu/archives/BB_math_monde_reel.pdf (дата обращения: 1.07.2017).

15. *Donaldson S.K.* A new form of a theorem of Narasimhan and Seshadri // *Differential geometry*. – 1982. – No. 18. – P. 269–277.

16. *Donaldson S.K.* An application of gauge theory to four dimensional topology // *Differential geometry*. – 1983. – No. 18. – P. 279–318.

17. *Hitchin N.* Stable bundles and integrable systems // *Duke mathematical journal*. – 1987. – Vol. 54, No. 1. – P. 91–114.

18. *Hitchin N.* The self-duality equations on a Riemann surface // *Duke mathematical journal*. – 1987. – Vol. 54, No. 1. – P. 59–90.

19. *Kahane J.-P.* Les sciences mathématiques à

l'aube du 21e siècle // *Arch. Sci. Nat. Phys. Math. NS* 45. – Luxembourg, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.igdss.lu/medias/pdf/ouvragesedites/-les_sciences_mathematiques.pdf (дата обращения: 1.07.2017).

20. *Manin Yu.I.* Real multiplication and noncommutative geometry / Yu.I. Manin; Max-Planck-Institute für Mathematik. – Bonn, 2002. – 46 p.

21. *Meyer Yv.* Ondelettes et algorithmes concurrents // GRETST, Groupe d'Etudes du Traitement du Signal et des Images, 1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://documents.irevues.inist.fr/bistream/handle/20-42/11834/AR10pdf> (дата обращения: 1.07.2017).

22. *Nikolskaĭa E.K., Goldenberg T.Y.* Grammaire française. – Moscou: Ecole supérieure, 1967. – 365 p.

Попутникова Людмила Андреевнакандидат исторических наук
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
poputnikova@rambler.ru**Тампей Виктория Павловна**Костромская государственная сельскохозяйственная академия
vtampey@mail.ru

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ И ОСОБЕННОСТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ КИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена комплексному изучению немецкой терминологии, обеспечивающей профессиональную коммуникацию в сфере разведения, содержания и дрессировки собак. Германия знаменита не только своими достижениями в области науки и техники, но и богатыми кинологическими традициями, выдающимися успехами в сфере собаководства и спорта с собаками, что в свою очередь отразилось на терминологической активности и особенностях формирования терминосистемы кинологии.

Авторами проведен структурный и семантический анализ кинологической терминологии. Выделяются и описываются основные исторические этапы становления кинологической терминосистемы. Рассматриваются такие характеристики терминологии, как ее происхождение, модель образования и предметная соотнесенность. В статье проиллюстрировано языковое выражение фрейма «Kinologie», представляющего собой сложную ментальную структуру, направленную на лингвистическую организацию кинологического опыта. Фрейм представлен терминами и терминоточетаниями, образованными синтаксическим, семантическим и морфологическим способом образования терминов. Полученные результаты исследования могут быть использованы не только лингвистами и терминоведами, но и кинологами для совершенствования двуязычной профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: кинология, терминосистема, исторические и формально-семантические характеристики терминов, фреймовый анализ.

Разведение и воспитание собак в Германии имеет долгую историю и является неотъемлемой частью научной и культурной жизни страны. Кроме этого, по мнению историков В. Виппермана и Д. Берентцена, особое отношение немцев к своим четвероногим друзьям стало одним из важных факторов формирования немецкого менталитета [6, с. 3]. Накопленные немецкой нацией знания и богатый опыт по кинологии воплотились в языковой форме в виде кинологической терминосистемы.

Для анализа немецкой кинологической терминологии мы сделали выборку терминов и терминоточетаний общим объемом в 3100 единиц. Источником для формирования терминокорпуса послужили специальные словари и справочники по кинологии и ветеринарной медицине на немецком языке, научно-популярные журналы («Der Hund», «Hundeschau», «HundeWelt», «SitzPlatzFuss») и немецкоязычные сайты, форумы и интернет-журналы по кинологии и служебному, спортивному, охотничьему и декоративному собаководству (www.hunde.de, wildundhund.de, www.hundund.de, www.inselhund.de, www.hundeliebe-grenzenlos.de), научные статьи и материалы немецких кинологических организаций, доступные в сети Интернет (Verband für das Deutsche Hundewesen, Verein für Deutsche Schäferhunde e.V., Deutscher Verband der Gebrauchshundsportvereine e.V., Deutscher Hundesportverband e.V.), а также нормативные правовые акты, регламентирующие кинологическую деятельность и собаководство в Германии (das Tierschutzgesetz, die Tierschutz-Hundeverordnung, das Hundeverbringungs- und

Hundeeinfuhrbeschränkungsgesetz, die in Artikel 833 des Bürgerlichen Gesetzbuches festgelegte Tierhalterhaftpflicht).

Проанализировать кинологическую терминологию как языковую реализацию когнитивных структур нам позволил когнитивный метод лингвистических исследований.

Начиная с 80-х годов XX века решением проблемы представления знаний о внешнем мире в виде когнитивных моделей занимались не только ученые в области искусственного интеллекта, но и психологи, и лингвисты, среди которых Ч. Филлмор, М. Минский, Ж. Фоконье, Дж. Лакофф, Дж. Миллер, Ф. Джонсон-Лэрд, М.А. Холодная, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянкова и др.

Наибольший интерес для исследования кинологической терминологии, на наш взгляд, представляет теория фреймовой семантики Ч. Филлмора. Для упорядочивания и систематизации информации ученый разработал универсальную систему ее репрезентации, основанную на «фреймах», представляющих собой «когнитивную структуру схематизации опыта» [2, с. 24–25]. Фреймы являются особой ментальной структурой, в которой в «свернутом» виде представлены наличные интеллектуальные ресурсы субъекта и которые при столкновении с любым внешним воздействием могут «развертывать» особым образом организованное ментальное пространство [4, с. 80]. Весь накопленный опыт в кинологической сфере можно также представить в виде когнитивной схемы.

Проанализировав структуру кинологического подязыка, мы выделили следующие его составные части (рис. 1).

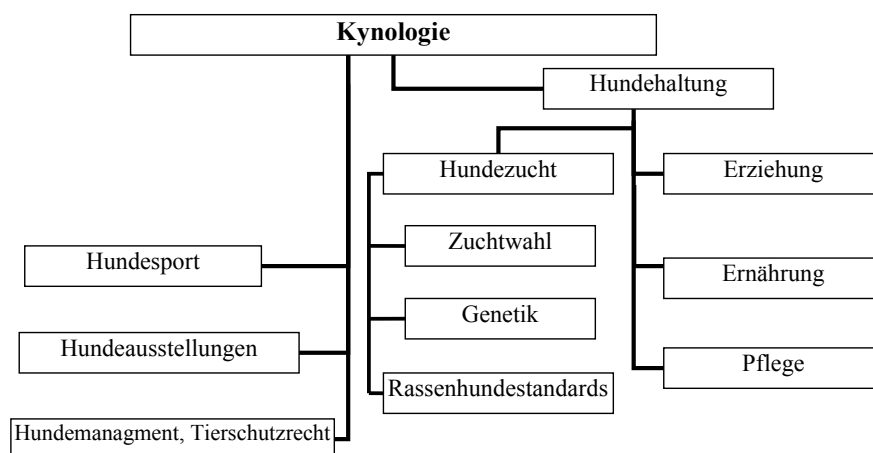

Рис. 1. Структура кинологической терминосистемы в немецком языке

Фреймовая схема внешне напоминает разветвленное дерево: находящийся на верхнем ярусе фрейм «Кynologie» состоит из четырех основных субфреймов: «Hundeheilung», «Hundesport», «Hundeausstellungen», «Hundemanagement, Tierschutzrecht», выражающих основные категории кинологии. Каждый из субфреймов имеет свою собственную структуру и может «развертываться» в зависимости от ситуации.

Итак, рассмотрим более подробно структуру кинологической терминосистемы в немецком языке.

Первый субфрейм «Hundeheilung» включает в себя терминологию, связанную с разведением собак («Hundeheilung»), селекционной работой («Zuchtwahl») и генетикой («Genetik»), например: *die Körung* – племенной отбор, или керунг (одно из основных племенных мероприятий при разведении немецкой овчарки), *die Zuchtwertschätzung* – оценка разведения; *die Inzucht* – скрещивание родственных видов; *die Entstehung rassespezifischer Defekte* – возникновение дефектов, специфических для породы и т. д.

К этой группе относится также лексика, описывающая методы, цели и стандарты выведения пород («Rassenhundestandards»). В зависимости от происхождения и рабочих качеств животного породы собак также подразделяются на группы (согласно классификации FCI), среди которых *Hütehunde und Treibhunde* – пастушьи и скотогонные собаки; *Dachshunde* – таксы; *Laufhunde, Schweißhunde* – гончие, гончие по кровяному следу; *Vorstehhunde* – легавые; *Apportierhunde, Stoberhunde, Wasserhunde* – ретриверы, спаниели, водяные собаки; *Gesellschafts- und Begleithunde* – декоративные и собаки-компаньоны и т. д.

К рассматриваемому субфрейму относится терминология, связанная с содержанием («Hundeheilung»), кормлением («Ernährung») и воспитанием собак («Erziehung»), уходом за ними («Pflege»), например: *die Hundekomandos* – команды для собак; *das Halsband* – ошейник; *die Leine* – поводок; *das Hundegeschirr* – собачья

упряжь; *der Maulkorb* – намордник; *die Fellpflege* – уход за шерстью; *das Schneiden der Krallen* – подстригание когтей; *die Pfotenpflege* – уход за лапами; *das Hundefutter* – корм для собак и т. д.

Второй субфрейм «Hundesport» включает в себя спортивную терминологию. К этой группе относятся, например, термины, обозначающие

– виды спорта с собаками (*Agility* – аджилити; *Flyball* – флайбол; *Dog-Frisbee* – фризби; *Dog-Dancing* – танцы с собакой; *Obedience* – обидиенс; *Windhundrennen* – гонки на собачьих упряжках и т. д.);

– упражнения, которые необходимо выполнить собаке для демонстрации выработанных качеств (*Gehorsamsübungen* – упражнения на послушание; *das Apportieren* – апортировка; *der Gehorsam aus der Entfernung* – выдержка на расстоянии (нахождение собаки на месте без хозяина при различных раздражителях); *die Geruchsunterscheidung* – дифференцирование (различение) запахов; *die Fährtenarbeit* – следовая работа, работа по следу; *die Flächensuche* – обыск местности и помещений с собакой и т. д.);

– материально-техническое оснащение соревнований (*Hürden* – барьеры; *Viadukt oder Mauer* – виадук, или стенка; *Laufsteg* – горка; *der Tisch* – подиум (квадрат); *die Wippe* – качели; *fester Tunnel* – жесткий туннель; *der Stofftunnel* – мягкий туннель; *der Reifen* – кольцо и т. д.).

Третий субфрейм «Hundeausstellungen» охватывает терминологию, необходимую для проведения выставок и осуществления экспертизы собак, например: *Handling* – показ собак на выставках; *Grooming* – груминг; *das Gesamterscheinungsbild des Hundes* – экстерьер собаки; *die Zahnkontrolle* – оценка (контроль) зубов; *das Abtasten des Hundes* – ощупывание собаки; *die Gangwerkskontrolle* – контроль движения (шагом и рысью) и т. д.

Четвертый субфрейм «Hundemanagement, Tierschutzrecht» представлен терминологией из сферы кинологического менеджмента и правового регулирования собаководческой деятель-

ности, например: *die Hundesteuer* – налог на собак; *die Urlaubsbetreuung* – передержка на время отпуска; *Verkehrs- und Haltungsverbot der Hunde* – запреты на содержание и перевозку собак; *die Tierversuche* – опыты над животными; *Einschläferung der Hunde* – усыпление собак; *der Tierschutzbeauftragte* – уполномоченный по защите животных и т. д.

Как мы видим, фрейм «Купнология» очень объемный и охватывает целый комплекс знаний по кинологии и собаководству. Несмотря на то, что невозможно представить все составляющие структурные элементы фрейма, фреймовая схема позволяет получить наглядное представление об организации кинологической терминосистемы, обеспечивающей коммуникацию между специалистами соответствующей области знаний.

При описании особенностей кинологической терминологии мы использовали следующие характеристики терминологической лексики, выделенные Г.Н. Хайбулиной и Ф.Г. Фаткуллиной: исторические, формальные и семантические [3, с. 1480]. К историческим характеристикам терминологии ученые относят ее возраст и происхождение, модель образования и исконность.

Что касается возраста немецкой кинологической терминологии, то стоит отметить, что ее формирование тесно связано со становлением и развитием соответствующей отрасли науки. Проанализировав историю развития кинологии в Германии, мы выделили четыре основных этапа формирования кинологической терминосистемы.

На первом этапе развития кинологической терминологии (до XVIII века), когда велся бессознательный отбор собак с более подходящими качествами для тех или иных целей использования (охрана стада, ведение охоты, выведение собак со сторожевыми и бойцовскими качествами) возникла общеупотребительная лексика, номинирующая базовые понятия, например: *der Hund* – собака; *der Rüde* – кобель; *der Welp* – щенок; *der Jagdhund* – охотничья собака, *bellen* – лаять, *der Wachhund* – сторожевая собака; *der Hirtenhund* – пастушья собака и т. д.

Второй этап развития кинологической терминологии связан с зарождением кинологии как науки (середина XVIII – конец XIX века). Отбор необходимых качеств у собак начинает носить методический характер строго по заранее сформулированным требованиям к породам. На данном этапе появляются термины, описывающая селекционную работу собаководов: *das Zuchtbuch* – племенная книга; *die Ahnentafel* – родословная; *der Zuchthund*, *das Zuchtthier* – животное-производитель; *das System der Hundekreuzungen* – системы скрещивания собак и т. д.

Третий этап характеризуется формированием основного массива терминологии по киноло-

гии и собаководству (конец XIX века – 40-е годы XX века). Конец XIX века ознаменован расцветом собаководства как в Германии, так и в Европе в целом. Были сделаны первые шаги к самоорганизации, начинают проводиться первые выставки собак с целью централизованного контроля качества пород [5, с. 5–8]. Вместе с появлением первых кинологических организаций в Германии появилась и соответствующая лексика, описывающая их деятельность, например: *Ausstellungen von Rassenhunden* – выставки породистых собак; *der Rassenhundezuchtverein* – общество по разведению породистых собак; *das Zuchtbuchamt* – ведомство по ведению племенных книг; *der zuchtbuchführende Verein* – общество, ведущее племенную книгу и др.

Современный этап развития немецкой кинологической терминологии (с 40-х годов XX века до настоящего времени) характеризуется появлением множества англо-американских заимствований, что связано с активной деятельностью международных организаций, а также с возрастанием роли английского языка как языка-посредника в профессиональной коммуникации кинологов и собаководов из разных стран.

Такой исторический показатель, как «исконность» лексики, определяется источником становления терминологической системы, которая может формироваться как из материала немецкого языка, так и заимствовать уже готовые термины из других языков. В зависимости от языка-источника в кинологическом подязыке можно выделить исконные, заимствованные и гибридные термины.

Как показал анализ, большинство заимствований имеет латино-греческое происхождение и представляет собой общенаучные термины, используемые в биологии, зоопсихологии и ветеринарной медицине. В ходе исторического становления кинологическая лексика пополнилась терминами и из других европейских языков, например: *faire curée* (из франц., охот.) – бросить собакам часть добычи; *Heelwork to Music* (из англ.) – вид спорта с собаками, музыкальный фристайл; *Field Trial* (из англ.) – полевые испытания (охотничьих) собак; *Toy* (из англ.) – общее обозначение низкорослых пород собак, с английского дословно переводится как «игрушка».

Гибридные термины в кинологической терминосистеме представлены смешанными заимствованиями, сочетающими в себе иноязычные и исконные морфемы. Так, например, термин «*die Parforcejagd*» происходит от французского выражения «*par force*» («силой, насильно») и немецкого слова «*die Jagd*» («охота»), переводится на русский язык как «парфорсная охота» или «охота на лошадях с собаками»; термин «*die Milieuscheue*» (от франц. *Milieu* «окружающая среда» и немец. *die Scheu* – «боязнь») обозначает фобии собак,

связанные с восприятием внешнего мира (боязнь фейерверков, выстрелов, ударов молнии и грома).

Рассмотрим следующую характеристику кинологической терминологии, ее «происхождение», которое определяется способами образования терминов. При исследовании структурных особенностей кинологической терминологии в немецком языке мы опирались на классификацию Л.Б. Ткачевой, подразделяющей термины на простые и сложные, терминологические сочетания и сокращения [1, с. 3–14].

В качестве особенностей терминообразования в кинологическом подъязыке можно отметить преобладание многокомпонентных терминов. Мы насчитали 1395 сложных терминов, что составило 45 % выборки, например: *das Beute|fang|spiel* – игра с собакой на ловлю добычи; *der Wach|hunde|posten* – пост караульной собаки; *der Dienst|hunde|führer* – проводник служебной собаки; *das Korallen|hals|band* – парфос (ошейник с шипами на внутренней поверхности, употребляется при дрессировке животных). На данных примерах мы видим, что сложные термины обладают экономной и семантически емкой структурой. Именно по этой причине словосложение стало наиболее продуктивным словообразовательным средством в кинологической терминосистеме.

Следующим по продуктивности стал морфологический способ образования кинологических терминов (651 термина, 21 % терминологических единиц), особенностью которого является создание слова на базе одной или нескольких производящих основ с помощью словообразовательных аффиксов. В кинологической терминосистеме распространены такие способы морфологического терминообразования, как префиксальный (*das Abzeichen* – отметина на шкуре собаки; *das Geläut* – лай собачьей своры на охоте; *ableinen* – отпустить с поводка), суффиксальный (*die Läufigkeit* – течка) и префиксально-суффиксальный (*die Befederung* – «бахрома», длинная шерсть на ушах, лапах, хвосте и груди у собаки).

Терминологические сочетания занимают третье место по продуктивности терминообразования.

К данной группе мы отнесли 620 синтаксических конструкций, что составило 20 % общей выборки, например: *Vegetative Phase* – вегетативная фаза (первые недели жизни щенка); *einfache Zucht* – простое разведение (нормативы сданы только у одного из родителей); *Anwartschaft für den Nationalen Champion* – кандидат в национальные чемпионы.

Принцип экономии речевых усилий в кинологической терминосистеме, богатой многокомпонентными терминологическими сочетаниями, реализовался в появлении большого количества аббревиатур. К этой группе относится 372 сокращения, что составило 12 % общего объема терминологических единиц, например: *FCI* (*Die Federation Cynologique Internationale*) – международная кинологическая федерация; *VDH* (*Der Verband für das Deutsche Hundewesen*) – немецкий союз собаководов; *DVG* (*Deutscher Verband der Gebrauchshundsportvereine*) – немецкая кинологическая организация служебного и спортивного собаководства. Большое количество сокращений встречается в родословных для обозначения приобретенных собакой титулов и сданных нормативов, например: *BJS* (*Bundesjugendsieger*) – юный чемпион страны; *SchwHK* (*Schweisshundprüfung auf künstlicher Wundfährte bestanden*) – сдано испытание по искусственному кровавому следу.

Выделенная нами группа **простых однокорневых** терминов представлена 62 единицами (2 %), например: *der Wurf* – новорожденный щенок; *der Brand* – подпалина (светлая отметина на темной шерсти); *der Fang* – морда собаки; *der Lauf* – лапа собаки.

Специфика образования кинологической терминологии в немецком языке отражена в приведенной ниже диаграмме (рис. 2).

К семантическим характеристикам терминологической лексики ученые относят ее предметную отнесенность, полноту, структурированность, категориальное соотношение [3, с. 1481].

Рассмотрим такой параметр, как предметная отнесенность. В зависимости от сферы употребления немецкую кинологическую лексику можно распределить по следующим группам:

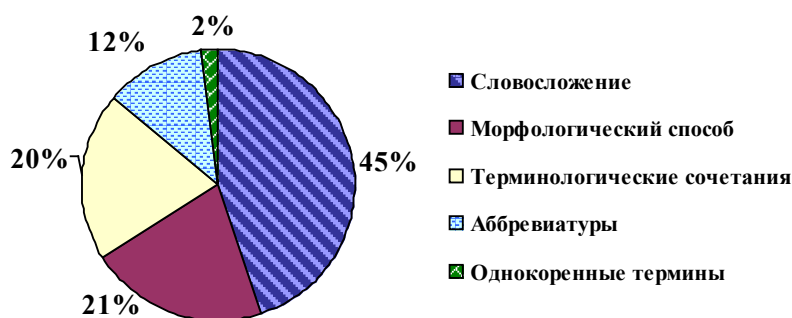

Рис. 2. Модели образования кинологической терминологии

1. Нетерминологическая лексика, представленная словами общелитературного языка с отвлеченным и обобщенным значением.

2. Общенаучная лексика, которая встречается в научных текстах других областей знаний, например: *die Entwicklungsphasen, das Nervenkostüm, der Charakter, die Empfindlichkeit, der Rassestandard*.

3. Собственно терминологическая лексика или узкоспециальная терминология, сформировавшаяся в процессе профессионального общения собаководов, например: *der Hundezüchter* – собаковод, заводчик, собаковод; *Schweißhund* – легавая собака; *der Hatz* – слово из охотничьего лексикона, обозначает запрещенный на сегодня вид псовой охоты, когда на большого зверя (кабана или медведя) натравливалась свора собак; *der Behang* – длинные уши у охотничьей собаки.

К этой группе относятся также: 1) профессионализмы, например: *Welpi* – дублет термина *Welpen*, *ein Goldi или Labimix* – дублиеты термина *Golden Retriever Mix*; *changieren = Spur wechseln* – сбиться со следа, пойти по другому, более свежему следу; 2) жаргонизмы, имеющие эмоциональную окраску, например: *der Kläffer* – эмоционально окрашенное слово, выражает неодобрительное отношение к собаке, которая постоянно лает, соответствует русским выражениям «пустолайка» и «брехливая собака»; *die Teppichratte* – дословно переводится как «ковровая крыса», передает пренебрежительное отношение к собаке; *der Streuner* – (часто неодобрит.) бездомная собака, бродячая собака и т. д.

Таким образом, проанализированная нами терминосистема обладает своими специфическими

особенностями и четкой структурой. Кинологическая терминология представляет собой сложную систему специальных терминов, становление которой было обусловлено экстралингвистическими факторами: ее формирование проходило в процессе профессиональной и научной деятельности специалистов-кинологов и собаководов, а также в условиях неофициального общения.

Библиографический список

1. Качёва Л.Б. Экстралингвистическая обусловленность лингвистических процессов в терминологии // Отраслевая терминология и её экстралингвистическая обусловленность. – Воронеж: ВГУ, 1986. – С. 3–14.

2. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 24–25.

3. Хайбулина Г.Н., Фаткуллина Ф.Г. Основные направления изучения терминологической лексики // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 3 (I). – С. 1479–1482.

4. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

5. Chronik des deutschen Hundewesens: Eckdaten zur Geschichte der VDH / Verband für das Deutsche Hundewesen e.V. – Paderborn: Bonifatius GmbH, 2006. – 20 s.

6. Wippermann W., Berentzen D. Die Deutschen und ihre Hunde.: Ein Sonderweg der deutschen Mentalitätsgeschichte. – München: Siedler, 1999. – 190 s.

УСИЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ КАК СРЕДСТВО МАРКИРОВАНИЯ ТЕМЫ
В ИСПАНСКОМ И РУССКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Настоящая статья посвящена проблемам коммуникативного (актуального) синтаксиса, который занимается исследованием языковых механизмов, обеспечивающих функционирование предложения в речи. Коммуникативное членение распределяет синтаксические компоненты в зависимости от степени их информативности, то есть между составом темы, представляющей собой нечто данное (известное), и составом ремы, представляющей собой нечто новое (неизвестное) и заключающей, следовательно, актуальную информацию. Несмотря на неослабевающий интерес лингвистов к проблематике актуального членения предложения, недостаточно разработанным до сих пор остается вопрос о специфике функционирования средств выражения тема-рематического членения предложения, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Анализ предложений на материале испанского и русского языков показывает, что наиболее важными функциями усилительных частиц является выделение темы в предложении, поскольку данные лексемы служат одним из коммуникативных средств выражения актуального членения предложения.

Ключевые слова: актуальное (коммуникативное) членение, коммуникативная структура, коммуникативная функция, тема, усилительные частицы.

Построение предложения в соответствии с коммуникативной перспективой относится к числу ключевых вопросов коммуникативного синтаксиса, занимающегося, как известно, исследованием языковых механизмов, обеспечивающих функционирование предложения в речи. По общему признанию ученых-лингвистов, коммуникативное членение является неотъемлемым аспектом любого высказывания, предопределяющим не только его смысловую, но и формальную организацию [1–2; 4–7; 9; 11; 15–16 и др.]. Выражая коммуникативное намерение говорящего (пишущего), его субъективное отношение к явлениям реального мира, актуальное (коммуникативное) членение выделяет в предложении основные смысловые части, различные по степени информативности, – тему (нечто данное) и рему (новое, ради чего и строится данное высказывание). Устанавливая тема-рематические отношения между составными компонентами предложения, коммуникативное членение, таким образом, определяет в конечном итоге основное содержание предложения.

Выявление закономерностей построения предложения в соответствии с коммуникативным членением и изучение формальных средств выражения тема-рематического членения относится к числу важнейших проблем коммуникативного синтаксиса как в общем, так и в частном языкознании, которая всегда привлекала внимание лингвистов [2; 4; 5–6; 8; 15 и др.].

Как отмечают лингвисты, в системе универсальных средств выражения тема-рематического членения, таких как порядок слов, специальные выделительные синтаксические конструкции, артикль, интонация, фразовое ударение, частицы относятся к числу лексических единиц, отличающихся ярко выраженной коммуникативной направленностью [2; 4; 6; 8; 10]. Без частиц трудно представить себе любую речь, и данные лексические

единицы являются сложным для анализа объектом лингвистического исследования. Как отмечает Т.М. Николаева, частицы обладают способностью передавать самые разнообразные коммуникативные характеристики сообщения: они могут быть акцентирующими, выделительными, экспрессивными [8, с. 3–7].

По мнению Е.А. Стародумовой, акцентирующая функция частиц заключается в их способности выделять определенный компонент с целью сосредоточить внимание на той реалии, которую он обозначает [12].

По мнению ряда исследователей, частицы, присоединяясь к рематическому компоненту и выделяя его, приобретают функцию рематизации [2; 4; 8; 13 и др.]. Таким образом, считается общепризнанным, что частицы являются вербальными средствами выражения актуализации и, согласно теории коммуникативного (актуального) членения предложения, основное смысловое содержание высказывания концентрируется в реме.

Также существуют иные точки зрения, согласно которым частицы способны маркировать и тему в предложении. Так, например, И.И. Ковтунова полагает, что дополнительным средством выражения актуального членения служат «специальные слова и частицы, выделяющие или подчеркивающие тему или рему». Как отмечает исследователь, в русском языке тема обычно выделяется частицами *а* или *же*, а рему выделяют частицы *только*, *лишь* и др. [5, с. 11].

В своих исследованиях И.П. Распопов также подчеркивает, что в ряде случаев частицы могут указывать и на характер связи данного предложения с контекстом. В зависимости от этой связи акцентированный член предложения может обозначать как рему, так и тему высказывания [10, с. 166–167].

М.Г. Щур выделяет еще одну функцию частиц – функцию выражения контрастивности. На основе

анализа высказываний с частицей *только* исследователь приходит к выводу о том, что функция данной частицы не ограничивается лишь ролью актуализатора [14, с. 74].

Т.Е. Янко высказывает мысль о том, что некоторые частицы могут выступать не только в качестве сигнализаторов ремы, но и в качестве показателей темы [15, с. 54].

Как отмечает Н.В. Доброва, если в русском языке для выражения актуального членения предложения частицы выступают как дополнительное средство актуализации, то в чувашском языке наряду с порядком слов они являются основными средствами, выделяющими коммуникативные компоненты, то есть тему и рему, предложения [3, с. 58].

По мнению А.Е. Купцова, частицы, как средство выражения коммуникативного членения предложения в испанском художественном дискурсе, способны актуализировать тему в предложении [7, с. 384–385].

Таким образом, частицы выделяют тему в предложении в результате определенной коммуникативной стратегии говорящего, когда данные лексемы могут акцентировать внимание адресата на том, что уже известно из ситуации. Вопрос об отнесении частиц к составу темы или к составу ремы, в силу их способности выполнять обе функции, является в современном языкознании одним из спорных вопросов.

Вместе с тем данная проблема и, в частности, многие вопросы, связанные с формальным выражением актуального (коммуникативного) членения, не получили еще достаточного освещения на материале различных языков в сопоставительном плане. Также требуется дальнейшее изучение в аспекте теории актуального членения предложения вопроса об особенностях функционирования испанских и русских усилительных частиц, которые занимают особое место в системе средств выражения коммуникативного членения предложения.

Целью настоящей работы является изучение особенностей функционирования испанских усилительных частиц *así que*, *mismo*, *pues* и русских усилительных частиц *же*, *-то*, *уж* в коммуникативной структуре предложения. Материалом для исследования послужили оригинальные произведения XX–XXI веков латиноамериканских и русских писателей.

В ходе исследования было установлено, что рассматриваемые частицы не только выделяют и усиливают значение отдельного слова и словосочетания, но достаточно часто используются авторами как маркеры темы в предложении: сопровождая тот или иной синтаксический компонент, они служат коммуникативно однозначными показателями его тематического характера.

Как показал анализ конкретного языкового материала, испанские усилительные частицы *así que*,

mismo, *pues* достаточно часто служат средством тематизации подлежащего, находящегося в начальной позиции, являясь тем самым дополнительным (помимо порядка слов) показателем его тематического характера. Ср.:

Así que su cuello quedaba al aire, un cuello moreno y largo (M.V. Llosa); *Así que el diplomático fue el primero a quien se dirigió para saludarlo* (G.G. Márquez); *El mismo doctor Urbino lo suponía por razones médicas bien fundadas* (G.G. Márquez); *El mismo cochero la creyera una medicina de urgencia* (G. G. Márquez); *Pues la casa estaba enrarecida por el vapor de tantas flores en el calor insoportable* (G.G. Márquez); *Pues Jeremiah de Saint Amour jugaba todas las tardes de la semana* (G. G. Márquez).

Проанализированный материал свидетельствует о том, что русские усилительные частицы *-то*, *же*, *уж* также достаточно часто выделяют тему-подлежащее в предложении. Ср.:

Или уж она сама не может без этого? (В.Г. Распутин); *Уж он-то меня не пощадит* (Б.Л. Васильев); *Он-то ведь искренне считал – можно нравы изменить, так сказать, напрямую* (В.Ф. Тендряков); *Она же сказала Ему в ответ: так, Господи; но и псы под столом едят крохи у детей* (В.Ф. Тендряков).

Исследование позволило выявить, что в испанском и русском языках усилительные частицы сопровождают достаточно часто дополнение, выполняющее функцию темы в предложении. Ср.:

Pues para mí es la noticia mas dichosa y mejor de cuantas pueden oirse (M.V. Llosa); *Pues de los mismos bienes había que pagar varias deudas pendientes, grandes y pequeñas* (G.G. Márquez); *Раз уж дедка привезли, без этого не обойдешься* (Ю.О. Домбровский); *С той же силой, с какой любила* (В.Ф. Тендряков).

Анализ фактического материала показал, что обстоятельство-тема, выделенное частицами *pues*, *mismo* в испанском языке и частицы *-то*, *же*, *уж* в русском языке занимают преимущественно начальную или срединную позицию в предложении. Ср.:

Pues de ahora en adelante viviras en mi casa en calidad de segunda esposa (M.V. Llosa); *Al mismo tiempo, una pandilla de niños que nadaban como tiburones pedían a los curiosos que les echaran monedas* (G.G. Márquez); *Ese mismo día comenzó la guerra invisible* (M.V. Llosa);

Но теперь-то они уже близко, вот-вот будут здесь (В.Г. Распутин); *Отчего я его сегодня уж вспоминал?* (Ю.О. Домбровский); *Сегодня же ему хотелось подольше побыть здесь* (Ч.Т. Айтматов).

В ходе исследования нами не было выявлено ни одного примера с испанской частицей *así que* при обстоятельстве времени.

В то же время усилительные частицы в испанском языке *así que*, *mismo*, *pues* и усилительные

частицы *-то, же, уж* в русском языке выделяют тему, выраженную обстоятельством места. Ср.:

Así que en la oficina ahora somos sólo cinco (M. Benedetti); *Al mismo tiempo, una pandilla de niños que nadaban como tiburones pedían a los curiosos que les echaran monedas* (G.G. Márquez); *A los cinco años había dicho lo mismo en la mesa, y su padre la obligó a comerse completa la cazuela prevista* (G.G. Márquez); *Pues en lugar de quince tienen apenas ocho minutos para lavarse* (M.V. Llosa);

Правда, где-то в низовьях двоих поймали, когда их везли в район (В.Г. Распутин); *И вот тут-то случилась странная история* (Ч.Т. Айтматов); *Сын оглянулся, мать вскрикнула от радости, но тут же поняла* (Ч.Т. Айтматов); *Тут уж женщинам надо отдать должное* (Ч.Т. Айтматов).

Итак, как свидетельствует проведенный анализ фактического материала, усилительные частицы *así que, mismo, pues* в испанском языке и усилительные частицы *же, -то, уж* в русском языке являются показателями темы в высказывании, выделяя подлежащее, дополнение или обстоятельство. Данные частицы играют важную роль в коммуникативно-синтаксической организации высказывания в художественном дискурсе. Являясь продуктивными коммуникативно ориентированными средствами маркирования темы, усилительные частицы в испанском и русском языках позволяют с наибольшей точностью определить состав темы и состав ремы высказывания, а следовательно, правильно понять его смысл.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – 864 с.
3. Доброва Н.В. Частицы и их аналоги в коммуникативной структуре чувашского предложения: автореф. дис. ... канд. наук. – Чебоксары, 2001. – 21 с.
4. Егорова О.С. Коммуникативно-функциональная типология высказывания в современном французском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1999. – 263 с.
5. Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
6. Купцов А.Е. Роль частиц в логико-коммуникативной организации предложения (на материале испанского языка) // Ярославский педагогический вестник: научный журнал. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – Т. 1: Гуманитарные науки. – № 3. – С. 194–197.
7. Купцов А.Е. Лексические средства выделения темы в предложении (на материале испанского языка) // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 383–385.
8. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 168 с.
9. Олтиев Т.Ж. Коммуникативная функция субъективно-модальных частиц в современном испанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 22 с.
10. Распопов И.П. Актуальное членение предложения (на материале простого повествования преимущественно в монологической речи). – М.: Либроком, 2009. – 168 с.
11. Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. – М.: УРСС, 2007. – 165 с.
12. Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1974. – 24 с.
13. Филиппова Т.Н. Формально-семантический и прагматический аспекты функционирования рестриктивных высказываний: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1996. – 24 с.
14. Шур М.Г. Коммуникативная организация высказываний с частицей «только» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1988. – № 1. – С. 72–76.
15. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 382 с.
16. Gutiérrez-Rexach J. Enciclopedia de Lingüística Hispánica. Vol. 1. – Editorial: Routledge, 2016. – 869 p.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ АРМЕЙСКОГО СОЦИУМА США

Статья посвящена исследованию образности фразеологических единиц в языковой картине мира представителей американской военной субкультуры. Анализ фразеологизмов выявил наличие образов, способствующих созданию положительного облика представителя армейского социума США, являющегося составной частью национальной культуры, которая характеризуется спектром особых символов, кодов, стереотипов, с помощью которых происходит номинация объектов окружающей действительности и складывается понимание человеком внутреннего и внешнего мира. В статье отмечается, что образные системы, лежащие в основе военных фразеологизмов, позволяют рассмотреть особенности языковой картины мира военнослужащих, выявить морально-нравственные установки и ценности, изучить проявления этнического менталитета, отображенные в семантике фразеологических единиц. Исследование демонстрирует, что образ военнослужащего, репрезентируемый фразеологическими единицами национального языка, представляет собой личностную модель, устанавливающую морально-нравственные ориентиры как военнослужащих в рамках субкультуры, так и культуры членов англоязычных этносов. Автор приходит к выводу, что свойственные представителю американского армейского социума патриотизм, верность стране, Конституции и моральным принципам, твердость духа, решительность и готовность к самопожертвованию формируют положительный образ военнослужащего, реконструируемый в сознании общества за счет обобщения положительных качеств, свойственных члену военной субкультуры, и включающий определенные поведенческие и ценностные стереотипные представления.

Ключевые слова: фразеологическая единица, военная субкультура, армейский социум, языковая картина мира, образ, стереотип, лингвокультурный типаж.

В национальной фразеологии как особом фрагменте языковой картины мира отражаются особенности развития культуры этноса, специфика восприятия носителями языка явлений и предметов окружающего мира. Фразеологический состав свидетельствует об уникальности склада мышления народа с позиции понимания и принятия действительности в соответствии с нравственными и ценностными установками каждого отдельного представителя этнической общности [5, с. 256].

Фразеологизмы способствуют формированию мировосприятия народа, в их внутренней форме закреплены специфические образы, непосредственно связанные с духовной и материальной культурой этноса [10, с. 215]. Под внутренней формой условимся понимать образное основание фразеологизма, служащее для наименования предмета или явления окружающей действительности, выступающее в качестве носителя национально-культурной информации, которое закодировано в семантической структуре устойчивого словосочетания [1, с. 25–31].

Специфика внутренней образности, смыслов, заложенных в фразеологическую единицу, определяются особенностями менталитета представителей этноса и обуславливаются характером развития культуры [6, с. 232].

В контексте данного исследования нас интересуют образы, заложенные в семантику фразеологических единиц военной тематики. Военная субкультура, представляющая собой составную часть национальной культуры, отличается спектром особых образов, символов, кодов, стереотипов, с по-

мощью которых происходит номинация объектов окружающей действительности и складывается понимание человеком внутреннего и внешнего мира. Ниже мы попытаемся рассмотреть фразеологические единицы военной тематики, способствующие созданию положительного образа представителя субкультуры армейского социума США.

Отталкиваясь от положений антропоцентрической парадигмы, доминирующей в современной лингвистике, мы ставим в центр внимания нашего исследования образ человека. Человек, занимающий центральное место в языковой картине мира, выступает ключевым звеном в системе взаимоотношений языка, культуры и индивида. Интерес ученых вызывает личность человека, то есть конкретный индивид как носитель языка и сознания, имеющий сложный внутренний мир и собственное отношение к предметам и явлениям, другим людям, судьбе [8, с. 114]. Формирование мировосприятия отдельного человека и языкового коллектива происходит, в частности, с помощью фразеологизмов, раскрытие образности которых позволяет проникнуть в сознание индивида, определить его духовно-нравственные ориентиры, систему ценностей и антиценностей.

В языковой картине мира понятие «образ человека» состоит как из общих представлений, характерных для всех лингвокультурных сообществ, так и из особых, свойственных членам определенных этносов. Образ человека в языковой картине мира – это комплекс знаний человека о человеке, объективированных общим строем семантических единиц и правил языка [9, с. 8]. Изучение образа человека в лингвокультурологическом аспекте предполагает

рассмотрение личностных типов, оказывающих наибольшее влияние на особенности поведения представителей определенной культуры. Данные социокультурные типы выступают в качестве моделей поведения для членов этнической общности, объектами подражания или противопоставления и именуются лингвокультурными типажам, под которыми понимаются «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [2, с. 8]. Интересующий нас в рамках данного исследования лингвокультурный типаж представителя американского (США) военного социума имеет ряд отличительных особенностей, продиктованных специфическим характером военной службы, традиций и ритуалов, бытующих в вооруженных силах.

Следует отметить, что культура и входящие в ее состав идеалы, морально-нравственные ориентиры, обычаи составляют комплекс социальных норм поведения представителя этноса, типизирующих его личность [4, с. 31]. Образ представителя американского (США) армейского социума, репрезентируемый фразеологическими единицами национального языка, определяет характер поведения и действий человека, олицетворяет личностную модель, которая устанавливает морально-нравственные ориентиры как военнослужащих в рамках военной субкультуры, так и всех членов этнических общностей англоязычных стран.

Представителя американской военной субкультуры как социально ответственную личность отличает патриотизм, верность стране, своему народу и принципам, мужественность и решительность в выполнении повседневных обязанностей, наличие моральных установок и готовность к самопожертвованию, что в совокупности формирует положительный образ военнослужащего в сознании общества.

Доказательством данному факту служит широкоизвестный в американской культуре акроним LDRSHIP, представляющий собой семь основных ценностей вооруженных сил США, изучение которых входит в обязательную программу курса общевоинской подготовки военнослужащих (Basic Combat Training). Рядовой, сержантский и офицерский состав наизусть воспроизводят постулаты, служащие образцом поведения человека, принявшего решение связать свою жизнь со службой отечеству, – Loyalty (верность), Duty (долг), Respect (уважение), Selfless Service (самоотверженность), Honor (честь), Integrity (порядочность), Personal Courage (мужество) [14].

Американские военнослужащие обязаны жить в соответствии с семью принципами, признающимися «душой» вооруженных сил и составляющими основу профессионализма членов армейского социума и характера всей нации [11, с. 28]. Солдат,

сержант или офицер, поведение которого соответствует базовым ценностям военной субкультуры США, таким образом, служит положительным примером, образцом в рамках культурного пространства, содержание которого фиксируется языковыми символами, что находит отражение в английском языке, в частности в его фразеологическом составе.

Первый постулат образцового американского солдата *Loyalty* предполагает служение отечеству верой и правдой, преданность конституции, вооруженным силам, своему подразделению и боевым товарищам. Вступая в ряды вооруженных сил США, военнослужащий произносит клятву, которая становится для него в дальнейшем нравственным ориентиром в верном исполнении долга перед отечеством: «*I do solemnly swear that I will support and defend the Constitution of the United States against all enemies, foreign and domestic; that I will bear true faith and allegiance to the same...*» (Я торжественно клянусь поддерживать и защищать Конституцию США от всех врагов, зарубежных или внутренних, относиться к ней с верой и преданностью...) [15].

Примерами, иллюстрирующими верность стране и традициям войскового товарищества, приписываемую образу военнослужащего, служат фразеологизмы: *fling (throw) oneself into the breach* – выручить из беды, прийти на помощь; *fight smb.'s battles (for him)* – бороться за чье-либо дело, заступаться за кого-либо; *companion (comrade) in arms* – товарищ по оружию, соратник, боевой товарищ; *brother in arms* – собрат по оружию.

Приведем пример из легендарного кинофильма «Приключения Робин Гуда»: «*I'll organize revolt. Exact a death for a death. And I'll never rest until every Saxon in this shire can stand up and strike a blow for Richard and England. From this night on, I use every means in my power to fight you*» [13]. Герой кинокартины, проявляя решительность и храбрость, настаивает на организации восстания и не собирается останавливаться, пока каждый саксонец не признает короля Ричарда и Англию. Фразеологизм *strike a blow for* означает выступать в защиту кого-либо и апеллирует к таким положительным качествам личности, как мужество и стремление оказать поддержку чьим-либо интересам.

Личность верного отчизне солдата выступает в качестве образца поведения, обобщения положительных качеств, свойственных члену военной субкультуры, и включает определенные поведенческие и ценностные стереотипные представления о типизируемом объекте [3, с. 179–183]. По утверждению У. Липпмана, стереотип представляет собой образец восприятия и интерпретации сведений в процессе распознавания окружающей действительности, в основе которого заложен предшествующий социальный опыт [7, с. 54].

Сила характера военнослужащего проявляется не только в его готовности стойко преодолевать трудности военной службы, но и в умении беспрекословно выполнять свой долг перед родиной, что составляет вторую базовую ценность американского солдата – *Duty*. Стереотипные представления общества о хорошем воине как о решительном, твердом и мужественном человеке находят отражение в фразеологизмах: *show fight* – быть готовым к борьбе, быть воинственно настроенным, не сдаваться; продолжать сопротивление; *carry the day* – выиграть бой, сражение, одержать победу; *hold (keep) the field* – не сдавать позиций, господствовать, преобладать.

Такие качества, как решительность в принятии мер как в мирное, так и военное время, способность своевременно брать на себя ответственность, трудиться для достижения успеха, составляют часть нравственного долга военнослужащего перед родиной и стереотипно приписываются образу героического воина: *give battle* – дать бой, дать отпор; *draw (unsheath) one's sword* – начать войну, взяться за оружие; *fly to arms* – спешно готовиться к войне, браться за оружие.

В цитате из произведения «Of smiling peace» писателя Стефана Гейма «*Wolff saw that the Sergeant had taken charge of the situation*» в сознании человека происходит апелляция к образу сержанта, принявшего на себя командование, то есть ставшего «хозяином положения», сумевшего найти верный выход из сложившейся ситуации.

Третья базовая ценность представителя армейского социума США – *Respect*. Уважение к окружающим является неотъемлемой частью положительного образа военнослужащего, в условиях военной службы проявляющаяся в понимании воином достоинств и ценности каждого отдельного человека, а особенно – подчиненного ему. В английском языке проявление уважительного отношения осуществляется за счет наличия фразеологических единиц, образно репрезентирующих высокие профессиональные качества представителя армейского социума: *an old campaigner* – бывалый воин; *old whale* – морской волк; *able seaman* – подготовленный моряк, морской волк; *hard charger* – опытный, обстрелянный морской пехотинец; *number one* – лучший; *old hand* – опытный солдат; *top dog* – хороший солдат.

Приоритетность благополучия страны, вооруженных сил и своих подчиненных над собственными желаниями и потребностями составляет четвертую ценность военнослужащего США – *Selfless service*. Самоотверженная служба предполагает ответственность каждого рядового, сержанта или офицера за соблюдение интересов нации и армии, что обуславливает отказ от личной выгоды во благо процветания общего дела. Это качество находит отражение в следующих фразеологизмах: *stand to*

one's guns – не сдавать позиций, держаться стойко, твердо, стоять на своем, выдержать характер; *draw fire from smb.* – вызвать огонь на себя; стать мишенью нападок.

Согласно своду правил (с 1955 года обязательного к заучиванию наизусть в вооруженных силах США), каждый военнослужащий, признавая себя гражданином, вставшим на защиту интересов своего государства, объявляет о готовности отдать жизнь за родину («*I am an American, fighting in the forces which guard my country and our way of life. I am prepared to give my life in their defense*» [11, с. 9]).

Образ самоотверженного военнослужащего вызывает в сознании фразеологизм *die in the last ditch* (производные от него *last-ditch defence* и *last-ditch fight*), имеющий значение «сражаться до последнего патрона, стоять насмерть, сражаться до последней капли крови, до последнего издыхания». Фразеологизм подчеркивает стремление выполнить свой долг перед Родиной несмотря ни на что, даже под угрозой смерти, тем самым отстояв свою честь и честь своей страны.

Пятой ценностью представителя армейского социума США является *Honor*. Как утверждал генерал штатов Конфедерации США времен Гражданской войны Томас Джексон по прозвищу Каменная стена (Stonewall), «*What is life without honor? Degradation is worse than death*» (Что есть жизнь без чести? Деградация хуже смерти) [12]. Понятие чести для солдата выступает в роли «морального компаса» и заключается в соблюдении семи армейских ценностей в мирное и военное время согласно однажды данному слову при произнесении военной присяги. К образу верного своим клятвам военнослужащего апеллируют следующие фразеологизмы: *stand fire* – выдерживать критику, устоять перед трудностями; *воен.* выдерживать огонь противника; *bear the brunt of smth.* – нести основную тяжесть чего-либо (*воен.* принять на себя главный удар неприятеля).

Шестой доминантой военной субкультуры выступает *Integrity*. Под порядочностью рядового, сержанта или офицера понимается его стремление всегда поступать в соответствии с правовыми и моральными нормами. Положительному образу военнослужащего свойственна принципиальность в мыслях и действиях. Например, фразеологизм *be shot down in flames*, вызывающий в сознании представление об охваченном огнем предмете, передает состояние унижения, которое военнослужащий испытывает после объявленного ему выговора.

Заключительной, но не менее значимой, ценностью является *Personal courage* – мужественность и решительность военнослужащего при столкновении с опасностью. Образцовый солдат США демонстрирует в бою не только физическую храбрость, преодолевая свои страхи быть раненым или убитым, но и нравственную – твердо следуя

принципам, нормам и обязательствам даже перед лицом опасности. Вышеперечисленные качества послужили фундаментом для возникновения следующих фразеологизмов: *draw the sword and throw away the scabbard* – «обнажить меч и отбросить ножны», приготовиться к самым решительным действиям; *hard boiled* – суровый, решительный; *take by storm* – захватить, завлечь, пленить [этим. воен. взять штурмом]; *fight like a lion* – сражаться как лев; *fight one's battles over again* – постоять за себя, самому справиться с трудностями.

В результате проведенного исследования нами были сформулированы следующие выводы:

1. Изучение фразеологических единиц военной тематики позволяет исследовать особенности языковой картины мира военнослужащих, установить систему морально-этических норм и нравственных приоритетов, определяющих сознание членов воинского коллектива, и выявить основные качества, присущие образу представителя военной субкультуры.

2. Образ военнослужащего, репрезентируемый фразеологическими единицами национального языка, представляет собой личностную модель, устанавливающую морально-нравственные ориентиры как военнослужащих в рамках субкультуры, так и культуры членов англоязычных этносов.

3. Представителя американского армейского социума отличает патриотизм, верность Конституции, нации и принципам, мужественность и решительность, наличие моральных установок и готовность к самопожертвованию, что в совокупности формирует положительный образ военнослужащего в сознании общества.

4. Образ военнослужащего формируется за счет обобщения положительных качеств, свойственных члену военной субкультуры, и включает определенные поведенческие и ценностные стереотипные представления.

Библиографический список

1. Гудков Д.Б. Коды русской культуры: проблемы описания // Мир русского слова. – М.: Наука, 2005. – № 1–2. – С. 25–31.

2. Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с.

3. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

4. Касьянова К. О русском национальном характере. – М: Ин-т нац. модели экономики, 1994. – 367 с.

5. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

6. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

7. Липпман У. Общественное мнение: монография / пер. с англ. Т.В. Барчунова, под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

8. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

9. Одицова М.П. Вместо введения: К теории образа человека в языковой картине мира // Язык. Человек. Картина мира: лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2000. – Ч. 1. – С. 8–11.

10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

11. Gills T. Enlisted soldier's guide. 8th edition. – Stackpole Books, 2017. – 256 p.

12. A–Z Quotes [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.azquotes.com/quote/1312482> (дата обращения: 15.03.17).

13. QuoDB [Электронный ресурс]. – URL: http://www.quodb.com/search/strike%20a%20blow%20for?p=2&titles_per_page=5&phrases_per_title=1 (дата обращения: 18.03.17).

14. US Army [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.army.mil/values/> (дата обращения: 19.03.17).

15. US Army [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.army.mil/values/oath.html> (дата обращения: 15.03.17).

СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЯЗЫКЕ ЭКОНОМИКИ

В статье анализируются интеграционные процессы во французском языке экономики, обусловленные влиянием субъективных экстралингвистических факторов. Интеграция в языке рассматривается как процесс интеракции ментальной и языковой информации, приводящий к созданию нового понятия. С когнитивных позиций появление нового понятия в языке интерпретируется как интеграция двух концептов, в результате которой создается новый концепт. Рождение нового смысла происходит в процессе коммуникации, а импульсом, приводящим к возникновению нового понятия в языке, является расширение или трансформация видения реальности как будущего. Данные процессы определяются в работе как *ситуативная* и *рекуррентная* интеграция. Оба процесса представляют собой объединение языкового творчества и меняющихся ментальных состояний индивида. Проявлениями ситуативной интеграции являются окказиональные интегральные модели, возникающие в определенном контексте; в результате рекуррентной интеграции создаются индивидуальные неонимы, обозначающие новый концепт, значение которого зафиксировано в специальных текстах. Окказиональные модели являются достоянием только своего создателя, индивидуальные неонимы характеризуются повторяемостью и воспроизводимостью. Окказиональные модели не получают широкого распространения и не входят в словарный состав языка, индивидуальные неонимы становятся терминологическими константами.

Ключевые слова: ситуативная интеграция; рекуррентная интеграция, окказиональная интегральная модель; индивидуальный неоним, терминологическая константа.

Антропоцентрический характер современной лингвистики обуславливает изучение языка как системы, отражающей особенности индивидуального, этнического, социального мировосприятия, в центре которого находится языковая личность, являющаяся обобщённым образом носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций на каждом из уровней своей структуры (семантическом, когнитивном и прагматическом) [5, с. 15]. Именно взаимосвязь этих уровней формирует языковую личность и проявляется в её когнитивном профиле и актах коммуникации. Поскольку «речь является инструментом и зеркалом культуры», в ней отражается не только предметный мир, но и сознание, национальный характер, менталитет, определённая система ценностей, моральные установки.

Цель данной статьи – исследование интеграционных процессов, обусловленных субъективными факторами, которые определяют специфику французского языка экономики. Для этого ставятся следующие задачи: 1) уточнение понятия интеграции в языке; 2) анализ субъективных факторов, определяющих и влияющих на интеграционные процессы в языке; 3) результаты данных процессов во французском языке экономики.

Для исследования привлечены единицы языка экономики, которые представлены в научно-популярных текстах экономического содержания в рубрике *Economie* влиятельных изданий, среди которых мы выбрали популярные ежедневные издания, доступные, в том числе, и на интернет-сайтах: *Le Monde*, *Le Figaro*. Когнитивный подход к языку экономики делает очевидным тот факт, что основным объектом анализа должна стать ин-

формация, кодируемая единицами языка, которая рассматривается как «специальное знание, зафиксированное в концептуальном представлении человека и введённое в его языковое сознание» [2, с. 13]. Когнитивные структуры, суммирующие единицы хранения знаний и оперирования ими, отражают языковую картину мира и репрезентируют отношения *язык и человек*, «ибо нет знаний без их носителя, так как не существует картин мира без субъекта» [8, с. 21].

Анализ принципов и механизмов интеграции позволяет показать функции языка в организации знаний о мире и подтвердить, что система знаний человека развивается, модифицируется в процессе его взаимодействия с окружающим миром. По мнению Э. Бенвениста, «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придаёт реальность, свою реальность, которая есть свойство быть, – понятию *Ego – моё Я*» [1, с. 293]. Именно язык помогает человеку ориентироваться как в предметном мире, так и в области сознания, созданной за счёт наличия в ней особой концептуальной системы [7, с. 16]. Ориентирующая функция языка постоянно участвует в развитии человека как языковой личности. Вместе с тем человек как языковая личность и сам проявляет свои креативные начала, он сам творит язык, активно его преобразуя.

Роль субъективного фактора в языке весьма удачно сформулировал испанский филолог Р. Менендес Пидаль: «...несомненно, что язык представляет собой образование, чуждое единоличной воле индивидуума или воле каждого индивидуума, и всё же как мельчайшие, так и крупнейшие изменения, возникающие в языке, всегда зависят и от инициативы одного индивидуума, и от того, какую

поддержку находит эта инициатива у других индивидуумов, которые могут подражать вновь возникшему явлению или модифицировать его в соответствии со своими языковыми привычками или вкусами. Таким образом, мы приходим к признанию того факта, что сам индивидуум способен оказать влияние на язык...» [9, с. 93]. То есть, с одной стороны, язык передаётся людям «в готовом виде» и не допускает никаких изменений по волеизъявлению отдельных носителей языка, но, с другой, отдельные индивидуумы воспринимают и воспроизводят язык по-своему. При этом, используя язык, люди постоянно обновляют и заново воссоздают его, хотя не всегда осознают это впоследствии.

В соответствии с данным постулатом изучение интеграционных процессов в языке, обусловленных субъективными факторами, – это прежде всего обращение к креативности индивидуума, к его способности генерации *нового понятия*. С когнитивных позиций появление нового понятия в языке следует интерпретировать как интеграцию двух концептов, которая приводит к появлению нового концепта. Интеграция (от лат. *integer* – полный, цельный) означает «объединение в целое, в единство каких-либо элементов... в теории систем – состояние взаимосвязи отдельных компонентов системы и процесс, обуславливающий такое состояние» [6, с. 203]). В результате данного процесса происходит «своеобразное наложение языковой и информационной картин мира» [4, с. 9–19]. По мнению В.П. Даниленко, этот процесс в языке возможен благодаря тому, что «единицы, из которых он состоит, находятся во взаимной связи друг с другом» [3, с. 16]. Интеграция, таким образом, проявляется как категория, обладающая акциональной сущностью, порождающей новые смыслы. Исходя из данного определения, *интеграция, представленная в языке*, рассматривается нами как *процесс интеракции ментальной и языковой информации, являющийся результатом креативной деятельности человека, приводящий к созданию нового понятия*.

Создание нового смысла обусловлено познавательной активностью человека в его многообразном взаимодействии с внешним миром. Очевидно, что субъективные факторы определяют индивидуальное восприятие, которое может быть различным для каждого человека в зависимости от его опыта и видения мира. Среди этих факторов можно выделить: необходимость точно выразить мысль, для которой недостаточно узуальных слов; стремление кратко выразить мысль; потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку; стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику; потребность избежать тавтологии. Создание нового смысла происходит в процессе коммуникации, а импульсом, приводящим к возникновению

нового понятия в языке, является расширение или трансформация видения реальности как будущего. Данные процессы определяются в работе как *ситуативная и рекуррентная интеграция*.

Ситуативная интеграция характеризуется как *процесс объединения языкового творчества и меняющихся ментальных состояний индивида исключительно в условиях данного контекста*. Результатом контекстуальной интеграции являются *окказиональные интегральные модели* (от лат. *occasionalis* – случайный, созданный по случаю), которые существуют только в индивидуальной компетенции автора. Главный дифференцирующий признак интегральных окказиональных моделей – функциональная одноразовость, которая обусловлена специфическим индивидуальным авторством. Возникновение данной модели определено субъективными ассоциациями, которые создают своего рода эмоциональный ореол вокруг модели, определяя ее восприятие реципиентом. Эти ассоциации возникают независимо от собственной семантики модели и от экспрессивно-стилистической значимости, присущей ей в общенациональном языке. Индивидуально-эмоционально окрашенное восприятие данной модели может быть обусловлено теми контекстами, в которых она встретилась говорящему, ролью обозначаемых предметов и событий в его жизни, случайными звуковыми сближениями и т. д.

Намеренное разрушение автором границ между понятиями является хорошо просчитанным когнитивным актом, позволяющим передать всю глубину мысли, не прибегая к каким-либо другим выразительным средствам. Степень окказиональности может варьироваться в диапазоне, крайние точки которого – от незначительного отклонения от нормы, когда новая номинация легко понимается адресатом благодаря соблюденным закономерностям словообразования, до значительного отклонения от нормы, когда автор в рамках конвенциональной модели произвольно сопоставляет «конфликтующие» между собой компоненты, и в результате возникает необычный, иногда парадоксальный авторский неологизм, яркая иллюстрация лингвокреативного потенциала словообразования, реализуемого в дискурсе. Проиллюстрируем данное положение на следующем примере:

(1) Cette surprise a provoqué son lot de commentaires catastrophistes. Nombre d'intervenants relevaient combien la crédibilité de la BNS leur semblait entamée, l'institution ayant encore réaffirmé le mois dernier son engagement à arrimer le franc suisse à l'euro. Un de ses vice-présidents en avait même encore parlé lundi dernier. Les réseaux sociaux parlent eux déjà de «*Francogeddon*» [17].

В (1) примере окказиональная интегральная модель *Francogeddon*, созданная автором статьи, объективирует информацию о биржевом кризисе

се, связанном с повышением курса швейцарского франка. Данная модель образована по словообразовательному типу (телескопия) от *franc* (швейцарская монета) + (*Arma*)*geddon* (последняя битва между добром и злом), она транслирует субъективное мнение журналиста об этом кризисе как о решающей борьбе за швейцарский франк.

Конвенциональный способ образования окказиональных моделей, основанный на принципе композиционности и принципе интегративности, в той или иной степени намеренно нарушается автором номинации в соответствии с его интенцией. Созданная модель обеспечивает взаимодействие, слияние членов композиции в новую целостность, которая опирается на структурные и смысловые свойства языковой единицы, для восприятия которой необходим этап инференции, домысливания, основанного на знании ситуации. Интегративность данной модели позволяет совмещать два простых концепта, «переплавляя» их в новое содержательное единство. Намеренное нарушение внутренней валентности расширяет границы возможного диапазона проявления эвристичности, способствуя возникновению в дискурсе нестандартной единицы, привлекающей к себе внимание и эффективно помогающей автору достичь поставленной им коммуникативной цели. Рассмотрим пример:

(2) On parle déjà d'un tandem «*Camerkel*» [*Cameron-Merkel*] qui est en train de s'installer et qui va donc remplacer *Merkozy*. Comment Hollande a-t-il perdu l'alliance avec l'Allemagne ? [18].

Во (2) примере окказиональные модели *Merkozy*, *Camerkel* являются яркой характеристикой изменения политических и экономических отношений в Европе: союз между Францией и Германией – *Merkozy* (*Merkel* + *Sarkozy*) уступает место союзу между Великобританией и Германией *Camerkel* (*Cameron* + *Merkel*). Использование интегральных моделей в данном контексте выражает отношение автора статьи к факту данного сотрудничества, в котором Франция играет уже второстепенную роль.

Анализ исследуемого материала показал, что во французских экономических текстах окказиональные интегральные модели проявляются:

1. Как единицы, сформированные морфологическим способом:

аффиксация: *fidélisation* (*fidèle* + *-isation*), *imprivatisable* (*privatiser* + *im-* + *-able*) (термин министра промышленности Франции Кристиана Эстрози), *inénergivable* (*énerver* + *in-* + *able*) (термин экс-премьер-министра Франсуа Фийона), *économisme* (*économie* + *-isme*), *économicisme* (*économie* + *-icisme* = *la pauvreté*), *décarbonisation de l'économie* (*dé-* + *carbonisation*), *déclinisme* (*déclin* + *-isme*);

сложение: *l'écodouble* (*écologie* + *double économie*), *l'éco-consommation* (*écologie* +

consommation), *la consom'action* (*consommation* + *action*), *maleuro* (игра слов – *malheureux* + *euro*);

контаминация: *distrimercatique* (*mercatique* + *distribution*), *bravitude* (*bravoure* + *fortitude* – термин Сеголен Руаяль, 2007), *méprisance* (*mépris* + *suffisance* – термин Николя Саркози, 2012), *rilance* (*rigueur* + *relance* – термин Кристин Лагард) и т. д.

Наблюдается образование окказионализмов морфологическим способом от имён собственных, например: *merkeler* (*Merkel* + *-er* – ‘бездействовать’, *poutinisation* (*Poutine* + *-isation* – ‘путинизация’):

(3) Les Allemands de l'hémicycle se sont fait tout particulièrement discrets, à commencer par Martin Schulz, le président du Parlement, dont les critiques sur la «*poutinisation*» de la Pologne, il y a quelques semaines, avaient fait bondir à Varsovie [19].

В (3) примере окказионализм председателя Европарламента Мартина Шульца *poutinisation* выражает негативное отношение автора к процессу в Польше, под которым подразумевается «опасная политика управляемой демократии в стиле Владимира Путина».

Характерна ограниченность возможностей образования окказионализмов от имён собственных, что связано с определёнными социолингвистическими «запретами», накладываемыми на жизнеспособность этих слов той узкой языковой сферой, где они употребляются. Тем не менее образование единиц от имён собственных, характеризующих то или иное явление, нередко во французском языке, например: *raffarinades* > *Jean-Pierre Raffarin*, *ségolénades* > *Ségolène Royal*, *sarkonneries* > *Nicolas Sarkozy*, *chiraquismes* > *Jacques Chirac*, *bushismes* > *George Bush*, *bayrouisme* > *Bayrou*; *forrestérisme* (> *Viviane Forrester* + *-isme*) – доктрина французской писательницы Вивиан Форрестье, противницы глобализации.

2. Как единицы, семантически переосмысленные (расширение или сужение значения, метафора, метонимия): *l'explosion de la bulle immobilière*, *la surchauffe du marché immobilier*, *le vent de panique* и т. д. Ж.-Ф. Саблеролль называет эти единицы «néologismes “polylexicaux”» (‘полилексические неологизмы’) [16, с. 19–36]:

(4) C'est un de ces lotissements fantômes hérités de *l'explosion de la bulle immobilière* de 2008, comme il y en a tant en Espagne. ...Au début de la crise, le promoteur a fait faillite et son projet immobilier a été jugé illégal. Un classique de *l'Espagne post-bulle*, qui compte encore 340 000 logements neufs vides [20].

В (4) примере единица *l'explosion de la bulle immobilière* метафорически переосмыслена, экономический контекст позволяет «расшифровать» смысл созданного понятия: оно выражает не только экономическое событие, но и точку зрения автора, который характеризует страну, все еще находящуюся в кризисе: *l'Espagne post-bulle*;

3. Как синтез элементов нескольких языков: *la sillicon valley de l'économie sociale* (англ. *sillicon valley + économie sociale*): *les squats de la crise; une start-up nation* (термин Эммануэля Макрона).

Образование окказиональных интегральных моделей происходит на основе правил сочетаемости. Использование при их формировании готового материала и закономерностей, присущих языку – залог адекватного восприятия авторского неологизма реципиентом. Если автор нарушает правило сочетаемости, творчески он получает единицу нестандартную, и чем единица нестандартнее, тем больших усилий, направленных на восстановление недостающих звеньев, требует от реципиента этап инференции. Из-за спонтанности создания и определенных условий употребления окказиональные модели, образованные в результате *ситуативной интеграции*, обычно не получают широкого распространения и не входят в словарный состав языка.

В противоположность ситуативной интеграции, *рекуррентная интеграция* (от лат. *recurrens* 'возвращающийся') обозначает *процесс объединения языкового творчества и меняющихся ментальных состояний индивида, результатом которого является создание нового специального термина*. Новый специальный термин, обозначаемый в работе как *индивидуальный неоним*, как и окказиональная модель, является интегральным продуктом денотации предметов и феноменов в специальном языке (язык экономики), взаимодействием *signifiant* и *signifié*, которое обеспечивается структурными и смысловыми свойствами языковой единицы. Но в отличие от окказиональных моделей, которые остаются достоянием только своего создателя, единичными, невоспроизводимыми словами и словосочетаниями с именем своего творца с момента своего появления до завершения их функционирования, индивидуальные неонимы характеризуются повторяемостью, воспроизводимостью, тиражированием. В данном случае интеграция проявляется как механизм взаимодействия концептов, который эксплицируется через повторение смыслов, актуальных в определенный период времени и для определенного социума.

Данные единицы рекуррентны, то есть транслируются, повторяются, возобновляются, неся в себе новые смыслы, становятся авторскими *терминологическими константами*. Форма, структура, семантика данных единиц могут быть любыми, суть их – создание автором определенной реалии, фрагмента действительности, конституирование ситуации, актуально значимой, узнаваемой как конкретное экономическое событие.

Употребление индивидуальных неонимов в специальных языках обусловлено необходимостью номинации нового научного понятия в момент его появления. Индивидуальные неонимы входят в язык и ассимилируются в нём благодаря

своим структурным характеристикам, свойству реактивности, способности языковых единиц взаимодействовать между собой. Являясь частью терминосистемы, неонимы соответствуют одному понятию, что исключает синонимию, полисемию и омонимию. Единство актуального соответствия запросам общества и лингвистическим особенностям той или иной индивидуальной языковой единицы содействует интеграции данной единицы в терминосистему, признанию и усвоению её научным сообществом.

Отмечается, что процесс «признания» и эволюции индивидуального неонима, как и любого нового языкового знака, проходит три этапа: этап новизны, этап фиксирования в употреблении и этап старения. Этап новизны определяется по субъективному критерию, который называется «коллективным ощущением говорящих», в этом случае важным является мнение специалистов в данной сфере знания, а не просто носителей языка. Второй этап – закрепление в употреблении, может определяться по объективному критерию – лексикографическому закреплению. Третий критерий – «относительность датирования», который устанавливается по данным общей или специальной лексикографии [15].

По мнению французского лингвиста Л. Гильбера, новое понятие считается допущенным в язык с того момента, как оно было отмечено каким-либо словарем [13, с. 53–54]. Но словари обычно отстают в фиксации новых понятий, большинство из них имеют недолгую жизнь. Некоторые закрепляются в языке надолго и становятся неотъемлемой частью словесности [11, с. 155]. Позиция лингвистов здесь вполне определена: новые слова попадают в словарь, когда и поскольку они перестают быть неологизмами, теряют коннотацию новизны и входят во всеобщее употребление: «Un mot, une expression... c'est qu'ils ne sont plus néologiques qu'ils sont intégrés dans le dictionnaire» [14].

Существуют два критерия отбора, которыми руководствуются лексикографы: количественный и качественный. Количественный критерий предполагает обязательную «популярность» нового слова, связанную с частотностью его использования в средствах массовой информации. Исследователь современного французского языка С. Брюне [12] остроумно перефразирует известный французский принцип «c'est français, du moment que c'est dans le dictionnaire» следующим образом: «c'est français, du moment que c'est à la télé». Качественный критерий определяется тем, насколько новая медиаединица современна, отражает дух времени и вместе с тем – насколько она сохраняет стабильность употребления, поскольку не должна оказаться эфемерной, связанной напрямую с эффектом сиюминутности. Вполне понятно, что критерий «качества» неологизма, его эволюции может быть выявлен только после определенного, иногда довольно про-

должительного временного периода, так как в момент появления термина трудно сразу же найти надежные критерии для ответа на вопрос: какова будет судьба термина?

Показателен пример с термином *bankster*, который возник как окказионализм, созданный американским адвокатом и судьей Фердинандом Пекора во время заседания сената по поводу причин кризиса 1929 года. Данный термин, объединяя два концепта (*banquier* + *gangster*), не столько обозначает банкиров, сколько выражает субъективное отношение автора к их деятельности. Являясь на протяжении многих лет распространенным термином в профессиональной среде, официальное признание фиксируется Оксфордским словарем 2012 года. То же мы встречаем и в *Le Petit Robert*, фиксирующем в 2015 году знакомое французам еще с 2008 года существительное *bitcoin* – денежную единицу, используемую в виртуальном пространстве Интернета. Подобное «отставание» момента лексикографической фиксации единицы от ее реального появления в речи в качестве неологизма объясняется отмеченными ранее критериями, которыми руководствуются составители словарей.

Поэтому определить временные границы результатов процесса рекуррентной интеграции довольно затруднительно, так как они созданы разными людьми и в разные экономические эпохи и по-разному «эволюционируют». В работе индивидуальные неонимы рассматриваются с учетом двух критериев: количественного, то есть с учетом их распространенности в анализируемых изданиях, и качественного, то есть с учетом их актуальности. Приведем несколько примеров, наглядно показывающих результаты креативного процесса человека:

1) *économétrie, macroéconomie, flow-input, point-output, impulsion et propagation*, термины, созданные в 1930 году норвежским экономистом, лауреатом Нобелевской премии Рагнар Фриш (Ragnar Frisch), автором многих научных концептов¹;

2) *économie post-industrielle, или nouvelle économie* был создан в 1959 году профессором Гарвардского университета Дэниелом Бэллом (Daniel Bell) одновременно с американским философом Элвином Тоффлером, обозначает инновационный сектор экономики с высокопроизводительной промышленностью, индустрией знаний²;

3) *triangle d'incompatibilité* – термин, придуманный в 1960-х годах Робертом Менделем (Robert Mundell) и Маркусом Флемингом (Marcus Fleming), канадскими экономистами, для обозначения факта, при котором в условиях открытой экономики страна не может достичь больше двух целей из трёх: *liberté de mouvement des capitaux* ('свободное движение капиталов'), *détermination du taux de change* ('установление обменного курса') и *autonomie de la politique économique* ('независимость экономической политики')³.

4) *stagflation (inflation + stagnation)* является неологизмом, который был в первый раз употреблён министром финансов Великобритании Ианом Норманом Маклеодом в 1965 году⁴;

5) *marché efficient (marché + англ. efficient)* – теория эффективного рынка американского экономиста Юджина Фама (Eugene F. Fama)⁵;

6) *économie collaborative* или *économie du partage* ('совместная экономика') был придуман в 1978 году учёными М. Felson et J.L. Spaeth, разрабатывающими стратегию глобализации, которая рассматривается в широком смысле и охватывает различные формы совместного потребления: *couchsurfing* ('каучсёрфинг'), *financement collaboratif* ('совместное финансирование'), *crowdfunding* ('краудинвестинг' – альтернативный финансовый инструмент для привлечения капитала в стартапы и предприятия малого бизнеса от широкого круга микроинвесторов), *prêt d'argent de pair à pair* ('пиринговое кредитование' – равноправное кредитование, «заем P2P»), *monnaies alternative* ('альтернативные деньги') и т. д.⁶;

7) *les 30 Glorieuses ou la révolution invisible* ('Славное тридцатилетие' – термин 1979 года французского экономиста и социолога Жана Фурастье (Jean Fourastié))⁷;

8) *théorie de 3D*, автором которого является Анри Бургина (Henri Bourguinat), созданный в 1990 году, обозначает три фактора (*Désintermédiation, Décloisonnement, Déréglementation*), которые лежат в основе феномена финансовой глобализации⁸;

9) *flexisécurité (flexibilité + sécurité)* – термин министра труда Голландии Эда Меркелта (1995), официально признанный Генеральной делегацией французского языка и языков Франции в 2013 году⁹;

10) *iconomie (informatique + économie = économie numérique)*, созданный в 2011 году, обозначает «третью промышленную революцию», авторами термина являются Жан-Мишель Катрпун (Jean-Michel Quatrepoint), французский экономический журналист, и Мишель Воль (Michel Volle), историк экономики, статистик и специалист по информационным системам¹⁰;

11) *Grexit*, и по аналогии *Brexit*, созданный экономистом Citigroup Виллемом Бюйтером под влиянием экономического и политического кризиса в Греции посредством интеграции английской формы *Greece* (Греция) и *exit* ('выход'), объединяя в своём сознании греческий кризис и связанный с ним возможный выход страны из Евросоюза. В 2015 году добавлены в Оксфордский словарь¹¹.

Наблюдаются неонимы, образованные от имён собственных, обозначающие особенности экономической политики:

12) *reaganomie* (> англ. Reagan + economics = Reaganomics – термин американского экономиста, архитектора рейганомии Уильяма Нисканена) в 1981–1989 гг.¹²;

13) *thatchérisme* (> Thatcher + -isme – ‘тетчеризм’ – политика консервативного правительства Великобритании под руководством Маргарет Тетчер в 1981–1990 гг., автор – британская журналистка Беатрис Кэмпбелл)¹³.

Как показывают примеры, вмешательство индивидуума в «естественный порядок» языка, в той или иной мере нарушающее исконную форму и значение языковых единиц, и соотношение между ними обусловлено несколькими целями: номинативной, компрессивной, экспрессивной, стилистической и является историческим процессом. И окказиональные модели, и индивидуальные неонимы – результат интеграции формы и содержания языкового знака для обозначения появившегося концепта, который объективируется единицами, созданными в соответствии с интенцией и изобретательностью индивидуума. Данные единицы обогащают терминосистему языка и способствуют осознанию факта, что язык – это не одномерная, одноплоскостная структура, а сложное, многоаспектное образование, подверженное одновременному воздействию целого комплекса разнообразных факторов, манифестируемых в самых различных комбинациях, то есть «язык есть полнейшее творчество, какое только возможно человеку, и только поэтому имеет для него значение» [10, с. 198].

Примечания

¹ *Brigitte Dormont*. Introduction à économétrie. – [2e édition]. Paris: Montchrestien, DL 2007, cop. 2007, 520 p.

² *Daniel Cohen*. Trois leçons sur la société post-industrielle. – Le Seuil, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lyceeduparc.fr/ldp/article198.html> (дата обращения: 24.06.2017).

³ *Françoise Pichon-Mamère «Mundell Robert A.»*: Encyclopædia Universalis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.universalis.fr/encyclopedie/robert-a-mundell/> (дата обращения: 24.06.2017).

⁴ *Jean Paul Huet*. Stagflation: Encyclopædia Universalis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.universalis.fr/encyclopedie/stagflation/> (дата обращения: 24.06.2017).

⁵ *Le guide de la bourse* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.comparabourse.fr/lexique/marche-efficient.php> (дата обращения: 24.06.2017).

⁶ *Dictionnaire français* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/definition/economie-collaborative/> (дата обращения: 24.06.2017).

⁷ *Jean Fourastié*. Les Trente Glorieuses ou la révolution invisible de 1946 à 1975, 1979. Editeur: Fayard, Paris, 1979. Réédition: coll. «Pluriel», Le Livre de poche, 1980, 288 p.

⁸ *Henri Bourguinat*. Les Vertiges de la finance internationale. Economica, Paris, 1987. – 296 p.

⁹ INSEE [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1374402?sommaire=1374407&q=flexis%C3%A9curit%C3%A9> (дата обращения: 24.06.2017).

¹⁰ *Christian Saint-Étienne*. L'Économie: pour sortir de la crise / ed. Odile Jacob, Paris, 2013. 168 p.

¹¹ *Le Figaro*. Que signifie le «Grexit»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2015/02/11/20002-20150211ARTFIG00430-que-signifie-le-grexit.php> (дата обращения: 24.06.2017).

¹² *Stoffaes Christian et al.* (1982). La Reaganomie: fondements doctrinaux et dimension internationale. Ouvrage collectif réalisé à partir du colloque : «L'économie américaine: enjeux et politiques» ... tenu à l'Institut Auguste Comte pour l'étude des sciences de l'action, les 10-11-12 septembre 1981. – Paris: La Documentation française, 1982, 321 p.

¹³ *Thatcher, la femme qui a changé la Grande-Bretagne* // *Le Figaro*. – 2013. – 8 mai [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lefigaro.fr/international/2013/04/08/01003-20130408ARTFIG00426-margaret-thatcher-la-femme-qui-a-change-la-grande-bretagne.php>.

Библиографический список

1. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М., 1974. – 448 с.
2. *Володина М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1998. – 57 с.
3. *Даниленко В.П.* Введение в языкознание: курс лекций. – М.: Флинта Наука, 2010. – 288 с.
4. *Добросклонская Т.Г., Хуэйцзинь Чжан.* Медиа-лингвистика в России и за рубежом: достижения и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: Изд-во Московского университета. – 2015. – № 1. – С. 9–19.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
6. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
7. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 1 (018). – С. 5–12.
8. *Новикова М.Р.* Именная категория лица (на материале индоевропейских языков): дис. ... канд. филол. наук. – Владимир, 1998. – 234 с.
9. *Пидаль М.Р.* Избранные произведения. Испанская литература Средних веков и эпохи Возрождения. – М.: Иностран. лит., 1961. – 772 с.
10. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Слово и миф: Из истории отечественной философской мысли / сост. А.Л. Топоркова. – М.: Правда, 1989. – С. 17–200.
11. *Скрелина Л.М.* История французского языка / Л.М. Скрелина, Л.А. Становая. – М.: Высш. шк., 2001. – 218 с.

12. Brunet S. Les mots de la fin du siècle. – P.: Belin, 1996. – P. 13.
13. Guilbert L. La créativité lexicale. – P., 1975. – 285 c.
14. Pruvost J., Sablayrolles J.-F. Les néologismes. – P.: PUF, 2003. – P. 63.
15. Rondeau G. Introduction a la tarminologie. – Québec, 1984. – 238 c.
16. Sablayrolles J.-F. 2008. Néologie et dictionnaire(s) comme corpus d'exclusion / ed. J.-F. Sablayrolles, Néologie et terminologie dans les dictionnaires. – Paris: Honoré Champion. – P. 19–36.
17. Le Figaro 15.01.2015. Swatch, Nestlé, UBS...: les grands groupes suisses pris dans une tempête boursière.
18. Le Monde. 23.11.2012. Budget de l'UE: «Les gouvernements cherchent à défendre leurs intérêts nationaux».
19. Le Monde. 20.01.2016. La Pologne défend ses projets controversés devant le Parlement européen.
20. Le Monde 21.03.17 . En Espagne, les squats de la crise.
21. Le Figaro. 28.11.2016. Les pays nordiques vantent leur modèle social et leur capacité d'innovation.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу метафорических моделей в политическом дискурсе. На основе проведенного исследования автор статьи подробно анализирует представленные в политическом дискурсе метафорические модели, среди которых присутствуют модели: «политика – война», «политика – театр», «политика – игра» и т.д. В статье особо подчеркивается, что тот или иной дискурс объединяет не столько целый ряд разнообразных относящихся к нему метафорических единиц, сколько совокупность метафорических моделей. В ходе их анализа автор статьи приходит к выводу о том, что эффективность метафорической модели обусловлена её сжатой и понятной формой в виде некоего тождества двух объектов, четкой внутренней структурой из фреймов и слотов, которые фрагментируют окружающую действительность и объединяют единичные элементы вербального воздействия – отдельные метафорические словоупотребления.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, лингвокогнитивные механизмы, языковые средства, метафорическая модель, дискурс, политический дискурс.

При исследовании политического дискурса особый интерес представляет анализ исследования метафоры с точки зрения национально-культурной направленности. Подобный подход способствует выявлению важных закономерностей характерных процессов метафоризации в том или ином лингвокультурном политическом сообществе. Т.Г. Попова считает, что «в создании языковой картины мира чрезвычайно важна роль метафоры, поскольку метафора является средством познания действительности, средством организации опыта взаимодействия с внешним миром» [5, с. 160]. При выявлении и последующем анализе метафорических моделей политического дискурса для нашего исследования методологически важно то, что «образ мира как глобальная структура не отражается полностью средствами конкретного языка и может быть представлен следующими уровнями: концептуальная картина мира, языковая картина мира, групповая картина мира и индивидуальная картина мира» [6, с. 41].

А.Н. Баранов, описывая дескриптивную теорию метафоры, вводит понятие «парадигматическая модель метафорической проекции», под которой подразумевается упорядоченное сочетание сигнификативных (из области источника) и денотативных (из области цели) дескрипторов [2]. Под метафорическими моделями (М–моделями) мы, вслед за А.Н. Барановым, понимаем «тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов». Мы считаем, что тот или иной вид дискурса объединяет не столько целый ряд самых разнообразных относящихся к нему метафорических единиц, сколько совокупность характерных для того или иного вида дискурса метафорических моделей, которые образуют «дискурсивные практики». Метафорическая модель является областью источника метафоры или, говоря другими словами, областью отправления функции репрезентации метафоры.

Пространство культуры структурируется по-разному. Именно поэтому в исследованиях, которые основываются на данных лингвокультурологии,

описываются образы, мифы и архетипы, которые непосредственно отражают смысл. Так, например, на основе проанализированного нами фактического материала, базирующегося на речи политиков, которая содержит символику цветообозначения, мы приходим к выводу о том, что данная символика в метафорическом значении имеет этнокультурно-маркированные смысловые ассоциации.

Приведем высказывание, сделанное Дж. Болдуином о возможном наступлении власти «чернокожих» – «Our future is black». Приведем также примеры метафор, которые образованы на базе обозначений времен года: лето, осень, зима, весна, весьма часто используются в политическом дискурсе и стали продуктивными с началом событий в 2005 году «Operation 'Iraqi Freedom'»: Arab Autumn; Islamist / an EU / Al – Qaeda Fall and Winter; Egyptian Winter; chilling Arab Autumn, Egypt's Winter of Discontent.

А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов в своём «Словаре русских политических метафор» выделяют целый ряд наиболее распространённых метафорических моделей политического языка, которые образованы в период перестройки и постперестроечного периода. Это такие метафорические модели, как «война», «геометрия», «игра», «механизм», «организм», «персонификация», «путь», «транспортное средство», «строение» [3].

Метафорическая модель «война» является типичной для современного русского политического языка. Использование военных концептов в политической коммуникации объясняется, как отмечает А.П. Чудинов, тем обстоятельством, что «милитарная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии и решении конкретных проблем» [7].

В ходе исследования мы выявили большой процент использования метафорической модели «политическая жизнь – театр». В этой связи приведем пример из статьи «EU summit date on Brexit announced» [8]: «Объявлена дата встречи на выс-

шем уровне представителей стран Евросоюза по вопросу выхода из него Великобритании», где автор статьи применяет метафорический образ, который связан с театральным действием. Именно поэтому статья содержит театральную (в самом широком понимании) терминологию, например «*choreography*» – «хореографические приёмы». Автор статьи этот прием использует тогда, когда сравнивает действия заинтересованных сторон с аккуратными движениями танцоров, которые стараются двигаться правильно и не задевать партнёров. Автор статьи подчеркивает мысль о важности поиска компромисса в вопросах, которые связаны с правами европейцев, живущих в Великобритании, и британцев, которые проживают в Европейском Союзе. Эта же метафора помогает автору статьи высказать идею о необходимости выплат Соединённым королевством взятых на себя обязательств.

Проведенный нами анализ метафорической модели «политика – театр» позволяет нам сделать заключение о том, что за данной метафорической стоит сформированное представление о политике, ставшее общим для сознания представителей англо-саксонской и русской лингвокультур.

Влияние метафорических единиц на сознание адресата оказывается системным для последовательной подмены его ценностных ориентиров и мировоззренческих установок в зависимости от интенции адресанта.

Метафорическое моделирование представляет собой весьма важный механизм построения такой картины политической жизни, которая была бы «выгодна политтехнологам и которую они стремятся выстроить в политическом дискурсе с помощью метафорических образов. Прагматический потенциал этого феномена кроется в том, что он обеспечивает процесс изменения ценностных установок и мировоззренческих стереотипов рядового реципиента, а затем и целых общественных групп» [4, с. 183].

В тотальной информационной войне метафорическое моделирование, в соответствии с интенцией адресанта, оказывает влияние на мысли и поведение населения, дезинформируя его и искажая и утаивая «лишнюю» информацию, создавая самые разнообразные мифы. Часто метафорическое моделирование применяется с целью дискредитации того или иного объекта политической реалии.

Мы проводим свой анализ на основе вербальных кодов культуры, что дает нам основание сделать вывод о том, что эффективность метафорической модели обусловлена её сжатой и понятной

формой в виде некоего тождества двух объектов, чёткой внутренней структурой из фреймов и слотов, которые фрагментируют окружающую действительность и объединяют единичные элементы вербального воздействия – отдельные метафорические словоупотребления.

Таким образом, рассмотрев вопрос метафорической модели в политическом дискурсе, мы приходим к заключению о том, что субъект речи осознанно стремится обеспечить такую детализацию структуры источника, которая бы не превосходила уровня наивных знаний реципиента о конкретной области действительности. Следовательно, такая системность не случайна, поскольку хаотично на первый взгляд «разбросанные» в информационном пространстве метафоры образуют целостную картину «виртуальной» политической действительности в подсознании реципиента.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
2. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
3. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор / Российская акад. наук, Ин-т русского яз. – Москва: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
4. Зарипов Р.И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России): дис. ... канд. фил. наук. – Москва, 2015. – 262 с.
5. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты. – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 146 с.
6. Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты: на материале английского, немецкого и русского языков: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 288 с.
7. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm> (Дата обращения: 21.05.2017)
8. EU summit date on Brexit announced // BBC NEWS [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/uk-politics-39337693> (Дата обращения: 21.05.2017)

ВЕРБАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ТЕРМИНА

В статье рассматривается бытование термина «вербальный экстремизм» в юрислингвистическом пространстве, выявляются особенности семантики лексемы в зависимости от сферы ее бытования с учетом как нормативной, так и окказиональной авторской репрезентации в речи. Определяется приоритетность данного словосочетания по отношению к другим («язык вражды», «риторика ненависти» и пр.) на базе его функционирования одновременно в правовом и научном полях. С учетом установления родо-видовых отношений между терминами «экстремизм» и «вербальный экстремизм» анализируется ряд конституирующих признаков явлений, позволяющих сформулировать дефиниции. Характеризуется специфика бытования изучаемых понятий на основе анализа опросов студентов Свердловской области. Результатом исследования является попытка терминологизации понятия «вербальный экстремизм» на материалах юридических источников и научных исследований.

Ключевые слова: вербальный экстремизм, язык вражды, экстремизм, юрислингвистика, терминологический анализ, термин, понятие.

В работе рассматриваются терминологические границы понятия «вербальный экстремизм», поскольку использование данного словосочетания становится все более частотным в рамках научной парадигмы, однако конкретные его конституирующие признаки остаются достаточно расплывчатыми. Соседство анализируемого термина с другими близкими по значению и даже используемыми некоторыми авторами в качестве синонимических (например, «язык вражды», «риторика ненависти», «речевая агрессия») заставляет более подробно изучить его природу и место в юрислингвистическом пространстве.

Опираясь на общелогические, теоретические и эмпирические методы научного анализа, мы выделяем как наиболее востребованные в данной работе методы терминологического анализа и синтеза, гипотетический и экспериментальный. В связи с тем, что термин «вербальный экстремизм» является составным и попадает в лингвоправовую категорию, необходимо рассматривать его комплексно: от юридического толкования самого экстремизма как родового понятия к его вербальному выражению как отдельному виду противоправной деятельности. Так, опираясь на дедуктивный метод, мы сформулируем ключевые доминанты концепта «экстремизм» и детализируем их применительно к вербальной деятельности индивида, сформулировав тем самым четкие научные границы самого явления.

В работе С.В. Беликова и С.М. Литвинова указывается на включение «экстремизма» в лексическую терминологию европейских стран из латинского языка в XVII в., его происхождение связывается со словом «extremus», имеющим значение «край», «конец» [2], что находит отражение в большинстве современных толкований экстремизма, однако уже не в общем, а частном – политико-правовом – понимании. При этом широкое распространение понятие получило с середины XIX в. сначала в Англии, а затем в США и Франции, изначально оно употреблялось применительно только к политиче-

ской сфере и бытовало в прессе, что указывает на специфику его использования в соответствии с законами публицистического дискурса. Это значит, что категория понятийной точности не являлась приоритетной, то есть лексико-семантическая правильность использования слова «экстремизм» не имела особого значения для выражения по большей части окказиональных авторских замыслов.

В XX в. французский юрист М. Лерой использовал термин для обозначения лиц абсолютной веры в политический идеал, которому они привержены, и даже установил бинарную классификацию: «красный экстремизм» (большевизм) и «белый экстремизм» (монархизм). Это можно считать официальной попыткой терминологизации и введением лексемы в правовой оборот.

Характеризуя современное определение термина, можем отметить, что его бытование распространяется на три сферы: правовая, научная и общественно-бытовая. В первом и втором случаях мы будем характеризовать собственно термин, поскольку рассматриваем только набор специальных понятий, свойственных определенным областям профессионального знания. В отношении же неспециальных знаний, которые распространены среди лиц, не владеющих профессиональными терминами, но тем не менее использующих изучаемые нами слова и словосочетания, мы будем говорить о существовании понятия «экстремизм» или, в более широком смысле, концепта.

Первое – право – в качестве конституирующего принципа выделяет критерий противоправности деятельности субъекта, поскольку только его можно четко классифицировать на основании однозначности юридических категорий. Так, философская бинарная оппозиция «плохо – хорошо» слишком субъективна и границы ее размыты, поэтому вопрос о крайности понятия остается открытым. Правовая же диада «законно – не законно» имеет четкие границы, определяемые нормативно-правовыми актами государства.

Ключевым документом, определяющим правовую природу экстремизма в России, является Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», в котором представлен конкретно указательный характер особенностей данного явления, в результате чего создается не дефиниция, а экземплярное определение. Таким образом, под экстремизмом понимается, с одной стороны, деятельность, направленная против таких субъектов правоотношений, как государство, общество или индивид как представитель особой социальной группы (насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации); пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и пр.); с другой стороны, деятельность, основанная на выборе определенных противоправных средств достижения цели (публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики и пр.).

Термин «вербальный экстремизм» (как и иные варианты, например, «язык вражды» или «речь ненависти») в рассмотренном законе и иных нормативно-правовых актах отсутствует, он не может быть в правовом поле классифицирован как вид экстремизма наравне с национальным, религиозным и политическим. Однако именно он применяется в судебной и экспертной практике в отличие от иных сугубо научных или общественно-популярных вариантов, поэтому выбран нами в качестве приоритетного по отношению к остальным.

Использование формулировок «пропаганда», «публичные призывы», «публичное оправдание», «подстрекательство», «информационные услуги», «экстремистские материалы» и ряда других явно указывает на лингвистическую природу отдельных правонарушений, совершение которых невозможно без речевой деятельности. Поэтому можно считать, что «вербальный экстремизм» как термин также имеет экземплярное определение и его границы задаются путем собственно перечисления лингвоправовых правонарушений, за которые предусмотрена ответственность российским законодательством. Иные же факты речевой деятельности, не вошедшие в перечисленную группу, но являющиеся противоправными, тем не менее не входят в терминологические границы «вербально-

го экстремизма», которые четко устанавливаются законодательно. Так, оскорбление или клевета, нарушая права индивида и являясь речевыми преступлениями, не имеют отношения к экстремистской деятельности, если не содержат, как отмечено в Уголовном кодексе РФ, мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Таким образом, «вербальный экстремизм» в правовом понимании неразрывно связан со способами ведения противоправной деятельности (речевые действия) и выбором средств ее осуществления (пропаганда, подстрекательство, призывы, оправдание). Он имеет следующую дефиницию: речевое правонарушение, которое предполагает уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность и включает речевые противоправные деяния, указанные в статье 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

В научном поле понимание экстремизма представляется весьма многогранным, поскольку в различных исследовательских сферах приобретает оттенки значения. Так, даже сама природа явления, по мнению ученых, представляется разнородной. А.А. Хоровинников рассматривает экстремизм как сложное социально-идеологическое явление [14], при этом А.Н. Смертину оно видится также сложным, но только политико-правовым, требующим оценки не в идеологическом, а сугубо юридическом аспекте [12].

Несмотря на такую полярность, можно говорить о выделении ряда конституирующих признаков «экстремизма», детерминирующих среди которых является «крайность». На эту особенность указывают исследователи С.Л. Мишланова и Е.А. Курьянычева, по результатам анализа словарных статей включившие в ядро концепта «экстремизм» в общей сложности 10 сем, среди которых представлена «крайность» [9]. Большая часть определенных «экстремизма» содержит указание на крайний характер взглядов, мер, способов, идей, аморальности и т. д. Признак «крайности» можно выделить в качестве основного в работах Х.А. Акаевой, Н.Г. Барышковой, В.Ю. Голубовского, М.Х. Машекуашевой, А.Г. Никитина, И.Н. Сенина, В.Н. Томалинцева и ряда других исследователей.

По результатам наших исследований к конституирующим признакам в научной парадигме относится также сема «действие/деятельность». Справедливо предположить, что бездействие в правовом плане не может быть квалифицировано как экстремизм, так как «экстремизм» и «экстремистская деятельность» представлены в законе в качестве синонимичной пары. Многие исследователи выявляют в качестве приоритетного сочетание «противоправная деятельность», указывающее на природу действий субъекта за гранью, очерчен-

ной законом. Например, А.Г. Хлебушкин использует следующее определение: «это противоправная деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений» [13].

В научных определениях без указания на различные способы ведения экстремистской деятельности тем не менее выводится диада физического и речевого поведения. Так, К.О. Никонов, определяя экстремизм, подчеркивает, что это «проявление активности, деятельность, выходящая за рамки дозволенного и связанная с применением насилия или пропагандой его» [10]. Н.Н. Афанасьев, давая определение «экстремизма» как изначального отрицания чувства меры, отмечает различные формы его репрезентации: «В языке это выражается в крайности суждений, безапелляционности, категоричности. В практической деятельности это неизбежно приводит к насилию» [1].

Ученые, в отличие от законодателей, выделяют более широкий круг разнообразных видов экстремизма: политический, религиозный, молодежный, экономический, экологический, духовный, избирательный, вербальный и др. Термин «вербальный экстремизм» (или его не всегда тождественные, но синонимичные варианты: «словесный», «лингвистический», «языковой», «речевой») является достаточно распространенным в научном поле, он присутствует в работах М.В. Аблина, О.В. Артемьевой, М.С. Власова, Е.И. Галяшиной, Д.В. Морозова, Т.В. Романовой, Н.А. Сергиенко, С.С. Фолимонова и др. Однако, как и при законодательной попытке дать определение экстремизму, большая часть исследователей переходит к перечислению проявлений данного феномена, а не его терминологизации. В частности, В.А. Грушихина определяет выражение вербального экстремизма так: «случаи проявления лицами (группами лиц) ненависти и вражды по мотивам пола, расы, национальности, языка, происхождения при публичных выступлениях на митингах, в мировой сети Интернет, СМИ с использованием слов (выражений)» [4]. В работе Е.И. Галяшиной предлагается также перечислительный способ характеристики вербального экстремизма и определяется он как «целенаправленный акт публичной передачи сообщений в форме устных или письменных речевых высказываний, которые: призывают или подстрекают к осуществлению, инициируют, провоцируют или руководят противоправными действиями экстремистского толка; оправдывают или обосновывают их; пропагандируют нацистскую или сходную с ней до степени смешения символику и атрибутику; направлены на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды либо ненависти, включая передачу информации языковыми средствами в публичных выступлениях, печатных изданиях, средствах массовой информации (радио, телевидение)» [3].

Нужно отметить и тот факт, что научные определения во многом апеллируют к действующим правовым нормам, что говорит о прямой связи юридического и научного подходов с приоритетом первого. Е.С. Кара-Мурза, устанавливая границы понятия, делает отсылку к двум статьям УК РФ: 280 и 282 [6]. В учебном пособии Н.Ю. Тяпугиной используются наименования конкретных правонарушений, относящихся, по ее мнению, к реализации вербального экстремизма: «клевета, оскорбление, призывы к противоправной деятельности, насилию и агрессии, телефонный терроризм, угрозы, шантаж, вымогательство и иные проявления...» [7].

При этом, характеризуя особенности экстремизма, С.А. Сергеев замечает, что явление имеет «субъективный и конструируемый характер» [11]. Но субъективность в данном случае предполагает не столько индивидуально-личностное восприятие, сколько государственно-политический его статус. Содержание термина «экстремизм» предзадано правовыми актами, оно всегда базируется на действующем законодательстве государства, приобретая тем самым не аморфный (как, например, «язык вражды»), а вполне конкретный смысл. Так, в рамках научного лингвистического подхода отметим, что вербальный экстремизм – это вид речевого правонарушения, предполагающий использование комплекса языковых средств субъектом в процессе устной или письменной речи для осуществления экстремистской деятельности.

В общественно-бытовой сфере понятие имеет весьма расплывчатый силуэт, что приводит к смешению с «радикализмом», «хулиганством», «терроризмом» и пр. не в качестве родо-видовых понятий, а тождественных.

В современной коммуникации слово «экстремизм» используется значительно чаще, чем раньше. Можно даже согласиться с утверждением, что «появляется новая политическая мода: именовать любой эксцесс вне зависимости от его характера экстремизмом» [5]. По данным Национального корпуса русского языка, в основном корпусе представлено 332 документа, включающих лексему «экстремизм», в устном – 22, а в газетном – 1 897. Необходимо отметить, что лексемы «экстремист» (325-16-1857) и «экстремистский» (269-19-2081) имеют соотносимые показатели текстового использования. Слово-сочетания с изучаемой лексемой имеют достаточно серьезные семантические и тематические колебания от прогнозируемых на базе анализа нормативно-правовых актов (политический, религиозный, расовый) до восстанавливаемых только из авторского контекста (потребительский, художественный, женский). Это явно свидетельствует о затемнении у слова «экстремизм» лексического значения, которое становится вариативным и определяется не внутренней формой слова, а контекстом.

На основании анализа опросов, проведенных нами среди студентов вузов Свердловской обла-

сти, можем отметить, что в сознании молодежи (до 30 % в зависимости от группы опрашиваемых) происходит смешение семантики слов «экстремист» и «экстремал», «экстремистский» и «экстремальный». В массовой коммуникации, по результатам исследований О.А. Михайловой и Ю.Н. Михайловой, также отмечается выраженность признака «крайняя степень» [8]. Такая ситуация указывает на актуализацию в общебытовом контексте одного из ключевых компонентов концепта «экстремизм» – крайность. При этом доминантой становится не столько противоправность деятельности, сколько ее неординарность, что меняет полярность восприятия экстремизма в бытовой коммуникации. Применение лексемы в СМИ по большей части связано с политическими темами, хотя может иметь и малообъяснимые спорадические варианты использования (например, художественный экстремизм). Такая ситуация провоцирует еще большее размежевание с категорией «неправовой» и замене ее на «нетрадиционный, уникальный».

Словосочетание «вербальный экстремизм» остается вариативным и, в отличие от предыдущих сфер, менее используемым по сравнению, например, с «языком вражды». Определение остается нераспространенным, что провоцирует семантические вариации и ошибочную интерпретацию. По результатам наших опросов, только около 60 % респондентов предполагают возможность существования экстремизма в словесной форме, остальные считают речь полем безграничной свободы, не поддающейся никаким нормативным ограничениям.

Подводя итоги анализа, отметим, что «вербальный экстремизм» является основным термином для характеристики запрещенной деятельности по экстремистским мотивам, он бытует в правовой и научной сферах коммуникации. Характеристика основных его проявлений в правовом поле позволяет установить четкие границы для научного применения термина в сфере юрлингвистических исследований, однако за пределами юридических категорий использование лексемы остается вариативным и окказиональным, когда семантика восстанавливается из контекста и не может быть закреплена за единицей. В общебытовом контексте «экстремизм», а тем более его вербальная составляющая не имеют конвенционального терминологического характера, выступая в качестве абстрактных полисемичных понятий.

Терминологизация лексемы «вербальный экстремизм», таким образом, возможна только в комплексном ее рассмотрении с опорой на правовую составляющую, то есть действующее законодательство. При актуализации семы «крайность» без учета правового контекста понятие утрачивает ряд конституирующих признаков и может смешиваться со словами, имеющими положительные коннотации, что, на наш взгляд, представляется недопустимым, границы термина должны находиться

в ядре лингвоправового поля, а не на периферии, соседствуя с общегуманитарной сферой.

Библиографический список

1. Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 230–234.
2. Беликов С.В., Литвинов С.М. Профилактика молодежного экстремизма органами местного самоуправления города Москвы // Инициативы XXI века. – 2010. – № 3. – С. 62–64.
3. Галышина Е.И. Лингвистика vs экстремизм: в помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006. – 96 с.
4. Грушихина В.А. К вопросу о проблемах выявления вербального (словесного) экстремизма путем использования специальных знаний // Современность в творчестве талантливой молодежи. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2016. – С. 46–50.
5. Долгова А.И., Гуськов А.Я., Чуганов Е.Г. Проблемы правового регулирования борьбы с экстремизмом и правоприменительной практики. – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. – 244 с.
6. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. – 2009. – № 1 (27). – С. 47–72.
7. Культура профессиональной речи / под ред. Н.Ю. Тяпугиной. – М.: ФЛИНТА, 2015. – 502 с.
8. Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н. Семантические вариации актуальных слов: лексемы экстремизм и терроризм в современном русском языке // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 252–258.
9. Мишланова С.Л., Куприянычева Е.А. Моделирование концепта «экстремизм» на материале лексикографических источников // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 5. – С. 170–175.
10. Никонов К.О. Проблемы определения экстремизма // Юридический мир. – 2011. – № 7. – С. 41–43.
11. Сергеев С.А. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках // Конфликтология. – 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf> (дата обращения: 23.06.2017).
12. Смертин А.Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 1. – С. 54–59.
13. Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – 27 с.
14. Хоровинников А.А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. – Саратов, 2007. – 201 с.

ДИНАМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу динамического характера юридического дискурса. Автор статьи на фактологических примерах подробно останавливается на взаимодействии в юридическом дискурсе языковых и когнитивных структур. При этом в статье особо подчеркивается то обстоятельство, что язык и право обладают определенной степенью условности с целью передачи абстрактного нормативного значения юридических терминов. На основе анализа практического материала автор статьи приходит к утверждению, что дискурс представляет собой сопряженную знаковую модель коммуникативных действий отправителя и адресата сообщения. При исследовании динамического характера юридического дискурса автор опирается на такие методы, как метод дискурсивного анализа, метод структурно-функционального анализа дискурса, метод контекстно-ситуативного анализа высказываний, элементы стилистического анализа.

Ключевые слова: дискурс, юридический дискурс, интенция, структура, язык, право.

Появление когнитивной парадигмы повлияло на становление сложного системного продукта – дискурса, в дискурсе неизменно представлена когнитивная составляющая. Когнитивный аспект в языке находит начало в утверждении о том, что языковые средства представляют собой отражение когнитивных структур, тогда как «квантование» вещей и мира идей происходит на уровне концептов именно средствами языка [1, с. 35; 7, с. 213; 8, с. 35].

Ученые проявляют большой интерес к когнитивным составляющим при восприятии окружающей нас действительности, а также при переработке и передаче информации для влияния и воздействия. Кроме этого, интерес ученых сосредоточен на выявлении и анализе языковой личности [6, с. 213] и, таким образом, соответственно, наличествует подобный интерес и в таком процессе, как путь прохождения информационных потоков в создаваемых ею коммуникативных составляющих. Кроме этого, немалый интерес ученых вызывает дискурс.

Под «дискурсом» мы понимаем понятие, которое имеет отношение к обширной области человеческой жизни. В разных научных областях знаний оно используется в самых различных значениях. В этой связи необходимо добавить, что чрезвычайно широка сфера распространения этого термина. Так, например, понятие «дискурс» используется как в языкознании, так и в разных других парадигмах (философии, социологии, политологии, культурологии, логике и др.). Таким образом, не существует однозначной трактовки дискурса.

В контексте наших рассуждений отметим, что в это понятие входят принятые в социуме пути получения передачи той или иной информации из окружающего нас мира. Именно из этих и подобных им способов восприятия окружающей нас действительности и вытекают негативные или позитивные действия людей и всего общества в целом [3, с. 356; 4, с. 478]. Следовательно, можно утверждать, что дискурс не просто отражает ре-

альную действительность, которая присуща тому или иному общественному институту, но также направлен на ее формирование. Это обстоятельство можно объяснить тем, что дискурс является частью нашего мировосприятия и при этом задает тон логики субъекта. Кроме этого, дискурс играет весьма важную роль в определении ценностей и представлений.

Признание динамического характера дискурса, то есть связи его языкового аспекта с социокультурными параметрами, позволяет сделать вывод о том, что одной из задач когнитивного анализа дискурса может быть исследование того, как взаимодействие в нем языковых и когнитивных структур обеспечивает передачу знаний культурно-исторического и социального характера.

Тесная связь имплицитно понимаемого смысла с различными событиями, лицами и т.д. позволяет актуализировать фоновые знания адресата и служит основой для формирования новых образов. В качестве демонстративного материала приведем ссылку из Newsweek: We know all about busy people. At DAL we make it our business to ensure that when you arrive at that important place you're still buzzing (Newsweek, March, 16, 1998). Как видно из приводимого примера, лексемы “busy” и “buzzing” имплицитно вводят в сознание адресата ассоциативные образы, связанные с фразеологической единицей “busy as a bee”, и образ очень занятого и трудолюбивого человека.

Что касается логического содержания компонентов дискурса или же некоторых отдельных предложений, они представляют собой пропозиции, связанные логическими отношениями. При восприятии дискурса реципиент соединяет элементарные пропозиции в единое общее значение, komponуя вновь поступившую информацию.

Значение высказывания конкретно и индивидуально при условии присутствия в нем имплицитного компонента [5, с. 270]. То же самое можно сказать и о семантической структуре утверждения и интенции отправителя речи, которые требуют

весьма детального анализа с учетом референции дискурса.

Приведем следующие примеры: *Do you suppose you couldn't get around to thinking about it?* (Chandler R, 37) – полагаешь, что ты мог бы найти время подумать? *I hadn't really got around to thinking about it.* – у меня как-то не было времени подумать об этом.

Перейдем далее к освещению особенностей юридического дискурса. Прежде всего, отметим то важное обстоятельство, что язык и право обладают определенной степенью условности с целью передачи абстрактного нормативного значения юридических терминов. Представители самых различных школ юридической и философской мысли проповедуют общий тезис об условности и изменчивости правовой материи.

Юридический дискурс можно рассматривать с трех сторон:

1) с филологической точки зрения юридический дискурс рассматривается как текст, имеющий фоновые характеристики в виде тех или иных концепций интерпретатора;

2) с психолингвистической и социолингвистической точек зрения юридический дискурс может быть рассмотрен как измерение адекватности явных или же имплицитных результатов говорящего;

3) с индивидуально-герменевтической точки зрения юридический дискурс может быть рассмотрен как попытка анализа и обнаружения личностных интенций автора и/или интерпретатора дискурса в тех или иных определенных обстоятельствах.

Языковые знаки, которые используются с целью получения, обработки и репрезентации поступающей информации, в том числе и правовой информации, являются, таким образом, знаками условными.

На базе классификации типов текстов в дискурсе юридической направленности, разработанной немецким языковедом Вальтером Отто (Walter Otto), мы выделяем следующие основные подтипы дискурса юридической направленности: судебный дискурс, законодательный дискурс, а также дискурс административный.

При определении законодательного дискурса мы берем во внимание подтип юридического дискурса, который характеризуется тем, что в нем создаются и утверждаются законодательными органами самые различные правовые акты. Под законодательным дискурсом мы понимаем тексты законов и комментариев к закону. Что касается следующего подтипа юридического дискурса, судебного дискурса, отметим, что это подтип юридического дискурса, в рамках которого судебный процесс осуществляется официально. Дискурс, относящийся к судебной области, объединяет самые разнообразные типы юридических текстов (иски, судебные приговоры, экспертизы, ходатайства, протоколы, заключения).

Под административным подтипом дискурса мы подразумеваем такой подтип дискурса, относящийся к юриспруденции, в рамках которого в процессе осуществления служебной деятельности каким-либо государственным или негосударственным учреждением имеет место официальная коммуникация. Мы провели сравнительный анализ части юридического дискурса с типами юридических текстов и пришли к заключению о том, что необходимо определять отнесенность тех или иных юридических текстов к законодательному, судебному или же административному дискурсу.

Потребностями юридического/правового дискурса являются потребности в равенстве социальных прав и в обеспечении собственной безопасности.

Рассматривая юридический дискурс комплексно, мы не можем ограничиваться описанием лишь чисто языковых моментов. В противном случае, цель и характерные особенности дискурса останутся неотмеченными. Правильное понимание юридического дискурса предполагает наличие знания фонового окружения, интенций адресата и адресанта, имплицитных стимулов, мотивов и сюжетных схем, а также самых разнообразных логических переходов специфических особенностей, которые являются характерными для той или иной исторической и социальной эпохи.

Активное сопротивление внушению со стороны адресата происходит во множестве случаев. Если имела место предварительная обработка, степень внушительности основной атаки обратно пропорциональна эффективности подготавливающих высказываний [8, с. 212; 9, с. 13; 10, с. 83]. Опровергающие предварительные действия исподволь предупреждают адресата о природе предстоящих атак.

– *Don't make a joke of it. I'm serious (Shaw G.B., 114) (Не надо шутить над тем, что я говорю. Это – серьезный вопрос).*

Поэтому сопротивляемость внушению будет максимально высока, если атакующие высказывания не нарушают ожиданий, созданных опровергающим предварительным действием. В этой связи приведем следующие высказывания:

Don't mention the firm to me, Kay. I don't want to hear about what they like or dislike... (Grisham J.)

– *It's only an opinion, of course. (Spillane M.) (Конечно, это всего лишь твое мнение).*

– *Do I make myself clear on that point? (Block Th.) (Я достаточно ясно говорю?).*

Если же языковые свойства атакующих высказываний нарушают ожидания, выработанные в результате «опровергающей подготовки» (как в позитивную, так и в негативную сторону), сопротивляемость уменьшается.

You don't have to drive it into the ground. I said I'd do it, didn't I (Chase J.H.)

Sounds interesting. I'm listening (Grisham J.) (Ты меня заинтересовал. Я готов тебя выслушать).

You get me wrong. I wasn't laughing at you (Wilder T.) (Ты неправильно меня понял. Я вовсе над тобой не смеялся).

– You're absolutely right. What a fool I am (Salinger J.D.) (Ты совершенно прав, а я – дурачок).

Как видим из приведенных нами примеров, говорящий действует под влиянием личности и деятельности адресата. Говоря другими словами, отправитель речи приводит высказывание, которое побуждает получателя сообщения совершить декодирование высказывания, а затем он производит моторную деятельность, в которой он заинтересован. Следовательно, вносимые в семантику дискурса толкования будут также связаны с интенцией адресата.

Рассматривая структуру юридического дискурса, мы считаем весьма важным отметить и то немаловажное обстоятельство, что позиция, в пользу которой выступает пропонент, непосредственно находится в интересах адресата. Отстаивая эти стимулы и интересы, можно создать рычаг воздействия на эмоции, а также управлять самыми разнообразными чувствами, к примеру, чувством долга и моральными установками. Приведем еще более гибкий и результативный способ управления чувствами.

Таковым способом является способ управления, когда выдвигаются доводы в присутствии кого-либо. Однако при этом на сторонний взгляд как будто бы и вовсе не происходит никакого воздействия на адресата. Отправитель речи размышляет вслух при свидетелях и, приводя те или иные весомые доводы в пользу того или иного утверждения, пытается убедить собеседника в том, что совершенно противоположно выдвигаемому тезису.

Отметим также, что дискурс, в том числе и юридический дискурс, по специфике своего характера направленный на внушение, опирается на систему взглядов потенциального получателя информации с целью модифицировать те или иные интенции, мнения и мотивировку действий аудитории.

Just reporting the facts. It's nothing personal (Bloch Th.) (Я просто сообщаю факты. Ничего личного).

– Do I make myself clear on that point? (Block Th.) (Я достаточно ясно говорю?).

В той обстановке, где происходит активное восприятие внушения, получатель сообщения изначально настроен на то, чтобы его могли легко убедить. Такое «беспробойное» восприятие информации имеет место особенно в тех условиях, когда реципиент имеет надежду, что происходящее – в его интересах. Можно отметить прямое соотношение между интенсивностью применяемых речезыковых средств в доминантно выполняемой атаке и сопротивлением получателя сообщения. Такое преодоление сопротивления является результатом смешанной поддерживающей или же опровергающей или предварительной подготовки.

I'm sure you're aware of it, but it's worth mentioning. It's very important to us (Grisham J.).

That's not what I mean. I wasn't talking philosophy. I was thinking of actual bare prosaic facts (Christie A.).

Таким образом, выявив и проанализировав характерные особенности понятия «юридический дискурс», мы пришли к заключению о наличии весьма важного определяющего влияния на юридический дискурс такого прагматического составляющего, как самые различные постулаты или принципы речевой коммуникации, которых придерживаются коммуниканты в ходе речевого акта. Данные постулаты являются определяющей составляющей природы дискурса, а это может быть объяснено тем обстоятельством, что дискурс выстраивается на соблюдении или же, наоборот, на не соблюдении в ходе коммуникативного акта общающимися этих постулатов.

Библиографический список

1. *Попова Т.Г.* Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). Монография. – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 179 с.

2. *Попова Т.Г.* Национально-культурные факторы и элементы языкового кода // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). – Вып. 15. – М., 2009. – С. 201–209.

3. *Попова Т.Г.* Когнитивно-семантические аспекты переводоведения // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сборник статей. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 353–361.

4. *Попова Т.Г.* Культурологический аспект межъязыковой коммуникации // Язык, культура, речевое общение: Сборник материалов Международной конференции к 85-летию профессора М.Я. Блоха. В 2-х частях. Ч. 2. – М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 2009. – С. 476–480.

5. *Попова Т.Г.* Функциональное единение лингвистики и правоведения // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: Материалы международной конференции (10–11 апреля 2009 года). – М.: РУДН, 2009. – С. 269–272.

6. *Тягунова Т.В.* Негативность различения и предел интерпретации в образовательном дискурсе // Идея университета: парадоксы самоописания. – Минск: БГУ, 2002. – С. 213–219.

7. *Dijk T.A. van., Kintsch W.* Strategies of Discourse Comprehension. – N.Y. etc.: Academic Press, 1983. – 418 p.

8. *Halliday M.A.K.* Explorations in the functions of Language. – London, 1974. – 208 p.

9. *Goffman E.* Interaction Ritual. – N.Y., 1967. – 521 p.

10. *Leech G.N.* Principles of Pragmatics. – L., N.-Y., Longman, 1983. – 250 p.

ГЛАГОЛЫ И ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕКСТА

В статье приводятся результаты исследования по выявлению ключевых элементов текста, составляющих его синтаксическую основу, с целью определения универсальных языковых маркеров. В качестве таких элементов предлагается использовать глаголы, отглагольные образования и выражающие модально-темпоральные отношения элементы предиката, без которых построение предложения практически невозможно. Универсальность выбранного подхода и верность направления работы подтверждается историко-лингвистическим анализом.

Результаты исследования могут быть полезны широкому кругу специалистов: лингвистам, преподавателям, разработчикам систем обработки текста и т. д.

Ключевые слова: ключевые элементы текста, опорные элементы текста, синтаксическая основа предложения, предикат предложения, глагол, отглагольные образования.

Текст – это отражение реальности, в котором сводятся все подходы к языку [3]. Его можно рассматривать как семантико-грамматическое когнитивное представление действительности в разных аспектах: культурологическом, социологическом, тематическом и других, а также в различном оформлении: стилистическом, грамматическом, лексическом, фразеологическом и т. д. Конкретная реализация этих аспектов и форма представления зависят как от субъективных качеств авторов, так и объективных причин: тематики, задач сообщения, требований к изложению, условий публикации и т. д. Таким образом, текст является сложным разноплановым объектом, требующим дифференцированного подхода к его анализу и обработке, а также комплексного восприятия всех его свойств и особенностей.

На сегодняшний день разработано множество способов и технологий обработки текста, основанных на выявлении нужных показателей – маркеров, которые обусловлены задачами анализа. Например, могут выделяться культурные, указывающие на признаки определённой культуры в повествовании [6, с. 128–131]; темпоральные, указывающие на время событий [1, с. 52–57 и 7, с. 12–15]; грамматические, указывающие на особенности употребления грамматики [11, с. 43]; стилистические и другие маркеры, среди которых наиболее значимыми считаются семантические, называемые «ключевыми элементами» текста. Выделение ключевых элементов обычно составляет первый этап обработки текста [12, с. 5]. В их качестве могут выступать слова, словосочетания и конструкции, несущие базовую смысловую нагрузку, составляющие информационную основу и представляющие особую значимость для понимания сути данного текста. Выбор ключевых элементов – это основной процесс смыслового свёртывания материала при анализе и компрессии первичного документа, например, при реферировании и других аналогичных операциях. Такие элементы считаются опорными для семантики, так как составляют логическую основу текста, их нельзя заменить без искажения

сути, а их устранение приводит к её исчезновению [8, с. 308–309]. Однако семантические опорные элементы не всегда составляют грамматическую или стилистическую основу этого текста. Например, по одним признакам они могут считаться опорными (так как образуют логический каркас текста и соотносят его с действительностью), а по другим – стилеобразующими (так как обладают ярко выраженной стилистической окраской). Следовательно, градация таких элементов не является фиксированной и допускает существование промежуточных или гибридных вариантов, один из которых представлен ниже.

На основе проведённых исследований автором выявлены тематико-независимые синтаксические маркеры, позволяющие не только выделить грамматическую основу текста, но и идентифицировать язык, который был использован для фиксации информации в нём. Для их выявления проведён глубокий историко-лингвистический анализ, результаты которого показали универсальность выбранного подхода и верность направления работы, обусловленную особенностями развития человека как в антропологическом, так и биологическом плане.

По мнению языковедов, ещё в протоязыке выделились такие категории, как *существительное* и *глагол*, или *подлежащее*, *сказуемое* и *дополнение*, которые имеют чётко выделяемое универсальное «ядро» (основу) и более размытую «периферию» [2, с. 52]. Существительные и именные группы прототипически обозначают дискретные, стабильные во времени объекты, в то время как глаголы прототипически обозначают положения вещей, подверженные изменению в пространстве и времени. При этом конституирующей основой предложения является не обозначение действия, а та составляющая, которая содержит информацию о времени, модальности и т. п. категориях. Чаще всего это глагол, но в некоторых языках такая информация может содержаться и в именной группе, например, в турецком предложении *bu kalemdi* (*это было перо*) или в ненецком *тики манась* (*это*

был я) показатели прошедшего времени *-di* и *-acь* присоединены не к глаголу, а к существительному (*kalem – nero*) и местоимению (*man – я*). По утверждениям исследователей эволюции языков мира, протоязык состоял почти исключительно из существительных и глаголов, а таких модификаторов, как прилагательные или наречия, в протоязыке не существовало, они появились значительно позже. В протоязыке слова практически не взаимодействовали, поэтому речь его носителей выглядела примерно так, как разговор на плохо выученном иностранном языке или пиджине, а переход от протоязыка к праязыку можно сравнить с переходом от пиджина к креольскому языку. Моментом возникновения праязыка считается появление связей между словами в рамках высказывания, то есть появление примитивной грамматики.

Американский учёный Д. Бикертон, внесший наиболее весомый вклад в разработку идеи лексического протоязыка, обращает внимание на две характеристики высказываний (вокализаций) на лексическом протоязыке – предикативность и синтаксичность [14, с. 41]. По его мнению, первым свойством эти высказывания обладают, а вторым – нет (или обладают в малой степени). У протоязыка, праязыка и языка современного человека есть одна важная особенность, отсутствующая в любой системе коммуникаций животных: возможность соединять слова. Комбинация элементов любого языка или протоязыка должна иметь определенный смысл, который очевидно выделяется, если взять нечто (субъект) и сказать о нём что-нибудь (предикат). По утверждению Бикертон, предикация – один из основных и фундаментальных процессов в языке [15, с. 516], что свидетельствует о её основополагающей роли в его развитии.

К похожему выводу приходят и специалисты по детской речи, так как на первом этапе формирования представлений о языке ребенку важно усвоить слова-глаголы (слова-действия), которые играют ключевую роль в процессе развития коммуникативной функции. Сначала дети учатся правильно реагировать на эти слова, а затем – начинают их использовать самостоятельно. Если не акцентировать внимание на появлении этих простых слов в активном словаре ребёнка, то он ещё долго будет употреблять в общении ограниченное количество слов, обозначающих некоторые обиходные предметы из его окружения, и обращения к близким людям [4, с. 2, 13, с. 3].

Согласно ряду когнитивных данных, к полутора годам у ребенка формируется концептуальное представление окружающего мира. Детская речь в этот период имеет все свойства протоязыка [5, с. 175]. Ребенок в своей речи использует однозначную концептуальную лексику и особый синтаксис – не конвенциональный, присущий родному языку ребенка, а универсальный, или естествен-

ный. Ребенок использует язык в его наиболее универсальном и истинно человеческом смысле уже на стадии двухсловных предложений, которыми передаются основные понятия и мысли в речи детей на различных языках [9, с. 93–94]. При этом межъязыковое сходство детских фраз и сочетаний по семантике настолько велико в мире, что они кажутся переводом друг друга.

Кроме того, дети с самого начала речевой деятельности усваивают синтаксическую функцию последовательности слов в предложении, четко выделяя субъект и предикат, подлежащее и сказуемое. По мнению С.Н. Цейтлин, для двухсловных детских фраз характерен устойчивый порядок слов, где субъект обычно предшествует предикату [10, с. 216]. Двухсловные высказывания часто сопровождаются жестами и мимикой, например:

Мама, papa? – Мама, где папа?

Мама, na! – Мама, у меня (оно) упало.

Мама, ди – Мама, иди (сюда).

Мама, тятя – Мама, тебя Саша зовет.

Как видно из примеров детских фраз, уже на раннем этапе развития речи и формирования понятий языка действие подразумевается в любом высказывании, однако набор существительных ещё не является связным текстом. Связи появляются после осознания носителем языка категории предикативности, а соединить слова в синтагмы и предложения могут только глаголы или семантически подобные образования (причастия, деепричастия, предикативы и т. п.), после чего начинает зарождаться грамматика – основа любого языка. Это утверждение наглядно доказывается следующим экспериментом, где из предложения убираются слова до тех пор, пока оно существует и сохраняет свой смысл:

Российская строительная организация возвела большой железобетонный мост через реку Сетунь.

Строительная организация возвела большой железобетонный мост через реку Сетунь.

Организация возвела большой железобетонный мост через реку Сетунь.

Организация возвела железобетонный мост через реку Сетунь.

Организация возвела мост через реку Сетунь.

Организация возвела мост через реку.

Организация возвела мост через Сетунь.

Организация возвела мост.

Она возвела мост.

Она возвела его.

Как следует из данных примеров, предложение существует и сохраняет свою идею до тех пор, пока в нём присутствует глагол, даже если подлежащее и дополнение заменены местоимениями. Но без глагола предложение перестаёт существовать и теряет первоначальный смысл, что наглядно демонстрирует следующий пример.

Полноценное предложение: *Российская строительная организация возвела большой железобетонный мост через реку Сетунь.*

Набор слов: *Российская строительная организация большой железобетонный мост через реку Сетунь.*

Как видно из примера, глагол является основой данного предложения, так как без него непонятно, что именно сделала или не сделала организация с мостом и имеет ли она к нему какое-то отношение вообще. Например, она могла его купить, продать, открыть, захватить, разрушить, отремонтировать, повредить, передать, забыть достроить, пообещать построить и т. д. Более того, предложение превратилось в набор слов, не имеющий первоначального смысла и синтаксической функции в тексте.

Ещё одним доказательством в пользу основополагающей функции глагола (или семантически аналогичных образований) в тексте является наличие во многих языках однословных самодостаточных глагольных предложений, не требующих логического подлежащего, примеры которых приведены ниже.

В русском языке: *Дождит. Снежит. Светает.*

В кастильском языке: *Llueve. Nieve. (Дождит. Снежит.)*

В немецком языке: *Es regnet. Es schneit. (Дождит. Снежит.)*

В последнем примере появляется формальное подлежащее *es* (это), которое требуется правилами немецкой грамматики, но логического значения в данном предложении оно не имеет.

В противоположность этому однословные предложения с существительными всегда подразумевают предикат, который появляется в других временных планах и наклонениях, так как только он способен выражать категории времени и модальности. Для примера приведено русское однословное предложение.

Зима (настоящее время).

Была зима (прошедшее время).

Будет зима (будущее время).

Эх, была бы зима (сослагательное наклонение).

Как видно из примеров, без глагола данное слово-предложение не может быть самостоятельной семантико-грамматической единицей связного текста, так как не обладает синтаксической функцией.

Результаты данных экспериментов и заключения специалистов, изучавших формирование языка на ранних стадиях развития, показывают, что глаголы, отглагольные образования или их функциональные аналоги – основа любого предложения, а следовательно, они являются ключевыми элементами текста. Таким образом, их можно использовать в качестве идентификационных или опорных маркеров, например, при синтаксическом разборе, грамматическом или стилистическом анализе, определении языковой принадлежно-

сти текста и т. д., поскольку без таких элементов связных текстов практически не встречается. Кроме того, на этих элементах стоит акцентировать внимание в методиках изучения и преподавания языков, а также при машинном анализе текста. Надёжность указанных маркеров обусловлена их разнообразием и характерными особенностями, связанными с необходимостью выражения модально-темпоральных отношений, присущих каждому языку и диалекту, что делает их универсальными идентификаторами языка и связующими звеньями любого текста. Это наглядно доказывается следующими примерами на трех различных языках Европы: русском – восточнославянской языковой группы, немецком – западногерманской группы и кастильском (испанском), который относится к западнороманским языкам (ключевые элементы выделены полужирным шрифтом. – С. К.).

Русский язык:

*Усть-Камчатским межрайонным следственным отделом следственного управления СКР по Камчатскому краю возбуждено уголовное дело в отношении 16-летней школьницы поселка Усть-Камчатск. Она **подозревается** в совершении преступления, **предусмотренного** ч. 1 ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти).*

*По данным следствия, в марте 2016 года 16-летняя ученица школы в состоянии алкогольного опьянения, **находясь** на лестничной площадке жилого дома в поселке Усть-Камчатск, не желая **подчиниться** участковому **уполномоченному** полиции Усть-Камчатского МО МВД России, который правомерно **потребовал** от нее **прекратить** хулиганские действия и **продолговать** в больницу для медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, ногой **нанесла** удары в область живота и паха сотрудника полиции.*

*В настоящее время следствием **проводится** комплекс следственных действий, **направленных** на установление всех обстоятельств **произошедшего** (отрывок из новостной ленты).*

Немецкий язык:

*Nicht der **polternde** Rebell, sondern der seriöse Staatsmann: So **präsentierte** sich Donald Trump in dieser Woche bei seiner außenpolitischen Grundsatzrede. Jedes Wort vorher **überlegt**: “Das **sind** meine Ziele als Präsident: Ich **strebe** eine Außenpolitik **an**, die alle Amerikaner **unterstützen können**, die unsere Freunde und Alliierten **respektieren** und vollkommen **begrüßen**.”*

*Verantwortlich für diesen Imagewandel **ist** unter anderem Paul Manafort, ein **erfahrener** Politikstrategie. Trump **hat** ihn jetzt in sein Wahlkampfteam **geholt**, um für ihn den **entscheidenden** Parteitag der Republikaner **vorzubereiten**. Bei CNN **sagte** Manafort über seine Rolle: “Kampagnen **haben** verschiedene Phasen. Donald Trump **hat** Historisches*

erreicht. Aber weil Kampagnen in Abschnitten funktionieren, hat er verstanden, dass es Zeiten gibt, in denen Gewinnen nicht alles ist. Es geht darum, wie du gewinnst und wie viel du gewinnst” (отрывок из новостной ленты).

Кастильский язык:

Mientras el evento transcurría con normalidad dentro del auditorio empezó pasadas las 7:30 hora local, a sus puertas numerosos manifestantes con banderas de México bloquearon al tráfico la intersección de Fairview Road y Fair Drive durante minutos y se vivieron escenas de peligro cuando un sujeto al volante de un automóvil comenzó a realizar peligrosas maniobras – donas o giros 360 – que cerca estuvieron de causar algún atropello.

A pesar de la abundante presencia de agentes uniformados, la tensión escaló por momentos y varios exaltados arremeterieron contra un coche de la policía de Costa Mesa.

Un joven se subió al techo de la misma unidad policíaca para brincar ante la ovación de los manifestantes que no dejaban de corear un insulto a Donald Trump. Luego intentaron voltearla, pero no tuvieron éxito. El vehículo terminó con los cristales quebrados (отрывок из новостной ленты).

Как видно из приведённых примеров, без глагольных форм и отглагольных образований тексты утратят синтаксические связи и перестанут существовать, а на их месте образуется набор слов и сочетаний, относящийся к тематике текста.

Следует отметить, что для русского языка наиболее употребительными являются формы инфинитивов, причастий и деепричастий, а также личные формы третьего лица настоящего и прошедшего времён. Те же глагольные формы преобладают в текстах на немецком и кастильском языках, что доказывает определённую закономерность их использования в разных языках и диалектах. А их количество практически постоянно и не зависит от тематики текста, что подтверждается следующими подсчётами.

Русский язык: среднее количество глагольных и отглагольных форм в текстах ~ 16,9 %. Из них ~ 3 % относятся к 10 наиболее частотным глаголам, что составляет ~ 17,5 % глагольных и отглагольных форм текста.

Кастильский язык: среднее количество глагольных и отглагольных форм в текстах ~ 16,6 %. Из них ~ 5,8 % относятся к 10 наиболее частотным глаголам, что составляет ~ 34,6 % глагольных и отглагольных форм текста.

Немецкий язык: среднее количество глагольных и отглагольных форм в текстах ~ 19,8 %. Из них ~ 5,8 % относятся к 10 наиболее частотным глаголам, что составляет ~ 29,3 % глагольных и отглагольных форм текста.

Как видно из приведённых данных, среднее количество глагольных и отглагольных форм в тек-

стах на разных языках является общей статистической закономерностью, а использование наиболее употребительных глаголов (и производных от них) практически постоянно для конкретного языка, что позволяет уменьшить количество синтаксических маркеров при обработке текстов достаточного объёма. То есть, для анализа текстов на большинстве европейских языков достаточно использовать формы простого инфинитива, причастий и деепричастий, а также простые личные формы третьего лица настоящего и прошедшего времён выбранных глаголов с учётом особенностей практической грамматики каждого языка. Например, при наличии в языке нескольких прошедших времён выбираются только наиболее употребительные. Чаще всего это простое прошедшее совершенное время типа аориста и прошедшее повествовательное, обычно – имперфект. Кроме того, нужно учитывать специфику и тематику анализируемых текстов. Например, в новостных лентах часто встречаются цитаты из высказываний, в которых употребляются формы глаголов первого лица, а специфика некоторых текстов требует использования форм будущего времени, так как в них высказываются предположения о грядущих событиях или намерениях. Ниже приводятся два отрывка из новостных сообщений, написанных в подобном стиле.

По информации агентства, у КПП Стурскуп – Борисоглебск появится стальной забор длиной 200 м и высотой 3,5 м. Подобные меры необходимы, чтобы обеспечить безопасность дороги в Шенгенскую зону в случае ухудшения ситуации с беженцами из Африки и Ближнего Востока. Строительство завершится до наступления холодов.

Лучшие времена для Украины с её «огромным потенциалом» ещё впереди, приводит немецкое издание Die Welt, обзор материала которого публикует ИноТВ, слова мэра Киева Виталия Кличко в день празднования 25-летия украинской независимости.

«Мы меняем нашу страну, мы меняем Киев, за который я в ответе. Не всегда это удаётся так быстро, как этого хотелось бы, но шаг за шагом мы доказываем, что являемся членом европейской семьи», – считает Кличко (фрагменты из новостных лент).

Как видно из второго примера, в подобных текстах наиболее продуктивно применять формы первого лица, но с учётом грамматических особенностей и предпочтений носителей, использующих этот язык.

По итогам проведённых исследований можно заключить, что в среднем содержание глагольных и отглагольных форм в общем количестве слов составляет ~ 18 % и несущественно зависит от тематики или языка текста, а значит, такие формы могут использоваться как универсальные лексико-грамматические маркеры, составляющие синтаксиче-

скую основу текста. Кроме того, число подобных форм в тексте очевидно превышает количество других маркеров, что существенно понижает сложность и ресурсоёмкость анализа, а также требует меньше анализируемого материала.

Библиографический список

1. Бузина Е.И. Частотность маркеров темпоральности в функционально-семантическом поле концептосферы художественного текста // Филологический аспект. – Нижний Новгород, 2016. – № 12. – С. 52–57.
2. Бурлак С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. – М.: Астрель, 2011. – 464 с.
3. Вишневецкая Н.А., Романова О.Н. Лингвистика текста и категории иноязычного специального текста // Концепт: науч.-метод. электронный журнал. – 2017. – Т. 19. – С. 11–16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/770395.htm>.
4. Громова О.Е. Алло! Ляля? Речь. Первые глаголы. – М.: Карапуз, 2003. – 16 с.
5. Дифференциально-интеграционная теория развития / сост. Н.И. Чуприкова, А.Д. Кошелев. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 496 с.
6. Ерофеева И.В. Маркеры русской культуры в современном медиатексте // Гуманитарный вектор. – Чита, 2016. – Т. 11. – № 3. – С. 127–136.
7. Огнева Е.А. Темпоральные маркеры в архитектонике текстового когнитивного сценария (на материале произведения А. Бека «Волоколамское шоссе») // Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 9–15.
8. Пузырёв А.В. О разграничении понятий «опорные и ключевые элементы художественного текста» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2014. – № 16. – С. 308–317.
9. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. Перевод с англ. Е.И. Негневицкой / под общ. ред. и с предисловием А.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1976. – 336 с.
10. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие. – М.: ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
11. Черкасова М.Н. Грамматические маркеры русских речевых форм с агрессивной семантикой (на примере текстов СМИ) // Мир русского слова. – 2010. – № 4. – С. 42–47.
12. Черновалюк И.В. Реферирование научного текста: метод. рекомендации по рус. яз. для иностранных студентов и аспирантов. Ч. 2. – Одесса, 2012. – 47 с.
13. Янушко Е.А. Развитие речи. Первые глаголы. – М.: Эксмо, 2011. – 16 с.
14. Bickerton D. Adam's Tongue: How Humans Made Language, How Language Made Humans. – N. Y.: Hill and Wang, 2009.
15. Bickerton D. Language evolution: A brief guide for linguists // Lingua. – 2007. – № 117. – P. 510–526.

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Н. ОСТРОВСКОГО

В статье рассматриваются имена собственные в исторических произведениях А.Н. Островского. Антропонимы включаются в широкую систему художественных номинаций, которые раскрывают характер героя. Топонимы позволяют уточнить место развёртывания событий, развить сюжетную линию. Ономастическое пространство художественного произведения выполняет не только важную структурно-организующую функцию, но и создаёт общую текстовую семантику, эксплицирует концептуальное содержание пьесы.

Ключевые слова: исторические хроники, ономастическое пространство, оним, топоним, антропоним.

Имена собственные являются неотъемлемой частью языка и органично связаны с его основной функцией – функцией общения. В комплексе со всей словесно-образной системой авторов они приобретают глубокий обобщающий смысл, раскрывают глубокое подтекстовое содержание, образуют ономастическое пространство текста, анализ которого позволяет выявить связи и отношения, существующие между разными персонажами произведения в их динамике, раскрыть особенности его художественного мира [8, с. 196]. В исторической трилогии А.Н. Островского ономастическое пространство включает в себя 84 антропонима и 113 топонимов. В процентном соотношении антропонимы составляют 43 %, а топонимы – 57 % от их общего количества.

Собственные имена – это антропонимы (личные имена людей, а также их клички, прозвища), топонимы (географические названия), зоонимы (клички животных), теонимы (названия мифических существ, божеств) и др. Антропоним в драматическом произведении изначально задаёт установку восприятия героя читателем, поскольку приведён в списке действующих лиц. Часто имена персонажей оказываются одним из способов их характеристики, в том числе являются «говорящими». Антропонимы в творчестве Островского неоднократно становились предметом исследования в работах П.А. Маркова, А.И. Ревякина, В.Г. Сахановского, Н.С. Тугариной, Е.Г. Холодова и др. Как отмечает И.Н. Исакова, также занимавшаяся изучением имен собственных в пьесах А.Н. Островского, «собственные имена в художественном произведении выполняют разные функции. Во-первых, назывную: обозначают персонажа, место действия, создают исторический или местный колорит. Собственные имена делятся на стилистически нейтральные и экспрессивно-оценочные, которые обычно выполняют характерологическую функцию» [5, с. 211].

К историческим хроникам А.Н. Островского относятся «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» (1866), «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866), «Тушино» (1866). Отметим, что в названиях трёх пьес встречаются два антропонима и один топоним. Первая пьеса названа по имени

главного героя, нижегородского мясника Козьмы (Кузьмы) Минина. Антропоним *Кузьма* греческого происхождения, имеет значение ‘устроитель мира’. В истории этот человек остался народным героем, сумевшим в XVII веке организовать сбор средств на ополчение, которое в дальнейшем освободило Москву от польских интервентов. Герой полностью оправдывает значение своего имени. Нижегородский староста является идейным вдохновителем народа, его голосом. Ораторские даные и дар убеждения Минина помогают преодолеть сомнение в мыслях многих людей, ломают негативное настроение народа. Отметим также, что Минин – выходец из народа, а у Островского простые люди всегда играют ключевые роли в произведениях (Калачник, Басманов, юродивый и др.).

В названии хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» использованы имена двух реально существовавших исторических деятелей. В заголовке пьесы выражено противопоставление: борьба двух политиков. Построив хронику на столкновении неординарных и сильных личностей, А.Н. Островский стремился передать сложность характеров исторических героев. В облике Лжедмитрия черты авантюриности (вспыльчивость, легкомыслие) отодвинуты на второй план. Лжедмитрий представлен читателю как обычный, рядовой человек, попавший в сети интриг. А Шуйский прежде всего – расчетливый, трезвый политик. Но и тот и другой пытаются манипулировать мнением народа, понимая, что без его поддержки им своих намерений не осуществить. Интересно, что имя Василий имеет значение ‘царственный, царский’. Этот герой одерживает победу над своим соперником Дмитрием, имя которого означает ‘землевладелец’. Отметим, что в семантике имён присутствует явление энантиосемии, видно, что между этими героями много различий, но есть и общие черты (семы ‘владеющий’, ‘властный’). Например, Дмитрий и Василий – сильные личности, которые готовы идти к своей цели. Оба хитрые и коварные, способные ради своей мечты нарушить нравственные законы. В именах собственных отражается основная тема исторической хроники – борьба за власть.

В названии пьесы «Тушино» употребляется географическое название местности и историче-

ского района на северо-западе Москвы. Топоним *Тушино* обозначает лагерь Дмитрия Самозванца, где царят хаос и беззаконие. Сторонники Дмитрия Самозванца насилюют женщин, играют в кости на людей, убивают стариков и детей ради развлечения. Людей Самозванца в произведении именуют *тушинцами, тушинскими разбойниками*. Тушино в пьесе – это не просто место стоянки Самозванца, это символ наказания, которое постигло Россию.

Все антропонимы в исторических произведениях можно разделить на следующие группы: 1) фамилии, имена и отчества (*Козьма Захарьич Минин, Третьяк Федорович Сеитов, Иван Иванович Биркин* и др.); 2) фамилии и имена (*Роман Пахомов, Ян Бучинский, Василий Скурыгин, Дементий Редриков* и др.); 3) имена и отчества (*Марфа Борисовна, Дмитрий Иванович, Василий Михайлович* и др.); 4) фамилии (*Конев, Власьев, Валув* и др.); 5) имена (*Нефед, Домна, Куцька, Ивашка* и др.); 6) прозвища (*Чика, Беспута, Корела, Асан-Ураз* и др.); 7) библеизмы (*Геддеон, Самсон, Никола* и др.). Все имена героев, их прозвища в исторических пьесах реальные. А.Н. Островский при написании пьес тщательно изучал исторические материалы. «История государства российского» Н.М. Карамзина, труды И.Е. Забелина, С.М. Соловьева, А.П. Щапова, «Летопись о многих мятежах», «Акты археографической экспедиции», «Акты исторические», «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», «Иное сказание о самозванцах», «Никоновская летопись», «Собрание государственных грамот и договоров» – вот далеко не полный перечень того, с чем внимательно знакомился драматург [11].

Все топонимы распределены нами по следующим категориям: 1) названия стран (*Швеция, Литва, Польша* и др.); 2) урбанонимы (*Москва, Рим, Нижний Новгород, Углич, Тула, Кострома* и др.); 3) названия сёл, деревень (*Тушино, Балахна, Решма, Тайнинское* и др.); 4) названия монастырей (*Троицкий, Воскресенский, Архангельский* и др.); 5) названия улиц (*Чертольская, Арбат, Яузские ворота, Китай-город, Красная слобода* и др.); 6) гидронимы (*Волга, Яик, Пресня* и др.). Как и имена героев, все топонимы реальные, отображающие конкретные исторические места и географические объекты.

Отметим, что при первом появлении антропонима в тексте он предстаёт наиболее полным, часто включает в себя наименование титула, рода занятий персонажа. Например, в хронике «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» главные герои в начале представлены так: *князь Василий Иванович Шуйский* и *Дмитрий Иванович, самозванец*. Аpellлятивы в исторических хрониках частотны и указывают на род деятельности персонажей (*Скопин-Шуйский, великий мечник; Юрий Мнишек, воевода Сендомирский; Елифанец, атаман дон-*

ской и др.). Существительные, сопровождающие имена собственные, обычно находятся справа от антропонима. Слово *князь* имеет нейтральную коннотацию, а *самозванец* – негативную. Первый аpellлятив дает информацию о социальном положении Шуйского, а второй раскрывает авторское отношение к Дмитрию. В произведении этот персонаж захватил власть силой, что является незаконным. Василий Шуйский имеет титул князя, но не царя, что тоже важно для смысла пьесы. В конце хроники именно Шуйский садится на престол, но он является лишь князем, а не истинным царем. Следовательно, оба героя не имеют права быть русскими правителями. В следующих действиях антропонимы употребляются уже без аpellлятивов (*Дмитрий, Василий Шуйский*).

В хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» интересна трансформация имени главного героя. В начале произведения он назван так: *Козьма Захарьич Минин, Сухорук, земский староста Нижнего посада*. Персонаж имеет фамилию, имя и отчество, что говорит об уважительном авторском отношении к нему, упоминание титула указывает на должность, которую занимал Козьма. В дальнейшем снова происходит сокращение имени собственного, что характерно для всех исторических пьес А.Н. Островского (*Козьма Минин*). Но в конце произведения антропоним звучит так: *Минин, Выборный от всей Земли Русской*. Принимая должность выборного, Минин теряет свою индивидуальность (имя и отчество), у него остаётся лишь фамилия, он как бы сливается с народом, становится его голосом. Это единственный герой, чьё имя собственное претерпевает подобную трансформацию. Вероятно, это связано с тем, что для драматурга образ простого человека, сумевшего повлиять на историю, был очень притягателен и интересен. Вследствие этого А.Н. Островский сделал его ключевым героем хроники.

В произведениях А.Н. Островского имена собственные могут также сопровождаться выразительными перифразами. Например, *Дмитрий – тушинский вор, Нижний – ключ всей Волги*. Используя перифраз *тушинский вор*, автор выражает свое отношение к субъекту номинации. Слово *вор* имеет негативную коннотацию, обозначает человека, который занимается воровством, связан с преступным миром. Прилагательное *тушинский* образовано от географического пространства, а именно места, где Дмитрий является настоящим правителем – это лагерь преступников и дезертиров. Перифраз *ключ всей Волги* раскрывает значимость города Нижнего Новгорода как ключевого пункта в борьбе с польскими интервентами. Вероятно, драматург использует перифразы в речи героев для создания возвышенной, торжественной речи, которая способна пробудить патриотические чувства у людей.

При изучении ономастического пространства в исторических произведениях А.Н. Островского было выявлено, что самыми частотными топонимами в хронике «Тушино» являются следующие: *Москва, Ростов, Тушино*; в «Дмитрии Самозванце и Василии Шуйском»: *Тушино, Москва, Польша*; в «Козьме Захарьиче Минине, Сухорукке»: *Москва, Нижний Новгород*. Во всех хрониках встречаются топонимы *Русь, Россия, Московия*. Частотность упоминаний топонимов зависит от места действия хроник. Если место действия «Тушино» ограничено лишь центральной Россией, то в «Дмитрии Самозванце и Василии Шуйском» оно включает в себя не только Россию, но и страны Европы.

Обратимся к монологу Дмитрия из хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский»:

Я здесь чужой! Сюда без страха входят
Отшельники святые только или
Московские законные цари...
Гляжу и жду, что с низенького трона
Сухой старик, с орлиными глазами,
Поднимется и взглянет грозно... грозно!
И зазвучит под сводами глухими
Презрительно-насмешливая речь:
«Зачем ты здесь? Столетними трудами
И бранями потомство Мономаха
Среди лесов *Сарматии* холодной
Поставило и утвердило трон,
Блестящий нетленными венцами
Святых князей, замученных в *Орде*,
Окутанных одеждой херувимской
Святителей и чудотворцев русских, –
Гремящий трон! Кругом его подножья
Толпы князей, склоненные, трепещут
В молчании... Бродяга безбородый!
Легко тебе, взлелеянному смутой,
Внесенному бурливыми волнами
Бунтующей *Украины* в сердце *Руси*,
Подъятому преступными руками
Бояр крамольных, взлезть на опустелый
Московский трон с казацкого седла:
Вскочить легко, но усидеть попробуй! [12, с. 94]

Ключевым в монологе является образ Ивана Грозного, который возникает в мыслях Дмитрия Самозванца. Персонаж ощущает себя чужим в царских палатах: «*Я здесь чужой!*» Предыдущий царь ведёт с ним диалог, рисуя огромную Россию. В реплике много топонимов (*Сарматия, Орда, Украина, Русь*), обозначающих страны. Сарматия – это древнее название восточной части Польши и южной России. Жители её в глубокой древности назывались сарматами [6]. Орда – это государственный союз кочевых тюркских племен (истор.). Золотая Орда – татарская военная деспотия, державшая в подчинении большую часть русских феодальных княжеств до XIV–XV вв. [18]. Украина (Украина) – это государство в Восточной Европе, бывшее в то время частью Руси. Украиной иногда называлась окраина, область рядом с границей. Русь – это первоначальное именование государственного образования восточных славян IX в., до начала XII в.

название территории Древнерусского государства. В XII–XIII вв. Русь – обозначение древнерусских земель и княжеств [4]. Образ Ивана Грозного как последнего царя из Рюриковичей введён драматургом для смыслового контраста с Дмитрием Самозванцем. Могущественный правитель из древней династии и авантюрист, захвативший трон с помощью хитрости, противопоставлены друг другу. Перед Дмитрием рисуются огромные территории русской земли, простирающиеся с запада на восток, и он понимает, что у него нет права и силы управлять ими. В монологе мы узнаем и о нецарственном происхождении героя (*с казацкого седла*). Большое количество топонимов служит для описания обширных пространств России.

Топонимы встречаются в реплике Марфы Борисовны в хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук»:

По храмам Божьим на помин души,
И нищей братье по рукам, в раздачу,
Убогим, и слепым, и прокаженным,
Сиротам и в убогие дома,
Колодникам и в тюрьмах заключенным,
В обители: и в *Киев*, и в *Ростов*,
В *Москву* и *Углич*, в *Суздаль* и *Владимир*,
На *Бело-озеро*, и в *Галич*, и в *Поморье*,
И в *Грецию*, и на святую *Гору*,
И не могла раздать. Все прибавлялось [12, с. 48].

Марфа Борисовна произносит эту реплику, когда отдаёт огромную сумму на нужды ополчения. Люди интересуются, откуда у вдовы столько богатств. Она же отвечает, используя топонимы, называющие святые места, которые посетила. Героиня в своих паломнических исканиях прошла всю центральную Россию (*Киев, Ростов, Москва, Углич, Суздаль, Владимир*), побывала в северных областях (*Бело-озеро, Поморье*), достигла Афона (*Греция, святая Гора*), молясь за погибшего супруга и всех православных. В её речи представлены святые, которые мечтает посетить любой христианин. Обойдя их все, Марфа Борисовна становится человеком, для которого важно не личное благосостояние, а общественное. Поэтому она активно помогает Козьме Минину, жертвует богатство для ополчения и в конце хроники удаляется в монастырь, выполнив своё предназначение.

Таким образом, в исторических произведениях А.Н. Островского каждое имя персонажа является уникальным, так как герой должен запоминаться зрителю. Писатель подбирает личные имена и соотносит их определённым образом с характером персонажей. Ономастическое пространство художественного произведения выполняет не только важную структурно-организующую функцию, но и создаёт общую текстовую семантику, эксплицирует концептуальное содержание пьесы. Центром ономастического пространства исторических пьес А.Н. Островского являются антропонимы. Хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», «Дмитрий

Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино» насыщены большим количеством персонажей – как главных, так и второстепенных. Из явления в явление читатель знакомится с новыми персонажами, которые динамично сменяют друг друга. Рядом с антропонимами расположены топонимы. Список географических мест, где развиваются события, описываемые в исторических хрониках, обширен. Здесь и названия европейских стран, крупнейших городов и поселков, маленьких деревенок, и названия рек и монастырей. Топонимы в пьесах являются названиями реальных географических объектов, которые формируют пространство России в исторических произведениях. Роль имён собственных в исторических хрониках А.Н. Островского велика. Они используются в образной, оценочной, характерологической функциях. Ономастическое пространство характеризует авторскую индивидуальность, отражает своеобразие идиостиля, транслирует яркие черты языковой личности.

Библиографический список

1. *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. – М.: Гослитгиздат, 1959. – 656 с.
3. *Ганжина И.М.* Словарь современных русских фамилий. – М.: Наука, 2001. – 240 с.
4. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – М.: Аутопан, 1998.
5. *Исакова И.Н.* Антропонимы и другие виды номинаций персонажей в пьесе А.Н. Островского «Снегурочка» // Учёные записки Забайкальского государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 211–215.
6. Краткий словарь мифологии и древностей. – М.; СПб.: Издание А.С. Суворина, 1894.
7. *Лобанов М.П.* Александр Островский. – М.: Мол. Гвардия, 1979. – 382 с.– (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр.; вып. 1 (587)).
8. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
9. *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. – М.: Мысль, 1966. – 510 с.
10. *Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. – М.: Школа-пресс, 1993. – 224 с.
11. *Овчинина И.А.* Национальный характер в исторических пьесах драматурга // А.Н. Островский, А.П. Чехов и литературный процесс XIX–XX вв.: сб. ст. в память об А.И. Ревякине. – М., 2003.
12. *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. – М.: Искусство, 1973.
13. *Ревякин А.И.* Искусство драматургии Островского. – М.: Просвещение, 1974. – 334 с.
14. *Сахновский В.Г.* Влияние театра Островского на русское сценическое искусство. – М., 1969. – С. 229.
15. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
16. *Тугарина Н.С.* Имена собственные в сатирических комедиях А.Н. Островского // А.Н. Островский в новом тысячелетии: мат-лы науч.-практ. конф. – Кострома, 2003. – С. 132–137.
17. *Тугарина Н.С.* Имя герой – образ // Щелыковские чтения. Проблемы эстетики и поэтики творчества А.Н. Островского. – Кострома, 2002. – С. 194–205.
18. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка.– М.: Альта-Принт, 2008. – 512 с.
19. *Холодов Е.Г.* Мастерство А.Н. Островского. – М.: Искусство, 1967.

ПОЭТОНИМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ:
ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ(на материале романов А.Н. Толстого, А.Р. Беляева,
Г.Б. Адамова, Ю.А. Долгушина)

В статье рассматриваются собственные имена в художественных произведениях научно-фантастического жанра. Материалом исследования служат романы А.Н. Толстого, А.Р. Беляева, Г.Б. Адамова, Ю.А. Долгушина, созданные и опубликованные в 20–30-е годы XX века. Фантастическое произведение не имеет сюжетных ограничений, поэтому одной из задач автора становится гармоничное совмещение невозможного хронотопа с реальным ономастиком. Собственные имена в научно-фантастических текстах являются жанрообразующим средством. При этом наполнение ономастикона находится в прямой зависимости от сюжета произведения. Для всех рассматриваемых романов характерно именование героев-землян по типичным именованным моделям тех стран, в которых разворачивается действие произведения. При необходимости создания нового, ранее не существовавшего имени (Аэлита, Ихтиандр) авторы семантизируют такие антропонимы.

В романе А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» важную роль играют внутригородские топонимы, описывающие пространство современного автору Парижа. Та же группа онимов в романе А.Р. Беляева «Человек-амфибия» значительно уже, а передача названий не всегда совпадает с реальным именованием объекта. Наиболее многочисленным комплексом онимов в романе Г.Б. Адамова являются наименования морских и океанских пространств, что обуславливается сюжетом путешествия подводной лодки. Особое место в романе Ю.А. Долгушина «Генератор чудес» занимают прецедентные имена учёных, призванные придать большую авторитетность научной информации.

В конце статьи делается вывод о жанрообразующей функции собственных имён в художественном тексте, необходимости семантизации нового онима, а также зависимости наполнения ономастикона произведения от его сюжета.

Ключевые слова: художественный текст, имя собственное, поэтоним, ономастикон.

Научная фантастика – жанр литературы и других видов искусств, одна из разновидностей фантастики. Научная фантастика основывается на фантастических допущениях, которые не выходят за рамки научного восприятия действительности, находятся в пределах области естественных и гуманитарных наук. Основой фабулы научно-фантастических произведений являются новые открытия, изобретения, исследования. **Научная фантастика** обращена в будущее и сориентирована на представления о техническом прогрессе, поэтому наиболее активно она развивается в эпоху научно-технических революций. Писатель-фантаст старается прогнозировать ситуацию, исходя из существующих предпосылок, предполагает, что могло бы быть при определенном уровне развития науки и техники [8, с. 221].

О. Чигиринская называет главной жанрообразующей поэтической чертой научно-фантастического произведения «невозможный» хронотоп, (невозможная вещь в подчеркнута реальном хронотопе). Например, «Аэлита» Толстого начинается как ускэвия, в «марсианской» части роман переходит в утопию, а там, где Аэлита излагает историю своего народа, – в ухронию [11].

Необходимость подражания научному стилю обусловлена особенностями жанра, поэтому ещё одним жанрообразующим средством научной фантастики является большое количество научных терминов из различных областей знаний. В своей

работе «Категории модальности, времени и пространства в жанре научной фантастики» О.С. Бочкова выделяет два типа терминологической лексики, использованной в произведениях научно-фантастического жанра: 1) реально существующая специальная терминология (специфика терминов определяется сюжетом произведения); 2) термины широкой семантики, характерные для специальной литературы по любой теме [4, с. 58].

Собственные имена в научно-фантастическом тексте также могут выполнять жанрообразующую функцию. Например, авторские топонимы помогают в создании нереального хронотопа и одновременно – ономастического фона произведения. В этом, по мнению Е.Ю. Андриенко, заключается «главная антиномия научно-фантастических произведений: будучи фантастичной, ономастика этих произведений обязана быть экзотической, однако для того, чтобы выразить и донести до читателя необходимую информацию, научно-фантастические собственные имена, наоборот, не должны быть экзотическими» [2, с. 95].

Создание и поддержание иллюзии реальности является одной из важнейших функций поэтонимов в научно-фантастическом тексте. Поэтому общей чертой, объединяющей многие произведения данного жанра, является структура антропонимов героев-землян, которые в таких художественных текстах создаются на основе национальной именной модели той страны, в которой разворачивается сюжет. Привычный ономастический фон помогает

читателю поверить также в реальность происходящих в тексте событий.

Автору романа «Аэлита» А.Н. Толстому в связи с особенностями сюжета необходимо было создать для своих героев новые, ещё не употреблявшиеся имена. В таком случае в тексте осуществляется семантизация подобного антропонима.

Например, именем главной героини названа повесть А.Н. Толстого – «Аэлита». Оно создано воображением автора, который предлагает следующую расшифровку этого инопланетного имени: *Теперь, когда Лось произносил имя – Аэлита, оно волновало его двойным чувством: печалью первого слова АЭ, что означало «видимый в последний раз», и ощущением серебристого света – ЛИТА, что означало «свет звезды».*

Имя главного героя романа А. Беляева «Человек-амфибия» – Ихтиандра (– *Познакомьтесь: Ихтиандр, человек-рыба, или, вернее, амфибия, он же морской дьявол*) – переводится с греческого как «рыбочеловек». Его имя выражает основную способность персонажа – свободно перемещаться как на суше, так и в воде. Фамилии или другой части имени, свойственной для любой национальной именной модели, нет, так как человек-амфибия был создан искусственно и ни к одной национальности не принадлежит. Именование этого персонажа сопровождается развёрнутой характеристикой: автор называет его личное имя, которое известно только доктору Сальватору и Кристо, – Ихтиандр; указывается биологический вид данного существа – человек-рыба, или амфибия; называется и его прозвище, данное суеверными рыбаками – морской дьявол. Значит, номинация героя зависит от того, кто его называет.

Научная фантастика пользуется всеми многочисленными возможностями поэтонимов, так как она не подвергается действию каких-либо ограничений. По этой же причине научно-фантастические произведения очень отличаются друг от друга, в том числе и набором используемых имен собственных.

Особенности ономастикона научно-фантастических произведений рассмотрим на примере нескольких романов различных авторов.

Обратим внимание на важность топонимов в романе А.Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Наиболее показательна группа топонимов, обозначающих внутригородское пространство Парижа: приведены названия 4 площадей, 8 названий линейных объектов (улиц, бульваров), 16 эргонимов (собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка; определение понятия приводится по: [9]), 4 названия достопримечательностей.

Следует отметить, что все перечисленные названия не являются самыми известными в Париже

(как, например, Эйфелева башня или Нотр-Дам де Пари). Это говорит о том, что автор очень хорошо знал город, тесно связанный с его биографией (А.Н. Толстой бывал в Париже сначала в качестве военного журналиста, затем в эмиграции), и постарался передать свои знания читателям СССР, которые там не были.

Совершенно иная система поэтонимов представлена в романе А.Р. Беляева «Человек-амфибия». Действие романа разворачивается на Земле, в Аргентине, в Буэнос-Айресе.

Поэтонимы (топонимы и антропонимы), использованные в романе, отличаются неточностью передачи на русский язык. Например, создатель Ихтиандра, профессор и практикующий врач, носит имя *Сальватор* (*Окончив рассказ, Ихтиандр добавил то, что когда-то узнал от Сальватора*), однако в официальном испанском именнике это имя выглядит как Salvador. Б.-С. Зеев также обращает внимание на это несоответствие, указывая на латинское происхождение имени Сальватор [7, с. 237]. Любимая девушка Ихтиандра – *Гуттиэре* (*Незнакомец крепко пожал маленькую руку Гуттиэре*). Данное имя значится в списке официально разрешенных испанских имен и выглядит как Gutierre. Несовпадение в написании имени связано, вероятно, с тем, что А.Р. Беляев давал имена героям на основе фонетических, а не графических данных.

Автор называет главные площади Буэнос-Айреса: площади *Виктории*, *Пуэрто* и *площадь Двадцать пятого мая*. Все они действительно существуют, но у «Пуэрто» в Аргентине другая транскрипция – «Фуэрто», а *площадь Двадцать пятого мая* переименована в площадь Мая. Это ещё раз доказывает, что А.Р. Беляев записал эти названия на основе услышанного. Главными улицами города А.Р. Беляев называет *Авени да Альвар* и *Вертис*. Обе улицы действительно есть в Буэнос-Айресе, но улица в столице Аргентины носит название Авеню де Альвеар. Все эти названия даны в одном предложении, называющем маршрут экскурсии Кристо по Буэнос-Айресу: *Индеец хотел поразить Ихтиандра и повел его по главным улицам города – Авени да Альвар, Вертис, показал площадь Виктории с кафедральным собором и ратушей в мавританском стиле, площадь Фуэрто и площадь Двадцать пятого мая с обелиском Свободы, окруженным прекрасными деревьями, президентский дворец*. Апеллятивный конвой (имена нарицательные, сопровождающие в тексте имена собственные) [5, с. 3] данных топонимов составляют слова, относящиеся к лексико-семантической группе «город»: *улицы города, кафедральный собор, ратуша, дворец*.

Небольшое количество внутригородских топонимов (самых известных) и неточность их передачи на русском языке говорит, на наш взгляд, о том, что автор романа никогда не бывал в Буэнос-Ай-

ресе. Но читатели СССР, закрытого «железным занавесом», не знали об этом, и сама «заграничная» реальность воспринималась ими как фантастика.

Сюжет романа Г.Б. Адамова «Тайна двух океанов» связан с путешествием новейшей подводной лодки во Владивосток. Это обуславливает большое количество использованных топонимов. Самой обширной группой поэтонимов являются различные гидронимы, так как действие происходит на движущейся через два океана подводной лодке. Следует отметить, что из всех возможных видов водных пространств представлены только моря и океаны (и их части). Это связано с тем, что размеры лодки не позволяют ей плавать в водоемах с небольшой глубиной, поэтому в тексте нет названий рек, озер (лишь в воспоминаниях Цоя появляется один раз озеро *Ханка*) и т. п.

Многие гидронимы упоминаются группами для представления маршрута и цели следования подводной лодки: *Они должны были по пути следования подлодки, начиная от Балтийского моря, через Атлантический океан, через Гибралтарский пролив, Средиземное море, Суэцкий канал, глубину которого была к этому времени доведена до тридцати метров, через Индийский океан, Китайское море и до Японского моря, тщательно изучить такие проблемы, как возникновение и прохождение течений на глубинах, фауна больших глубин, рельеф морского и океанического дна, физические и химические процессы в этих областях.* Контекстное окружение данных гидронимов составляют лексемы, входящие в лексико-семантическую группу «Море, океан» и помогающие читателю более чётко представить изображаемую действительность.

Имена членов команды корабля «Пионер» помогают автору воплотить идею дружбы между советскими народами. Русские, украинские, белорусские, корейские, грузинские фамилии носят мореплаватели и учёные на борту подлодки. Главным врагом СССР выступала в то время Япония, поэтому имена преследователей созданы по японской языковой модели.

Интересна система антропонимов в романе Ю.А. Долгушина «Генератор чудес». Их условно можно разделить на 3 группы: имена действующих лиц (*Александр Константинович Ридан, Николай Арсентьевич Тунгусов*), имена учёных (*Павлов, Пастер, Мечников, Дженнер, Эрлих, Циолковский*), имена исторических лиц (*Гитлер, Ленин*). Все они выполняют специфическую функцию. Антропонимам, называющим героев, принадлежит основная функция собственных имён – номинативная. Фамилии учёных выполняют жанрообразующую функцию, придавая научным данным в тексте

большую авторитетность. Имена же исторических лиц, являясь прецедентными, создают ономастический фон, помогая читателю воссоздать реалии конкретной исторической эпохи. Контекстное окружение, наполненное различными советизмами (*Начальник отдела заинтересовался вашим предложением, товарищ Тунгусов, и просил меня привлечь к делу представителей из Наркомата связи и Союза изобретателей*), выполняет ту же задачу.

Обобщая вышесказанное, можно сделать несколько выводов:

1. Добиваясь иллюзии реальности, авторы научно-фантастических текстов создают имена героев по существующим национальным именным моделям.

2. При необходимости создания необычного, нового имени авторы семантизируют его в тексте произведения.

3. Отличия ономастикона различных научно-фантастических произведений обусловлено их сюжетами.

Библиографический список

1. Адамов Г. Два океана. – М.: Правда, 1989. – 512 с.
2. Андреев Е.Ю. Главная ономастическая антиномия научно-фантастических произведений // Шоста респ. ономастична конференция: тез. док. і доп. 1 пов. – Одеса, 1990. – Ч. 1. – С. 94–96.
3. Беляев А.Р. Человек-амфибия. – Тверь, 1992. – 288 с.
4. Бочкова О.С. Категории модальности, времени и пространства в жанре научной фантастики (на материале русско- и англоязычных текстов): дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2006. – 189 с.
5. Васильева Н.В. Собственные имена в тексте: апеллативный конвой // Текст. Структура и семантика. – М., 2005. – С. 3–6
6. Долгушин Ю. Генератор чудес [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=77863> (дата обращения: 12.02.2017).
7. Зеев Б.-С. Александр Беляев. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 428 с.
8. Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А. Массовая литература сегодня: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 424 с.
9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 192 с.
10. Толстой А.Н. Гиперболюид инженера Гарина. Аэлита. – М.: Металлургия, 1985. – 395 с.
11. Чигиринская О.А. Фантастика как способ организации хронотопа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pharisai.at.ua/publ/14-1-0-184> (дата обращения: 16.01.2017).

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОГО ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ НА СУДОУСТРОЙСТВО ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Формирование и становление судебной ветви власти ЛНР происходит с учетом опыта российских коллег, что обусловлено целым рядом объективных обстоятельств, проанализированных в статье. Вбирая в себя положительные характеристики судебной системы Российской Федерации, правосудие Луганской Народной Республики переняло также и те ее особенности, которые вызывают неоднозначную реакцию юридического сообщества в самой России. Среди таковых автор отмечает излишнюю инстанционность; несовершенство механизма комплектования судебных кадров; «перекося» в нагрузке на судей в зависимости от региона и судебной инстанции и др. Автор статьи приходит к выводу о необходимости разработки и принятия долгосрочной Программы развития судебной системы ЛНР с использованием опыта российских коллег, а также рассмотрения возможности применения альтернативных способов разрешения правовых конфликтов, используемых в зарубежных странах с целью уменьшения затрат на финансирование судопроизводства.

Ключевые слова: судебная система, судопроизводство, судоустройство, Программа развития судебной системы, медиация.

13 апреля 2014 года Советом национальной безопасности и обороны Украины было принято решение «О неотложных мерах по преодолению террористической угрозы и сохранению территориальной целостности Украины», которое привело к началу полномасштабных боевых действий на территории Донбасса, а также политической и экономической блокаде. Одним из последствий такого решения стала «эвакуация» судов из зоны антитеррористической операции на территории, подконтрольной действующему правительству Украины. Таким образом, судебная система районов, где проводилась так называемая АТО, фактически перестала существовать, а ее функции частично осуществляла прокуратура [9], в некоторых случаях приговоры выносились по законам военного времени [17].

Однако время шло, военно-политическая ситуация в Луганской Народной Республике постепенно стабилизировалась, все чаще стали возникать вопросы, ответы на которые в правовом демократическом государстве могут дать лишь суды. В связи с этим Глава Луганской Народной Республики И.В. Плотницкий поставил перед Народным Советом задачу разработать законодательство, регулирующее деятельность судебной системы, «запустить» работу судебных органов.

Анализируя становление судебной системы ЛНР, следует обратить внимание на то, что изначально этот процесс происходил с ориентацией на опыт российских коллег. Последнее обусловлено целым рядом объективных обстоятельств, основным из которых является принятие 17 марта 2015 года на заседании Верховной Рады Украины нормативно-правовых актов относительно статуса Донбасса [1; 7; 8]. Исходя из их содержания Украина обозначила практически невыполнимые усло-

вия для получения особого статуса ЛНР и ДНР в составе единого государства. Согласно принятым нормативно-правовым актам, положения, связанные с особым статусом указанных в них регионов, вступают в силу только после досрочных выборов, которые должны быть проведены на территориях ЛНР и ДНР в полном соответствии с украинским законодательством в присутствии международных наблюдателей после вывода всех незаконных вооруженных формирований, их военной техники, боевиков и наемников с территории Украины.

Именно с этого момента стало окончательно ясно, что Луганская и Донецкая Народные Республики попали в законодательный тупик: Украина признавала территории обеих республик своими, но не признавала их действующую власть, не сочла легитимной систему государственных органов, в т.ч. судов, и принятые ими решения. Так, существуя de-facto, de-jure ЛНР не имела статуса признанного государства, вследствие чего на территории Республики возникли правовой и экономический коллапс, остро стала потребность в создании собственной законодательной базы и механизмов реализации ее положений.

В этот момент Россия очередной раз протянула руку помощи людям, населяющим Донбасс, что и стало отправной точкой для вхождения на территорию непризнанных республик не только так называемого русского мира, но и норм российского законодательства, по образу и подобию которого постепенно строилась законодательная база ЛНР и ДНР, в том числе, регулирующая функционирование судебной системы.

Так, 30 апреля 2015 года были приняты Закон ЛНР «О создании судов Луганской Народной Республики» [2] и Закон ЛНР «О судебной системе» [3], 22 мая 2015 года – Закон ЛНР «О статусе

судей» [4], 29 мая 2015 года – Закон ЛНР «О Верховном Суде Луганской Народной Республики» [5], 19 июня 2015 года – Закон ЛНР «О Судебном департаменте при Верховном Суде Луганской Народной Республики» [6].

Анализ данных законодательных актов позволяет нам сделать вывод о том, что, вбирая в себя положительные характеристики судебной власти Российской Федерации (осуществление правосудия только судом; независимость судей и подчинение их только закону; несменяемость; неприкосновенность; открытое разбирательство дел в судах; равноправие и состязательность сторон в судебном процессе; финансирование судов только из государственного бюджета и т.д.), правосудие Луганской Народной Республики переняло также и те ее особенности, которые вызывают неоднозначную реакцию юридического сообщества в самой России. Например, излишнюю инстанционность (наличие надзорной инстанции); несовершенство механизма комплектования судебных кадров; «перекося» в нагрузке на судей в зависимости от региона и судебной инстанции и др.

В то же время от Украины судебная власть ЛНР унаследовала определенный опыт функционирования судебных органов, часть средств их материально-технического обеспечения и некоторое число судей, не подчинившихся Указу Петра Порошенко от 15 ноября 2015 года о введении в действие решения Совета национальной безопасности и обороны Украины от 4 ноября «О неотложных мерах по стабилизации социально-экономической ситуации в Донецкой и Луганской областях» [10] (согласно которому на территориях проведения антитеррористической операции была прекращена деятельность государственных предприятий, учреждений и организаций; по возможности вывезено имущество и документация, а государственные служащие и должностные лица местного самоуправления были переведены на работу в районы, подконтрольные действующей власти Украины) и принявших Присягу судьи Луганской Народной Республики [14, с. 207].

Имея такие исходные данные, республика все же смогла отобрать профессиональные кадры и «запустить» работу судов. Согласно данным Судебного Департамента при Верховном Суде Луганской Народной Республики, на настоящий момент в ЛНР функционирует 17 судов, в которых осуществляют деятельность 68 профессиональных судей. В связи с непростыми военно-политическими и экономическими условиями возобновлено лишь уголовное, а с октября 2016 года – и административное производство.

За 2016 год в суды Луганской Народной Республики поступило 6112 уголовных дел в отношении 7819 лиц, из которых по состоянию на 01.01.2017 года рассмотрено 5840 дела. Остаток

нерассмотренных дел составляет 770 производств в отношении 951 лица. Интересно, что за отчетный период в суды республики поступили 25 уголовных дел в отношении 32 лиц, возбужденных по признакам ст. 365–388 УК ЛНР (преступления против правосудия), из которых 22 дела было рассмотрено, по 18 постановлен приговор, 2 дела прекращены производством, 2 возвращены прокурору при предварительном рассмотрении, 3 дела по настоящее время находятся на рассмотрении [11].

На деятельность судебных органов ЛНР сегодня оказывают негативное влияние следующие факторы: 1) финансово-экономические проблемы в республике; 2) кадровый голод (многие судьи с большим опытом работы были «эвакуированы» правительством Украины с территории ЛНР или ушли в отставку); 3) отсутствие стажа работы у ряда судей: некоторые вновь принятые судьи не имеют практического стажа судейской работы, вследствие чего страдает скорость и качество рассмотрения дел; 4) слишком большой объем работы на имеющееся количество судей; 5) отсутствие необходимой техники: бывшие руководители судов всех инстанций вывезли большое количество технических средств и оборудования, используемого при осуществлении правосудия (для фиксации судебного процесса, технического оснащения кабинетов судей, залов судебных заседаний) и т.д.

Помимо этого, в ЛНР остро стоят вопросы о «запуске» апелляционной и кассационной судебных инстанций; обеспечении реализации конституционных прав граждан на рассмотрение и разрешение гражданских и арбитражных споров; определении приоритетных объектов судебной системы, для обеспечения функционирования которых требуется выделение значительных финансовых средств из государственного бюджета.

Однако если взглянуть на эти факторы под другим углом, становится очевидным, что они же дают новые возможности для построения независимой и справедливой судебной власти в республике. К указанным возможностям относятся следующие: 1) отсутствие влияния на деятельность судей ЛНР старых коррупционных связей (в связи с полной перезагрузкой всей системы государственных органов и властных структур в Республике); 2) возможность выработки новой, более эффективной системы судоустройства, используя передовой опыт России и других зарубежных государств; 3) возможность формирования нового, более совершенного образа судьи, обладающего целым набором качеств, позволяющих на самом высоком уровне осуществлять свою профессиональную деятельность и пользоваться авторитетом и уважением народа.

Определение круга проблем, требующих первоочередного разрешения, является важным шагом на пути к построению в Луганской Народной

Республике эффективной судебной власти. Но за этим шагом непременно должен следовать следующий – разработка и принятие долгосрочной государственной программы развития судебной системы республики, как это было сделано в России. Опыт программного подхода к совершенствованию организации органов судебной власти, полученный в ходе реализации федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы [12], принес положительные результаты, о чем красноречиво свидетельствует разработка и принятие федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [13]. В этой связи разработка и принятие соответствующей долгосрочной программы развития судебной системы ЛНР, направленной на повышение качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров; обеспечение доступности и открытости правосудия; повышение авторитета судебной власти; обеспечение независимости судебной системы; повышение качества исполнения судебных актов и проводимых судебных экспертиз может стать залогом целенаправленного, планомерного и прогнозируемого становления судебной системы республики. Однако, разрабатывая указанную Программу, следует принять во внимание, что в настоящее время в большинстве стран мира существует два основных вектора развития правосудия: первый указывает дорогу в направлении увеличения затрат государственного бюджета на финансирование деятельности судебных органов, второй, напротив, предполагает максимальное упрощение и удешевление судопроизводства, сокращение затрат на финансирование судебных органов [15].

В условиях непростого экономического положения республики внимание ученых и законодателей ЛНР следует сосредоточить на исследовании различных вариантов сокращения затрат на финансирование судебных органов. В первую очередь, нельзя игнорировать возможность применения альтернативных способов разрешения правовых конфликтов. Так, на наш взгляд, перед законодателем ЛНР следует поставить вопрос о возможности имплементации в действующую нормативно-правовую базу республики норм зарубежного законодательства, регламентирующих институт медиации, который можно рассматривать как альтернативу рассмотрения дел судебными органами в рамках Концепции восстановительного правосудия [16; 18, с. 165–166]. В этой связи следует подчеркнуть, что поиск альтернатив уголовному преследованию во многих развитых правовых государствах мира, в том числе России, становится все более активным, начиная от применения примирительных процедур, полицейского предупреждения, штрафов по соглашению и оканчивая условным отказом от уголовного преследования,

трансакцией и др. Таким образом, с учетом практического опыта и передовых научных достижений зарубежных и, в первую очередь, российских коллег, Луганская Народная Республика сможет избежать многих ошибок и в обозримом будущем сформировать эффективную, независимую и пользующуюся доверием граждан судебную систему.

Библиографический список

1. Про внесення зміни до статті 10 Закону України «Про особливий порядок місцевого самоврядування в окремих районах Донецької та Луганської областей»: Закон України від 17.03.2015 № 256-VIII. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/256-19> (дата обращения 20.04.2017).
2. О создании судов Луганской Народной Республики: Закон Луганской Народной Республики от 30 апреля 2015 г. № 19-II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/943> (дата обращения 20.04.2017).
3. О судебной системе: Закон Луганской Народной Республики от 30 апреля 2015 г. № 18-II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/939> (дата обращения: 21.04.2017).
4. О статусе судей: Закон Луганской Народной Республики от 22 мая 2015 г. 29-II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/985> (дата обращения 21.04.2017).
5. О Верховном Суде Луганской Народной Республики: Закон Луганской Народной Республики от 29 мая 2015 г. 35-II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1130> (дата обращения 21.04.2017).
6. О Судебном департаменте при Верховном Суде Луганской Народной Республики»: Закон Луганской Народной Республики от 199 июня 2015 г. 36-II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1179> (дата обращения 21.04.2017).
7. Про визнання окремих районів, міст, селищ і сіл Донецької та Луганської областей тимчасово окупованими територіями: Постанова Верховної Ради України від від 17.03.2015 № 254-VIII. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254-viii> (дата обращения 21.04.2017).
8. Про визначення окремих районів, міст, селищ і сіл Донецької та Луганської областей, в яких запроваджується особливий порядок місцевого самоврядування: Постанова Верховної Ради України від 17.03.2015 № 252-VIII. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/252-viii> (дата обращения 21.04.2017).

9. О закреплении функций избрания меры пресечения: Указ Главы Республики от 15 января 2015 года №07/01/01/15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lug-info.com/documents/one/ukaz-glavy-lnr-o-zakreplenii-funktsii-izbraniya-mery-presecheniya-22> (дата обращения 21.04.2017).

10. Про Рішення Ради національної безпеки і оборони України від 04.11.2014р. «Про невідкладні заходи щодо стабілізації соціально-економічної ситуації в Донецькій та Луганській областях»: Указ президента України від 14.11.2014 № 875/2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/875/2014> (дата обращения 21.04.2017).

11. Информация Судебного департамента при Верховном Суде Луганской Народной Республики по результатам обобщения рассмотрения судами Луганской Народной Республики дел уголовного судопроизводства за 2016 год.

12. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63101/ (дата обращения 21.04.2017).

13. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы». [Электронный ресурс]. – Режим досту-

па: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140638/ (дата обращения 21.04.2017).

14. Коваленко Т.С. Формирование новой модели носителя судебной власти в Луганской Народной Республике // Вестник ЛАВД им. Э.А. Дидоренко. – 2016. – № 1. – С. 201–214.

15. Коваленко Т.С. Уголовное правосудие России: на перекрестке двух дорог // Российское правосудие. – 2017. – № 6.

16. Максудов Р.Р. Восстановительное правосудие: концепция, понятия, типы программ: Программы восстановительного правосудия, пособие для ведущих / Р.Р. Максудов; под ред. Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/st/maksudov2005.htm> (дата обращения: 25.01.2017).

17. Сетдикова Д. Суд по законам военного времени. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.radioazadlyg.org/a/26677113.html> (дата обращения 21.04.2017).

18. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / пер. с англ., общ. ред. Л.М. Карнозовой, коммент. Л.М. Карнозовой и С.А. Пашина. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. – 328 с.

ПРИЗНАКИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРИЗНАНИЯ ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ МЕЖДУНАРОДНЫМ СООБЩЕСТВОМ

Статья посвящена проблемным вопросам признания Луганской Народной Республики международным сообществом. Авторы, опираясь на нормы международного права и научные положения в области теории государства и права, выделили признаки, наличие которых позволяет юристам отстаивать состоятельность и идентичность новых государственных образований. Их анализ дал возможность обратить внимание на Конвенцию Монтевидео о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 года, которая закрепляет 4 признака государства: 1) постоянное население; 2) определенная территория; 3) правительство; 4) способность к вступлению в отношения с другими государствами. Преломляя эти признаки к тенденциям государственного строительства, делаются выводы об отсутствии правовых препятствий для установления дипломатических отношений с Луганской Народной Республикой и признания ее суверенитета.

Ключевые слова: государство, признаки государства, Луганская Народная Республика, народовластие, признание, независимость, суверенитет, международное право, международное сообщество, Организация Объединенных Наций.

Конфликт, длящийся на Юго-востоке Украины с весны 2014 года, обусловлен хорошо известными обстоятельствами, связанными с неприятием населением Донбасса насильственно навязываемых новой властью западных «ценностей», защитой от вооруженной агрессии украинского государства, с духовной и кровной приверженностью к Русскому миру, его языку, традициям и истории. Он сопровождается продовольственной, транспортной, энергетической, водной, а затем и экономической блокадами, направленными на физическое уничтожение «непатриотических» мирных жителей Луганщины, то есть всех тех, кто не отвечает критериям и взглядам «Евромайдана». Сложившиеся условия создали объективные предпосылки для формирования власти и самостоятельной организации жизнедеятельности Луганского региона, проведения референдума с дальнейшим провозглашением Луганской Народной Республики.

Стоит отметить, что на протяжении трех лет была проделана огромная работа, отражающая последовательное становление и укрепление Луганской Народной Республики как демократического, правового и социального государства: нормативно закреплены базовые принципы народовластия, запущены механизмы, обеспечивающие соблюдение прав и свобод человека, гарантирующие выполнение социальных обязательств перед населением, и др. Тем не менее, на фоне непрекращающегося внутреннего государственного строительства многое еще предстоит сделать. Особенно это касается признания Республики как субъекта международных отношений международным сообществом.

В юридической доктрине проблемам признания международной правосубъектности новых государств либо отдельным их аспектам посвятили свои труды С.С. Алексеев, М.В. Барабанов, Л.А. Бердегулова, В.В. Груздев, В.Д. Дзидзов, М.М. Дуаленов, Д.Н. Кудря, А.И. Левченков, В.Б. Плавинский, А.А. Прудников, В.Б. Романов-

ская, В.Л. Толстых, Н.И. Харитонов, К.В. Черкасов и др. В большей мере учеными рассмотрены вопросы легитимизации возникающих территориальных образований, сделан политико-правовой анализ атрибутов государства на примере тех или иных непризнанных республик. В то же время в научной плоскости лишь косвенно изучены признаки государственности Луганской Народной Республики, определяющие не просто ее фактическую состоятельность, а правовые основания для признания международным сообществом.

Разбираясь в поставленной проблеме, вспомним курс теории государства и права, где многими авторами (В.В. Груздев, В.М. Корельский, А.И. Левченков и др.) четко указывается на то, что именно признаки государства позволяют показать его уникальность, суверенность и качественную определенность. Придерживаясь аналогичного мнения, мы вынуждены признать, что до сегодняшнего дня юристы-ученые (как теоретики, так и специалисты-практики в международном праве) и различные международные организации не могут определиться с признаками, которым должен соответствовать субъект – вновь созданное территориальное образование, чтобы считаться государством.

С научных позиций сложившуюся неопределенность можно пояснить, если считать признаки государства относительно неизменным каркасом государственной организации человеческого общества, который по мере общественного развития наполняется новым содержанием, теряет отжившие и приобретает новые структуры и функции [21, с. 58]. На практике же взгляд мировых политических лидеров на соответствие возникающих на карте территориальных образований признакам государственности далек от юридических оценок, преимущественно скрыт под «розовыми очками», приподнимаемыми ситуативно в геополитических интересах представляемых ими держав.

Специалисты в области международного права могут возразить и напомнить о процедуре призна-

ния путем приема в члены Организации Объединенных Наций. Однако и здесь не все просто. Прием государств в члены данной организации, как всем известно, проводится решением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности. Рекомендация о приеме считается принятой, если за нее проголосовали 9 из 15 членов Совета и при этом никто из 5 постоянных членов – Китай, Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки и Франция – не проголосовал против [9]. Эти правила по причинам непрекращающегося дипломатического противостояния ведущих мировых стран, взаимного обмена претензиями и санкциями оказались далеки от перспектив реального применения.

Нагнетаемая риторика в отношении Российской Федерации лишь броский, но не единственный камень преткновения в вопросах признания Луганской Народной Республики. Проблема имеет глубокие корни, уходящие в глобальную дискуссию ученых в сфере государственно-правовой теории. Как указывает М.Н. Марченко, за всю историю развития человечества сложилось множество различных представлений об основных признаках государства. Великими мыслителями и политическими деятелями разных времен было высказано о них неисчислимое количество различных мнений и суждений [12, с. 27].

Например, О.Ф. Скакун утверждает, что любое государство обладает набором таких универсальных признаков, которые проявляются на всех этапах его развития. К ним относят территорию, население и власть [15, с. 42]. Данной точки зрения также придерживался известный немецкий юрист XIX века, государствовед Георг Еллинек [7].

Видный ученый С.С. Алексеев называл признаками государства территориальную организацию населения и осуществление публичной власти в территориальных пределах, публичную (государственную) власть, государственный суверенитет и неразрывную связь государства и права [18, с. 104]. Сторонниками его взглядов выступают Ю.А. Дмитриев, В.О. Миронов [6, с. 9] и другие авторы.

Весьма познавательной представляется точка зрения Е.А. Холиной, которая в своей статье «Формы и критерии признания государств» указывает, что согласно международным правовым нормам, государством выступает такая организация, которая обладает следующими признаками: 1) наличие уполномоченного правительства и собственной администрации; 2) способность защищать территориальную целостность и независимость; 3) наличие мер и механизмов по поддержанию общественного спокойствия; 4) снабжение финансовыми ресурсами для покрытия государственных расходов; 5) законодательство и организация регулярно действующей судебной системы; 6) спо-

собность вступать во взаимоотношения с другими государствами и выполнять принятые международные обязательства [20, с. 219].

Развернутую концепцию признаков государства предлагает А.В. Малько, выделяя среди них: 1) наличие публичной власти; 2) систему налогов, податей, займов; 3) территориальное деление населения; 4) право; 5) монополию на правотворчество; 6) монополию на легальное применение силы, физического принуждения; 7) устойчивые правовые связи с населением, проживающим на его территории; 8) обладание определенными материальными средствами для проведения своей политики; 9) монополию на официальное представительство всего общества; 10) суверенитет [17, с. 27–28].

Не останавливаясь на освещении иных не менее интересных точек зрения, подчеркнем их информативность, логичность и, в большинстве случаев, аргументированность. Некоторые из мнений авторов являются небезапелляционными и могут быть вынесены на дискуссию. В данной работе мы рассмотрим неоспариваемые признаки государственности, закрепленные Конвенцией Монтевидео о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 г., и соответствие этим признакам Луганской Народной Республики на уровне международного публичного права. В частности, речь идет о четырех критериях: 1) постоянное население; 2) определенная территория; 3) правительство; 4) способность к вступлению в отношения с другими государствами [22].

Постоянное население. Население государства (народ, нация) – это люди, которые проживают на территории государства и находятся в определенной политико-юридической связи с данным государством, являются гражданами или подданными. Состав населения может состоять из людей одной национальности либо же быть многонациональным.

По состоянию на февраль 2015 года на территориях, контролируемых Луганской Народной Республикой, без учета беженцев, выехавших в Российскую Федерацию и на Украину, проживало около 1 млн. 197 тыс. человек или 54% всего населения Луганской области. Государственным комитетом статистики Луганской Народной Республики проведен перерасчет численности населения с 2015 года. На 1 марта 2017 года она составила 1 млн. 485 тыс. 85 человек наличного населения и 1 млн. 480 тыс. 122 человека постоянного населения [2]. Как мы видим, прослеживается положительная динамика в приросте населения Республики.

Принято считать, что население государства определяется формальным элементом гражданства. В этой связи мы можем обозначить, что в Луганской Народной Республике закон «О гражданстве» еще находится в разработке. Тем не менее, в соответствии с Положением о паспортном документе, удостоверяющем личность физического

лица, проживающего на территории Луганской Народной Республики, утвержденного Постановлением Совета Министров Луганской Народной Республики от 26 марта 2015 года, жители Республики могут получить вышеуказанный документ.

В этой связи отметим знаковое событие, произошедшее 18 февраля 2017 года, когда президент Российской Федерации Владимир Путин подписал Указ №74 «О признании в Российской Федерации документов и регистрационных знаков транспортных средств, выданных гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживающим на территориях отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины» [19] до политического урегулирования ситуации в этих районах. Данный Указ преследует цели защиты прав и свобод человека и гражданина, опирается на общепризнанные принципы и нормы международного гуманитарного права. При этом он имеет огромное политическое значение, отражающееся на моральном укреплении духа жителей Луганской Народной Республики.

Определенная территория. Суть этого принципа, по мнению В.В. Груздева, заключается в распространении власти государства на определенную территорию – часть земли, поверхность планеты, воздушное и водное пространство, а также границы территории, их режим, внутрисоциальную административно-территориальную организацию [3, с. 202]. Луганская Народная Республика располагает территорией между Украиной и Российской Федерацией общей площадью 8352,6 км². Официально линия разграничения на Донбассе, по условиям Минских соглашений, определена и обозначена с привязкой к местности в приложении к меморандуму об исполнении положений протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины Петра Порошенко и инициатив Президента России Владимира Путина [14]. В реалиях вышеуказанная цифра является условной из-за подвижности границ вследствие непрекращающихся боевых действий.

Глядя на карту, не сложно увидеть, что сегодняшняя территория Луганской Народной Республики занимает приблизительно треть часть прежней Луганской области. Оставшиеся две трети территории находятся под контролем Украины. Вот что отметил Глава Луганской Народной Республики Игорь Плотницкий на совместном брифинге с Главой Донецкой Народной Республики Александром Захарченко в феврале 2017 года: «Мы никогда не считали и не будем считать временно оккупированные территории потерянными для нас землями. Это наши родные земли, это наши родные люди и пока временно они находятся под оккупацией фашистской Украины» [13].

Территория государства в международном праве считается величиной постоянной, и поэтому она является одним из важнейших признаков идентификации среди других социальных образований. Тем не менее, некоторые примеры из международно-правовой практики показывают, что государство может существовать даже в связи с отсутствием четко определенных границ. Примером является государство Израиль, границы которого не определены с 1948 года, вопреки Плану ООН по разделу Палестины.

Правительство. Правительство (система органов государственной власти) является ключевым элементом механизма управления государством. Его функционирование, по мнению авторитетных ученых, обеспечивает контроль и управление территорией и населением, а также представительство государства на международной арене [3, с. 204].

Существенный признак органов государственной власти в том, что они не только служат государственным целям и государственным интересам, но и участвуют в образовании государственной воли, а также совершают известные юридические акты, признаваемые в праве проявлением воли государства [10, с. 177–178].

С провозглашением Луганской Народной Республики 12 мая 2014 года и принятием ее Конституции 18 мая 2014 года решением Республиканского собрания было сформировано первое правительство Республики (утверждено 27 мая 2014 года). Его состав, вследствие последовательной кадровой политики, неоднократно менялся вплоть до выборов депутатов Народного Совета и Главы Луганской Народной Республики 2 ноября 2014 года. Именно выборы послужили отправной точкой стабилизации государственной власти Республики и выстраивания системы ее органов.

Согласно положениям ст. 6 Временного Основного Закона (Конституции) Луганской Народной Республики, государственная власть в Луганской Народной Республике осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны. Государственную власть в Луганской Народной Республике осуществляют Глава Луганской Народной Республики, Народный Совет Луганской Народной Республики – парламент Луганской Народной Республики, Совет министров Луганской Народной Республики – Правительство Луганской Народной Республики.

Способность вступать во взаимоотношения с другими государствами. В литературных источниках бытует мнение исследователей, согласно которому указанный признак тесно связан с фактом признания конкретного образования в качестве государства другими государствами [4, с. 77]. При этом взгляды на признание несущественно расхо-

дятся в зависимости от глубины внутренних убеждений и оценки международно-правовой политики.

Например, российский юрист-международник Ф.Ф. Мартенс в работе «Современное международное право цивилизованных народов» [11] заявляет о том, что каждое вновь образовавшееся государство, желающее участвовать в международном общении с правами и обязанностями международной личности, должно быть признано таковым со стороны других государств.

В свою очередь, известный американский политолог А. Бьюкенен в книге «Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства», рассматривая несколько аргументов в пользу принципа сецессии (отделения от «материнского государства»), подробно останавливается на ситуации самозащиты. Под последней он понимает стремление сообщества оградить себя от смертельной угрозы со стороны сил, несущих уничтожение. По мнению автора, если сообщество в такой ситуации желает отделиться, его право следует признать неопровержимым. При этом даже если государство-агрессор прежде и имело какое-либо право на отделяемую территорию, это право становится недействительным из-за очевидности преступности его геноцидных устремлений [1, с. 30–32].

Отмечая высокую конструктивность вышеказанных убеждений и их близость к интересам Луганской Народной Республики, выделим виды признания, определяющие степень правосубъектности возникающих государств в международных отношениях. К ним относятся:

1) *de facto* (фактическое признание), означающее неполное, неокончательное признание. Государства этой категории могут существовать в течение продолжительного времени, обладать реальным суверенитетом и полнотой власти в рамках своих границ, а, в некоторых случаях, даже являться активными субъектами экономических, культурных и иных международных отношений. Единственный признак, отличающий их от партнеров по международному сотрудничеству, заключается в том, что они не признаны мировым сообществом [8, с. 105];

2) *de jure* (полное, юридическое признание), сопровождающееся публичным явно выраженным устным заявлением уполномоченных должностных лиц или документально подтвержденным мнением компетентных органов власти признающего государства о рассмотрении признаваемого им государства в качестве полноправного и равного партнера, обладающего всеми правовыми характеристиками субъекта международного публичного права [16, с. 79];

3) *ad hoc* (случайное признание), означающее разовое временное признание, когда такой акт носит вынужденный характер для того, чтобы разре-

шить конкретные вопросы, возникшие между государствами, не желающими официально признавать друг друга.

Луганская Народная Республика в настоящий момент имеет признаки фактического и случайного признания. Ее независимость как самостоятельного государства 27 июня 2014 года была признана государством Южная Осетия. Совместно с Донецкой Народной Республикой в период с 24 мая 2014 года по 18 мая 2015 она выступила соучредителем и членом Конфедеративного Межгосударственного Союза народных республик (Новороссии). Глава Республики и ее делегации систематически принимают участие в работе трехсторонней контактной группы, а также «нормандской четверки» на переговорах в г. Минске.

Важно подчеркнуть, что налаживание и укрепление отношений Луганской Народной Республики с другими государствами имеют нарастающую положительную тенденцию. С апреля 2015 года в Луганске начало работу дипломатическое представительство Южной Осетии. С декабря 2016 года в Республике открыт Центр итальянской культуры. В это же время подписан договор о сотрудничестве между Луганским национальным университетом имени Тараса Шевченко и организацией «Save Donbass People» в Италии. В марте 2017 года Глава Луганской Народной Республики Игорь Плотницкий принял участие в торжественном собрании, посвященном Дню Общекрымского референдума 2014 года и воссоединению Крыма с Россией. Делегация Республики посетила с рабочим визитом Республику Абхазия.

Явным примером случайного признания является и тот факт, что США 20 июня 2017 года внесли в новый список антироссийских санкций Государственный банк Луганской Народной Республики (!). Об этом говорится в сообщении Управления по контролю за иностранными активами Казначейства США (OFAC) [23]. Как отмечает Уполномоченный представитель на Минских переговорах от Луганской Народной Республики Владислав Дейнего: «Санкции в отношении банка ЛНР меня радуют. То есть США официально признают такой субъект, как Госбанк – юридическое лицо, и пытаются противодействовать его функционированию» [5].

Изложенные в статье положения, безусловно, не исчерпывают все признаки государственности и их сущностные характеристики, позволяющие смело отстаивать признание Луганской Народной Республики на международной арене. Они позволяют сформировать общее представление о тенденциях государственного строительства и имеющихся сложностях этого процесса. Не учитывать их международным сообществом и не признавать очевидные факты становится все сложнее. В этой связи мы надеемся на активную дискуссию, за-

мечания и конструктивные предложения, которые в совокупности послужат мощным аргументированным посылом для международного сообщества в вопросах налаживания с Луганской Народной Республикой дипломатических отношений.

Библиографический список

1. Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. – М.: Рудомино, 2001. – 234 с.
2. Государственным комитетом статистики Луганской Народной Республики проведен перерасчет численности населения с 2015 года, в связи с чем расчетная численность населения Луганской Народной Республики составила: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gkslnr.su/files/pererascchet_chisl_17.pdf (дата обращения: 19.04.2017).
3. Груздев В.В. История формирования признаков государства в Нагорно-Карабахской Республике // Гуманитарные исследования. – 2016. – № 4. – С. 201–207.
4. Дауленов М.М. К проблеме определения международно-правового статуса «княжества Силенд» // Право и государство. – 2013. – № 2. – С. 71–77.
5. Дейнего В. Введение санкций означает признание США Госбанка ЛНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://miaistok.su/vladislav-dejnego-vvedenie-sanktsij-oznachaet-priznanie-ssha-gosbanka-lnr/> (дата обращения: 05.06.2017).
6. Дмитриев Ю.А., Миронов В.О. О понятии государства и его основных признаках // Актуальные вопросы образования и науки. – 2016. – № 1–2. – С. 7–13.
7. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб., 1903.
8. Заяц А.А. Теоретико-методологический аспект изучения феномена непризнанных государств // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2016. – № 2 – С. 103–108.
9. Каким образом страны становятся членами ООН? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/member-states/about-un-membership/index.html> (дата посещения 30.04.2017).
10. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государству и праву / под ред. и с пред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 261 с.
11. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – 1882. – 419 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10080671> (дата обращения: 30.05.2017).
12. Марченко М.Н. Теория государства и права в вопросах и ответах: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 240 с.
13. Плотницкий: ЛНР и ДНР не откажутся от занятых ВСУ территорий Донбасса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ritmneurasia.org/news--2017-02-17--plotnickij-lnr-i-dnr-ne-otkazhutsja-ot-zanjatyh-vsuterritorij-donbassa-28491> (дата обращения: 14.04.2017).
14. Приложение к меморандуму об исполнении положений протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины Петра Порошенко и инициатив Президента России Владимира Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.documentcloud.org/documents/1508391-untitled.html#document/p4> (дата обращения: 12.04.2017).
15. Скакун О.Ф. Теория государства и права: Учебник. – Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. – 704 с.
16. Субъекты современного международного права: монография / отв. ред. О.И. Тиунов. – М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИНФРА-М, 2016. – 184 с.
17. Теория государства и права: учебник / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристь, 2004. – 245 с.
18. Теория государства и права: учебник для вузов / под общ. ред. проф. С.С. Алексеева. – М.: Норма, 2005. – 496 с.
19. Указ президента России о признании документов ДНР и ЛНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politikus.ru/v-rossii/90881-vladimir-putin-podpisal-ukaz-o-priznanii-rossiey-dokumentov-dnr-i-lnr.html> (дата обращения: 23.04.2017).
20. Холина Е.А. Формы и критерии признания государств // Проблемы в российском законодательстве. – 2012. – № 3. – С. 218–222.
21. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. Учебник для высших учебных заведений / под редакцией профессора В.Г. Стрекозова. – М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л», 2006. – 382 с.
22. Montevideo Convention on the Rights and Duties of States, 165 LNTS 19.
23. Office of foreign assets control [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/OFAC-Enforcement/Pages/20170620.aspx?src=ilaw> (дата обращения: 03.06.2017).

НЕСОВЕРШЕННОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СТАТУСЕ БЕЖЕНЦЕВ

В статье рассматриваются некоторые аспекты Конвенции ООН «О статусе беженцев» 1951 г. и федерального закона «О беженцах». Данная Конвенция содержит базовые положения, определяющие статус беженцев. Несмотря на это, в ней имеются некоторые пробелы. Так, к примеру, в ней не содержится требований относительно процедуры принятия решений о статусе беженца. В свою очередь, в федеральном законе «О беженцах», который является основным законом о положении беженцев в России, не отражены сформулированные в международном законодательстве принципы и методы процедуры определения статуса беженца. Автор приходит к выводу, что необходимо дополнить федеральный закон «О беженцах» положениями о принципах и методах процедуры определения статуса беженца, а также принять во внимание возможности для участия представителей совместно с беженцем в процедуре обращения за убежищем.

Ключевые слова: статус беженца, временное убежище, процедура признания беженцем, обращение за убежищем, персональные данные беженца, представители беженца, лица, ищущие убежище.

Важнейшим законодательным актом, устанавливающим статус и права беженцев, является Конвенция ООН 1951 года «О статусе беженцев» [1]. В ней приводится перечень прав, свобод и ответственности беженцев перед государством, которое предоставляет им вид на жительство. Данная Конвенция представляет собой основополагающий акт действующего международного права.

Тем не менее, в Конвенции ООН 1951 г. не содержится каких бы то ни было требований о процедуре принятия решений о предоставлении статуса беженца. Данный вопрос в полной мере остается на усмотрение стран-участниц. Основополагающие стандарты данной процедуры регулируются «Руководством по процедурам и критериям определения статуса беженцев» [3], изданном Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев.

Существующая на международном уровне проблема беженцев имеет большую актуальность и для России в силу происходящих в ней экономических, социальных, демографических и иных изменений.

Федеральный закон «О беженцах» [4] уделяет особое внимание организационно-техническим аспектам процедуры определения статуса беженца, однако ее содержание является недостаточно разработанным. Так, среди требований, предъявляемых к качеству процедуры, упоминается лишь то, что изучение причин и обстоятельств заявителя должно быть всесторонним.

Наиболее детально процедура признания беженцем и предоставления временного убежища раскрывается в «Административном регламенте ФМС России по предоставлению государственной услуги по рассмотрению ходатайств о признании беженцев на территории РФ и заявлений о предоставлении временного убежища на территории РФ», утвержденном приказом ФМС России № 352 от 19 августа 2013 года [2]. Данный регламент не является нормативным актом, но служит в качестве практического руководства для работы с лицами,

которые ищут убежище, описывая более подробно прием и рассмотрение обращений об убежище.

Наряду с этим в административном регламенте не указаны рекомендации для применения критериев по определению статуса беженца и требования, предъявляемые к качеству процедуры. Они отражены в «Руководстве по процедурам и критериям определения статуса беженца», изданном Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Тем не менее, воздействие данного документа на регламент относительно требований к процедуре прослеживается лишь в части указания на необходимость проведения дополнительных собеседований с заявителем для уточнения сообщенных им фактов.

Как в административном регламенте, так и в федеральном законе «О беженцах» абсолютно не отражены сформулированные в «Руководстве» УВКБ ООН принципы и методы процедуры определения статуса беженца. К примеру, к ним относятся такие основополагающие принципы, как лежащая на заявителе обязанность представления доказательств. Однако из-за того, что лица, ищущие убежище, находятся в исключительной ситуации, в некоторых случаях уполномоченному представителю принимающей страны следует попытаться самостоятельно собрать доказательства, которые подтверждали бы ходатайство. В том случае, если сбор доказательств по какой-либо причине не удастся осуществить, но при этом изложение событий заявителем выглядит правдоподобным, любые возникающие сомнения следует толковать в пользу заявителя. Для более четкого и полного изложения заявителем своего случая и выражения своих взглядов нужно обеспечить создание доверительной обстановки.

Также к ним относится положение о том, что заявление лица, ищущего убежище, представляет собой по сути конфиденциальную информацию. При этом заявителю необходимо сообщить об этом в обязательном порядке.

Еще более слабо разработанной является процедура предоставления временного убежища. Данному институту в федеральном законе отводится лишь одна 12 статья, а самой процедуре только ее первый пункт. Этим пунктом устанавливается, что Правительство РФ определяет порядок предоставления временного убежища. Территориальные органы ФМС принимают решение о предоставлении временного убежища по месту обращения с соответствующим заявлением. Таким образом, существенным различием между ходатайством о признании беженцем и заявлением о предоставлении временного убежища является то, что последнее нельзя подать никуда, кроме миграционной службы.

Федеральный закон «О беженцах» [4] не содержит сформулированного требования соблюдения конфиденциальности при осуществлении процедуры обращения за убежищем, которое, тем не менее, содержится в «Руководстве» УВКБ ООН. Ст. 7 федерального закона №152 «О персональных данных» [5] запрещается разглашение персональных данных без согласия их субъекта. Тем не менее, положения о персональных данных именно беженцев и лиц, ищущих убежище, отсутствуют. По всей видимости, те персональные данные, которые были получены в ходе процедуры обращения за убежищем, могут быть отнесены к специальным категориям персональных данных. К ним относятся сведения, которые затрагивают вопросы расовой и национальной принадлежности, политические взгляды, религиозные либо философские убеждения, а также состояние здоровья. Их обработка запрещена, за исключением случаев, предусмотренных законом. П. 6 ч. 2 ст. 10 федерального закона «О персональных данных» [5], представляется, можно отнести и к лицам, ищущим убежище. Он устанавливает, что обработка персональных данных требуется для установления или осуществления прав субъекта персональных данных.

Ч. 1 ст. 19 ФЗ «О персональных данных» [5] требует от оператора персональных данных, принятия надлежащих правовых, организационных и технических мер либо обеспечение их принятие с целью защиты персональных данных. Подобные меры должны быть направлены против неправомерного или случайного доступа к персональным данным, а также против их уничтожения, изменения, блокирования, копирования, предоставления и распространения.

Относительно персональных данных беженцев в качестве оператора выступает ФМС РФ и ее территориальные органы. Из этого следует то, что ими должны приниматься предусмотренные законом меры для защиты персональных данных, а также для обеспечения их неразглашения без согласия субъектов персональных данных. К ним относятся лица, которые ищут убежище, уже признанные беженцы, имеющие временное убежище, лица, кото-

рым было отказано в статусе беженца и временном убежище, а также лица, утратившие эти статусы.

Ни федеральным законом «О беженцах» [4], ни административным регламентом не рассматривается возможность участия представителей в процедуре обращения за убежищем вместе с беженцем. Тем не менее, поскольку представитель имеет право подать ходатайство вместо заявителя, значит, он имеет возможность принимать участие в процедуре обращения за убежищем вместе с ним, поскольку право подачи ходатайства в отсутствие заявителя является полномочием более высокого уровня, нежели право на участие в процедуре вместе с заявителем. Не вызывает сомнений, что участие представителей, несомненно, является эффективным. Так, оно является гарантией соблюдения требований закона со стороны сотрудников миграционной службы, а также, если нарушения все-таки были допущены, дает возможность квалифицированно и своевременно зафиксировать их и принять меры по их устранению. При участии представителей вместе с заявителями, к примеру, становятся невозможными вымогательства и попытки выдворения.

Таким образом, возникает необходимость отразить в федеральном законе «О беженцах» принципы и методы процедуры определения статуса беженца, рассмотреть возможность участия представителей в процедуре обращения за убежищем вместе с беженцем. Также необходимо внести в федеральный закон «О персональных данных» положения, касающиеся персональных данных именно беженцев.

Библиографический список

1. Конвенция о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения 18.05.2017).
2. Приказ ФМС России №352 от 19.08.2013 №352 «Административный регламент ФМС России по предоставлению государственной услуги по рассмотрению ходатайств о признании беженцев на территории РФ и заявлений о предоставлении временного убежища на территории РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 18.05.2017).
3. Руководство по процедурам и критериям определения статуса беженцев (согласно Конвенции 1951 года и Протоколу 1967 года, касающихся статуса беженца) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.refworld.org.ru/docid/4714a9bc2.html> (дата обращения 18.05.2017).
4. Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 22.12.2014) «О беженцах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 18.05.2017).
5. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 №152-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 18.05.2017).

К ДИСКУССИИ О НАУЧНОЙ ОСНОВЕ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На основе проведенного автором многолетнего исследования в статье приводятся некоторые научные результаты докторской диссертации «Научная основа участия специалиста в правоохранительной деятельности», в том числе авторская дополнительная профессиональная программа «Актуальные вопросы организации непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов» (для повышения квалификации должностных лиц экспертных подразделений Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления (ЦЭКТУ) и его региональных филиалов) с положительным обсуждением в ЦЭКТУ.

Ключевые слова: научная основа, правоохранительная деятельность, специалист, участие специалиста, Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление ЦЭКТУ, экспертные подразделения; эксперт.

Многие проблемы участия специалиста исследованы в сугубо криминалистических трудах и работах по судебной экспертизе (работы Т.В. Аверьяновой, Ф.Г. Аминова, О.Я. Баева, Р.С. Белкина, Б.М. Бишманова, А.Ф. Волынского, А.В. Гусева, Н.Н. Егорова, В.А. Жбанкова, Е.А. Зайцевой, В.Д. Зеленского, А.М. Зинина, Л.М. Исаевой, Е.П. Ищенко, В.Я. Колдина, Ю.Г. Корухова, Ю.П. Кузякина, Л.В. Лазаревой, Н.П. Майлис, В.Н. Махова, В.М. Мешкова, В.А. Михайлова, А.В. Нестерова, В.А. Образцова, Ю.К. Орлова, А.С. Подшибякина, Е.Р. Россинской, Н.А. Селиванова, Е.В. Селиной, П.Т. Скорченко, И.Н. Сорокотягина, Л.Г. Шапиرو, В.И. Шиканова, Н.Г. Шурухнова, Н.П. Яблокова). Кроме того, соответствующие проблемы профессиональной работы специалиста отчасти изучены в трудах ученых, исследующих смежные с криминалистикой области научного познания. В их числе работы М.В. Костенникова, А.В. Куракина, А.Г. Маркушина, Б.В. Россинского, Ю.Н. Старилова, А.Ю. Шумилова и др.

Не умаляя ценность результатов исследований названных и иных авторов, отметим, что особое внимание в большинстве научных и диссертационных работ было уделено участию специалиста, специалиста-криминалиста в производстве по уголовным делам и решению научной задачи. Вместе с тем фундаментальных комплексных научных исследований по участию специалиста в правоохранительной деятельности в Российской Федерации до настоящего времени не проводилось, в том числе с учетом «глобальной» юридической практики.

В.Н. Карташов справедливо отмечает, что в самом общем плане проблема взаимодействия юридической науки и практики сводится к тому, что теоретические исследования должны удовлетворять нужды практики, базироваться на ее материалах, а практика, в свою очередь, опираться на научно обоснованные рекомендации и выводы. Укрепление этих связей – важная закономерность эффективного социального (государственного) управления, развития правовой системы общества и самой юридической науки [13, с. 353–354]. «Сближение

теории с практикой, – писал академик П.Л. Чебышев, – дает самые благотворные результаты, и не одна только практика от этого выигрывает, сама наука развивается под влиянием ее, она открывает им новые предметы для исследования или новые стороны в предметах» [13, с. 354].

Изложенное позволяет заключить, что при написании докторской диссертации «Научная основа участия специалиста в правоохранительной деятельности» особое внимание нами было уделено административной, судебной, прокурорской, следственной, адвокатской, экспертной и оперативно-разыскной (имеющий открытый доступ) практикам. Так, эмпирическая база исследования была сформирована на основе материалов, полученных от представителей 85 субъектов РФ (МВД, ФСБ, ФТС, ФСИН, Минюста, Генпрокуратуры, СК России и др.), а также другими учеными в рамках проведения ими диссертационных исследований по юридическим наукам.

Результаты, полученные автором в ходе самостоятельного исследования, были использованы при формировании следующих выводов.

1. Предметом научных исследований, проводимых в рамках специальности 12.00.12 – «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» составляют, на наш взгляд, научные основы. Понятие научной «основы» применительно к диссертации желательно применять в единственном числе, так как по Гегелю «сущность определяет самое себя как основание» [2, с. 70], т.е. единство основы. Вместе с тем полагаем, что понятие «научные основы» является устоявшимся термином, используемым в различных направлениях науки. Так, определяя в теме диссертации «основы» во множественном числе, защищаются диссертации на соискание ученой степени доктора, кандидата наук во многих юридических областях научных знаний, включая оперативно-разыскную науку [11; 14; 18], криминалистику [15; 17] и другие научные области [1].

2. Автор, являясь учеником профессора А.Ю. Шумилова и членом его междисциплинарной научной школы [12, с. 23–27], тем не менее,

применительно к разрабатываемой теме «Научная основа участия специалиста в правоохранительной деятельности» считает необходимым выделить направление в науке, объединившее творческие интересы группы исследователей на «стыке» нескольких научных школ и научных направлений, которое можно назвать специологией [7, с. 39–43].

При ее разработке для автора крайне важны идеи научной школы судебной экспертологии, руководителем которой является профессор Е.Р. Россинская, исследуются теоретические и прикладные проблемы участия специалиста в процессуальных действиях (профессор А.М. Зинин, доцент А.И. Семикаленова) и учет этого [16, с. 56].

Кроме того, в работе над докторской диссертацией автор учитывает творческие наработки специалистов кафедры оперативно-розыскной деятельности института правоохранительной деятельности и кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Российской таможенной академии.

3. Все правоохранительные органы объединяет то, что деятельность каждого из них направлена на защиту личности (его прав и свобод), общества (его материальные и духовные ценности) и государства (его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность).

Понятие «правоохранительные органы» необходимо определять через категорию «правоохранительная деятельность», а понятие «правоохранительная деятельность» через ее виды, направленные на:

1) защиту прав и интересов личности, общества и государства (в широком смысле);

2) выявление, предупреждение, пресечение, расследование и раскрытие преступлений и иных правонарушений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (в узком смысле).

4. С позиции филологической науки применяемые законодателем термины и иная лексика объединяют понятия специалиста и эксперта, а не различают их. Данное суждение подкрепляется сложившейся практикой ЭКЦ МВД по Республике Коми (ответ от 18.07.2014 № 27/ж-1 на обращение С.П. Жданова) и ЭКЦ УТ МВД России СКФО (ответ от 15.07.2014 № 307/ж-8 на обращение С.П. Жданова), так как в большинстве случаев в качестве специалиста привлекается лицо, работающее в экспертном учреждении в качестве эксперта.

На этом основании очевидной становится необходимость разграничения понятий специалист и эксперт, что требует уточнения их функциональных обязанностей и возможностей. Следует обратить внимание на то, что главной отличительной функцией эксперта, по нашему мнению, является производство судебной экспертизы с использованием научной методики экспертного исследования. В остальных случаях реализуются функции

специалиста, например, участие в производстве следственных действий и проч.

5. Теорию участия специалиста в правоохранительной деятельности, теорию участия специалиста в процессуальных действиях, теорию судебной экспертизы (судебную экспертологию) и экспертизу необходимо объединить в специологию как новое направление в юридических науках. Специология может объединить в себе институт специалистов и институт экспертов и связанную с ними деятельность по признаку лиц, обладающих специальными познаниями (знаниями). А различие решаемых ими задач в конституционном, уголовном, гражданском, административном производстве и оперативно-розыскной деятельности послужило бы основой для отделения института специалиста от института эксперта.

Специологию можно рассматривать не только как научное направление или практику применения и (или) использования правового института специалиста и эксперта в конституционном, уголовном, гражданском, административном производстве и оперативно-розыскной деятельности, но и как учебную дисциплину.

В связи с этим специология как учебная дисциплина должна, на наш взгляд, войти в перечень обязательных дисциплин не только для студентов, обучающихся на юридических специальностях, но и на иных специальностях, где может применяться и (или) использоваться правовой институт эксперта и специалиста.

Мы полагаем, что специология как учебная дисциплина должна состоять из следующих частей:

1) правовое регулирование института эксперта и специалиста;

2) практика применения и (или) использования института эксперта и специалиста в деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти;

3) специология как научное направление.

Итак, специология – это новая юридическая наука о правовых отношениях, связанных с деятельностью эксперта и специалиста по применению и (или) использованию специальных познаний (знаний) в конституционном, уголовном, гражданском, административном производстве и оперативно-розыскной деятельности [7, с. 39–43].

6. В действующем законодательстве не содержится ответа на основной практический вопрос: кто определяет, является данное лицо специалистом или нет? По нашему мнению, определить, является ли данное лицо специалистом, вправе руководитель судебно-экспертного учреждения или профильного высшего учебного заведения, иной организации, где он состоит в трудовых правоотношениях.

К специалисту должны быть предъявлены следующие требования (в дальнейшем они могут быть изменены и (или) дополнены):

1) наличие у специалиста знаний в области конкретной науки, в том числе техники и (или)

2) наличие у специалиста практических навыков, приобретенных путем получения профессионального образования и (или)

3) наличие у специалиста профессионального опыта работы не менее пяти лет.

В данной связи под специалистом мы предлагаем понимать физическое лицо, обладающее специальными познаниями (знаниями), привлекаемое к участию для решения конкретных задач в конституционном, уголовном, гражданском, административном производстве и оперативно-разыскной деятельности.

Это определение целесообразно нормативно представить в виде нормы-дефиниции в соответствующем законодательном акте.

7. Под специальными познаниями (знаниями) следует понимать систему знаний в области конкретной науки, в том числе техники и (или) практических навыков, приобретаемых путем получения профессионального образования и (или) профессионального опыта работы не менее пяти лет, и необходимых для применения и (или) использования в конституционном, уголовном, гражданском, административном производстве и оперативно-разыскной деятельности.

В свою очередь, специальные познания (знания) специалиста – это система знания в области конкретной науки, в том числе техники и (или) практических навыков, приобретаемых путем получения профессионального образования и (или) профессионального опыта работы не менее пяти лет, и необходимых для применения и (или) использования в конституционном, уголовном, гражданском, административном производстве и оперативно-разыскной деятельности без производства экспертизы.

Эти определения целесообразно нормативно представить в виде нормы-дефиниции в соответствующем законодательном акте.

8. По нашему мнению, принципы участия специалиста в конституционном, уголовном, гражданском, административном производстве и оперативно-разыскной деятельности – это общие руководящие, исходные теоретико-правовые положения, определяющие правовой статус специалиста, формы и порядок применения (использования) его специальных познаний (знаний) для установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

9. Не секрет, что заключение и показания специалиста являются важными средствами доказывания обстоятельств дела и в некоторых случаях лежат в основе обвинения и (или) профессиональной защиты от него. Поэтому ненадлежащее или недостаточное правовое обеспечение достоверности показаний и заключений специалистов способно породить ряд серьезных проблем для современного правосудия и как одного из важнейших

элементов и достижений правовой культуры, и как особого объекта уголовно-правовой охраны. Среди таких проблем, отметим следующие:

1) отсутствие норм о юридической ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения, как в УК РФ, так и в УПК РФ, а также отсутствие в УПК РФ упоминания о его ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ;

2) отсутствие в УК РФ нормы об ответственности специалиста за уклонение от исполнения своих процессуальных обязанностей, несмотря на то, что в соответствии со ст. 58 УПК РФ он не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд.

Для решения первой из обозначенных проблем необходимо дополнить ст. 307 УК РФ еще одним преступным деянием – дачей специалистом заведомо ложного заключения по делу.

Решение второй проблемы, на наш взгляд, теоретически возможно путем расширения диспозиции ст. 308 УК РФ за счет включения в нее такого противоправного деяния, как незаконный отказ специалиста от дачи заключения или показаний [5, с. 11–13].

10. Современное представление СК России, МВД России, Минздрава России и других сводится к совершенствованию правового обеспечения участия специалиста путем кодификации российского законодательства, то есть в принятии федерального закона «О деятельности специалиста в Российской Федерации». В основном все предложения представителей теории и практики были направлены на изменение и дополнение действующего уголовно-процессуального и иного отечественного законодательства, связанного с участием специалиста. Все это сводится к тому, что до настоящего времени проблемы правового обеспечения участия специалиста в полной мере не решены.

Это перспективное направление, по нашему мнению, будет способствовать разграничению правового статуса специалиста и эксперта и определению места переводчика, педагога, специалиста-кинолога, специалиста-криминалиста в конституционном, уголовном, гражданском, административном производстве и оперативно-разыскной деятельности, что «спасет от наводнения» сведущих лиц – специалистов по профессиональному признаку и специфики их познаний в узкой области знаний.

Важность развития деятельности специалиста заключается еще и в том, что в некоторых случаях методика экспертного исследования находится в стадии формирования или доработки, а судебные экспертизы проводятся в течение более или менее длительного периода времени (как указывают практики), что негативно отражается на оперативности в рассмотрении и разрешении гражданских,

уголовных и административных дел различной категории [4, с. 134–147].

11. В юридической литературе специальные познания (знания) могут классифицироваться как в процессуальной форме, когда результаты их применения имеют доказательственное значение, так и в не процессуальной форме.

В свою очередь, процессуальную и не процессуальную формы предлагаем классифицировать на виды (в зависимости от субъекта и целей использования (применения) специальных познаний (знаний)).

Полагаем, что предложенная классификация должна включать и научную область специальных познаний (знаний) специалиста при применении (использовании) в конституционном, уголовном, гражданском, административном производстве и оперативно-разыскной деятельности.

Таким образом, в целях единообразного подхода в понимании содержания специальных познаний (знаний) в области науки, в том числе техники предлагаем классификацию, исходя из шифра и наименования специальности, формулы и области исследования, то есть паспорта научных специальностей, одобренных президиумом ВАК при Минобрнауки России.

Надо признать, что изложенная нами классификация весьма условна и может изменяться и дополняться по мере совершенствования уголовно-процессуального, административного, оперативно-разыскного и иного отечественного законодательства о применении и (или) использовании специальных познаний (знаний) специалиста.

12. С учетом теории, практики и авторской позиции предлагаем создать универсальную (криминалистическую) информационную систему «Спец» (УКИС «Спец»), которая займет достойное место не только в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений, но и в конституционном, уголовном, гражданском, административном производстве, а также в оперативно-разыскной, адвокатской, экспертной, следственной, медицинской деятельности и т.д.

Основным принципом построения УКИС «Спец» будет применение и (или) использование специальных познаний (знаний) уполномоченными на то субъектами.

Банк данных УКИС «Спец» возможно наполнить:

1) в зависимости от категории дел (уголовные дела, дела об административных правонарушениях, гражданские дела и т.д.) и (или)

2) в зависимости от вида криминалистического учета (дактилоскопические учеты и т.д.) и (или)

3) в зависимости от вида деятельности (оперативно-разыскная, уголовно-процессуальная, административно-процессуальная, арбитражно-процессуальная, гражданско-процессуальная, адвокатская, медицинская деятельность и т.д.).

Таким образом, систематизация информации (УКИС «Спец») о применении и (или) использовании специальных познаний (знаний) в правоохранительных деятельности позволит некоторым ее субъектам не уничтожать и скрывать идеальные и материальные следы, а выявлять их, тем самым способствуя развитию институтов судебной экспертизы и участия специалиста в открытом (для отдельных субъектов) информационно-криминалистическом пространстве [8, с. 179–187].

13. Предлагаем в действующих нормативных правовых актах РФ закрепить норму о том, что должностные лица правоохранительных органов обязаны предоставлять (при наличии) документированную информацию об их деятельности, если она связана с подготовкой или защитой диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук; научных исследований по запросам физических и юридических лиц. В необходимых случаях данная информация может быть представлена с учетом редакции, если содержащиеся в них сведения составляют государственную или иную охраняемую законом тайну или затрагивают права и интересы личности, общества и государства.

14. Предлагаем вывести из-под юрисдикции государственных судебно-экспертных учреждений органов исполнительной власти судебно-экспертную деятельность эксперта и специалиста или одной из ее составляющих. Таким образом, организационно-правовой формой такой деятельности будет саморегулируемая организация, то есть предмет регулирования и сфера действия Федерального закона «О саморегулируемых организациях» может распространяться как на профессиональную деятельность специалиста, так и эксперта.

15. Предлагаем дополнить статью 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» подпунктом 4.1 следующего содержания: «Обязанности и права специалистов (сведущих лиц), привлекаемых на договорной основе для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи адвокатом, регламентируются соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации» [6, с. 38–44].

16. Предлагаем дополнить статью 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» частью десятой следующего содержания: «Обязанности и права специалистов (сведущих лиц), которые оказывают помощь в осуществлении оперативно-разыскной деятельности, устанавливаются Правительством Российской Федерации» [3, с. 24–27].

17. С учетом потребностей практики полагаем возможным в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» закрепить норму, об обязательном использовании должностными лицами органов, осуществляющих оперативно-ра-

зыскую деятельность, помощи специалистов при проведении оперативно-разыскных мероприятий, связанных с применением технико-криминалистических средств [9, с. 89–95].

18. Предлагаем дополнить статью 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» абзацем 2.1 следующего содержания: «Обязанности и права специалистов (сведущих лиц), выделяемых для выяснения возникших у прокурора вопросов, регламентируются иными федеральными законами» [10, с. 246–250].

19. Предлагаем авторскую дополнительную профессиональную программу «Актуальные вопросы организации непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов» для повышения квалификации должностных лиц экспертных подразделений Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления и его региональных филиалов (приложение 1).

Таким образом, полученные в ходе самостоятельного исследования результаты, прежде всего, направлены на решение научной проблемы и привлечение внимания научной юридической общественности к возможным вариантам ее решения.

Библиографический список

1. Баранов А.Ю. Научные основы разработки аппаратуры для общего криотерапевтического воздействия: автореф. дис. ... д-ра техн. наук. – Санкт-Петербург, 2014.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 2. – М., 1971.
3. Жданов С.П. К вопросу о специалисте и использовании его специальных познаний (знаний) в оперативно-разыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2014. – № 4 (41). – С. 24–27.
4. Жданов С.П. Проект федерального закона «О деятельности специалиста в Российской Федерации» // Публичное и частное право. – 2015. – Вып. II (XXVI). – С. 134–147.
5. Жданов С.П. Совершенствование уголовного законодательства в деятельности специалиста // Медицинская экспертиза и право. – 2015. – № 6. – С. 11–13.
6. Жданов С.П. Деятельность специалиста в качестве защитника // Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 4 (40). – С. 38–44.
7. Жданов С.П. Специология – научное направление и учебная дисциплина. К вопросу о совершенствовании участия специалиста в правоохранительной деятельности // Закон и право. – 2016. – № 1. – С. 39–43.
8. Жданов С.П. Универсальная криминалистическая информационная система «Спец» // Публичное и частное право. – 2016. – Вып. I (XXIX). – С. 179–187.
9. Жданов С.П. Практическая значимость помощи специалистов при проведении оперативно-разыскных мероприятий оперативными подразделениями ФТС России // Вестник Российской таможенной академии. – 2016. – № 4. – С. 89–95.
10. Жданов С.П. Практика применения абзаца 2 пункта 1 статьи 22 Федерального закона № 2202-1 от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации», касающегося выделения специалистов // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 1 (23). – С. 246–250.
11. Зикин В.К. Научные основы оперативно-разыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2006.
12. Зикин В.К., Козлов В.А., Шарихин А.Е. Юбилей первого сыскалога в Российской Федерации. К 55-летию со дня рождения профессора А.Ю. Шумилова // Оперативник (сыщик). – 2011. – № 4 (29). – С. 23–27.
13. Карташов В.Н. Юридическая практика в правовой системе общества // Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х т. Т. 2: Теория права / под ред. проф. М.Н. Марченко. – М.: изд-во «Зерцало-М», 2000. – С. 343–360.
14. Козлов В.А. Научные основы криминалистической характеристики налоговых преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Владимир, 2006.
15. Логинов Е.А. Научные основы борьбы с убийствами, совершенными по найму: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Сыктывкар, 2002.
16. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Научная школа судебной экспертологии на базе кафедры судебных экспертиз университета имени О.Е. Кутафина // Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентностный подход) / под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. – М.: Проспект, 2017. – С. 53–58.
17. Самищенко А.С. Научные основы дактилоскопии и перспективы их развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015.
18. Шарихин А.Е. Научные основы обеспечения экономической безопасности России посредством оперативно-разыскной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007.

Дополнительная профессиональная программа
«Актуальные вопросы организации непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов»

Тема 1. Актуальные вопросы экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов.

Специальные знания и специальные познания и их роль в процессе расследования таможенных правонарушений.

Классификация, виды и методы экспертиз и исследований, проводимых ЦЭКТУ и его региональными филиалами.

Участие эксперта и специалиста ЦЭКТУ при производстве экспертиз и исследований. Действия должностных лиц ЦЭКТУ при проведении экспертизы (исследования). Организация хранения, транспортировки и иных действий при назначении экспертизы (исследования).

Участие специалиста при производстве освидетельствования, при производстве предварительного исследования, а также в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) и неотложных следственных действий (далее – НСД). Рекомендации специалистов при производстве прослушивания и производства записи на аудио-носители. Рекомендации специалистов при производстве ОРМ (контрольной закупки, контролируемой поставки). Рекомендации специалиста при проведении опознания и осмотра. Оперативно-разыскные мероприятия, неотложные следственные действия, проводимые по заданию на экспертно-криминалистическое обеспечение (далее – задание) должностного лица (оперуполномоченного; дознавателя).

Влияние международных современных правовых актов на криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности таможенных органов.

Определение границ места происшествия и последовательности его детального осмотра, способы их решения. Тактические приемы поиска следов на месте происшествия и определение их относимости к расследуемому событию. Методы осмотра: статический и динамический.

Особенности осмотра помещений, участков местности, транспортных средств. Экспертные учреждения, правомочные производить экспертные исследования в рамках ОРМ и НСД. Общие условия участия специалиста при освидетельствовании и осмотре.

Виды экспертиз (классификация экспертиз по различным основаниям). ЦЭКТУ и его региональные филиалы.

Получение, оценка, анализ и использование криминалистически значимой информации предусмотренными основными организационными формами.

Понятие и характеристика «оперативной группы таможенного органа». Руководство оперативной группой. Состав оперативных групп. Круг обязанностей участников групп.

Аналитическое подразделение (группа, отдел) таможенного органа, осуществляющее постоянное дежурство и обеспечивающее накопление, систематизацию и анализ информационных потоков. Обработка специальными программными средствами запросов участников оперативных групп. Сотрудники аналитических подразделений. Порядок, структура, объём получаемых и предоставляемых данных.

Учебно-тренировочный центр таможенного органа. Оценка практических умений и навыков сотрудников таможенных органов.

Экспертные отделы ЦЭКТУ. Разработка рабочих планов и версий. Иные задачи, функции, права и обязанности специалистов ЦЭКТУ.

Тема 2. Актуальные вопросы совершенствования организации криминалистической деятельности таможенных органов.

Направления деятельности Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления. Нормативно-правовое регулирование экспертной деятельности таможенных органов.

Возможности новых видов экспертиз.

Тема 3. Актуальные вопросы применения научно-технических средств и методов должностными лицами ЦЭКТУ.

Привлечение специалистов ЦЭКТУ к участию в оперативно-разыскных мероприятиях: понятие, виды, характеристика. Привлечение специалистов ЦЭКТУ к участию в неотложных следственных действиях: понятие, виды, характеристика. Основания и порядок привлечения специалистов ЦЭКТУ.

Порядок работы должностного лица ЦЭКТУ в качестве специалиста.

Тема 4. Актуальные вопросы криминалистического следоведения.

Понятие и система криминалистического следоведения, его научные основы. Применение основ трактологии в следственной, оперативно-разыскной, экспертной и судебной практике. Понятие следа в криминалистике в узком и широком смысле. Классификация следов в криминалистике.

Механизм образования следов. Следообразующие и следовоспринимающие объекты. Следы-отображения. Следы-предметы. Следы-вещества. Криминалистическое и доказательственное значение информации, полученной при изучении следов.

Работа эксперта (специалиста) со следами. Обнаружение, закрепление и изъятие следов. Правила обращения с объектами-носителями следов. Предварительное и экспертное исследование следов.

Следы человека, их виды (рук, ног, зубов, губ, одежды). Криминалистическое значение следов человека для раскрытия и расследования преступлений.

Научная основа дактилоскопии: строение кожи человека, виды папиллярных узоров, свойства папиллярных узоров. Виды следов рук. Способы обнаружения, закрепления, изъятия и сохранения следов рук в зависимости от их вида. Возможности использования следов рук для розыска лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, для установления способа совершения преступления и иных обстоятельств, имеющих значение для дела. Дактилоскопическая экспертиза (исследование). Вопросы, разрешаемые дактилоскопической экспертизой (исследованием). Подготовка материалов для экспертизы (исследования). Дактилоскопическая карта, правила оформления и заполнения. Оценка заключения эксперта и заключения специалиста.

Криминалистическое значение следов обуви. Виды следов ног. Следы обуви. Элементы «дорожки» следов ног и способы их измерения. Способы обнаружения, закрепления, изъятия и сохранения объемных и поверхностных следов ног. Экспертиза по следам ног человека. Вопросы, разрешаемые экспертизой при исследовании следов обуви.

Криминалистическое значение следов транспортных средств. Виды следов транспорта. Определение вида транспортного средства и направления его движения по следам. Способы обнаружения, закрепления, изъятия и сохранения следов транспорта. Следы на транспортном средстве и их значение для раскрытия преступления. Криминалистическая экспертиза по следам транспортного средства. Вопросы, разрешаемые экспертизой следов транспорта. Подготовка материалов для экспертного исследования.

Криминалистическое значение следов от орудий и инструментов. Виды следов от орудий и инструментов; признаки, отображающиеся в следах. Взлом и его виды. Способы взлома замков и других преград и следы, которые при этом образуются. Обнаружение, закрепление, изъятие и сохранение следов от орудий взлома. Криминалистическая экспертиза по следам орудий и инструментов. Вопросы, разрешаемые экспертизой. Подготовка материалов для экспертного исследования следов от орудий и инструментов.

Микрообъекты как следы преступления. Криминалистическое исследование веществ и материалов (следы-вещества). Виды следов-веществ. Следы-наложения микрочастиц, способы их обнаружения, закрепления, изъятия и сохранения. Криминалистическая экспертиза веществ, материалов и изделий. Вопросы, разрешаемые экспертизой. Подготовка материалов для экспертизы и оценка ее результатов. Виды следов-предметов, их криминалистическое значение. Научная основа криминалистической одорологии и фоноскопии.

Тема 5. Актуальные вопросы криминалистического исследования документов.

Понятие документа в широком и узком смысле. Классификация документов в криминалистике: письменные документы (рукописные и печатные), фото-, кино- и видеодокументы, фонодокументы. Официальные документы и их реквизиты.

Система криминалистического исследования документов: криминалистическое исследование письма; технико-криминалистическое исследование документов.

Понятие и задачи криминалистического исследования письма. Понятие «письмо» и «почерк». Письменная речь человека как объект криминалистического исследования. Общие и частные признаки письменной речи. Вопросы, разрешаемые автороведческой экспертизой. Подготовка материалов для назначения автороведческой экспертизы. Требования, предъявляемые к образцам письменной речи.

Почерк как объект криминалистического исследования. Научные основы судебного почерковедения. Формирование почерка, его индивидуальность и относительная устойчивость. Идентификационные признаки почерка (общие и частные).

Виды образцов почерка (свободные, условно-свободные и экспериментальные) требования, предъявляемые к ним. Средства и методы получения образцов почерка для сравнительного исследования. Тактические приемы получения сравнительных образцов почерка.

Вопросы, разрешаемые судебно-почерковедческой экспертизой. Подготовка материалов для экспертизы. Возможность установления лица по почерку в случае его умышленного изменения (изменение темпа письма, перемена пишущей руки, письмо печатными буквами).

Понятие технико-криминалистического исследования документов, его задачи. Объекты технико-криминалистического исследования документов (материал документа, бумага, чернила, паста, копировальная бумага, мастика, другие красители, орудия письма, клей, сургуч и др.). Техничко-криминалистические средства и методы, применяемые при осмотре и предварительном исследовании документов в ходе расследования преступлений в сфере таможенного дела.

Виды подделок документов: интеллектуальный и материальный подлог; полная и частичная подделки. Понятие интеллектуального подлога и средства его выявления. Понятие материального подлога.

Понятие и способы полной подделки документов с применением технических средств, ее признаки и методы обнаружения.

Понятие и способы частичной подделки документов: подчистка, дописка, дорисовка, смывание или травление текста, использование поддельных клише, печатей и штампов, замена фотокарточки (полная, частичная), или иных частей документа, техническая подделка подписи. Признаки, позволяющие выявить различные способы частичной подделки документов, приемы и средства их выявления.

Технико-криминалистическая экспертиза и ее виды:

– исследование реквизитов документов на предмет установления их подлинности или поддельности (бланки, оттиски печатей и штампов, подписи);

– восстановление первоначального текста в измененных или поврежденных документах (сожженных, залитых красителем). Выявление невидимых и слабо видимых текстов. Исследование документов изготовленных на принтере для идентификации конкретного принтера;

– исследование полиграфической продукции с целью установления рода полиграфического производства, на котором изготовлен документ (высокая, плоская и глубокая печать), идентификация полиграфического инструмента и оборудования;

– исследование материалов, из которых изготовлен документ (бумага, красящие и клеящие вещества).

Подготовка материалов для назначения технико-криминалистической экспертизы документов. Особенности получения образцов оттисков печатей и штампов.

Использование познаний криминалистического исследования документов в деятельности должностных лиц таможенных органов.

Тема 6. Актуальные вопросы криминалистического оружиеведения.

Понятие и научная основа криминалистического оружиеведения. Система криминалистического оружиеведения: исследование огнестрельного оружия, боеприпасов и следов их применения (судебная баллистика); исследование холодного оружия; исследование взрывных устройств, взрывчатых веществ и следов их применения.

Предмет и задачи криминалистической (судебной) баллистики. Классификация огнестрельного оружия и боеприпасов в криминалистике. Основные сведения об устройстве ручного огнестрельного оружия и боеприпасов к нему. Осмотр и описание огнестрельного оружия.

Виды следов выстрела, их криминалистическое значение. Следы на стреляных гильзах и механизм их образования. Приемы обнаружения, закрепления, изъятия стреляных гильз и пуль. Определение вида и системы ручного огнестрельного оружия по стреляным пулям и гильзам.

Следы от снаряда на преградах. Определение направления выстрела по следам от снаряда (пуль, дроби) на преградах. Определение дистанции выстрела. Судебно-баллистическая экспертиза.

Понятие и признаки холодного оружия. Виды холодного оружия. Криминалистическая экспертиза холодного оружия.

Взрывные устройства, используемые в преступных целях, их элементы. Виды взрывов. Организация и проведение осмотра места взрыва. Обеспечение безопасности при проведении осмотра места происшествия. Технические средства, используемые при осмотре места взрыва. Основные признаки отображения взрыва в следах. Выявление, фиксация и изъятие следов взрыва. Предварительное исследование следов взрыва. Взрывотехническая экспертиза.

Тема 7. Актуальные вопросы криминалистической регистрации.

Понятие криминалистической (уголовной) регистрации, ее научная основа. Виды уголовной регистрации. Регистрация преступников. Пофамильный учет. Системы дактилоскопического учета. Регистрация лиц без вести пропавших и неопознанных трупов. Регистрация по способу совершения преступления. Учет похищенных и изъятых вещей. Криминалистический учет огнестрельного оружия. Учет стреляных пуль и гильз (пулегильзотека).

Основные формы и методы ведения криминалистических учетов: журналы, картотеки, видеотеки, фотоальбомы, натурные коллекции. Виды криминалистических учетов: оперативно-справочные и оперативно-разыскные учеты, учеты, ведущиеся в экспертных учреждениях. Централизованные и местные учеты. Значение криминалистических учетов в расследовании и раскрытии преступлений в сфере таможенного дела.

Использование средств вычислительной техники при формировании и использовании данных криминалистической регистрации (автоматизированные информационно-поисковые системы). Понятие банков данных и банков знаний при использовании автоматизированных криминалистических учетов. Использование криминалистической регистрации в создании межрегиональных и международных банков данных. Учеты дактилоскопической информации. Современные автоматизированные учеты дактилоскопической

информации и возможности их использования при расследовании преступлений. Методы интегрированного поиска по системам учетов.

Тема 8. Особенности оформления заключения специалиста и заключения эксперта ЦЭКТУ по делам об административных правонарушениях и уголовным делам.

Структура и содержание заключения эксперта и специалиста ЦЭКТУ по делам об административных правонарушениях и уголовным делам.

Особенности составления заключения эксперта и специалиста ЦЭКТУ по делам об административных правонарушениях и уголовным делам.

Типичные ошибки в заключении эксперта и заключении специалиста. Порядок оформления задания на экспертно-криминалистическое обеспечение.

ПРИНЦИП САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОПРОСА

Статья посвящена возможному направлению реформы местного самоуправления, взаимосвязи количества населения и экономического потенциала муниципального образования. Автором статьи анализируется экономический потенциал современной российской концепции местного самоуправления, приводятся примеры экономических исследований, показывающие взаимосвязь между численностью населения и возможностью содержания различных социальных объектов. Рассматриваются требования международных правовых актов и основного закона государства к финансовой самостоятельности местного самоуправления. Анализируется механизм работы Бюджетного Кодекса Российской Федерации, ставится вопрос о целесообразности существования мелких муниципальных единиц с учетом экономической ситуации. В статье даются прогнозы дальнейшего развития местного самоуправления в России с учетом зарубежного опыта и результатов прошлого этапа реформирования.

Ключевые слова: местное самоуправление, финансовая самостоятельность местной власти, эффект синергизма, бюджет местного самоуправления.

Концепция самодеятельной публичной власти, работающей на уровне местного самоуправления, исследовалась еще в советский период, многие ученые, занимавшиеся вопросами развития институтов демократии в жизни советского общества, пытались разработать модель местного самоуправления, которая работала бы как система социального управления. Социум, во-первых, развивает с помощью институтов прямой демократии систему необходимых ему социальных норм, и, во-вторых, выбирает подконтрольные органы, данные нормы реализующие. Итогом создания этой системы должно было стать объединение объекта и субъекта социального управления [4, с. 193–213]. Именно на основе данных открытий советской науки и была разработана в конце 80-х годов начале 90-х годов прошлого века первая модель самостоятельного местного самоуправления.

Конституция Российской Федерации регламентирует статус муниципальной власти как уровня публичной власти исключительными элементами данного статуса, гарантирующего самостоятельное решение населением вопросов местного значения, органами муниципальной власти непосредственно формируют свой бюджет. Указанными нормами Конституцией Российской Федерации декларируются принцип финансовой и бюджетной самостоятельности муниципальной власти в качестве одного из важнейших принципов.

В восьмой главе Конституции Российской Федерации «Местное самоуправление» отсутствует конкретизация указанного принципа, этот пробел в определенной мере может быть компенсирован нормами Европейской хартии местного самоуправления, подписанной Российской Федерацией в Страсбурге 28 февраля 1996 года и ратифицированной в начале 1998 года. Статья 9 Хартии «Финансовые ресурсы органов местного самоуправления» является самой большой из содержащихся в документе и регламентирует положения, содержащиеся

развернутые юридические нормы принципов бюджетной и финансовой самостоятельности муниципальной власти, которые должны быть реализованы в законодательстве стран ее подписавших.

Для создания на практике правовых условий реализации принципов бюджетной и финансовой самостоятельности муниципальной власти, международный нормативный акт требует выполнения следующих условий:

- финансовые ресурсы местного самоуправления должны быть соразмерны полномочиям, предоставленным им конституцией или федеральным законом;
- часть местного бюджета должна пополняться за счет местных налогов и сборов, а их ставки муниципальные власти вправе самостоятельно определять в законных пределах;
- защита более слабых в финансовом смысле муниципальных органов обуславливает введение процедур финансового выравнивания или корректирующих мер, направленных на урегулирование последствий неравномерного распределения источников финансирования, данные процедуры и меры не должны ограничивать свободу выбора муниципальных органов в пределах их компетенции;
- порядок предоставления перераспределяемых ресурсов должен быть согласован с муниципальными органами;
- предоставление субсидий не должно противоречить и вступать в конфликт с основополагающим принципом свободного выбора муниципальными органами политики в сфере их компетенции.

Поскольку Россия подписала и ратифицировала Хартию, данные положения должны быть установлены федеральным законом.

Бюджетным кодексом Российской Федерации муниципальным образованиям передается большое количество полномочий в бюджетной сфере на местах, но по факту муниципальные органы проводят политику субъектов, это обусловлено

недостатком собственных финансовых средств у муниципальных органов, участием их в различных региональных программах, для которых выделяются бюджетные целевые денежные средства субъектов Российской Федерации, и др.

Произошедшее в течение 2016 года уменьшение темпа роста экономики России, сопровождавшееся увеличением бюджетных расходов в социальной сфере, вызвало в субъектах рост бюджетных дефицитов, а, следовательно, и дефицит муниципальных бюджетов. Так, объем долга муниципалитетов на начало декабря 2015 года вырос на 12,8% по сравнению с показателем 2014 года и составил 318 079 354,65 тыс. рублей.

В настоящее время правовое регулирование бюджетных отношений муниципалитетов привело к обесцениванию конституционного принципа бюджетной самостоятельности муниципальной власти, постепенно происходит сосредоточение бюджетных средств на федеральном уровне с дальнейшим их предоставлением муниципалитетам по принципу «что осталось», сосредоточение бюджетных полномочий муниципалитетов не только на городском и районном уровне, но и на уровне субъектов. Увеличение бюджетной зависимости муниципальных органов власти от вышестоящих органов проходит совместно с процессами, говорящими о том, что государственная властная вертикаль вобрала в себя всю структуру местного самоуправления. Муниципальные потребности часто удовлетворяются при помощи разного рода недвижимых объектов, в том числе зданий, сооружений, при этом расположение этих объектов вокруг мест проживания территориальных общностей является одним из решающих факторов для установления и утверждения границы муниципального образования. Иным определяющим фактором является потребность включения в границы муниципалитета территории, за счет которой будет происходить социально-экономическое развитие и рост муниципального образования, фактически речь идет о территории для создания новых объектов, целью которых будет являться удовлетворение муниципальных потребностей.

Всем ли муниципалитетам посылно содержать объекты, предназначенные для удовлетворения общественных потребностей, ведь сфера интересов и запросов граждан постоянно растет.

В Европейских странах проходили исследования, целью которых было определение численности людей в муниципалитете и иных административно территориальных образованиях, при которой выполнение какой-либо местной задачи является наиболее экономически целесообразным. Так, непосредственно перед муниципальной реформой 1970 годов в Дании было выявлено, что наиболее целесообразное использование учебных помещений и преподавателей школы обеспечива-

ется в случае наличия трех параллельных классов с первого по последний и двух параллельных классов для трех лет последующего обучения. Для работы такой школы требуется население в размере 5600 человек. Другие исследования выявили, что дома престарелых на 25–30 мест требуют населения примерно в 3600–5500 человек, а для работы системы «социальной помощи на дому» нужно население в 4200–5500 человек [3, с. 269], то есть европейские экономисты выявили, что для полноценной работы муниципалитета нужна численность населения составляющая примерно 5000–6000 человек [3, с. 269].

Чем больше налогоплательщиков, тем больше будет бюджетных поступлений, тем меньше будут расходы местного бюджета на единицу населения. Такой подход к оптимизации расходов называется в экономической науке «эффектом масштаба» или иначе «эффектом синергизма» [2, с. 178].

Данные переписи населения в России говорят о том, что в настоящее время существует большое количество нежизнеспособных муниципальных образований по указанному выше показателю. 86949 сельских населенных пункта имеют население численностью до 100 человек, 13047 – вообще не имеют постоянного населения, в 55425 сельских населенных пунктах число постоянного населения не больше 100 человек (35,8 %) [1].

Вышеприведенные показатели, выявленные датскими учеными, доказывают необходимую величину численности населения для решения не только местных задач, более широкие во внимание не берутся. Населения в размере 5500–6000 человек достаточно для создания и обслуживания «средней» больницы, в которой не предусмотрено лечение относительно серьезных заболеваний. Для строительства и функционирования более «многопрофильного» лечебного учреждения со сложным оборудованием требуется большее количество населения, не менее 200 000 человек.

По показателю численности населения многие городские населенные пункты России окажутся неспособными решить задачи местного значения. Исходя из данных переписи населения, в 2276 городских поселениях постоянная численность населения 100 тысяч человек и меньше, в 94 – от 100 тысяч человек до 250 тысяч человек, при этом в общей сумме эти поселения составляют 97% всех городских поселений [1].

Исходя из вышеприведенного экономического анализа, следующим шагом муниципальной реформы, очевидно, будет ликвидация сельских поселений как «неэффективного» элемента местного самоуправления, в тоже время будет происходить «укрупнение» муниципальных образований с целью увеличения их экономического потенциала. Данную стратегию развития диктует как экономическая целесообразность, так и зарубежный опыт.

Библиографический список

1. Группировка городских и сельских населенных пунктов по регионам Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/PEREPIS/tab1_3.htm (дата обращения: 13.07.2017)

2. *Кэмпбел Д., Стоунхаус Д., Хьюстон Б.* Учебник / пер. с англ. Н.И. Алмазовой.– М.: ООО «Из-

дательство Проспект», 2003. – 336 с.

3. Местное самоуправление / ред. А. Гремицкая. – М.: Национальная ассоциация местных властей Дании и Союз Российских городов, 1995. – 439 с.

4. *Тихомиров Ю.А.* Управление делами общества. – М.: Мысль, 1984. – 223 с.

Осипов Даниил Александрович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Нижегородский институт управления), г. Нижний Новгород
daniilosipov92@gmail.com

О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОРГАНА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕЖПАРЛАМЕНТСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ (АССОЦИАЦИИ)

Представительство законодательных органов субъектов Российской Федерации в межпарламентских ассоциациях является особым видом представительства, а представители, входящие в состав делегаций, заслуживают самого пристального внимания. Учитывая тенденцию увеличения числа консультативно-совещательных структур, необходимость оформления правового статуса представителя органа власти в такой организации в частности его прав и обязанностей стала насущной. В статье отмечается, что документы межпарламентских ассоциаций по-разному определяют права и обязанности представителей региональных входящих в них парламентов, а ряд документов вообще не содержит положений о правах и обязанностях представителей региональных органов законодательной власти. В связи с этим автор формулирует права и обязанности представителя законодательного органа власти субъекта Российской Федерации, причем не только с учетом уставов, регламентов и положений межпарламентских ассоциаций, но также исходя из сущности института представительства и особенностей практической деятельности представителей-делегатов региональных парламентов.

Автор отмечает превалирование обязанностей представителя перед его правами, обусловленное тем, что представитель назначается в консультативно-совещательную структуру (а не государственный орган) для достижения узкоспециализированной цели и решения исчерпывающего перечня задач.

Ключевые слова: представитель, права представителя, обязанности представителя, представитель регионального парламента, представитель в межпарламентской ассоциации, межпарламентское объединение.

Представительство законодательных органов регионов в межпарламентских ассоциациях является особым видом представительства, а правовой статус представителей, входящих в состав делегаций, заслуживают самого пристального внимания, поскольку на сегодняшний день наблюдается недостаток исследований, в которых рассматривался бы правовой статус представителя именно законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в межпарламентской ассоциации. Определенное внимание в юридической литературе сегодня уделено органам и представителям, действующим на федеральном уровне, например, консультативным и совещательным органам при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах [6; 7]. Вместе с тем, учитывая тенденцию увеличения числа консультативно-совещательных структур на региональном уровне, необходимость оформления правового статуса представителя органа власти в такой организации, в частности его прав и обязанностей, стала более чем насущной.

При определении полномочий (прав и обязанностей) представителя необходимо отталкиваться от функций, задач и цели его деятельности, которые должны быть сопоставимы с задачами и целью работы межпарламентских объединений. Целью парламентских ассоциаций является согласование позиций региональных законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации по вопросам нормотворческой деятельности. Отсюда можно сделать вывод о том, что цель представителя парламента-

члена ассоциации заключается в представлении позиции регионального органа законодательной власти по вопросам нормотворческой деятельности на заседаниях парламентской ассоциации. Для достижения цели представитель должен решать ряд задач, обусловленных задачами парламентских ассоциаций и функциями представителя в широком смысле, к которым относятся представительская, координационная, информационная, аналитическая, организационная и контрольная функции.

Исходя из вышеизложенного, задачи представителя регионального парламента в межпарламентском объединении могут быть сформулированы следующим образом.

1. Доведение до сведения делегаций парламентов-участников парламентской ассоциации позиции представляемого регионального парламента по вопросам повестки дня.

2. Выполнение требований учредительных документов парламентской ассоциации по организации работы ассоциации.

3. Создание устойчивой и доверительной связи между законодательными (представительными) органами власти субъектов Российской Федерации, отдельными депутатами и высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации.

4. Своевременное предоставление представляемому законодательному (представительному) органу власти региона информации по вопросам повестки дня конференции парламентской ассоциации и принятых на ней решениях.

Для решения вышеперечисленных задач и достижения цели представитель должен быть наделен определенными правами и обязанностями. Вместе

с тем, Устав Северо-Кавказской парламентской ассоциации [5], равно как и Положение об Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации Приволжского федерального округа [1], не содержит положений о правах и обязанностях представителей региональных парламентов.

Устав Парламентской Ассоциации Северо-Запада России в ст. 4 определяет права и обязанности региональных парламентов – членов ассоциации, но не их представителей [4]. При этом не все права сформулированы удачно. Например, Устав предусматривает право регионального парламента «избирать органы парламентской ассоциации». Вместе с тем к органам ассоциации относятся, согласно ст. 5, Конференция, Президиум и постоянные комитеты (комиссии). Ни один из названных органов не формируется путем выборов, в которых участвуют региональные парламенты. Конференция планируется заранее и проводится в форме съезда делегатов парламентов. Процедура её формирования документами не предусмотрена. Президиум образуется из председателя и его заместителей, избираемых представителями региональных парламентов (но не самими парламентами) на конференции, а также руководителей региональных парламентов. Постоянные комитеты (комиссии) формируются на конференции путем назначения или выборов их членов, но голосуют опять же представители региональных парламентов. Таким образом, региональные парламенты непосредственно не избирают органы парламентской ассоциации. В процедуре голосования может принять участие представитель законодательного органа власти субъекта Российской Федерации на конференции, но не сам региональный парламент.

Регламент Южно-Российской Парламентской Ассоциации [2] определяет права представителя регионального парламента. Однако они сформулированы схематично. При этом из положений документов как Южно-Российской Парламентской Ассоциации, так и других ассоциаций не ясно, в чем разница между предложением, замечанием и поправкой по существу обсуждаемых на конференции вопросов, в какой форме и в какие сроки они вносятся, какие правовые последствия несут. Стоит отметить, что среди прочих только Регламент Южно-Российской Парламентской Ассоциации формулирует запреты, действующие в отношении представителей. Например, представитель регионального парламента, выступающий на конференции парламентской ассоциации, «не вправе употреблять в своей речи грубые, оскорбительные выражения ...». Однако сформулированные запреты не носят практического характера и повторяют общепризнанные социальные нормы общения.

Устав Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов

Российской Федерации Дальнего Востока и Забайкалья [3] не определяет права и обязанности представителей региональных парламентов, хотя третий раздел Устава определяет права, обязанности и ответственность парламентов-членов ассоциации.

При отсутствии четко сформулированных прав и обязанностей представителей затруднительно обеспечить исчерпывающее исполнение ими функций. Задачи и цель деятельности межпарламентских ассоциаций приобретают декларативный, а не практический характер. В связи с этим автором предлагается закрепить ряд прав и обязанностей представителя законодательного органа власти субъекта Российской Федерации, сформулированные, исходя из положений учредительных документов парламентских ассоциаций, сущности института представительства и особенностей практической деятельности представителей-делегатов региональных парламентов.

К правам представителя предлагается отнести:

1. Право получать полную информацию о деятельности парламентской ассоциации и решениях, принятых на заседаниях президиума (совета) и конференциях парламентской ассоциации. Данное право не содержится в уставах и положениях межпарламентских ассоциаций именно как право представителя. Например, п. 3.6.6. Устава Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации Дальнего Востока и Забайкалья устанавливает, что «Члены Ассоциации имеют право <...> получать информацию о деятельности ассоциации». П. 4.3. Устава Южно-Российской Парламентской Ассоциации предусматривает право региональных парламентов «получать полную информацию о деятельности Парламентской Ассоциации». Аналогичные положения содержатся в документах иных парламентских ассоциаций. При этом документы в том или ином виде устанавливают, что участники конференций (представители региональных парламентов) имеют право обращаться с запросами и задавать вопросы, т.е. получать информацию о работе органов межпарламентской ассоциации. С одной стороны, сформулированное право является очевидным правом представителя регионального парламента. С другой стороны, при используемых в документах формулировках правомочия не ясно, какую именно информацию может получить представитель, и должен ли он получить разрешение регионального парламента на получение информации. Кроме того, возможно ограничительное толкование, когда содержание права сводится к возможности представителя получать информацию о деятельности парламентской ассоциации и решениях, принятых на заседаниях её органов, только в случае, если он лично присутствует на заседании органов парламентской ассоциации, поскольку регламенты и уставы ассоциаций уста-

навливают возможность обратиться с запросом или вопросом наряду с такими правами, которые реализуются только при личном участии в работе конференции (право участвовать в прениях, вносить предложения и замечания по существу обсуждаемых вопросов). Кроме того логично, что даже если представитель не смог прибыть на заседание конференции или президиума (совета), он все равно сохраняет статус представителя и для эффективного продолжения исполнения возложенных на него полномочий должен иметь возможность ознакомиться с принятыми решениями по обсуждаемым в повестке дня вопросам. Вместе с тем в документах ассоциаций устанавливается, что председатели ассоциаций информируют о принятых органами ассоциации решениях парламенты-члены. Из этого следует, что информация направляется непосредственно в региональный орган законодательной власти. Однако направлять информацию в сам орган власти нецелесообразно, если есть конкретное лицо, ответственное за взаимодействие регионального парламента с межпарламентской ассоциацией – представителем. В связи с этим есть смысл закрепить, что «председатель межпарламентской ассоциации направляет информацию о принятых органами межпарламентской ассоциации решениях в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации на имя представителя данного органа в межпарламентской ассоциации. При отсутствии представителя информация направляется руководителю регионального парламента». В отношении же представителя необходимо закрепить право «получать полную информацию о деятельности межпарламентской ассоциации и решениях, принятых на заседаниях её органов». Сформулированные положения целесообразно закрепить в уставах и регламентах парламентских ассоциаций, поскольку на сегодняшний день из общего смысла этих документов следует, что лицо, которое было назначено представителем регионального парламента, не имеет возможности получить информацию о результатах работы органов межпарламентской ассоциации напрямую, минуя региональный парламент, а в случае, если информация в региональный парламент не поступила, не имеет права обратиться с запросом о предоставлении данной информации.

2. Право вносить предложения по вопросам, включенным в повестку дня конференции парламентской ассоциации. Учредительные документы парламентских ассоциаций устанавливают, что участники конференции вправе вносить предложения, замечания и поправки по существу только обсуждаемых на конференции вопросов. Правом вносить предложения, касающихся изменения перечня вопросов повестки дня, наделен только региональный парламент. При этом механизм того,

как это происходит, нигде не закреплен. Однако из практики деятельности законодательных органов власти следует, что происходит это путем направления в письменном виде предложений, одобренных большинством членов парламента и подписанных руководителем регионального законодательного органа. Право непосредственно представителя парламента вносить предложения по перечню вопросов, включенных в повестку дня конференции (например, предложить новый вопрос для обсуждения) нигде не предусмотрено.

С одной стороны, парламентская ассоциация является объединением региональных парламента, соответственно и предложения об изменении перечня обсуждаемых вопросов должны исходить именно от них. С другой стороны, запрет представителю о выступлении с предложением о внесении в повестку дня конференции нового вопроса все-таки отсутствует. Кроме того, лицо, наделенное статусом представителя регионального парламента, является доверенным лицом органа власти. Следовательно, оно вряд ли без веской причины будет вносить предложения об изменении вопросов, включенных в повестку дня. Кроме того, закрепление права регионального представителя до начала обсуждения вопросов повестки дня – предложить дополнить её новыми вопросами или исключить из неё один из вопросов – гарантирует оперативное и своевременное реагирование на изменение социально-политической ситуации.

3. Право вносить предложения, замечания и поправки по существу обсуждаемых на конференции вопросов. Данное право дополняет предыдущее, прямо закреплено документами парламентских ассоциаций, но в то же время требует конкретизации. По всей видимости, когда речь идет о *предложениях* по существу обсуждаемых вопросов, имеются в виду предложения об исключении того или иного вопроса из повестки дня конференции в связи с отсутствием необходимости его обсуждения или об изменении его формулировки. В этом случае *замечания* представляют собой замечания по соблюдению процедуры обсуждения и принятия решений, а *поправки* – предложения представителя регионального парламента по корректировке формулировок обсуждаемых вопросов. Разницу между понятиями необходимо нормативно закрепить, а также установить, что предложения, замечания и поправки находят отражение в протоколе работы конференции и президиума (совета) межпарламентской ассоциации, что будет способствовать более четкой регламентации порядка участия представителя в работе органов ассоциации.

4. Право участвовать в прениях по существу обсуждаемых на конференции вопросов. Регламенты и положения парламентских ассоциаций не устанавливают, где и когда проходят прения, указывая лишь, что обсуждению подвергаются проекты

решений органов парламентских ассоциаций, направляемые в региональные парламенты. Вместе с тем, роль прений при решении вопросов, имеющих межрегиональное значение, немаловажна. На стадии прений представители региональных парламентов подводят итоги обсуждения вопроса повестки дня, оценивают аргументы за и против принятия того или иного решения, что может повлиять на итоги голосования. Исходя из анализа положений и регламентов, можно сделать вывод, что прения проводятся после обсуждения проектов решений на заседании регионального парламента, непосредственно перед принятием решения на конференции межпарламентской ассоциации при участии представителей региональных парламентов. В ходе прений последние озвучивают заранее сформулированные позиции законодательных органов власти субъектов Российской Федерации. В связи с вышесказанным предлагается уточнить механизм подготовки к прениям, указав, что «Позиция представителя регионального парламента на прениях по вопросам, по которым принимаются решения на конференции межпарламентской ассоциации, утверждается большинством голосов регионального парламента. Представитель вправе отступить от утвержденной органом законодательной власти субъекта Российской Федерации позиции. В этом случае представитель в письменном виде представляет в региональный парламента обоснование своих действий». Требование о предоставлении обоснования может использоваться в любой ситуации, когда возникают сомнения в том, что представитель действовал в интересах представляемого органа государственной власти. Решение об аргументированности и необходимости принятия представителем действий, идущих вразрез с позицией, занимаемой региональным парламентом, должно приниматься коллегиально членами органа законодательной власти с привлечением экспертов в той области, к которой относится вопрос, по которому представитель принял решение, противоречащее позиции регионального парламента.

В число обязанностей представителя представляется целесообразным включить:

1. Обязанность участвовать в конференциях межпарламентской ассоциации. При отсутствии сформулированной выше обязанности единственным случаем, когда представитель обязан принять участие в конференции, является ситуация, когда он получил соответствующее письменное распоряжение, подписанное руководителем законодательного органа власти субъекта России. Без такого распоряжения на сегодняшний день представитель вправе воздержаться от участия в конференции межпарламентской ассоциации. Неучастие в конференциях межпарламентской ассоциации на сегодняшний день также не может быть основанием для лишения лица статуса представителя. В связи

с этим целесообразно закрепить за представителем именно обязанность участвовать в конференциях.

2. Обязанность участвовать в подготовке рекомендаций и предложений для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Без закрепления данной обязанности представитель вправе воздержаться от непосредственной разработки рекомендаций и предложений для органов исполнительной власти регионов на основе предложений региональных органов власти, ограничившись осуществлением представительской функции, выражающейся в присутствии на заседаниях органов межпарламентской ассоциации. Однако именно представитель, как никто другой, близок одновременно к межпарламентской ассоциации и региональному парламента, т.е. располагает максимумом информации в области законодательных новелл и тенденций, должен быть активным участником процесса разработки рекомендаций и предложений для органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

3. Обязанность выступать на заседании регионального парламента с докладом о решениях, принятых на заседаниях конференции парламентской ассоциации, рекомендациях и предложениях, направленных парламентской ассоциацией в региональный парламента. Информирование региональных парламентов о решениях, принятых межпарламентской ассоциацией, осуществляет ее Председатель. Однако он осуществляет исключительно информационную функцию, в то время как представитель при реализации вышеназванной обязанности осуществляет информационно-аналитическую функцию, так как его отчет может содержать не только информацию о принятых решениях, но и ответы на вопросы, почему и для чего принято то или иное решение. Такое информационно-аналитическое сопровождение регионального парламента крайне важно, поскольку напрямую влияет на законодательную политику региона. Таким образом, можно констатировать, что содержание поручений, выдаваемых представителю региональным органом законодательной власти, напрямую зависит от выводов, к которым придет представитель в докладе, заслушиваемом региональным парламентом.

Таким образом, реализация предложенных автором разработок позволит конкретизировать правовой статус представителя законодательного органа власти субъекта Российской Федерации в межпарламентской ассоциации, что позволит повысить эффективность работы представителя, зафиксирует его место и роль в системе органов власти и управления регионального уровня.

Библиографический список

1. Положение об Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации

Приволжского федерального округа от 16 июня 2005 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gsrn.ru/preddstavitel'naya-activities/Inter-parliamentary-activities/> (дата обращения: 01.05.2017).

2. Регламент Южно-Российской Парламентской Ассоциации от 21 июня 2001 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gshra.ru/yugra/doc/reglament/> (дата обращения: 31.05.2017).

3. Устав Ассоциации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации Дальнего Востока и Забайкалья от 18 сентября 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.padv.ru/Site.aspx?p=270400049~77700009~\[doc\]270410014\[from\]270400151&p270400069=~13~270400041&p270400049~77700010~\[docs\]270400151](http://www.padv.ru/Site.aspx?p=270400049~77700009~[doc]270410014[from]270400151&p270400069=~13~270400041&p270400049~77700010~[docs]270400151) (дата обращения: 01.05.2017).

4. Устав Северо-Западной Парламентской ассо-

циации от 17 ноября 1994 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sdnao.ru/paszr/page.php?ELEMENT_ID=189 (дата обращения: 01.05.2017).

5. Устав Северо-Кавказской Парламентской Ассоциации от 27 мая 2011 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dumask.ru/component/k2/item/11685-устав-северо-кавказской-парламентской-ассоциации> (дата обращения: 31.05.2017).

6. *Черкасов К.В.* Консультативные и совещательные органы при полномочных представителях Президента РФ в федеральных округах // Гражданин и право. – 2008. – № 10. – С. 20–33.

7. *Черкасов К.В.* К вопросу о консультативных и совещательных органах при полномочных представителях Президента Российской Федерации в федеральных округах // Право и политика. – 2007. – № 6. – С. 16–20.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА ЛИЧНОГО ХАРАКТЕРА В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Статья посвящена имущественным правам, неразрывно связанным с личностью. На основании анализа признака неразрывности права с управомоченным лицом в целях классификации имущественных прав предлагается определение понятия «личные имущественные права». Определены виды имущественных прав, которые могут быть отнесены к указанной категории: права требования об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью; право на взыскание компенсации морального вреда; право требования об исполнении завещательного отката; преимущественное право покупки доли в праве собственности; право личного пользования (узуфрукт). При этом к категории личных имущественных прав могут быть отнесены как вещные, так и обязательственные права. Отмечается теоретическое и практическое значение изучения личных имущественных прав.

Ключевые слова: имущественные права, личные права, неразрывность, уступка права, узуфрукт.

В гражданском законодательстве термин «личные» используется исключительно для характеристики неимущественных прав. Определяя содержание правоспособности граждан, понятие юридического лица, порядок участия публично-правовых образований в гражданских правоотношениях, законодатель говорит о том, что названные субъекты могут иметь имущественные и личные неимущественные права. Термин «личные неимущественные права» стал устойчиво применяться в советской цивилистике во второй половине XX века [1, с. 624]. Именно личные неимущественные права рассматриваются как личные права или права личности.

Особенностями личных неимущественных прав называют отсутствие материального (имущественного) содержания и неразрывную связь с личностью носителя, предопределяющую неотчуждаемость и непередаваемость этих прав.

Тем не менее, в гражданском праве существуют права, неразрывно связанные с личностью, но имеющие при этом имущественный характер. Исследуя личные права, Е.А. Флейшиц заметила, что личные права не однородны по содержанию: «Одни из этих прав являются правами имущественными, другие – правами неимущественного содержания, третьи – неразрывно сочетают имущественные и неимущественные элементы» [15, с. 95]. В.В. Рыбаков в отношении прав, вытекающих из личных обязательств, отмечает, что данные субъективные права, «безусловно, носят имущественный характер и могут быть отнесены к субъективным имущественным правам в широком смысле» и называет их «личными имущественными правами» [13, с. 40–43]. В.В. Груздев употребляет формулировку личные права в отношении прав на чужие вещи [5, с. 55].

Вовлечение понятия в прикладные и общетеоретические разработки обуславливает необходимость четкого понимания его содержания, т.е. того объекта, который обозначен соответствующим термином. Для раскрытия содержания понятия требуется выявить присущие ему признаки.

Ставя вопрос о личных имущественных правах в гражданском праве, в первую очередь следует определить, какие права можно отнести к этой группе. Для этого необходимо обозначить признак, характеризующий эти права как личные. Предположим, что основным таким признаком является неразрывная связь имущественного права с личностью правообладателя (от требований, неразрывно связанных с личностью кредитора, следует отличать требования, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника. Уступка последних допустима, но согласно п. 2 ст. 388 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) ограничена необходимостью согласия должника). Однако определяя личные имущественные права как имущественные права, неразрывно связанные с личностью правообладателя, мы нарушим правило определения понятия, согласно которому определение понятия не должно быть отрицательным. Отрицательным считается понятие, в основном содержании которого встречается хотя бы один отрицательный признак. Слово «неразрывно» как отрицание не имеет позитивного содержания и поэтому бессодержательно. Что значит в данном случае неразрывная связь? В чем выражается тесная связь этих прав с личностью, в том, что их существование при ином субъекте не представляется возможным? Заключается она, на наш взгляд, в определении связи цели установления права с личностью. Цель установления права в данном случае – реализация интересов только этого конкретного лица, именно поэтому такое право может быть реализовано только тем лицом, у которого оно возникло. Исчезновение управомоченного лица влечет прекращение этих прав. Л.А. Новоселова полагает, что уступка требования невозможна, «когда изменение лица на стороне кредитора приводит к результату, существенно отличному от преследуемого при установлении обязательства» [11].

Права, тесно связанные с личностью кредитора, не могут быть переданы ни в порядке общего (универсального), ни в порядке частного (сингу-

лярного) правопреемства. Рассматривая вопрос о возможности уступки заемщиком права требования предоставления кредита, С.К. Соломин отмечает: «Неразрывность конкретного субъективного права с личностью кредитора определяет действительность этого права. Управомоченное лицо характеризуется не только наличием конкретного субъективного права, но и индивидуальными характеристиками, которые присущи только для одного конкретного индивидуума» [14]. И приходит к выводу о том, что требование заемщика о предоставлении кредита не является требованием, неразрывно связанным с личностью кредитора, а относится к требованиям, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника. Как видим, автор связывает признак неразрывности субъективного права с наличием у субъекта индивидуальных характеристик.

В ГК РФ в качестве прав, неразрывно связанных с личностью кредитора, названы права требования об алиментах и о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью (статья 383 ГК РФ). Права требования, неразрывно связанные с личностью кредитора, называют «высокоперсонифицированными» [8]. Алиментные отношения обозначают как «суррогат» имущественных и личных отношений [7].

Данным признаком среди обязательственных имущественных прав, на наш взгляд, обладают также:

– право требования о предоставлении содержания (п. 1 ст. 601 ГК РФ). В период действия Гражданского кодекса РСФСР 1964 года в качестве примера запрета на уступку требования по причине его неразрывности с личностью кредитора называли «требование, возникшее на стороне продавца из договора купли-продажи жилого дома с условием о пожизненном содержании продавца» [4, с. 382];

– право на взыскание компенсации морального вреда. «... Компенсация морального вреда – это компенсация за перенесенные лицом страдания, – пишет О.В. Кузнецова, – за нарушение его психического благополучия, это право действительно связано с личностью кредитора. Право на взыскание компенсации морального вреда связано с личностью потерпевшего и носит личный характер. Данное право не входит в состав наследственного имущества и не может переходить по наследству. Если гражданин, подавший в суд иск о взыскании компенсации морального вреда, умер до вынесения окончательного судебного акта, производство по делу подлежит прекращению. А уступка требования о компенсации морального вреда и переход его по наследству допустимы, но с определенными оговорками» [9];

– право требования об исполнении завещательного отказа (п. 4 ст. 1137 ГК РФ).

Законодательством установлены и иные виды прав, которые не подлежат передаче другому лицу.

Например, не могут быть переданы в порядке уступки требования:

– преимущественное право покупки доли (п. 4 ст. 250 ГК РФ);

– права по договору об ипотеке или обеспеченному ипотекой обязательству, которые удостоверены закладной (п. 5 ст. 47 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»);

– право арендатора по договору проката (ст. 631 ГК РФ). Запрет в отношении прав арендатора по договору проката объясняют тем, что пользование арендованным имуществом должно осуществляться лично арендатором, так как договор нацелен на удовлетворение исключительно его потребностей [6, с. 16–18].

Помимо обязательственных прав признаком неразрывной связи с личностью обладают и некоторые вещные права. В частности, право проживания, предоставленного по завещательному отказу. Для наследодателя при составлении завещания личность отказополучателя безусловно имеет первостепенное значение.

«Типичным образцом таких (личных имущественных – А.С.) прав – пишет Е.А. Флейшиц, – является вещное право «пользования» – узурфрукт древнего римского права и современных буржуазных законодательств. Таким же личным имущественным правом, однако не вещным, а обязательственным, признается в гражданском праве СССР право нанимателя на занимаемую им жилую площадь» [15, с. 5].

В римском праве узурфрукт носил строго персональный характер. Узурфрукт (*ususfructus*) – право пользования (*usus*) и извлечения плодов (*fructus*) – устанавливался в пользу конкретного лица и не мог быть ни отчужден, ни передан по наследству [2, с. 415]. Персональный характер узурфрукта обусловлен целью его установления: данные права «основываются просто на желании одного лица доставить другому какие-нибудь определенные вещи, или же все имущество, с тем, чтобы дать ему пожизненный периодический доход или сделать ему возможным удовлетворение какой-нибудь потребности, но без того, чтобы самая вещь и вообще какая-нибудь часть капитала перешла из рук хозяина в собственность пользователя» [3, с. 107]. В римском праве узурфрукт возникает в сфере наследственных отношений в целях обеспечения интересов лица, которое не может выступать в качестве собственника наследственного имущества, но при этом находится в близких отношениях с наследодателем. Наследодатель стремился обеспечить материальное благополучие близкого ему человека, но существующие правовые рамки не позволяли ему это сделать посредством передачи имущества по наследству.

Данное правило предлагается закрепить и в современном российском гражданском праве. В проекте закона о внесении изменений в ГК РФ в перечень ограниченных вещных прав включено право

личного пользования. Согласно проекту, данное право не может быть передано другому лицу, в том числе в порядке универсального правопреемства или по сделке (п. 3 ст. 302³).

На основании изложенного можно дать следующее определение личных имущественных прав: личные имущественные права – это субъективные права, направленные на удовлетворение интересов лица путем использования материального блага (имущества), возникновение которых обусловлено нарушением прав личности либо индивидуальными характеристиками управомоченного лица, в силу чего эти права могут быть реализованы только этим конкретным лицом. При этом к категории личных имущественных прав могут быть отнесены как вещные, так и обязательственные права.

Выделение категории личных имущественных прав целесообразно использовать именно в целях классификации имущественных прав. Мы не можем утверждать, что в гражданском праве существует группа личных прав, которые подразделяются на личные неимущественные и личные имущественные права.

Для того чтобы провести классификацию имущественных прав на личные имущественные права и имущественные права, которые таковыми не являются, нам необходимо определить критерий их разграничения и обозначить категорию последних. Таким критерием может выступать оборотоспособность имущественных прав. Личные имущественные права не могут быть переданы другим лицам и не участвуют в гражданском обороте. Соответственно, другие имущественные права могут быть названы оборотоспособными имущественными правами или имущественными правами, способными участвовать в гражданском обороте.

Выделение имущественных прав личного характера из числа других имущественных прав имеет также теоретическое значение для определения понятия личных неимущественных прав. Так, это позволило В.А. Белову сделать вывод о том, что неразрывность права с личностью не предопределяет непременно неимущественного характера удовлетворяемого этим правом интереса, и что в действительности «личное» никак не тождественно «неимущественному» [1, с. 628].

Изучение личных имущественных прав имеет и практическое значение. Например, для разрешения вопроса о том, может ли отказополучатель распорядиться отказанным ему правом проживания, в том числе заложить свое право, или нет, могут ли права отказополучателя переходить к другим лицам, в частности, в результате наследования [10]. Для устранения неопределенности в решении последней проблемы А.М. Палшкова предлагает дополнить п. 4 ст. 1137 ГК РФ абзацем вторым следующего содержания: «В случае смерти отказополучателя после открытия наследства его наследники приобретают

право требования к наследнику исполнения обязанности имущественного характера (завещательного отказа), не связанной с личностью отказополучателя» [12, с. 7–19]. Можно назвать и другие вопросы, связанные с данной категорией имущественных прав: о возможности проживания в отказанном жилом помещении совместно с отказополучателем членов его семьи; о возможности перехода права требования к причинителю вреда в порядке суброгации при выплате страхового возмещения по договору страхования жизни или здоровья гражданина.

Библиографический список

1. Белов В.А. Проблемы теории личных прав // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – С. 613–646.
2. Дождев Д.В. Римское частное право. – М.: Издательская группа ИНФРА М – Норма, 1996. – 704 с.
3. Дорн Л. Об узурфрукте по римскому праву. Т. I. – СПб.: Типография императорской Академии наук., 1871. – 494 с.
4. Гражданский кодекс РСФСР. Учебно-практическое пособие. Ч. 1 / отв. ред. О.А. Красавчиков. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. – 431 с.
5. Груздев В.В. Человек и право: исторические, общетеоретические и цивилистические очерки: монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 463 с.
6. Кабалкин А., Санникова Л. Договор проката // Российская юстиция. – 2000. – № 6. – С. 16–18.
7. Капитова О.В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации: монография. – М.: Юриспруденция, 2010. – 136 с.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практич. комментарий (постатейный) / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева и др.; под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2010. – 912 с.
9. Кузнецова О.В. Возмещение морального вреда: Практическое пособие. – М.: Юстицинформ, 2009. – 152 с.
10. Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав. – М.: Статут, 2007. – 255 с.
11. Новоселова Л.А. Ограничения перехода прав кредитора другим лицам // СПС «Консультант-Плюс». – 2002.
12. Паликова А.М. Завещательный отказ и отношения из него: понятие, сущность и содержание // Наследственное право. – 2009. – № 4. – С. 7–19.
13. Рыбаков В.В. Обязательственное имущественное право как объект гражданского оборота // Гражданское право. – 2008. – № 2. – С. 40–43.
14. Соломин С.К. Банковский кредит: проблемы теории и практики. – М.: Юстицинформ, 2009. – 288 с.
15. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. – 207 с.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ВИДОВ ИПОТЕКИ В ГЕРМАНИИ

В Российской Федерации на сегодняшний день ипотечные правоотношения находятся в стадии реформирования. В условиях коренных преобразований существенное значение приобретает метод сравнительного правоведения, позволяющий в сжатые временные сроки выявить наиболее успешно применимые на практике правовые институты других стран и осуществить их рецепцию в отечественный правовой порядок. Ввиду того факта, что Германия традиционно считается образцом законодательства на территории стран континентальной системы права, в статье анализируются основные предпосылки возникновения ипотеки в Германии. Предпринимается попытка дать развернутую классификацию видов ипотеки, определить особенности оборотной, обеспечительной, общей, амортизационной ипотек. Разбираются характерные черты документальной, книжной, принудительной ипотек, ипотек с предельной суммой и для ценных бумаг, обеспечительной ипотеки при выполнении строительных работ.

Ключевые слова: Германия, ипотека, виды ипотеки, возникновение ипотеки, поземельная книга.

На сегодняшний день ипотека играет важную роль в рыночных отношениях и во многом способствует повышению стабильности гражданско-правового оборота. Ипотечные правоотношения создают гарантии защиты интересов кредиторов, позволяют им осуществлять долгосрочное кредитование и заключать сделки, характеризующиеся значительной стоимостью. При этом ипотека выгодна и должнику, поскольку позволяет ему пользоваться заложенным имуществом и получать доход от его использования.

Большинство применяемых в России в настоящее время институтов вещного права, сложившегося в переломные 1990-е годы, требуют совершенствования. С момента вступления в силу основного блока положений вещного права прошло более двадцати лет, пришло время для проведения реформ, решения проблем, выявленных на практике, устранения пробелов в законодательном регулировании [6, с. 45]. Для этих целей была проведена обширная реформа в области ипотечных правоотношений в 2013–2014 г. Однако, несмотря на коренную переработку основных положений залога недвижимости, редакция Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» продолжает беспрестанно модернизироваться (десять обновленных редакций закона за прошедшие четыре года).

В условиях непрекращающихся законодательных изменений особое значение приобретает сравнительный метод правоведения. Анализ норм иностранных правовых порядков позволяет выявить позитивно зарекомендовавшие себя на практике правовые модели и конструкции, отказаться от процедур, не проявивших себя в условиях современного хозяйственного оборота в других странах. В рамках регулирования ипотечных правоотношений особым весом в континентальной системе права обладает немецкий правовой порядок. Более чем столетний опыт применения норм немецкого законодательства в области ипотечного права свидетельствует о его качестве и стабильности, позволяя-

ет задуматься о рецепировании отдельных норм для использования в рамках российского правового порядка ввиду сходства решаемых задач и источников.

В соответствии с §1113 Германского гражданского уложения – основного нормативно-правового акта, регулирующего гражданско-правовые отношения на территории Германии (далее – ГГУ), – под ипотекой понимается обременение, вследствие установления которого в пользу кредитора (ипотекодателя) собственником (ипотекодержателем) выплачивается определенная денежная сумма за счет заложенного земельного участка в целях удовлетворения принадлежащего кредитору требования.

Немецкий законодатель последовательно реализует в рамках гражданско-правового оборота модель *superficies solo cedit*, означающую, что собственность на строения не может быть отделена от собственности на земельный участок. Особенностью немецкого права недвижимости является применение конструкции «единого объекта» [1, с. 78]. Таким образом, единственным объектом ипотеки на территории Германии признается земельный участок (§§ 873, 925, 1113 ГГУ). Прочно связанные с землей здания и сооружения являются в Германии лишь существенными составными частями недвижимой вещи, что не позволяет им быть отдельным предметом ипотеки.

В целях установления ипотечных правоотношений немецким законодателем предусмотрена необходимость соблюдения следующих предпосылок: наличие соглашения между сторонами о передаче земельного участка в ипотеку и внесение записи об обременении в виде ипотеки в публичный реестр вещно-правовых отношений в сфере недвижимости – поземельную книгу.

Соглашение о возникновении ипотеки заключается между ипотекодателем и ипотекодержателем. Стоит обратить внимание, что ипотекодателем может быть, как непосредственно должник по обязательству, так и третье лицо при условии наличия права собственности на земельный участок. Ипо-

текодержателем всегда является исключительно кредитор [5, с. 134].

Второй предпосылкой установления залогового права является внесение записи об ипотеке в поземельную книгу (§873 ГГУ). Запись о возникновении ипотеки как обременения вносится в поземельную книгу после рассмотрения регистратором заявления заинтересованного лица (Antragsprinzip, §13 Положения о поземельной книге). Для создания рангов «конкурирующих прав» регистратор обязан фиксировать точное время поступления заявления в ведомство (§17 Положения о поземельной книге). Данная обязанность обусловлена применением принципа приоритета (Prioritätsprinzip), в соответствии с которым формируется очередность кредиторов в случае осуществления взыскания на заложенный объект недвижимости [7, с. 722].

Представляется, что внесение записи в поземельную книгу имеет столь существенное значение ввиду наличия принципа публичной достоверности (§ 892 ГГУ). Правообладателем признается лицо, о котором есть запись в поземельной книге. Принцип призван защитить добросовестного участника оборота, который, приобретая объект недвижимости, полагался на данные поземельной книги. Приобретатель считается недобросовестным только в случаях, если он знал, что запись, содержащаяся в поземельной книге, не является достоверной, и если он приобрел имущество несмотря на то, что в поземельной книге содержалось возражение относительно верности предыдущей записи (§899 ГГУ) [4, с. 234]. Тем самым принцип публичной достоверности обеспечивает защиту сторон ипотечных правоотношений, позволяя установить, является ли ипотекодатель собственником имущества.

В целях установления отдельных видов ипотеки предусмотрены дополнительные требования, которые будут рассмотрены ниже.

В немецком правопорядке выделяется объемная классификация видов и подвидов ипотеки. В статье последовательно рассматриваются следующие виды ипотеки: общая, амортизационная, оборотная и обеспечительная.

На сегодняшний день наиболее применимым на практике видом ипотеки является оборотная ипотека (Verkehrshypothek), которая в свою очередь подразделяется на документальную (Briefhypothek) и книжную (Buchhypothek).

О документальной ипотеке в районном суде – органе, ответственном за ведение поземельной книги, выдается свидетельство (§1116 ГГУ). Как правило, в ипотечном свидетельстве фиксируются следующие сведения: сумма ипотеки, стороны правоотношения, земельный участок, обремененный ипотекой. В данном случае, согласно §1117 ГГУ, передача ипотечного свидетельства является обязательным условием возникновения ипотеки наряду

с общими предпосылками: соглашением сторон (§873 ГГУ) и регистрацией ипотеки в поземельной книге (§1115 ГГУ).

Согласно п. 2 §1116 ГГУ, предпосылками возникновения второго подвида оборотной ипотеки в Германии – книжной ипотеки, являются соглашение сторон об исключении выдачи ипотечного свидетельства и внесение соответствующей записи в поземельную книгу. Книжная ипотека, об установлении которой свидетельствует только содержание поземельной книги, предназначена для тех случаев, когда ипотека не должна стать предметом оборота [3, с. 45].

Таким образом, в гражданско-правовом обороте Германии документальная ипотека распространена шире, чем книжная, т.к. для уступки документальной ипотеки достаточно наличия письменного заявления о такой уступке и передачи ипотечного свидетельства, то есть дополнительного внесения записи в поземельную книгу об уступке ипотеки не требуется [2, с. 73]. Однако целесообразно дополнить, что документальная и книжная ипотеки могут преобразовываться друг в друга при условии соглашения сторон и регистрации изменений в поземельной книге, а также выдачи ипотечного свидетельства в случае преобразования из книжной в документальную ипотеку.

Обеспечительная ипотека. Главным отличительным признаком обеспечительной ипотеки (Sicherungshypothek, п. 1 §1184 ГГУ) является ее строгая акцессорность, то есть право кредитора основывается исключительно на требовании, а не на записи в поземельной книге (в отличие от оборотной ипотеки). Вследствие данного обстоятельства к основным требованиям, предъявляемым для установления ипотеки, добавляется необходимость существования требования, в обеспечение которого установлена ипотека (§1163 ГГУ). На практике обеспечительная ипотека заключается в случае, если кредитор в будущем не планирует переуступать свои требования другому кредитору, так как ипотека не может быть приобретена, если обеспечиваемое требование отсутствует. Такая форма ипотеки не предназначена для быстрого и частого оборота, так как уступка требований осложняется тем, что цессионарий приобретает право по договору об ипотеке, как было указано выше, только при существующем требовании, а проверить это с учетом п. 1 §1184 ГГУ довольно трудно, так что на практике данный вид мало распространен.

Разновидностями (подвидами) обеспечительной ипотеки являются:

– принудительная ипотека, то есть процедура, применяемая в рамках исполнительного производства после вынесения решения суда. Такая ипотека применима только в том случае, если требования кредитора составляют суммарно не менее 750 евро

(§866 Гражданского процессуального кодекса Германии, далее ГПК).

– обеспечительная ипотека при выполнении строительных работ (§648 ГГУ). При невыполнении заказчиком обязательств, вытекающих из договора подряда, подрядчик вправе требовать установления обременения в виде ипотеки на земельный участок заказчика, отведенный для строительства.

– ипотека с предельной суммой (Höchstbetragshypothek, §1190 ГГУ). Спецификой данного вида ипотеки является указание не фактической суммы долга, а максимальной суммы, которая может быть взыскана за счет заложенного земельного участка. Предельная сумма должна быть указана в поземельной книге.

– ипотека для ценных бумаг (§1887 ГГУ). Данный вид применим исключительно к векселям или иным ценным бумагам, передаваемым с помощью индоссамента.

Следующим видом ипотеки в Германии является общая ипотека. Главной особенностью общей ипотеки (Gesamthypothek, §1172) является установление одной ипотеки в отношении нескольких земельных участков для обеспечения одного и того же требования. При этом каждый из этих участков отвечает в полном объеме за выполнение требования. Представляется, что такой вид ипотеки выгоден, в первую очередь, кредиторам. Принимая во внимание наличие нескольких участков, предоставленных для покрытия требования, кредитор фактически полностью предотвращает все возможные риски, например, риск снижения стоимости одного из участков нивелируется за счет стоимости других участков. Соответственно должнику и всем остальным кредиторам, у которых ранг требований ниже, общая ипотека не выгодна. Для возникновения общей ипотеки необходимо наличие отдельных для каждого земельного участка соглашений сторон об установлении ипотеки и регистрация в поземельной книге.

Амортизационная ипотека. Спецификой амортизационной ипотеки (Tilgungshypothek) является возвращение капитала равными частями в определенный срок. Кредитор не имеет права расторгнуть договор до тех пор, пока должник предусмо-

тренным образом совершает платежи, которые на практике обычно закрепляются в плане погашения задолженности. Амортизационная ипотека оптимальна для финансирования жилищного строительства и сельскохозяйственных инвестиционных кредитов, ввиду закрепления возможности постепенного возврата денежных средств.

Проведенный анализ конструкции ипотеки в Германии позволяет сделать вывод о том, что стабильность регулирования данного вопроса во многом обусловлена наличием разветвленной системы видов ипотеки, отвечающих вызовам современного хозяйственного оборота Германии. Представляется целесообразным проведение глубокого исследования закономерностей функционирования различных видов ипотеки на практике с целью выявления возможности применения немецкого опыта для формирования стабильной ипотечной системы в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Василевская Л.Ю. Правовое регулирование залога в Германии и России. – М.: Изд-во Рос. гос. торгово-экон. ун-та, 2003. – 184 с.
2. Калмыкова А.В. Сравнительный анализ залога в германском и российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 182 с.
3. Климов Я.Ю. Ипотека земли в законодательстве России и Германии: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 175 с.
4. Немцов А. Система поземельных книг и внесения прав на недвижимость в Германии, Германо-Российская ассоциация юристов // Сборник статей о праве Германии. Вып. 2. – М., 2017. – 529 с.
5. Фархиуллина О.Р. Гражданско-правовое регулирование ипотеки земельных участков в Российской Федерации и зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2010. – 182 с.
6. Lassen T. Die Hypothek nach russischem Recht als Kreditsicherungsmittel. – Berlin: Verband deutscher Pfandbriefbanken, 2007. – 338 p.
7. Wieling H.J. Sachenrecht Band 1: Sachen, Besitz und Rechte an beweglichen Sachen., vollst. überarb. Aufl. 2006. Buch. xxvi, 876 p.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Автор рассматривает некоторые проблемы становления и совершенствования административно-деликтного законодательства в условиях информационного общества. Указывается, что становление нового законодательства об административной ответственности требует качественно новых взглядов на содержание этого института и осознание его места в механизме защиты информационных правоотношений в формирующемся информационном обществе. Действующий украинский Кодекс об административных правонарушениях 1984 года, несмотря на многочисленные изменения и дополнения, не соответствует современным условиям становления информационного общества. Например, в указанном нормативно-правовом акте не выделяется отдельная глава об информационных правонарушениях, которые находятся в хаотичном, бессистемном порядке в разных главах кодекса, что усложняет их защиту.

Анализируя опыт РФ по вопросам правового обеспечения административной ответственности в информационной сфере, автор отмечает, что действующий КоАП РФ впервые в истории российского законодательства об административных правонарушениях включил в состав своей Особенной части ряд норм, направленных на защиту отношений в информационной сфере. При разработке нового КоАП предлагается воспользоваться опытом РФ по вопросам административной ответственности за правонарушения в информационной сфере, что будет способствовать приближению нового административно-деликтного законодательства к развивающимся информационным правоотношениям и адаптации последнего к российским стандартам.

Ключевые слова: административное право, информационное общество, информационная сфера, административная ответственность, принцип приоритета прав и свобод человека, информационные правонарушения, административно-деликтное законодательство.

Сегодня происходят крупномасштабные преобразования в обществе, которые связаны с развитием информационных технологий. В этих условиях приоритетное значение приобретает развитие информационной сферы, которая выступает катализатором изменений во всех остальных сферах деятельности социума и человека. Значительное влияние информационной сферы на общественный прогресс вызывает необходимость увеличения внимания к ней со стороны государства, создание адекватных и эффективных средств обеспечения и защиты развивающихся информационных правоотношений, среди которых важное место занимает административная ответственность. В связи с этим исследование административной ответственности за деяния, посягающие на информационную сферу и информационные правоотношения, является актуальной задачей современной административно-правовой науки в условиях становления информационного общества.

Отдельные аспекты указанной проблематики рассматривались в работах известных отечественных и зарубежных специалистов в области информационного и административного права – И.В. Аристовой, И.Л. Бачило, К.И. Белякова, Ю.П. Бурило, А.Б. Венгерова, Р.А. Калюжного, М.В. Костенникова, В.А. Копылова, А.В. Полушкина, Б.Н. Топорнина, М.А. Федотова, М.Я. Швеца и многих других. Однако, несмотря на свою значимость, эти исследования не могут решить всего комплекса вопросов государственного принуждения в современных условиях информа-

ционного общества. Кроме того, многие вопросы, особенно с принятием нового административно-деликтного законодательства Луганской Народной Республики, являются дискуссионными, толкуются неоднозначно и требуют не только дальнейшего изучения, но и новых подходов к их решению.

Как известно, информационное общество отличается от традиционного промышленного общества тем, что информация, знания, услуги и все отрасли, связанные с их производством, становятся доминирующими в экономическом развитии, растут более быстрыми темпами и являются источником новых рабочих мест [10, с. 11]. Так, в Хартии глобального информационного общества (Окинава, 22 июля 2000 года) по этому поводу внимание акцентировано на том, что информационно-коммуникационные технологии являются одним из наиболее важных факторов, который влияет на формирование общества двадцать первого века. Их революционное влияние касается образа жизни людей, их образования и работы, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. Информационно-коммуникационные технологии быстро становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики [7]. Поэтому дальнейшее существование современного гражданского общества и правового государства без развития информационно-коммуникационной сферы невозможно. В связи с этим в Декларации принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии», принятой ООН в Женеве 12.12.2003 года, заявлено

о намерениях государств-участниц построить ориентированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие информационное общество [3].

В свою очередь, административная ответственность – один из основных институтов современного административного права. Однако существуют проблемы, требующие своего скорейшего разрешения в связи с функционированием данного института в информационной сфере жизнедеятельности современного социума. Так, например, становление законодательства об административной ответственности Луганской Народной Республики требует качественно новых взглядов на содержание этого института и на его место в механизме защиты информационных правоотношений в формирующемся информационном обществе. Необходимо избавиться от устаревших идеологических догм, которые длительное время оказывали влияние на развитие этого института. В частности, действующее украинское законодательство об административной ответственности не полностью соответствует требованиям принципа приоритета прав и свобод человека. Важно, чтобы готовящийся новый кодифицированный акт об административных правонарушениях Луганской Народной Республики закрепил современные принципы административной ответственности и на первое место поставил принцип приоритета прав и свобод человека. Это позволит вместо доминирующей до сегодняшнего времени идеологии «господства и главенства государства над человеком» внедрить новую идеологию «служения государства интересам человека».

С этой целью, на наш взгляд, необходимо в новом Кодексе Луганской Народной Республики об административных правонарушениях предусмотреть главу под общим названием «Административные правонарушения, посягающие на права и свободы человека» и разместить ее первой в Особенной части указанного кодекса. Это будет подчеркивать направленность административно-деликтного акта Луганской Народной Республики на приоритет и защиту человека, его прав, свобод и законных интересов.

Говоря об информационных правонарушениях, следует указать, что в соответствии с Указом Главы ЛНР от 19 октября 2015 года № 549/01/10/15 «О некоторых вопросах применения законодательства об административных правонарушениях» [6], на территории ЛНР введен в действие советско-украинский Кодекс об административных правонарушениях [5]. Последний был принят еще в середине 80-х годов XX века. Несмотря на многочисленные изменения и дополнения, стало очевидным, что данный нормативно-правовой акт не соответствует современным условиям становления информационного общества. Не выделяется в указанном кодексе и отдельная глава об информационных

правонарушениях. Поэтому в данном нормативно-правовом акте советского периода информационные правонарушения находятся в хаотичном, бессистемном порядке в разных главах кодекса, что усложняет защиту информационных правоотношений. Более того, и производство по данным противоправным проявлениям в информационной сфере осуществляется разными субъектами административной юрисдикции.

Думается, что нужно обратиться к опыту Российской Федерации по вопросам правового обеспечения ответственности в информационной сфере. В Российской Федерации предусмотрена как гражданско-правовая, уголовная, так и административная ответственность в информационной сфере. Разработаны и действуют многочисленные законы и подзаконные акты в информационной сфере. Предлагаем более детально остановиться именно на административной ответственности за правонарушения в информационной сфере.

Действующий КоАП РФ от 30.12.2001 года [4] впервые в истории российского законодательства об административных правонарушениях включил в состав своей Особенной части ряд норм, направленных на защиту отношений в информационной сфере, что является позитивным фактором, увеличивающим уровень их юридической защищенности. Кроме того, в КоАП РФ, в отличие от украинского КоАП [5], законодатель попытался все составы, в зависимости от родового объекта противоправного посягательства, объединить в отдельную главу 13 «Административные правонарушения в области связи и информации».

В главе закреплены следующие составы информационных правонарушений: статья 13.11 «Нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных)»; статья 13.11.1 «Распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей ограничения дискриминационного характера»; статья 13.12 «Нарушение правил защиты информации»; статья 13.13 «Незаконная деятельность в области защиты информации»; статья 13.14 «Разглашение информации с ограниченным доступом»; статья 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации»; статья 13.16 «Воспрепятствование распространению продукции средства массовой информации»; статья 13.17 «Нарушение правил распространения обязательных сообщений»; статья 13.18 «Воспрепятствование уверенному приему радио- и телепрограмм и работе сайтов в сети «Интернет»»; статья 13.19 «Нарушение порядка представления статистической информации»; статья 13.19.1 «Нарушение порядка размещения информации в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»; статья 13.19.2 «Нарушение

порядка размещения информации в государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»; статья 13.20 «Нарушение правил хранения, комплектования, учета или использования архивных документов»; статья 13.21 «Нарушение порядка изготовления или распространения продукции средства массовой информации»; статья 13.23 «Нарушение порядка представления обязательного экземпляра документов, письменных уведомлений, уставов и договоров»; статья 13.25 «Нарушение требований законодательства о хранении документов»; статья 13.27 «Нарушение требований к организации доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и ее размещению в сети «Интернет»»; статья 13.28 «Нарушение порядка предоставления информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; статья 13.31 «Неисполнение обязанностей организатором распространения информации в сети «Интернет»».

Однако глава 13 объединяет не все информационные правонарушения. Часть составов информационных правонарушений расположена в других главах кодекса, например, в главе 5: статья 5.1 «Нарушение права гражданина на ознакомление со списком избирателей, участников референдума»; статья 5.17 «Непредоставление или неопубликование отчета, сведений о поступлении и расходовании средств, выделенных на подготовку и проведение выборов, референдума»; статья 5.25 «Непредоставление сведений об итогах голосования или о результатах выборов». Кроме этого, глава 8 содержит: статью 8.5 «Сокращение или искажение экологической информации»; ст. 8.16 «Невыполнение правил ведения судебных документов» и др.

Сложность отнесения некоторых составов к области информационных правонарушений связана с тем, что они являются пограничными и касаются не только информации, но и той области отношений, где информация работает и является предметом этих отношений [1, с. 98].

Следует указать на то, что в зависимости от родового объекта и отраслевой направленности проступка, каждому виду административного правонарушения, в том числе и информационному, присущи свои специфические признаки. Например, российский ученый А.В. Полушкин характеризует понятие информационного правонарушения через общие и специальные признаки, имеющие существенное значение для этого вида правонарушения [8, с. 54]. К общим существенным признакам относятся: общественная опасность, противоправность, деликтоспособность и виновность лиц. К специальным существенным признакам относятся: информационная сфера, информационная среда осуществления, а также использование информационных средств и технологий.

Информационное правонарушение автор определяет как общественно опасное, противоправное, виновное деяние (действие или бездействие) деликтоспособного лица, совершенное в информационной сфере и/или с использованием информационных средств и технологий работы с информацией, независимо от ее формы, или в другой области человеческой деятельности в условиях информационной среды [9, с. 207].

Некоторые ученые, сравнив особенности правового регулирования административной ответственности за совершение информационных правонарушений в Российской Федерации и Украине, приходят к выводу о том, что украинское административное законодательство отстает от российского на десятилетие [2]. В связи с этим целесообразным является принятие отдельного нормативно-правового акта, который урегулировал бы весь комплекс информационных правоотношений, а также предусмотрел эффективные механизмы их защиты.

Итак, необходимо отметить, что в Российской Федерации практически сформирована основная нормативная база по предупреждению и пресечению административных правонарушений в информационной сфере. Поэтому, как нам кажется, законодатель ЛНР при разработке Кодекса об административных правонарушениях должен воспользоваться опытом Российской Федерации по вопросам административной ответственности за правонарушения в информационной сфере.

Надеемся, что дальнейшая реализация выказанных предложений будет направлена на укрепление приоритета прав и свобод человека по отношению к государству, а также будет способствовать приближению административно-деликтного законодательства ЛНР к развивающимся информационным правоотношениям и адаптации последнего к российским стандартам.

Библиографический список

1. *Бачило И.Л.* Административно-правовая ответственность в информационной сфере // Административная ответственность: вопросы теории и практики. Сборник статей. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 2005. – С. 98–109.
2. *Волкова А.А.* Административная ответственность за информационные правонарушения: сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1420635890> (дата обращения: 04.01.2016).
3. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» от 12 декабря 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsisis.pdf (дата обращения: 04.01.2016).

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный Закон РФ от 30 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kodap.ru/razdel-2/glava-13> (дата обращения: 04.01.2016).

5. Кодекс України про адміністративні правопорушення від 7 грудня 1984 р. № 8073-Х // Відомості Верховної Ради Української РСР. – 1984. – № 51. – Ст. 1122.

6. О некоторых вопросах применения законодательства об административных правонарушениях: Указ Главы Луганской Народной Республики от 19 октября 2015 г. № 549/01/10/15 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://glava-lnr.su/content/o-nekotoryh-voprosah-primeneniya-zakonodatelstva-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah> (дата обра-

щения: 04.01.2016).

7. Окинавская Хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://federalbook.ru/files/SVAYZ/saderzhanie/Tom%206/I/hartia.pdf> (дата обращения: 04.01.2016).

8. *Полушкин А.В.* Понятие информационного правонарушения // Российский юридический журнал. – 2009. – № 3. – С. 207–210.

9. *Полушкин А.В.* Признаки информационных правонарушений // Конфликты в информационной сфере: матер. теор. сем. / отв. ред. И.Л. Бачило. – М.: Издательство ИГиП РАН, 2009. – С. 53–56.

10. *Серго А.Г.* Интернет и право. – М.: Бестселлер, 2003. – 272 с.

ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: ПРОБЛЕМА СРОКОВ

В настоящее время проблема регламентации уголовных наказаний находится на острие внимания ученых-специалистов по уголовному праву. Значимость и актуальность данной проблемы заключается в ее непосредственной связи с эффективностью уголовного наказания и в целом уголовно-правового запрета. Изучение норм Общей и Особенной части Уголовного кодекса РФ показало, что многие насущные вопросы, связанные со сроками наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью требуют надлежащего законодательного регулирования. Автором проанализированы имеющиеся в законодательстве и предлагаемые в науке меры увеличения сроков лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, нацеленные на повышение эффективности этого вида наказания. В результате исследования выявлены коллизии, предложены пути их устранения.

Ключевые слова: лишение права, должность, деятельность, срок, наказание, назначение, судимость.

Великий русский ученый С.В. Познышев отмечал: «Когда современный законодатель или судья назначает наказание на известный срок, этот срок принимается ими в значительной мере гадательно. Почему три года, а не два или не два с половиной, почему восемь, а не пять лет и т.д.?» [2, с. 260]. Этот тезис особо актуализируется в связи с наличием в современном уголовном праве широких дискреционных полномочий суда, когда в рамках одной статьи Особенной части УК РФ мы видим широкий диапазон сроков наказания, среди которых правоприменителю необходимо выбрать необходимый и достаточный для достижения поставленных перед наказанием целей.

Вопрос о сроках вообще и сроках наказаний в частности занимает одно из ведущих мест во многих отраслях права.

Срок ограничений конституционных прав и свобод граждан РФ, к которым следует отнести лишения вследствие назначенного судом уголовного наказания, должен быть ограничен четкими временными рамками или пределами.

Преобладающее большинство наказаний, перечисленных в ст. 44 УК РФ, имеют свое количественное исчисление, каждое из них определяется конкретным сроком или размером. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью также относится к срочным видам наказания. Однако анализ Особенной части УК РФ показывает, что законодатель проявил крайнюю непоследовательность при конструировании санкций, предусматривающих рассматриваемый вид наказания, с учетом того, что абсолютное большинство таких санкций являются альтернативными. Для наглядности приведем следующий пример. Санкция ч. 3 ст. 137 УК РФ среди возможных видов наказаний предусматривает в качестве основного лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью от двух до пяти лет или лишение свободы с дополнительным наказанием в виде ли-

шения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до шести лет. Логику законодателя в данном случае понять невозможно.

Ретроспективный анализ уголовного законодательства показывает, что продолжительность правоограничений, предусмотренных анализируемым видом наказания, не была статичной на всем протяжении развития русского уголовного права. В период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. поражение отдельных прав назначалось на срок или навсегда. УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. ограничивали предельный срок данного наказания пятью годами.

С введением в действие Уголовного кодекса РФ 1996 г. сроки наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью были дифференцированы. В качестве основного наказания оно назначается на срок от одного года до пяти лет, в качестве дополнительного – от шести месяцев до трёх лет.

Федеральным законом от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» срок дополнительного наказания в случаях, специально предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, увеличен до 20 лет. Размер же основного наказания не претерпел никаких корректировок. Целью таких изменений было усиление уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и за ряд иных деяний (организация деятельности экстремисткой организации, организация занятия проституцией, склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов и т.д.).

В результате указанных выше нововведений ревизии подверглась в основном гл. 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Все эти преступления относятся к категории тяжких или особо тяжких. Сроки наказаний за указанные виды преступлений

находятся в пределах от пяти лет до пожизненного лишения свободы. Общий же срок ограничений, связанных с данным дополнительным наказанием, учитывая специфику его исполнения, может колебаться в пределах от 20 до 40 лет, а в иных случаях быть пожизненным.

Данное законоположение вызвало в юридических кругах обоснованную критику [1, с. 36; 3, с. 24–28].

Представляется, что законодатель проявил непоследовательность в определении срока этого наказания. Так, в ч. 4 ст. 47 УК РФ содержится правило о том, что при назначении лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного к ограничению свободы, аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, принудительным работам и лишению свободы оно распространяется на время отбывания указанных основных видов наказания, но при этом его срок исчисляется с момента их отбытия. Получается, что при назначении этого вида наказания в качестве дополнительного с перечисленными видами основного наказания, оно будет длиться значительно большее время, чем предусмотрено приговором.

Приведем следующий пример из судебной практики. Приговором Фрунзенского районного суда г. Иваново З. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а», «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ (изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних), ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года 6 месяцев с дополнительным наказанием в виде лишения права заниматься определенной деятельностью сроком на 14 лет. При этом на момент вынесения приговора осужденному исполнилось 48 лет, и находиться под контролем органов исполнения наказания он будет в течение 17,5 лет (3 года 6 месяцев основного наказания в исправительной колонии и 14 лет – дополнительного под контролем уголовно-исполнительной инспекции), т.е. в общей сложности до достижения им возраста 65 лет, после чего еще в течение восьми лет будет длиться такое правовое последствие как судимость. Это значит, что продолжительность общего срока лишения и ограничений, связанных с осуждением, составит 25 лет 6 месяцев. С учетом возраста осужденного на момент постановления приговора – до достижения им возраста 73 лет.

Нам представляется, что разрыв между максимумом и минимумом наказания, установленного в статье, должен зависеть, прежде всего, от степени общественной опасности преступления. Такого рода различия необходимо учитывать при построении санкции.

На наш взгляд, установленные в законе пределы сроков наказания не реализовываются в судебной

практике, что, в конце концов, может подорвать авторитет уголовного закона и будет свидетельствовать о его недостаточной эффективности.

Практика показывает свои пределы назначения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, они значительно ниже, чем те, которые в настоящее время установлены законом. Сказанное свидетельствует о том, что именно судебная практика выполняет функцию индивидуализации и дифференциации ответственности и наказаний. Законодателю следует ориентироваться на правоприменителя и внести соответствующие коррективы в уголовный закон.

В качестве предварительного вывода можно утверждать, что дополнительное наказание на столь длительные сроки не имеет практического значения. Во-первых, для лишения права занимать определенные должности имеет смысл ориентировать максимальный срок наказания на возрастной предел, которым ограничивается соответствующий вид государственной службы или службы в органах местного самоуправления (например, 65 лет – предельный возраст пребывания на государственной гражданской службе в соответствии со ст. 21 Федерального закона «О государственной гражданской службе»). За пределами такого возраста утратил бы смысл и сам запрет, и деятельность государственных органов по исполнению наказания. Во-вторых, в настоящее время делаются попытки разгрузить пенитенциарные учреждения, оптимизировать процесс исполнения того или иного вида наказания. Имеет ли смысл столь долго держать на учете уголовно-исполнительной инспекции осужденного к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью? Полагаем, ответ может быть только отрицательным.

Кроме того, при всей очевидности срочности рассматриваемого наказания, для некоторых осужденных запрет на занятие определенных должностей оказывается бессрочным в связи с наличием самого факта осуждения, даже при снятой или погашенной судимости. Данное ограничение, возникающее в силу факта признания гражданина виновным в совершении преступления, носит бессрочный запрет на замещение должностей государственной гражданской службы. Из этого следует, что таким гражданам никогда не удастся занять вышеперечисленные должности, даже если за совершенное ими преступление наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью будет назначено на минимальные сроки.

Ограничения, не имеющие предельных сроков действия, ставит таких граждан при реализации ими закрепленных Конституцией РФ прав на равный доступ к государственной службе (ч. 4 ст. 32)

и права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37) в худшее положение по сравнению с гражданами, которым назначены срочные виды наказаний.

Таким образом, до тех пор, пока в российском законодательстве существует институт судимости, утрата прав осужденного занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью будет происходить автоматически, и во многих случаях – пожизненно.

Не имеет практического смысла, на наш взгляд, и слишком низкий предел анализируемого нами вида наказания. Например, в ч. 1 ст. 143 УК РФ предусмотрен срок дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – до одного года. Полагаем необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 143 УК РФ, увеличив срок дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до трёх лет.

В соответствии с ч. 2 ст. 47 УК РФ, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью устанавливается в качестве основного наказания на срок от одного года до пяти лет.

Анализ Особенной части УК РФ показывает, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в санкциях статей Особенной части УК РФ встречается в качестве основного наказания – 36 раз (см. табл. 1).

Таким образом, лишь в 67% санкций статей УК РФ максимальный срок наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью равен пяти годам, во всех остальных случаях он меньше. Сроки же аналогичного дополнительного наказания в разы выше, о чем было указано ранее.

Для того чтобы определить роль данного основного наказания в альтернативной санкции, мы рассмотрели соотношение максимальных сроков лишения свободы и основного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, отразив это сравнение в таблице 2.

Как мы видим, законодатель в большинстве случаев совершенно справедливо предлагает правоприменителю избрать либо более длительный срок более мягкого вида наказания – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, либо более короткий – более строгого – лишение свободы. Хотя нельзя не подвергнуть критике статьи, санкции которых предусматривают более длительные сроки лишения свободы по сравнению со сроками наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, которое может быть применено в качестве альтернативного вида основного наказания.

В Общей части УК РФ законодатель определил исходную меру основного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 1 год, и предельную – 5 лет. Далее сам этим правилом пренебрегая, в ч. 1 ст. 145.1 УК РФ в качестве основного наказания предусматривает лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до 1 года, то есть налицо противоречие норм Общей и Особенной части УК РФ. В связи с этим необходимо привести указанную статью в соответствие с нормами Общей части УК РФ, увеличив в санкции ч. 1 ст. 145.1 УК РФ срок наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до трёх лет.

Далее переведем тему нашего размышления в плоскость конституционного права на личную неприкосновенность.

По общему правилу, время содержания под стражей до судебного разбирательства засчитывается в сроки лишения свободы.

На этот счет в части 5 ст. 72 УК РФ содержится правило, согласно которому при назначении осужденному, содержащемуся до судебного разбирательства под стражей, в качестве основного вида наказания лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания. Аналогичной позиции придерживается высшая судебная инстанция в постановлении

Таблица 1
Количество статей Особенной части УК РФ, содержащих лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве основного вида наказания

Максимальный срок ЛПЗД или ЗОД – основное наказание (в годах)	Количество статей (их частей) в УК РФ
5	24
3	11
1	1

Таблица 2

Соотношение максимальных сроков основного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишения свободы

Статья УК РФ	Максимальный срок ЛПЗД или ЗОД - основное наказание (в годах)	Максимальный срок лишения свободы (в годах)
ст. 136	5	5
ч. 2 ст. 137	5	4
ч. 3 ст. 137	5	5
ч. 2 ст. 138	5	4
ч. 3 ст. 139	5	3
ч. 2 ст. 141.1	5	2
ч. 2 ст. 142	5	3
ч. 3 ст. 142	5	3
ч. 1 ст. 145.1	1	1
ч. 3 ст. 160	5	6
ч. 2 ст. 169	5	3
ч. 1 ст. 189	5	3
ч. 3 ст. 243.2	5	6
ч. 1 ст. 243.3	5	3
ч. 2 ст. 243.3	5	6
ч. 1 ст. 285	5	4
ч. 1 ст. 285.3	5	4
ч. 1 ст. 286	5	4
ч. 1 ст. 287	5	3
ст. 289	5	2
ч. 1 ст. 292.1	3	5
ст. 315	5	2

от 15 ноября 2016 г. №48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». Исходя из буквального толкования ч. 5 ст. 72 УК, в тех случаях, когда это же наказание назначено в качестве дополнительного, указанное правило применению не подлежит.

При этом судебная практика показывает, что законоположение ч. 5 ст. 72 УК РФ распространяется чаще всего на осужденных, которым лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначено в качестве дополнительного вида. Проиллюстрируем сказанное следующим примером. Ивановский областной суд, руководствуясь ч. 3 ст. 69 УК РФ, назначил Р. наказание в виде штрафа в размере 1 650 000 рублей с лишением права заниматься деятельностью, связанной с осуществлением организационно-распорядительных функций в государственных и муниципальных учреждениях образования сроком на 2 года 6 месяцев, назначая окончательное наказание, руководствуясь ч. 5 ст. 72 УК РФ, в связи с содержанием осужденного под стражей до судебного разбирательства с 19 по 20 апреля 2012 г. и в дальнейшем под домашним арестом с 6 июня 2012 г., который в соответствии с п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК

РФ засчитывается в срок содержания под стражей, смягчил Р. назначенное по совокупности преступлений наказание и окончательно определил ему наказание в виде штрафа в размере 1 500 000 рублей с лишением права заниматься деятельностью, связанной с осуществлением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в государственных и муниципальных учреждениях образования на 2 года. Действительно, время, в течение которого осужденный был лишен возможности осуществления своих прав и свобод, должно быть засчитано в срок наказания. То есть, такое решение правоприменителя совершенно оправданно, хотя и спорно с точки зрения законности.

Наше предложение по совершенствованию сводится к тому, чтобы предусмотреть в уголовном законе право и обязанность суда включать в срок дополнительного наказания время фактического отстранения от должности или фактического прекращения занятия определенной деятельностью (когда обвиняемый утратил реальную возможность трудиться) на досудебных и судебных стадиях.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что многие насущные вопросы, связанные со сроками наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной

деятельностью требуют надлежащего законодательного регулирования.

Библиографический список

1. *Лопашенко Н.* Изменения уголовного законодательства: оценка летних реформ // Уголовное право. – 2009. – № 5. – С. 35–41.

2. *Познышев С.В.* Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследова-

нии личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности. – М.: Инфра-М, 2007. – 317 с.

3. *Феокистов М.В.* Уголовно-правовая политика: проблемы ее стратегии и практики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29–30 января 2015 г.). – М.: РГ-Пресс, 2015. – 584 с.

**ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ОВД**

В статье рассматриваются правовые и организационные основы использования и внедрения единой информационно-аналитической системы в деятельность органов внутренних дел Российской Федерации. Рассмотрены понятия поисковых и аналитических систем, охарактеризована аналитическая работа, которая осуществляется в служебной деятельности сотрудниками полиции РФ. Выявлены проблемы дублирования информации в поисковых системах ОВД. Предложен основной объект учета, подлежащий внесению в единую информационно-аналитическую систему ОВД, а также механизм верификации, позволяющий проверить подлинность данных на этапе их интеграции в единую информационно-аналитическую систему ОВД. Это имеет важное теоретическое и практическое значение в процессе исследования возможностей объединения и интеграции данных из имеющихся поисковых систем в единую информационно-поисковую систему ОВД РФ.

Актуальность данной статьи определяется, прежде всего, тем, что развитие информатизации в органах внутренних дел остановилось на этапе использования информационно-поисковых систем, в которых не используются возможности современных аналитических средств и методов обработки информации, единых стандартов и правил доступа к ресурсам информационно-поисковой системы, обеспечивающих интеграцию информационных массивов в единый информационный контур. Также выявлены и законодательно обоснованы обязательные свойства, которыми должна обладать единая информационно-аналитическая система в ОВД РФ.

Ключевые слова: закон, информация, поисковая системы, аналитическая система, аналитическая работа, единая информационно-аналитическая система, верификация.

В настоящее время информационно-поисковые системы органов внутренних дел являются отправной точкой при расследовании практически каждого вида преступлений на любой из его стадий. Перед совершением оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий сотрудник органов внутренних дел (ОВД) для получения информации о лице все чаще прибегает к помощи информационно-поисковых систем МВД. Актуальность информационно-поисковые системы МВД приобрели еще на этапе регистрации преступлений и правонарушений. Количество преступлений, зарегистрированных при помощи поисковых систем, в России каждый год превышает несколько миллионов и в последний год значительно увеличилось. Так, в 2013 г. на территории РФ зарегистрировано 2206249 преступлений, в 2014 г. – 2166399, а в 2015 году эта цифра составила 2352098 [9]. В свою очередь популярность информационных систем затронула практически все ведомства МВД. Для разработки информационных и телекоммуникационных систем был создан Главный информационно-аналитический центр МВД (ГИАЦ), основными задачами которого являются:

– централизованное информационное обеспечение подразделений МВД РФ, органов государственной власти Российской Федерации, правоохранительных органов иных государств оперативно-справочными, оперативными, розыскными, криминалистическими, дактилоскопическими, статистическими, архивными и научно-техническими сведениями;

– ведение централизованных учетов, баз данных оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, дактилоскопической, статистической и иной информации;

– формирование архивных фондов, осуществление учета, хранения, экспертизы научной и практической ценности, научно-технической обработки архивных документов Центрального аппарата МВД (МООП) СССР, МВД (МООП) РСФСР, МВД СССР, МВД РФ и территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации [3].

Несмотря на наличие информационного центра, каждое подразделение не только пыталось создать свою информационно-поисковую систему, но также делило свои системы на подсистемы, показывая таким образом значимость своего ведомства или подразделения. Сейчас практически невозможно подсчитать количество существующих информационно-поисковых систем, не говоря уже о том, что определенная часть из них утратила свою актуальность. Все это приводит к тому, что информация, которая может представлять интерес для ОВД, часто остаётся не обнаруженной сотрудником полиции из-за отсутствия сведений о наличии банка данных с такой информацией.

Из-за роста количества банков данных остро встал вопрос информатизации ОВД и построения единой информационно-аналитической системы, который ранее уже поднимался такими учеными, как А.Н. Прокопенко, О.В. Пьянков, Д.А. Ульянов, Б.Г. Розовский, А.Ю. Задорожний и др.

По мнению А.Н. Прокопенко, дальнейшее развитие информационных ресурсов МВД РФ позволит создать единое информационное пространство министерства [10, с. 74].

Несмотря на Концепцию информатизации МВД РФ на 2008–2012 годы, единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности ОВД до сих пор находится на стадии разработки.

Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь» при МВД РФ с 11 июля 2014 г. проводит закрытый конкурс на выполнение опытно-конструкторских работ по созданию единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД [8]. Однако о результатах данного конкурса, который должен был закончиться 15 декабря, нам до сих пор не известно.

Об острой необходимости создания единой информационно аналитической системы (ЕИАС) в ОВД может свидетельствовать «горький опыт», полученный в Луганской области, которая долгое время являлась передовиком во внедрении и создании информационно-поисковых систем на Украине.

Так, в 2008 году в Луганском управлении информационно-аналитического обеспечения (УИАО) была создана и начала активно эксплуатироваться информационно-аналитическая система (ИАС) «СОВА», предназначенная для оперативного учета. Проблема возникла на стадии интеграции данных из основной системы МВД в ИАС «СОВА» и заключалась в подучётных лицах, которые находились в базе данных МВД в Луганской области, однако их анкетные данные либо имели орфографические отличия в одну или несколько букв в ФИО, либо отличались цифрой в дате рождения, и записи о них дублировались. 2 года потребовалось сотрудникам УИАО на то, чтобы снизить последствия допущенных ошибок в ручном режиме. К этой работе были привлечены сотни сотрудников милиции, в результате удалось отредактировать сведения о более чем полумиллионе лиц, содержащихся в областном интегрированном банке данных, несколько десятков тысяч лиц были удалены [4, с. 227].

Трудно представить, какой вред причиняет информация, которая и сейчас циркулирует на территории всей Украины, ведь работа по выявлению «двойников» велась только в УИАО ГУМВД Украины в Луганской области.

Необходимо отметить и факт наличия аналитических возможностей, которые должны присутствовать в информационно-аналитической системе, упоминание о которых так часто встречается в современных системах МВД РФ, что необходимо четко обозначить на законодательном уровне.

Для решения вышеуказанных проблем целесообразно рассмотреть возможные законодательные пути по созданию и внедрению ЕИАС в ОВД, выделить информацию, которая могла бы выступать началом при расследовании преступлений и установлении лиц, их совершивших, и частично взяла на себя функции аналитической деятельности сотрудника ОВД.

Итак, на первом этапе по созданию ЕИАС ОВД необходимо определить основной объект информации, подлежащий учету. В статье 17 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» четко указан перечень пунктов, где обозначено, что в первую очередь внесению в банки данных подлежит информация о лице.

Чтобы не повторить ошибок из вышеупомянутого примера Луганской области, информация о лице должна быть на 100 процентов правдоподобной и перепроверенной.

Процедура проверки подлинности данных о человеке в поисковых системах называется верификацией. Частично проблему верификации помогают решить социальные сети – «ВКонтакте», «Одноклассники» и пр. Для прохождения верификации необходим документ (паспорт, водительское удостоверение), удостоверяющий личность, в котором четко и разборчиво будут указаны полные фамилия, имя, отчество и дата, месяц и год рождения. Эти данные и будут основными при поиске лица и добавлении информации о нем в единую информационно-поисковую систему. В свою очередь, информацией, которая может представлять интерес для ОВД, и которая связана с идентификацией личности, могут выступать данные, которые человек оставляет о себе в соответствии с требованиями государства, самые распространенные из которых – номер телефона, место проживания, номер машины, место учебы, место работы, родственные связи. На данном этапе единая система является лишь поисковой системой.

Чтобы понять, чем поисковая система отличается от информационно-аналитической, следует разграничить эти понятия и выявить основное отличие поиска от аналитики.

Под поисковой системой, по мнению А.В. Кириллова, понимается программное обеспечение, состоящее из базы данных документов, снабженной интерфейсом, позволяющим пользователю получить упорядоченное подмножество этих документов как ответ на его поисковый запрос [5, с. 52]. При помощи такой системы пользователь может добавлять, редактировать и удалять информацию из базы данных.

Информационно-аналитическими системами (ИАС) называют комплекс аппаратных, программных средств, информационных ресурсов, методик, которые используются для обеспечения автоматизации аналитической работы в целях обоснования принятия управленческих решений и других возможных применений [1, с. 10].

Аналитическая работа в ОВД, как утверждает Э.П. Масленников, – это постоянная исследовательская деятельность, охватывающая широкий комплекс организационных мероприятий и методических приемов для изучения и оценки информации о состоянии преступности и общественного порядка, результатах практической деятельности ОВД по выполнению стоящих перед ними задач, а также об условиях, в которых эти задачи решаются, обеспечивающая целенаправленное управление и оценку эффективности управляющих воздействий [7, с. 55].

Признаком аналитической работы служит ее информационный характер. Вся эта деятельность связана с изучением, осмыслением и анализом

определенной информации. Конечным результатом этой работы также является информация, но другого, более высокого уровня и качества. Поэтому очень часто эту деятельность иначе называют информационно-аналитической [6].

Информационно-аналитическая система должна обладать определенными свойствами, которые, на наш взгляд, хорошо проанализировал и выделил О.В. Пьянков. Перечислим основные из них.

1. Интеграция: инфраструктура ИАС; управление метаданными; инструменты разработки; совместная работа; коллаж и моделирование данных пользователями; встраиваемая аналитика; поддержка больших данных.

2. Доставка информации: отчетность; приборные панели, специальные запросы; интеграция с Microsoft Office; использование поисковых технологий; мобильный доступ.

3. Анализ: аналитическая обработка в реальном времени; интерактивная визуализация; прогнозное моделирование и извлечение данных; показатели; директивное моделирование и оптимизация; анализ геопространственных параметров; встроена расширенная аналитика [11, с. 156].

Изучив свойства, которые предложил О.В. Пьянков, мы считаем необходимым добавить, что для создания ЕИАС в ОВД данные, которые находятся и поступают в систему, должны обрабатываться динамически и логически, облегчая задачу сотруднику ОВД.

Таким образом, на основании вышеизложенного и для использования ЕИАС в ОВД считаем необходимым дополнить обязательные свойства, которыми она должна обладать поисковая система:

- информация о лице, которая хранится в единой информационно-аналитической системе МВД, должна пройти верификацию;

- ЕИАС в ОВД должна обладать аналитическими качествами, отличающими ее от поисковых систем, частично взявших на себя работу, связанную с анализом информации;

- ЕИАС в ОВД самостоятельно в определенный период времени должна осуществлять сверку на предмет обновления данных о лице в ведомственных поисковых системах МВД, а также при помощи сети Интернет в банках данных учреждений, организаций и юридических лиц;

- необходимо использование единых стандартов и правил доступа к ресурсам систем, обеспечивающих интеграцию информационных массивов в ЕИАС ОВД;

- обязателен анализ значимости поступающей информации, осуществление перепроверки и уточнения данных, которые пользователь внес в ЕИАС ОВД;

- при запросе информации о лице в ЕИАС ОВД система также должна показывать, где и в каких поисковых ведомственных и вневедомственных системах может находиться информация о нем;

- необходима совокупность правил, регламентирующих порядок и условия доступа субъекта ОВД к объектам информационной системы (информации, её носителям, процессам и другим ресурсам), установленных правовыми документами или собственником, владельцем информации;

- в случае добавления, удаления, редактирования информации о подозреваемом, изменения цифровых данных о нем в поисковых системах МВД и вневедомственных поисковых системах, ЕИАС будет уведомлять заинтересованных сотрудников ОВД об активности в отношении лица, представляющего оперативный интерес.

Библиографический список

1. Белов В.С. Информационно-аналитические системы. Основы проектирования и применения: учебное пособие, руководство, практикум. – М.: Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, 2004. – 116 с.

2. Верификация / Официальное сообщество ВКонтакте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/page-22079806_49606709 (дата обращения: 25.05.2016).

3. Главный информационно-аналитический центр / Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mvd.ru/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 25.05.2016).

4. Задорожный Ю.А., Разовский Б.Г. Информационные технологии в ОРД: опыт и проблемы или проблемы и опыт? // Вестник Луганского государственного университета им. Э.А. Дидоренко. – 2011. – № 4 – С. 219–228.

5. Кириллов А.В. Поисковые системы: компоненты, логика и методы ранжирования // Бизнес-информатика. – 2009. – № 4 – С. 51–59.

6. Маркина Э. Основные направления аналитической работы в органах внутренних дел [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.law-nlife.ru/arch/137/137-14.doc (дата обращения: 25.05.2016).

7. Масленников Э.П. Организационно-правовые основы и методика аналитической работы в ОВД: учеб. пособие. – М., 1979. – 623 с.

8. МВД строит Единую информационно-аналитическую систему за 1,5 млрд руб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cnews.ru/news/top/mvd_stroit_edinuyu_informatsionnoanaliticheskuyu (дата обращения: 23.05.2016).

9. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_mar (дата обращения: 23.05.2016).

10. Прокопенко А.Н. Информационные ресурсы МВД России на современном этапе // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 1 – С. 72–74.

11. Пьянков О.В. Ключевые показатели использования информационно-аналитических систем органов внутренних дел // Вестник ВИ МВД России. – 2015. – № 4 – С. 155–162.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с процессом развития и совершенствования институтов местного самоуправления России после проведения земской реформы 1864 г. и городской реформы 1870 г. Анализируется законодательство 90-х гг. XIX в., традиционно определяемое как «контрреформы», выявляется характер нормативных новелл и их влияние на формирование и деятельность органов местного самоуправления, на модель местного управления в целом. Особое внимание уделяется взаимодействию правительственных органов и местного самоуправления, изменениям в системах земского и городского представительства, механизму формирования органов самоуправления. Делается вывод о неизбежности изменения исходной модели местного самоуправления 60–70-х гг. и его перехода на новый, более сложный уровень развития, требующий и более совершенного законодательного регулирования.

Ключевые слова: земское и городское самоуправление, правительственный контроль, присутствие по земским и городским делам, контрреформа, избирательная система, губернатор, законодательное регулирование.

Отмена в России крепостного права, другие эпохальные для страны изменения, намеченные реформаторским курсом Александра II, не могли не отразиться на основах местного сообщества. Кризис сословного устройства требовал принятия кардинальных решений. Сфера местного управления того времени была одной из самых отсталых и неэффективных в системе общего государственного управления. Разработка проекта местной реформы, документальным итогом которой стало Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г., достаточно хорошо описана в научной литературе, поэтому остановимся на этом вопросе фрагментарно, акцентируя внимание только на его отдельных аспектах, важных для нашего анализа.

Система земских повинностей, существовавшая в первой половине XIX в., и без проведения крестьянской реформы перестала удовлетворять местным и государственным потребностям. По итогам особого расследования, проведенного правительством, было констатировано, что составление смет по денежным земским повинностям находится в самом невыгодном и беспорядочном положении, зависит от произвола отдельных земств, не соответствует действительным потребностям. Жизнь требовала коренной реформы системы местного самоуправления. Правительство, приступая к реформам, вольно или невольно обращалось к бытовавшим в середине XIX в. теориям местного самоуправления, общеизвестным как государственная и общественная теории самоуправления, поэтому анализ отдельных норм в так называемом «движении законодательства» может дать очень интересные результаты с точки зрения концептуальных изменений в этой сфере. Попробуем рассмотреть проблему именно в этом ключе, следуя от законодательства 60–70-х гг. к законам 90-х гг. позапрошлого века. Начнем наш анализ с фигуры губернатора. Не стоит забывать, что губернатор того времени не только был полновластным хозяином

на вверенной ему территории, но и непосредственно подчинялся Министерству внутренних дел, служащим которого и являлся. Поэтому вне зависимости от степени либеральности проводимых в то время реформ, он объективно был самым важным субъектом государственного управления на местах. Именно его правомочия, его роль в деятельности тех или иных общественных институтов, изменения в его положении наилучшим образом свидетельствуют об эволюции этих институтов.

Согласно Положению о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. (далее – Положение 1864 г.), на губернатора возлагались контрольные полномочия в сфере соблюдения действующего на тот момент законодательства. Основанием для вмешательства губернатора в дела местных сообществ, согласно ст. 9, являлось несоответствие решения земских учреждений общим пользам и нуждам [6, с. 2–7]. Данное решение влекло за собой приостановление исполнения нормативно-правовых актов земских собраний. Земское Положение содержало норму отсылочного характера и определяло дальнейший порядок взаимодействия губернатора и органов местного самоуправления. Согласно ст. 94–97 Положения дело должно рассматриваться Губернским Земским Собранием, и оно уже определяло достаточность оснований для вмешательства губернатора в дела местных сообществ [6, с. 18–19]. Решение Губернского Земского Собрания не являлось для губернатора окончательным, то есть существовала возможность обжаловать его, а на время обжалования повторно приостановить. В качестве органа, принимающего окончательное решение при разрешении такого дела Положением 1864 г., предусматривался Правительствующий Сенат.

Также согласно Положению 1864 г. закреплялось право вмешательства губернатора в осуществление муниципального управления в случае невыполнения органами земского самоуправления своих обязанностей. Об этом свидетельствует ст. 10 Положения 1864 г. Интересно, что перед подобным

вмешательством губернатор должен был предпринять все зависящие от него меры для побуждения органов местных сообществ к исполнению возложенных на них обязанностей. Под этими мерами, согласно указанной статье рассматриваемого Положения, понимается ситуация, «когда напоминания его (губернатора – *И.Ч.*) останутся безуспешными» [6, с. 3]. При подобной ситуации обязательным было уведомление Министра внутренних дел, и вмешательство в дела местных сообществ должно было происходить именно с его разрешения.

Если же земские учреждения видели в распоряжении губернатора либо иных органов государственной власти нарушение их прав, то для защиты они могли обратиться с жалобой в Правительствующий Сенат [6, с. 3].

Таким образом, Правительствующий Сенат являлся окончательной инстанцией, которая была способна рассмотреть споры между губернатором и органами местных сообществ, при этом обратиться туда могла любая из заинтересованных сторон, соблюдая при этом установленный законодательством порядок.

Губернатор был обязательным звеном и при реализации отдельных полномочий местных органов. Например, при присвоении земским дорогам или дорожным сооружениям статуса государственных ходатайство об этом со стороны губернских земских учреждений подавалось через губернатора [6, с. 12]. Если органы земского самоуправления не могли за свой счёт содержать транспортную инфраструктуру, находящуюся на территории, то они могли ходатайствовать о выделении губернского финансирования. В частности, такая процедура предусматривалась в отношении сухопутных дорог вдоль берегов водных путей (рек или каналов), предназначенных для буксирования людьми или лошадьми судов на канате.

Задействован был губернатор и при учреждении губернских земских банков. Через него подавалось ходатайство, а решение об учреждении принимало Правительство. В случаях, если по вопросам организации местной торговли, земледелия и промыслов собственных полномочий земским собраниям не хватало, была предусмотрена возможность обращения к губернатору, как представителю государственной власти на местах [6, с. 13–14]. Указанные губернаторские полномочия выделялись законодателем в качестве особых полномочий.

Законодателем предусмотрительно разграничивалась компетенция губернатора и министра внутренних дел по утверждению постановлений земских собраний, принятых по отдельным вопросам. Круг постановлений, подлежащих обязательному утверждению губернатором, указывался в ст. 90 Положения 1864 г., а постановлений, подлежащих утверждению министром внутренних дел – в ст. 92 [6, с. 18].

В качестве контрольных полномочий губернатора, в соответствии со ст. 117 Положения 1864 г., устанавливается возможность временного отстранения от должности членов земских управ. Губернское земское собрание издавало постановление, которое подлежало утверждению губернатором, окончательное же решение об отрешении от должности таких лиц принимал Правительствующий Сенат. Также губернатор утверждал постановления губернских земских собраний по вопросам благоустройства (ст. 123 Положения 1864 г.), по вопросам реорганизации и преобразования муниципальных образований (ст. 130 Положения 1864 г.), но в случае реорганизации или преобразования местного самоуправления заинтересованные лица должны были предварительно учесть мнение местных органов власти. Утверждению губернатором кроме вышеперечисленного подлежали также постановления губернских земских собраний по вопросам установления мер по предупреждению и ликвидации массовых инфекционных заболеваний [6, с. 22–23].

В качестве органа, который разрешал спорные вопросы при разделении полномочий и определении компетенции органов государственной власти, предусматривалось Особое совещание. Губернатор мог обращаться в Особое совещание, если считал, что постановления, которые подлежат его обязательному утверждению, изданы с превышением полномочий предусмотренных законодателем для конкретных органов, а именно для земского собрания. В этом случае совещание созывалось по инициативе губернатора (ст. 145–146 Положения 1864 г.). Если же губернатор был не согласен с решением Особого совещания (в число членов которого входил и прокурор окружного суда), то губернатор имел право приостановить такое решение и передать дело на разрешение Министра внутренних дел.

Кроме утверждения нормативно-правовых актов, издаваемых иными органами или перенаправления их в центральные органы государственной власти, губернатор сам обладал правом законодательной инициативы (ст. 124 Положения 1864 г.), что подчеркивало его статус как самостоятельного субъекта управления.

Немного позднее, в 1870 году, законодатель издал Городовое положение (далее – Положение 1870 г.) которое более подробно описывало полномочия губернатора в сфере местного самоуправления, но его действие распространялось только на крупные городские образования. Законодатель (как и в Положении 1864 года) закрепил за губернатором контрольно-распорядительную функцию в сфере управления на местах, выделив при этом отдельно надзорные полномочия [1, с. 1].

На основании анализа ст. 8 рассматриваемого Положения можно сделать вывод, что губернатор

являлся инстанцией, способной защитить права местного самоуправления в случае их нарушения органами государственной власти, поскольку прямо предусматривалась возможность обращения к губернатору, существовала возможность обжаловать его решение, если оно не удовлетворяло обратившихся лиц, например, в случае ненадлежащих действий губернатора. В качестве следующей по порядку инстанции для обжалования решений органов государственной власти на местах законодатель также установил Сенат, показывая тем самым преемственность правовых норм по сравнению с Положением 1864 года.

В случае наличия противоречий между органами городского самоуправления у представителей местной власти была возможность обратиться в специально создаваемый для этого орган – губернское по городским делам присутствие. Председателем органа был сам губернатор. Также рассмотрению присутствием подлежали споры между городским общественным и местным полицейским управлениями. Таким образом, можно сделать вывод, что на уровне губернии (согласно Положению 1864 г.) подобный орган отсутствовал, что не улучшало положение местного самоуправления.

В Положении 1870 г. присутствовала норма, аналогичная ст. 10 Положения 1864 г., когда губернатор имел право вмешаться в дела местных сообществ, предварительно приняв надлежащие меры к уведомлению их о необходимости исполнения возложенных на них законодателем полномочий [1, с. 12]. Однако обоснованность вмешательства губернатора, согласно указанной статье, определяло губернское по земским делам присутствие, а в отношении министра внутренних дел достаточно было уведомления. Сравнивая это порядок с разрешительным порядком деятельности губернатора в подобном случае, указанной в Положении 1864 г., можно увидеть, что усилилась автономия губернатора от центральной власти, но усиливалась зависимость от такого квазиоргана как губернское присутствие.

Положение 1870 г. прямо ограничивало активное избирательное права губернатора, сотрудников местной полиции, членов местного исполнительного и представительного органов самоуправления, за исключением Городского головы, выражающегося в лишении права голоса на выборах на период замещения ими указанных должностей. В Положении 1864 г. также содержался прямой запрет участия в выборах губернатора, вице-губернатора, членов губернских правлений, сотрудников полиции и губернских прокуроров. Стоит отметить, что в отношении Положения 1864 г. указанные лица были ограничены в пассивном избирательном праве – не могли быть избраны в гласные, а поскольку в процессе принятия нормативно-правовых актов гласные принимали непосредственное

участие, мы можем говорить о косвенном ограничении активного избирательного права. Данное ограничение представляется логичным, связанным по сути с должностным положением указанных лиц. Например, губернатор мог только утверждать избранного земским собранием председателя уездной земской управы [6, с. 10].

В ст. 56 Положения 1870 г. закреплялась возможность назначения заседаний городской думы по требованию губернатора. По отдельным вопросам (например, для выполнения контрольно-ревизионных полномочий согласно ст. 141 и 147 Положения) губернатор имел право даже утверждать график заседаний думы.

Для официального опубликования местных нормативно-правовых актов также было необходимо удостоверение губернатором отсутствия нарушений в процедуре их принятия [1, с. 16]. В противном случае, даже несмотря на наличие положительного заключения по вопросу принятия этих нормативно-правовых актов со стороны полицейских органов, губернатор мог обратиться в губернское по городским делам присутствие.

Закрепление разграничения полномочий министра внутренних дел и губернатора, начало которому было положено в 1864 г., можно наблюдать в отдельных нормах Положения 1870 г., но списка постановлений по отдельным вопросам с указанием компетентного субъекта, издающего их в данном Положении, не приводится. Исходя из содержания ст. 92, ст. 111–113, ст. 122–124 можно сделать вывод о том, что министр внутренних дел имел полномочия по организации управленческого процесса в губернских городах, в остальных же городах и посёлках эта прерогатива закреплялась за губернатором. Решения министра внутренних дел по вопросам утверждения определений и постановлений городских дум, по вопросам нарушения прав граждан, могли обжаловаться в Сенате [1, с. 16]. В остальных случаях соблюдался общий порядок обжалования: решения городской управы или городского головы обжаловались с помощью обращения в думу, а решения думы – с помощью обращения к губернатору, который передавал их на рассмотрение губернского по земским делам присутствия.

В Положении 1870 г. контрольные полномочия губернатора сформулированы более четко, в частности, закреплена обязанность получения разрешения губернатора в случае отсутствия городского головы в городе более двух месяцев. По возвращении он был обязан уведомить об этом губернатора. Также обязательный уведомительный порядок предусматривался в случае его менее продолжительного отсутствия в городе. При анализе властных полномочий губернатора в процессе обжалования решений органов местного самоуправления стоит выделить правомочие, закрепленное в ст. 155 Положения 1870 г., когда при передаче определе-

ния городской думы на обсуждение губернского по городским делам присутствия в порядке, предусмотренном ст. 50 и 151 рассматриваемого Положения, губернатору представлялось право приостановить исполнение этого определения на срок не более одного месяца.

Следовательно, в Положении 1870 г. законодатель конкретизировал полномочия губернатора в области организации местного самоуправления по сравнению с полномочиями, которые описывались ранее в положении 1864 г. Можно предположить, что специфика организации управления на городских территориях, ввиду наличия различных органов муниципального управления, требовала подобной конкретизации, для увеличения эффективности управленческого процесса. Но важно отметить и то, что эта конкретизация, если и увеличивала власть губернатора, то в первую очередь, в интересах городского самоуправления. Точнее сказать, местного сообщества. К сожалению, в этом отношении земское Положение 1864 г. стояло на шаг позади, так как возможности вмешательства губернатора в дела земств, даже в случае явного нарушения ими прав иных лиц, было крайне ограничено. Поэтому не удивительно, что следующее земское Положение 1890 г. не только предусмотрит создание губернского присутствия по земским делам, но изменит и объем правомочий губернатора по подобию Положения 1870 г.

Следующим шагом в этом направлении стало принятие городского Положения 1892 г., которое в качестве модели организации местного самоуправления предлагало модель, совпадающую с государственной теорией. Согласно государственной теории считалось, что не существует особых местных дел, находящихся в ведении местных учреждений, что эти местные дела на самом деле являются государственными делами, а государство исключительно по своей воле передаёт эти дела на места, тем самым поручая органам местного самоуправления вести часть своих – государственных дел в пределах территории действия местных органов.

Положение 1892 г. относят к элементу контрреформ местного самоуправления по причине усиления подчинения общественных учреждений административному аппарату.

Стоит отметить, что по Положению 1892 года, весь комплекс вопросов, которыми городские думы занимались ранее, был за ними сохранён, но усилился контроль над ними. Например, в незначительных уездных и безуездных городских поселениях с разрешения министра внутренних дел, обязанности председателя управы могли быть возложены на городского голову [2, с. 12]. Министр внутренних дел или губернатор получили право без объяснения причин отклонять избранных думой лиц, основываясь на принципе целесообразности нахождения этих лиц в органе местного самоуправления, а при

вторичном отклонении кандидатур должностные лица назначались министром внутренних дел (в столицах) и губернатором (в остальных городах). Таким образом, принцип избираемости мог быть заменён на принцип назначаемости. Данная норма, правда, только повторяла соответствующую норму земского Положения 1890 г.

По новому городскому Положению городской голова и все остальные члены управы считались состоящими на государственной службе и утверждались в должности губернатором, следовательно, они могли подвергаться взысканиям не только в судебном порядке, но и по административной линии. Ст. 119 Положения 1892 г. предписывала право утверждения губернатором некоторых должностных лиц городского общественного управления, прежде всего, городских голов. Губернатор далеко не формально подходил к этому вопросу. При выборах городских голов уездных городов им через уездных исправников выяснялось нравственное и имущественное состояние выбранных лиц, после получения сведений губернатор принимал окончательное решение, и при положительном результате требовалось одобрение министра внутренних дел. Губернатор считался лично ответственным за избранных и назначенных должностных лиц, как правительственных учреждений губернии, так и городского общественного управления, он отправлял в Министерство внутренних дел формулярные списки должностных лиц и данные о составе общественных учреждений.

Перечень постановлений местного самоуправления, требовавших утверждения министра внутренних дел или губернатора, значительно расширился. Губернатор также сохранил право приостанавливать действие отдельных думских нормативно-правовых актов, основываясь на принципе соответствия общим государственным пользам и нуждам. В качестве основания приостановления действия актов думы, по Положению 1892 г., добавляется формулировка «акты, явно нарушающие интересы местного населения».

Интересно, что если согласно Положению 1870 г. городской голова был обязан предоставить губернатору копии всех постановлений думы, то согласно Положению 1892 г., также список вопросов, которые будут обсуждаться на заседаниях думы. Этот факт говорит о расширении контрольных полномочий губернатора по отношению к представительным органам местного самоуправления.

Неправильно было бы рассматривать Положение 1892 г. только в контексте усиления государственного контроля за местным самоуправлением. Представляется, что законодатель также ставил перед собой задачу исправления недостатков, обнаружившихся после практического применения Положения 1870 г. Например, устанавливался конкретный срок в 3 месяца, в течение которого ми-

нистр внутренних дел был обязан передавать жалобы городских дум в вышестоящие инстанции, такие как Сенат и Государственный Совет, что увеличивало эффективность государственного управления. Также к достоинствам рассматриваемого Положения 1892 г. можно отнести аннулирование права голосовать по доверенности, например, за отсутствующих лиц, а в предыдущие годы это право достаточно широко практиковалось. Наконец, должностным лицам самоуправления запрещалось входить в подряды и поставки по предметам городского хозяйства, участвовать в приобретении имущества, продаваемых городом, что снижало возможность коррупционных проявлений в сфере местного самоуправления.

Таким образом, можно сделать вывод, что Положение 1892 г. не вносило радикальных изменений в систему деятельности местного самоуправления в городах, поскольку компетенция и пределы полномочий городских органов самоуправления остались прежними, но для осуществления крупномасштабных хозяйственных мероприятий создавались гораздо лучшие условия в плане взаимодействия с центральной администрацией или губернатором.

Интересно отметить, что предметы ведения местного самоуправления, объем их правомочий и компетенций также претерпевают определенные изменения, сообразно изменениям и других аспектов законодательного регулирования, в том числе рассмотренных выше. Остановимся на отдельных моментах.

Согласно Положению 1864 года, в связи с формированием органов местного самоуправления, называемых губернскими и земскими учреждениями, встала необходимость организовывать новый способ управления с учетом интересов местного населения. Последующие законы 90-х гг. внесли в «земское дело» определенные изменения.

Ст. 1 Положения 1890 г. устанавливала, что «губернские и уездные земские учреждения ведают дела о местных пользах и нуждах губерний и уездов». По сравнению с Положением 1864 г. в указанную статью были внесены следующие поправки: отсутствует признак всеобщности, который проявлялся в тексте Положения 1864 г. при использовании словосочетаний «каждая губерния», «каждый уезд», которые в Положении 1890 г. уже выглядят как «губерния» и «уезд». Стоит пояснить, что немедленного введения земских учреждений после принятия Положения 1864 г. не произошло. На некоторых территориях Положение не исполнялось или исполнялось формально. Поэтому можно сделать вывод, что законодатель отказался от признания всеобщности земства и от возможности применить этот институт на всей государственной территории, что подтверждается установлением таких органов самоуправления только на определенной части территорий, которые указывались

в законе. То есть фактически в Положении 1890 г. закреплялась возможность введения земств только на тех территориях, на которых они уже раньше существовали к моменту подписания этого Положения. Также из указанной статьи удалено определение «хозяйственный» при выражении «местные пользы и нужды». Если рассматривать земства, установленные Положением 1864 г. в контексте наделения местных сообществ государством хозяйственными полномочиями, то представляется, что создание такого института согласуется с хозяйственной теорией. Согласно же положению 1890 г., земство представляет собой особую организацию государственного управления, имеющую право издавать местные нормативно-правовые акты, такие как указы и постановления. Исчезновение только одного слова в данном случае свидетельствует об ином концептуальном подходе к местному самоуправлению, что уже было отмечено на примере городского Положения 1892 г.

Положение 1890 г. в ст. 5 закрепляет, что губернатор имеет надзор за правильностью и законностью действий земских учреждений, а Положение 1864 г. в ст. 6 закрепляло, что земские учреждения в кругу вверенных им дел действуют самостоятельно. Также Положение 1864 г. в ст. 6 устанавливало, что «закон определяет случаи и порядок, в которых действия и распоряжения земских учреждений подлежат утверждению и наблюдению общих правительственных властей. Но ещё Положение 1864 г. закрепило, что «губернатор имеет право остановить исполнение всякого постановления земских учреждений, противного законам или общим государственным пользам». Поэтому говорить о кардинальном усилении государственного надзора за местным самоуправлением было бы беспочвенно. Также в с. 75, 90 и 92 Положения 1864 г. говорится о том, что земские собрания и управы не могут принимать окончательные постановления по некоторым вопросам и должны получать утверждение таких документов от губернатора или министра внутренних дел. Но столь широкие полномочия губернатора уравнивались ст. 95 и 96 этого же Положения, где устанавливалось, что земское собрание, в случае возражения губернатора против его постановлений, «рассматривает подробно обстоятельства, подавшие повод к возражениям, и постановляет свое окончательное заключение» и только под свою ответственность в отдельных случаях губернатор может приостановить действие по его мнению незаконных постановлений, которые всё же были приняты земским собранием после однократного отклонения губернатором [6, с. 15, 17–18].

Положение 1890 г. предоставляло губернскому земскому собранию право на «участие в издании обязательных постановлений» и на «представление правительству, через губернатора, ходатайств о местных пользах и нуждах» [7, с. 14]. Изначаль-

но в Положении 1890 года появилась некоторая двойственность, которая проявлялась в одновременном существовании гл. 4 «Об участии земских учреждений в издании обязательных для местных жителей постановлений» и гл. 2 «О губернском по земским делам присутствии», которая создавала новый орган управления. Эти противоречия, также как многочисленные коллизийные моменты в нормах регулирующих земскую избирательную систему [3, с. 21–38, 106–130; 4, с. 22–33, 146–175], свидетельствуют о том, что в конце XIX века местное самоуправление в России стало приобретать некоторые новые черты. Законодательные новеллы, с одной стороны, были вызваны самой жизнью, развитием земских и городских самоуправлений, с другой стороны, они стали результатом законодательного регулирования в соответствии с эволюционной концепцией местного самоуправления, результатом субъективной воли законодателя.

Развитие земского законодательства в рассматриваемый период происходило в направлении усиления публично-правового регулирования деятельности органов самоуправления, постепенного сближения их статуса с государственными учреждениями. Анализ законодательного и социально-исторического материала, а право, прежде всего, есть явление социальное, показывает, что к реально происходившему процессу развития земского самоуправления очень трудно приложить какую-либо теорию в «чистом виде». Дело не в том, что

в земских проектах необходимо искать классовые интересы. В целом можно констатировать, что развитие земства с конца XIX в. всё более происходило в соответствии с положениями государственной теории самоуправления. Именно в это время были заложены или укреплены основы всех современных отраслей российского права, в том числе отрасли права муниципального.

Библиографический список

1. Городовое положение 16 июня 1870. – СПб; М., 1871.
2. Городовое положение. 1892 год // Свод законов Российской Империи. – Т. 2. – Кн. 1. – М., 1910.
3. Куликов В.В. Земские учреждения и правительственный контроль (Вторая половина XIX – начало XX в.). – М.: ИГиП РАН, 2001. – 256 с.
4. Куликов В.В. Становление земского самоуправления: законодательство и практика. – Киров: Аверс, 2009. – 335 с.
5. Положение о губернских и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 года // Свод законов Российской империи. – Т. 2. – Кн. 1. – М., 1910.
6. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1864 год // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXIX. Отделение 1. – СПб., 1867.
7. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 года. – СПб: [Типография А. Бенке; Типография М.П. Фроловой], 1910.

НЕРАВНАЯ БОРЬБА*

Новая монография доктора исторических наук Б.Л. Хавкина – это результат многолетних исследований актуальной темы германской истории, относящейся к периоду борьбы немецких патриотов с национал-социалистическим режимом 1933–1945 гг. Сопротивление было реальным, в нем участвовали тысячи борцов разных политических взглядов и убеждений, но этого оказалось недостаточно, чтобы свергнуть Гитлера. Тем не менее, как пишет автор, антигитлеровское Сопротивление оказывало немалое влияние на антигитлеровскую коалицию, создание будущего правительства Германии и определение ее места в послевоенном мире. Монография посвящена памяти известных историков-германистов А.С. Бланка, Д.Е. Мельникова, Л.З. Копелева, Л.А. Безыменского, Я.С. Дробкина, А.И. Борозняка.

Ключевые слова: национал-социализм, фашизм, Сопротивление, Красная капелла, заговор против Гитлера, антигитлеровская коалиция, историческая память.

Доктор исторических наук, редактор отдела и член редколлегии журнала «Новая и новейшая история» Борис Львович Хавкин давно известен российским и зарубежным читателям и специалистам своими актуальными публикациями по германской истории первой половины XX века. Согласимся, что это наиболее сложный период для исследования, несмотря на огромное количество работ по истории Первой мировой войны, Веймарской республики, германского фашизма, антигитлеровского Сопротивления, Второй мировой войны и ее последствий для Германии и немецкого народа. Для того чтобы подготовить научную книгу, нужно знать не только историографию, но и архивные источники, которые при всех возможностях Интернета оказываются не такими доступными. Новая монография профессора факультета международных отношений и зарубежного регионоведения историко-архивного института РГГУ Б.Л. Хавкина как раз отличается высоким уровнем фундирования: в перечне источников документы из российских и германских архивов, нормативные акты, опубликованные документы, дневники и мемуары, большой список привлеченной литературы отечественных и немецких авторов. В рецензируемую книгу вошли также сюжеты из прежних работ автора, публиковавшиеся в российских и немецких журналах и научных сборниках.

Структура монографии полностью отвечает ее названию: «Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление». Во введении автором поставлена главная цель исследования – определить роль и значение немецкого антигитлеровского Сопротивления в истории Второй мировой и Великой Отечественной войны, его влияние на антигитлеровскую коалицию, проблему сепаратного мира, создание послегитлеровского правительства и определение места Германии в по-

слевоенном мире (с. 6–7). Здесь же представлен подробный анализ источников, прежде всего, из российских архивов, ранее не известных на Западе и введенных автором в немецкоязычную научную литературу. Новизна книги не исчерпывается только новыми документами и привлеченными исследованиями. Б.Л. Хавкиным обоснованы новые подходы в интерпретации таких ключевых терминов как «Сопротивление» и его вариаций применительно к Германии, «фашизм» и «национал-социализм» («нацизм»), «антигитлеровская коалиция» и др., что вносит необходимую определенность в рассмотрении сложных историографических проблем.

Краткий экскурс в историю становления гитлеровской диктатуры, осуществленный автором, необходим для того, чтобы показать, с одной стороны, неизбежность борьбы с ней части немецкого общества, с другой стороны, – те условия, в которых разворачивалась эта борьба. Национал-социализм не был фантомом: это был реальный враг, как для немецкого народа, чье прозрение оказалось долгим, так и для Европы, и шире – мира, ибо гитлеровская Германия устремилась к мировому господству. Внутри страны репрессивный аппарат подавлял всякое, даже самое малое сопротивление власти. Еще до начала Второй мировой войны через концлагеря прошло около 1 млн. немцев (с. 42).

Основное содержание книги посвящено антигитлеровскому Сопротивлению в Германии, в котором участвовали разные личности и группы (с. 48–49). В современной историографии немецкое Сопротивление принято рассматривать (и Борис Хавкин поддерживает эту точку зрения) комплексно, что, безусловно, верно с научных позиций. У всех борцов, групп и организаций враги были одни – Гитлер и нацизм. Автор рассматривает борьбу с диктатурой на примере коммунистического Сопротивления, деятельности «Красной Ка-

* Рецензия на книгу: Хавкин Б.Л. Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017. – 377 с., 23 с вкл.

пеллы» и «Национального Комитета «Свободная Германия», «консервативной оппозиции», осуществившей заговор против Гитлера 20 июля 1944 г. В советской историографии коммунистов возводили в ранг самых последовательных и решительных борцов с нацизмом. Из 300 тыс. членов КПГ после прихода Гитлера к власти почти половина подверглись преследованиям. Жертвами нацистов стали 222 коммуниста из состава руководства КПГ. 3 марта 1933 г. был арестован председатель КПГ Эрнст Тельман. КПГ, СДПГ, а затем и другие партии были запрещены. Как отмечает автор, Немецкий историк С. Хаффнер писал, что немало коммунистов и социал-демократов вступили в нацистскую партию, некоторые из них видимо с надеждой на «разложение изнутри». Однако на практике не коммунисты «разлагали изнутри» нацистские организации, а эти организации «переваривали» коммунистов, превращая их в нацистов (с. 51).

Немецкие коммунисты вели борьбу с фашизмом не только в Германии, но и в других странах, например, в Испании в 1936–1939 гг. За пределами Германии КПГ провела две партийных конференции: Брюссельскую в октябре 1935 г. (конференция проходила в Кунцево, под Москвой) и Бернскую в январе-феврале 1939 г. под Парижем. Стратегическая цель заключалась в сплочении всех демократических антифашистских сил в борьбе против гитлеровской диктатуры. Добиться этого не удалось: время было упущено, но КПГ сделала немало в раскрытии агрессивных планов нацистского государства.

Особый интерес представляют страницы книги, посвященные Тельману, его тюремным письмам Сталину и Молотову, написанные в 1939–1941 гг. Впервые обо всех 24 письмах отечественному читателю рассказали Б. Хавкин и В. Рыкин в 1996 г. в журнале «Новая и новейшая история». В советское посольство в Берлине письма передавала жена Тельмана Роза. Тельман надеялся, что советское руководство вырвет его из нацистского заключения. Может показаться, что в период сближения с Германией, до нападения последней на СССР, такие шансы были. Борис Хавкин склоняется к тому, что Сталину Тельман был не нужен: Москва не собиралась спасать своего друга (с. 72). В СССР главным коммунистом был «назначен» Вильгельм Пик.

Компартия Германии в большей степени, чем другие европейские компартии пострадала от последствий советско-германского пакта 23 августа 1939 г. Признание советско-германской «дружбы» ее не спасло. Гитлер не собирался «отпускать» Тельмана. На прямую расправу режим не решился, но вождю немецких коммунистов не суждено было остаться в живых. В 1944 г. он погиб, скорее всего, от рук своих палачей. Остаются те, кто продолжает считать главным виновником гибели Тельмана, а также Грамши, лидера итальянских коммунистов,

томившегося в тюрьме при Муссолини, советское руководство. Однако судить надо не с вершины сегодняшнего дня. Для фашистов, что в Италии, что в Германии, что в других фашистских государствах Европы, коммунисты были главными противниками. СССР – победитель фашизма, был коммунистическим государством.

О «Красной капелле» – разведывательной сети в «центре третьего рейха» – написано много, но не всегда объективно и достоверно. Отечественные архивы были открыты в начале 1990-х гг., что позволило, в том числе и автору рецензируемой книги, уточнить характер взаимоотношений немецких членов «Красной капеллы» и соответствующих органов в СССР. Б.Л. Хавкин считает, что это были отношения «партнеров по антифашистской борьбе» (с. 77). Не следует утверждать, что группа Харнака и Шульце-Бойзена действовала исключительно по указке из Кремля. Немецкие разведчики поставляли информацию не только в СССР. С другой стороны, российские источники «не подтверждают мнение о берлинской сети “Красной капеллы” как самой большой советской разведывательной организации в Германии во время Второй мировой войны» (с. 77). В сентябре-октябре 1942 г. «Красная капелла» была разгромлена, перед судом предстали 130 человек, 39 из них были приговорены к смертной казни. Их героизм был отмечен в СССР в 1969 г.

Следующий раздел книги посвящен истории Национального комитета «Свободная Германия», созданного в июле 1943 г. на территории Советского Союза. Позже, в сентябре того же года был учрежден Союз немецких офицеров во главе с генералом Зайдлицем. В книге подробно показаны все перипетии вокруг НКСГ, прослежена судьба Зайдлица, попавшего на 10 лет в советские лагеря, фельдмаршала Паулюса, дававшего показания на Нюрнбергском трибунале в качестве свидетеля и закончившего жизнь в ГДР. В советской историографии первооткрывателем этой темы являлся профессор А.С. Бланк, аспирантом которого был начинающий историк Борис Хавкин. В своей книге он отвечает на два главных вопроса: стоит ли рассматривать НКСГ как прообраз немецкого правительства для будущей Германии и не ставилась ли цель сформировать из членов НКСГ, немецких военнопленных, части для сражений с вермахтом (по типу РОА с генералом-предателем Власовым)? Документов о подобных «инициативах» не сохранилось. Скорее всего, их и не было. Разумеется, в разговорах советского руководства, а создание НКСГ без одобрения Сталина было бы невозможным, подобные вопросы обсуждались. Но не более того.

Нет серьезных оснований считать учреждение НКСГ и СНО в качестве «правительства будущей Германии». Это помогало в борьбе с Гитлером: движение за свободную Германию перешагнуло

границы СССР, активизировало немецких эмигрантов в Латинской Америке, во Франции, Бельгии, Люксембурге. После разгрома Третьего рейха многие антифашисты приняли активное участие в создании новой Германии. Но в основном подобное наблюдалось в советской оккупационной зоне. Достаточно много места в книге отведено деятельности консервативной оппозиции и подготовке планов по устранению Гитлера. Центральной фигурой, как известно, был бывший обер-бургомистр Лейпцига Гёрделер, который после свержения Гитлера готов был стать рейхсканцлером. Борис Хавкин подробно освещает планы Гёрделера, который выступал за сохранение Германской империи в довоенных границах. В 1943 г., когда уже произошел коренной перелом в войне, Гёрделер писал о необходимости создания англо-германского союза, чтобы не допустить СССР в Европу. В Лондоне к этим «планам» отнеслись прохладно. Союзники уже решили, что Германия должна капитулировать безоговорочно.

Как указывает Хавкин, реально свергнуть Гитлера можно было только военно-политическими средствами. Автор не описывает подробно все покушения на Гитлера, но останавливается на малоизвестных документах, в частности, на свидетельствах майора Куна – активного участника заговора военных против Гитлера, попавшего в конце июля 1944 г. в советский плен (в своих показаниях Кун утверждал о сознательной сдаче в плен). В СССР после допросов он попал в лагерь, где провел 11 лет, тяжело заболел, стал выдавать себя за другое лицо. В ФРГ он вернулся только в 1956 г, жил замкнуто, ни с кем не встречался и умер в 1994 г., уже в другой Германии. Как пишет автор, «его похоронили еще при жизни» (с. 231). Далеко не все участники Сопротивления стали «героями» в официальной истории.

Завершается книга рассказом об удивительной судьбе Отто Йона, сотрудника спецслужб ФРГ, ко-

торый в 1954 г. бежал в ГДР. В годы войны Йон принимал участие в антигитлеровском Сопротивлении, выполняя курьерские функции. После провала заговора против Гитлера 20 июля 1944 г. он сумел бежать, скрывался в Испании, Португалии, затем перебрался в Великобританию, где сотрудничал с антинацистской радиостанцией «Солдатское радио Кале». После войны, несмотря на недоверие канцлера Аденауэра, оказался в должности главы Федеральной службы защиты конституции. Обстоятельства, при которых Йон оказался в ГДР, как пишет автор, остались не выясненными. В декабре 1955 г. он вновь бежит: теперь уже из Восточного Берлина в Западный, откуда был доставлен в ФРГ. И хотя Йон доказывал, что в ГДР он оказался не добровольно, а после похищения, суд ФРГ приговорил его к четырем годам тюрьмы за государственную измену. После освобождения и до конца своей жизни, а умер он в 1997 г., Йон добивался реабилитации, но тщетно. Возможно, к чему склоняется и автор книги, ключевым моментом в этой истории является антифашистское прошлое Йона и его симпатии к коммунистам.

В заключении книги Борис Хавкин еще раз останавливается на оценках немецкого Сопротивления. Своих целей, как это показано в книге, его участники, ни левые, ни консерваторы, ни военные, ни либералы не добились. Борьба была неравной. «Сопротивление немцев Гитлеру достойно моральной славы, но политически оно оказалось беспомощным» (с. 332). Разгромив Третий рейх, СССР, США и другие страны антигитлеровской коалиции, вынуждены были на территории Германии совместно решать задачи, не решенные немецкими борцами с Гитлером.

Содержательная, интересная монография Б.Л. Хавкина отвечает запросам не только российской германистики в качестве научного труда, но и преподавательской работе в университетах и институтах, поэтому она, безусловно, будет востребована.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А.С. ПУШКИНА И «ГЕНИЙ МЕРЫ» ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА*

В рецензии описывается научная монография А.В. Фокиной, раскрывающая процесс освоения И.С. Тургеневым творческого наследия А.С. Пушкина, показывающая определенное идейное и духовное родство писателей, иллюстрирующая глубину и емкость художественных миров произведений Тургенева.

Ключевые слова: Фокина А.В., монография, пушкинская традиция, творчество И.С. Тургенева, литературный процесс, литературная критика, творческое освоение, жанровая форма, роман.

Монография А.В. Фокиной «Пушкинская традиция в творчестве И.С. Тургенева» является одним из немногочисленных современных литературоведческих исследований, гармонично совмещающих основательность изучения вопроса, подробность и четкость изложения материала, его иллюстративность и логичность с доступностью, ясностью, продуманной схемой подачи материала, особым стилем, позволяющим автору емко представить объемную информацию, необходимую для понимания литературного контекста, позиции И.С. Тургенева, ее своеобразия.

Во введении к книге А.В. Фокина сразу же оговаривается о достаточной изученности темы усвоения Тургеневым пушкинского наследия, однако исследовательница выбирает свою нишу и представляет новаторский подход к выбранной проблеме, совмещая уже найденные учеными прямые параллели и реминисценции с уникальным, проводимым ею анализом «влияния пушкинской традиции на художественное мироощущение Тургенева в целом и на особую жанровую форму тургеневского романа в процессе ее становления и развития» [2, с. 12].

Автор монографии показывает, как творческие связи Тургенева с Пушкиным трансформировались из простых, наглядных, элементарных, в более сложные, глубинные – генетические связи. Анализируя ранние произведения Тургенева и четыре его первых романа, А.В. Фокина обнаруживает, что ко времени написания «Отцов и детей» «органически усвоенная пушкинская традиция становится для Тургенева особым художественным ориентиром, маяком, некоей духовно-практической стратегией, организующей художественное целое произведения, освещающей его центральную коллизию и характер ее разрешения» [2, с. 69].

Согласно двум главным тезисам, заявленным уже в самом начале книги и отстаиваемым автором на ее протяжении, Тургенев, как и Пушкин, был гением русской меры, а его художественному творчеству оказался присущ особый универса-

лизм. Первый тезис используется А.В. Фокиной и при построении монографии: автор показывает, что среди литературной полемики, на фоне резких выпадов критиков разных направлений, лагерей, и даже в вопросе следования за своим предшественником, Пушкиным, Тургенев всегда чувствовал меру, золотую середину. Конечно, это чувство меры было Тургеневым у Пушкина же и заимствовано, перенято, исследовательница приходит к выводу о конгениальности Тургенева Пушкину (только в новую эпоху). По мнению автора книги, универсализм Тургенева позволил ему в середине XIX века определять пути, перспективы развития русской литературы – в образах героев Тургенева можно найти пунктиром данные фигуры будущих персонажей Толстого, Достоевского, Салтыкова-Щедрина и других писателей.

Книга А.В. Фокиной написана с опорой на важнейшие литературоведческие труды (работы И.Л. Альми, Ю.Ф. Басихина, А.И. Батюто, С.Г. Бочарова, Г.А. Бялого, И.А. Гурвич, Г.Б. Курляндской, Ю.В. Лебедева, В.М. Марковича, Н.И. Михайловой, В.С. Непомнящего, А.А. Новиковой, Л.В. Пумпянского, В.Д. Сквозникова, В.В. Тихомирова, Т.Н. Трунцевой, А.Г. Цейтлина), автор грамотно и аккуратно полемизирует с некоторыми устоявшимися мнениями, при освещении ряда проблем представляет читателю все существующие позиции ученых.

Монография состоит из введения, трех глав и заключения. Первая глава посвящена восприятию Тургеневым творчества Пушкина в литературно-критическом контексте 1840–1860-х годов. Автор показывает, что следуя за Пушкиным, Тургенев смог стать вторым гением меры только потому, что по-своему понял и принял и «пушкинское», и «гоголевское» направление, но последнее он осваивал не в том виде натуральной школы, в каком оно трактовалось Белинским и Чернышевским. В сложном переплетении литературных и критических точек зрения и позиций А.В. Фокина находит особенное место Тургенева, который, на самом деле, мог бы сказать: «Двух станов не боец, но только гость слу-

* Рецензия на монографию: Фокина А.В. Пушкинская традиция в творчестве И.С. Тургенева. – Курск: Планета, 2016. – 158 с.

чайный, / За правду я бы рад поднять мой добрый меч...» [1, с. 327].

Автор показывает и объясняет положение Тургенева «над схваткой». В первой главе монографии она иллюстрирует сложное двойственное отношение Тургенева к Белинскому, без сомнения, признающему масштаб личности критика, но не приемлющему его односторонних трактовок. Спор с крайностями Белинского, как показывает исследовательница, разворачивается на страницах романа «Отцы и дети»: «Есть все основания считать, что Тургенев ставит Базарова в ситуацию, разрешение которой полемично по отношению к мыслям Белинского, имеющим мировоззренческую опору в антропологизме Фейербаха» [2, с. 22]. А.В. Фокина отмечает, что, несмотря на сложное отношение к религии, Тургенев никогда не впадал в прямой атеизм, а его представления о противоречивой природе человека, в которой происходит вечная борьба центробежных и центростремительных начал, оказывались близкими к христианским.

Для того чтобы максимально полно понять позицию Тургенева, А.В. Фокина внимательно анализирует статьи Белинского, останавливаясь на центральных упреках критика в адрес Пушкина, а далее логично и последовательно переходит к оценке творчества Пушкина А.П. Милюковым, книга очерков которого явилась первым симптомом появления в русской литературе критики нового направления, доведившего спорные моменты пушкинских статей до парадокса.

Огромной заслугой автора книги является воссоздание литературной полемики 1840–1860-х годов: умело подбирая цитаты, А.В. Фокина объясняет столкновение позиций, разную трактовку художественных произведений Пушкина критиками, показывает видение Тургеневым ключевых проблем в произведениях Пушкина. Выбирая самые важные и ключевые суждения критиков (В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.В. Дружинина, Н.П. Боткина), но не утяжеляя рассуждений лишними подробностями, исследовательница создает целостный обзор эпохи.

Особенное значение А.В. Фокина придает встрече и общению Тургенева с Ап. Григорьевым – духовно и душевно близким писателю человеком. Исследовательница убеждена, что для Тургенева было дорого понимание Григорьевым Пушкина, «снимающее тот раздор, который наметился в современной критике и который в конечном счете отражал “разрыв связи времен”, конфликт между “отцами” и “детьми”, Белинским и его последователями» [2, с. 60]. В монографии выявлено еще детально не описанное в литературоведении и критике, только упомянутое И.Л. Альми взаимовлияние Тургенева и Григорьева. Очень интересно, что автор книги неизменно держит в поле внимания две фигуры – Пушкина и Тургенева, а при этом ведет

читателя поэтапно от критика к критику, от мнения к мнению, в итоге представляя самый важный и значимый творческий союз:

«И что же получилось в итоге?

В итоге появился цикл статей Аполлона Григорьева “Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина”. В первой статье этого цикла, где речь шла о Пушкине, Григорьев изложил и сформулировал такое понимание творчества национального гения, которое было положено в основание художественной концепции тургеневского романа “Отцы и дети”» [2, с. 60].

Во второй главе книги автор рассматривает пушкинские мотивы в ранних произведениях писателя и в романах «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне». Перед тем как обратиться непосредственно к анализу конкретных произведений Тургенева, первые из которых носят в большой степени подражательный характер, А.В. Фокина мудро предвещает читателю: идейно-художественное развитие Тургенева-писателя не было простым, в движении к лучшему, в поиске своего Пушкин для Тургенева всегда был образцом, но не таким образцом, с которого стоит делать застывшую копию, а примером в стремлении раскрыть лучшие стороны человека, уверовать в торжество добра и правды.

Предлагаемый далее читателю анализ ранних произведений Тургенева («Параша», «Андрей», «Помещик») показывает персонажей, с одной стороны, похожих на пушкинских, с другой стороны, открывающих галерею тургеневских героев и героинь – Натальи, Лизы, Елены. Автор книги представляет возможные пушкинские мотивы в повестях Тургенева; особенного интереса заслуживает сопоставление мнений обоих писателей на вопрос конечности и скоротечности человеческого бытия (повесть Тургенева «Поездка в Полесье») и на проблему способности человека к настоящей, жертвенной, не эгоистической любви (повесть «Ася»). Автор книги показывает, что создавая лежащие на поверхности текста отсылки к произведениям Пушкина, Тургенев придавал пушкинским мотивам и образам новую мелодическую окраску, делал их строительным материалом в процессе создания своего оригинального художественного мира.

А.В. Фокина предстает перед нами талантливым литературоведом, обладающим особой проницательностью. Она тонко совмещает объяснение находок Тургенева, к примеру, зарождение музыки любви в его романах, с заимствованием и творческим освоением схем поведения героев Пушкина, пушкинской характерологии. Опираясь на уже существующие в науке труды, исследовательница намечает линию динамики романного жанра у Тургенева, показывает, как находки Пушкина-поэта умело применяются Тургеневым-прозаиком.

Примечательно, что в книге очень удачно совмещается осмысление универсальных формул

Пушкина, оказавшихся в основе романов Тургенева: «Пушкиным же задана и сюжетная формула, в которой с максимальной эффективностью срабатывает “но”: “А счастье было так возможно, / Так близко!.. Но...” <...> Именно к этой формуле, наращивая на нее новую художественную ткань, восходят повести о любви и романы И.С. Тургенева...» [2, с. 80] с осмыслением типов и характеров Тургенева.

Проведенный А.Ф. Фокиной литературоведческий анализ четырех романов Тургенева с обозначаемыми параллелями с произведениями Пушкина, отличается полнотой, убедительностью: исследовательница останавливается на тех моментах, которые являются одними самых важных для понимания позиции Тургенева, вполне раскрывают его художественный замысел. Прекрасно описаны в монографии параллелизм в создании образов героев и пейзажей в романах «Рудин», «Дворянское гнездо»; проходящий через все романы образ «телеги жизни» – любимый художественный образ времени Тургенева, перекликающийся с аналогичным у Пушкина; соответствия между главными героями романа в стихах «Евгений Онегин» и главными героями Тургенева; образ Елены-птицы в романе «Накануне», предваривший собою метафорический образ женщины-птицы в русской литературе конца XIX – начала XX века; разъяснение заглавия романа «Накануне», имеющего, как показывает исследовательница, глубокий православный смысл.

Очень значимо, что при описании сходств героев автор проясняет понимание сути анализируемых произведений в целом. К примеру, рассуждая о некоторой близости образов Онегина и Панишина, исследовательница указывает на «нерв» романа «Евгений Онегин»: «роковое противоречие между скрытыми возможностями, огромными потенциалами личности и ее общественной невостребованностью», которое «выступает как несовпадение, разрыв между повседневно-бытовым обликом героя и его глубинной сутью» [2, с. 97]. Читая монографию А.В. Фокиной, мы еще раз осмыслием указанное автором значение произведений двух гениев русской литературы, созданные ими картины духовной жизни русского общества, осознаем великую силу истинной любви.

Третья глава книги посвящена пушкинской традиции и жанровому своеобразию романа «Отцы и дети». В первую очередь, автор книги обращает внимание на показательное сходство в работе писателей: и Пушкин, и Тургенев большое значение придавали вопросам, связанным с планом произведения, а тщательная предварительная проработка романов Тургеневым, создание им планов, цирку-

ляров, описаний связано со стремлением писателя противостоять хаосу, непостижимости природы. В третьей главе А.В. Фокина дает подробный анализ «Отцов и детей», указывая важнейшие смысловые пласты и ориентиры, она открывает, как роман, посвященный проверке жизненности нигилизма, становится романом о русской жизни, о страдающем человеке, вбирая в себя огромное количество скрытых параллелей.

Убедительно и точно А.В. Фокина выявляет все новые и новые грани: простые детали и подробности обретают глубокие смыслы. Поразительна история взаимоотношений Базарова и Одинцовой, представленная как попытка «лекарского сына и дьячкова внука» Евгения Базарова разбудить спящую красавицу Анну Сергеевну Одинцову (автор упоминает и о мертвой царевне, и о Клеопатре из «Египетских ночей»). Исследовательница показывает, как безответная любовь изменяет Базарова, как в нем «просыпается тайное смущение, даже какая-то растерянность перед парадоксальной силой человеческого духа» [2, с. 145]. А.В. Фокина считает, что в романе «Отцы и дети» оказалось творчески освоенным не только художественное творчество Пушкина, но и воплощены последние минуты жизни поэта, в которые он совершил решающий рывок к Богу (автор монографии приводит отрывки из воспоминаний о последних часах Пушкина): «И Пушкин, и Базаров в последние минуты жизни смогли сделать огромный, решающий рывок к Богу, чтобы душа могла “непостыдно и мирно” разлучиться с телом» [2, с. 150].

Монография «Пушкинская традиция в творчестве И.С. Тургенева» написана ясным и доступным языком, не перегружена терминологией и сложными философскими обобщениями, поэтому книга, вне всякого сомнения, станет важным источником научной информации для студентов и преподавателей филологических факультетов. Весомые открытия и наблюдения, сделанные А.В. Фокиной в области пушкиноведения, тургенеvedения, истории русской литературы середины XIX века, взаимодействия литературы и литературной критики позволяют утверждать, что монография является серьезным научным трудом, восполняющим пробел в отечественном литературоведении и позволяющим по-новому оценить творчество И.С. Тургенева 1840–1860-х годов.

Библиографический список

1. Толстой А.К. Князь Серебряный. Стихотворения. – М.: Худ. лит., 1986. – 383 с.
2. Фокина А.В. Пушкинская традиция в творчестве И.С. Тургенева. – Курск: Планета, 2016. – 158 с.

SUMMARY

ARCHAEOLOGY AND HISTORICAL SCIENCES

Yuriy N. Lyubimtsev
Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University
lyubimtsev@mail.ru

Purposes and ways of organising the Delian League (part 1)

This article is about the process of creation of the Delian League and its transformation into the Athenian Empire (arche). The foreign policy of states throughout history is connected with organising unions, in particular, military ones. These unions are created for some purpose. Thus, in the 5th century BC, Athens made an alliance so that Persia could be coerced into nonbelligerency. Athens' relations with allied poleis are examined in the article. The focus is on Athenian military operations at the first stage of the Delian League's existence (478 to 462 BC). Such historical research methods as diachronic analysis method and historio-systemic method are used in the work.

Keywords: Delian League, Athens allies' revolts, Aigion, Scyros, Carystus.

Aleksandr K. Gladkov
Universal History Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
gladkov2010@yandex.ru

“In accord with natural condition and God's law”: “ius naturale” interpretation in English political thought in the late 13th to early 14th centuries

The article is devoted to William of Ockham – the famous English Franciscan thinker, philosopher, theologian and writer – to his social and political views. The author pays a specific attention to the said thinker's “natural law” classification. This typology combines juridical and theological aspects, and includes three elements. The first element is a “natural law” of highest level, which is described in the context of “God's law” by the Scholastic and is marked as the absolute moral criterion; the second one is a man's inherent “natural law” before the Fall; and the third is a “natural law”, marked by brand of the original sin and spread among people, because it fits their vile motives. This secular “natural law” defines human society life as people appeal to it, when trying to justify property and ownership of it in contrast with God's law. Three parts hierarchy of “natural law” allows to appreciate the logic and line of arguments of William of Ockham in social and political problems, which were topical for Western Europe in the late 13th to early 14th centuries.

Keywords: medieval political thought, William of Ockham, natural law.

Anatoliy A. Mayorov
Oryol State Culture Institute
aamayorov@rambler.ru

The Vyatichi territorial groups in the 8th to 12th centuries

By the present time, quite a comprehensive dataset that allows systematising historical knowledge, per-

taining to ethno-political group of the East Slavic population traditionally referred to as the “Vyatichi tribe”, has formed in the Russian historical science. Scarce chronicle reports about it is to a certain extent balanced by valuable archaeological material collected to date; that allows to proceed to the nomination of a number of fairly thoughtful and good evidences for hypotheses. This article gives arguments confirming the existence of at least four territorial groups of the Vyatichi, separated geographically and chronologically.

Keywords: Vyatichi, territorial groups, Upper Oka, Middle Oka, Upper Don, Moscow outskirts, ethnic substratum, historical fates.

Nikolay D. Chekulayev
History, Archaeology and Ethnography Institute
of Dagestani scientific centre of the Russian Academy of Sciences,
City of Makhachkala, Dagestan autonomy, Russia
bratzikow1974@mail.ru

Magomed-Pasha B. Abdusalamov
Dagestani State University of National Economy,
City of Makhachkala, Dagestan autonomy, Russia
vikingpasha@mail.ru

The True Cross fortress garrison troops supply system (1722—1735)

Exclusively on the basis of materials of funds 18 (“Derbent commandant”) and 382 (“The Commandant of the True Cross”), the True Cross fortress garrison supply, which was something St. Petersburg court paid special attention to, is considered in the article. The True Cross was the fortress founded by Peter the Great during the Persian campaign in September, 1722, in the mouth of the Sulak River and became a reliable stronghold of Tsarism in the North Caucasus. Being the important administrative and economic regional centre, the True Cross at the same time served as a foothold of the Russian face-off with Crimean and Ottoman feudal lords who had aggressive aspiration to wend their way to the Caucasian peoples' realm and influence them. The Russian government in full provided the True Cross fortress garrison with a monetary and grain allowance, satisfying all arising needs as the garrison served. The monetary allowance system of the garrison troops of the True Cross as well as in the Empire's army in general, was based on taking into account thirds of year rather than monthly payments as military personnel served. The sense was, one had to come in for its allowance in deed, not in words.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, True Cross, fortress, garrison, service, treasury, salary, military ranks.

Oksana S. Mutiyeva
Dagestani State University of National Economy,
City of Makhachkala, Dagestan autonomy, Russia
mutiewa.oksana@yandex.ru

Social support of female widows during the Caucasian War (in terms of Dagestan)

The article deals with issues related to social security of widows from the side of the state and of traditional society during the Caucasian War. An analysis

of the adduced archival materials and sources made it possible to reveal that during the Caucasian War, a female widow was socially protected. Transformation of the mechanisms of social support for a mountain-eer widow, on the part of the Tsarist government, depended on the specific political situation, taking into account the personal merit of her deceased husband and loyalty of her family to Russia. The government pursued a supportive social policy towards the widows of military officials, paying them benefits and providing moral support. It is concluded that the personal protection of the widow was guaranteed by both sharia law and Russian state laws.

Keywords: Caucasian War, Dagestan, woman, widow, social help.

Yelena M. Petrovicheva
The Stoletovs Vladimir State University
helenp94@mail.ru

Sergey S. Kharitonov
The Stoletovs Vladimir State University
ss.kharitonov@mail.ru

Political-legal views of Ivan Kharlamov, a Populist

The article analyses the views of Ivan Kharlamov, a Populist, on the issue of the clash of individual and collective principles in the politico-legal life of Russia at the second half of the 19th century. What is considered, are the problems of the state system and civil rights. The role of customary law in the sphere of peasant litigation and family relations is defined. The ideological and methodological base of the nominated Ivan Kharlamov's positions is revealed. In his works, the characteristic features of the Populist doctrine are noted: the consideration of law as a means of protecting the privileges of a wealthy minority, the priority of the ethical component over the legal one, the idea of the multistructure of the political and legal system. Defending of the civil liberties, peasant self-government, harmonisation of the norms of ordinary and Greco-Roman law in the field of peasant litigation can be considered as consequence of these ideas, as well as consideration of the labour principle as the basis of equal relationships within the family.

Keywords: Populist, political-legal views, civil rights, customary law, peasantry, rural community.

Marina B. Abekhtikova
Kostroma State University
kaf-history@ksu.edu.ru

The Russian Orthodox Church spiritual educational institutions students' strength and social composition at the turn of the 19th—20th centuries

Topicality of the studied problem is due to the increasing significance of the Russian Orthodox Church (ROC) in modern society's spiritual culture development, due to need of appraisal of its centuries-old historical experience including concerning training of priests whose activity and moral make-up in many respects define authority of Church over society, its missionary functions' efficiency. The challenge to ana-

lyse spiritual schools and seminaries students' social composition dynamics at the turn of the 19th—20th centuries, that reflects social interests and requirements of that time, and accruing crisis situations in society as well as in activity of the ROC, on the eve of the historic deterioration, is issued in this article on the basis of a wide range of sources. These questions have not received the full lighting in the ROC wide historiography yet.

Keywords: Russian Orthodox Church, religious schools, seminaries, social composition, eparchy, clergy.

Gul'naz B. Azamatova

History, Language and Literature Institute of Ufa scientific centre of the Russian Academy of Sciences
gulnaz.azamatova@yandex.ru

Organisation of Zemstvo schools in the late 19th — early 20th centuries: concerning morals and manners as well as funds

We discuss issues of organisation of morals and manners as well as of funds at Zemstvo schools in the late 19th — early 20th centuries. We provide a variety of information about school buildings, their internal environment, the most common problems of educational process organisation. We show the basic reasons of the weak economic base of Zemstvo schools: lack of finances, dependence on the support of the population. We consider the introduction of special sanitary and technical standards for construction of school buildings, describe the first experiences of district land management to establish school catering, organisation of certain types of extracurricular activities. Ground for providing children with general elementary education has been created as a result of systematic work of Zemstvo municipalities and of population's participation in national education.

Keywords: Zemstvo school, school buildings, school catering, school furniture, Zemstvo municipality, extracurricular activities, Ufa province.

Kirill O. Dimoni
Vologda State University
jeodosyprest@gmail.com

Published historical sources about the history of traditional transport system of Vologda province in the second half of the 19th — the early 20th centuries

This article is devoted to analysis of Vologda province's published sources complex about the history of road infrastructure in the second half of the 19th—the early 20th centuries. The author of this research chose the particular theme because Vologda province in the second half of the 19th—the early 20th centuries was a typical area of the European North of Russia (because of its geographical location and the great strategic importance (it was an outlet to the northern seaports)) and it had general characteristics of the European North of Russia on the infrastructure level with the predominant role of inland waterways transport and the relatively weak development of the road network – particularly in sparsely populated areas of the region. In this article,

the author wrote on the basis of classification of published sources, characterised by the features of each of their type. The author analysed legislative sources (“Logistic charter”, “Charter of Zemstvo obligations”, “Regulations on Zemstvo institutions”), office-work sources (“The memorial book of Vologda province”, “Reports of Vologda governors” and “Overview of Vologda province” for ... year. Addenda to the the governor’s report presented personally to the monarch with expression of faithful feelings”, “Memory magazines of Vologda zemstvo assembly”), statistical sources (“Military statistical Review”), periodical press materials (magazine “The waterways and highways” edited by Nikolay Aleksandrov). Particular attention is drawn to the sources of personal origin, in particular, travel diaries, and travelogues. The author analyses the composition of the travelogues’ creators, their content, gives examples of the characteristics of Vologda province roads and waterways. At the end of the article, the author comes to a conclusion of fairly complete set of published sources to make informed opinion about Vologda province road infrastructure development level.

Keywords: Russian history, transport system, high roads, steamboats, second half of 19th and early 20th centuries, historical sources.

Vladimir I. Levin

*Emperor Alexander I St. Petersburg State
Communication Lines University
vmilevin@yandex.ru*

Railroad workers’ diseases of and struggling to contain epidemics

The article examines diseases of railroad workers and epidemics control on the railways in the pre-revolutionary period in the late 19th—early 20th centuries. The study identified the causes of morbidity of railway employees. The article reveals the measures taken by the Ministry of Railways, together with the railway administration for disease control among the employees, although eliminating all shortcomings of the job (e.g. change of temperature, irregular meals, etc.) was hardly possible. Thanks to timely adoption of radical measures against Asiatic cholera, louse-borne typhus, and other infectious diseases helped to prevent extensive development of the mentioned diseases on the railways.

Keywords: health, health resort, infectious diseases, epidemic, disinfectant medical assistant, railroad transport employees.

Vladimir V. Fortunatov

*Emperor Alexander I St. Petersburg State
Communication Lines University
elena.fortunatov@mail.ru*

Reflections of the last Tsarist communication lines minister Eduard Kriger-Voynovsky on Russian revolution

Memoirs of the last Tsarist communication lines minister Eduard Kriger-Voynovsky “Engineer’s notes. Memoirs, impressions, thoughts of revolution” are presented in the article as a substantial source used by researchers obviously insufficiently. Eduard Kriger-

Voynovsky finished Saint Petersburg Communication Lines Engineers’ Institute, was in of the Communication Lines Ministry system at different positions, for instance chief of the large Vladikavkaz railroad. The memoirist narrates about the course of life, about an important role of the Russian railroads in development of the country, especially of remote regions. The attention is paid in article to the value of Eduard Kriger-Voynovsky’s reminiscence of February Revolution, of moral make-up of Nicholas II. Characteristics of the last membership of Council of Ministers which one of his members adduces, are characterised by sharpness of critical evaluation at the memoirist’s reflecting of personnel policy of the last Russian autocrat. Extremely topical and instructive reasonings and observations of the famous statesman on the causes, prerequisites and events of the Russian Revolution of 1917, on the missed opportunities of evolutionary development of the country are presented in the article. The same approach – if the country leaders in due time took necessary actions, the imminent reforms, then the history of Russia would be able to go in a different way, – passes a refrain throughout the memoirs text. In “Engineer’s notes”, repeating “if ...” represents an unreal condition about which it is accepted to say: there is no counterfactual history.

Keywords: Communication Lines Ministry, succession of revolutionary events in Russia in 1917, government, bureaucracy, civil society, reforms.

Dmitriy I. Sazonov

*Churchwide postgraduate and doctoral studies
of Saints Cyril and Methodius (Moscow)
sazonow63.12@gmail.ru*

Development of parish community life in the Russian Orthodox Church and its features from 1918 to 1988

Changes in the organisation and management of parish communities in Russia for almost the entire history of the 20th century, giving the parish the community the proper teaching of the Church status became possible only in the state in which “freedom of conscience and the free practice of religion” was not a formal Declaration, but a reality. The revival of the Russian Orthodox Church in the late 1980s continues with the return of the proclaimed Church people in the early 20th century principles of free Association of believers for growth in spiritual life. We remember those times when such a union was not possible. The article shows the role of a state, which is in favour of proclaimed ideological slogans, deprives a person right given to it and proclaimed by God and humane law.

Keywords: oecumene, congregation, parish, Church, dean, Church discipline.

Yevgeniy A. Novikov

*Kostroma State University
klarnetistt@yandex.ru*

Historiography of handicraft industry in Russia

The article is devoted to the historiography of the Russian handicraft industry. The author defined three periods of historiography and revealed the features of

the research methodology and the meaning of each of the periods. The origin of historiography was declared as the mid 19th century, and the historical development of the problems led to the establishment of a special “Commission for the Study of the Handicraft Industry”. Its tasks included, in particular, the definition of the concept of “handicraft industry”. The author analysed the definitions of the term “handicraft industry” in the understanding of different researchers of the 19th century. It was noted that the issues related to the birth of handicraft industry in Russia, the number of workers and peasants employed in this sphere, and the definition of characteristic features of the handicraft industry remained topical throughout the 20th century. In the Soviet period, the historiography of the handicraft industry is characterised by the presence of political ideology. In the post-Soviet period historiography of the handicraft industry, Marxist-Leninist conception is largely abandoned. A conclusion is increase in the number of questions, the emergence of centres for the study of the handicraft industry, such as universities, and the introduction of new sources at the present time.

Keywords: historiography, handicraft industry, small business, trade, socio-economic development, capitalism.

Ol’ga B. Pankratova
Kostroma State University
godunova_olga@mail.ru

Sergey S. Pisanov
Kostroma State University
gbcfyjd@mail.ru

State policy aimed at disfranchisement of peasantry in the 1920s to 1930s

The article deals with the state policy of Soviet power concerning the peasantry in the 1920s to 1930s. Legislative provisions concerning disfranchisement – legislative, legal and political grounds for forfeiture of a right to vote during rural soviets elections – are shown here. The article gives comparison of the RSFSR Constitution provisions (1918 and 1925), election and reelection instructions to soviets. Citizens’ initiation of legal action of examination procedure for remitter of rights to vote and infringement of this process’ legality is ascertained. The analysis of historical factors leads to a conclusion that disfranchisement allowed the new power to neutralise considerable part of the peasantry and also made possible gradual introduction of strongarm policy in solving rural problems; and finally, it created conditions for further repressive measures towards rural population.

Keywords: electoral system, Soviet power, electoral rights, disfranchisement, public enemy, elections, instruction, exploiter.

Anna S. Orlova
Moscow Pedagogic State University
annaor1888@gmail.com

The image of the “internal enemy” in 1941—1945 cinema as a reflection of the ideological policy of the Soviet state (in terms of feature films about the World War II East Front)

The article tells about the changes the image of the “internal enemy” in Soviet films in the period of participation of the USSR in World War II. The Soviet leadership wanted to unite as many people as possible in the most difficult period of the war, so the authorities decided not to show “internal enemies” in movies of 1941—1942. But the enemy captured a large territory of the USSR as the Red Army retreated rapidly, and the authorities had to clear up some business, to put it mildly. When the situation at the front became less tense, topics that were previously forbidden to run appeared in the movies; namely the reasons for the 1941—1942 retreat, presence of collaborationists among the civilians in the occupied territories. The article describes the main types of cinematic public enemies. These included representatives of population classes a priori anti-Soviet (wealthy peasants, capitalists, the intellectuals “too humane”), foes of the time of the Russian Civil War (the Whites, the Ukraine nationalists whose leader was Symon Petlyura); but a number of new characters appeared in the films in order to embody “internal enemies” and exactly to clear up the said business concerning the contradictions within the Soviet society. Particular attention is paid to appearance of movies about changes in the situation at the front. Having refused class approach in depicting the enemy in favour of national approach at the very beginning of participation of the USSR in World War II, the governing body of the USSR, later Russia, has used both ever since for justification of own strongarm domestic policy.

Keywords: ideology, cinema, propaganda, mobilisation, “knowing the enemy”, war, collaborationism.

Yekaterina N. Ionova
The Stoletovs Vladimir State University
kricity_en@mail.ru

Discussions of a terminological definition of Latin Americans in American public authorities

The article is devoted to the consideration of Latino involving in American socio-political structure. Ambiguity of terminological definitions from the very beginning was the boiling point in mutual understanding between Latino and the rest population of the USA. The wish of a certain number of state institutions to gain accurate statistical accounting non white population led to unification of the greatest minority group in the USA. Such measures were the results of political struggle between the leading political parties to win

the elections. The discussion of a standing a single ethnical group at such a high level proves it amplified influence and importance in American society. Rejection by Latin Americans themselves of categories offered by government institutions has led to concepts' substitution when Spanish-speaking representatives of the US nation, various on cultural and economic level, were at the back of the generalised formulations of "Latino" or "Hispanic". The complicated procedure of self-identification in a questionnaire did not allow involving a great part of Latinos in population census and this fact led to improper division of the country into constituencies. In the result Latin Americans turned out to be underrepresented in local, state and federal seats and it was harder for them to push their interests in legislative brunch.

Keywords: racial identification, Latino, Congress, Hispanic, Chicano, Directive 15, minority.

Natal'ya S. Mayorova
Kostroma State University
natalyamaiorowa@yandex.ru

Image of Napoléon Bonaparte in the school textbooks

The article is devoted to one of the brightest and known figures of world history – to Napoléon Bonaparte's personality. Interpretation and estimates in the school History textbooks of Napoléon Bonaparte's military-political and state activity became an object of research. Textbooks' authors to some extent carry out the analysis of the statesman's course of life and political career – this person was well a general, the First Consul, Emperor of the French – within statement of separate plots of the Russian and world history. Napoléon Bonaparte in full sense was a child of his time – the modern period. "The Son of the Revolution", the prudent politician, the charismatic commander, the skillful diplomat and the legislator – here are only the brightest sides of Napoléon Bonaparte's personality, a "self-made man" he was. Resolute, susceptible to innovations, ready to work and to assume responsibility for the made actions, capable to revive after epic fails, Napoléon Bonaparte appears as such in the majority of school textbooks. Historians and methodologists sympathise with Napoléon Bonaparte in all kinds of his roles, no doubt about it. "Napoléon's genius" image has not been frustrated even by brink of military collapse as a result of invasion of Russia: this is justified as a tragic plight and a strategic cul-de-sac.

Keywords: Napoléon Bonaparte, modern history, teaching History at schools, school History textbook.

Natal'ya I. Gorlova
Plekhanov Russian Economic University
gorlovanat@yandex.ru

Modern trends of the institute of volunteerism in Russia

The article examines key trends in the development of the volunteer movement. The conditions that had a decisive influence on the formation of the ideology and infrastructure of the Volunteer Institute were

revealed. The author shows the features of the development of the modern institute of volunteerism in Russia and its historical role in modern society. Modern volunteerism, starting from scratch, is now actively asserting itself, increasing the scale and widening the limits of its participation in all spheres of Russian society. Voluntary practice is formalised in a separate institutional system, which includes various activities, forms and levels of organisation of the volunteer movement. In the opinion of the author, the specific character of the organisation of volunteer activity is determined by its social-mass and instrumental nature, functional and content of structural components. The socio-demographic portrait of the modern volunteer is considered. Today, the main representative of the Russian volunteer movement is the youth, forming a whole line of youth volunteering. According to the author, volunteerism in Russia begins to acquire its characteristic features of development, under the influence of historical and cultural traditions, socio-economic and political factors. In addition, the change in the social and professional role of the volunteer and his status in the society led to the professionalisation of the types of services and skilled assistance that they provide.

Keywords: volunteers, volunteership movement, volunteership movement infrastructure, volunteer ideology, youth volunteering, professionalisation of volunteers, volunteer training centres.

Nikita S. Danyuk
Peoples' Friendship Russian University, Moscow
danyuk@isip.su

The Russian Federation as an object of a "colour revolution" scenario in the context of the US foreign policy approaches

The article provides detailed analysis of "colour revolution" technologies which the United States allegedly applies against Russia. The author views a series of "colour revolutions" that took place across the former Soviet republics as an element of a comprehensive US foreign policy strategy, which aims to carry out a coup d'état in Russia someday. According to the author, someone in Washington had an interest in overthrowing the Russian government in 2012 during the protest rallies in Moscow and other Russian cities. The main conclusion is that the US pursues a hostile approach in its foreign policy regarding Russia. The continuing pressure on Russia exerted through international sanctions confirms this assumption and proves that socio-economic deterioration may provide favourable conditions for foreign actors to mastermind a "colour revolution" scenario in Russia.

Keywords: "colour revolutions", Russia, USA, coups d'état, international relations, US foreign policy, diplomacy, geopolitics, bilateral relations, sanctions.

SCIENCE OF LITERATURE

Ol'ga A. Svetlakova

*Saint Petersburg State University
nerdanel63@gmail.com***Epic and idyllic in mock world
of "The House of Jealousy" by Cervantes**

This article considers the nature of genre in Cervantes' late play "The House of Jealousy", which paradoxically echoes a number of French and Italian literary works while inventively merging epic and lyric-idyllic modes in an exquisite parody structure. A part of the meaningfully structured "Eight Plays and Eight Interludes, New and Never Performed" (1615), "The House of Jealousy" is a metadrama that both critically considers the state of Spanish theatre of that time and theoretically analyses drama as a mode of art, represented in theatrical performance. "The House of Jealousy" analyses the interconnection of epic and lyric-idyllic modes through parody.

Keywords: Cervantes, genre, idyl, drama, epos, comedy, parody.

Yekaterina N. Vasil'yeva

*Saint Petersburg State University
katia_vasilyeva@mail.ru***Di Guasco brothers and French editions
of "Satyres" by Antioh Cantemir**

The two first complete editions of Antioh Cantemir's "Satyres" are French language editions which were realised thanks to Cantemir's foreign entourage and di Guasco brothers among others. The article considers the genesis and the particular characteristics of the French language editions. The following aspects are examined: 1) history of Cantemir's relationship with di Guasco brothers; 2) contribution of di Guasco brothers to the redaction and the publication of the French version of "Satyres"; 3) comparative study of the Russian authentic text and its French translation. Much attention is paid to analysis of the translator's endnotes. Through the research, the conclusion was drawn that the translation was mainly coherent to the authentic text while the notes revealed deep divergences and targeted the specific linguocultural audience. It is shown that the information about Russia comprised in the French edition endnotes goes up to the oral sources and to such written sources as travel literature, while some notes reproduce stereotypes on Russia typical for the European Rossica of the Enlightenment.

Keywords: Antioh Cantemir, di Guasco, "Satyres", translation, endnotes.

Kseniya S. Romanova

*Lomonosov Moscow State University
ksuromanova@inbox.ru***Perception of Oriental cultural and religious
realities in travel sketches "Constantinople"
by Pierre Jules Théophile Gautier
and "Bird's Shadow" by Ivan Bunin**

The article contains comparative analysis of the artistic expression of the Oriental theme, in particular, Sufi rituals, in the creative work of Ivan Bunin and

Théophile Gautier. The aim of the article is to identify the authors' philosophical and aesthetic views which have influenced their perception of Constantinople and determined the specifics of their depiction of Oriental culture. The author concludes that Constantinople, which is aesthetically different from the Western world, has remained alien for Théophile Gautier. On the contrary, philosophical conceptualisation of the Oriental theme by Ivan Bunin makes Constantinople an integral part of his artistic perceptions.

Keywords: Constantinople, perception, Sufism, Saadi, dervishes, religious and mystic dancing.

Irina A. Shishkova

*Gorky World Literature Institute, Moscow
ishishkova@yandex.ru***Victorian world etiquette
in the writing of Charlotte Mary Yonge**

The article analyses the creative writing of the famous English writer Charlotte Mary Yonge. It deals with the biographical information about her life and the factors which formed her world view and literary taste. It also regards the reasons for her popularity among readers of the middle and upper-middle classes. By her own example Yonge demonstrated loyalty to Victorian moral principles but at the same time she never forgot to entertain her readers. Her experience as an editor helped her choose the right tonality in talking with adolescents. When forming the mentality of her readership, she cared about the intellectual fund of knowledge of her readers, including into her novels the true historical data and real events which took place in the 19th century England. The works of Charlotte Mary Yonge still enjoys popularity with foreign academicians as they give a detailed description of Victorian moral values. The writer emphasised those values in the image of a little Victorian girl, portraying the latter according to the rules of "literary etiquette" (Dmitry Likhachov's term) which implies the creating of characters according to a certain mode in which speech characteristics play the lead role. The notion "literary etiquette" is closely connected with the idea of national literary etiquette. This article deals with the description of some types of behaviour patterns of an Englishwoman which have social nature peculiar to psychological and didactic children's literature.

Keywords: literary etiquette, moral values, Victorian culture, Victorian world, national mentality, psychological and didactic children's literature, readership.

Yekaterina V. Mazova

*Yaroslav the Wise State University in the City of Veliky Novgorod
katerina.mazova2015@yandex.ru***Old Scottish ballad "Thomas the Rhymer"
through the prism of the novel
"The Children's Book" by A.S. Byatt**

The article focuses on the intensive intertextual dialogue between the well-known old Scottish ballad "Thomas the Rhymer" and the fabulous inserted text "Tom Underground", which was incorporated into

the novel “The Children’s Book” by A.S. Byatt. The main attention is paid to the comparative analysis of the text fragments of the ballad and the inserted text in the novel, which allows revealing the allusive connection between the works at the level of the plot and the character-image system. There is also a duplication of the ballad storyline and the refraction of the images of its main characters in the novel, which indicates a strong intertextual connection between the works.

Keywords: A.S. Byatt, novel, fairytale, inserted text, ballad, allusion, ballad “Thomas the Rhymer”.

Cao Xuemei

*Moscow Pedagogic State University
583468988@qq.com*

Oleg V. Def’ye

*Moscow Pedagogic State University
defye56@mail.ru*

The image and motifs of “China brain” in works of Russian writers of the XVIII century

The image of “China brain” appeared in Russian literature even earlier than the image of China itself. Sporadically, it appeared in the Middle Ages, in the 17th century and then during the Petrine era. In the second half of the 18th century due to the influence of “Chinese attraction” of the European Enlightenment it became a frequent phenomenon in works of Russian writers during the Catherine’s period. The achievements of the “China brain” are “Chinese flavour”, style, art, architecture, contemplative worldview, Confucianism and they are actively assimilated, poeticised and form a special discourse in Russian cultural and literary life. The “Chinese wisdom” occupies a special place in the unity of motifs of Russian literature. The philosophical and pedagogic theory, the expressiveness of the Confucian text turn out to be the subject of creative reflection which expanded the boundaries of the philosophical and aesthetic experience of Russian literature and contributed to its development in the 19th century.

Keywords: “China Brain”, Enlightenment, motif, wisdom, excellence, beauty, Confucianism, 18th century Russian writers, perception, experience.

Ol’ga V. Shatalova

*Semyonov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogic University
shat_o_v@mail.ru*

Classical phraseology and grammar as Alexander Pushkin’s language personality component

An attempt of justification of influence of Latin, its grammatical structure and antique phraseology on language representation of the personality of Alexander Pushkin is made in the article. The analysis of poems of different years and the text of the novel in verses “Eugene Onegin” allows revealing the following forms of Latin in poetic space of Alexander Pushkin: direct citing aphorisms and steady language turns in Latin, a peculiar tracing – exact or their rather free translation, as well as creation of unique artistic images with use of steady grammatical formulae of Latin. Identification of an “antique component” in structure

of the language identity of Alexander Pushkin allows proving linguistically “art internationalism” (according to Nikolay Skatov), or “universal responsiveness” (according to Fyodor Dostoyevsky) of attitude and creativity of the Russian genius.

Keywords: Alexander Pushkin, language personality, Latin, grammar, antique phraseology, quote, tracing.

Vladimir V. Tikhomirov

*Kostroma State University
vtihom@mail.ru*

Scientific and sociocultural reception of the fairytale play “The Snow Maiden” by Alexander Ostrovsky in 20th and early 21st centuries

The present article is a continuation of the previous one – “The Snow Maiden” by Alexander Ostrovsky: the problems of estimation and interpretation (1873—1900)”, – which was published in the journal “Vestnik of Kostroma State University”. In the turn of the 19th and the 20th centuries, scientific studying of the fairytale play began, mainly concerning its mythological sources; ratio of fantastic origin and of sources of reality and morals and manners; features of poetics. Literary analysis was combined with musicological, philosophical and aesthetic, social ones. Snow Maiden’s image was transformed diversely: fairytale play’s film versions, ballet performances, different options of drama statements – up to ones of puppet theatre – have appeared. At last, the play’s heroine has become the fairy tale New Year’s character and some kind of tourist brand, thus appearing in the sphere of morals and manners and societas. In this regard “The Snow Maiden” is a unique work not only in creativity of Alexander Ostrovsky, but also in all Russian literature.

Keywords: Snow Maiden’s artistic images transformation in different art spheres, Snow Maiden’s images conversion into morals and manners and societas.

Ol’ga A. Alferova

*Lomonosov Moscow State University
Memorial and natural reserve “Museum of Leo Tolstoy’s Estate
“Yasnaya Polyana””
alferova09@yandex.ru*

Leo Tolstoy and Fyodor Strakhov

The article is devoted to relationship of Leo Tolstoy and Fyodor Strakhov. Under the influence of views of the greatest Russian writer, Fyodor Strakhov changed his life – gave up studying at the university and became a Tolstoyan. In his articles, Fyodor Strakhov explained the outlook bases created under the influence of meetings and conversations with Leo Tolstoy. The latter very much valued communication with the follower who soon became his close friend as well; Leo Tolstoy helped Fyodor Strakhov with work on articles. Leo Tolstoy included fragments from the follower’s works in the collection “Circle of Reading” – the most extensive one of wise thoughts collections made by him. Some Fyodor Strakhov’s sayings were added as well to wise thoughts collections which were created

after “Circle of Reading”: namely collections “Wise Thoughts for Every Day” and “Path of Life”. Fyodor Strakhov was so close friend of Leo Tolstoy’s own that he was let into a plan of creation of the will of the Writer concerning literary heritage which was kept in secret from the very family: Fyodor Strakhov brought one of versions of the will to “Yasnaya Polyana” and signed it as the witness on the 1st of November, 1909.

Keywords: Leo Tolstoy, “Circle of Reading”, “Wise Thoughts for Every Day”, “Path of Life”, Fyodor Strakhov, “Spirit and Matter”, “Striving for Verity”, Leo Tolstoy’s library in “Yasnaya Polyana”.

Tat’yana G. Kuchina

*Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
tgkuchina@mail.ru*

**Boris Pasternak and Vladimir Mayakovsky
in Bella Akhmadulina’s lyrical system
of intertextual connections**

The intertextual techniques of Bella Akhmadulina is viewed in the article through the lens of the references to the poems written by Boris Pasternak and Vladimir Mayakovsky. The author examines some of Bella Akhmadulina’s creative works (namely “Sne-gopad”, “The February without Snow”, “The Favour of Space. March 10”) and points out the basic ways of actualisation of the poetic pretext such as usage of Boris Pasternak’s lyrical vocabulary (“snow”, “winter”, “February”), transition from landscape plane to metapoetic one in lyrical plot, preserving the invariant structure and semantics of the precedent text (e.g. dynamics of nature is transformed into poetic inspiration in the well known Boris Pasternak’s piece “February. Get ink, shed tears...” – with the forced intensity of movement in the nature transformed to creative nervousness, poet’s inspiration), explication of the most important and constant themes of Boris Pasternak’s poetry – the unity of different things and the association of private, local existence with eternal and infinite space. The “communication” of Bella Akhmadulina’s texts with Vladimir Mayakovsky’s ones is constructed in the other ways. Plots of the precedent poems in reminiscent context are reduced but Bella Akhmadulina underlines the “sygnal” (specifically “Mayakovskyan”) words which indicate the concrete pretext. As an example of such imagery the word-combination “the Duty to the Universe” is analysed (it is borrowed by Bella Akhmadulina from Vladimir Mayakovsky’s “Conversation with a Tax Collector about Poetry”). Therefore intertextual correlation of her creations with Vladimir Mayakovsky’s poetry should be viewed as poetics of semantically “pinpoint” crossings.

Keywords: Bella Akhmadulina, Boris Pasternak, Vladimir Mayakovsky, intertext, reminiscence, allusion, expressiveness techniques.

Aleksandr S. Vinogradov

*Ivanovo State University
valex-28@rambler.ru*

**The sound of the mythopoetic space
in early creative works by Boris Pasternak**

Early poetic texts by Boris Pasternak (poetry collections “Twin in the Stormclouds”, “Beyond Barriers”) represent the formation of the author (authorial “I”) and contain important mythopoetic context of his works. The specificity of functioning of the sound as a category of poetics is analysed in the article in Boris Pasternak’s early poems. The author of the article shows that the sound is an integral element of the poet’s text structure, realising itself at different levels. Moreover, the sound becomes an organising element of the boundary time. At the same time, it leads to the inseparability of space, removing opposition inside the text. The variety of the sound (noise, hum) determines the text transformation and such text features as fragmentation and unformed space. The sound incomprehensibility represents the chaos, the crisis and the unstructured world order, the extreme fragmentation of space. The sound itself also may become an active element, therefore its objectification with the anthropomorphic features is observed. The sound becomes both an element and a character of the author’s myth.

Keywords: Boris Pasternak, sound, sound-image, rhythm, boundary time, myth.

Dina S. Gromatikopolo

*Ivanovo State University
kopolo@yandex.ru*

**Socialist Realism rhetoric system
and Soviet poetry**

The aim of this article is to show the full range of characteristics of Socialist Realism’s rhetoric system which is applied to “mass” poetry of Soviet era. The goal of the rhetoric Soviet culture, filled with propaganda and educative purpose, standardised on samples (cliche) is to demonstrate each person the absolute values and to show society how to cope and live with them. Literature withholds obligatory manifestation not to differentiate “I” and “we”; the reader and the writer are people of one social and mental group, varying only by a place in the general hierarchy. Such “homogeneity” aligned with “line-production” of writers lead to multiple verbal confusions, explainable by the very essence of dystopian rhetorics and it’s fundamental (“Newspeak”). In the de-individualised Soviet poetry, often rhetoric system itself comes to the fore, hence the mass force for Soviet poets to become graphomaniacs: when “oficiolect” (the official Soviet journalistic discourse) “swallows” poetic purpose and the author’s identity.

Keywords: Socialist Realism, rhetorics, ethos, pathos, “oficiolect”, de-individualisation, “Newspeak”.

Yelena M. Tyuleneva
Ivanovo State University
talen@rambler.ru

To the issue of internal processes in the author's supertext of Sasha Sokolov. Article 1: Transformation of the motive

The article deals with the nature of internal motions in Sasha Sokolov's corpus of texts by the example of the transformation of a specific motive of a sudden appearance and the questioning associated with it. This motive was discovered at an allusive level in "Gazebo", one of the author's last works, but it has roots in the first novel. Thus, in the course of the research it becomes possible to clarify the relationship between early and late texts, as well as the nature of the use and evolution of the motive in "A School for Fools". The studied motive is organised by the wordforms repeated throughout the text: "Those Who"/"those who" and "came"/"came and asked"; this concepts forms one of the numerous inner plot of "A School for Fools". The basis of this plot is the deconstruction of the formula "Those who came" and the semantics of violence/fear implicitly transmitted by it. Deconstruction of the formula permits to shift the focus from the aim of coming/questioning to the fact of appearance with its potentialities of beginning and finding the threshold, gap, emptiness that need to be filled. The coming/appearance turns into an exit/process, the intra-plot movement of the characters generates a new open text. The importance of developing the motive of questioning turned into a plot consists in using various versions of the dialogical form in all the following works of Sasha Sokolov; this dialogical form is represented by various methods.

Keywords: modern Russian literature, Sasha Sokolov, "A School for Fools", "Gazebo", corpus of text, motive destruction, dialogue text structure.

Ruslan Yu. Karatayev
News channel "Russia-24", Moscow
rkarataev@ygrk.ru

Consequences of Russia's conversion to digital broadcasting for the regional TV

In 2018, Russia is due to complete the transition to digital TV. The transfer of domestic TV to digital technologies is not just technical in nature, but it rather changes the whole structure of broadcasting market. Nowadays, the communicative media strategy is targeted on a mass audience, but in the medium term, the TV viewing will be distributed to personified channels of consumption. In terms of multimedia television, regional television needs to be redefined with the goal-setting of its existence. Television has no exact analogues in the world, it means that the experience of other countries cannot completely be applied in Russia. Therefore, it seems necessary to consider the process of digitalisation in the specific Russian conditions, to offer regional television programme of action "road map" in a selection of different strategies and models for the near and medium term. Practical significance of the research is that the identified criteria

allow evaluating the strategy of the ITC during the transition to digital broadcasting and to offer possible variants of development of regional TV broadcasting in Russia.

Keywords: digitalisation, regional TV, multiplatform broadcasting, content, multiplex.

SCIENCE OF LANGUAGE

Roman V. Razumov
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
rvrazumov@list.ru

Personal memoratives to writers, poets and literary critics in urbanonymic systems of the Russian Federation

The article is devoted to urbanonym dedications to writers, poets and literary critics. The research is based on the information about the systems of intracity names in Central Russia localities, as well as on the data of the time when the names appeared which was taken from toponymic reference and guide books of different Russian cities and towns. A list of names-dedications to writers, poets and literary critics of the vastest country's cities and towns can be found in the article. The author analyses differences in the choice of personalities for immortalising in provincial towns and cities and in capitals. Frequency names in cities and towns of the Central Federal District are compared in the article. The author considers the history of this type of urbanonyms in the Russian Federation and highlights the main stages in the development of names-dedications to writers, poets and literary critics. The research can help to understand the specific development of the name-dedication type.

Keywords: onomastics, urban toponymy, urbanonym, urban onymic space, memoratives, memorial names, capital, province.

Marina V. Katynskaya
The Amur State University, City of Blagoveshchensk
marinak_munfe@mail.ru

Alyona V. Zamyatina
The Amur State University, City of Blagoveshchensk
alenazamjatina@rambler.ru

The issue of complex approach to political public speech

Political communications are an inalienable part of social life, and political discourse is potentially capable of programming people's consciousness and behaviour. The paper deals with political public speech. There are separate scientific fields studying public speech: rhetoric, psychology, linguistics. Due to its complexity, political public speech is analysed integrally. The authors study the process of planning a political public speech by a speechwriter and (or) a politician who are to be aware of basic linguistic and extralinguistic factors determining pragmatic value of speech: political, social and cultural context, speech frames, speaker's personality and language means of text formation. While planning the speech one should consider a broad context that defines conceptual content and its verbalisation. Speech frames include chronotope and political public speech format. A poli-

tician's personality, image and status, social and political experience and language proficiency play a vital part in planning and performance. Text of the speech possesses a certain logical, semantic and syntactic structure as well as phonetic peculiarities that allow reaching intended pragmatic influence on the target audience. The paper presents a basic model of constructing an effective political public speech.

Keywords: political communications, political discourse, public speech, political public speech, extralinguistic factors, language means of manipulation, public speech constructing model.

Tat'yana G. Popova

*Military University
of the Russian Federation Ministry of Defence, Moscow
tatyana_27@mail.ru*

Sergey A. Stepanov

*Military University
of the Russian Federation Ministry of Defence, Moscow
sas68@mail.ru*

Marina V. Poluboyarova

*Military University
of the Russian Federation Ministry of Defence, Moscow
marina22@yandex.ru*

Terminological intensional

The article is devoted to the analysis of substantial structure of a term from the point of view of cognitive approach. The authors in detail consider formation of a multiple-valued term's substantial kernel, analysing a number of questions and problems which find direct reflection in studying of allomorphous and isomorphic characteristics. At a research of substantial terminological value, the article's authors have leaned a method of cognitive modelling of value of lexical units, an inferential method and also a statistical method. The authors of the article, on the analysis of practical material, come to conclusion that terms are directed to accurate display of reality and also, analysing multiple-valued and unambiguous terms, draw a conclusion that there is a change of limits of semantics of the term and also emergence of new values. Thus, there is a natural phenomenon in developing terminological systems that is explained by the fact that terminological units reflect process of knowledge of constantly developing reality.

Keywords: speech perception, language, speech, society, terms, value.

Yelena V. Sausheva

*Military University
of the Russian Federation Ministry of Defence, Moscow
oktober58@yandex.ru*

The role of linguistic picture of world in the process of communication

The article describes the importance of the linguistic picture of the world in the process of speech communication. The article dwells upon the features of the linguistic and conceptual pictures of the world. The author defines the linguistic picture of the world as a way of displaying reality into the mind of a human via the perception of the reality through the prism of national, cultural and linguistic interpretations of

the reality based on universal conceptual convictions. The article emphasises that the linguistic picture of the world is a general schematic representation of the reality as the linguistic picture of the world is a linguistic embodiment of how the world is perceived by a human. The article emphasises that the conceptual picture of the world presents information as the concepts based on logical, sensory-motor, and symbolic stages of perception.

Keywords: communication, picture of world, speech, linguistic picture of world, conceptual picture of world, consciousness, language.

Zalina R. Alkhastova

*Ivanovo State University
behoizalina@mail.ru*

Dictionaries of quotations in English writers' lexicography

English dictionaries of quotations which have arisen from English literary lexicography and have been singled themselves out into an independent field, are considered in the article. Sources of dictionaries of quotations go from concordances to Bible, works by Geoffrey Chaucer and William Shakespeare where a quote is of main information category. On the example of William Shakespeare's literary dictionary of quotations A Dictionary of Quotations from Shakespeare, which was published in 2008, what is considered, are current trends in drawing up literary dictionaries, the most noticeable of which, are those of culturological and educational orientation, their construction principles studied and lexicographic analysis carried out.

Keywords: English writers' lexicography, concordance, glossary, quote, dictionary of quotations from writer.

Aleksandra O. Gal'chenko

*Peoples' Friendship University, Moscow
galchenko.a@inbox.ru*

Aleksandra O. Stanchulyak

*Peoples' Friendship University, Moscow
tatyana0976@mail.ru*

The perlocutionary approach to the gender-based specifics in the emotional and evaluative vocabulary usage in advertisement texts

The article deals with male- and female-oriented advertisement texts with the intention to determine gender differences of their vocabulary as well as their influence on perlocutionary function of the advertisement text. The perlocutionary effect is viewed through its exposition in emotional evaluative vocabulary, whose gender specifics are also a matter of interest in this article. The pragmatics of the texts is based on the theory of speech acts. Gender orientation of advertisement texts substantially determines the choice of a lexical unit. Copywriters above all consider male and female stereotypes, thus manipulating the readers' subconscious natural inclinations. Research shows that emotionality does not depend on gender and inherent in both men and women. Emotional vocabulary plays the most important role in advertisement texts

as it bears the basic meaning. Its main function is to form the desired image of the product, affect the readers' feelings and emotions and bring them to buy the product. The morphological units of emotional and evaluative vocabulary are nouns, adjectives and verbs, which provide the pragmatic function of the advertisement text.

Keywords: advertisement text, gender, speech acts theory, perlocutionary effect, emotional evaluative vocabulary, text pragmatics.

Dzhanetta M. Dreyeva

*Hetagurov North Ossetian State University, City of Vladikavkaz,
North Ossetia – Alania autonomy, Russia
dshanetta@mail.ru*

Anastasiya I. Otroshenko

*Hetagurov North Ossetian State University, City of Vladikavkaz,
North Ossetia – Alania autonomy, Russia
usonsha@rambler.ru*

**English tense forms as seen in the context
of translation (exemplified by the first chapter
of the gospel of Luke in John Wycliffe
and William Tyndale)**

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the tense forms in Middle English and Early Modern English and makes an attempt to study the strategies of translation used by the English representatives of the Reformation, John Wycliffe and William Tyndale, in the use of tense forms while translating the Four Gospels from Greek into English. While analysing the first chapter of Gospel of Luke in the Greek Bible and its translations by Wycliffe and Tyndale the relations between the language means in the original text and the works of the English representatives of the Reformation are being discussed. The article provides some data on the comparative analysis of the tense forms in the three texts of the first chapter of the Gospel of Luke and on the frequency of their use in the original text and its translations. As a result of the study the article highlights a number of peculiarities in the use of tense forms in the texts under study and stresses the independence of the English representatives of the Reformation in the choice of the language means and forms under the tough circumstances of the clerical rule and negligence of the national languages. It is stressed that the authors of the early English Bible translations minded the context and the exegetical peculiarities of the text and chose various language means that were innate to the English language of the given period and instead of just using word-for-word translation.

Keywords: Gospel, Wycliffe Bible, Tyndale Bible, translation, tense forms, Middle English, Early Modern English.

Yelena B. Volkova

*Moscow Aviation Institute (Russian nation's research university)
lenka@mail.mipt.ru*

Irina A. Remennikova

*Moscow Aviation Institute (Russian nation's research university)
vladrem@list.ru*

Yelena A. Vecherinina

*Moscow Aviation Institute (Russian nation's research university)
vealek@mail.ru*

**Comparative analysis of attributive complex
sentences with non-defining relative clauses
in Russian and Romance-and-Germanic languages
(on the material of mathematical works)**

The article deals with basic structural and semantic qualities of attributive complex sentences with non-defining clauses functioning in mathematical works in Russian, English and French languages. The works of outstanding modern mathematicians in the field of differential geometry and algebraic topology served as a material for the research. These authors achieved fundamental results in the above stated fields; their works are written in an irreproachable style which serves as the basis for further studies. For the difficult material to be apprehended properly the language of mathematical works must obey some definite syntactical laws. Complex sentences with clear subordination of clauses favour to a great extent the logical consecutive statement of the mathematical text. Having more complicated structure than simple sentences they are more evident in semantic facilitating apprehension of the information being conveyed. Attributive constructions with non-defining relative clauses are highly productive among the complex sentences of the indivisible type. They are transitional as the main clause is grammatically and semantically completed, and the word to be defined does not need any extension. The non-defining relative clause can be characterised as the relevant author's remark, comment, but it really helps the reader to understand the complicated content of the main clause. In the exact sciences the word to be defined is often a formula, which members are elucidated in the relative clauses. In this case one can observe phraseologisation of some connecting relative pronouns, which is unusual for other styles. In the course of analysis of these structures in the three languages some common features as well as considerable differences are revealed, which should be taken into account at working with the texts of mathematical works in these languages.

Keywords: complex sentence, main clause, subordinate clause, attributive complex sentences with non-defining relative clause, word to be defined, relative pronoun.

Lyudmila A. Poputnikova
Kostroma State Agricultural Academy
 poputnikova@rambler.ru
Viktoriya P. Tampey
Kostroma State Agricultural Academy
 vtampey@mail.ru

Analysis of structure and features of formation of canine-research or K9 terminology in the German language

This article is devoted to the complex study of German terminology, which provides professional communication in the field of dog breeding, keeping and training. Germany is famous not only for its achievements in the field of science and technology, but also for the rich dog-expert traditions and outstanding achievements in the sphere of dog breeding and dog sports, that in turn affected the terminological activity and features of formation of the terminological system of the canine research – so-called cynology. The authors have carried out a structural and semantic analysis of the cynological terms. The main historical stages of terms formation are determined and described. Such characteristics of terminology, as its origin, model of formation, and its subject correlation, are considered. In the article, the language expression of the frame “Kinologie” is illustrated, which is a complex mental structure directed to the linguistic organisation of cynological experience. The frame is represented by terms and terminological combinations formed by the syntactic, semantic or morphological ways of term formation. The results of the research can be used not only by linguists and terminologists, but also by dog experts and K9 law enforcers for improving bilingual professional communication.

Keywords: canine research, system of terms, historical and formal-semantic features of terms, frame analysis.

Aleksandr Ye. Kuptsov
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
 kuptsov.a@mail.ru

Intensifying particles as means of topic labeling in a Spanish and a Russian sentence

The present article is devoted to problems of communicative (topical) syntax which researches language mechanisms providing functioning of a sentence in speech. Communicative partitioning distributes syntactic components depending on degree of their informational content, which is between structure of a theme representing something given (known) and structure of rheme which represents something new (unknown) and comprises, therefore, topical information. Despite the indefatigable linguists' interest in a perspective of sentence topical division, a question of specifics of functioning of means of sentence thematic-rhematic partitioning expression which matters both theoretically and practically, still remains insufficiently developed. The analysis of sentences on material of the Spanish and Russian languages shows that allocation of theme in sentence is among the most important functions of the intensifying particles, as these

lexemes serve one of communicative means of expression of topical division of a sentence.

Keywords: topical (communicative) segmentation, communicative structure, communicative function, theme, intensifying particles.

Yekaterina V. Lupanova
Military University
 of the Russian Federation Ministry of Defence, Moscow
 katya9751@rambler.ru

Military phraseological units as means of creating a positive image of the representative of the US military society

The article is devoted to images of phraseological units in the language world picture of representatives of American military subculture. The analysis of idioms revealed the presence of images that help to create a positive image of the representatives of the US army society, which is a constituent part of national culture, characterised by a particular range of images, symbols, codes, stereotypes nominating the objects of surrounding reality and developing the understanding of human inner and outer world. The article notes that image systems, underlying the military phraseological units, allow to consider the peculiarities of soldierly language world picture, reveal moral attitudes and values, study the demonstration of ethnic mentality in phraseological unit semantics. The study demonstrates that the image of a soldier, represented by phraseological units of the national language, is a personality model that establishes moral guidance within the framework of subculture and culture of English-speaking members of ethnic groups. The author comes to the conclusion that patriotism and loyalty to the country, the Constitution and moral principles, fortitude, determination and willingness to sacrifice of a representative of the American military society form a positive image of the serviceman, reconstructed in the consciousness of society at the expense of generalisation of positive qualities of the member of the military subculture with certain values and behavioural stereotypes. The author comes to the conclusion that patriotism and loyalty to the country, the Constitution and moral principles, courage, determination and willingness to sacrifice form a positive image of a soldier in the society consciousness.

Keywords: phraseological unit, military subculture, army society, language world picture, image, stereotype, linguistic cultural character type.

Natal'ya A. Nechayeva
Diplomatic Academy of the Russian Federation
 Department of Foreign Affairs, Moscow
 dip-inyaz@yandex.ru

Subjective factors of integration processes in the language of the economy

The article analyses the integration processes in the French language of the economy, conditioned by the influence of subjective extralinguistic factors. Integration in the language is considered as a process of interaction of mental and linguistic information, leading

to the creation of a new concept. From the cognitive standpoint, the appearance of a new concept in a language is interpreted as the integration of two concepts, as a result of which a new concept is created. The birth of a new meaning occurs in the process of communication, and the impulse leading to the emergence of a new concept in the language is the expansion or transformation of the vision of reality as the future. These processes are defined in the work as a situational and recurrent integration. Both processes represent the union of language creativity and the changing mental states of the individual. Manifestations of situational integration are occasional integral models that arise in a certain context; as a result of recurrent integration, individual neonyms are created, denoting a new concept, the meaning of which is fixed in special texts. Occasional models are the property of only their creator, individual neonyms are characterised by repeatability and reproducibility. Occasional models are not widely used and do not enter the vocabulary of the language, individual neonyms become terminological constants.

Keywords: situational integration, recurrent integration, occasional integral model, individual neonym, terminological constant.

Ol'ga V. Mingaleva

*Military University
of the Russian Federation Ministry of Defence, Moscow
olgamingaleva27@mail.ru*

Metaphorical models of a political discourse

The article discusses metaphorical models in a political discourse. Based on the study conducted, the author analyses metaphorical models presented in a political discourse – ‘politics’–‘war’, ‘politics’–‘theater’, ‘politics’–‘game’, etc. The article states the discourse does not unite diverse metaphorical units, but a group of metaphorical models, typical for a particular discourse. While investigating into metaphorical models of a political discourse, the author concludes the effectiveness of a metaphorical model depends on its concise and understandable form, presented as the identity of two objects, clear internal structure of frames and slots that fragment the reality and then unite independent elements of verbal impact – separate metaphorical uses of language.

Keywords: metaphor, metaphorisation, linguistic cognitive mechanisms, linguistic means, metaphorical model, discourse, political discourse.

Natal'ya S. Gromova

*Commerce and Law Institute of the Urals, City of Yekaterinburg
gromovans@mail.ru*

Verbal extremism: the problem of the boundaries of the term

The article discusses the existence of the term “verbal extremism” in juridical linguistic space, identifies the semantics of the lexemes depending on the scope of its existence, given both the normative and the author’s occasional representation in speech. Priority to this phrase is assigned in relation to others (“hate speech” “hate speech,” etc.) on the basis of its func-

tioning, simultaneously, in legal and scientific fields. Given the establishment of generic-specific relations between the terms “extremism” and “verbal extremism” a number of constitutive characteristics of the phenomena is analysed, allowing to formulate a definition. Specific instances of the investigated concepts are characterised based on the analysis of surveys of students of Sverdlovsk Region. The result of this research is to attempt to give terminology to the concept of “verbal extremism” on the legal sources and research.

Keywords: verbal extremism, hate speech, extremism, juridical linguistics, the terminological analysis of term concept.

Mariya N. Fedulova

*Military University
of the Russian Federation Ministry of Defence, Moscow
marija25@mail.ru*

Dynamic character of a discourse

The article is devoted to analysis of dynamic character of law discourse. At consecration of this question, the author of the article on a wide base of practical material stops in detail on interaction of cognitive and language structures in law discourse. The author of the paper points out that a language and law have some conventions for expressing an abstract normative meaning of law terms. On the base of practical material the author comes to the point that discourse is considered to be a token model of addressee’s and addresser’s communicative activity. At consecration of dynamic character of law discourse the author of the paper uses different linguistic methods such as method of discourse analysis, structure-and-functional method of discourse analysis, method of contextual and situational analysis and elements of stylistic analysis.

Keywords: law, discourse, speech perception, language, speech, society.

Sergey N. Kalegin

*Moscow Scientific-Research TV Institute
skalegin@inbox.ru*

Verbs and verbal formations as the syntactic basis of the text

The article presents the results of a research to identify key elements of the text, which make up its syntactic basis with the aim of determining universal language markers. As such elements, it is proposed to use verbs, verbal formations and elements of the predicate expressing modal-temporal relations, without which the construction of a sentence is practically impossible. The universality of the chosen approach and the correctness of the work direction is confirmed by historical and linguistic analysis. The results of the research can be useful to a wide range of specialists: linguists, teachers, developers of text processing systems, etc.

Keywords: text key elements, text support elements, sentence syntactic basis, sentence predicate, verb, verbal formations.

Semyon V. Maslennikov
Kostroma State University
saimon1409@mail.ru

**Onomastical space in historical pieces written
by Alexander Ostrovsky**

Proper names of in historical pieces written by Alexander Ostrovsky are considered in article. Anthroponyms join in the broad system of the art nominations which disclose character of the hero. Toponyms allow specifying setting place, developing subject line. Onomastical space of the work of art performs not only important structural and organising function, but also creates the general text semantics, explicate conceptual contents of the play.

Keywords: historical chronicles, onomastical space, onyms, toponym, anthroponym.

Svetlana Ye. Lyubimova
Kostroma State University
solnyshchenok@yandex.ru

**Anthroponyms created by science fiction authors:
semantics and structure peculiarities
(in terms of novels by Aleksey Tolstoy,
Alexander Belyaev, Grigory Adamov,
Yuriy Dolgushin)**

This article discusses proper names in literary works of sci-fi genre. The material of the study are novels by Aleksey Tolstoy, Alexander Belyaev, Grigory Adamov, Yuriy Dolgushin created and published in the 1920s—1930s. Fantastic product has no plot restrictions, so the main task of an author becomes a harmonious combination of impossible chronotop with real onomasticon. Proper names in the science fiction texts are genrecreating means. The content of onomasticon is in a direct proportion to the plot of the product. For all observed novels it is characteristic to name heroes who are from Earth for typical name models of the countries in which the action is set. If necessary to create a new, previously non-existing name (Aelita, Ichthyander) the authors semanticise such anthroponyms. In the novel by Aleksey Tolstoy “The Garin Death Ray” intercity place names play an important role that describe the space of Paris contemporary to the author. The same group of onyms in the novel by Alexander Belyaev “Amphibian Man” is much narrower, and the names of the transmission do not always coincide with the real object naming. The most numerous onym complex in the novel by Grigory Adamov is the name of the sea and ocean spaces, which is due to a submarine travel plot. Precedent names of scientists, designed to give greater credibility to scientific information, take a special place in the novel by Yuriy Dolgushin “Generator of Miracles”.

Keywords: artistic place, proper name, name created by author, onomasticon.

JURAL SCIENCES

Tat'yana S. Kovalenko
Kostroma State University
kovalenkots@mail.ru

**Influence of Russian experience
in organising judicial system on the judiciary
of Lugansk People's Republic**

The formation and development of the judicial branch of Lugansk People's Republic takes into account the experience of Russian colleagues. This is due to a number of objective circumstances. The justice of Lugansk People's Republic has absorbed the positive characteristics of the judicial system of the Russian Federation and has adopted its features, which cause a mixed reaction of the legal community in Russia itself. There are an excessive instantiation; imperfection of the mechanism of staffing of judicial personnel; “distortions” in the burden on judges etc. The author comes to the conclusion, that it is necessary to develop and adopt a long-term Programme for the development of the justice of Lugansk People's Republic, and considered the possibility of applying alternative methods of resolving legal conflicts to reduce the costs of financing judicial proceedings of Lugansk People's Republic.

Keywords: judicial system, judicial procedure, Judicial system development programme, mediation.

Natal'ya A. Babicheva
Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
babicheva_natalya@inbox.ru

**Signs of statehood in the context of the recognition
of the Lugansk People's Republic
by the international community**

The article is devoted to problematic issues of recognition of Lugansk People's Republic by the international community. The authors, based on international law and scientific principles in the field of theory of state and law, have identified features which can allow the lawyers to defend the worth and identity of a new state formations. Their analysis gave the opportunity to draw attention to The Montevideo Convention on the Rights and Duties of States held on 26 December 1933, which establishes the 4 bases for a state: 1) permanent population; 2) defined territory; 3) government; 4) capacity to enter into relations with other states. Breaking these signs to the tendencies of the state construction, the conclusions about the absence of legal obstacles for establishment of diplomatic relations of Lugansk People's Republic and recognition of its sovereignty.

Keywords: state, symptoms of state, Lugansk People's Republic, democracy, recognition, independence, sovereignty, international law, international community, United Nations.

Anzhelika M. Grachyova
Chernyshevsky Saratov State University
viksy_fox@mail.ru

The imperfection of international and Russian legislation on the status of refugees

The article considers some aspects of the UN Convention "On refugee status" as of 1951 and the Russian Federal law "On refugees". The Convention contains the basic provisions specifying the status of refugees. Despite this, there are some gaps. Thus, for example, it does not contain requirements regarding the procedure of decision making on refugee status. In turn, in the Federal law "On refugees", which is the basic law on the situation of refugees in Russia, the principles and methods of procedure for determining refugee status formulated in international law are not reflected. The author makes the conclusion that it is necessary to supplement the Federal law "On refugees" with provisions about principles and methods of procedure for determining refugee status as well as to take into account the possibility for the participation of representatives together with the refugee in the procedure of applying for asylum.

Keywords: refugee status, temporary asylum, procedure for refugee status recognition, requests for asylum, refugee's personal data, refugee's representative, asylum seekers.

Sergey P. Zhdanov
Russian Customs Academy, Moscow
zhdanov120009@yandex.ru

On discussion about a specialist's participation in law enforcement

Some of the scientific results of the doctoral dissertation "Scientific basis for the participation of a specialist in law enforcement activities" can be found in the article; these are based on the author's many years of independent research under the scientific advice of Professor Aleksandr Shumilov; these include the author's additional professional programme "Topical issues of organisation of continuous expert criminalistic support of law enforcement activities of customs authorities" (to improve the skills of official expert divisions of the Central Expert-Criminalistic Customs Administration and its regional branches) with positive discussion in the Central Expert and Criminalistic Customs Directorate.

Keywords: scientific basis, scientific results, law enforcement, specialist, specialist's participation, Central Expert and Criminalistic Customs Directorate, expert departments, expert.

Pavel Yu. Bekrenyov
Kostroma State University
ppbb7@mail.ru

The implementation of the principle of independence of local government (financial and legal aspects)

The article is devoted to the possible direction of local government reform, the relationship between the number of people and the economic potential of the municipality. The economic potential of the modern

Russian concept of local self-government is analysed. Examples of economic studies are given, showing the relationship between the size of the population and the possibility of containing various social objects. The requirements of international legal acts and the basic law of the state for financial independence of local self-government are considered. The mechanism of work of the Budget Code of the Russian Federation is analysed. To raise the question of the expediency of the existence of small municipal units taking into account the economic situation. The article provides forecasts of the further development of local self-government in Russia, taking into account foreign experience and the results of the previous stage of reform.

Keywords: local government, local authorities' financial autonomy, synergistic effect, local government budget.

Daniil A. Osipov
Russian Academy of National Economy and Civil Service under the President of the Russian Federation (Nizhny Novgorod Management Institute), City of Nizhny Novgorod
daniilosipov92@gmail.com

On the rights and duties of commissioner of legislative authority of constituent entity of the Russian Federation in interparliamentary association

Representation of legislative bodies of regions in parliamentary associations is a special type of representation, and the commissioners of regional parliament deserve the closest attention. At the same time, taking into account the tendency of increasing the number of consultative and advisory structures, the need to formalise the legal status of a commissioner in antiparliamentary association, in particular its rights and obligations, has become topical. The article notes that documents of interparliamentary associations define the rights and duties of commissioners of regional parliaments differently. A number of documents do not contain provisions on the rights and duties of commissioners of regional legislative bodies. In this regard, the author formulates the rights and duties of the commissioners of the legislative authority of the subject of the Russian Federation, not only taking into account the provisions of charters, regulations and provisions of interparliamentary associations, but also on the basis of the nature of the institution of representation and the specifics of the practical activities of delegates of regional parliaments. The author also notes that the commissioner is endowed with numerous duties and few rights. The prevalence of duties to rights is due to the fact that a commissioner is appointed to a consultative and advisory structure (rather than a government body) to achieve a highly specialised goal and to solve an exhaustive list of tasks.

Keywords: commissioner, rights of commissioner, duties of commissioner, commissioner in interparliamentary association, commissioner of legislative authority, interparliamentary association.

Aleksey G. Sirotkin
Kostroma State University
a_sirotkin@ksu.edu.ru

Property rights of a personal nature in the Russian civil law

The article is devoted to property rights inherent in personality. Based on the analysis of the characteristic of continuity right from the entitled person for the purposes of classification of property rights offered a definition of "personal property rights". The types of property rights that can be assigned to this category include: rights of claim on the alimony and about compensation of the harm caused to life or health; the right to recover compensation of moral damage; the right of the requirement of execution of testamentary refusal; pre-emptive right to purchase a share in the ownership; the right to personal use-possession (usufruct). The category of personal property rights can be classified as in proprietary rights and obligation rights. Notes of theoretical and practical importance of the study of private property rights.

Keywords: property rights, personal rights, continuity, assignment, usufruct.

Margarita L. Truhina
Russian Academy of National Economy and Civil Service
under the President of the Russian Federation, Moscow
margaritat@bk.ru

Brief description of the main types of mortgages in Germany

Today in Russian Federation the mortgage legal relations are in the stage of reform. Under the conditions of fundamental transformations, the method of comparative jurisprudence acquires substantial significance, which allows us identifying the most successfully applied legal institutions of other countries in short time frames and to implement their reception in national law. In view of the fact that Germany is traditionally considered as a model of lawmaking in the countries of continental system of law, the article considers the main reasons of mortgage's creation in Germany. The author attempts to identify a detailed classification of types of mortgages, to determine the features of the negotiable, security, general, amortisation mortgages. The author analyses the characteristic features of documentary, book, forced mortgages, mortgages with the maximum amount and for securities, security mortgage during performance of construction works.

Keywords: Germany, mortgage, types of mortgages, setting up mortgage, lend book.

Anton S. Kravtsov
Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
kravtsov-anton85@rambler.ru

Problems of perfecting of administrative-delictual legislation in the conditions of information society

The author considers some of the problems of formation and perfecting of administrative-delictual legislation in the conditions of information society in the article. What is stated, is that the formation of the new legislation on administrative responsibility requires a

qualitatively new views on the content of this institution and its place in the mechanism of protection of information legal relationship in the emerging information society. Current Code of Administrative Offences of the Ukraine as of 1984, despite many changes and additions, does not meet modern conditions of formation of information society. For example, in this legal act a separate chapter on information offences is not allocated. Therefore, information offences are in a chaotic, unsystematic order of in the different chapters of the Code, in its turn complicates the protection of information legal relationship. Analysing the Russian experience on legal maintenance of administrative responsibility in the sphere of information, the author notes that the incumbent Code of Administrative Offences of Russia for the first time in the history of the Russian legislation on administrative offences included in the composition of its Special Part of a series of norms aimed at protection of relations in the sphere of information is a positive factor, increasing the level of legal protection. In addition, in contrast to the one of the Ukraine, the Russian legislator has tried all offences, depending on the generic object united in a separate chapter Code. It is proposed in the development of a new Code of Administrative Offences to take advantage of the experience of Russia on the administrative responsibility for offences in the information sphere that will contribute to approximation of a new administrative-delictual legislation to the information legal relationships and adapting the latter to the Russian standards.

Keywords: administrative law, information society, information sphere, administrative responsibility, human rights and freedoms priority principle, information offence, administrative-delictual law.

Alla V. Kafiatulina
Ivanovo State University
kafiatulina.alla@yandex.ru

Deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities: the problem of timing

At present, the problem of the regulation of criminal penalties is at the forefront of the attention of scholars in criminal law. The significance and topicality of this problem lies in its direct connection with the effectiveness of criminal punishment and, in general, the criminal-legal prohibition. The study of the norms of the General and Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation showed that many pressing issues related to the terms of punishment in the form of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities require proper legislative regulation. The author analyses the existing measures in the legislation and the measures proposed in science to increase the terms of deprivation of the right to occupy certain positions or engage in certain activities aimed at increasing the effectiveness of this type of punishment. As a result of the research collisions are revealed, ways of their elimination are offered.

Keywords: deprivation of right, position, activity, term, punishment, appointment, previous conviction.

Vitaliy V. Pavlyukov

*Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs
ykc@mail.ru*

**The legal and organizational bases of using
a unified information-analytical system
in the internal affairs agencies**

The article considers legal and organisational bases of using and implementation of unified information-analytical system in activities of the Internal Affairs of Russian Federation. What has been considered, are concepts of searching and analytic systems. What was characterised, is analytical work, carried out in the official activity of police officers of Russian Federation. What has been analysed, is legislation; and proposed, the main accounting entity which have be included in a unified information-analytical system of internal affairs agencies. What was identified, were problems of duplication of information in searching systems of internal affairs agencies. What was offered, is a verification mechanism to verify the authenticity of data at the stage of their integration into a unified information-analytical system of internal affairs agencies. This has an important theoretical and practical significance in the process of investigating the possibilities of association and integration of data from existing searching systems into unified information retrieval system of internal affairs agencies of Russian Federation. Primarily the topicality of this article is determined by the fact that the development of informatisation in the internal affairs agencies stopped at the stage of using of information retrieval systems which do not use the capabilities of modern analytical properties and methods of information processing, unified standards and rules of access to resources of information retrieval systems, which provide the integration of data sets into unified information circuit. Except this, what was identified and legally justified, were the binding properties, which should have a unified information-analytical system in the internal affairs agencies of the Russian Federation.

Keywords: law, information, searching systems, analytical system, analytical work, unified information-analytical system, verification.

Irina G. Chapaykina

*Russian Academy of National Economy and Civil Service
under the President of the Russian Federation
(branch in the City of Kirov)
irisha-pravo@yandex.ru*

**Evolution of the local government institutions
in Russia during the second half of the 19th century**

The article depicts the questions, which are connected with the process of developing and improving the institutions of the local government in Russia after Zemstvo reform in 1864 and Municipal reform

in 1870. This article analyses the legislation of the 1890s, which is traditionally determined as “counter-reforms”. It shows the character of the legislative novels and their influence on the organisation, activity and the model of the local government as a whole. This article emphasises the interaction of the state and the local government, the changes in the Zemstvo and town representatives, the mechanism of local government institutions. It summarises the inevitability of changing the initial local government model in the 1860s—1870s and its transformation into a new and more complicated level of the evolution that also requires more complete legislation regulation.

Keywords: Zemstvo and municipal self-government, governmental control, provincial office, counter-reform, electoral system, governor, legislation regulation.

UNIVERSITY SCIENTIFIC LIFE

Boris V. Petelin

*Cherepovets State University
pbwtscherepowez@mail.ru*

The unequal fight

The new monograph by the doctor of historical sciences Boris Khavkin is a result of long-term researches of a topical theme of the German history relating to the period of fight of the German anti-fascists against the Nazi regime of 1933—1945. Resistance was significant, thousands of fighters of different political views and beliefs participated in it, but it has appeared to be insufficient to overthrow Hitler. Nevertheless, the author writes, that Resistance to Hitler exerted considerable impact on the Allies, future Germany’s government creation and definition of this state’s place in the post-war world. The monograph is in memoriam: Aleksandr Blank, Daniil Melamid (Mel’nikov), Lev Kopelev, Lev Bezymenskiy, Yakov Drabkin, Aleksandr Boroznyak – the famous historians Germanists.

Keywords: Nationalsozialismus, fascism, Resistance, Red Orchestra, plot against Hitler, World War II Allies, historical memory.

Valeriya G. Andreyeva

*Kostroma State University
lanfra87@mail.ru*

**Alexander Pushkin oeuvre and being genius
enough “to know where to stop”
in the second half of the 19th century**

Anastasiya Fokina’s scientific monograph which opens process of development of Alexander Pushkin oeuvre by Ivan Turgenev, shows certain ideological and spiritual relationship of the writers, illustrates depth and capacity of the artistic worlds of the works by Ivan Turgenev.

Keywords: Anastasiya Fokina, monograph, Pushkin tradition, Ivan Turgenev’s creative work, literary process, literary criticism, oeuvre, genre form, novel.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09
Коптелова Наталия Геннадьевна
доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova
Nekrasov Kostroma State University
kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2017 – Т. 23 – № 3

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-68726 от 09.02.2017 г.

Подписано в печать 04.10.2017.
Дата выхода в свет 29.11.2017.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 38,5.
Уч.-изд. 40,0 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 302.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна